АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ОСНОВЫ ФИННО-УГОРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Марийский, пермские и угорские языки

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1976

Книга является продолжением выпусков коллективного труда «Основы финно-угорского языкознания», вышедших в 1974—1975 гг. В отличие от первого выпуска, посвященного общим вопросам финно-угорского языкознания, настоящий выпуск (как и предыдущий), содержит очерки по отдельным языковым ветвям: по марийскому, пермским и угорским языкам. К книге приложен указатель слов, относящийся ко всем трем выпускам и составленный в основном по материалу разделов, посвященных исследованию лексики языковых ветвей или финно-угорского (уральского) языка-основы.

Редакционная коллегия:
доктора филологических наук В. И. ЛЫТКИН,
К. Е. МАЙТИНСКАЯ, КАРОЙ РЕДЕИ
(ответственные редакторы);
кандидаты филологических наук
ЯНОШ ГУЯ, А. П. ФЕОКТИСТОВ,
Г. П. ЕРМУШКИН (секретарь)

О $\frac{70103-011}{042\,(02)-76}$ 343—76

© Издательство «Наука», 1976 г.

МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК[1]

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Расселение и численность марийцев. Марийцы являются одним из древнейших народов Среднего Поволжья. Вплоть до самой Октябрьской революции их официально называли «черемисы», самоназванием же марийцев всегда было «марий», «мари» (в диалектах «мары»), что означало также 'муж', 'человек', 'мужчина'. В настоящее время в значении 'человек', 'мужчина' слово *мари* уже не употребляется. Оно обозначает только понятия 'принадлежащий к национальности мари', 'муж'. С установлением Советской власти официальным названием стало «мари», «марийцы».

После Октябрьской социалистической революции марийцы получили автономию — декретом Советского правительства от 4 декабря 1920 г. была образована Марийская автономная область, которая в 1936 г. была преобразована в Марийскую автономную Советскую Социалистическую республику. Столицей республики является город Йошкар-Ола, в переводе означающий 'Красный город' (*йошкар* 'красный', *ола* 'город'). Он был основан под названием Царевококшайск в 1584 г. как крепость на левом притоке Волги — реке Малая Кокшага. Марийцы его называли Чарла 'Царский город'. В 1918 г. город был переименован в Краснококшайск, а в 1927 г. — в Йошкар-Ола.

Численность марийцев по данным переписей населения в 1897 г. составляла 365 900 чел., в 1926 г. — 426 000 чел., в 1939 г. — 481 000 чел., в 1959 г. — 504 200 чел., в 1970 г. — 599 000 чел.

Около половины марийцев проживает за пределами Марийской республики, а именно: в районах областей, смежных с Марийской АССР, — в Кировской (51 682 чел.) и Горьковской (8793 чел.) обл., Татарской АССР (15 643 чел.), а также на территории Башкирской АССР (109 638 чел.), Удмуртской АССР (7842 чел.), в Пермской обл. (6247 чел.). В незначительном количестве мари проживают в Челябинской, Саратовской, Куйбышевской, Новосибирской и др. областях Российской Федерации, кроме того — в Казахской, Украинской и Узбекской ССР.

[1] Правомерно и выражение «марийские языки», когда речь идет о литературных языках, поскольку имеются отдельные горномарийский и луговосточный марийский литературные языки.

Однако на территории Чувашской АССР, с которой граничит Марийская республика, нет марийских селений, хотя по данным последней переписи и проживает здесь 2079 марийцев.

В Кировской обл. марийцы проживают в Лебяжском, Малмыжском, Нолинском, Пижанском, Санчурском, Уржумском, Шурминском, Яранском, Кикнурском, Тужинском р-нах. В Горьковской обл. — Тоншаевском, Шарангском и Тонкинском р-нах, в Татарской АССР — Елабужском, Актанышском и Муслюмовском р-нах. В Башкирской АССР марийцы селились главным образом по рекам Белая и Уфимка с их притоками, проживают в Мишкинском, Калтасинском, Бирском, Балтачевском, Дюртюлинском, Краснокамском, Шаранском, Янаульском и в небольшом количестве в некоторых других районах республики.

В Удмуртской АССР марийские населенные пункты имеются в Алнашском, Граховском, Каракулинском р-нах; в Свердловской обл. — в Артинском, Ачитском, Бисертском, Красноуфимском, Манчажском и Сажинском р-нах; в Пермской обл. — в Осинском, Кишертском, Суксунском, Щучьеозерском р-нах.

§ 2. Из истории марийского народа. Этноним мари заимствован из древнеиранского языка. В языках индоевропейской семьи ему в значении 'человек', 'муж', 'мужчина' соответствуют санскр. marya, др.-перс. mërak, martiya, перс. mard, скиф. märd, курд. mari 'человек', фр. mari 'муж', 'супруг' (ср. также англ. marry 'жениться') [2].

Впервые марийцы упоминаются в сочинении историка готов Иордана в VI в. н. э. под названием «цармис», «сремисканс»[3], что фонетически близко к названию «черемис». Происхождение термина «черемис» до сих пор не получило удовлетворительного объяснения.

Древние марийцы, по-видимому, имели культурные и экономические связи в числе других народов, населявших Среднее Поволжье, с завоевавшими Нижнее Поволжье иранскими, а затем и тюркскими племенами (хазарами). Имеются сведения о сборе дани среди народов Среднего Поволжья, подвластных хазарам. В письме хазарского царя Иосифа к министру финансов при испанском халифе Хасан Ибн-Шапруту (около 960 г. н. э.) говорится: «Ты меня спрашиваешь о моей земле и о протяжении моего государства — уведомляю тебя, что я живу при реке Итиль. При конце этой реки находится море Джордан. При этой реке живут многие народы в городах и селах, в открытых и укрепленных местах, вот названия их: Буртас, Булгар, Сувар, Ариец, Цармис, Север и Славиун. . . Каждый из этих народов многочислен, и все они платят мне дань»[4]. Не менее интересны в этом отношении факты,

---

[2] Л. Н. Гроот. Филологические разыскания. СПб., 1899.

[3] П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, стр. 99.

[4] А. Я. Гаркави. Некоторые данные по исторической географии и этнографии России из рукописей, недавно приобретенных Императорской

приводимые в памятнике древнерусской письменности XII в. «Повесть временных лет». В нем пишется: «На Беле озере сидят весь, а Ростове-озере меря, а на Клещине-озере меря же; а по Оце, по реце, где потече в Волгу, седят мурома язык свой, а черемиса язык свой»[5].

§ 3. В настоящее время марийцы занимают те же земли, на которых они жили издревле. Однако археологические и топонимические данные говорят о том, что марийцы и родственные им финно-угорские племена (мурома и меря) в прошлом занимали более обширную территорию, доходящую с запада до поймы реки Оки, а с северо-запада — до реки Костромы [6].

Процесс формирования марийской народности (вероятно, с выделением ее из марийско-мордовской общности) археологи относят к середине I тыс. н. э. Он происходил на основе взаимоассимиляции культур Прикамско-Уральского (азелинские племена) и Волго-Окского (позднегородецкие племена) бассейнов. На Вятке ассимилирующими явились первые, а на Ветлуге — вторые, они и дали основу для формирования луговых (азелинские племена) и горных (позднегородецкие племена) марийцев [7]. Процесс разделения единой древнемарийской народности на диалектные группы был длительным, и вопрос о возникновении довольно сильно различающихся групп мари — луговых и горных — нельзя считать окончательно решенным. Несомненно одно: в XV—XVI вв. деление на горных и луговых мари уже существовало, об этом свидетельствуют письменные источники того времени: «Две бо черемисы бе в Казанской области. . . ; едина убо черемиса об сю сторону Волги сидят, промеж великих гор, по удолиям, и та словет горная; луговая же черемиса об ону сторону Волги живет, и та ся наричет луговая»[8].

Существование марийско-мордовской общности некоторыми учеными берется под сомнение, так как в настоящее время эти языки очень сильно разошлись, история этих языков дает мало материала, который мог бы служить доказательством волжской общности языков [9].

Однако в истории волжских языков имеются отдельные моменты, свидетельствующие о существовании (по-видимому, непродолжительное время) марийско-мордовской языковой общности. Общими для этих языков (эрзя-мордовского, мокша-мордовского и марийского) являются некоторые грамматические особенности:

публичной библиотекой. «Труды Археолог. съезда в России», т. I, отд. 2. Казань, 1884, стр. 254.

[5] ПСРЛ I 10—11.

[6] См.: К. А. Четкарев — Тр. Мар. VI; статьи Г. А. Архипова, И. С. Галкина, Е. И. Горюновой, Л. Л. Трубе — Происх. мар. 36—52, 203—210, 70—78, 210—214.

[7] Г. А. Архипов — Происх. мар. 41—42, 46.

[8] «Казанская история». М.—Л., 1954, стр. 86.

[9] См. Ф. § 33.

древняя система падежей (наличие форм s-овых направительных падежей, аблатива, генитива с одними и теми же показателями); особые формы местоимений (ср. мр. *тумбалне*, э. *томбалне* 'на той стороне'); ряд фонетических процессов — сужение гласных, отпадение конечных гласных или даже слогов, ассимиляция согласных и др.; наличие ряда словообразовательных суффиксов, форм глагола и др., а также слов, общих для волжской группы финно-угорских языков, т. е. слов, встречающихся только в мордовском и марийском языках (мр. *йошкарге*, э. *якстере* 'красный'; мр. *киш*, м. *кяше*, *кеше* 'смола', 'живица'; мр. *мураш*, э. *морамс* 'петь'; мр. *муш*, э. *мушко* 'кудель'; мр. *тошто*, э. *ташто* 'старый' и др.).

§ 4. Древние марийцы после распада волжской общности довольно долгое время контактировали с пермскими племенами, их близкими соседями на северо-востоке. На это указывают данные археологии, топонимии и языка. Удмурты и в настоящее время являются соседями мари, и нередко удмуртские деревни перемежаются с марийскими. Не случайным поэтому следует считать наличие марийских деревень, носящих название *Одосола*, что значит 'Удмуртская деревня' (*одо* — наименование удмуртов в марийском языке), или включающих компонент *одо* в свое название: *Одобеляк* (Куженерский р-н МАССР), *Одо* (Яранский р-н Кировской обл.), городище *Одо илем* (около Санчурска), *Одо илем* (Оршанский р-н МАССР) [10]. На длительный контакт с пермскими племенами указывает большое число марийских слов, общих с пермскими, т. е. встречающихся только в марийском и пермских языках. Из 700 (приблизительно) слов общефинно-угорского происхождения, имеющихся в марийском языке, большинство является общими с пермскими языками. Сюда входят названия явлений природы, частей тела, животных и т. д.[11]

Марийские деревни в Прикамье, Приуралье и на Урале возникли в результате переселения мари с Поволжья, что, вероятно, началось еще до XVI в. как результат протеста марийского населения против притеснений, чинимых мурзами Казанского ханства [12]. Марийцы, спасаясь от угнетения, уходили в необжитые глухие места пышнеи Башкирии и Урала.

Следующий поток переселенцев приходится на конец XVI в., когда марийцы, спасаясь от репрессий, проводимых ставленниками Ивана IV после взятия Казани (часть луговых мари выступала в составе ханского воеводства), бежали с обжитых мест в чужие края. В этот период происходят массовые восстания марийцев против притеснений, чинимых царскими чиновниками.

Массовое переселение на Восток наблюдается в конце XVII—начале XVIII в. Объясняется оно экономическими (подушная

[10] И. С. Галкин — Происх. мар. 27; Тр. Удм. XVIII 141—144.
[11] Г. Берецки — Congr. I 202—203.
[12] А. Саввич — «Исторический журнал», 1938, № 5; Г. Н. Айплатов — Происх. мар. 140—146.

подать, рекрутские наборы) и религиозными притеснениями (насильственная христианизация), проводимыми царским правительством, церковью.

Переселение мари на Восток происходило и позднее — в XIX в. В поисках лучших земель марийцы добровольно переселялись целыми деревнями не только на Урал, но и в Сибирь. На новых местах марийцы вступали в определенные взаимоотношения с местным населением, каковыми в этом районе были башкиры и татары. Язык пришлого марийского населения в этих районах со временем претерпел значительные изменения (особенно в лексике) под влиянием тюркских языков и в настоящее время считается особым, восточным, наречием марийского языка.

§ 5. В марийском языке нашли отражение те экономические и культурные связи, какие имел народ в своем историческом развитии. Иноязычное влияние отразилось во всех уровнях марийского языка — фонетике, лексике, морфологии и синтаксисе. В большей степени оно наблюдается в фонетике и лексике.

Наиболее мощный древний пласт иноязычных слов в марийском представляют тюркские заимствования, проникавшие в язык в течение многих веков. Период влияния тюркских языков на марийский начинается с VII в. н. э., когда в район Волго-Камья стали приходить (со стороны Северного Кавказа и Приазовья) булгарские племена, основавшие затем на Волге г. Булгар, столицу могущественного Булгарского государства. Булгары имели интенсивные торговые связи с купцами Средней Азии, арабских стран, древней Руси. Булгарские купцы торговали медом, пушниной, воском и другим сырьем, значительную часть которого скупали у окружающего населения (в том числе и у марийцев).

В начале XIII в. на Булгарское государство обрушились татаро-монгольские орды, и с начала XIV в. г. Булгар как административный и культурно-экономический центр перестал существовать. Часть волжских булгар, а именно сува, или сувар, ассимилировала местное финно-угорское население (вероятнее всего марийское), вследствие чего сформировалась чувашская народность. Чувашский язык сложился под сильным воздействием марийского и, возможно, некоторых других финно-угорских языков, ныне исчезнувших [13].

После гибели Булгарского государства Марийский край находится под гнетом татаро-монгольского владычества, а затем входит в состав Казанского ханства до тех пор, пока оно не было завоевано и присоединено к Русскому государству в середине XVI в.

Тюркское (особенно чувашское) влияние на все стороны жизни марийцев оказалось весьма сильным. Оно получило отражение в марийском языке, а на диалектном уровне продолжается и в настоящее время. В марийский язык вошло большое число тюрк-

[13] Б. А. Серебренников — Уч. зап. Чув. XIV, 1956.

ских лексических заимствований, включая и личные имена. Тюркские языки оказали сильное влияние и на фонетику марийского языка [14]. Анализ тюркских заимствований показывает, что большинство из них чувашского происхождения, татарских же значительно меньше [15]. Особенно это заметно на горномарийском и северо-западных диалектах, в которых чувашских заимствований значительно больше, чем в луговом наречии.

В восточном наречии марийского языка имеется большое число поздних заимствований (начало XVI в.) из татарского и башкирского языков, кроме того, наблюдается вытеснение некоторых общемарийских слов (часть их финно-угорского происхождения) башкирскими и татарскими, например: мр.-луг. *ужга*, мр.-в. kürʒk < башк. *kүrek* 'шуба', мр.-луг. *лудаш*, мр.-в. okaš < тат. *уку* 'читать'.

Под влиянием тюркских языков в марийском изменилась система ударения (сходство в постановке словесного ударения в чувашском и луговом марийском) [16], возникла гармония по огубленности и др. Тюркским влиянием объясняется также возникновение в марийском языке ряда словообразовательных и словоизменительных суффиксов, развитие в марийском системы сложных форм прошедших времен, кратких и полных форм прилагательных и т. д. (см. § 41, 44, 45, 47, 67, 78).

§ 6. Наиболее поздними по происхождению в языке марийцев являются русские заимствования. В марийском нет заимствований, относящихся к периоду общеславянской общности. Имеются слова из древнерусского языка, но они, по всей вероятности, проникли в марийский из языка булгар, которые, как известно, имели с древней Русью торговые связи. К таковым относятся некоторые слова, связанные с домашним обиходом и хозяйствованием, например: *тренча* || *транза* < чув. *тĕренче* 'дранка', 'драница'; *кӱнчыла* || *кынзала* < чув. *кенчеле* 'кудель'; устарелое *кыремга* || *кӹревенга* < чув. *кĕревенке*, *кĕренке* 'фунт' < русск. *гривна*, *гривенка* [17].

Непосредственное заимствование из русского языка в марийский началось с приходом русских в Поветлужье (XIII—XIV вв.). «В XIV в. создастся Суздальско-Нижегородское княжество, включающее в сферу своего влияния горномарийское население. Марийское население среднего и верхнего течений Ветлуги и верховья Унжи в XIII—XIV вв. испытывало русское влияние в основном со стороны Галичского княжества» [18]. В середине XVI в.

---

[14] См. главу «Фонетика» настоящей работы. стр. 32—42.
[15] Räs. Tschuw. Lehnw.; Räs. Tat. Lehnw.
[16] Б. А. Серебренников. — Уч. зап. Чув. XIV.
[17] Здесь и далее знаком // отделены варианты слов, фонем, аффиксов и т. д. двух литературных языков; на первом месте находится вариант из луговосточного, на втором (после //) из горномарийского литературного языка.
[18] «Очерки истории Марийской АССР». Йошкар-Ола, 1965, стр. 60—61.

(после взятия в 1552 г. войсками Ивана IV Казани, причем в союзе с русскими выступали и марийцы, главным образом горные) Марийский край вошел в состав Русского государства, и вскоре на марийских землях был построен ряд городов-крепостей: в 1574 г. — Кокшайск (на левом берегу Волги, близ устьев Большой и Малой Кокшаги), в 1583 г. — Козьмодемьянск (на правом высоком берегу Волги), в 1584 г. — Царевококшайск (в дремучих лесах на берегу Малой Кокшаги), Санчурск и Уржум, в 1591 г. — Яранск. Выстроенные города населялись русскими (стрельцами, служилыми людьми, приказными, духовенством, торговыми людьми и пр.), приток русских слов в марийский с этого времени непрерывно растет и в настоящее время составляет значительную часть лексики марийского языка.

Особенно увеличилось число русских заимствований в советское время в связи с интенсивным участием марийцев в общественно-политической и экономической жизни страны, а также ликвидацией неграмотности среди населения. Марийцы в настоящее время в подавляющем большинстве владеют русским языком, хотя бытовая разговорная речь в домашнем обиходе обычно ведется на марийском языке.

§ 7. Д и а л е к т ы. На диалектные расхождения, существующие в марийском языке, исследователями было обращено внимание давно [19].

Долгое время считалось, что марийский язык распадается на три основных наречия: луговое, горное, восточное. В последнее время предлагается иная классификация наречий марийского языка: диалекты, бытующие на территории к северо-западу от Марийской республики (в пограничных районах с Кировской и Горьковской обл.), рядом языковедов республики выделяются в четвертое, так называемое северо-западное наречие, т. е. в особое наречие объединены диалекты, часть которых по давно установившемуся делению на три наречия принадлежала к говорам горного наречия (яранский говор), а другие считались переходными, включающими в себя черты как лугового, так и горного наречий [20].

В зарубежной литературе традиционным является деление на два наречия: луговое (или восточное) и горное (или западное).

До сего времени все еще нет обобщающего исследования о диалектах марийского языка, хотя по инициативе Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории совместно с кафедрой марийского языка Марийского пединститута проделана большая работа по изучению диалектов, бытующих как на территории Марийской республики, так и за ее пределами [21].

---

[19] См.: B u d e n z J. Erdei- és hegyi-cseremisz szótár.— NyK IV; ВескеИссл.

[20] См.: Л. П. Г р у з о в. Современный марийский язык. Фонетика. Йошкар-Ола, 1960, стр. 14—31 (раздел «Введение» написан Н. Т. Пепгитовым).

[21] См.: статьи И. С. Галкина, Л. П. Грузова — Тр. Мар. XIII; И. С. Галкин — Тр. Мар. XV; Груз. Диал.

По ряду диалектов имеются монографические исследования, а также статьи, описывающие фонетические, морфологические и синтаксические особенности отдельных диалектов [22].

К настоящему времени наиболее полно изучено луговое наречие. В последние годы интенсивно велось изучение северо-западных диалектов, результатом чего и явилось выделение их в особое наречие [23].

Менее всего изучено восточное наречие: все еще не определены составляющие его говоры, их территориальное расположение. Трудности в изучении говоров восточного наречия объясняются прежде всего их разбросанностью по весьма обширной территории.

§ 8. В состав лугового наречия входят говоры: волжский (Звениговский, Волжский р-ны), моркинско-сернурский (Моркинский и Сернурский р-ны), йошкар-олинский (Медведевский, Оршанский, Советский, Йошкар-Олинский р-ны), пижанский (Пижанский р-н Кировской обл.), пектубаевский (Пектубаевский р-н), сардаяльско-арборский (Мари-Турекский р-н Мар. АССР).

Моркинско-сернурский говор лугового наречия лег в основу лугово-восточного марийского литературного языка.

В говоре восемь гласных фонем: *а, о, и, ə̂, і, е, ö, ü* и 19 согласных: *β, γ, δ, ž, z, j, k, l, l′, m, n, ń, η, p, r, s, t, č′, š*. В советское время в фонетику говора вместе с заимствованными словами вошли *f, x, c, b, t′, š′*.

Лексика говора близка к лексике литературного языка, однако беднее по лексическому запасу, кроме того, включает в себя некоторое количество узко местных слов, как например, pəcərik (лит. *шагал*) 'немножко', 'мало', ə̂zə̂ra· (лит. *пеш*) 'очень' и др.

В говоре три формы мн. числа: а) множественность однородных предметов выражается при помощи суфф. -ša·mə̂č′: ü·δə̂r-šamə̂č′ 'девушки', pört-šamə̂č′ 'дома́', šo·rə̂k-šamə̂č′ 'овцы'; б) групповая множественность лиц, состоящих в родственных, дружественных и т. д. отношениях, выражается при помощи суфф. -mə̂t: ač′a·mə̂t 'мой отец вместе с близкими, кто с ним', iza·mə̂t 'мой дядя (или старший брат) с близкими, кто с ним'; в) обстоятельственная множественность (обычно со словами, имеющими пространственное, иногда временное значение) выражается при помощи суфф. -la: jalla·šte 'в деревнях', o·lə̂kla 'луга', keč′ə̂la·šte 'на днях'.

Деепричастия предшествовавшего действия образуются при помощи суфф. *-möŋgö* (лит. *-мек, -меке*): kajmö·ŋgö 'после ухода', 'уйдя' (лит. *каймеке*).

В волжском говоре в отличие от литературного языка имеется краткая (редуцированная) огубленная гласная фонема заднего ряда среднего подъема *n*, встречающаяся на месте литературной *у*

---

[22] См., например, статьи: Н. И. Исанбаев — Тр. Мар. XVIII, а также Вопр. мар. I; З. В. Учаев — Тр. Мар. XVIII и др.

[23] ИвановТужаров Сев.-зап.; И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1971.

как в ударных, так и в предударных слогах, а в некоторых населенных пунктах и переднего ряда *n̈* на месте литературной *ӱ*: lnδo (лит. *лудо*) 'утка', mnrə̂ktaš (лит. *мурыкташ*) 'заставить петь'; n̈δn̈r (лит. *ӱдыр*) 'девушка', kn̈rtnö (лит. *кӱртньӧ*) 'железо' и др.

Специфическими для волжского говора согласными являются *ź*, *ś*, *t'*, *ŕ*, *č*, употребление которых не обусловлено их фонетическим положением: šuźo 'глухарь', iźe 'маленький', maśka 'медведь', pürŕö 'брага', šuŕe 'борона', at'a 'отец', kut'ka 'индюк', čüčkəδó 'частый', βučaš 'ждать' и др.[24]

В лексике говора наблюдаются узко диалектные слова: sarsi (лит. *пӧрткайык*) 'воробей', patrak (лит. *вагыкӱзӧ*) 'ножницы', suto (лит. *волгыдо*) 'светло' и др.

В говоре употребляется словообразовательный суфф. -č'o, -č'ó, -č'e (лит. *-зо*, *-зӧ*, *-зе*); ün̈č'əč'ö (лит. *ӱчызӧ*) 'мститель'; инфинитив долженствования образуется при помощи суфф. -mə̂la (лит. *-ман*): ludmə̂la (лит. *лудман*) 'надо читать'; форма 3-го лица ед. числа глаголов прош. I образуется с помощью окончания -eβe (лит. *-ыч*): nnno luδeβe (лит. *лудыч*) 'они читали', а отрицательная форма этого глагола — с помощью суфф. -ep: nnno ə̂š luδe·p (лит. *нуно ышт луд*) 'они не читали'.

Йошкар-Олинский говор характеризуется наличием специфических кратких гласных *n* (заднего ряда, среднего подъема, огубленный) и *n̈* (переднего ряда, среднего подъема, огубленный): pnra·k (лит. *пурак*) 'пыль', n̈mn̈l (лит. *ӱмыл*) 'тень', употреблением *c* или *l'* на месте аффрикаты *č'* в литературном: cücü (лит. чӱчӱ) 'дядя', pat'a (лит. *пача*) 'ягненок', заменой гласных: sir (лит. *сер*) 'берег', βəč'kəž (лит. *вичкыж*) 'тонкий'.

В говоре имеются суффиксы, отсутствующие или же выступающие в несколько ином оформлении в литературном языке. К ним относятся суфф. -ə̂štə̂šə̂ (лит. *-се*, *-со*, *-сӧ*), образующий относительные прилагательные: ola·štə̂šə̂ (лит. *оласе* 'городской'); -δa, -ta (лит. *-са*, *-за*), образующий форму 2-го лица мн. числа глаголов повелительного наклонения: lutta (лит. *лудса*) 'читайте'; суфф. -eβe (лит. *-ч*, *-ыч*), образующий форму 3-го лица мн. числа прошедшего I: nnnn luδe·βe (лит. *нуно лудыч*) 'они читали'. Весьма своеобразно оформляется в говоре отрицательная форма прошедшего II: luδə̂na·m o·γə̂l (лит. *лудын омыл*) 'я не читал', luδə̂nna o·γə̂l (лит. *лудын онал*) 'мы не читали'.

Множественное число существительных образуется при помощи суфф. -ša·mə̂c (для выражения множественности однородных предметов), -mə̂t (показатель групповой множественности): jeη-šamə̂c 'люди', ač'a·mə̂t 'мой отец и те, кто с ним'.

Диалектные слова в говоре: šoršo (лит. *полан*) 'калина', iγo·δə̂m (лит. *эрдене*) 'утром', oгaβi (лит. *пӧрткайык*) 'воробей' и др.;

---

[24] Г. И. Лаврентьев — Вопр. мар. II 89—101.

большое число русских заимствований: mokro·rka 'морковь', oγu·rco 'огурец', šti 'суп' и др.

§ 9. Горное наречие в территориальном отношении и по числу говорящих на нем не имеет большого распространения (на нем говорят мари, проживающие на территории Горномарийского р-на Мар. АССР и Воскресенского р-па Горьковской обл.). Горное наречие является довольно цельным, различия в языке марийцев, проживающих в этих двух районах, незначительны. На основе козьмодемьянского (Козьмодемьянск — районный центр Горномарийского р-на Мар. АССР) говора в первые годы Советской власти был создан горномарийский литературный язык, поскольку чтение и понимание литературы горными мари на луговом наречии затруднялось из-за значительных фонетических и лексических расхождений, существующих между горным и луговым наречиями.

Фонетические особенности горного наречия проявляются в системе фонем и ударения. Вокализм его представлен 10 фонемами: *а, у, о, ы, и, е, ӓ, ӱ, ӧ, ӹ*[э]. Специфическими гласными горного наречия являются переднеязычные *ӓ* и *ӹ*, например: *ӱдӹр // ӱдӹр* 'девушка', *ава // ӓва* 'мать'.

Существуют довольно последовательные звуковые корреспонденции (особенно в первом слоге) между луговым и горным наречиями. На это в свое время обратил внимание еще М. Веске и выявил следующие звуковые соответствия между гласными лугового и горного наречий: *а // а ваштар // ваштар* 'клен'; *а // ӓ — ваки // ӓваки* 'мельница', *паша // пӓшӓ* 'работа'; *а // э* (орф. *е*) — *жап // жеп* 'время', *каласаш // келесаш* 'сказать'; *о // о — понго // понгы* 'гриб', *чонгешташ // чонгешташ* 'летать'; *о // а — вож // важ* 'корень', *когылъо // кагыль* 'пирог'; *о // ы — мошташ // мышташ* 'уметь'; *у // у — курныж // курныж* 'коршун'; *у // ы — мужыр // мыжыр* 'пара', *ужга // ыжга* 'шуба'; *у // о — кугу // кого* 'большой', *руаш // роаш* 'рубить', *ӱ // ӱ — ӱдаш // ӱдӓш* 'сеять', *шӱлаш // шӱлӓш* 'дышать'; *ӱ // и — вӱма // вимӓ* 'помочь', 'общественная помощь', *ӱмаште // имешты* 'в прошлом году'; *ӱ // ӹ — ӱӱд // ӹӹд* 'ночь', *шӱжар // шӹжӓр* 'младшая сестра'; *ы // ы — ыжсылге // ыжжылгы* 'нежный', 'мягкий'; *тыгыде // тыгыды* 'мелкий'; *ы // ӹ — вынер // мӹнер* 'холст'; *ы // и — кыша // киша* 'след'; *э // э* (орф. *е*) или *ӓ — кем // кем* 'сапоги'; *вер // вӓр* 'место', *е(э) // и — меж // миж* 'шерсть', *пеш // пиш* 'очень'; *ӧ // ӧ, ӱ, э(е), а — кӧргӧ // кӧргӹ* 'внутренность', *шӧртньӧ // шӧртньӹ* 'золото', *кӧ // кӱ* 'кто', *нӧшмӧ // нӱшмӹ* 'семя', *шӧрмыч // сермыц* 'узда', *йӧраташ // яраташ* 'любить'.

Консонантизм горного наречия в отличие от лугового включает в себя не только аффрикату *ч* [č'], но и *ц* [c], которая встречается во многих словах: *чома // цама* 'жеребенок', *кычкаш // кӹцкаш* 'запрягать' и др.; в ряде слов употребляется фонема *х*: *ола // хала* 'город', *могай-тугай // махань-техень* 'какой-такой' и др., наблюдается также весьма ограниченное употребление *ф*: *офи гань* 'стройная'.

В лексике горного наречия имеется около 1200 слов[25], непонятных для представителей лугового и восточного наречий, например: *санга || лепка* 'лоб', *сай || яжо* 'хорошо', 'хороший', *шыл || пай* 'мясо', *шагал || чӹдӹ* 'мало', *ойлаш || попаш* 'говорить', *шыгыр || тӧр* 'тесно', *шинчапун || хал* 'бровь' и др. Кроме того, понимание речи горных мари представителями других наречий затрудняется также из-за фонетических различий в общемарийских словах, например: *оржа || аржа* 'грива', *маска || моска* 'медведь' и др.

Основные различия в грамматическом строе горного и лугового наречий сводятся к формообразующим, словоизменительным и словообразующим суффиксам:

-влӓ (мр.-луг. вост. *-влак*) — для образования мн. числа: *тӓнг — тӓнгвлӓ* 'друзья' и групповой множественности: *ӓтӓ* 'отец' — *ӓтӓвлӓ* 'мой отец и те, кто с ним';

-ыштышы, ӹштышӹ (мр.-луг. *-се, -со, -сӧ*) — для образования относительных прилагательных от существительных : *оласе || халаштышы* 'городской';

-еп — для образования формы 3-го лица мн. числа наст. и прош. времени глаголов изъявительного наклонения: *огыт луд || ак лыдеп* 'не читают', *огыт мале || ак амалеп* 'не спят'.

-да, -дӓ (мр.-луг. *-са*) — для образования формы 2-го лица мн. числа глаголов повелительного наклонения: *ужса || ужда* 'зовите', *мурыза || мырыда* 'пойте';

-ышты, ӹштӹ (мр. луг. *-ышт*) — для образования формы 3-го лица мн. числа глаголов повелительного наклонения: *лудышт || лыдышты* 'пусть читают';

-ма — для образования формы 2-го лица ед. числа повелительного наклонения при вежливой просьбе: *пырема* 'зайди-ка'.

Отрицательная форма глаголов прошедшего II образуется путем прибавления к основе отрицательного деепричастия личных форм наст. времени вспомогательного глагола *ылаш* 'быть', 'являться': *лудын омыл || лыдделам* 'я не читал' (отрицательное деепричастие *лыдде* + вспомогательный глагол *(ы)лам*).

§ 10. Восточное наречие распадается на ряд все еще слабо изученных говоров: калтасинский, мишкинский, бирский, шаранский (Башкирская АССР), красноуфимский (Свердловская обл.), кунгурский (Пермская обл.), мензелинский и слабужский (Татарская АССР), малмыжский и кильмезский (Кировская обл.).

Восточные говоры имеют следующие отличительные особенности: 1) наличие в ряде говоров (мензелинском, калтасинском, бирском и красноуфимском) *ӓ*: aka·j 'тетя', 'старшая сестра', äkä·j 'головной убор замужней женщины'; 2) употребление в первом слоге *i* (в мр.-луг. *ы* и *е*): miń (мр.-луг. *мый*) 'я', tiń (мр.-луг. *тый*) 'ты', šime (мр.-луг. *шеме*) 'черный' и др.; 3) наличие *ś* и *z'* (в мр.-луг. *с* и *з*): iża (мр.-луг. *иза*) 'старший брат', maśka (мр.-луг. *маска*) 'медведь' и т. д.; 4) наличие твердого

[25] Н. Т. Пенгитов — Происх. мар. 295.

(какуминального *č* наряду с мягким *č'*: poč (мр.-луг. *поч*) 'хвост', kučo (мр.-луг. *кучо*) 'держи'; 5) показателем мн. числа во всех восточных говорах является суфф. -βlak. Для обозначения коллективной множественности в некоторых говорах (например, в кунгурском) употребляется и суфф. -mə̂t; 6) вместо послелога *деч* в ряде говоров употребляется падежное окончание -leč (в кунгурском говоре, кроме того, вместо послелога *дене* для выражения дистрибутивного значения употребляется суфф. -len): aβaleč 'от матери', kokə̂tle·n 'по два'; 7) долженствование выражается с помощью слова tijə̂š: izam tolaš tijə̂š 'мой дядя должен прийти'; 9) имеется деепричастие на -šə̂n: (соответствует деепричастиям на *-ын* и *-мек(е)* в литературном лугово-восточном): ə̂rβe·źe purə̂šə̂na·k kə̂č'kə̂ra·l'e (мр.-луг. *ырвезе пурымекыжак кычкырале*) 'мальчик, войдя закричал'.

Лексика восточного наречия включает в себя большое число слов, особенно тюркского происхождения, которых нет в литературном языке, например: oka·š (лит. *лудаш*) 'читать', para·n (лит. *пача*) 'ягненок', terke· (лит. *мöнгö*) 'домой', jalu·k (лит. шовычо) 'платок' и др.

§ 11. В северо-западном наречии различаются говоры: тоншаевский, шарангский (Горьковская обл.) и яранский (Кировская обл.).

Особенности наречия наиболее ярко прослеживаются в тоншаевском и яранском говорах, шаранский говор, являясь переходным, имеет ряд черт, общих с горным наречием [26].

Вокализм северо-западного наречия представлен гласными переднего ряда: *i*, *e*, *ö*, *ä*, *ü*, *n̤*, *ə*, заднего ряда: *a*, *o*, *u*, *n*, *ə̂*; консонантизм — согласными — билабиальными: *p*, β, *m*, переднеязычными: *l*, *r*, δ, *z*, *t*, *c*, *n*, *s*, *š*, *ž*, среднеязычными: *n'*, *l'*, *j*, *t'*, заднеязычными: *k*, η, γ. В русских заимствованиях позднего времени встречаются *f*, *x*, *b*, *č'*.

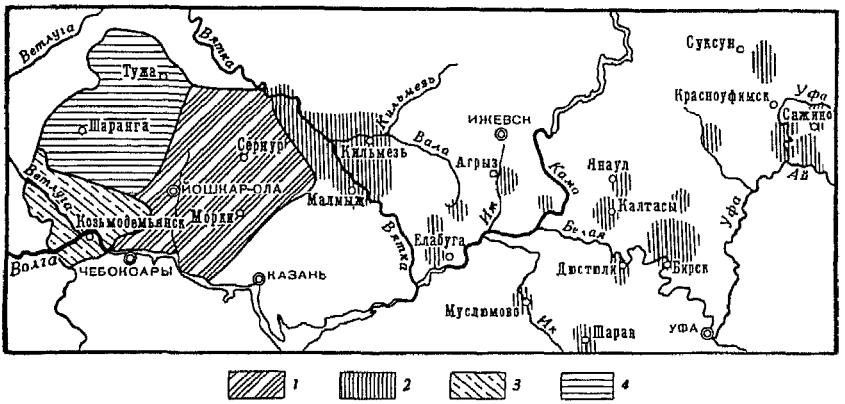
По составу согласных фонем тоншаевский говор ближе всего стоит к горному наречию, но отличается от него наличием *c* и отсутствием *č'* (однако и в йошкар-олинском говоре лугового наречия встречаются фонемы *n*, *n̤*, *c*, *l'*).

В говорах северо-западного наречия наблюдается как палатально-велярная, так и лабиальная гармония гласных. Словесное ударение приходится в основном на предпоследний слог, как и в горном наречии.

Лексика северо-западного наречия включает в себя ряд слов, отсутствующих в других наречиях марийского языка. По подсчету, произведенному И. Егоровым, в тоншаевском говоре этого наречия имеется 29,2% слов, общих с горным наречием, 21,3% — с луговым и 27,7% слов, употребляемых только в этом говоре [27], например, cici (мр.-в. jör, мр.-г. *пай*) 'мясо', nörγä (мр.-в. ümbäl,

---

[26] ИвановТужаров Сев.-зап. 11—12.
[27] Тр. Мар. V 164.



Схематическая карта диалектов марийского языка:

1 — луговое наречие; *2* — восточное наречие; *3* — горномарийское наречие; *4* —северо-западное наречие

мр. г. *патыл*) 'сливки', karak (мр.-в. zängär, мр.-г. *кловой*) 'голубой' и др.

Имеются в северо-западном и свои морфологические особенности, отличающие его от лугового и восточного наречий и во многом совпадающие с морфологией горного наречия [28].

§ 12. И с т о р и я п и с ь м е н н о с т и. Первая попытка создать письменность на марийском языке относится к XVI в. В 1555 г. казанский архиепископ Гурий (Григорий Рукотин) «для перевода религиозных текстов на марийский язык создал особый алфавит, который так и не вышел за пределы монастырей и вскоре был забыт даже самими миссионерами» [29].

Первые печатные издания на марийском языке относятся к XVIII в. Они связаны с христианизацией народов Поволжья и прежде всего с деятельностью так называемых новокрещенских школ. Первым таким памятником считается стихотворное приветствие, адресованное Екатерине II по случаю посещения ею Казанской новокрещенской школы в 1767 г., которое вошло в книгу «Духовная церемония, производившаяся во время . . . присутствия ее императорского величества государыни премудрейшия монархини и попечительнейшия матери Екатерины вторая. . .», изданной Императорской АН в 1769 г. Стихи на марийском были набраны буквами русского алфавита и с такими искажениями передавали марийскую речь, что понять их содержание было чрезвычайно трудно из-за неточной передачи марийских звуков.

Следующий памятник письменности, страдающий теми же недостатками, что и первый, «Сочинения в прозе и стихах на случай открытия Казанского наместничества» (М.,1782), где имеются

[28] ИвановТужаров Сев. вап. 13.

[29] «Очерки истории марийской литературы», стр. 12.

стихи на горном наречии марийского языка, изобилующие неправильными написаниями слов (*хумь*, что означало *уым* 'нового', *ямумь* вм. *юмым* 'бога' и т. д.), случаями необычного для марийского языка порядка слов.

Были и другие стихи панегирического характера, сочиненные на марийском языке, например, по случаю посещения в 1797 г. Казани Павлом I.

§ 13. С начала XIX в. появляются переводы церковных книг на национальные языки как результат деятельности религиозно-церковного «братства во имя святителя Гурия» при Казанском кафедральном соборе совместно с Московским миссионерским обществом. Братство св. Гурия издало ряд учебников и рассказов из священной истории. Была создана переводческая комиссия во главе с Н. И. Ильминским.

В 1808 г. архимандрит Вениамин перевел на луговое наречие марийского языка «Катехизис», в 1821 г. было издано «Евангелие» («Мя Осподьнан Иисус Христосан святой Евангелия») на горном наречии. К концу XIX в. было издано на русском алфавите около 50 книг церковно-религиозного содержания. Книги издавались отдельно на луговом, горном и восточном наречиях.

Первым учебником, составленным братством св. Гурия, был «Упрощенный способ обучения чтению черемисских детей горного населения» (Казань, 1871). В 1873 г. в Казани выходит «Букварь для луговых черемис».

Качество этих учебников было весьма невысокое, в текстах для чтения не соблюдался даже присущий марийскому языку порядок слов, допускались ошибки в употреблении грамматических форм, не был установлен фонемный состав языка. Пример из «Букваря луговых черемис» 1873 г.:

«Мый шоляй Эльмекей агулошко ялышке кая, сай мутом тунемаш, мыйн шоляйлан тау, осалом ок иште, сайн тупемеш» (стр. 6), вместо: «Мыйын Эльмекей шольым сай мутым тупемаш ялышке кая; шольымлан тау: осалым ок ышто, сайлан тунемеш» 'Мой младший брат Эльмекей, чтобы научиться доброму слову, идет в деревню, спасибо ему'.

В 1874 г. выходит «Священная история Нового завета», переведенная на луговое наречие Н. Удюрминским, для которого марийский был родным. Язык этих переводов несравненно лучше языка панегирических стихов XVIII в. — он близок к нормам марийского языка, графически звуковые особенности языка переданы довольно точно (введены буквы *ӱ*, *ӧ*, *ҥ*), хотя и наблюдается непоследовательность в передаче фонем (например, фонема *ӱ* передается то буквой *ӱ*, то *ю*). Переводы для восточных мари были изданы П. П. Ерусланoвым, например, «Букварь» (Казань, 1892), где использовались буквы: *а*, *в*, *г*, *д*, *е*, *ж*, *з*, *и*, *к*, *л*, *м*, *н*, *о*, *п*, *р*, *с*, *т*, *у*, *ч*, *ш*, *ъ*, *ы*, *ъ*, *е*, *э*, *ю*, *о*, *у*, *й*, *ҥ* [30].

[30] Тр. Мар. II 133.

Во второй половине XIX в. появляется марийская интеллигенция (главным образом учителя народных школ), в формировании мировоззрения которой большую роль сыграли русская литература и устное творчество марийского народа.

Светская печатная литература на марийском языке в дореволюционный период была представлена весьма скудно. Зарождение ее связано с революцией 1905 г. и с выходом «Марийских календарей» («Марла календарь»), издававшихся с 1907 по 1913 г. в Казани по инициативе прогрессивно настроенной марийской интеллигенции (всего вышло семь номеров). На страницах «Календаря» печатались статьи публицистического, хозяйственного, научно-популярного характера, помещались произведения марийского фольклора, оригинальные произведения первых марийских поэтов и писателей (С. Г. Чавайна, Н. С. Мухина, В. М. Васильева и др.). Тексты в «Календарях» и других изданиях были набраны русской графикой с добавлением отдельных знаков для передачи специфических для марийского языка звуков: *ӓ* [ӓ], *ӧ* [ӧ], *ӱ* [ӱ], *ы* [ə], *ҥ* [ŋ]. При написании заимствованных слов применялись буквы *я*, *е*, *ю*, *щ*, *ь*, *ѳ*, *х*, *ц*. Безударные гласные абсолютного исхода [ə], [ə] изображались знаком *ъ* (в современной орфографии *о*, *е*).

Таким образом, еще до Октябрьской революции была создана письменность на марийском языке. В основу ее была положена русская графика, позднее дополненная диакритическими знаками для обозначения специфических звуков марийского языка. Уже на страницах «Марийских календарей» можно было встретить буквы *я*, *е*, *ё*, *щ*, *ь*, *ѳ*, *х*, *ц* (в написаниях заимствованных слов).

§ 14. Из истории литературных языков. До революции марийский язык существовал для широких масс как разговорный бытовой язык и как язык народного творчества. Он был очень беден терминами науки, техники и общественно-политической жизни. Создавая переводную церковную литературу, миссионеры не ставили задачей выработку литературных норм. Впервые вопрос о нормах единого литературного языка был поставлен издателями «Марийских календарей» («Марла календарь») (см. § 13). Составители выпусков календаря в основном правильно определили диалектную базу литературного языка (как единого для всего народа) — луговое наречие со включением некоторых элементов восточного наречия, однако установить единые литературные нормы для всех марийцев составителям календарей не удалось.

§ 15. В первые годы Советской власти уездные и губернские комитеты, находящиеся в центрах различных диалектов (в Казани, Вятке, Бирске, Елабуге, Козьмодемьянске, Малмыже), стали издавать на местных диалектах газеты, журналы, литературно-художественные сборники. В художественных произведениях того времени очень сильно выступают диалектные различия.

Так, в произведениях одного из зачинателей марийской художественной литературы Г. Микая (1885—1944), сельского учителя из Татарии, в то время преобладали элементы восточного наречия, в произведениях А. Конакова (1887—1922), С. Чавайна (1888—1942), О. Шабдара (1898—1943) — элементы лугового наречия.

С образованием Марийской автономной области (1922 г.) выпуск разрозненных и разнодиалектных изданий прекратился, книги стали печататься в Москве Центриздатом и стали издаваться только на двух наречиях марийского языка: луговом и горном. Уже в 1926 г. был поднят вопрос о создании единого общенационального литературного языка, но решено было временно издавать литературу на обоих наречиях, т. е. луговом и горном. В 1926 г. организуется Марийское областное издательство, в 1927 г. — его горномарийский филиал в г. Козьмодемьянске.

Таким образом, марийский язык в настоящее время имеет две исторически сложившиеся литературные нормы: лугово-восточный и горномарийский литературные языки.

В основу лугово-восточного литературного языка лег моркинско-сернурский говор, так как на нем говорит большинство представителей лугового наречия и он наиболее близок к говорам восточного наречия. Кроме того, первые марийские писатели в большинстве своем были представителями этого говора: С. Г. Чавайн, Н. С. Мухин, В. Мухин (В. Сави) и др. В дальнейшем словарь и фразеология литературного языка пополнились за счет других говоров, в первую очередь восточного наречия. Большое количество слов вошло в литературный язык из русского, в том числе и интернациональная лексика (главным образом общественно-политические и научные термины).

В основе горномарийского литературного языка лежит козьмодемьянский говор, на котором говорит большинство представителей горного наречия.

§ 16. Графика и орфография как лугово-восточного, так и горномарийского литературного языков в послеоктябрьский период несколько раз пересматривались, но изменения вносились незначительные, основой ее всегда оставалась русская графика. В 1925 г. на 2-м съезде марийских учителей были впервые сформулированы правила марийской орфографии. Реформой марийской орфографии 1938—1939 гг. было узаконено употребление *ф*, *х*, *ц*, *щ*, (*е*, *ё*, *ю*, *я* не только в заимствованиях).

Орфография как лугово-восточного, так и горномарийского литературного языков основывается на фонетическом и морфологическом принципах с преобладанием фонетического.

Морфологический принцип действует при написании корней слов, например: мр.-луг.: *кид* [kit] ‘рука’, *кидым* [ki·ðə̑m] ‘руку’; *курҗталаш* [kurštala·š] ‘бегать’ (с многократным значением), ср. *куржаш* [kurža·š] ‘бежать’. По этому же принципу пишутся согласные в некоторых суффиксах: *-де*, *-дымо*, *-дыме*, *-дымӧ* // *-дымы*, *-дӹмы*, например: мр.-луг.: *кидде* [kitte·] ‘без рук’, *йолде* // *ялде*

[jolde· // jalde] 'без ног'; *почдымо // пачдымы* [po·č'tə̂mo // pa·č'tə̂mə̂] 'бесхвостый'. Подавляющее большинство сложных слов подчинительного типа (в них фиксируются фонетические изменения, происходящие при сложении основ) и аффиксов пишется по фонетическому принципу: *вуйвундаш // вуйвындаш* [βujβunda·š // βujβə̂ndaš] 'темя' (компоненты этого слова: *вуй* 'голова' + *пундаш // пындаш* 'дно', 'основание'); *йолгорно // ялгорны* [jolγo·rno // jalγo·rnə̂] 'тропинка' (состоит из компонентов: *йол // ял* 'нога' + *корно // корны* 'дорога'); *кидше // кидшы* [ki·tše // ki·tšə] 'его рука', но *шинчаже // сӹнзажы* 'его глаза'.

Мягкость согласных *l'*, *ń // l'*, ń, *t'* перед гласными *е*, *а*, *и* обозначается при помощи *е*, *я*, *ю*: мр.-луг.: *вынер* [βə̂ńe·r] 'холст', *мурня* [murńa] 'печная труба', *нюго* [ńu·γo], 'мелочь', 'мелкая рыбешка', *лювык* [l'u·βə̂k] 'неряха', *коля* [kol'a·] 'мышь'; мр.-г.: *оняка* [ońa·ka] 'золовка', *лявра* [l'aβə̂ra] 'грязь', *тянгыра* [t'ańγə̂ra] 'звонкий', *кӹне* [kə·ńe] 'конопля'.

Мягкость этих же согласных перед *о*, *ӧ*, *ы // о*, *ӧ*, *ы*, *ӹ* обозначается при помощи мягкого знака *ь*: мр.-луг.: *шольо* [šo·l'o] 'младший брат', *шӱльӧ* [šü·l'ö] 'овес', *выньык* [βə̂·n'ə̂k] 'веник'; мр.-г.: *оньы* [o·ńə̂] 'тесть', *тьыри* [t'ə̂·ri] 'жаворонок', *вӹтельы* [βə̂te·l'ə] 'кулик'.

Парные *n*—ń, *l*—*l'* // *n*—*ń*, *l*—*l'*, *t*—*t'* перед *е* на письме не различаются: мр.-луг.: *пане* [pa·ńe] 'ложка', *манеш* [mane·š] 'говорит', *нале* [na·l'e] 'взял', *неле* [ne·le] 'тяжелый'; мр.-г.: *тетя* [t'e·t'a] 'ребенок', *тел* [tel] 'зима', *кыне* [kə̂ńe] 'конопля', *нергы* [ne·rγə̂] 'барсук'. Мягкость согласных на конце слов, а также перед твердым согласным на письме обозначается при помощи ь: *кыльгака // кыльгата* 'приторный'; мр.-луг.: *пиньшол* 'вязель' (бот.), *тупынь* 'наоборот'; мр.-г.: *мыгыль* 'шишка', *мӹнь* 'я'. Знак ъ употребляется как разделительный перед *j* после твердых согласных: мр.-луг.: *пӧръеҥ* [pörje·ŋ] 'мужчина', *Нужъял* [nužja·l] название населенного пункта, досл. 'крапивная деревня'; мр.-г. *нӹлъяла* [nəlja·la] 'на четвереньках'. Написание поздних заимствований из русского основывается на русском правописании: *шофер*, *секретарь*, *колхоз*, *сельсовет*, *зоотехник* и др. Ряд русских заимствований, вошедших в язык в советское время, оформляется в соответствии с марийским произношением: *партий* 'партия', *Южный Корей* 'Южная Корея', *поселко* 'поселок', *задатке* 'задаток', *сутка* 'сутки', *шахмат* 'шахматы', *котлет* 'котлета', *секунд* 'секунда' и др.[31] Написание старых заимствований (тюркских, русских) полностью соответствует их произношению: *пезмен* 'безмен', *агытан // äптан* 'петух', *пача // патя* 'ягненок', *вочко // вачкы* 'кадка', *калач // калац* 'калач', *ласка // ласко* 'ласковый', 'нежный', *уржа // ыржа* 'рожь' и др.

---

[31] См.: «Марий орфографий мутер». Сост. И. С. Галкин, З. В. Учаев. Йошкар-Ола, 1972, стр. 17—18.

В горномарийском, в котором ярко выражена палатально-велярная гармония, диакритические знаки в виде двух точек ставятся над гласными *ӓ*, *ӹ* только в первом слоге слова: *вӓшкыкташ* [βäškəktäš] ‘торопить’, *нӹлымшы* [nələmšə] ‘четвертый’.

§ 17. Язык первых марийских художественных произведений был близок к разговорной речи и отражал ее диалектные особенности; употреблялись преимущественно простые предложения, сложносочиненные предложения с соединительными союзами или без союзов, из сложноподчиненных — предложения с придаточными уступительными и условными с союзами *гын*, *гынат*.

В связи с активным участием марийского народа в общественно-политической жизни и с расширением функций марийского языка в него входит много новых слов из русского: *революций*, *советский*, *продналог*, *продразверстка*, *кулак*, *нэп*, *жатка*, *кооператив*, *председатель*, *трактор* и др. Появились кальки с русского: *кредит ушем* ‘кредитное товарищество’, *лудмо пӧрт* ‘изба-читальня’, *ялкор* ‘селькор’, *ял оганлык* ‘сельское хозяйство’. Стали образовываться слова способом аффиксации типа: *мастарлык* ‘мастерство’, *гуляяш* ‘гулять’, *паспортдымо* ‘беспаспортный’ и др. На исконном марийском языковом материале возникли неологизмы: *почеламут* ‘стихотворение’, *мут вож* ‘корень слова’ и др. Вышли из употребления устаревшие слова: *тиляк* ‘писец’, *карман* // *кӓрман* ‘крепость’, *катар* ‘беда’, *патман* ‘мера в 4 пуда’ и др.

Большое количество лексических заимствований из русского языка привело к изменениям в системе фонем: в марийский язык вошли фонемы *ф*, *х*, *ц*, *б*; гласные звуки в лексических заимствованиях перестали подчиняться закону гармонии гласных: *кило*, *магазин*, *сепаратор*, *трактор* и др.

Постепенно стираются диалектные различия, особенно в речи представителей младшего поколения, что является результатом деятельности школы, театра, печати и телевидения на марийском языке.

В настоящее время на марийском издаются республиканская газета «Марий коммуна», сатирический журнал «Пачемыш» (дублировался на русском языке под названием «Оса»), литературно-художественный общественно-политический журнал «Ончыко» («Вперед») (тиражом в 1974 г. 14 000 экз.) и целый ряд районных газет.

За годы Советской власти в Марийской республике выросли промышленность, механизированное колхозное сельское хозяйство, осуществлено культурное строительство. Выросли кадры национальной инженерно-технической и научной интеллигенции, работников просвещения, медицины, литературы и искусства. В республике организован научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, имеются университет, педагогический институт с кафедрой марийского языка и литературы, политехнический институт, музыкальное училище, националь-

ный театр, республиканская библиотека, краеведческий музей, филармония, книжное издательство, выпускающее книги на русском и марийском языках.

§ 18. Большую роль в развитии языка и культуры сыграла школа. В 1918—1919 гг. открываются курсы по подготовке учителей-мари, на базе которых впоследствии были организованы педагогические техникумы, что позволило начать повсеместно обучение детей на родном языке. С введением всеобщего обязательного начального, позднее — семилетнего, а в настоящее время и среднего образования расширялась сеть школ с обучением на родном языке. Марийский язык и литература стали предметом преподавания в школах.

Современный марийский язык по сравнению с дореволюционным неизмеримо богаче по словарю, фразеологии и синтаксису. В нем чаще стали употребляться сложноподчиненные предложения, особенно с придаточными причины, цели, времени и др. На марийском языке в настоящее время можно писать научные труды, выражать сложнейшие мысли и тончайшие переживания человека.

Возникли и развиваются различные стили литературного языка: публицистический, научный, художественный и др.

§ 19. Краткая история художественной литературы. Начало возникновения художественной литературы на марийском языке связано с революцией 1905—1907 гг. В это время начали писать первые марийские писатели: В. М. Васильев (1883—1961), С. Г. Чавайн (1888—1942), Г. Микай (М. Герасимов) (1885—1944), Н. С. Мухин (1890—1943), Г. Эвайн (Г. Г. Кармазин) (1882—1943). Произведения этих лет создавались под большим влиянием устного народного творчества, и язык писателей был близок к разговорному. Так, показывая тяжелое прошлое марийского народа, писатели широко пользовались старинными народными песнями, вкладывая их в уста героев своих произведений (например, в исторической повести С. Г. Чавайна «Йыланда»). Первые стихотворения В. М. Васильева («Ӱпымарий»), С. Г. Чавайна, Г. Эвайна были напечатаны в выпусках «Марийского календаря», «Марийские календари» сыграли существенную роль в развитии марийской литературы и литературного языка. На его страницах впервые был поставлен вопрос о том, каким должен быть марийский литературный язык в условиях диалектной раздробленности языка. Печатались первые переводы из русской литературы, например, Г. Кармазина (Эвайна) «Шортньо кол дон колызо» (вольный перевод «Сказки о рыбаке и золотой рыбке» А. С. Пушкина). С самого зарождения марийской художественной литературы на нее сильное влияние оказывало творчество русских писателей-классиков.

В начале XX в. вышли из печати первые сборники рассказов и книги для чтения на марийском языке В. М. Васильева: «Марла ойлымаш-влак» («Марийские рассказы»), Казань, 1909, «Кокымшо

марла лудшаш книга» («Вторая книга для чтения на марийском языке»), Казань, 1907.

§ 20. Большой подъем в развитии марийской художественной литературы наблюдается в первые годы Советской власти, когда начинает издаваться ряд газет и журналов на марийском языке (на основных его наречиях). Многие марийские писатели именно в это время начали свой творческий путь, выступая в качестве корреспондентов газет и журналов (О. Шабдар, М. Шкетан, О. Тыныш Н. Игнатьев, В. Мухин, А. Конаков и др.). Особенно интенсивно развивается поэзия, оставаясь еще по-прежнему по художественной форме и приемам изображения очень близкой к устно-поэтическому творчеству. Марийские поэты испытывают на себе сильное влияние русской поэзии (А. С. Пушкина, Д. Бедного, В. Маяковского и др.).

В годы гражданской войны возникает драматургия (драмы А. Конакова «Поран» («Буран»), «Тулык ӱдыр» («Сиротка»), О. Тыныш (И. А. Борисова) «Закон шумлык» («Из-за закона»), Н. Игнатьева «Шык» («Жадная») и др.).

В конце 20-х годов в литературу входит ряд талантливых поэтов (Олык Ипай, Й. Кырля, М. Иванов и др.; на горном наречии пишет П. Першут), прозаиков (Я. Ялкайн, Н. Лекайн, В. Мухин и др.). Продолжают писать С. Чавайн, М. Шкетан, О. Шабдар.

В произведениях писателей 20-х годов все еще очень сильны диалектные различия. Так, в произведениях Г. Микая (1885—1944), учителя из Татарии, преобладают элементы восточного наречия, О. Шабдара (1898-1943) — элементы лугового наречия.

С начала 30-х годов из печати выходит ряд крупных произведений марийских прозаиков: драмы С. Г. Чавайна «Мӱкш отар» («Пасека»), «Акпатыр», «Илыш вӱд» («Живая вода»), роман «Элнет», романы М. Шкетана «Эрсигер», О. Шабдара «Ӱдрамаш корно» («Женская доля»), Я. Ялкайна «Онго» («Круг»), А. Эрыкана «Кучедалме тулеш» («В огне борьбы»), Н. Игнатова «Савик», повесть Д. Орая «Оляна» и др. На горномарийском выходят поэмы Н. Ильякова «Опак Микита», П. Першута «Кыткы сӱан» («Муравьиная свадьба»), сборник стихов Ш. Булата; на лугово-восточном — сборники стихов Олык Ипая, Й. Кырли, М. Иванова, Н. Тишина, М. Казакова, И. Осмина, А. Бика, В. Чалая, М. Майна и др.

§ 21. В 30-е годы на марийский язык переводятся произведения русских и советских писателей. Так, к 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина вышли из печати на марийском «Сказки», «Дубровский», «Драмы», «Стихи». Были переведены «Поднятая целина» М. Шолохова, «Мать» М. Горького, «Хаджи Мурат» Л. Н. Толстого, ряд произведений М. Ю. Лермонтова, А. П. Чехова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.

Переводятся также художественные произведения с языков других народов СССР, например, с чувашского (К. Иванов «Нарспи», Йошкар-Ола, 1958; сб. рассказов «Акай дең пырля» («Вместе с сестрой»), Йошкар-Ола, 1961), с татарского (К. На-

джми «Шошо мардеж» («Весенний ветер»), Йошкар-Ола, 1954, сб. «Татар ойлымаш-влак» («Татарские рассказы»), Йошкар-Ола, 1961), с мордовского (произведения Н. Эркая, А. Малькина, А. Мартынова, С. Платонова, И. Девина и др.).

Появились и переводы с марийского на русский: М. Шкетана «Эренгер», «Рассказы», А. Волкова «Ксения» (пьеса была поставлена театром им. Ермоловой в Москве), «Избранные стихи» М. Казакова, «Гусли поют о счастье» М. Майна, «Пьесы» С. Николаева, антология «Марийская поэзия», пьеса Н. Арбана «Черный волк» и др.

Язык художественной литературы в этот период становится богаче (в литературный язык вошло большое число заимствованных слов, обогащение его шло и за счет включения диалектной лексики), более сложным по синтаксису (писатели все чаще пользуются сложными предложениями подчинительного типа, изменяют обычный порядок слов и т. п.). Новатором в поэзии явился О. Ипай (1912—1943), разработавший метрическую систему в марийском стихосложении. Впервые в марийской поэзии он ввел различные классические формы и размеры, новые художественно-изобразительные средства.

В послевоенное время публикуются крупные произведения — романы и повести Н. Лекайна «Кугу сарын тулыштыжо» («В огне великой войны»), «Кугезе мланде» («Земля предков»), Д. Орая «Тӱтыра вошт» («Сквозь туманы»), «Чолга шӱдыр» («Немеркнущая звезда»), К. Васина «Ушымаш» («Воссоединение»), пьесы С. Николаева «Волгыдо корно» («Светлый путь»), «Мланде пеледеш» («Земля цветет»), поэмы С. Вишневского «Пиал» («Счастье»), Г. Матюковского «Кугу тӱня йыр савырнен» («Обойдя весь мир») и др. В литературу пришли молодые писатели: В. Иванов (1923—1971), М. Евсеева, А. Канюшков, В. Бояринова и др.

Лучшие произведения марийской литературы привлекают внимание в социалистических странах. Пьеса А. Волкова «Ксения» переведена на болгарский язык, ряд стихотворений М. Казакова и М. Майна переведен на венгерский язык, стихи М. Казакова также переведены на немецкий, французский и итальянский языки.

§ 22. Исследования по марийскому языку условно можно разбить на три разряда: 1) труды по грамматическому строю в широком смысле слова, куда нами отнесены и разыскания по фонетике, а также общие труды по диалектологии; 2) специальные труды по лексике; 3) тексты.

§ 23. Из истории исследования марийского языка. В 1775 г. в Санкт-Петербурге Российской Академией наук была издана первая описательная грамматика марийского языка под названием «Сочинения, принадлежащие к черемисской грамматике» [32], написанная по схеме существовав-

[32] До недавнего времени считалось, что автор этой книги неизвестен. Однако в результате изучения архивных материалов В. Т. Терентьев установил, что автором ее, так же как и изданных в конце XVIII в. грамматик «Сочи-

ших в то время грамматик русского языка, но автору все же удалось выявить некоторые существенные особенности марийского языка: отсутствие категории рода, наличие двух спряжений глагола, несклоняемость прилагательных, стоящих перед именами существительными, постановку «предлогов» (т. е. послелогов) после имен существительных. В грамматике приводится лексика (имена существительные, глаголы, наречия) — всего около 1000 слов, некоторые из них уже стали архаизмами, как например, *нюгар* 'слуга', *кере* 'правда', *таныk* 'свидетель', *цапкын* 'почтарь', *туяк* 'чтец' и др. Грамматика, судя по фонетическому оформлению приводимых в ней слов, написана на основе цокающего говора марийского языка, вероятнее всего — йокшар-олинского. В списках слов встречаются написания: *кюдюрцо* 'гром', *волгондцо* 'молния', *тугуларце* 'сваха', *тылмац* 'толмач', *кицке* 'ягода', *ширцык* 'сверчок', *молца* 'баня' и др. Автору грамматики не удалось установить фонемный состав марийского языка. Так, фонема *ö* передается графически знаками *е* (шермыч вм. шӧрмыч 'узда'), *іо* (*шюртіо* вм. *шӱртӧ* 'нитка'), фонема *ы* передается знаками *о* (*подолам* вм. *подылам* 'хлебаю'), и (пижиктем вм. пижыктем 'прицепляю').

В XIX в. вышло довольно много работ по марийскому языку. В 1821 г. было переведено на горное наречие «Евангелие», на основе которого затем была написана «Черемисская грамматика» (Казань, 1837).

Заслуживают внимания «Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии» (Казань, 1887) Федора Васильева и «Исследование о наречиях черемисского языка» (Казань, 1889) Михкеля Веске.

Протоиерей Ф. Васильев, хорошо владевший марийским языком, выявил ряд особенностей фонетики: специфические звуки *ä*, *ö*, *ӱ*, *ҥ*, закон созвучия (гармония гласных), грамматизация ударения, наличие в сложных словах главного и второстепенного ударений, наличие кратких (редуцированных) гласных и др.

«Исследование о наречиях черемесского языка» М. Веске, напечатанное в «Известиях общества археологии, истории и этнографии» (т. VI, Казань, 1887), — первое исследование по фонетике диалектов марийского языка. Работа явилась результатом экспедиции к мари (Козьмодемьянский, Ветлужский, Яранский, Уржумский, Малмыжский уезды). М. Веске впервые дал систему звуковых соответствий между горным и луговым наречиями (например, *о* || *а*, *а* || *ä*, *у* || *ы*, *ӱ* || *ӹ*, *е* || *и*, *е*//*ä*), впервые установил природу редуцированных гласных и сопоставил их с соответствующими гласными удмуртского, эстонского и чувашского языков, указал

ления, принадлежащие к грамматике чувашского языка» (1769 г.) и «Сочинения, принадлежащие к грамматике вотяцкого языка» (1775 г.), является Вениамин Пудек-Григорович (см. ВЯ, 1959, № 3).

на наличие в марийском гармонии гласных, показав неоднородность этого явления по диалектам.

В XX в. в изучение марийского языка включаются ученые из среды носителей языка. Первым марийским ученым-языковедом является В. М. Васильев (1883—1961). В его работе «Заппски по грамматике языка народа мари. Материалы для этимологии и синтаксиса» (Казань, 1918) по-новому освещается грамматический строй марийского языка, обращается внимание на его специфику в падежной системе, категории времени, наклонения и др.; им собран богатый лексический материал по диалектам (см. § 24). Вопросы марийского языкознания разрабатывались им и в послевоенные годы (см.: В. М. Васильев. Некоторые вопросы марийского языкознания. Козьмодемьянск, 1948).

К старшему поколению ученых из мари относятся также Г. Г. Карамазин и А. А. Аттин (см. их статьи о происхождении суффиксов мн. числа в марийском языке — ДСИЯз, 1928; Г. Г. Карамазин. Сборник статей по марийскому языку. Йошкар-Ола, 1936).

В настоящее время по изучению грамматического строя марийского языка и его истории плодотворно работает большая группа языковедов в Марийской республике: см. Н. Т. Пенгитов. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков, Йошкар-Ола, 1958); И. С. Галкин (Галк. I, Галк. II), Л. П. Грузов (Груз. Диал., Груз. Ист. фон.) и др.

Работы монографического характера ряда ученых мари посвящены изучению диалектов (Д. Г. Казанцев. Фонетические особенности йошкар-олинского говора марийского языка. Тарту, 1965; И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров. Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола, 1970; Г. И. Лаврентьев. Волжский говор марийского языка. Авт. д. к., Тарту, 1967; З. В. Учаев. Малмыжский диалект марийского языка. Тарту, 1969).

Описание отдельных грамматических категорий марийского языка находим в работах Л. П. Васиковой («Прошедшие времена глагола в марийском языке». Тарту, 1955), Н. И. Исанбаева («Деепричастия в марийском языке». Йошкар-Ола, 1961), Ф. И. Гордеева («Косвенные наклонения и формы субъективной оценки глагола в марийском языке». Йошкар-Ола, 1961).

В 1960—1961 гг. в Йошкар-Оле вышла трехтомная научная грамматика марийского языка, созданная коллективом авторов: И. С. Галкиным, Л. П. Грузовым, Ф. И. Гордеевым, Л. П. Васиковой, Н. И. Исанбаевым, Н. Т. Пенгитовым и др. (Совр. марФон., Совр. марМорф., В. Т. Тимоф. Совр. марСинт.).

Вопросы грамматики марийского языка освещаются в работах и других советских ученых: В. И. Лыткина, К. Е. Майтинской, Б. А. Серебренникова, П. Коклы, М. П. Чхаидзе и др.

Вопросы грамматики и диалектологии марийского языка разрабатывались и зарубежными учеными. К наиболее ранним рабо-

там относятся «Сопоставление обоих черемисских диалектов». Х. Габеленца (H. C. Gabelentz. Vergleichung der beiden tscheremissischen Dialekte. «Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes». Bonn, 1841, T. IV, Hf. 1), «Элементарная черемисская грамматика М. А. Кастрена (M. A. Castrén. Elementa grammaticae tscheremissae. Kuopio, 1845), «Опыт черемисской грамматики» Ф. Видемана (F. Wiedemann. Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache nach dem in der Evangelienübersetzung von 1821 gebrauchten Dialekte. Revel, 1857).

Из перечисленных работ наиболее ценной является грамматика М. А. Кастрена (автор изучал язык по переводу «Евангелия», а также непосредственно от марийцев, с которыми встречался во время поездки в Сибирь). В «Грамматике» М. Кастрена сделана попытка выявить специфические особенности марийского языка (например, в области фонетики отсутствие стечения согласных в начале слова, система ударения и др.).

С 60-х годов XIX в. за рубежом ведется сравнительно-историческое изучение марийского языка. Одной из первых таких работ является «Черемисские исследования» Й. Буденца (J. Budenz. Cseremisz tanulmányok, T. I — NyK III, Pest; T. II — NyK IV), использовавшего записи А. Регули.

В XX в. крупнейшим зарубежным исследователем марийского языка является Э. Беке. Его основная работа «Черемисская грамматика» (Beke CsNy) не утратила своего значения и сейчас. Материалы по марийскому языку Э. Беке собрал от 29 военнопленных марийцев, представителей различных диалектов, оказавшихся в 1914—1918 гг. в Венгрии. Это позволило ему впоследствии написать ряд ценных статей: «К истории звуков чувашских заимствований в марийском языке» (FUF XXIII), «Об истории финно-угорского *-*c* в марийском языке» (FUF—XXII) и др. Грамматический строй марийского языка описал Э. Леви (E. Lewy. Tscheremissische Grammatik. Leipzig, 1922). Материалы марийской фонетики занимают значительное место в исследованиях В. Штейница об истории финно-угорского вокализма (Stein. FgrVok. 2) и консонантизма (Stein. FgrKons.), Э. Итконена «К истории вокализма первого слога в марийском и пермском языках» (Itk. Zur Gesch.), П. Равилы «О происхождении системы черемисского спряжения» (P. Ravila. Über die Entstehung des tscheremissischen Konjugations-system. — FUF XXV).

В Венгрии марийский язык изучает Г. Берецки [33], в Финляндии — А. Алхониеми («О функциях направительного падежа в марийском языке»: A. Alhoniemi. Über die Funktionen der Wohinkasus im Tscheremissischen. Helsinki, 1967), Э. Кангасмаа-Минн («Синтаксические сочетания родительного падежа в марий-

---

[33] См.: G. Bereczki. Cseremisz (mari) Nyelvkönyv. Budapest, 1971, а также его статьи в Congr. I, NyK LXIV, NyK LXV, NyK LXVIII.

ском языке»: E. K a n g a s m a a-M i n n. The syntactical distribution of the Cheremiss genitive — MSFOu. 144).

В США за последнее время в серии «Studies in Cheremis» вышел ряд работ по марийскому языку под редакцией профессора Индианского университета Т. Шебека (T. Себеока) : т. I — «Фольклор» («Folklore», Blumington, 1952); т. II — «Мифология» («The supernatural», Viking fund, Publications in Anthropologi, t. 22. N.-Y., 1955), т. III — «Первая черемисская грамматика» («The first Cheremis grammar» (1775), Chicago, 1956), представляющая собой переиздание книги «Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка» (СПб., 1775) с вводной статьей Т. Шебека и комментариями Ало Рауна; т. IV — «Словообразование» (E. K u n g a s m a a-M i n n. Derivation. Michigan, 1955).

§ 24. Впервые лексика марийского языка зафиксирована отечественными и зарубежными путешественниками, побывавшими в конце XVII — начале XVIII в. в Марийском крае. Запись велась средствами русской или латинской графики авторами, не знавшими языка мари, в результате чего допускавшими множество неточностей и искажений при написании слов. До нас дошли рукописи с записями марийских слов, например: лингвистическая коллекция Аделунга (Фонд Собр. Аделунга. Рукописный отдел Гос. Публ. Библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собрание, шифр АД II, № 10), «Словарь языка черемисского», 1783 г., около 3 тыс. слов (хранится в рукописном отделе ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр 216), «Словарь черемисского языка», 1784 г., около 6 тыс. слов (там же, шифр 218), «Словарь языков народов Нижегородной епархии, именно Россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис. . .», 1785, сост. епископом Дамаскиным (там же, шифр 223), «Список русских слов с переводом на черемисский, вотский (Красноуфимский округ) и пермяцкий (Чердынский округ) языки» (Архив АН в Ленинграде, фонд 21, опись 5) и др.

В ряде работ, в основном этнографического характера, также зафиксированы марийские слова, например в трудах Ф. И. Страленберга (1747—1876) «Северная и восточная часть Европы и Азии» (P. J. S t r a h l e n b e r g. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730), И. Е. Ф и ш е р а (1697—1771) «*История Сибири*» (*J. E. F i s c h e r. Sibirische Geschichte*, ч. I—II, СПб., 1768), Н. К. Витсена (1641—1717) «Северная и восточная Татария» (Nord en Ost Tataryen, Amsterdam, 1785), в книге имеется перевод на марийский язык небольшой молитвы «Отче наш», П. С. Палласа (1741—1811) «Сравнительный словарь всех языков и наречий, собранных десницею Всевышней особы» (т. I. СПб., 1787; т. II, 1789); словарь И. П. Фалька (1727—1774), помещенный в «Полном собрании ученых путешествий по России» (т. I, СПб., 1824). Эти письменные памятники ценны тем, что дают некоторое представление о лексике марийских диалектов того времени. Наибольший интерес представляет книга Г. Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов,

яко то черемис, чуваш и вотяков. . .» (СПб., 1791). Книга напечатана русской графикой, и в нее вошло около 300 марийских слов и перевод молитвы «Отче наш» на луговой диалект.

Список горномарийских слов с переводом на латинский язык содержится в «Элементарной черемисской грамматике» финского ученого М. Кастрена (M. A. Castrén. Elementa grammaticae tscheremissae. Kuopio, 1845), всего 712 словарных статей, часть слов впервые этимологизируется.

Однако в XIX и XX вв. стали выходить словари отдельным изданием, сперва в Европе, потом в России.

Так, венгерский ученый Й. Буденц составил «Словарь лесных и горных черемис» (J. Budenz. Erdei- és hegyicseremisz szótár — NyK, III, 1865) на основе рукописных материалов, собранных А. Регули, М. Кастреном, Ф. Видеманом. В словаре около 3700 марийских слов из лугового и горного наречий с переводом их на венгерский и немецкий языки.[34] Слова даются в транскрипции на основе латинского алфавита и расположены по гнездовому принципу, что дает возможность объединить в группы однокоренные слова. Заслуга И. Буденца в том, что он впервые выявил финно-угорский пласт в словарном составе марийского языка. К числу недостатков словаря следует отнести неточность транскрипции марийских фонем (например, čodera вместо čobʒra 'лес').

Спустя 33 года другой венгерский ученый М. Силаши издал «Черемисский словарь» (M. Szilasi. Cseremisz szótár — NyK XXVIII, XXIX, XXX), содержащий около 6800 словарных статей, расположенных в алфавитном порядке, с переводом на венгерский язык, немецкий, иногда и на русский языки. Словарь включает богатый лексический материал (в нем представлены и диалектные формы слов), собранный автором из диалектологических текстов А. Генетца, В. Поркка и вышедших ранее словарей Й. Буденца, В. П. Троицкого. Неточности и ошибки в передаче и переводе слов, имеющиеся в словаре М. Силаши, объясняются некритическим использованием источников, на основе которых он написан, поскольку автор не знал марийского языка.

Собрал материал для «Восточномарийского словаря» Х. Паасонен (Paas. Ost-tscher.), который был подготовлен к печати и издан П. Сиро в 1948 г. в Хельсинки. В словаре около 2200 статей, расположенных по алфавитно-гнездовой системе, слова даны в точной фонетической транскрипции (автор записывал слова непосредственно от носителей языка во время поездки в деревню Чураево в Башкирии в 1900 г.), марийские слова переведены на финский и немецкий, в некоторых случаях и на русский языки; словарь содержит сведения этимологического характера.

Г. И. Рамстедт составил «Горномарийский словарь» (в кн.: G. J. Ramstedt. Bergtscheremissische Sprachstudien — JSFOu

---

[34] По подсчету Г. С. Патрушева (см. его статью «Марийские словари XIX в.» — Вопр. мар. I).

XVII, 1902) на основе материалов, полученных непосредственно от носителей языка, жителей деревни Тушнал (около г. Козьмодемьянска), поэтому этот словарь является одним из лучших словарей марийского языка того времени. В словаре около 4700 слов, записанных в фонетической транскрипции и переведенных на немецкий язык.

Несколько позднее, чем в Финляндии и Венгрии, стали издаваться словари и в России, но в отличие от зарубежных в них марийские слова давались не в транскрипции, а в записи средствами русского алфавита. В дореволюционное время вышли в свет следующие марийско-русские словари: Ф. Васильев. Черемисско-русский словарь. Приложение к книге «Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии». Казань, 1887. Составлен по гнездовому принципу, содержит около 1400 словарных статей; В. П. Троицкий. Черемисско-русский словарь, Казань, 1894. Составлен на материале лугового наречия (приводятся также горномарийские данные с расположением слов в алфавитном порядке, около 2200 слов); В. М. Васильев. Черемисско-русский словарь. Казань, 1911. Содержит более 2000 общеупотребительных, необходимых при изучении марийского языка слов, написан как учебное пособие.

В советское время были изданы марийско-русские словари: В. С. Шорин. Маро-русский словарь горного наречия. Под ред. С. Г. Эпина. Казань, 1920. Построен по алфавитному принципу, содержит более 3500 слов, в том числе топонимы и древние личные имена; В. М. Васильев. Марий мутэр. Краснококшайск, 1924 — второе, дополненное общеупотребительными словами с исключением устаревших, издание словаря В. М. Васильева 1911 г.; Ӱпымарий (В. М. Васильев). Марий мутэр. Моско, 1926 (1928), сравнительный словарь диалектов марийского языка, содержит более 12 000 словарных статей, в том числе большое число выходящих из употребления слов (названия трав, птиц, рыб, видов вышивок и т. д.), благодаря чему словарь сохраняет научную ценность и в настоящее время, несмотря на имеющиеся в нем недостатки в подаче лексического материала; С. Г. Эпин. Горномарийско-русский словарь (Кырыкмарла да рушла сирымы шамак книга). Козьмодемьянск, 1935. Составлен в алфавитном порядке и состоит из двух частей: 1) общенародная лексика горномарийского языка (около 5500 слов) и 2) общественно-политические, научно-технические и др. термины (около 1600 слов); П. Г. Рыбакова, З. В. Учаев. Горномарийско-луговомарийский сравнительный словарь (Курык марий ден олык марий мут-влакым тачастарыме словарь). Йошкар-Ола, 1955. Состоит из двух частей: в первой части словарные статьи начинают слова лугового наречия, во второй — горного (в словарь вошли только слова, различающиеся в горном и луговом наречиях своими корнями или словообразовательными суффиксами и фонетическим оформлением).

Наиболее полным является «Марийско-русский словарь» (М., 1956), содержащий около 21 000 слов, включая и некоторые диалектные слова. В случаях лексических расхождений между лугово-восточным и горномарийским литературными языками даются обе формы, например, мр.-луг. *ойлаш* и мр.-г. *попаш* 'говорить'.

Первые русско-марийские словари были составлены еще в XVIII в. Однако все они были рукописные, за исключением анонимного «Славяно-черемисского словаря» (Казань, 1913), задуманного, по-видимому, как пособие при чтении церковных книг. Словарь содержит около 2000 слов, в случаях лексических расхождений в переводе даются слова из восточного и соответствующее ему из лугового наречий: *гнати—пастыраш* (мр.-в.), *покташ* (мр.-луг.).

Печатание русско-марийских словарей стало возможным только после Октябрьской социалистической революции. В 1928 г. в Краснококшайске был издан «Русско-марийский словарь» под ред. В. М. Васильева, В. А. Мухина и И. Т. Митюка. Словарь состоит из лугово-восточной и горномарийской частей, не лишен пуристических тенденций, однако большинство лексических новообразований в нем четко обоснованы как фонетически, так и синтаксически.

В 1943 г. в Йошкар-Оле был издан «Русско-марийский словарь» школьного типа, составленный по гнездовому принципу И. Ф. Андреевым, Д. И. Ивановым, К. Ф. Смирновым. Подобный же словарь был составлен и для горномарийской школы (К. И. Беляев, П. П. Ромашкин. Русско-марийский словарь. Козьмодемьянск, 1944). В «Ученых записках Марийского пед. ин-та» (т. XXIII, 1959) был опубликован «Русско-марийский терминологический словарь по математике для восьмилетней школы», составленный А. Ш. Шепеевым.

Наиболее полным является «Русско-марийский словарь», изданный в 1966 г. в Москве. В нем 35 000 слов. Словарь подготовлен к изданию Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории и составлен на основе лугово-восточного марийского литературного языка, горно-марийские формы даны в нем только в случаях лексических расхождений. В словарь включены общественно-политические, исторические и научно-технические термины, приводятся устойчивые словосочетания, идиоматические выражения на русском языке и перевод их на марийский язык.

До Октябрьской революции орфографических словарей марийского языка не было. Первый словарь такого типа был издан после развернувшейся в 1937—1938 гг. дискуссии о марийском правописании («Марий йылме орфографический словарь». Сост. К. Ф. Смирнов и И. Ф. Андреев. Йошкар-Ола, 1939). В словаре узаконено употребление букв: *е, ё, я, ю, ф, х, ц, щ*. Второе издание словаря (Йошкар-Ола, 1948) вносит в правописание ряд дополне-

ний и изменений частного характера (так, слова *кылташ, полтыш, ӱвыра* должны писаться *кылдаш, полдыш, ӱвра*). Последнее издание орфографического словаря (И. С. Галкин, З. В. Учаев. Марий орфографий мутер. Йошкар-Ола, 1972) предусматривает включение в литературную норму ряда слов (главным образом названия растений, рыб, птиц, зверей), ранее считавшихся диалектными, упорядочивает написание сложных слов и др.

Исследованию исторической лексики посвящены работы: У. Вихмана «Тюркские заимствования в черемисском» (Y. Wichmann. Die türkischen Lehnwörter im Tscheremissischen — FUF XVI), М. Рясянена «Чувашские заимствования в черемисском» (Räs. Tschuw. Lehnw) и «Татарские заимствования в черемисском» (Räs. Tat. Lehnw.), А. А. Саватковой «Русские заимствования в марийском языке» (Йошкар-Ола, 1969), Г. С. Патрушева «Пути обогащения словарного состава марийского языка». Авт. д. к. (Л., 1955), Д. Е. Казанцева и Г. С. Патрушева «Современный марийский язык. Лексикология» (Йошкар-Ола, 1972).

§ 25. Собиранию текстового материала, составлению словарей большое внимание в конце XIX — начале XX в. уделялось Финно-угорским обществом в г. Хельсинки, которое организовывало длительные поездки ученых в Россию для записи диалектологических текстов непосредственно от носителей языка. Так, у мари побывали А. Генец (на Урале) в 1887 г., Х. Паасонен (в Башкирии) в 1900 г., У. Вихман (у горных и луговых мари) в 1905 г., В. Поркка у луговых мари, в 1885—1886 гг. Записи этих ученых отличаются точностью и послужили основанием для написания ряда работ по марийскому языку — сборников текстов, словарей, грамматик (см. § 24).

Большой текстовой материал представлен в трудах: А. Генеца «Восточно-черемисские исследования» (A. Genetz. Ost—tscheremissische Sprachstudien — JSFOu. VII), В. Поркки «Черемисские тексты с переводом» (V. Porkka. Tscheremissische Texte mit Übersetzung. — JSFOu. XII), У. Вихмана «Черемисские тексты с словарным указателем и грамматическим очерком» (Y. Wichmann. Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichnis und grammatikalischem Abriss. Helsingfors, 1923), а также его статьи по истории марийского языка (см. FUF IX, JSFOu. XXX); Г. И. Рамстедта «Исследование горномарийского языка» (G. J. Ramstedt. Bergtscheremissische Sprachstudien. — JSFOu. XVII).

Особую ценность представляют материалы, собранные Э. Беке: марийские тексты в транскрипции с переводом на немецкий и венгерский языки: Ö. Beke. Tscheremissische Märchen, Sagen und Erzählungen. — JSFOu. LXXYI; Tscheremissische Texte zur Religion und Volkskunde. — «Oslo Etnografische Museum Bulletin», 1931, 4; Mari szövegek, I. Budapest, 1957; II — 1960, III — 1961; IV — 1961, и др.

ФОНЕТИКА

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 26. Вокализм марийского языка характеризуется наличием ненапряженных (кратких, редуцированных) гласных фонем ĕ, *ə*, *ŋ*, *ŋ̇*, незначительной огубленностью лабиальных гласных *u*, *ü*, *o*, *ö*, слабой выделяемостью гласных ударных слогов по сравнению с безударными, отсутствием редукции в предударных слогах, палатально-велярной гармонией гласных (почти во всех диалектах) и лабиальной гармонией гласных (в луговом и восточном наречиях), отсутствием фонематического противопоставления по долготе и краткости.

Консонантизм характеризуется наличием только двух пар мягких (палатальных) и твердых согласных *n*—*ń*, *l*—*l′* (в диалектах могут быть *č*—*č′*, *s*—*ś*, *z*—*z′*, *t*—*t′*), перед гласными переднего ряда согласные не палатализуются (nele 'тяжелый'), в исконно марийских словах сочетания шумных смычных не могут выступать в абсолютном начале слова и в пределах одного слога в середине слова, в положении после смычных сонантов вместо щелевых γ, δ, β выступают их фонетические варианты *g*, *d*, *b*.

Число фонем в диалектах различно в силу их исторического развития; именно на фонетических различиях и основывается прежде всего деление марийского языка на диалекты (в настоящее время эти различия в речи молодого поколения не всегда прослеживаются).

ГЛАСНЫЕ

§ 27. *Лугово-восточный литературный марийский язык* имеет 8 гласных фонем: *a*[a], *o*[o], *y*[u], *ы*[ə̑], *u*[i], *e*[e], *ӱ*[ü], *ӧ*[ö]. В горномарийском литературном языке — 10 гласных фонем: кроме перечисленных в нем функционируют еще *ӹ*[ə], *ӓ*[ä]. В диалектах, кроме того, имеются фонемы ŋ, ŋ̇.

В системе гласных фонем *ə̑*, *ə*, *ŋ*, *ŋ̇* получили название редуцированных или кратких (экспериментально доказано, что эти гласные во всех позициях имеют меньшую долготу)[35], ненапряженных, так как при произношении их органы речи не напряжены в отличие от остальных (напряженных) гласных *a*, *o*, *u*, *i*, *e*, *ö*, *ü*, обычно называемых гласными полного образования.

Фонематичность *ə̑*, *ə*, *ŋ*, *ŋ̇* бесспорна: мр.-луг. šə̑·žo 'осень' ši·že 'почуял'; мр.-г. lə̑m 'снег', ləm 'имя'; мр.-сев.-зап. šur 'рог', šŋr 'кал', šor 'грязь', tŭkö 'цвет', tŋ̇kö 'толкни'. Гласные ŋ, ŋ̇ встречаются в говорах северо-западного наречия, волжском и *йошкар-олинском говорах лугового наречия*, гласный *ӓ* — *в горном* и северо-западном наречиях, а также в некоторых говорах во-

[35] Груз. Диал. 58—62.

Классификация гласных фонем *

	Передний ряд		Средний ряд	Задний ряд	
	огубленные	неогубленные	неогубленные	огубленные	неогубленные
Верхний подъем	у [ü] (ụ)	и [i]		у [u] (ụ)	
Средний подъем	ӧ [ö]	е [e] ӥ [ə]	ӥ [ə]	о [o]	ы [ɵ] **
Нижний подъем		ӓ [ä]	а [a]		а [a]

Примечания. * В круглых скобках даны гласные фонемы, наблюдающиеся только в диалектах.

** Гласные *а* [а], ы [ɵ] в горномарийском имеют более заднюю по сравнению с лугово-восточным артикуляцию.

сточного наречия: мр.-сев.-зап. βä·räkš, мр.-г. βäräš 'ястреб', уф. šärtńe 'верба'.

Фонетической закономерностью лугово-восточного марийского литературного языка является употребление гласных полного образования в основном в ударных и предударных слогах: taŋa-stara·š 'сравнивать', ogo·l 'сторож', eŋe·r 'река', izi· 'маленький', kütü· 'стадо', pasu· 'поле', šokte· 'сито', tü·kö 'рог' и др. Употребление же гласных в заударных слогах ограниченно. В луговом наречии в этом положении могут выступать только *а*, *о*, *е*, *ӧ* (последние три в абсолютном безударном исходе при быстром темпе речи редуцируются: таче [ta·č'ə] 'сегодня'). В горном наречии в безударном абсолютном исходе почти не встречаются гласные *о*, *е*, вместо них выступают *ə̑* или *ə* (в соответствии с палатально-велярной гармонией): jo·γə̑ 'течение', pŭe·γə 'мужчина'; кроме того, особенностью вокализма горного наречия является и то, что в нем в заударных слогах могут выступать все гласные полного образования (кроме *о*, *е*): a·rža 'грива', ärä·ltäš 'заслониться', pi·pi 'цветок вербы', a·rlu 'косяк'.

§ 28. Гласный *е*[е] имелся в прамарийском и восходит к ф.-у. **ä* перед *л*, *р*, *ж*, а также в соответствиях *е* || *ä* : *келаш* 'идти вброд', *вер* || *вӓр* 'место', *лекташ* || *лӓкташ* 'выйти', *мекш* || *мӓкш* 'гнилушка', *эрде* || *ӓрды* 'бедро'. Переход *ä* > *е* объясняется действием закона сужения гласных (§ 29). Гласный *а*[а], имеющий широкое употребление во всех диалектах, восходит в большинстве случаев к прамарийскому **а*, где он был, по-видимому, несколько огубленным — *а*°, что дало ему возможность в ряде случаев перейти в гласный *о*: *ошкыл* || *ашкыл* 'шаг', *водар* || *вадар* 'вымя', *вож* || *важ* 'корень'. Современный *и*[i] в ряде случаев восходит к **е*[е]: *пече* || *пичы*

'изгородь', *веҥе* // *вингы* 'зять', *вем* // *вим* 'мозг' [36]; в других случаях является отражением прамр. **i* : *ий* 'год', *пижаш* 'цепляться', *ний* 'лыко'.

Гласный *о*[о] имеет неоднородное происхождение. В большинстве случаев он восходит к прамр. *о* или волжск.-ф. **и*: *ломбо* // *ломбы* 'черемуха' (э. *льом*, к. *лӧм*), *кож* // *кож* 'ель' (э. *куз*, ф. kuusi), в других — к гласному *а*: мр.-луг. *коктыт* 'два' (мд. *кафта*, ф. kahte-), *кол* // *кол* 'рыба' (мд. *кал*, ф. kala).

Гласный *о* [ö] в прамарийском употреблялся в первом слоге некоторых слов (в случаях диалектных соответствий *ö* ~ *ü*: nöltaš ~ lültaš 'поднимать', šön ~ sün 'сухожилие' и др.[37] В диалектах гласный *ö* [ö] может восходить к другим гласным, подвергшимся огублению: мр.-волжск. türöδaš 'жать' (мр.-луг. *тӱредаш*), sörlə̂k 'узда' (мр.-луг. *сорлык*), мр.-луг. *сӧсна*, мр.-г. *сасна* < чув. *сисна* 'свинья', мр.-луг. *кӧргӧ* (э. kirga 'нутро').

Гласный *ä*[ä] (в горном, северо-западном и некоторых говорах восточного наречия) имеет не вполне ясную историю. Предполагается, что *ä* был в древнемарийском, затем был утрачен, позднее восстановился в горномарийском и в некоторых других диалектах, но уже под тюркским влиянием. Однако можно допустить, что в звуковых соответствиях *а* // *ä* (*аҥ* // *äнг* 'отверстие', *пардаш* // *пäрдаш* 'язь', *налаш* // *нäлäш* 'взять'), а также *е* // *ä* (*те* // *тä* 'вы', *вер* // *вäр* 'место', *леҥеж* // *лäнгӹж* 'кадка') в горномарийских словах сохранился прамр. *ä* (изменения гласных в диалектах марийского языка происходили неравномерно)[38].

Сложен вопрос об истории кратких гласных *ə̂*, *ə*, *n*, *n̥*. В марийском они возникли, вероятно, из гласных верхнего подъема еще в прамарийский период: *пыл* // *пыл* (ф. pilvi, к. piv, у. pil'em) 'облако'; *шыл* // *шӹл* 'мясо' (ф. silava, sileva 'шпик', 'сало'), в других случаях являются результатом тюркского влияния, в первую очередь чувашского, в котором имеются редуцированные гласные, весьма схожие в количественном и качественном отношении с марийскими: *умла* // *ымыла* < чув. *хăмла* 'хмель', *чыве* // *цӹвӹ* < чув. *чĕвĕ* 'курица' [39].

Вокализм прамарийского языка можно представить в виде: а, ä, о, ö, u, ü, i, e, ə̂, ə, n, n̥ [40].

§ 29. Гласные (первого слога) прамарийского языка в своем историческом развитии претерпели различные фонетические изменения, которые происходили как в силу внутренних закономерностей, так и под влиянием соседних языков. Наиболее существен-

---

[36] В горном наречии лучше, чем в луговом, сохранилась древняя система гласных.
[37] Груз. Диал. 99.
[38] Груз. Диал. 114.
[39] Itk. Zur Gesch.; Груз. Диал. 62—82.
[40] Груз. Ист. фон. 85. В состав гласных прамарийского языка некоторые ученые не включают редуцированные (краткие) гласные. См.: Д. Г. Казанцев — ВФЯ II 34—43.

ными из них являются: 1) лабиализация (огубление) при сочетании гласных с губными согласными *м*, *б*, *п*; в языках родственных марийскому в таких случаях соответствуют нелабиализованные гласные: *лӱмо* 'болячка' (мд. *лем* 'болячка на голове'), *мӱкш* (мд. *мекш*, *меш*) 'пчела', *вӱр* (мд. *верь*) 'кровь', *пӱй* (мд. *пей*, *пев*) 'зуб' и др. 2) сужение — гласный более низкого подъема переходит в гласный более высокого подъема — а > о : *понго* (мд. *панго*) 'гриб', *кол* (мд. *кал*) 'рыба', *шордо* (мд. *сярда*) 'лось' и др.; *о* > *у*: *кудыт* (мд. *кото*) 'шесть', *нур* (мд. *нор*) 'поле' и др.; *ӓ* > *е*: *шеренге* (ф. särki, мд. *сарьга*) 'сорожка', 'плотва'; *шелаш* 'колоть' (ф. säle 'дранка'), *вер* (мр.-г. *вӓр*) 'место' и др.; *е* > *и*: *шинча* (мд. *сельме* 'глаз', *кид* (мд. *кедь*) 'рука' и др.; 3) расширение — переход гласного более высокого подъема в гласный более низкого подъема — *у* > *о*: *шож* (мд. *шуж*) 'ячмень', *кож* (мд. *куз*) 'ель', *койа* (мд. *куя*) 'жир' и др.; *и* > *е*: *нелаш* (мд. *нилемс*) 'глотать', *кередаш* 'нанизывать' (мд. *кирдемс* 'держать'), *пече* // *пичы* (ф. piha) 'прясло', 'изгородь' и др.; 4) отпадение конечных гласных *а*, *е*, *и*: *под* (ф. pata) 'котел', *лум* (ф. lumi) 'снег', *тул* (ф. tuli) 'огонь', *кид* (ф. käsi) 'рука' и др.; 5) редукция гласных [u], [ü], [i] в безударных слогах.

Изменения гласных в диалектах прамарийского языка происходили неравномерно. Так, прамр. *а* в горном наречии оказался более устойчивым, в то время как в луговом процесс сужения *а* > *о* происходил интенсивно: *шордо* // *шарды* 'лосось', *шопо* // *шапы* 'кислый'.

Прамр. *ӓ*, сохранившись в горном паречии, в других диалектах перешел в *е* (исключение составляют северо-западные говоры), благодаря чему образовались звуковые соответствия: *е* // *ӓ* (*ленгежлӓнгыж* 'кадушка', *вер* // *вӓр* 'место', *те* // *тӓ* 'вы' и др.). Неравномерностью процесса сужения гласных объясняются и другие звуковые соответствия: *е* // *и* (*венге* // *вингы* 'зять', *меҥ* // *миж* 'шерсть' и др.); *о* // *у* (*нӧлпӧ* // *лӱлпы* 'ольха').

Процесс сужения гласных в марийском языке — явление довольно позднего времени, действие его началось после XIV в. и наблюдается лишь в финно-угорских и тюркских языках Волго-Камья.

§ 30. В лугово-восточном и горномарийском литературных языках гармония представлена по-разному. В лугово-восточном литературном языке и его говорах наблюдается гармония по огубленности (лабиальный сингармонизм) и по рядности гласных (палатально-велярный сингармонизм). В горном и северо-западном наречиях лабиальный сингармонизм отсутствует, но в них с большей последовательностью выдерживается палатально-велярный сингармонизм, поэтому в этих наречиях за переднерядными *ӧ*, *ӓ*, *ӱ*, *ə* первого слога могут выступать в последующих слогах слова только переднерядные же (а также нейтральные *е*, *і*) и соответственно за гласными заднего ряда *о*, *а*, *и*, *ы* — только гласные того же ряда (или те же нейтральные *е*, *і*), например, в горно-

марийском имеем: *ангырымаш* [ängərə·mäš] 'ужение рыбы', *ыштылкалаш* [əštəlkä·läš] 'местп многократно', *ӱпшынзаш* [ürpšə·nʒäš] 'нюхать', *ӧпкалаш* [örpkäläš] 'обижаться', *аймылталташ* [ajmə̑l-ta·ltaš] 'заблудиться', *имниэшкы* [imnʲie·škə] 'верховой'. Палатальная гармония в луговом и в большинстве говоров восточного наречия последовательно соблюдается только по линии огубленных гласных *о*, *ӧ*, *у*, *ӱ* и тесно связана с гармонией по огубленности, все остальные гласные являются нейтральными. Палатально-велярный сингармонизм в луговом и восточном наречиях проявляется в следующем: если в первом слоге слова выступает переднерядный гласный ((*ä*), *ӱ*, *ӧ*) или нейтральный (*е*, *і*, *э̑*, *а*), то в последующих слогах тоже должны быть гласные переднего ряда (или нейтральные *е*, *і*, *а*, *э̑*), если же в первом слоге гласный заднего ряда (или нейтральные переднерядные *е*, *і*), то в последующих слогах также должны быть гласные заднего ряда, например: мр.-луг. *апшатлаш* [apšatlaš] 'заниматься кузнечным делом', *каруланыше* [karula·nə̑šə] 'упорствующий', *кӱчыкемдыме* [küč'ə-ke·mdəme] 'укороченный'.

Лабиальная гармония состоит в уподоблении гласного абсолютного конца ударному гласному корня слова, т. е. если ударение падает на губной гласный корня (*о*, *у*, *ӧ*, *ӱ*), то гласный абсолютного конца слова тоже должен быть губным, притом того же ряда, что и ударный корня; если ударение падает на негубной гласный (*а*, *е*, *і*, *э̑*), то на конце слова выступает гласный *е*, например, в лугово-восточном мы имеем: *волгыдо* [βo·lγə̑ðo] 'светлый', *кӱдырчӧ* [kü·ðə̑rč'ö] 'гром', *уремышке* [ure·mə̑ške] 'на улицу', *кычкырыше* [kə̑č'kə̑·rəše] 'кричащий' и т. д.

Лабиальная гармония возникла в луговом и восточном наречиях под влиянием тюркских языков (чувашского и татарского) [41].

Палатально-велярная гармония тесно связана с древним состоянием вокализма в финно-угорском языке-основе. Так, способность гласных *а*, *ы* выступать в качестве как передпорядных, так и заднерядных гласных указывает на то, что в прамарийском были *а* и *ä*, *э̑* и *э*. В горном и северо-западном наречиях обе пары продолжают существовать, в луговом же они совпали соответственно в одном *а* и в одном *ы*[ə] [42].

СОГЛАСНЫЕ

§ 31. Консонантизм лугово-восточного литературного марийского языка представлен фонемами: *б*[b], *в*[β], *г*[γ], *д*[ð], *ж*[ž], *з*[z], *й*[j], *к*[k], *л*[l], *ль*[l'], *м*[m], *н*[n], *нь*[n'], *н*[ŋ], *п*[p], *р*[r], *с*[s], *т*[t], *ф*[f], *х*[x], *ц*[c], *ч*[č'], *ш*[š], *щ*[š'ː]; горномар. литературного языка: *б*[b], *в*[β], *г*[γ], *д*[ð], *ж*[ž], *з*[z], *й*[j], *к*[k], *л*[l], *ль*[l'], *м*[m], *н*[n], *нь*[n'], *н*[ŋ], *п*[p], *р*[r], *с*[s], *т*[t], *ть*[t'], *ф*[f], *х*[x], *ц*[c],

[41] J. Szinnyei — NyK XXIV.
[42] Груз. Диал. 142.

ч[č′], *ш*[š], *щ*[š̄′]. В малмыжском, кильмезском, уфимском, пермском и некоторых других говорах восточного и лугового наречий встречаются фонемы *сь*[s′] и *зь*[z′], в волжском говоре лугового наречия, в пермском, свердловском и некоторых других говорах восточного наречия — какуминальная аффриката *ч*[č].

Наиболее употребительными согласными марийского языка являются *ш*, *с*, *в*, *п*, *к*, *т*, сонорные *л*, *м*, *н*, *р*. Они встречаются во всех фонетических позициях: *оланге* // *алангы* ‘окунь’, *воштыр* // *ваштыр* ‘прут’, ‘лоза’, *когылъо* // *кагылъ* ‘пирог’, *мокташ* // *макташ* ‘хвалить’, *тока* // *токо* ‘в прошлый раз’, *нуно* // *нӹны* ‘они’, *пачемыш* // *потемыш* ‘оса’, *шогертен* // *шагӹртем* ‘сорока’, *моклака* // *маклака* ‘полено’.

Согласный *в*[β] не встречается в позиции конечного согласного слова. Употребление звонких *г*, *д*, *ж*, *з* ограничено: они не могут выступать в абсолютном начале слова, исключение составляют некоторые служебные слова (*дене* // *доно* ‘с’, ‘около’, *гына* // *гына* ‘только’, *деч* // *дорц* ‘от’, *гыч* // *гӹц* ‘из’, *гынат* // *гӹнят* ‘хотя’ и др.), поздние заимствования из тюркских (*жап* // *жеп* ‘время’, *зангар* ‘синий’ и др.) и русского языков (*герой*, *зал*, *депо* и др.). *Весьма ограниченно употребление б*[b] — *встречается в исконно* марийских словах только в положении после смычного сонанта *м*: *комбо* // *комбы* ‘гусь’, *ломбо* // *ломбы* ‘черемуха’ и др., что дает право считать согласный *б* смычным вариантом билабиального *в*[β]. Однако *б* включается в состав фонем марийского языка, так как он получил широкое распространение благодаря многочисленным заимствованиям из русского языка: *кубометр*, *колбаса*, *кабинет*, *батарей* ‘батарея’, *бригадир* и т. д. В ранних русских заимствованиях согласный *б*[b] в абсолютном начале слов замещался фонемой родного языка *п*[p] (*печке* // *пецке* ‘бочка’, *пырня* // *преня* ‘бревно’) или же *в*[β]: *вочко* // *вачкы* ‘бочка’, ‘кадка’). То же самое наблюдается в тюркских заимствованиях: *патыр* ‘богатырь’, *паренге* ‘картофель’.

Согласные *ф*[f], *х*[x], *ц*[c], *ть*[t′], *рь*[r′] в лугово-восточном встречаются только в поздних русских заимствованиях: *механик*, *халва*, *ферма*, *цемент*, *отряд*, *секретарь*, *тягач* и др. В речи некоторых представителей старшего поколения может наблюдаться замена этих согласных фонемами родного языка: [meka·n′ik′], [kalβa·], [pe·rma], [seme·nt]; *х*[x], *ц*[c] в горномарийском наблюдаются в чувашских и русских заимствованиях: *хала* ‘город’, *цама*‘ жеребенок’, *цӓнга* ‘галка’, *охырец* ‘огурец’ и др. Наиболее часто по сравнению с другими диалектами аффриката *ц*[c] встречается в северо-западном наречии: [šəc] ‘сажа’, [kacə] ‘жених’, ‘парень’, [cŋgaš] ‘клевать’ и др.; *ф*[f] в горном наречии употребляется главным образом в русских заимствованиях, а также в редких словах междометного происхождения: *ӹфылаш* ‘дуть’, *офигань* ‘стройный’; *ть* [t′], встречающийся в горном, северо-западном и некоторых говорах лугового наречия, по-видимому, развился под чувашским и русским влиянием, поскольку встречается

Классификация согласных фонем *

			Губно-губные	Переднеязычные: зубно-дорсальные	Переднеязычные: межзубные	Переднеязычные: олярно-какуминальные	Передне-средне язычные (палатальные)	Задне-язычные
Шумные	взрывные	глухие	п [p]	т [t]			ть [t′]	к [k]
		звонкие	б [b]					
	фрикативные	глухие	ф [f]	с [s]		ш [š]	(сь [s′])	х [x]
		звонкие	в [β]	з [z]	д [ð]	ж [ž]	(зь [z′])	г [γ]
Сонорные	аффрикаты	глухие		ц [c]		(ч [č])	ч [č′]	
	смычно-проходные	носовые	м [m]	н [n]			нь [ɲ]	н [ŋ]
		боковые		л [l]			ль [l′]	
		срединные					й [j]	
	вибранты					р [r]		

Примечание. * В круглых скобках приводятся фонемы, встречающиеся только в диалектах.

большей частью в словах, заимствованных из этих языков: мр.-г. *тетя* [t′e·t′a] ‘дитя’, *коти* [ko·t′i] ‘кошка’, *амытина* [amə̑t′i·na] ‘хомут’; мр.-сев.-зап. [t′itak] ‘ошибка’.

Согласные перед гласными переднего ряда [e, i, ö, ü, ä] ни в одном из диалектов марийского языка не палатализуются: *верге // вäргы* [βergе // βärgo] ‘почка’, *кӱлеш // келеш* [küleš // keleš] ‘нужно’, *леве // ливы* [leβe // liβə] ‘теплый’, *меж // миж* [mež // miž] ‘шерсть’, *пеш // пиш* [peš // piš] ‘очень’.

§ 32. Исходя из данных различных диалектов, представляется возможным реконструировать систему согласных прамарийского языка: *p*, *t*, *k*, *č*, *č′*, *m*, *n*, *ń*, *ŋ*, *β*, *γ*, *δ*, *š*, *ž*, *j*, *l*, *l′*, *r*, *s*, *ś*, *z*, *ź* [43]. Согласные β, γ, δ наблюдались в интервокальном положении.

В современном горномарийском с его диалектами и в диалектах лугово-восточного сохранилась система прамарийских согласных (но в различных диалектах по-разному).

Прамарийский какуминальный **-č* в паре с палатальным **č′* сохранился в пермском, елабужском, калтасинском говорах восточного наречия, в волжском говоре лугового наречия. В большинстве других говоров лугового и восточного наречий прамр. **č* и **č′* совпали в одном *č′*; в горном наречии из какуминального *č*

[43] Груз. Ист. фон. 144.

развился апикальный *č′*, а из палатального *č′* — согласный *с*: в северо-западном наречии и йошкар-олинском говоре прамр. **č* и **č′* совпали в одном *с*. Это можно объяснить меньшей частотностью употребления *č*, вследствие чего он постепенно стал выступать как частный оттенок фонемы *ч* [č′], а затем совпал с ней полностью и, кроме того, нельзя не учитывать и влияния чувашского, в котором в тот период была одна аффриката *ч* [č′]. Цоканье в марийских диалектах могло возникнуть из мягкого чоканья. Мог быть и второй путь — языковой контакт с племенем меря[44].

Согласные [ń] и [l′] являются палатальными в отличие от русских палатализованных *ль* и *нь* и представляют собой в марийском языке финно-угорское наследие, диалектные же [ź], [ś], [ž] по своему происхождению являются вторичными. В исконно марийских словах [z], [ź], [ž] встречаются только в интервокальном положении и в сочетании с сонантами, возникли в результате озвончения соответствующих им глухих [s], [ś], [š] уже после того, как процесс перехода s > ś > š закончился. Как известно, этот процесс действовал в марийском до XIII—XIV вв. (в этом убеждают чувашские заимствования из марийского). В ранний период чувашско-марийских контактов марийские слова заимствуются в чувашский с согласным [s]: мр.-луг.: *ший* < *сий* > чув. *сой*, *сий* 'пласт', 'слой дерева'; *шагал* // *шагал* > чув. *сакал*, *сахал* 'мало'. Заимствования более позднего времени из марийского в чувашский передаются уже в измененном виде — с согласным [š]: мр.-луг.: *шашке* > чув. *шашкă* 'бобр'; *кышыл* > чув. *кăшăл* 'ворох' и др. Однако процесс перехода [s], [ś] в [š] в диалектах происходил неравномерно. В малмыжском, кильмезском и некоторых других диалектах качество прамр. [s] не изменилось в подавляющем большинстве случаев: малм. suzar (мр.-луг. шӱжар, ф. sisar) 'младшая сестра', кильм. sül′ö (ф. syli) 'сажень' и др.

§ 33. Марийское слово не могло начинаться со звонкого шумного согласного, а также со стечения шумных согласных. Эта особенность фонетики марийского языка является финно-угорским наследием и ярко проявляется при заимствовании слов из других языков: тат. *буран* > мр.-луг. *поран*, русск. *дьяк* > мр.-луг. *тиак*, русск. *забор* > мр.-луг. *савар*, русск. *горница* > мр.-луг. *корница* и др. Однако в современном марийском языке эти закономерности нередко нарушаются под влиянием тюркских и русского языков (особенно в советский период в связи со всеобучем, влиянием печати, радио и т. д.). Мари в заимствованных русских словах сохраняют звонкое произношение согласных, стечение шумных согласных: *гараж*, *багаж*, *доклад*, *герой*, *студент*, *справка*, *склад* и др. Однако в речи мари старшего поколения и в настоящее время иноязычные слова, подчиняясь фонетическим законам родного языка, не могут начинаться со звонкого взрывного согласного (krusč′ik 'грузчик', reva 'беда', tarja 'Дарья'); мягкий

[44] Груз. Диал. 185—189.

[d'] в этом положении замещается согласным [j]: jelo 'дело', jesaɨnik 'десятник' и др.; при стечении шумных согласных в начале слова происходит выпадение одного из них: мр.-луг. *трук* 'вдруг', мр.-г. *крипица* 'скрипка' (русск. диал. *скрипица*), kuašna 'квашня' или же вставляется дополнительный гласный — протеза: мр.-луг. *йстел* 'стол', мр.-г. *кырис* 'крыса'.

§ 34. В марийском наблюдается прогрессивная ассимиляция по звонкости—глухости и способу образования. Ассимиляция по звонкости происходит после сонантов и шипящего *ж*, ярко проявляясь при словосложении и заимствовании из других языков: *шемгишке* // *шимгишкы* 'гадюка' (*шем* // *шим* 'черный' + *кишке* // *кишкы* 'змея'), *йолвундаш* // *ялвындаш* 'ступня' (*йол* // *ял* 'нога' + *пундаш* // *пындаш* 'основание', 'дно'), *межгем* // *мижгем* 'валенки' (*меж* // *миж* 'шерсть' + *кем* 'сапоги'), *онго* < чув. *ункă* 'кольцо', 'петля', *ынде* < чув. *ĕнтĕ* 'теперь', *ламбе* < русск. *лампа* и др. Ассимиляция по звонкости—глухости наблюдается и при суффиксации: *налза* // *нăлда* 'возьмите', но: *кочса* // *качда* 'ешьте', *йолжо* // *ялжы* 'его нога', но: *почшо* // *пачшы* 'его хвост'; на стыке слов: *куп дене* [kup tene] 'болотом' // *кырык доно* [kə̑rə̑k tono] 'горой', но: *меж дене* // *миж доно* [mež dene // miž dono] 'шерстью'.

К явлениям ассимиляции относится и наблюдавшееся в прошлом озвончение глухих согласных в интервокальном положении: *кӱвар* // *кӹвер* < чув. *кепер* 'мост', *реве* < русск. *репа*, *рожомаж* < русск. *россомаха*, *авагашта* // *ӓвагӓшта* 'матица' (*ава* // *ӓва* 'мать' + *кашта* // *кӓшта* 'перекладина'), *кид* [kit] 'рука', но: *кидым* [ki ðə̑m] 'руку'. В настоящее время эта закономерность уже не действует, имеется множество случаев, когда глухие в интервокальном положении не озвончаются: *кутыраш* // *попаш* 'говорить', *сакаш* 'вешать', 'повесить' и др.

Второй вид ассимиляции — уподобление по способу образования — существует в виде перехода щелевых *в* [β], *г* [ɣ], *д* [ð] в их смычные варианты (в позиции после смычных сонантов *н* [n], *нг* [ŋ], *м* [m]): *кондаш* // *кандаш* [kondaš] [kandaš] 'пришести', но: *кодаш* [koðaš] 'оставлять': *шонго* // *шонгы* [šoŋgo // šoŋgə] 'старый', но: *шого* // *шагы* [šoɣo // šaɣo] 'стой'.

Ассимиляция согласных в истории фонетической системы марийского языка сыграла большую роль — звонкие согласные в нем развились в силу действия этой закономерности.

Метатеза наблюдается в междиалектных соответствиях: *рывыж* // *ӹрвыж* 'лиса', *рӱдӧ* // *ӹрды* 'сердцевина', *умша* // *ышма* 'рот' и др., в иноязычных словах: мр.-г. *селтека* < русск. *седелка*, мр.-луг. *чылвыр* < чув. *валчара* 'цепь', 'цепочка'.

УДАРЕНИЕ

§ 35. Ударение в марийском в основном долготное, хотя в какой-то мере является и силовым (при этом следует заметить, что в марийском ударный гласный выделяется несколько иначе, чем в русском: в отличие от русского языка в марийском не наблюдается редукции гласных в предударных слогах).

Марийское ударение фиксированное, поскольку нельзя произвольно менять его место в слове, в лугово-восточном же оно к тому же разноместное, т. е. в одних словах оно падает на первый слог, в других — на второй и т. д. Например, слово *кӱсменлыше* [küsme·nlɜše] 'рулевой' в лугово-восточном марийском должно быть произнесено в данной грамматической форме с ударением на втором слоге, перенос на любой другой слог слова ведет к нарушению фонетического облика слова. При словообразовании и словоизменении ударение нередко перемещается с одного слога на другой: *ойлӓ́м* 'я говорю', *ӧйлыш* 'он говорил', *ойлымӓ́ш* 'рассказ'. Обусловлено такое перемещение ударения изменениями в фонетическом оформлении слова и особенно — последнего слога слова. Следовательно, ударение в марийском лугово-восточном подвижное. Почти всегда ударным является конечный закрытый слог с гласным *а* или *е*: *ужӓ́м* 'я вижу', *ужӓ́ш* 'он видит'. Если в конечном закрытом слоге выступает гласный *ы*[ə̑], то он всегда безударный, ударение в таком случае падает на первый от конца слова гласный полного образования: *ужатӓ́ш* 'провожать', *ужа́тышым* 'я проводил (провожал)', *кенӓ́жым* 'летом', *ӱ́жым* 'я видел' и т. д. Если в слове во всех слогах имеется только гласный *ы*[ə̑], то ударение падает на первый, иногда второй слог слова: *ыштышым* 'я делал', *пыстылжым* 'его перо' и т. д. Те же фонетические закономерности в постановке ударения в слове наблюдаются и в чувашском языке.

Гласные абсолютного конца слова, обозначаемые в орфографии *о*, *е*, в литературном лугово-восточном всегда безударны и подвергаются редукции, за исключением случаев, когда они выступают в словообразовательных суффиксах: *-е*; *-ге*; *-де*, *-те*: *йыгырӓ́* 'рядом', *кокытӓ́* 'надвое', *вуйгӓ́—почгӓ́* 'с головой и хвостом', т. е. 'полностью'. Таким образом, место ударения в современном лугово-восточном литературном марийском языке зависит от фонетических условий, хотя и наблюдаются случаи морфологизации ударения.

В сложных словах, образованных способом подчинения компонентов, наблюдается главное и второстепенное ударения: *рокнӧлтыш* [ro : knö·ltə̑š] 'грудь' (*рок* 'земля' + *нӧлтыш* 'поднимающий'). Если сложное слово образовано из семантически равноправных компонентов, связанных способом сочинения, оба компонента такого слова получают равноправное ударение: *кӱмыжсовла* [kü·məž-soβla·] 'посуда' (*кӱмыж* 'блюдо' + *совла* 'ложка').

В горномарийском литературном языке ударение в слове обычно падает на пенультиму, т. е. на предпоследний слог слова:

ка́чкаш [ka·č'kaš] 'есть' (в мр.-луг. *кочкаш* [koč'ka·š]), *качкылдалаш* [kač'kə̑lda·laš] 'немного поесть', *кӹмда* [kə̑·mda] 'широкий'. Если вокализм слова во всех слогах представлен гласным ə̑ или ə, то ударение падает на первый или второй от начала слова слог.

В прамарийском ударение падало на первый слог слова, затем в процессе исторического развития языка ударение переместилось на непервые слоги при наличии в них гласных полного образования, прежде всего на *а* и *е*. Таким образом, из фиксированного на первом слоге неподвижного ударения в прошлом развилось качественно-вокальное подвижное ударение с элементами морфологизации [45].

МОРФОЛОГИЯ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 36. Морфологический строй марийского языка характеризуется отсутствием грамматического рода, наличием особого склонения — притяжательного. Марийские падежные окончания выражают только падежные значения.

Имена в марийском языке могут иметь лично-притяжательное оформление, т. е. иметь при себе суффикс, указывающий на лицо, кому принадлежит предмет, выражаемый именем: *тувыр* // *тыгыр* 'платье'—*тувырем* // *тыгырем* 'мое платье', *тувырет* // *тыгырет* 'твое платье'; *ава* // *ӓва* 'мать', *авам* // *ӓвам* 'моя мать', *ават* // *ӓват* 'твоя мать' (термины родства, как правило, не употребляются без притяжательных суффиксов). Имена прилагательные, получая притяжательное оформление, субстантивируются: *чеверем* // *цеверем* 'мой красивый' (мыслится не как признак предмета, а предмет, обладающий данным признаком).

Глагол в марийском языке имеет характерную для финно-угорских языков видо-временну́ю систему: в нем действия, совершающиеся в настоящее время, а также те, которые совершатся в будущем, выражаются одной формой настояще-будущего времени. В марийском глагол не имеет грамматической категории совершенного и несовершенного вида (совершенность и несовершенность действия выражается сочетанием деепричастия со вспомогательным глаголом: *мурен колташ* 'спеть' в отличие от *мураш* 'петь'). Неспрягаемые формы марийского глагола могут иметь лично-притяжательное оформление. Прилагательное в марийском языке грамматически слабо оформлено (нередко трудно установить, к какой грамматической категории следует отнести слово — к имени прилагательному или наречию, прилагательному или существительному).

---

[45] Груа. Диал. 122—125.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 37. Имя существительное в марийских языках характеризуется грамматическими категориями числа, падежа и лично-притяжательности. Имеется два числа: единственное и множественное. Ед. число специального суффикса не имеет. Мн. число в лугово-восточном марийском литературном языке оформляется при помощи суфф. *-влак*, а в горномарийском — при помощи суфф. *-вла*: *ӱдыр-влак* // *ыдыр-вла* 'девушки' (ед. ч. *ӱдыр* // *ыдыр* 'девушка'); в говорах лугового наречия мн. число образуется при помощи суфф. -šaməč′ : ӱ·ðər-ša·məč′ 'девушки; в говорах восточного наречия может встречаться суфф. -lak.

Марийские суффиксы мн. числа являются чувашскими заимствованиями: *-влак* // *-вла* < чув. olak, монг. bŏlag, bŏlŏg 'группа'[46]; мр.-луг. šamə̑č′ < чув.-sam (суфф. мн. ч.).

Прафинно-угорский показатель мн. числа **-t* (см. М. § 12, 13, 14) в марийском языке сохранился в настоящее время в сложном суфф.-*мыт*, употребляемом для выражения групповой множественности лиц, объединенных какими-либо отношениями (родственными, дружественными и др.): *авамыт* 'мой отец с близкими, кто с ним', *йыванмыт* 'Иван с близкими, кто с ним'. Обычно суфф. *-мыт* употребляется с терминами родства или же с собственными именами. Его компоненты: притяжательный суфф. **-m* (1л. ед. ч.) + соединительный гласный -ə̑- + показатель мн. числа -t.

Кроме указанных, в марийском языке имеется суфф. -la, выражающий собирательную множественность, в словах с собирательным значением: *куэрла* // *кугила* 'березняк' (*куэ* // *куги* 'береза'). Суфф. *-ла* нередко выражает обстоятельственную множественность в словах, имеющих формы пространственных падежей: мр.-луг.: *яллаште* 'в селах', *кечылаште* 'на днях'.

Имена существительные, обозначающие отвлеченные понятия, а также вещества, не имеют формы мн. числа: *рвезылык* // *ырвезылык* 'молодость', *вӱд* // *вы̑д* 'вода'.

§ 38. Как в лугово-восточном, так и в горномарийском литературном языке насчитывается семь падежей: именительный (Nominativ), родительный (Genitiv), дательный (Dativ), винительный (Akkusativ), местный (Inessiv), направительный (Illativ), обстоятельственный, отвечающий на вопрос «где?».

Имена существительные имеют основное и лично-притяжательное склонение (см. § 40).

---

[46] Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 61. — Кроме Рамстедта, о марийских суффиксах мн. числа писали и другие ученые финно-угроведы: У. Вихман считал, что суфф. *-влак*, *-вла* происходит от слова pülа 'довольно много' (MSFOu. XXIX 27—30). Уотила суфф. -lak сопоставляет с мордовским словом vel 'деревня' и выводит этимологию этого слова от марийского pülа 'довольно много' (MSFOu. XXIX 27—31); П. Равила суфф. *-влак* тоже возводит к самостоятельному слову (MSFOu. XXVII 94—95).

ОСНОВНОЕ СКЛОНЕНИЕ

	Для гласных основ	*Для согласных основ*
Им.	—	—
Род.	*-н // -н*	*-ын // -ын, -ӹн*
Дат.	*-лан // -лан, -лӓн*	*-лан // -лан, -лӓн*
Вин.	*-м // -м*	*-ым // -ым, -ӹм*
Местн.	*-ште, -што, -штӧ // -шты, -штӹ*	*-ыште, -ышто, -ыштӧ // -ышты, -ӹштӹ*
Напр.	*-шке, -шко, -шкӧ // -шкы, -шкӹ*	*-ышке, -ышко, -ышкӧ // -ышкы, -ӹшкӹ*
Обст.	*-эш, -еш // -эш, -еш -ш // -ш*	*-эш, -еш // -еш*

Фонетические варианты падежных окончаний в лугово-восточном обусловлены законом лабиальной гармонии, в горномарийском — палатально-велярной гармонии.

СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
С ОСНОВОЙ НА ГЛАСНЫЙ ЗВУК

	(на ударяемый) [47]	(на неударяемый)
Им.	*ачá*, 'отец', *пасý* 'поле'	*кúнде // кúнды*, 'хлеб', *ӓта* 'отец'
Род.	*ачáн, пасýн*	*кúндын // кúндын, ӓтан*
Дат.	*ачáлан, пасýлан*	*кúндылан // кундылан, ӓтáлан*
Вин.	*ачáм, пасýм*	*кúндым // кúндым, ӓтам*
Местн.	— *пасýшто*	*кúндыште // кундышты*
Напр.	— *пасýшко*	*кúндышке // кундышкы*
Обст.	— *пасуэш*	*кундéш // кúндéш*

Слова, обозначающие живые существа, могут употребляться только в форме первых четырех падежей.

СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
С ОСНОВОЙ НА СОГЛАСНЫЙ ЗВУК

Им.	*кайык // кек* 'птица'	*вож // важ корень*
Род.	*кáйыкын // кéкын*	*вóжын // вáжын*
Дат.	*кáйыклан // кéклан*	*вóжлан // вáжлан*
Вин.	*кáйыкым // кéкым*	*вóжым // вáжым*
Местн.	—	*вóжышто // вáжышты*
Напр.	—	*вóжышко // важышкы*
Обст.	—	*вожéш // важéш*

[47] В горномарийском нет существительных с основой на ударяемый гласный в абсолютном конце слова.

При склонении существительных во мн. числе падежные суффиксы присоединяются к суффиксам мн. числа: им. *имне-влак || имны-влä* ‘лошади’, род. *имне-влакын || имны-влäн*, дат. *имне-влаклан || имны-влäлан*, вин. *имне-влакым || имны-влäм*.

При обращении к родственникам старше себя употребляется звательная форма с суфф. *-й || -и*: *ачай || äти* (*ача || äта* ‘отец’), *авай || äви* (*ава || äва* ‘мать’).

В форме им. падежа существительные могут выступать в роли определения, находясь перед определяемым, например: им. п. *ломбо укш || ломбы укш* ‘ветвь черемухи’, род. п. *ломбо укшын || ломбы укшын* ‘ветви черемухи’, дат. п. *ломбо укшлан || ломбы укшлан* ‘ветви черемухи’ и т. д.

§ 39. Окончание род. падежа *-н*, *-ын* восходит к ур. *-n (см. М. § 44).

Окончание дат. падежа *-лан* состоит из финно-угорского словообразовательного суфф. *-*l* (см. М. § 79) и уральского лат. суфф. *-ń- (см. М. § 75); древний лат. *n- сохраняется в наречиях: *ончылан || анзылан* ‘впереди’, *ӱмбалан || вӹлан* ‘наверху’ и др.

Окончание вин. падежа *-м(-ым)* в современном марийском употребляется при указании на определенный предмет (*пӧртым шындем* ‘ставлю дом’) и восходит к ур. *-m (см. М. § 48).

Прямое дополнение, управляемое инфинитивной формой, остается немаркированным (*кол кучаш кавена || кол кычаш кена* ‘идем ловить рыбу’).

Окончание местн. падежа *-ште*, *-што*, *-штӧ || -шты*, *-штӹ* состоит из финно-волжского лат. *-s > -š (сохранился в наречиях: *тореш* ‘поперек’, *ваштареш || воштареш* ‘напротив’) и финно-угорского лок. *-t (см. М. § 88, 89, 63).

Окончание напр. падежа *-шке* состоит из упомянутого лат. *-s и финно-угорского лат. *-k (сохранился в наречиях: *велке || вӹлкы* ‘в сторону’, *ончыко || анзыкы* ‘вперед’, см. М. § 88, 71).

Окончание обст. падежа *-ш*, *-еш* восходит к лат. *-s: *пӧртеш кодын* ‘остался дома’ (см. М. § 88).

В прамарийском языке было гораздо больше падежей, чем в современном марийском, о чем свидетельствуют остатки древних падежных формантов в составе современных наречий и послелогов.

Для прамарийского периода восстанавливаются следующие падежи и падежные окончания: именительный — окончание нулевое, родительный — -n, винительный определенный — -m, винительный неопределенный — нулевое, направительный — -la, направительный — -ke, направительный — -ń, направительный — -s > -š, местный — -ne, исходный — -t′ > -č′, продольный (или пролатив) — -le, -t, совместный — -γe, -ke, инструктив — -iń > -ən [48].

---

[48] Список составлен по данным Б. А. Серебренникова (см.: Вопр. мар. I 106) и И. С. Галкина (см.: Галк. I 56).

§ 40. Притяжательные суффиксы присоединяются к основе слова, обозначающего предмет обладания, и указывают на лицо обладателя: *куэм // кугиэм* ‘моя береза’.

ЛИЧНО-ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ

Для гласных основ

		(на ударяемый гласный)	(на неударяемый гласный)
Ед. ч.	1л.	*-м, -эм*	*-м, -ем // -м, -ем*
	2л.	*-т, -эт*	*-ет, -ч // -эт, -т*
	3л.	*-же, -жо, -жӧ*	*-ыже, -ыжо, // -жы, -ыжы -ыжо -жы, -ӹжы*
Мн. ч.	1л.	*-на*	*-ына // -на, -нä*
	2л.	*-да*	*-ыда // -да, -дä*
	3л.	*-шт*	*-ышт // -шты, -штӹ*

Для согласных основ

	Ед. число	Мн. число
1л.	*-ем // -ем*	*-на // -на, -нä*
2л.	*-ет // -ет*	*-да // -да, -дä*
3л.	*-ше, -же // -шы, -жы*	*-ышт // -ышты, -ӹштӹ*
	-шо, -жо // -шы, -жы	
	-шо, -жо	

Лично-притяжательные суффиксы 2-го и 3-го лица ед. числа могут употребляться в непритяжательном значении, соответствующем значению русской частицы *-то*: *Тыже йӹдшӧ пеш пычкемыш // Тыжы йӹдшы пиш пыцкемыш* ‘Осенняя ночь-то очень темная’.

Суффикс мн. числа обычно следует за притяжательным суффиксом, но может и предшествовать ему (в горномарийском чаще предшествует суффиксу притяжательности) *тӹрвыжвлакым // тырвывлäжым* ‘губы свои’ (вин. п.), *тан-влакем // тäнгвлäэм* ‘мои друзья’.

В притяжательном склонении лично-притяжательный суффикс в первых четырех падежах стоит перед падежным окончанием или перед суффиксом мн. числа, а в трех последних падежах — после падежных суффиксов.

ЛИЧНО-ПРИТЯЖАТЕЛЬНОЕ СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

	Ед. число	Мн. число
Им.	*куэ́м // кугиэм* ‘моя береза’	*куэм-вла́к // кугивла́̆эм*
	тувыре́м // тыгы́рем ‘моя рубашка’	*тувырем-вла́к // тыгырвла́̆эм*

Род.	*куэ́мын // кугиэ́мын*	*куэм-вла́кын // кугивлӓ́мын*
	тувыре́мын // тыгыре́мын	*тувырем-вла́кын // тыгырвлӓ́мын*
Дат.	*куэ́мла́н // кугиэ́млан*	*куэм-влакла́н // кугивлӓ́млан*
	тувыре́мла́н // тыгыре́млан	*тувырем-влакла́н // тыгырвлӓ́млан*
Вин.	*куэ́мым // кугиэ́мым*	*куэм-вла́кым // кугувлӓ́мым*
	тувыре́мым // тыгыре́мым	*тувырем-вла́кым // тыгырвлӓ́мым*
Местн.	*куэште́м // кугиэ́штем*	*куэ-влакыште́м // кугивлӑ́штем*
	тувырыште́м // тыгырыштем	*тувыр-влакыште́м // тыгырвлӑ́штем*
Напр.	*куэшке́м // кугиэ́шкем*	*куэ-влакышке́м // кугивлӑ́шкем*
	тувырышке́м // тыгырышкем	*тувыр-влакышке́м // тыгырвлӑ́шкем*
Обст.	*куэше́м // кугиэ́шем*	*куэ-влакеше́м // кугивлӓ́шем*
	тувыреше́м // тыгыре́шем	*тувыр-влакеше́м // тыгырвлӓ́шем*

Лично-притяжательные суффиксы употребляются со всеми категориями слов, выступающими в функции существительных, а также с причастиями, деепричастиями и инфинитивом, исторически выявляются и в притяжательных местоимениях 1-го и 2-го лица мн. числа: *илышыже // илышыжы* ‘жизнь его’, *йошкаргет // якшаргет* ‘твой красный’, *кумытем // кымытем* ‘мои три’, *возымыжо // сирымыжы* ‘написанное им’, *кочкашет // качкашет* ‘твоя еда’ (букв. ‘твое есть’) и т. д.

Категорию лично-притяжательного склонения марийский язык унаследовал от финно-угорской языковой общности (см. М. § 99).

§ 41. *Словообразование имен существительных.* Как правило, многосложные слова в марийском являются словами с производной основой. Двусложные, как правило, имеют непроизводную основу: *юмо // юмы* ‘бог’, *теле // телы* ‘зима’. Однако и среди двусложных немало слов с производной основой: *луман // лыман* ‘снежный’, *пӱнчер // яктер* ‘сосняк’.

Современные марийские словообразовательные (и словоизменительные) суффиксы финно-угорского происхождения, как правило, могут начинаться только с гласных *а, ӓ; е, ы, ӹ*, что связано с фонетической закономерностью, действовавшей в прафинно-угорском языке, где в качестве гласных непервых слогов могли выступать только *-а, -ӓ, -е*, или же с согласных, чаще всего с со-

нантов (см. Ф. § 95, 96, 103). Суффиксы же тюркского происхождения, начинаются с согласных: *-лык*; *-зе*, *-се*; *-сыр*; *-ле* и др.

Имена существительные в марийском образуются способом суффиксации и путем сложения основ.

§ 42. В марийском языке имеется более 40 словообразовательных суффиксов имен существительных. Эти суффиксы образуют имена существительные 1) от имен, 2) от глаголов, 3) как от имен, так и от глаголов.

К первой группе относятся: а) продуктивные суффиксы: *-лык*: *поро // пуры* 'добрый', 'хороший' — *порылык // пурылык* 'доброта'; *-аш* (диал. *-акш*): *тувыр // тыгыр* 'рубаха', 'платье' — *тувыраш // тыгыраш* 'материал для рубахи', 'платья'; *-зе*, *-зо*, *-зӧ // -зы*, *-зӹ*: *кол* 'рыба' — *колызо* 'рыбак', мр.-г. *кӹты* 'стадо' — *кӹтӧзы* 'пастух' (в восточном наречии — *-че*, *-чӧ*, *-чо*: мр.-в. *кӱтӱчӧ* 'пастух'); б) малопродуктивные суффиксы: *-эр*, *-ер* — имеют собирательное значение: *кож // кож* 'ель' — *кожер // кожер* 'ельник', мр.-г. *кӱ* 'камень' — *кӱэр* 'камни'; *-ешке // ешкы*: *имне // имни* 'лошадь' — *имнешке // имнишкы* 'верховой'; *-та // -ита*, *-итӓ*: мр.-луг. *чонга* 'холм' — *чонгата* 'холмик', мр.-г. *лап* 'низкий' — *лапита* 'низина'; суффиксы, встречающиеся в единичных случаях: *-т // -ц*: *келге // келгы* 'глубокий' — *келгыт // келгыц* 'глубина'; *-ньӧ // ньӹ*: *чӱчӱ // цӹцы* 'младший брат матери' — *чӱчӱньӧ // цӹцыньы* 'жена младшего брата матери' (ф.-у. **ńe* 'женщина', Л. § 4); *-ле*, *-ло*, *-лӧ // -лы*, *-лы*: *вӱд // вы̆д* 'вода', *вӱтеле // вы̆тельы* 'кулик'; суффиксы, встречающиеся в одном из литературных языков или только в диалектах: мр.-г. *-ес*: *лоптырес* (мр.-луг. *лоптыра* 'неаккуратный', 'нескладный' (о человеке), *-ишка* — русское заимствование: мр.-г. *ороды* 'глупый' — *ородишка* 'глупышка'. Только в говорах восточного наречия встречается суфф. -пе: lзре·ńе (мр.-луг. *лыве*) 'бабочка'; суффиксы, вносящие в личные имена уменьшительно-ласкательное значение: *-ук*, *-уш*: *Верук* 'Верочка', *Веруш* 'Верушка', *Анук* 'Анечка', *Петюш* 'Петенька', *Санук* 'Саночка'.

Ко второй группе относятся: а) продуктивные суффиксы: *-маш // -маш*, *-мӓш*: *кутыраш // кытыраш* 'беседовать', 'говорить' — *кутырымаш // кытырымаш* 'беседа'; *-чык // -зык*, *-цык*: мр.-луг. *мокталаш* 'хвалиться' — *мокталчык* 'хвастун', мр.-г. *кукташ* 'путать' — *куктынзык* 'путаница'; -ем // -ем: *руаш // роаш* 'рубить' — *руэм // роэм* 'вырубка', *илаш // ӹлаш* 'жить' — *илем // ӹлем* 'жилье'; б) малопродуктивные суффиксы: *-ыш // -ыш*, *-ӹш*: *кочкаш // качкаш* 'есть' — *кочкыш // качкыш* 'еда'; *-е // -е*: *шокташ // шакташ* 'просеивать' — *шокте // шакте* 'решето'; *-ыл // -ыл*, *-ӹл*: *ошкедаш // ашкедаш* 'шагать' — *ошкыл // ашкыл* 'шаг'; *-еж*: *пунчаш // пынзаш* 'крутить', 'вертеть', 'выжимать' — мр.-луг. *пӱнчеж* 'дерево со свилеватыми волокнами', мр.-г. *пынзеж* 'прядь'.

К третьей группе относятся малопродуктивные суффиксы: *-ык // ык*, *-ӹк*: *пырче // пӹрцы* 'зерно', 'крупица' — *пырчык* 'крупинка' // *пырцык* 'малышка', мр.-г. *мерцаш* 'хиреть' — *мерцык*

'хронический больной'; *-ка // -ка, -кӓ: вӱдылаш // вӹдылаш* 'завертывать' — *вӱдылка // вӹдылка* 'сверток', *ӱмыл // ӹмыл* 'силуэт', 'тень' — *ӱмылка // ӹмылка* 'тень'; *-ак // -ак, -äк: иза // ӹза* 'старший брат', 'дядя', *шольо // шольы* 'младший брат' — *изак-шоляк // ӹзак-шоляк* 'братья', *кочо // качы*, 'горький', *шопо // шапы* 'кислый' — *кочак-шопак // качак-шапак* 'горько-кислый'; *-зе, -зо, -зӧ // -зы, -зӹ: ургаш // ыргаш* 'шить' — *ургызо // ыргызы* 'портной'.

§ 43. Часть словообразовательных суффиксов имен существительных имеет уральское происхождение[49], например, суфф. *-ер* < ур. **-r* (суффикс отыменных существительных): *нӧлпер // лӱлпер* 'ольшняк', 'заросли ольхи'; *-че, -цы* < ур. **-č'*: *регенге // рехень* 'мох'; *-та // -та, -тӓ* > ур. **-tt*: мр.-луг. *чонгата* 'холмик'; *-ле, -л, -льӧ // льӹ*: ур. **-l*: *вӱтеле // вӹтельы* 'кулик'; *-ме, -мӧ // -мы, -мӹ* < ур. **-m*: мр.-луг. *пӱгыльмӧ* 'шишка', мр.-г. *пӹзыллмы* 'рябина'; *-ыш, -иш, -ыкш* < ур. **-ks*, **-s*: *пылыш* (диал. pə̑lə̑kš) 'ухо'.

Финно-угорское происхождение имеют суфф. *-не*: мр.-в. lə̑peńe 'бабочка' (ф.-у. **-ń* + **-je*, либо ур. **-n*, либо **-ń*), *-т // -ц*: *келгыт // келгыц* 'глубина' (ф.-у. **-t* для отыменных имен); *-аш // -аш, -äш* (диал. -akš) (ф.-у. **-k*+**-s*).

Ряд сложных суффиксов образовался в марийском в период его самостоятельного развития путем сложения различных суффиксов, существовавших еще в общефинно-угорский период: суфф. *-енче* сложился из финно-угорских суфф. **-ne* и **-č'e* (мр. диал. -əncə, -encə): мр.-луг. *волгенче* 'молния', сев.-зап. mokšə̑ncə̑ 'налим' (от *моки* 'печень'). В образовании мр.-г. *валгынзыш* 'молния' приняли участие суфф. **-ne*; **-ce*; **-s*. Суфф. *-ешке // -ешкы* восходит к **-sk* отыменных глаголов: *имне // имни* 'лошадь' — *имнешке // имнишкы* 'верховой'.

Ряд словообразовательных суффиксов имен существительных имеет тюркское происхождение: *-лык*: *таза // шу* 'здоровый' — *тазалык // шулык* 'здоровье'; *-чык // -зык*: *пудранаш // пыдранаш* 'мешаться', 'смешиваться' — *пудранчык // пыдранзык* 'мешанина'; *-зе, -зо, -зӧ // -зы, -зӹ* являются фонетическим вариантом чувашского *-се*: *кутыраш // кытыраш* 'говорить' — *кутырызо // кытырызы* 'говорун'.

§ 44. Весьма продуктивным способом образования имен существительных является словосложение. В зависимости от способа связи компонентов, входящих в состав сложного слова, они могут быть подчинительного типа (когда первый компонент поясняет второй): *шинчавӱд // сӹнзавӹд* 'слезы' (*шинча // сӹнза* 'глаза' + *вӱд // вӹд* 'вода'), *йолгорно // ялгорны* 'тропинка' (*йол // ял* 'нога' + *корно // корны* 'дорога'), *йошкаронг // якшаронг* 'снегирь' (*йошкар // якшар* 'красный' + *онг // онг* 'грудь') и сочинительного типа (когда оба компонента равноправны): *кид-йол // кид-ял* 'ко-

[49] См. Галк. II 13.

нечности' (*кид* 'рука' + *йол* // *ял* 'нога'), *тувыр-йолаш* // *тыгыр-ялаш* 'белье' (*тувыр* // *тыгыр* 'рубашка' + *йолаш* // *ялаш* 'штаны'), *йӱд-кече* 'сутки' (*йӱд* // *йӹд* 'ночь' + *кече* // *кечы* 'день').

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 45. По значению и грамматическим признакам имена прилагательные делятся на качественные и относительные.

Качественные имена прилагательные имеют три формы степеней сравнения: положительную, сравнительную и превосходную: *кӱжгӧ* // *кӹжгы* 'толстый', *кӱжгырак* // *кӹжгырак* 'толще', *эн кӱжгӧ* // *сек кыжгы* 'самый толстый'. Качественные прилагательные, обозначающие цвет предмета, имеют краткую и полную формы: *ошо* // *ошы* 'белый' — *ош* // *ош* 'бел'.

В марийском значение сравнительной степени выражается двумя способами: 1) аналитическим и 2) с помощью формообразующего суфф. *-рак* // *-рак*, *-рӓк*.

При аналитическом способе выражения значения сравнительной степени констатируется факт абсолютного преобладания какого-то качества в одном предмете по сравнению с другим (при этом оба сравниваемые по качеству предмета должны быть названы): *Лум кагаз деч ошо* 'Снег белее бумаги'. Слово, обозначающее признак, не получает морфологического показателя сравнительной степени, а слово, обозначающее то, с чем производится сравнение, выступает в форме отложительного (отделительного) падежа с суфф. -lеӵ' (в диалектах), либо сопровождается послелогами *деч* (в лугово-восточном литературном языке и в большинстве его диалектов), *гӹц* (в горномарийском литературном языке и в говорах северо-западного наречия). В образовании падежного суфф. lеӵ' и послелогов *деч* // *гыц* прослеживается древний морфологический показатель абл. **-t*. Послелоги *деч* // *гӹц* и суфф. -lеӵ' употребляются и при суффиксальном способе образования сравнительной степени, например: *Мый тудо деч вияҥрак улам* // *Мӹнь тӹды гӹц силанрак ылам* 'Я сильнее его (ее)'.

Весьма продуктивным является другой способ образования формы сравнительной степени — с помощью суфф. *-рак*, заимствованного из чувашского языка: *кугу* // *кого* 'большой' — *кугырак* // *когорак* 'больше'. При наличии в слове суфф. *-рак* порядок расположения аффиксов следующий: корень слова + словообразовательный суффикс + суфф. -рак + притяжательный суффикс + падежное окончание + усилительная или соединительная частица (*-ак*; *-ыс*; *-ат*): *кугыракшылалат* 'и более старшему', *ошалгыракетымат* 'и несколько беловатый тоже'.

Значения превосходной степени, а также высокой степени качества выражаются при помощи слов *эн* // *сек* 'самый', *пеш* // *пиш* 'очень', *путырак* // *пӓтар* 'чрезвычайно', *моткоч* 'чересчур': *пеш шеме* // *пиш шымы* 'очень черный', *эн кугу* // *сек кого* 'самый большой', *путырак чевер* // *пӓтар ӵевер* 'очень красивый'.

Относительные прилагательные обозначают признаки предметов по их отношению к месту (*олась // халаштышы* ‘городской’ от *ола // хала* ‘город’), времени (*кызытсе // кызыттшы* ‘теперешний’ от *кызыт* ‘сейчас’), веществу, входящему в состав предмета (*вӱдан // вӹдан* ‘водянистый’ от *вӱд // вӹд* ‘вода’).

§ 46. В роли существительных прилагательные могут изменяться по числам, падежам и формам лично-притяжательности, получая те же падежные окончания, что и имена существительные:

Ед. число

Им.	*йошкарге // якшаргы* ‘красный’	Местн.	*йошкаргыште // якшаргышты*
Род.	*йошкаргын // якшаргын*	Напр.	*йошкаргышке // якшаргышке*
Дат.	*йошкаргылан // якшаргылан*	Обст.	*йошкаргеш // якшаргеш*
Вин.	*йошкаргым // якшаргым*		

Имена прилагательные в притяжательном оформлении субстантивируются:

Ед. число	Мн. число
1 л. *чеверем // цеверем* ‘мой красивый’	*чеверна // цеверна* ‘наш красивый’
2 л. *чеверет // цеверет* ‘твой красивый’	*чеверда // цеверда* ‘ваш красивый’
3 л. *чеверже // цевержы* ‘его красивый’	*чеверышт // цеверышт* ‘их красивый’

В первых четырех падежах притяжательные суффиксы предшествуют падежным: им. п. *чеверем // цеверем*, род. п. *чевернлын // цеверемын*, дат. п. *чеверемлан // цеверемлан*, вин. п. *чеверемым // цеверемым*; в местном, направительном и обстоятельственном падежах притяжательные формы могут употребляться как перед падежными окончаниями, так и после них: местн. п. *чеверемыште // цеверемышты* или же *чеверыштем // цеверыштем* ‘в моем красивом’, напр. п. *чеверемышке // цеверемышкы* или же *чеверышкем // цеверышкем* ‘в мой красивый’; обст. п. *чеверемеш // цеверемеш* или же *чеверешем // цеверешем* ‘в моем красивом’.

§ 47. Имена прилагательные образуются двумя способами: при помощи суффиксов и путем сложения основ.

При помощи суффиксов имена прилагательные образуются чаще всего от имен существительных, а также от прилагательных, наречий, глаголов, некоторых указательных местоимений и изобразительных слов. Наиболее употребительными являются суффиксы:

-се, -со, -сӧ // -шы, -шӹ — продуктивный, присоединяется к ос-

новам имен существительных (в горно-марийском суфф. *-шы, -шӹ* присоединяется к суффиксу местн. падежа имени *-шты, -штӹ*: *ола || хала* 'город' — *оласе || халаштышы* 'городской'); к основам наречий места и времени: *мӱндыр || мӹндыр* 'далеко' — *мӱндурсӧ || мӹндырныш* 'далекий'; некоторых указательных местоимений: *ты* 'этот' — *тысе || тыштышы* 'здешний'. Э. Беке полагает, что суфф. *-се, -со, -сӧ* (в диалектах *-śe, -śo, śö*) восходит к ts-овому суффиксу или заимствован [50]. В ряде финно-угорских языков выявляются суффиксы, аналогичные марийскому суфф. *-се, -со, -сӧ*, например: э. *икельсе* 'передний', к. *январся* 'январский';

-ан || -ан, -ӓн — продуктивный, образует имена прилагательные от существительных: *вӱд || вӹд* 'вода' — *вӱдан || вӹдал* 'водянистый', *йылме || йӹлмы* 'язык' — *йылман || йӹлман* 'языкастый', 'острый на язык'; исторически восходит к ф.-у. **-n* отыменных прилагательных [51];

-дыме, -дымо, -дымӧ || -дымы, -дӹмы образует прилагательные, обозначающие признак по отсутствию того предмета или действия, от названия которого произведено имя прилагательное: *кид-йол || кид-ял* 'конечности' (*кид* 'рука'+*йол* 'нога') — *кид-дыме-йолдымо || киддымы-ялдымы* 'безрукий—безногий', т. е. 'без конечностей', *йӧраш || яраш* 'годиться' — *йӧрдымо || ярдымы* 'негодный'. Имеет соответствия и в других финно-угорских языках: ф. *-ttoma* (*-ttöma*), мд. *-втомо*, к.-з. *-том*, у. *-тем*;

-алге || -алгы, -та || -ита, -итӓ, -ка || -ика указывают на неполноту качества: *шеме || шимы* 'черный' — *шемалге || шималгы* 'черноватый', *лапка || лап* 'низкий' — *лапката || лапита* 'низковатый', *кужу* 'длинный' — *кужака || кужика* 'длинноватый'. В настоящее время эти суффиксы непродуктивны. К непродуктивным же относится ряд древних по происхождению суффиксов;

-аш || -аш, -ӓш: кыдал || кӹдал 'поясница' — *кыдалаш || кӹдалаш* 'средний', *ӱшкыж* 'бык' — *ӱшкыжаш презе* 'бычок' (досл. 'телепок, который станет быком'); восходит к ф.-у. **-kse* и **-se* (ср. диал. d'erakš 'озерко' от d'er 'озеро') [52];

-ра || -ра, -рӓ; мр.-луг. *йытыр* 'скалка' — *йытыра* 'стройный', мр.-г. *лӓнзы* 'слой' — *лӓнзыра* 'лохматый', восходит к древнеуральскому **r*-овому суффиксу имен прилагательных [53];

-ле, -ло, -лӧ || -лы, -лӹ: мр.-луг. *куат* 'мощь', 'сила' — *куатле* 'мощный'; мр.-г. *лӹм* 'имя' — *лӹмлы* 'авторитетный'; имеют тюркское происхождение (ср. чув. *чап* 'слава' — *чаплӑ* 'славный' > мр.-луг. *чапле* 'хороший', 'славный').

§ 48. Способом сложения основ образуется относительно небольшое число имен прилагательных. Для обозначения оттенков

---

[50] Beke CsNy. 131.
[51] Leht. Abl. 138.
[52] Галк. II 20, 54.
[53] Галк. II 56.

цветов используются сложные имена прилагательные, состоящие а) из основ двух качественных имен прилагательных: *ошалге-нарынче* // *сталгы-саре* ‘светло-желтый’, *кочак-шопак* ‘горько-кислый’; б) из основ двух относительных имен прилагательных: *ушан-акылан* // *ышан-акылан* ‘обладающий умом-рассудком’, *киддыме-йолдымо* // *киддымы-ялдымы* ‘без рук, без ног’; в) имени числительного и относительного имени прилагательного с суфф. *-аш*, *-яш*: *кумияш* // *кымияш* ‘трехгодовалый’.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 49. По своему значению и грамматическим формам имена числительные делятся на количественные, порядковые, дробные и совместные. Количественные числительные квалифицируются как определенно-количественные и неопределенно-количественные.

§ 50. О п р е д е л е н н о - к о л и ч е с т в е н н ы е числительные от одного до девяти имеют две формы: неопределительную (полная) и определительную (краткая):

Полная форма	Краткая форма	
икте, *иктыт* // *икты*, *иктыт*	*ик* // *ик*	‘один’
коктыт // *кокты*	*кок* // *кок*	‘два’
кумыт // *кымыт*	*кум* // *кым*	‘три’
ныльт // *нӹльт*	*ныл* // *нӹл*	‘четыре’
визыт // *вӹзыт*	*вич* // *вӹц*	‘пять’
кудыт // *кудыт*	*куд* // *куд*	‘шесть’
шымыт // *шӹмыт*	*шым* // *шӹм*	‘семь’
кандаше // *кандакшы*	*кандаш* // *кандакш*	‘восемь’
индеше // *ӹндекшы*	*индеш* // *ӹндекш*	‘девять’

Полная форма числительных употребляется для обозначения отвлеченного числа, а также при счете, а краткая как определение при определяемом, а также с послелогом *гана* // *гӓна* ‘раз’: *кок меранг* // *кок морен* ‘два зайца’, *ныл омаш* // *нӹл амаш* ‘четыре шалаша’, мр.-луг. *кок гана лудын лектынам* ‘два раза прочитал’.

По своему составу определенно-количественные числительные делятся на простые (состоят из одного корня; к ним относятся числительные, обозначающие числа от 1 до 10, а также *шӱдӧ* // *шӱды* ‘сто’, *тӱжем* // *тӹжем* ‘тысяча’), сложные (от одиннадцати до девятнадцати состоят из двух корней — числительного *лу* // *лу*, *-лы* ‘десять’ и числительного, обозначающего единицу, связанных при помощи союзной частицы *-ат*, а при обозначении десятков и сотен — без нее: *латикте* // *луатиктыт* ‘одиннадцать’ (*лу* + *-ат* + *икте* // *икты*, досл. ‘один и десять’), *коло* // *коклы* ‘двадцать’ (*кок* + *лу* // *лӹ*), *кокшӱдӧ* // *кокшӱды* ‘двести’ (*кок* + *шӱдӧ* // *шӱды*), составные (состоят из нескольких числитель-

ных как простых, так и сложных: *тӱжем индешшӱдӧ кудло кумыт || тӧшжем ӧндекшшӱды кудлу кымыт* ‘тысяча девятьсот шестьдесят три’).

Неопределенно-количественные числительные (*шуко || шукы* ‘много’, *шагал || чӧды* ‘мало’, *икмыняр || икманяр* ‘несколько’ и др. могут сочетаться как с существительными, означающими исчисляемые предметы, так и с существительными неисчисляемыми: *шуко жап || шукы жеп* ‘много времени’, *шуко кол || шукы кол* ‘много рыбы’.

§ 51. Дробные числительные имеют в числителе краткую форму количественного числительного, в знаменателе — порядковое числительное в форме им. падежа: *кум нылымше || кым нӧлымшы* ‘три четверти’; «половина» обозначается словом *пеле || пелы*, «четверть» — *черык || церпет* (мр.-в. č′erə̑k), «восьмушка» — *осмушка*. Для обозначения целого при дробных употребляются слова: мр.-луг. *тичмаш*, мр.-г. *целый*, *цицок*, *тӧрыс*. Смешанные дроби, имеющие в своем составе числительное *пеле || пелы* ‘половина’, образуются без слов, обозначающих целое, союзная частица *-ат* в таких случаях прибавляется к числительному, выражающему целое число: *кумытат пеле || кымытат пелы* ‘три с половиной’.

§ 52. Особую группу составляют совместные числительные, выражающие совокупность лиц в количестве от двух до четырех, выступающие как одно целое. Такие числительные всегда выступают в лично-притяжательной форме мн. числа: мр.-луг. *когылянна* ‘нам двоим’, *когылянышт* ‘им двоим’. Исторически совместные числительные образовались при помощи суффикса комитатива-инструктива *-ӈ*, что хорошо прослеживается на диалектных формах, например, перм. kumə̑ńlanə̑št ‘им троим’ (мр.-луг. *кумыляныштт*).

Совместные числительные выступают только в форме трех падежей: мр.-луг.: родительного (*нылыннян* ‘нас четверых’), дательного (*нылынняланн* ‘нам четверым’), винительного (*нылынням* ‘нас четверых’).

§ 53. Порядковые числительные образуются, как правило, от краткой формы количественных числительных с помощью суфф. *-ымше*, *-ымшо*, *-ымшӧ || -ымшы*, *-ымшӧ*, а также суфф. *-ше*, *-шо || -шы*, *-шӧ*, например: *ик || ик — икымше || икшы* ‘первый’, *кок || кок — кокымшо || кокшы* ‘второй’, *кум || кым — кумшо || кымшы* ‘третий’, *ныл || нӧл — нылымше || нӧлымшы* ‘четвертый’, *вич || вӧч — визымше || вӧзымшы* ‘пятый’, *куд || кыд — кудымшо || кудымшы* ‘шестой’, *шым || шӧм — шымше || шӧмшы* ‘седьмой’, *кандаш || кандакш — кандашымше || кандакшымшы* ‘восьмой’, *индеш || ӧндекш — индешымше || ӧндекшымшы* ‘девятый’, *лу || лу — луымшо || луымшы* ‘десятый’, *латик || луатик — латикымше || луатикшы* ‘одиннадцатый’, *латкок || луаткок — латкокымшо || луаткокшы* ‘двенадцатый’, *латкум || луаткым — латкумшо || луаткымшы* ‘тринадцатый’, *латнын || луатнӧл —*

латнылымше // луатнӹлымшы ‘четырнадцатый’, *латвич // луатвӹц — латвизымше // луатвӹзӹмшы* ‘пятнадцатый’, *латкуд // луаткуд — латкудымшо // луаткудымшы* ‘шестнадцатый’, *латшым // луатшӹм — латшымше // луатшӹмшы* ‘семнадцатый’, *латкандаш // луаткандакш — латкандашымше // луаткандакшымшы* ‘восемнадцатый’, *латиндеш // луатӹндекш — латиндешымше // луатӹндекшымшы* ‘девятнадцатый’, *коло // коклы — колымшо // коклышы* ‘двадцатый’, *кумло // кымлы — кумлымшо // кымлышы* ‘тридцатый’, *нылле // нӹллы — нылльымше // нӹллышы* ‘сороковой’, *витле // вӹцлы — витлымше // вӹцлышы* ‘пятидесятый’, *кудло // кудлу — кудлымшо // кудлушы* ‘шестидесятый’, *шымле // шӹмлу — шымлуымшо // шӹмлушы* ‘семидесятый’, *индешлу // ӹндекшлу — индешлуымшо // ӹндекшлушы* ‘девяностый’, *шӱдӧ // шӱды — шӱдымшӧ // шӱдымшы* ‘сотый’.

§ 54. Склоняются только полные (неопределительные) формы количественных числительных (как известно, такую форму они имеют только при изолированном употреблении), получая при этом те же падежные окончания, что и имена существительные.

Им.	*визыт // вӹзыт* ‘пять’	*витле // вӹцлы* ‘пятьдесят’
Род.	*визытын // вӹзытын*	*витлын // вӹцлын*
Дат.	*визытлан // вӹзытлан*	*витлылан // вӹцлылан*
Вин.	*визытым // вӹзытым*	*витлым // вӹцлым*
Местн.	*визытыште // вӹзытышты*	*витлыште // вӹцлышты*
Направ.	*визытышке // вӹзытышкы*	*витлышке // вӹцлышкы*
Обст.	*визытеш // вӹзытеш*	*витлеш // вӹцлеш*

Порядковые имена числительные также склоняются в случаях замещения ими имен существительных. При склонении составных числительных падежное окончание получает только последний компонент.

Им.	*шӱдӧ коло шымше // шӱды коклы шӹмшы* ‘сто двадцать седьмой’
Род.	*шӱдӧ коло шымшын // шӱды коклы шӹмшын*
Дат.	*шӱдӧ коло шымшылан // шӱды коклы шӹмшылан*
Вин.	*шӱдӧ коло шымшым // шӱдо коклы шӹмшым*
Местн.	*шӱдӧ коло шымшыште // шӱды коклы шӹмшышты*
Направ.	*шӱдӧ коло шымшышке // шӱды коклы шӹмшышкы*
Обст.	*шӱдӧ коло шымшеш // шӱды коклы шӹмшеш*

§ 55. Числительные от одного до шести имеют общефинно-угорское происхождение (М. § 112). Числительные *кандаше // кандакшы* ‘восемь’ и *индеше // ӹндекшы* ‘девять’ по происхождению сложные: они образовались из кратких форм числительных *ик* ‘один’, *кок* ‘два’ и числительного ‘десять’ (общеиндоевропейская форма deksa ‘десять’), заимствованного из древнеиранских языков: *икым + декса > икымдекше > имдекше > индекше > индеше* ‘девять (один (отнятый) от десяти)’, *какым + декса > ка-*

кымдекше > *камдакше* > *кандаше* ‘восемь (два (отнятые) от десяти)’. Числительное *лу* (луо) ‘десять’ имеет собственно марийское происхождение, первоначально оно означало счет (диал. luδaš ‘считать’).

Образование полной формы количественных числительных шло при помощи суффикса с t-овым элементом, который первоначально был суффиксом порядковых числительных, что подтверждается данными других финно-угорских языков: мс. *сат* ‘семь’ — *сатит* ‘седьмой’, у. *нъыль* ‘четыре’ — *нъылетий* ‘четвертый’, мд. (дракинский диалект) *нилe* ‘четыре’ — *нилите* ‘четвертый’. В марийском языке t-овый суффикс потерял свое порядковое значение и стал употребляться в системе количественных числительных [54].

Исходя из данных финно-угорских языков, можно реконструировать следующие древне-марийские формы числительных [55].

ф.-у. форма	Прамр. форма
*ekte	*иктет* > *иктыт*
*kakte	*какте* > *кокте* > *кокты* > *коктыт*
*kδlmδ	*кулме* > *куллете* > *кулете* > *кумыт*
*nele	*ниле* > *нилете* > *нильыте* > *нъыт*
*vete	*вите* > *виде* > *визе* > *визыте* > *визыт*
*kute	*кутете* > *кутыт* > *кудыт*

Суфф. *-ымше*, *-ымшо*, *-ымшӧ* // *-ымшы*, *-ӹмшӹ*, образующий порядковые числительные, имеется и в чувашском в форме *-маш*, *-меш*: *перемше* ‘первый’, *иккемеш* (*е*) ‘второй’, однако в других тюркских языках он не встречается, следовательно, его нельзя считать тюркским по происхождению. Суфф. *-ымше* // *-ымшы*, образующий порядковые числительные, сложный и, по-видимому, возник на марийской почве, как суффикс имен прилагательных: древний уральский суффикс отыменных прилагательных *-m и суффикс относительных имен прилагательных -се; -со, -сӧ затем перешедший в *-ше*; *-шо*, *-шӧ* // *-шы*, *-шӹ*. Развитие суффикса, образующего порядковые имена числительные, можно представить в следующем виде: *-meśe > *məśe > *mśe > *mše [56].

МЕСТОИМЕНИЯ

§ 56. Местоимения делятся на личные, указательные, вопросительно-относительные, определительные, неопределенные, отрицательные.

§ 57. Личные местоимения. Различаются собственно-личные местоимения: *мый* // *мӹнь* ‘я’, *тый* // *тӹнь* ‘ты’, *ме* // *мӹ* ‘мы’, *те* // *тӹ* ‘вы’; лично-указательные: *тудо* // *тӹды* ‘он’, ‘тот’, *нуно* //

[54] Галк. I 100—101, 108—109.
[55] Галк. I 99—104.
[56] Галк. I 109.

нӹны ‘они’, ‘те’. Корни личных местоимений 1-го и 2-го лица восходят к общефинно-угорским архетипам[57]. Личные и личноуказательные местоимения могут получать формы только субъектно-объектных падежей:

Им.	*ме // мӓ* ‘мы’	*те // тӓ* ‘вы’
Род.	*мемнан // мӓмнаӈ* ‘наш’	*тендан // тӓмдан* ‘ваш’
Дат.	*мыланна // мӓланна* ‘нам’	*тыланда // тӓланда* ‘вам’
Вин.	*мемнам // мӓмнам* ‘нас’	*тендам // тӓмдам* ‘вас’

Им.	*нуно // нӹны* ‘они’
Род.	*нунын // нӹнын* ‘их’
Дат.	*нунылан // нӹнылан* ‘им’
Вин.	*нуным // нӹным* ‘их’

Формы косвенных падежей личных местоимений *ме // мӓ* ‘мы’ и *те // та* ‘вы’ образованы при участии лично-притяжательных суффиксов, причем в дат. падеже лично-притяжательный суффикс находится после падежного суффикса, а в родительном и винительном — перед падежным суффиксом. Лично-притяжательный суффикс входит также в форму дат. падежа местоимения *мый // мӹнь* ‘я’ и *тый // тӹнь* ‘ты’, в остальных же формах падежные окончания присоединяются непосредственно к местоимению: дат. п. *мыланем // мӹланем* ‘мне’, *тыланет // тӹланет* ‘тебе’; род. п. *мыйын // мӹнын* ‘мой’, *тыйын // тӹньын* ‘твой’; вин. п. *мыйым // мӹнным* ‘меня’; *тыйым // тӹньым* ‘тебя’.

Позднепрамарийскими формами 1-го и 2-го лица ед. числа являются: mine ‘я’, tine ‘ты’, из раннепрамарийских menä ‘я’, tenä ‘ты’, mäk ‘мы’, täk ‘вы’, где -k показатель мн. числа[58], а -ä- восходит к ф.-у. местоименному суфф. -e-.

В формах род. и вин. падежей мн. числа личных местоимений 1-го и 2-го лица наблюдается местоименный суфф.* n'(m) *мемнан // мӓмнаӈ* ‘наш’, *мемнам // мӓмнам* ‘нас’, *тендан // тӓмдан* ‘ваш’, *тендам // тӓмдам* ‘вас’[59].

Путем повторения краткой формы местоимения 3-го лица *ту* > *ты // тӹ* образовались *тудо // тӹды* ‘он’ (оно же и указательное местоимение)[60]. Прамарийской формой местоимения *нуно // нӹны* ‘они’ было nʊnʊ, состоящая из повторения местоименного корня nu[61].

§ 58. Указательные местоимения по указанию на близкий или отдаленный предмет образуют пары: *тиде // тиде* (краткая форма *ты // ти*) ‘этот’ — *тудо // тӹды* ‘тот’, *седе // седы* ‘этот’ — *саде // сады* ‘тот’, *теве // тевы* ‘вот этот’ — *тӧвӧ // тӹве* ‘вот тот’ (мр.-в. tüβö ‘вот тот’), *тыгай // техень* ‘такой’ — *ту-*

[57] Майт. Мест. § 81.
[58] Галк. I. 86.
[59] Майт. Мест. § 168.
[60] Майт. Мест. § 117.
[61] Майт. Мест. § 48.

гай // тӹхень ‘тот такой’, *тинаре // тӹнары* ‘столько’ — *тунаре* ‘столько (с указанием на дальний предмет)’.

Указательные местоимения, замещая существительные, склоняются как имена существительные: им. п. *тыгай // техень* ‘такой’, род. п. *тыгайын // теченьын* ‘такого’, дат. п. *тыгайлан // теченьлан* ‘такому’, вин. п. *тыгайым // теченьым* ‘такого’. В формах пространственных падежей указательные местоимения употребляются, когда они указывают на неодушевленные предметы.

Указательное местоимение *ты // ти* ‘этот’ в современном марийском по падежам не изменяется, однако наречия, образованные от местоимения *ты//ти* свидетельствуют о том, что некогда это местоимение склонялось: *тыште // тишты* ‘здесь’, *тышке // тишкы* ‘сюда’, *тышан // тишак* ‘здесь’.

§ 59. Вопросительно-относительные местоимения: *кӧ // кӱ* ‘кто’ (по отношению к человеку), *мо // ма* ‘что’ (по отношению к остальным живым существам и всем предметам), *могай // махань* ‘какой’, *кудо // кыды* ‘который’, *мыняр // маняр* ‘сколько’, *кунар // кунар* ‘сколько’; употребляются в качестве: а) вопросительных слов в вопросительных предложениях (*Мо лийын вара? // Ма лин вӓра?* ‘Что же случилось?’), б) союзных слов — в этом случае они выступают в значении относительных местоимений в сложноподчиненных предложениях (*Мом кӱштет, чыла ыштем // Мам шӱдет, цила ыштем* ‘Что велишь, все сделаю’).

Вопросительно-относительные местоимения склоняются так же, как и существительные, и могут иметь притяжательное оформление. Местоимение *кӧ // кӱ* имеет формы только субъектно-объектных падежей:

Им.	*кӧ // кӱ* ‘кто’	*мо // ма* ‘что’	*могай // махань* ‘какой’
Род.	*кӧн // кӱн* ‘чей’	*мон // ман* ‘чей’	*могайын // маханьын* ‘какого’
Дат.	*колан // кӱлан* ‘кому’	*молан // малан* ‘чему’	*могайлан // маханьлан* ‘какому’
Вин	*кол // кӱм* ‘кого’	*мом // мам* ‘что’	*могайым // маханьым* ‘какой’
Местн.	—	*мошто // машты* ‘в чем’	*могайыште // маханьышты* ‘в каком’
Напр.	—	*мошко // машкы* ‘во что’	*могайышке // маханьышкы* ‘в какой’
Обст.	—	*моэш // маэш* ‘в чем’	*могаеш // маханьэш* ‘в каком’

В образовании местоимений *мыняр // маняр* 'сколько', *кунар // кунар* 'сколько' участвует послелог *наре*: *мо + наре // ма + няре*, а в образовании *могай // махань* 'какой' (как и в местоимениях *тыгай // техень* 'такой', *тугай // тыхень* 'такой') — послелог *гай // гань* > *хань-* > *-хень*; *кудо // кыды* состоит из двух местоименных корней — вопросительного ku // kə- и указательного tu // tə [62].

§ 60. Определительные местоимения: *шке // ӹшке* 'сам', 'свой', *весе // весы* 'другой' *моло // молы* 'другие', *южо // южы* 'иной', *кажне // кажны* 'каждый'. Местоимение *шке // шке* состоит из финно-угорского местоименного корня ə̑š < eś (ас. ise 'сам', мд. *эсь* 'меня', к.-з. *ась* 'свой') и усилительной частицы -ke, которая имеется в ряде других финно-угорских языков (ф. minäkin 'я же', эс. minägi 'тж'). Местоимение *шке // шке*, первоначально означавшее 'сам же' [63], в настоящее время служит для передачи значений: 1) свой (выступая в роли притяжательного местоимения): мр.-луг. *Пий шке сусыржым шке нулен тӧрлата* 'Собака свою рану сама, вылизывая, залечивает'; 2) 'сам' — в роли возвратного местоимения: *Мый шке налам // мӹнь ӹшке нӓлам* 'я сам возьму'; 3) притяжательных местоимений (выступая в форме родительного падежа): *шкемын ӱдырем // ӹшкемын ӹдырем* 'моя дочь'.

В притяжательном значении местоимение *шке // шке* по падежам не изменяется, так как в этом значении оно всегда выступает в роли определения. В других значениях оно имеет формы только субъектно-объектных падежей:

Им.	*шке // шке* 'сам'; *шке // шке* 'свой'
Род.	*шкемын // шкӹмын* 'мой', 'свой'
Дат.	*шкаланем // шкӹланем* 'мне самому'
Вин.	*шкемым // шкӹмым* 'меня самого себя'

В формах косвенных падежей к местоимению *шке // ӹшке* 'сам', всегда присоединяется притяжательный суффикс того лица, к которому относится данное местоимение: вин. п. *шкемым // ӹшкемым* 'меня самого себя', *шкендым // шкендым* 'тебя самого себя', *шкеныжым // шкеныжым* 'его самого себя'.

Таким образом, почти каждая падежная форма местоимения *шке // шке* 'сам' имеет новое значение: именительный — определительное и притяжательное; родительный — притяжательное; дательный — возвратное, винительный — возвратное.

Местоимение *южо // южы* 'некоторый', 'иной' употребляется только по отношению к человеку и форм пространственных падежей не имеет.

Некоторые определительные местоимения могут иметь форму мн. числа: *весе-влак // весывлӓ* 'другие', *моло-влак // молывлӓ*.

---

[62] Майт. Мест. § 150.
[63] Галк. I. 94.

§ 61. Неопределенные местоимения образуются путем сочетания вопросительно-относительных местоимений с препозитивными частицами *ала- // та-, иктаж- // икта-, кеч- // хоть-, керек // хоть-* и постпозитивной *-гынат // -гӹнят: ала-кӧ // тагӱ* ‘кто-то’, *ала-мо // тама* ‘что-то’, *ала-кудо // тагуды* ‘который-то’, *ала-могай // тамахань* ‘какой-то’, *ала-мыняр // тамыняр* ‘сколько-то’, *иктаж-мо // икта-ма* ‘что-нибудь’, *иктаж-кӧ // икта-кӱ* ‘кто-нибудь’, *иктаж-могай // икта-махань* ‘какой-нибудь’, *иктаж-мыняр // икта-маняр* ‘сколько-нибудь’, *кӧ-гынат // кӱ-гӹнят* ‘кто-нибудь’, *мо-гынат // ма-гӹнят* ‘что-нибудь’, *кунар-гынат // кынар-гӹнят* ‘сколько-нибудь’, *монар-гынат // мыняр-гӹнят* ‘сколько-нибудь’, *ик-мо // ик-ма* ‘что-то’, *икмыняр // икманяр* ‘несколько’, мр.-в. iknästä ‘что-то’, ‘нечто’; *кеч-кӧ // хоть-кӱ* ‘хоть кто’, *кеч-мо // хоть-ма* ‘хоть-что’, *кеч-кудо // хоть-кыды* ‘хоть-который’, *кеч-могай // хоть-махань* ‘хоть-какой’, *кеч-мыняр // хоть-мыняр* ‘хоть-сколько’, *кеч-кунар // хоть-кунар* ‘хоть-сколько’, *керек-кӧ // хоть-кӱ* ‘хоть-кто’, *керек-мо // хоть-ма* ‘хоть-что’ *керек-кудо // хоть-кыды* ‘хоть-который’, *керек-могай // хоть -махань* ‘хоть-какой’, *керек-мыняр // хоть-мыняры* ‘хоть-сколько’.

Некоторые неопределенные местоимения могут иметь форму мн. числа: *кеч-могай-влак // хоть-маханьвлӓ* ‘хоть-какие’, *кеч-кӧ-влак // хоть-кӱвлӓ* ‘хоть-кто’, *керек-могай-влак // хоть-маханьвлӓ* ‘хоть-какие’. Местоимения *кеч-кӧ // хоть-кӱ* ‘хоть-кто’, *керек-кӧ// хоть-кӱ* употребляются только по отношению к человеку и форм пространственных падежей не имеют.

При склонении неопределенных местоимений изменяется часть, выраженная вопросительно-относительными местоимениями, частицы же остаются без изменений: им. п. *ала-мо // тама* ‘что-то’, род. п. *ала-мон // таман* ‘чей-то’, дат. п. *ала—молан // тамалан* ‘чему-то’ и т. д. Частица *кеч // хоть* заимствована из русского языка (ср. русск. *хоть*): *хоть* > *коть* > *коч* > *кеч*. Частица *керек* чувашского происхождения (ср. чув. *кирек* ‘хоть’).

§ 62. Отрицательные местоимения, за исключением мр.-луг. *иктат* ‘никто’ (букв. ‘ни один’), образуются от вопросительно-относительных местоимений при помощи препозитивной частицы ни-: *нигo // нигӱ* ‘никто’, *нимо // нима* ‘ничто’, *нимыняр // ниманяр* ‘нисколько’, *нигудо // нигуды* ‘никто’, *нимат* (*ни+мо+ат*) ‘ничто’, ‘ничего’, *нимогай // нимахань* ‘никакой’.

Склонение отрицательных местоимений происходит по той же схеме, что и склонение вопросительно-относительных местоимений: им. п. *нимо // нима* ‘ничто’, род. п. *нимон // ниман* ‘ничей’, дат. п. *нимолан // нималан* ‘ничему’ и т. д.

В образовании *нимат* ‘ничто’, *иктат* ‘ни один’ прослеживается усилительная частица *-ат*. Местоимение *иктат* склоняется так же, как и числительное *икте* ‘один’ (частица *-ат* при этом ставится после падежного окончания: им. п. *иктат* ‘никто’, род. п. *итынат* ‘ни у одного’, дат. п. *иктыланат* ‘ни одному’, вин. п. *иктымат* ‘ни одного’).

ГЛАГОЛ

§ 63. Глагол в марийском языке характеризуется категориями наклонения, времени, числа и лица. Вопрос о наличии в марийском категории залога является спорным.

Глагольные формы управляют падежными формами имен и местоимений: *Мом шонет, тидым ыштет // Мам шанэт, тыдым ыштет* 'Что задумаешь, то и сделаешь'; *Шӱжаретлан ончыкто // Шыжаретлан анжыкты* 'Покажи сестре'.

Существуют две группы глагольных форм: спрягаемые и неспрягаемые. К спрягаемым относятся формы лица, числа, времени, наклонения, к неспрягаемым — инфинитив, причастие, деепричастие.

Форманты глагола, как и во всех агглютинативных языках, в марийском нанизываются один за другим к корню слова: *возыктышым // сырыктышым* 'заставил писать' (*воз- // сыр-* — корень слова + *-ыкт-* — суффикс понудительного залога + (*ы*)*ш-* — суффикс I прош. времени + (*ы*)*м* — окончание 1-го лица ед. числа).

В марийском языке различаются три грамматически оформленных наклонения: изъявительное, желательное и повелительное, а в горномарийском еще и условное.

Весьма сложным в марийском является вопрос о залоге. Морфологическими показателями в марийском, вносящими в слово залоговые (и видовые) значения, являются суффиксы (префиксов в марийском нет). Однако не всякий суффикс, выражающий то или иное залоговое значение, является показателем грамматической категории залога. Большинство суффиксов глагола является словообразовательными, поскольку они образуют новую лексико-семантическую единицу: *пура́ш // пы́раш* 'грызть', *пурла́ш // пы́рлаш* 'кусать', 'укусить', *пуре́дылаш // пыреда́лаш* 'грызться', 'кусаться' (с многократным значением). Суфф. *-ыкт-*, образующий понудительный залог, в отличие от словообразовательных суффиксов (в наших примерах: *-л-*, *-ед* + *ыл-*) лишь изменяет глагол по залогам и имеет противоположную пару с другим залоговым значением: он выражает определенные отношения действия к субъекту и объекту: *пура́ш* 'грызть' — *пурлыкта́ш* 'дать возможность (кому-то другому) или понудить (его) кусать', 'куспуть', 'прикусить что-л.'; *ончы́ш // а́ньжаш* 'смотреть' — *ончыкта́ш // аньжыкта́ш* 'показывать' (досл. 'заставлять смотреть'), *нумала́ш // ныма́лаш* 'носить' — *нумалыкта́ш // ныма́лыкта́ш* 'заставлять носить'.

В марийском имеются временные формы: настояще-будущее и несколько форм прош. времени. Все временные формы выражаются только в изъявительном и желательном наклонениях, повелительное наклонение временных форм не имеет.

Все глагольные формы, за исключением повелительного и желательного наклонения, образуются от основы инфинитива (*мураш // мыр-аш* 'петь', *чӱнг-аш // чынг-аш* 'клевать', *шу-аш // шо-аш*

'достигать чего-л.'), а отрицательная форма глаголов и желательное наклонение — от основ повелительного наклонения (*луд* || *лыд* 'читай', *ит луд* || *ит лыд* 'не читай', *луднеже* || *лыднежы* 'намерен читать').

§ 64. Спряжение глаголов в марийском языке имеет два типа: I и II. Различаются они по личным окончаниям 3-го лица ед. и мн. числа, а также огласовкой окончания в 1-м и 2-м лицах настоящее-будущего времени:

		I спряжение	II спряжение
Ед. ч.	1 л.	*-ам*	*-ем*
	2 л.	*-ат*	*-ет*
	3 л.	*-еш*	*-а*
Мн. ч.	1 л.	*-ына*	*-ена*
	2 л.	*-ыда*	*-еда*
	3 л.	*-ыт*	*-ат*

Происхождение двух типов спряжения в марийском языке связано с двумя разными домарийскими основами глаголов: одни глаголы имели основу на *-а* (*-ä*): *конда* || *канда* 'несет' (ф. kantaa), другие — на *-е*: *ошкылеш* || *ашкылеш* 'шагает' (ф. askelee). Основы с гласным *-а* дали глаголы II спряжения, а основы с гласным *-е* — глаголы I спряжения [64]. Исключение составляют глаголы, имевшие в прошлом основу на *-а*, но в современном марийском относящиеся к I спряжению, например, глагол I спряжения *кодаш* 'оставаться' (*кодеш* 'он остается') в отличие от глагола II спряжения *кодаш* 'оставлять' (*кода* 'он оставляет'). Глаголов типа *кодаш* в марийском около десяти: *урем* 'обваливаю', *урам* 'обваливаюсь'; *велем* 'лью', 'проливаю', *велам* 'льюсь'; *пӧрдем* 'верчу', *пӧрдам* 'верчусь' и др.[65] Гласные *а*, *е* в личных окончаниях этой группы глаголов (*кодам* 'я остаюсь' — *кодем* 'я оставляю') играют смыслоразличительную роль (см. Ф. § 97).

§ 65. Специального морфологического показателя для настоящее-будущего времени изъявительного наклонения нет.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

НАСТОЯЩЕ-БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

		Утвердительная форма	*Отрицательная форма*
		I спряжение (*лудаш* || *лыдаш* 'читать')	
Ед. ч	1 л.	*лудам* || *лыдам*	*ом луд* || *ам лыд*
	2 л.	*лудат* || *лыдат*	*от луд* || *ат лыд*
	3 л.	*лудеш* || *лыдеш*	*ок (огеш) луд* || *ак (агеш) лыд*

[64] P. Ravila — MSFOu. XXV 1—23.
[65] Галк. I 112

Мн. ч.	1 л.	*лудына // лыдына*	*она (огына) луд // ана лыд*
	2 л.	*лудыда // лыдыда*	*ода (огыда) луд // ада лыд*
	3 л.	*лудыт // лыдыт*	*огыт луд // ак (агыт) лыдеп*

II спряжение (*пураш // пыраш* 'войти')

Ед. ч.	1 л.	*пурем // пырем*	*ом пуро // ам пыры*
	2 л.	*пурет // пырет*	*от пуро // ат пыры*
	3 л.	*пура // пыра*	*ок (огеш) пуро // ак пыры*
Мн. ч.	1 л.	*пурена // пырена*	*она пуро // ана пыры*
	2 л.	*пуреда // пыреда*	*ода пуро // ада пыры*
	3 л.	*пурат // пырат*	*огыт пуро // ак (агыт) пыреп*

В отрицательной форме спряжения личные окончания получает отрицательное глагольное слово, а основной глагол выступает в форме неизменяемой основы повелительного наклонения. Отрицательное глагольное слово может употребляться изолированно (обычно при отрицательных ответах в обыденной речи), получая окончания I спряжения:

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*огым // агым* 'я не'	*огына // агына* 'мы не'
2 л.	*огыт // агыт* 'ты не'	*огыда // агыда* 'вы не'
3 л.	*огеш // агеш* 'он не'	*огыт // агеп* 'они не'

Лично-числовые формы первых двух лиц марийского глагола восходят к финно-угорским личным местоимениям, (ср. *мый // мӹнь* и ф.-у. *-me, *тый // тӹнь* и ф.-у. *-te (см. М. § 169).

Формы 3-го лица ед. числа происходят от причастий. Окончание 3-го лица ед. числа глаголов I спряжения *-еш* в луговом наречии восходит к причастному суфф. -se, -so, -sö: *толеш* < tolese, в горном — к -ve, сохранившемуся до настоящего времени в окончании 3-го лица мн. числа глаголов прошедшего I (*нӹны лыд-евы* 'они читали'), а также настояще-будущего времени (*нӹны лыдыт* 'они читают', *пӹны ак лыдеп* 'они не читают') [66]. Окончание глаголов 3-го лица ед. числа I спряжения *-а* (*конда // канда* 'он несет') в прошлом выступало как гласный основы, окончанием же был причастный суфф. -va: *конда* < *кондав* < *кондава*, который в некоторых финно-угорских языках и в настоящее время выступает как причастный суффикс (ф. kantava 'несущий', tuleva 'приходящий').

В окончании 3-го лица мн. числа *-ат* (для глаголов II спряжения) и *-ыт* (для глаголов I спряжения) сохранился древний финно-угорский показатель мн. числа *-t (ф. tulevat 'они придут', puhuvat 'они говорят'), а причастный суфф. *-va марийским утерян: *толыт* '(они) идут', 'придут' (прамр. *tolevat) [67].

---

[66] Галк. I 123.
[67] Галк. I 124.

В отрицательной форме спряжения в настояще-будущем времени выступает отрицательный глагол с древним k-овым показателем презенса (см. М. § 137), в марийском в интервокальном положении перешедший в γ: *огым* // *агым* 'я не', *огыт* // *агыт* 'ты не', *огеш* // *агеш* 'он не', *огына* // *агына* 'мы не', *огыда* // *агыда* 'вы не', *огыт* // *аген* 'они не'.

§ 66. Марийский глагол имеет шесть форм прошедшего времени: прошедшее I, прошедшее II, прошедшее длительное I, прошедшее длительное II, предпрошедшее I, предпрошедшее II.

Прошедшее I от глаголов I спряжения образуется путем присоединения к основе глагола суфф. *-ы*, за которым следуют личные окончания (в 1-м и 2-м лицах мн. числа личные окончания присоединяются непосредственно к основе глагола). От глаголов II спряжения прошедшее I образуется при помощи суфф. *-ш* (с присоединением суфф. *-ы* в 1-м и 2-м лицах ед. числа). Отрицательная форма глаголов прошедшего I состоит из неизменяемой основы смыслового глагола и личных форм вспомогательного глагола.

ПРОШЕДШЕЕ I

		Утвердительная форма	*Отрицательная форма*
		I спряжение (*лудаш* // *лыдаш* 'читать')	
Ед. ч.	1 л.	*луд-ы-м* // *лыд-ы-м*	*шым луд* // *шӹм лыд*
	2 л.	*луд-ы-ч* // *лыд-ы-ц*	*шыч луд* // *шӹц лыд*
	3 л.	*луд-о* // *лыд-ы*	*ыш луд* // *ӹш лыд*
Мн. ч.	1 л.	*луд-на* // *лыд-на*	*ышна луд* // *шӹна лыд*
	2 л.	*луд-да* // *лыд-да*	*ышда луд* // *шӹда лыд*
	3 л.	*луд-ыч* // *лыд-евы*	*ышт луд* // *ӹш лыдеп*
		II спряжение (*пураш* // *пыраш* 'войти')	
Ед. ч.	1 л.	*пур-ыш-ым* // *пыр-ыш-ым*	*шым пуро* // *шӹм пыры*
	2 л.	*пур-ыш-ыч* // *пыр-ыш-ыц*	*шыч пуро* // *шӹц пыры*
	3 л.	*пур-ыш* // *пыр-ыш*	*ыш пуро* // *ӹш пыры*
Мн. ч.	1 л.	*пур-ыш-на* // *пыр-ыш-на*	*ышна пуро* // *шӹна пыры*
	2 л.	*пур-ыш-да* // *пыр-ыш-да*	*ышда пуро* // *шӹда пыры*
	3 л.	*пур-ыш-т* // *пыр-ев-ы*	*ышт пуро* // *ӹш пыреп*

Основное назначение прошедшего I — обозначение действия, происходившего недавно и живо представляемого говорящим, нередко являющимся очевидцем действия: мр.-луг. *Унала миен тольым. . . Сита, илышым* 'В гости съездила. . . Хватит, пожила'; мр.-г. *Нӹны мӹньым ужын, тупынь сарнал шагалевы* 'Они, увидев меня, повернувшись спиной, стали'.

Глаголы II спряжения в форме прошедшего I имеют показатель прош. времени *-š, восходящий к общеф.-у. *-ś (см. М. § 142, 143).

Развитие форм прош. времени глаголов II спряжения можно представить следующим образом (на примере глагола *кондаш // кандаш* 'принести').

1л. *kandaśíme > kandešə̑mə̂ > kandəšə̑mə̂ > kandə̂šə̑m 'я принес'
2л. *kandaśíte > kandešə̑čə̂ > kandə̂šə̑č > kandə̂šə̑č ~ kondə̂šə̑č'
3л. kandaśi > kandešə̂ > kandə̂šə̂ > kandə̂š ~ kondəš [68]

Ф.-у. s' > š-овый показатель прош. времени прослеживается в парадигме отрицательной формы спряжения прошедшего I в марийском: *шым* 'я не', *шыч* 'ты не', *ыш* 'он не' и т. д.

В личных формах прошедшего I глаголов I спряжения выявляются следы i-ового прош. времени финно-угорского периода (см. М. § 140, 141), проявляющегося в современном марийском в смягчении согласных основы l' и ń во всех трех формах ед. числа и в форме 3-го лица мн. числа: *тольым* 'я пришел', *тольыч* 'ты пришел', *тольо* 'он пришел', *нуно тольыч* 'они пришли'. В образовании мр.-г. *толеве* 'они пришли' находим причастный суфф. *-ve.

§ 67. Форма прошедшего II (Perfekt) образуется при помощи суфф. *-ын* (у глаголов I спряжения) и *-эн* (орф. *-ен*) — у глаголов II спряжения, в которых выявляется n-овый показатель (<*ф.-у. *-n* отглагольного имени (М. § 148), превратившийся в марийском в показатель II прошедшего времени.

В горномарийском отрицательная форма прошедшего II сложилась из отрицательного деепричастия на *-де* и личных форм вспомогательного глагола *ылаш* 'быть', в котором гласный *-ы* выпал: *лыдде+(ы)лам > лыдделам* 'я не читал' (досл. 'я не читал есмь'), *пырыде+(ы)лам > пырыделам* 'я не входил'.

ПРОШЕДШЕЕ II

		Утвердительная форма	*Отрицательная форма*
		I спряжение (*лудаш // лыдаш* 'читать')	
Ед. ч.	1 л.	*лудынам // лыдынам*	*лудын омыл // лыдделам*
	2 л.	*лудынат // лыдынат*	*лудын отыл // лыдделат*
	3 л.	*лудын // лыдын*	*лудын огыл // лыдде*
Мн. ч.	1 л.	*лудынна // лыдынна*	*лудын онал // лыдделна*
	2 л.	*лудында // лыдында*	*лудын одал // лыдделда*
	3 л.	*лудыныт // лыдыныт*	*лудын огытыл // лыдделыт*
		II спряжение (*пураш // пыраш* 'войти')	
Ед. ч.	1 л.	*пуренам // пыренам*	*пурен омыл // пырыделам*
	2 л.	*пуренат // пыренат*	*пурен отыл // пырыделат*
	3 л.	*пурен // пырен*	*пурен огыл // пырыде*

[68] Галк. I 131.

Мн. ч.	1 л.	*пуренна // пыренна*	*пурен онал // пырыделна*
	2 л.	*пуренда // пыренда*	*пурен одал // пырыделда*
	3 л.	*пуреныт // пыреныт*	*пурен огытыл // пырыделыт*

Основное значение прошедшего II — выражение результата совершившегося в прошлом действия: мр.-луг: *Ачам теве тиде ер воктен пырням руэн* ‘Отец (мой) вот возле этого озера заготавливал (досл. ‘рубил’) бревна’; *Молан пеледыш пайрем годым толын отыл?* ‘Почему в праздник цветов не пришел?’; мр.-г.: *Кок ӹдрамаш выдсӹнза гӹц выдым лыктыныт* ‘Две женщины зачерпнули (досл. ‘вынули’) воду из родника’; *Мынь нигынымат чонгештылделам, машинам виден моштылделам* ‘Я никогда не летал, не умел водить машину’.

Прошедшее II может обозначать и «неочевидное» действие, т. е. действие, очевидцем которого говорящий не был.

Форма прошедшего II в марийском не является финно-угорским наследием; ее происхождение, по-видимому, относится к периоду волжской общности [69].

Кроме марийского, Perfekt наблюдается в коми-зырянском, удмуртском, татарском, башкирском, чувашском языках. Общие черты в глагольных системах финно-угорских и тюркских языков Волго-Камья, по-видимому, развились в силу постоянного взаимодействия финно-угорских и тюркских языков этого ареала [70].

Форма прошедшего II в марийском сложная, состоит из деепричастия на *-н* и спрягаемой формы настояще-будущего времени глагола *улаш // ылаш* ‘быть’, в котором первый слог выпал: *лудын+улам // лыдын+ылам* > *лудынам // лыдынам* ‘я читал’.

§ 68. Четыре прошедших времени являются сложными аналитическими формами: прошедшее длительное I, прошедшее длительное II, предпрошедшее I, предпрошедшее II.

Прошедшее длительное I выражает продолжительное незаконченное в прошлом действие, не ограниченное каким-либо промежутком времени и обычно хорошо известное (иногда очевидное) для говорящего: мр.-луг. *Ожно тыге кырат ыле: кум кече ни шынчен, ни возын от керт* ‘Раньше так били: три дня ни сидеть, ни лежать не можешь’; мр.-г. *Мынь тыгам луаткок иаш ылам ылыы.* ‘Тогда мне было двенадцать лет’.

Прошедшее длительное I образуется из личных форм настояще-будущего времени смыслового глагола и неспрягаемой формы вспомогательного глагола *ыле // ылыы* ‘был’.

В отрицательной форме спряжения по лицам изменяется только вспомогательный отрицательный глагол, который находится перед неизменяемой формой смыслового глагола.

---

[69] Галк. I 155.
[70] Сереб. Кат. 288—289.

ПРОШЕДШЕЕ ДЛИТЕЛЬНОЕ I

		Утвердительная форма	*Отрицательная форма*
		I спряжение (*лудаш // лыдаш* 'читать')	
Ед. ч.	1 л.	*лудам ыле // лыдам ылъы*	*ом луд ыле // ам лыд ылъы*
	2 л.	*лудат ыле // лыдат ылъы*	*от луд ыле // ат лыд ылъы*
	3 л.	*лудеш ыле // лыдеш ылъы*	*ок (огеш) луд ыле // ак (агеш) лыд ылъы*
Мн. ч.	1 л.	*лудына ыле // лыдына ылъы*	*она луд ыле // ана лыд ылъы*
	2 л.	*лудыда ыле // лыдыда ылъы*	*ода луд ыле // ада лыд ылъы*
	3 л.	*лудыт ыле // лыдыт ылъы*	*огыт луд ыле // ак лыдеп ылъы*
		II спряжение (*пураш // пыраш* 'войти')	
Ед. ч.	1 л.	*пурем ыле // пурем ылъы*	*ом пуро ыле // ам пыры ылъы*
	2 л.	*пурет ыле // пырет ылъы*	*от пуро ыле // ат пыры ылъы*
	3 л.	*пура ыле // пыра ылъы*	*ок (огеш) пуро ыле // ак (агеш) пыры ылъы*
Мн. ч.	1. л.	*пурена ыле // пырена ылъы*	*она пуро ыле // она пыры ылъы*
	2 л.	*пуреда ыле // пыреда ылъы*	*ода пуро ыле // ада пыры ылъы*
	3 л.	*пурат ыле // пырат ылъы*	*огыт пуро ыле // ак пырет ылъы*

§ 69. Прошедшее длительное II в основном выражает действие длительно происходившее в прошлом, неочевидное для говорящего; употребляется обычно в тех случаях, когда повествуется о событиях, давно происходивших (в историческом прошлом): мр.-луг. *Нупым «кнъязь» маныт улмаш* 'Их «кнъязь» называли было'.

Утвердительная форма прошедшего длительного II образуется путем сочетания личных форм настояще-будущего времени смыслового глагола с неизменяемой формой глагола *улмаш // ылын*.

В отрицательной форме в прошедшем длительном II по лицам изменяется только отрицательный вспомогательный глагол, который находится перед неизменяемой формой смыслового глагола.

ПРОШЕДШЕЕ ДЛИТЕЛЬНОЕ II

		Утвердительная форма	*Отрицательная форма*
		I спряжение (*лудаш // лыдаш* 'читать')	
Ед. ч.	1 л.	*лудам уламаш // лыдам ылын*	*ом луд улмаш // ам лыд ылын*
	2 л.	*лудат улмаш // лыдат ылын*	*от луд улмаш // ат лыд ылын*

	3 л.	*лудеш улмаш // лыдеш ылын*	*ок(огеш) луд улмаш // ак(агеш) лыд ылын*
Мн. ч.	1 л.	*лудына улмаш // лыдына ылын*	*она луд улмаш // ана лыд ылын*
	2 л.	*лудыда улмаш // лыдыда ылын*	*ода луд улмаш // ада лыд ылын*
	3 л.	*лыдыт улмаш // лыдыт ылын*	*ок(огыт) луд улмаш // ак(агыт) лыдеп ылын*

II спряжение (*пураш // пыраш* 'войти')

Ед. ч.	1 л.	*пурем улмаш // пырем ылын*	*ом пуро улмаш // ам пыры ылын*
	2 л.	*пурет улмаш // пырет ылын*	*от пуро улмаш // ат пыры ылын*
	3 л.	*пура улмаш // пыра ылын*	*ок(огеш) пуро улмаш // ак (агеш) пыры ылын*
Мн. ч.	1 л.	*пурена улмаш // пырена ылын*	*она пуро улмаш // ана пыры ылын*
	2 л.	*пуреда улмаш // пырыда ылын*	*ода пуро улмаш // ада пыры ылын*
	3 л.	*пурат улмаш // пырат ылын*	*ок (огыт) пуро улмаш // ак (агыт) пырет ылын*

§ 70. Предпрошедшее I обозначает прошедшее (обычно очевидное) действие, совершившееся до другого действия: мр.-луг. *Зина Туранова шолем деч вара кастене пасуш каяш лектын ыле* 'Вечером после града Зина Туранова вышла (чтобы) идти в поле'; мр.-г. *Карем вес велны первы шапкила роща лудем шалга ылыы* 'По другую сторону оврага, серея, раньше стояла осиновая роща'.

Утвердительная форма предпрошедшего I образуется путем сочетания форм прошедшего II времени смыслового глагола с неизменяемой формой вспомогательного глагола *ыле // ылыы* 'был', 'было'.

Отрицательная форма предпрошедшего I в лугово-восточном состоит из деепричастной формы на *-н* смыслового глагола + личные сложные формы вспомогательного отрицательного глагола *ыле*; в горномарийском деепричастие имеет форму на *-де*, а вспомогательный глагол — *ылыы*.

ПРЕДПРОШЕДШЕЕ I

Утвердительная форма		***Отрицательная форма***
	I спряжение	
Ед. ч.	1 л. *лудынам ыле // лыдынам ылыы*	*лудын о ыл ыле // лыдделам ылыы*
	2 л. *лудынат ыле // лыдынат ылыы*	*лудын отыл ыле //*

	3 л. *лудын ыле // лыдын ылъы*	*лыдделат ылъы* *лудын огыл ыле//*
Мн. ч.	1 л. *лудынна ыле // лыдынна ылъы*	*лыдде ылъы* *лудын онал (огынал)ыле //*
	2 л. *лудында ыле // лыдында ылъы*	*лыдделна ылъы* *лудын одал (огыдал) ыле // лыдделда ылъы*
	3 л. *лудыныт ыле // лыдыныт ылъы*	*лудын огытыл ыле// лыдделыт ылъы*

II спряжение

Ед. ч.	1 л. *пуренам ыле // пыренам ылъы*	*пурен омыл ыле// пырыделам ылъы*
	2 л. *пуренат ыле // пыренат ылъы*	*пурен отыл ыле// пырыделат ылъы*
	3 л. *пурен ыле // пырен ылъы*	*пурен огыл ыле// пырыде ылъы*
Мн. ч.	1 л. *пуренна ыле // пыренна ылъы*	*пурен онал(огынал) ыле // пырыделна ылъы*
	2 л. *пуренда ыле // пуренда ылъы*	*пурен одал(огыдал) ыле // пырыделда ылъы*
	3 л. *пуреныт ыле // пыреныт ылъы*	*пурен огытыл ыле// пырыделыт ылъы*

§ 71. Утвердительная форма предпрошедшего II образуется из личных форм прошедшего II времени смыслового глагола и неизменяемой формы вспомогательного глагола *улмаш // ылын* ‘был’. Предпрошедшее II обозначает давнопрошедшее действие, неочевидное (обычно в историческом прошлом), которое произошло раньше другого: мр.-луг. *Ожно марий калык татар хан кид йымалне илен улмаш* ‘Раньше марийский народ жил под властью татарского хана’.

Отрицательная форма предпрошедшего II в лугово-восточном состоит из деепричастной формы на *-н* смыслового глагола+личные сложные отрицательные формы вспомогательного глагола *улмаш* ‘был’, в горномарийском — из личных форм деепричастия на *-де*+неизменяемый вспомогательный глагол *ылын* ‘был’. (Об истории аналитических форм прош. времен см. М. § 150, 151).

ПРЕДПРОШЕДШЕЕ II

Утвердительная форма	*Отрицательная форма*
I спряжение (*лудаш // лыдаш* ‘читать’)	
Ед. ч. 1 л. *лудынам улмаш // лыдынам ылын*	*лудын омыл улмаш // лыдделам ылын*
2 л. *лудынат улмаш // лыдынат ылын*	*лудын отыл*

			улмаш // лыдделат ыльын
	3 л.	*лудын улмаш // лыдын ыльын*	*лудын огыл улмаш // лыдде ыльын*
Мн. ч.	1 л.	*лудынна улмаш // лыдынна ыльын*	*лудын онал улмаш // лыдделна ыльын*
	2 л.	*лудында улмаш // лыдында ыльын*	*лудын одал улмаш // лыдделда ыльын*
	3 л.	*лудыныт улмаш // лыдыныт ыльын*	*лудын огытыл улмаш // лыдделыт ыльын*

II спряжение (*пураш // пыраш* 'войти')

Ед. ч.	1 л.	*пуренам улмаш // пыренам ыльын*	*пурен омыл улмаш // пырыделам ыльын*
	2 л.	*пуренат улмаш // пыренат ыльын*	*пурен отыл улмаш // пырыделат ыльын*
	3 л.	*пурен улмаш // пырен ыльын*	*пурен огыл улмаш // пырыде- ыльын*
Мн. ч.	1 л.	*пуренна улмаш // пыренна ыльын*	*пурен онал улмаш // пырыделда ыльын*
	2 л.	*пуренда улмаш // пыренда ыльын*	*пурен одал улмаш // пырыделна ыльын*
	3 л.	*пуреныт улмаш // пыреныт ыльын*	*пурен огытыл улмыш // пырыделыт ыльын*

§ 72. Повелительное наклонение как в луговосточном, так и в горномарийском имеет утвердительные и отрицательные формы для 2-го и 3-го лица ед. и мн. числа.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

		Утвердительная форма	***Отрицательная форма***
		I спряжение (*лудаш // лыдаш* 'читать')	
Ед. ч.	2 л.	*луд // лыд*	*ит луд // ит лыд*
	3 л.	*лудшо // лыдшы*	*ынже луд // ӹнжы лыд*
Мн. ч.	2 л.	*лудса // лыдда*	*ида луд // ида лыд*
	3 л.	*лудышт // лыдышты*	*ыныш луд // ӹнжышты лыд*

II спряжение (*пураш // пыраш* 'войти')

Ед. ч.	2 л.	*пуро // пыры*	*ит пуро // ит пыры*
	3 л.	*пурыжо // пырыжы*	*ынже пуро // ӹнжы пыры*
Мн. ч.	2 л.	*пурыза // пырыда*	*ида пуро // ида пыры*
	3 л.	*пурышт // пырышты*	*ынышт пуро // ӹнжышты пыры*

Суффиксы, образующие формы 2-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа повелительного наклонения, имеют фонетические варианты, зависящие от лабиальной гармонии (в лугово-восточном) и от характера конечного согласного основы: *толжо // толжы* 'пусть он придет', *налже // нӓлжы* 'пусть он возьмет', *кошо // качшы* 'пусть он ест' и т. д. В горномарийском 2-е лицо ед. числа образуется при помощи суфф. *-да, -дӓ* (фонетический вариант его *-та, -тӓ* на письме не получает отражения): *нӓлда* 'возьмите', *качда* [kačta] 'ешьте'.

Просьба или пожелание в марийском выражается при помощи частицы *ыле // ылнежы*, которая чаще всего употребляется в сочетании с формами повелительного наклонения: мр.-луг. *Вот рушарняштат тыгай мотор кече лийже ыле* 'Вот бы и в воскресенье был такой же хороший день': мр.-г. *Хоть ик гӓна чонгештын анжышаш ылнежы* 'Хоть бы раз, полетав, посмотреть' (на самолете).

В горномарийском понудительное значение глагола повелительного наклонения может быть усилено при помощи усилительных частиц *-ма, -ай, -ок, -йӓ* и слова *ӓлдок* 'давай': *Пурыма, пурыма!* 'Зайди-ка, зайди-ка!'; *Кидедым пуай!* 'Дай-ка (свою) руку'; *Ну, ӓлдок, кена!* 'Ну, давай, пошли!'; *Келесыдай, мыняр чӓс кызыт* 'Скажите, сколько времени сейчас'.

В марийском языке финно-угорский показатель императива (см. М. § 155) не сохранился, хотя в ранний период прамарийского языка k-овый суффикс, вероятно, был. Развитие формы 2-го лица ед. числа повелительного наклонения можно представить следующим образом: **tolek* > **tole* > **tol3* > **tol* [71] 'приди'.

Форма 3-го лица ед. числа повелительного наклонения, по-видимому, образована при помощи лично-притяжательного суффикса 3-го лица *-же, -жо, -жӧ // -жы, -жы*: *кондыжо // кандыжы* 'пусть принесет', *малыже // амалыжы* 'пусть спит' (мд. *кундазо* 'пусть поймает', *удозо* 'пусть спит').

Образование современной формы 3-го лица ед. числа повелительного наклонения можно представить следующим образом: **tolekše* > **tolšžə* > **tolžə* [72] 'пусть он придет'.

2-е лицо мн. числа глаголов повелительного наклонения образовано при помощи личного окончания глаголов настоящего времени, что хорошо выявляется на материале горного и северо-западного наречий: мр.-г. *толда* 'придите', *пырыда* 'войдите'.

[71] Галк. I 140.
[72] Галк. I 140.

В луговом наречии д[ð] перешел в з[z]: *толза* 'придите', *пурыза* 'войдите'. Переход ð в *z* наблюдается в именах существительных (в говорах восточного наречия): мр.-луг. *нудо*, перм. nuzo 'младшая золовка'; мр.-луг. *тыгыде*, перм. tuγuzo 'мелкий'.

Развитие 2-го лица мн. числа повелительного наклонения в луговом марийском можно представить следующим образом: *tolekdak > *tolekta > *tolə̑da > tolda > tolza [73] 'придите'.

В образовании форм 3-го лица мн. числа повелительного наклонения принял участие финно-угорский показатель мн. числа *-t, который присоединяется к форме 3-го лица ед. числа tolekset > tolə̑st > tolə̑št 'пусть они придут', где *-k — показатель настоящего-будущего времени (он затем выпал), *-se — личное местоимение, *-t — показатель мн. числа.

В форме повелительного наклонения глаголов II спряжения находим причастный суфф.-va, -vä, о чем свидетельствуют диалектные формы глаголов 3-го лица мн. числа повелительного наклонения: kandeβə̑št 'пусть они принесут'.

§ 73. Форма желательного наклонения образуется путем присоединения к основе повелительного наклонения суфф. *-не*: *нал // нäл* 'возьми' — *налнем // нäлнем* 'намерен, хочу взять', *пуро // пыры* 'войди' — *пурынем // пырынем* 'намерен войти'.

Желательное наклонение выступает в двух временны́х формах: настояще-будущем и прошедшем утвердительного и отрицательного рядов и имеет те же личные окончания, что и изъявительное наклонение (кроме окончания 3-го лица).

НАСТОЯЩЕ-БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

		Утвердительная форма	*Отрицательная форма*
		I спряжение (*лудаш // лыдаш* 'читать')	
Ед. ч.	1 л.	*луднем // лыднем* 'я намерен читать'	*ынем луд // ӹынем лыд* 'я не намерен читать'
	2 л.	*луднет // лыднет*	*ынет луд // ӹынет лыд*
	3 л.	*луднеже // лыднежы*	*ынеж луд // ӹынежы лыд*
Мн. ч.	1 л.	*луднена // лыднена* 'мы намерены читать'	*ынена луд // ӹынена лыд* 'мы не намерены читать'
	2 л.	*луднеда // лыднеда*	*ынеда луд // ӹынеда лыд*
	3 л.	*луднешт // лыднешты*	*ынешт луд // ӹынешты лыдеп*
		II спряжение (*пураш // пыраш* 'войти')	
Ед. ч.	1 л.	*пурынем // пырынем*	*ынем пуро // ӹынем пыры*
	2 л.	*пурынет // пырынет*	*ынет пуро // ӹынет пыры*
	3 л.	*пурынеже // пырынежы*	*ынеж пуро // ӹынежы пыры*
Мн. ч.	1 л.	*пурынена // пырынена*	*ынена пуро // ӹынена пыры*
	2 л.	*пурынеда // пырынеда*	*ынеда пуро // ӹынеда пыры*
	3 л.	*пурынешт // пырынешты*	*ынешт пуро // ӹынешты пыреп*

[73] Галк. I 141.

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

		Утвердительная форма	*Отрицательная форма*
		I спряжение	
Ед. ч.	1 л.	*луднем ыле // лыднем ыльы*	*ынем луд ыле// ӧынем лыд ыльы*
	2 л.	*луднет ыле // лыднет ыльы*	*ынет луд ыле// ӧынет лыд ыльы*
	3 л.	*луднеже ыле // лыднежы ыльы*	*ынеж луд ыле// ӧынежы лыд ыльы*
Мн. ч.	1 л.	*луднена ыле // лыднена ыльы*	*ынена луд ыле// ӧынена лыд ыльы*
	2 л.	*луднеда ыле // лыднеда ыльы*	*ынеда луд ыле// ӧынеда лыд ыльы*
	3 л.	*луднешт ыле // луднешты ыльы*	*ынешт луд ыле// ӧынешты лыдеп ыльы*
		II спряжение	
Ед. ч.	1 л.	*пурынем ыле // пырынем ыльы*	*ынем пуро ыле// ӧынем пыры ыльы*
	2 л.	*пурынет ыле // пырынет ыльы*	*ынет пуро ыле// ӧынет пыры ыльы*
	3 л.	*пурынеже ыле // пырынежы ыльы*	*ынеж пуро ыле // ӧынежы пыры ыльы*
Мн. ч.	1 л.	*пурынена ыле // пырынена ыльы*	*ынена пуро ыле // ӧынена пыры ыльы*
	2 л.	*пурынеда ыле // пырынеда ыльы*	*ынеда пуро ыле // ӧынеда пыры ыльы*
	3 л.	*пурынешт ыле // пырынешты ыльы*	*ынешт пуро ыле // ӧынешты пырep ыльы*

В отрицательной парадигме в настояще-будущем времени желательного наклонения по лицам изменяется отрицательный глагол (в котором суфф. *-не* предшествует личным окончаниям), затем идет неизменяемая форма (основа глагола повелительного наклонения) смыслового глагола. Утвердительная форма прош. времени желательного наклонения образуется сочетанием неизменяемой формы вспомогательного глагола *ыле* (или *улмаш*) // *ыльы* с личными формами смыслового глагола настояще-будущего времени желательного наклонения.

Отрицательная форма прош. времени желательного наклонения образуется сочетанием личных форм спрягаемого отрицательного глагола (в котором суфф. *-не* предшествует личным окончаниям)

с неизменяемой основой смыслового глагола, за которым следует вспомогательный глагол *ыле* // *ыльы*.

§ 74. Условно-сослагательное наклонение как особая грамматическая форма в лугово-восточном марийском литературном языке отсутствует, значения его передаются сложными (описательными) формами прош. времени изъявительного наклонения, обычно выступающими в составе сложных предложений, в которых придаточные условные связываются с главными с помощью союза *гын* 'если': *Тунам мыйым ваҥш пӱаш чыкат ыле гын, тыйат от лий ыле, мый шкежат Совет властьым ом уж ыле* 'Если бы тогда меня утопили (досл. сунули) в мельничной запруде, и тебя не было бы, и сам я не увидел бы Советской власти'.

В горномарийском в отличие от лугово-восточного условно-сослагательное наклонение передается еще при помощи суфф. *-гецы*, присоединяемого к основе глагола *ылаш* 'быть' (в придаточном предложении *ыл+гецы*): *Изиш первирак толын шонда ылгецы, анят кычен кердам ылыы ош шӱргашем* 'Если бы немного раньше успели прийти (вы), то, наверно, удержала бы белый перстень (мой)'.

Показатель желательного наклонения суфф. *-ne имеет финно-угорское происхождение (см. М. § 157, 158). Материалы горного наречия, а также некоторых других финно-угорских языков дают основание считать, что в прамарийском суфф. *-ne выражал условно-сослагательное значение, например: мр.-г. *Ма, мӹньат тыменяш кемаш гӹньы? Вот лишежы ӹлымашты цӓш* 'А что, если я тоже поеду учиться? Вот в жизни было бы счастье'.

В лугово-восточном марийском литературном языке суфф. *-ne полностью утратил условно-сослагательное значение.

Личные формы желательного наклонения в марийском, вероятно, претерпели следующие изменения [74]:

Ед. ч.	1 л.	*tolneme > *tolə̑nem > *tolnemə̑ > tolnem	'я намерен прийти'
	2 л.	*tolenete > tolə̑netə̑ > tolnetə̑ > tolnet	
	3 л.	*tolenese > tolə̑neze > tolə̑nežə̑ > tolnežə̑	
Мн. ч.	1 л.	*tolnemak > tolə̑nema > tolnena	'мы намерены прийти'
	2 л.	*tolnetak > tolə̑neta > tolneda	
	3 л.	*tolneset > tolə̑nešə̑t tolnešt	

Кроме суфф. *-ne в прамарийском был другой суффикс с условно-сослагательным значением — суфф. — *-гече*, *-гецы*, который в недавнем прошлом встречался и в некоторых говорах восточного наречия, в настоящее время сохранился в горном и северо-восточном наречиях, где он употребляется в прош. и буд.

---

[74] Галк. I 146.

временах обычно в сочетании с вспомогательным глаголом *ылаш* ‘быть’, *лияш* ‘быть’, ‘становиться’: *ыл*+*гецы*.

Происхождение суфф. *-гече*, *-гецы* неясно: одни исследователи марийского языка возводят его к финно-угорскому условному суфф. *-ks [75], другие связывают его с деепричастным суфф. *-дегече*, *-дегызе* < kese [76], встречающимся в некоторых диалектах, например в северо-западном наречии. Возможно, что суфф. *-гецы*, *-гече* имеет общее происхождение с мд. *-ксо*, *-ксе*, образующими желательное наклонение: мд. *молян* ‘иду’ — *моликсэминь* ‘я хотел идти’ [77].

Таким образом, система наклонений в прамарийском была представлена изъявительным наклонением без специального оформления, повелительным в форме основы изъявительного наклонения, условно-сослагательным с суфф. *-ne, условно-сослагательным с суфф. *-гецы*, *-гече*.

§ 75. Образование глаголов от глаголов. Выражение залоговых, видовых и других значений.

Действительное залоговое значение не маркируется.

Возвратное значение обозначается суфф. *-алт*, присоединяемым к глаголам действительного залогового значения; суфф. *-алт* вносит в глаголы значения: собственно-возвратное (*йӱлаш* // *йӹлаш* ‘гореть’— *йӱлалташ* // *йӹлалташ* ‘сжечь себя’, *ямдылаш* // *йӓмдылаш* ‘готовить’— *ямдылалташ* // *йӓмдылалташ* ‘готовиться’), средневозвратное (*чытыраш* ‘дрожать’ — *чытыралташ* ‘содрогнуться’), страдательно-возвратное значение (такие глаголы выступают в сочетании с существительным — дополнением, имеющим при себе послелог *дене* // *доно*: мр.-луг. *Вес коремже тыгыде кожер дене леведалтын* ‘Другой овраг покрылся мелким ельником’; мр.-г. *Цила ышталтеш кид доно* ‘Все делается руками’), взаимно-возвратное (*шупшалаш* // *шыпшалаш* ‘целовать’ — *шупшалташ* // *шыпшалташ* ‘целоваться’).

Чисто страдательное значение в марийском выражают только кальки с русского: мр.-луг. *Ший лупс дене мушкылтшо шып эр* ‘Серебряной росой умытое тихое утро’; мр.-г. *Справоч доно питырмы пӧрт* ‘Запертый на замок дом’.

Понудительное залоговое значение выражается суфф. *-ыкт*, присоединяемым к переходным глаголам: *ончаш* // *анжаш* ‘смотреть’ — *ончыкташ* // *анжыкташ* ‘показывать’ (досл. ‘понуждать смотреть’).

При глаголах с залоговым суфф. *-ыкт* косвенный объект (понуждаемый совершать действие) выступает в дат. падеже: *Аваже йӱдыржылан вӱдым нумалыкта* ‘Мать заставляет (понуждает) дочь носить воду’.

---

[75] П. А. Аристэ — Хак. I 225 (примечания); Ф. Гордеев — Вопр. мар. I 119—120.
[76] Веке. CsNy 377.
[77] Гордеев — Вопр. мар. I 120.

Залоговый суфф. *-ыкт* может присоединяться и к непереходным глаголам, в таких случаях глаголы получают значение переходных и не имеют косвенного объекта в форме дат. падежа: *Макси тудым пӧртылыкта* 'Макси возвращает (досл. 'заставляет вернуться') его'.

Суфф. *-ан, -н* // *-ан, -ӓн, -н* придают глаголу залоговые значения: *мокташ* // *макташ* 'хвалить' — *мокташан* // *мактанаш* 'хвалиться' (возвратное значение).

Суфф. *-ал* (часто в сочетании с суфф. *-да*) придает глаголу уменьшительно-ласкательное значение: мр.-луг. *Таче тыште улдалеш, эрла уке лиялеш* (глаголы *улаш* 'быть', *лияш* 'быть', 'становиться') 'Сегодня он здесь, а завтра нет его'; мр.-г. *Микита мӓнгы дӓрал шӱлышым изишеш нӓлаш шагалалеш* 'Никита возле столба останавливается немного перевести дух'.

Вид как грамматическая категория, выражающая совершенность или несовершенность действия, в марийском отсутствует. Совершенность действия, в отличие от несовершенности, в марийском выражается сочетанием деепричастия на *-н* смыслового глагола со спрягаемыми формами вспомогательных глаголов, образуя так называемые составные или же спаренные глаголы [78]. В качестве вспомогательных глаголов, используемых для выражения видовых значений, выступают *шындаш* // *шӹндаш* 'посадить', *лекташ* // *лӓкташ* 'выйти', *налаш* // *нӓлаш* 'взять', *пурташ* // *пырташ* 'ввести', *колташ* // *колташ* 'пустить' и др.: *солаш* // *салаш* 'косить' — *солен налаш*//*сален нӓлаш* 'скосить', *кыраш*//*кыраш* 'бить' — *кырен пурташ* // *кырен пырташ* 'вбить', 'забить (гвоздь)', *малаш* // *амалаш* 'спать' — *мален колташ* // *амален колташ* 'заснуть' и др.

К суффиксам, выражающим однократность действия, относятся *-ал, -л*: *ончаш* // *анжаш* 'смотреть' — *ончалаш* // *анжалаш* 'взглянуть', *шогаш* // *шагаш* 'стоять' — *шогалаш* // *шагалаш* 'стать', 'встать.'

Многократность действия выражают суфф. *-кал, -гал*: *шопаш* // *шанаш* 'думать' — *шопкалаш* // *шаныкалаш* 'раздумывать', *параш* // *пераш* 'ударить' — *паркалаш* // *перкалаш* 'ударять', 'бросаться чем-л'.; *-ым*: *шындаш* // *шындаш* 'посадить', 'садить' — *шындылаш* // *шӹндылаш* 'сажать'; *-ед*: *пӹчкаш* // *пӧӹцкаш* 'резать' — *пӹчкедаш* // *пӧӹцкедаш* 'нарезать', *-н, -ал*: *мокташ* // *макташ* 'хвалить' — *мокташан* // *мактанаш* 'хвалиться', *-ылт*: *йодаш* // *ядаш* 'спрашивать', 'спросить' — *йодышташ* // *ядышташ* 'расспрашивать' и др.

Рассмотренные суффиксы образуют глаголы от глаголов же и обычно вносят в глагол видовые и залоговые значения.

§ 76. Суффиксы, образующие глаголы от других частей речи: *-л; -ал; -ышт; -ешт; -ешн, -ышн; -ешк, -ышк; -ем; -н; -лан; -тат; -лт.*

---

[78] М. П. Чхаидзе. Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола, 1967.

Наиболее продуктивным из них является суфф. *-л*, образующий глаголы от имен существительных: *кышыл // кӹшыл* 'куча зерна' — *кышыллаш // кӹшыллаш* 'сгребать' (зерно), от некоторых имен прилагательных: *окшак // акшак* 'хромой' — *окшаклаш // акшаклаш* 'хромать'. При помощи суф. *-л* в лугово-восточном марийском оформляются глаголы, заимствованные из русского языка: *сдавать* → мр.-луг. *сдаватлаш*, *гладить* → мр.-луг. *гладитлаш* (в произношении большинства марийцев русский мягкий *ть* при заимствовании сохраняется); в горномарийском заимствованные из русского языка глаголы оформляются при помощи суфф. *-й*: *ревизовать* → *ревизуяш*, *думать* → *тумаяш*.

Менее продуктивными являются суфф. *-лан* (*чер // цер* 'болезнь'— *черланаш // церланаш* 'заболеть') и суфф. *-ем*, образующий глаголы от прилагательных: *кӱжгӧ // кӹжгы* 'толстый'— *кӱжгемаш // кӹжгемаш* 'толстеть'.

Непродуктивными являются суффиксы: *-н* (образует глаголы от некоторых существительных и прилагательных): мр.-луг. *пӱгыр* 'горб'— *пӱгырнаш* 'нагнуться', мр.-г. *йахы* 'грязь'— *йахнаш* 'загрязниться'; *-ешт*: *вер // вӓр* 'место'— *верешташ // вӓрешташ* 'попасться'; *-ышт*: *йол // ял* 'нога'— *йолышташ // ялышташ* 'надеть путы', 'стреножить'.

Ряд непродуктивных суффиксов образует глаголы как от имен, так и от глаголов: *-т*, *-д*: *лӱм // лӹм* 'имя'— *лӱмдаш // лӹмдаш* 'назвать', 'называть', *волаш // валаш* 'спуститься', 'спускаться' — *волташ // валташ* 'спускать', 'спустить'; *-г*, *-к* (в отглагольных глаголах употребляется лишь в сочетании с суфф. *-ед*) образует глаголы от имен существительных, прилагательных и изобразительных слов: *лавра // лявра* 'грязь' — *лавыргаш // лявыргаш* 'загрязниться', 'испачкаться', *лыргаш* 'смеяться', 'хихикать' (от звукоподражательного слова *лыр-р*), *шураш // шыраш* 'тыкать' — *шуркедаш // шыркедаш* 'потыкивать' (многократное действие).

§ 77. Суффиксы, образующие глаголы как от глаголов, так и от других частей речи: *-алт*; *-ыкт*; *-аг // -аңг*; *-тар*, *-дар*; *-ар*; *-ас*, *-аш*; *-ыч // -ыш*; *-т*, *-д*; *-ас*, *-аш*. В случаях, когда суффикс образует глагол от глагола же, он вносит в слово залоговое или же видовое значение. Продуктивные суффиксы: *-алт*; *-ялт* (*канаш // кӓналаш* 'отдыхать'— *каналташ // кӓналташ* 'отдохнуть', *пычкемыш // пӹцкемыш* 'темнота'— *пычкемышалташ // пӹцкемышалташ* 'темнеть'); *-ыкт* (*ончаш // аҥжаш* 'смотреть' — *ончыкташ // аҥжыкташ* 'показывать', *эре* 'чистый' — *эрыкташ* 'чистить'); *-аг // -аңг* (*лум // лым* 'снег' — *луманг аш // лымангаш* 'покрываться снегом'). Непродуктивными являются: *-т* (*волаш // валаш* 'спускаться'— *волташ // валташ* 'спустить', *лӱм // лӹм* 'имя' — *лӱмдаш // лӹмдаш* 'называть'). Непродуктивными являются: *-ыч // -ыш* (*ӱпш* 'запах'— *ӱпшычаш // ӱпшышаш* 'нюхать'; *-дар*, *-тар* (*ӱшан // ӹнян* 'надежный' — *ӱшандараш // ӹняндараш* 'уверять' и др.

§ 78. Многие глагольные суффиксы восходят к финно-угорскому (уральскому) периоду, например, суфф. *-аг // -аңг* (в. zajong

'шумит'); *-ынч || -ынз* (мд. *кевонзамс* 'окаменеть'); *-ал* (мд. *кантлемс* 'приносить', с. kérte 'взлететь'); *-алт* (ф. puhaltaa 'дунуть', 'дуть') и др. (см. М. § 255—298). Суффиксы, заимствованные марийским языком из тюркских (главным образом чувашского) языков: *-ас, -аш*: *тума* 'шум' — *тумасаш* 'шуметь', *-ар*: *ком* 'кора' — *комараш* 'сдирать кору'; *-тар*: *вожылаш || важылаш* 'стесняться' — *вожылтараш || важылтараш* 'пристыдить'.

§ 79. К инфинитным (неспрягаемым) формам относятся инфинитив, причастие и деепричастие.

Инфинитив представлен двумя формами: инфинитивом на *-аш || -ош, -äш* и инфинитивом долженствования на *-ман || -мыла*, например, *каяш || кеяш*, 'идти', *кайман || кемыла* 'должно идти' (мр.-луг. *Экзаменлан сайын йамдылалтман* 'К экзаменам следует хорошо готовиться'; мр.-г. *Пӱ доно пырмыла ты вӹрйӱшывлäм* 'Зубами следует загрызть этих кровопийцев').

Инфинитив может иметь лично-притяжательные и падежные форманты, например: мр.-луг. *Кочкашет уло мо?* 'Еда у тебя имеется?' (досл. 'Есть у тебя имеется?'); *Шуашыже шуам — мӹндырак огыл* 'Дойти-то дойду — недалеко'; *Каяшлан ямдылалтам* 'Готовлюсь к отъезду'. Такая особенность марийского инфинитива объясняется его именным происхождением. Инфинитивный суфф. *-аш* восходит к финно-волжскому лат. *-s* (см. М. § 88), сложный суфф. *-мыла* образовался из финно-угорских суффиксов глагольного имени *-m и суфф. лат. *-l* [79], сложный суфф. *-ман* инфинитива долженствования состоит из суффикса глагольного имени *-m и финно-угорского лат. *-ŋ*.

§ 80. Причастия, сохраняя лексические значения глаголов, от которых они образовались, имеют ряд общих с ними грамматических признаков: 1) залоговое значение (*книгам лудшо || книгам лыдшы* 'читающий книгу', где причастие *лудшо || лыдшы* имеет значение действительного залога; *книгам лудыктышо || книгам лыдыктышы* 'заставляющий читать книгу', где причастие *лудыктышо || лыдыктышы* имеет значение понудительного залога); 2) видовое значение (*чонгештыше || чонгештышы* 'летящий' — *чонгештылше || чонгештылшы* 'летающий' — значение многократности действия); 3) временные значения (*лудшо || лыдшы* 'читающий', *лудшаш книга || лыдшаш книга*, 'книга, которую предстоит читать'); 4) глагольное управление (*олмам кочкам || алмам качкам* 'ем яблоко').

Причастия, замещая существительные, имеют формы числа, притяжательности и падежа, могут сочетаться с послелогами (*лыйтудым нурышко лекмыже олчыч ужым || лӹйтӹдым пырышкы лäкмыжы анзыч ужым* 'я его до его выхода в поле видел').

В марийском языке различаются причастия активные, пассивные, отрицательные и причастия буд. времени, которые образуются от основ глаголов повелительного наклонения.

---

[79] Галк. I 161—162.

Активные причастия образуются при помощи суфф. *-ше*, *-шо*, *-шӧ* // *-шы*, *-шӹ*: *луд* // *лыд* ‘читай’ — *лудшо* // *лыдшы* ‘читающий’, *нал* // *пӓл* ‘возьми — *налше* // *нӓлшы* ‘взявший’.

Пассивные причастия образуются при помощи суфф. *-ме*, *-мо*, *-мӧ* // *-мы* *-мӹ*: *лудмо* // *лыдмы* ‘читаемый’, *налме* // *нӓлмы* ‘взятый’. Причастия этой группы обычно соответствуют страдательным причастиям русского языка.

Отрицательные причастия образуются при помощи суфф. *-дыме*, *-дымо*, *-дымӧ* // *-дымы*, *-дӹмы*: *йӧратыдыме* // *яратыдымы* ‘нелюбимый’ (от глагола *йӧратe* // *яраты* ‘люби’).

Причастия буд. времени обозначают признак предмета по действию, которое предстоит совершить в будущем, и образуются от основ повелительного наклонения при помощи суфф. *-шаш* // *-шаш*, *-шӓш*, нередко осложненного присоединением суффикса тюркского происхождения *-лык*: мр.-луг. *Кайшашыже кайже* ‘Тот, кому предстоит идти, пусть идет’; мр.-г. *Вадеш мӓ пытарышашлык ылына* ‘К вечеру мы должны закончить’.

В образовании пассивных (страдательных) причастий прослеживается финно-угорский суффикс отглагольного имени *-m (см. М. § 213), ср. *илем* // *ӹлем* ‘жилье’, *йӹлем* ‘гарь’). Суффикс активных причастий *-ше*, *-шо*, *-шӧ* // *-шы*, *-шӹ* генетически связан с ф.-у. суфф. *-s (см. М. § 235, 236).

Суффикс причастий будущего времени *-шаш*, *-шашлык* по происхождению сложный. Он образован при помощи суффикса активного причастия *-ше* (<*-s) и суффикса прилагательного *-аш* с s-овым элементом, встречающимся в прилагательных *икияш* ‘годовалый’, *кумыташ* ‘трехрублевый’. Суфф. *-шаш* осложнился элементом *-лык* тюркского происхождения (тат. *батырлык*, чув. *паттӑрлӑк* ‘храбрость’). Причастия буд. времени с суфф. *-шаш* в марийском возникли самостоятельно на прамарийской почве [80]. Суфф. *-дыме*, *-дымо*, *-дымӧ* // *-дымы*, *-дӹмы* отрицательных причастий в марийском возникли в период финско-пермской общности (ср. ф. jalattoman ‘безногий», мд. *кудовтомо* ‘бездомный’, к.-п. *лыддыытӧм* ‘непрочитанный’) и по происхождению являются сложными. Его компоненты: финно-угорский формант *-tt* (см. М. § 246) и финно-угорский суффикс отглагольного имени *-ma [81].

§ 81. Деепричастия образуются от основы повелительного наклонения, имеют суффиксы видового и залогового значения, управляют падежными и послеложными формами существительных и местоимений: *ончен* // *анжен* ‘смотря’, *ончалын* // *анжалын* ‘посмотрев’, ‘взглянув’, *ончыктен* // *анжыктен* ‘показав’; *Акам тувырым урген шинча* // *Акам тыгырым ырген шӹнза* ‘Моя старшая сестра сидит за шитьем рубашки (платья)’.

Деепричастия в марийском языке квалифицируются как деепричастия на *-н*, деепричастия на *-де*, деепричастия на *-мешке* //

---

[80] Галк. I 166—167.
[81] Галк. II 168.

-мешкы, деепричастия на *-меке* // *мыкы*, *-мӱкы*, деепричастия на *-шыла* // *-шыла*, *-шӱла*.

Деепричастия первых двух групп, примыкая к глаголам, характеризуют способ действия, остальные — время действия.

Деепричастия на *-н*; *-де*; *-меке* могут иметь показатель сравнительной степени *-рак*, который в таких случаях выражает неполноту действия, обозначаемого деепричастием, например: мр.-луг. *Шинчажым иземденрак ончале* 'Сузив глаза (досл. 'немного уменьшив'), посмотрел'; могут присоединять усилительные частицы *-ак* // *-ок*; *-ат*: мр.-луг. *Рвезе ой дене тунгалат гын, кудалыштынак эртарет, парым куралдеат шинчен кодат* 'Если послушаешься парня, то и время проведешь, разъезжая, и останешься, не вспахав пар'.

Деепричастия на *-н* являются наиболее употребительными. У глаголов с основой на *-ыл*, *-ал*, *-ан* // *-анг*, *-ем*, *-эм*, *-ед*, *-эд*, *-ешт*, *-эшт* в деепричастиях обычно выпадает суфф. *-ын*, образуя усеченную форму деепричастий этой группы: *шупшыл налаш* // *шыпшыл нӓлаш* 'отнять' досл. 'потянув отнять' (вм. *шупшылын налаш* // *шыпшылын нӓлаш*); *кушкед шолаш* // *кышкед шалаш* (вм. *кушкедын шолаш* // *кышкедын шалаш*) 'изорвав бросить'.

Действие, выраженное деепричастием на *-н*, происходит одновременно с действием спрягаемого глагола или до него: мр.-луг. *Изи эрге, воштылын, оралтыште куржталеш* 'Маленький мальчик, смеясь, бегает по двору'; *Марий имньым шогалтен, тарантасше гыч вола* 'Мужчина, остановив лошадь, сходит с тарантаса'. Деепричастия на *-н* нередко выступают в сдвоенной форме: мр.-луг. *Лудо-влак эркын-эркын сер век карен-карен лишемыт* 'Утки, не спеша (досл. 'спокойно—спокойно') перекликаясь (досл. 'крича-крича'), приближаются к берегу'. Эта группа деепричастий принимает лично-притяжательные суффиксы 2-го и 3-го лица ед. числа, выступающих в роли определительно-выделительных частиц: мр.-луг. *Мӧнгӧ толынжо мом ыштем ыле? — Изиш каналтет иле* 'Домой придя (досл. 'придя-то'), что бы я стал делать? — Немного отдохнул бы (ты)'.

Деепричастия на *-де* (отрицательные деепричастия) образуются от основы повелительного наклонения при помощи лишительного суфф. *-де* (ср. *луд* // *лыд* 'читай' — *лудде* // *лыдде* 'не читая') и выражают второстепенное действие, при отсутствии которого совершается главное действие, выраженное спрягаемой формой глагола; при этом оба действия, одно из которых отрицается, а другое утверждается, обычно происходят одновременно, но иногда первое, выраженное деепричастием на *-де*, может предшествовать другому: мр.-луг. *кочде ит кае* 'не поев, не уходи'; мр.-г. *Ыргыде, ыргызы лиаш ак ли* 'Если не шить, нельзя быть портным'.

Деепричастия на *-де* могут употребляться в сдвоенной форме: *Ойлыде-ойлыде* 'Не говоря-не говоря', т. е. 'молча'. Наблюдается также спаренное употребление деепричастия на *-н* с отрицатель-

ным деепричастием на *-де*: *кочкын—кочде* || *качкын—качде* 'поев-не поев', т. е. 'недостаточно поев'.

Отрицательные деепричастия на *-де* могут выступать с притяжательным суффиксом 3-го лица ед. числа в указательном значении: *Ты ен ден келшыдежат ок лий* 'С этим человеком и нельзя не согласиться-то'.

Деепричастия на *-шыла* || *-шыла*, *-шыла* (в диалектах *-мыла*) обозначают действие, происходящее одновременно с основным и имеют значение 'во время такого-то действия': *толшыла* || *толшыла* 'в тот момент, когда шел', *куржшыла* || *кыргыжшыла* 'в тот момент, когда бежал'. В лугово-восточном деепричастия на *-шыла* могут выступать в лично-притяжательном оформлении во всех трех лицах ед. числа и 3-м лице мн. числа, причем лично-притяжательный суффикс как бы разрывает суфф. *-шыла* на *-шы*, *-ш* и *-ла*, например: *тол-ше-м-ла* 'во время моего прихода'; *тол-ше-т-ла* 'во время твоего прихода'; *тол-шы-ж-ла* 'во время его прихода'; *тол-шы-шт-ла* 'во время их прихода'.

В горномарийском деепричастия на *-шыла* могут выступать во всех трех лицах ед. и мн. числа лично-притяжательного оформления, при этом лично-притяжательный суффикс ставится после суфф. *-шыла*.

Ед. ч.	1 л.	*толшыла-эм*	'во время моего прихода'
	2 л.	*толшыла-эт*	
	3 л.	*толшыла-жы*	
Мн. ч.	1 л.	*толшыла-на*	'во время нашего прихода'
	2 л.	*толшыла-да*	
	3 л.	*толшыла-шты*	

Деепричастия на *-меке* || *-мыкы* (мр.-в. moŋgö) обозначают действие, предшествовавшее главному действию, выраженному спрягаемой формой глагола, и могут употребляться с усилительными частицами *-ак* || *-ок*; *-ат* и показателем сравнительной степени *-рак*: мр.-луг. *Волгенче волгалт эртымеке, тунамак пеш пычкемыш лицын* 'После того как сверкнула молния, сразу же стало очень темно'; мр.-г. *Поран цäрнымыкы, Ваня анзыкы ашкедын* 'После того как буран утих, Ваня пошел дальше' (досл. 'вперед').

Деепричастия на *-мешке* || *-мешкы* выражают второстепенное действие, совершающееся после или в пределах времени действия спрягаемого глагола, а также может обозначать действие, которому предпочитается действие спрягаемого глагола, например: мр.-луг. *Калык ончылно вожылмешкем луче идым шенгеч ошкыл колтем* 'Чем стыдиться перед народом, лучше пройду за гумном'; мр.-г. *Школым тымень пытарымешкем ылынем* 'Я намерен жить до окончания школы'.

Временны́е деепричастия на *-меке* || *-мекы* и *-мешке* || *-мешкы* могут принимать лично-притяжательные суффиксы всех трех лиц ед. и мн. числа.

Ед. ч.	1 л.	*толмешкем // толмешкем*	*толмекем// толмыкем*
		‘до моего прихода’	‘после моего прихода’
	2 л.	*толмешкет // толмешкет*	*толмекет// толмыкет*
	3 л.	*толмешкыже // толмешкыжы*	*толмекыже// толмыкыжы*
Мн. ч.	1 л.	*толмешкына // толмешкына*	*толмекына// толмыкына*
	2 л.	*толмешкыда // толмешкыда*	*толмекыда// толмыкыда*
	3 л.	*толмешкышт // толмешкыштыы*	*толмекышт// толмыкыштыы*

Деепричастия на *-н* в марийском развились частично из причастия, о чем говорят реликтовые формы: *шужен ий* ‘голодный год’, *пӧрдын мардеж* ‘вихрь’ (досл. ‘крутящийся ветер’) и др.[82], а также формы прошедшего II: *толынам* < *толын улам* ‘я пришел’ из ‘я есмь пришедший’; по мнению Э. Беке, мр. *-н*, *-ын* тождествен мд. *-ń*, образующему имена от глаголов, например, мд. kadoms ‘покипуть’ — kadoń ‘покипутый’ [83].

От причастия происходит и деепричастие с суфф. *-де*, что подтверждается формой прошедшего II в горномарийском: *толделам* из *толде ылам* ‘я есмь не пришедший’. Суфф. *-де* восходит к ф.-у. суфф. *-tt (см. М. §§ 246, 247).

Деепричастия прошедшего действия с суфф. *-меке // мыкы*, *-мӹкы* и одновременного действия с суфф. *-шыла* формировались на марийской почве, однако в их образовании прослеживаются и финно-угорские суффиксы. В суфф. *-меке // -мыкы* выявляются ф.-у. *-m имен действия и ф.-у. лат. *-k (см. М. § 213, § 71), в суфф. *-шыла* — финно-угорский суффикс отглагольных имен *-s > ś и суффикс напр. падежа -la, в суфф. *-мешке* — ф.-у. лат. *-k и ф.-вол. лат. *-s (см. М. § 88) [84].

НАРЕЧИЯ

§ 82. Наречия делятся на: 1) качественные (*йӱшто // йӱштӹк* ‘холодно’, *пыкше // токо-токо* ‘чуть-чуть’, ‘едва’); 2) количественные (*пеш // пиш* ‘очень’, *изил-олян // изил-олеп* ‘понемногу’, *кумытын // кымытын* ‘втроем’, *пӱтын̈ь // пӹтын̈ь* ‘всё’, ‘без исключения’, *вуйге-почге // вуйге-пачге* ‘полностью’, ‘целиком’); 3) образа действия (*кумык // кумок* ‘вниз лицом’, *шып // шӹп* ‘тихо’, *йолын // ялын* ‘пешком’, *вашке // вӓшке* ‘скоро’, *вуйын-почын // вуйын-пачын* ‘сломя голову’, ‘кувырком’); 4) времени (*таче // тагачы* ‘сегодня’,

[82] Н. И. Исанбаев — NyK LX.
[83] Beke CsNy 163.
[84] Сереб. Осн. 169.

тенгече // тенгечы ‘вчера’, *ожно // ожны* ‘раньше’, ‘в старину’, *щукерте // пӱлагерды* ‘давно’, *шаҥге // лешаҥгы* ‘недавно’; 5) места (*мӱндӱрнӧ // мӱндырны* ‘далеко’, *тыште // тишты* ‘здесь’, *мӧҥгышко // токы* домой); 6) причины и цели (*лӱмын // йори* ‘специально’, ‘преднамеренно’).

Некоторые качественные наречия могут иметь форму сравнительной степени, выражаемую при помощи суфф. *-рак*: *сайын // яжон* ‘хорошо’ — *сайынрак // яжонрак* ‘лучше’ (см. § 45); превосходная степень выражается сочетанием наречия в форме сравнительной степени с частицей *эше // эче* ‘еще’ (*эше сайынрак // эче яжонрак* ‘еще лучше’), *пеш // пиш* ‘очень’, *путырак // патыр* ‘очень’, ‘чрезвычайно’.

Наиболее продуктивными суффиксами, образующими наречия от других частей речи, являются суфф. *-ен*, *-н* < ф.-у. лок. *-na, *-nä (см. М § 60): *поро // пуры* ‘добрый’ — *порын // пурын* ‘по-доброму’; *коктыт* ‘два’ — *коктын* ‘вдвоем’; суфф. *-ла* < прамр. падежного *-l* (*упа // хына* ‘гость’, *унала // хынала* ‘в гости’ (см. М. § 79—83).

Большинство суффиксов наречий малопродуктивны и большей частью представляют собой застывшие падежные окончания; *-не*, *-но*, *-нӧ // -ны*, *-ныӹ*: *йылалне // лӧвалны* вниз < ф.-у. лок. *-na, *-nä (см. М. § 57, 58); *-ка*, *-ко // -кы*, *-кӹ*: *ончыко // -анзыкы* ‘вперед’ < ф.-у. лат. *-k (см. М. § 71); *-ч // -ц*: *умбач // ымбац* ‘издалека’ < ф.-у. абл. *-ta, *-tä (см. М. § 67); *-де*: *кидде // кыдде* ‘без рук’ < ф.-у. *-tt (см. М. § 246, 247); *-ге*: *вожге // важге* ‘с корнем’ < волжско-финский суффикс ком. *-ke, *-k[85].

Ряд наречий образовался от местоимений с помощью прибалтийско-волжского падежного суфф. *-s < š + ф.-у. лок. *-t: *тыште // тышты* ‘здесь’, того же *-s + ф.-у. лат. *-k: *тышке // тышкы* ‘сюда’; из того же *-s + ф.-у. абл. *-ta, *-tä (-с ~ č, -ć ~ -č: *тышеч // тишец* ‘отсюда’, *мӱндырч // мӱндырц* ‘издалека’) и других древних падежных окончаний (суффиксов).

Некоторые наречия образовались путем сложения основ различных частей речи: *йырваш // йӹрваш* ‘кругом’, ‘со всех сторон’ (*йыр // йӹр* ‘кругом’, ‘вокруг’ + *ваш // вӓш* ‘друг друга’), *йӹд-вошт // йӹд-вашт* ‘всю ночь’ (*йӹд // йӹд* ‘ночь’ + *вошт // вашт* ‘сквозь’), *шукертсек // шукершеҥ* ‘издавна’ (*шуко // шукы* ‘много’ + *эртыше* ‘проходящий’, ‘миновавший’).

Ряд наречий является словами-повторами: *ваш-ваш // вӓш-вӓш* ‘взаимно’ (*ваш // вӓш* ‘друг с другом’), *йырым-йыр // йӹрым-йыр* ‘кругом’, ‘по всей окружности’ (*йыр // йӹр* ‘вокруг’) и др. Такие повторы нередко вносят в слово усилительное значение.

§ 83. Изобразительные слова не имеют грамматических форм и служат для образной передачи различных явлений внешнего мира, воспринимаемых зрительно и на слух, внутреннего состояния и действий человека. В предложении такие слова чаще всего выступают в роли обстоятельства образа дей-

[85] Галк. I 22—23.

ствия, но могут быть определениями и сказуемыми. Как изобразительное средство, они широко используются в фольклоре и художественной литературе, например: мр.-луг.-вост.

Йырвик-йорвик пыл кокла гыч
Тылзе кая шкетак,
Лыкым-лакым олык гочын
Ӱмыл покта почешак.
Теле шулык корныштыжо
Кычыр-кочыр тер мура [86]
(С. Чавайн,.. Теле корныштo).

В этом отрывке использованы изобразительные слова: *йырвик-йорвик* 'клочьями' (о движении облаков), *лыкым-лакым* 'волнистый', 'неровный' (о поверхности поля), *кычыр-кочыр* (звук, издаваемый полозьями саней); мр.-г.: *Гуж-гуж-гуж кож вуй шакта, лыж-лыж-лыж тум ылышташ манеш* 'Гуж-гуж-гуж шумит верхушка ели, лыж-лыж-лыж отвечает листва дуба'.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

§ 84. Послелоги. Ни в лугово-восточном, ни в горно-марийском литературных языках, как и в диалектах, нет предлогов, их функции выполняют послелоги. По своему значению послелоги делятся на:

1) пространственные; *деке // докы* 'к' (*мый декем // мӹнь докем* 'ко мне'); *дене // доно* 'возле', 'около', 'по' (*чодра тӱр дене // шыргы тӹр доно* 'возле леса', 'по краю леса'; *гыч // гӹц* 'с', 'из' *паша гыч толын // паша гӹц толеве* (он) 'пришел с работы'; *деч // дорц* (мр.-в. -leč) 'от' (мр.-луг. *ола деч мӱндӱрнӧ огыл* 'от города недалеко'; мр.-г. *бакен дорц тыл каеш* 'от бакена виден огонь'); *велне // вӹлны* 'в стороне чего-л.' (*чодра велне // шыргы вӹлны* 'в стороне леса'); *велке // векы* 'в сторону чего-л.' (*пӧрт велке // тома векы* 'в сторону дома'); *гоч // гач* 'через' (*корем гоч // карем гач* 'через овраг, канаву'), *мучко // мычкы* 'по', 'вдоль чего-л.' (*корно мучко // корны мычкы* 'вдоль по дороге'), *йымач // лывец* 'снизу', 'из-под' (*кӱвар йымач // кӹвер лӹвец* 'из-под моста'); *ӱмбалне // вӹлны* 'на поверхности чего-л.' (*ӱстел умбалне // стӧл вӹлны* 'на столе'), *ӱмбач // вӹлец* 'с поверхности чего-л.', *ӱстел ӱмбач налаш // стӧл вӹлец нӓлаш* 'взять со стола', *воктен // сага* 'возле' (*ӱстел воктен // стӧл сага* 'возле стола') и др.;

---

[86] Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.
По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит
(Вольный перевод стихотворения А. С. Пушкина «Зимняя дорога»)

2) временны́е: *наре // нары* ‘около’, ‘приблизительно’; *деке // докы* ‘к’; *деч // дорц* ‘от’; *гыч // гӹц* ‘из’; *марте // якте* ‘вплоть до’ (мр.-г. *школышко кемы якте* ‘до поступления в школу’); *дене // доно* ‘в течение’, мр.-г. *йотке* ‘до чего-л.’, *годсек // годшен* ‘с какого-л. времени’, мр.-луг. *годым* ‘во время чего-л.’; мр.-г. *вӹлвал* ‘за какое-л. время’ (*май ты̆лзы вӹлвал* ‘за май месяц’); *йыде // йыдс* ‘по’, ‘каждый’ (мр.-луг. *кече йыде* ‘каждый день’; мр.-г. *вадывлá йыде* ‘каждую ночь’); *велеш* ‘к’ (*кас велеш* ‘к вечеру’);

3) причинные: *дене // доно* ‘по причине чего-л.’, мр.-луг. *кӧра* ‘благодаря чему-л.’, *верч // верц* ‘из-за чего-л.’, мр.-г. *мычец* ‘из-за’, ‘по причине’;

4) цели: *верч(ын) // верц(ын)* ‘для, ради чего-л. или кого-л.’

5) количественные: *чоло* ‘около’, ‘приблизительно’, *гана // гäна* ‘раз’ (*кум гана // ким гäна* ‘три раза’), *наре // нäры* ‘до’, ‘около’ (*лу наре* ‘около десяти’); *дене // доно* ‘по такому-то количеству’;

6) сравнительные: *гане, гае // гäньы, гäнь* ‘как’ (*мый гане // мынь гäньы* ‘как я’), *дене // доно* ‘подобно’, *деч // дорц* ‘от’ (при сравнительной степени, например, *комбо лудо деч кугырак // комбы лыды дорц когырак* ‘гусь крупнее утки’); *семын // семынь* ‘по подобию’ (*товар семын вурдыжо // тавар семынь вурдыжы* ‘по топору и топорище’), *кӧра* ‘по’ (мр.-луг. *марийжылан кӧра ватыже* ‘по-мужу и жена’);

7) орудийно-совместное отношение: *дене // доно* ‘при помощи’ (*машина дене тӱредына // машина доно тыредына* ‘жнем машиной’; *аваже йдыржӧ дене мутлана // аважы йдыржы доно кытыра* ‘мать разговаривает с дочерью’). Предмет, о котором идет речь, передается с помощью послелога *нерген // гишан* ‘о’ (*Родина нерген муро // Родина гишан мыры* ‘песня о Родине’).

Многие наречия употребляются в роли послелогов: мр.-луг. *пелеҥ* ‘возле’, *вашташ // вошташ* ‘напротив’, *тореш // тареш* ‘поперек’ (*олга тореш // ханга тареш* ‘поперек доски’, *тореш ойла // тареш попа* ‘перечит’, ‘говорит против’), *вошт // вашт* ‘сквозь’, *вокте* ‘возле’, ‘рядом’, *шеҥгелан // шайылан* ‘позади’, ‘сзади’ (*омса шеҥгелан // омаса шайылан* ‘за дверью’ и *шеҥгелан ит код // шайылан ит код* ‘позади не оставайся’); *кӧргышто // кӧргышты* ‘внутри’ (*ӱстел кӧргыштӧ // стӧл кӧргышты* ‘внутри стола’).

Послелоги могут принимать лично-притяжательные суффиксы, а также постпозитивные частицы *-ат*; *-ак // -ок*, а некоторые послелоги, выступая в роли наречий, могут употребляться и с суффиксом сравнительной степени *-рак // -рак, -рäк* : мр.-луг. *Толза, шичса лишкырак* ‘Подойдите, садитесь поближе’; мр.-г. *Окнялá апызылнок кок писты шалгат* ‘Перед самым же окном стоят две липы’; мр.-луг. *Тылаже тый гает огыт ул* ‘Не все такие, как ты’; *Руси мый дечымат кугу* ‘Руси крупнее даже и меня’.

В образовании послелогов, как и наречий, прослеживаются древнейшие падежные суффиксы[87]. Так, ф.-у. лат. **-ń* выявляется

[87] Б. А. Серебренников — Вопр. мар. I 104—110.

в послелогах *ӱмбалан // вӹлан* ‘на’, ф.-у. лат. *-k — в послелогах *ончыко // анзыкы* ‘к’, ‘в направлении к предмету’ (мр.-луг. *ӱстел ончыко толын шогале* ‘Подойдя к столу, стал’), ф.-у. лок. *-na, *-nä — в послелогах *ончылно // анзылны* ‘впереди’, *йылмалне // лӹвалны* ‘под’, финско-волжский лат. *-s[88] — в послелоге *кӧргеш* ‘внутри’, он же в ф.-у. лок. *-ł — послелоге *кӧргышто // кӧргышты* ‘внутри’, послелог *дене // доно* представляет собой древнюю локативную форму какого-то имени[89].

§ 85. Союзы делятся на сочинительные и подчинительные.

Группу сочинительных союзов составляют соединительные: *ден // дон* ‘с’ (ср. послелог *дене // доно* ‘с’) и заимствованные из русского языка *да // дӓ, ни. . .ни // ны. . . ны* ‘ни . . .ни’; противительные: сложный союз *туге гынат // туге гӹнят* ‘несмотря на это’ (местоименное наречие *туге* ‘так’ + *гынат // гӹнят* ‘хотя’), заимствованные из русского языка *да // дӓ, да* в значении ‘но’, *а // ӓ, но // но*; разделительные: в лугово-восточном заимствованные из тюркских языков: *ала. . . ала* (ср. чув. *елле*, тат. *әллә*) *// тӓ. . . тӓ* (ср. русск. *то. . . то*) ‘не то. . . не то’, *я. . .я* (ср. чув. *е. . .е*, узб. *ё. . .ё*) ‘то. . . то’; заимствованные из русского языка *ала // ӓль* ‘или’, *але. . . але // ӓль. . . ӓль* ‘или. . .или’, *то. . .то* ‘то. . . то’. Примеры: мр.-луг. *Кок мужыр носки ден пижергым пидын улына ыле* ‘Двое носков и варежки связали’; мр.-г. *Тӹлзы ӓль кокты уке лиям* ‘Месяц или два буду отсутствовать’: мр.-луг., *Лумат ошо, да кочкаш ок йӧро* ‘И снег был, да есть не годится’; мр.-г. *Май тӹлзы шокшы да аяран ылын* ‘Месяц май был жарким и ясным’; *Но ни мӹлам, ни Суриновлан тиды гишаи шмат келесыды* ‘Но ни мне, ни Суринову об этом ничего не сказал’; *Но кечывал шон, а машина со уке* ‘Но наступил полдень, а машины все нет’.

К подчинительным союзам относятся: условные: *гын // гӹнь* ‘если’; уступительные: *гынат // гӹнят* ‘хотя’, *кеч // хоть* ‘хоть’, ‘хотя’; сравнительные: *пуйто // вуйты* ‘будто’, *гане // ганьы* ‘как кто-то, что-то’; причинные: *потому что // потому шты* ‘потому что’, мр.-луг. *маныл* ‘так как’; целевые: *маныл* ‘чтобы’, *штовы // ыштовы* ‘чтобы’; изъяснительные: *маныл* ‘что’, *вуйто // вуйто* ‘будто’, *что // што* ‘что’.

Подчинительные союзы, за исключением *гын // гӹнь, гынат // гӹнят, маныл, гане // ганьы*, заимствованы из русского языка. Примеры: мр.-луг. *Тунемаш тений ямде отыл гын, вес ий пурен кертат* ‘Если в этом году не подготовился к учебе, в следующем году можешь поступить’; мр.-г. *Ужмемжы когон шоэш гӹнь, сирымашым сиралтем* ‘Если мне очень захочется (тебя) увидеть (с тобой увидеться), напишу письмо’.

В качестве союзных слов для связи придаточных предложений с главными употребляются местоимения и местоименные наречия:

---

[88] В. И. Лыткин — БубрихМорф. фин. 175 (примечания).
[89] Галк. I 179.

садлан || седындон ‘поэтому’, *сандене || седындон* ‘поэтому’, *тидлан лийын* ‘поэтому’, *могане. . . тугане || махань. . . тежень* ‘какой. . . такой’, *кӧ. . . тудо || кӱ. . .тыды* ‘кто. . . тот’, *куштo. . .тушто || кышты. . .тышты* ‘где. . .там’ и др. Примеры: мр.-луг.: *Могане олмапужо, тугане олмаже* ‘Какова яблоня, таковы и яблоки’; *Кӧн тереш шинчат, тудын сапшым кучет* ‘В чьи сани сядешь, за вожжи того держишься’; мр.-г.: *Кышты первы цара кырык нерка ылын кызыт тышты колхозын олма садшы шыпшыл вазын* ‘Где раньше была голая верхушка горы, сейчас тут колхозный яблоневый сад раскинулся’; *Хоть ялде кодым ылы, только сын-заде агыл* ‘Хотя бы без ног остался, только бы не без глаз’.

§ 86. Частицы разделяются на частицы-суффиксы (при их помощи образуются, например, неопределенные местоимения) и частицы-слова.

Частицы могут быть постпозитивные: *-ак || -ок, -ат || -ат, -ӓт, -я || -йа, -с, -ыс || -ш, -ыш, гынат || гӹнят* (мр.-луг. *Александровын суртшо тиде лиеш-ыс* ‘Дом-то Александрова ведь будет этот’; мр.-г. *Ыгылдарем-ыш* ‘Объясняю ведь’); препозитивные: *ни- || ни, керек- || хоть-, кеч- || хоть-* ‘хоть’, *ала- || та-, тӓ-, иктаж- || икта-* ‘нибудь’ (мр.-луг. *Кеч-могай пашам йӧраташ кӱлеш || Тамахань пӓшам яраташ кӹлеш* ‘Любую (досл. ‘хоть какую’) работу надо любить’.

Большинство частиц-слов могут свободно перемещаться в предложении: *вет || вет* ‘ведь’, *вот || вот* ‘вот’, *лач* ‘лишь’, *вара || вара* ‘же’, *иже || ижы* ‘даже’, *веле || велы* ‘только’, *еше || ече* ‘еще’ мр.-г. *ач* ‘же’, ‘ведь’, *ай* ‘неужели’ (мр.-луг. *Тыным ойлет вет*, или *Вет тыным ойлет*, или *Тыным вет ойлет* ‘Ведь правду говоришь’; мр.-г. *Ӹнде теве ати толын* или *Теве ӹнде ӓти толын* ‘Теперь отец вот пришел’).

По значению частицы делятся на:

Усилительно-выделительные: *-ак || -ок* ‘же’, *-ат || -ат, -ӓт* ‘и’, *-вет || -вет* ‘ведь’, *-ыс, -с || -ыш, -ш* ‘ведь’, мр.-г. *вӓк* ‘даже’; мр.-луг.: *Мапам-ыс* ‘Ведь говорю’; *Кынервуй тыштак, да пурлаш огеш лий* ‘Близок локоть, да не укусишь’; *Тыным ойлет вет* ‘Ведь правду говоришь’; мр.-г. *Пӓледа-ш* ‘Ведь знаете’; *Миок токыжы, кизаветым пуок* ‘Подойди-ка ближе, дай-ка ручонку’; *Ну, кыце-йӓ трудоденьвлӓжы?* ‘Ну, как же с трудоднями?’

Тюркскими по происхождению являются: *-ак || -ок* < чув. *-ах*: *чыпахах* ‘правда же’, мр.-луг. *чыпакак* ‘тж’; финно-угорскими — *-ыс, -с || -ыш, -ш* (ср. у. *угось* (*уг*+*ось*) ‘нет же’), прабф. **-s* [90].

Выделительно-ограничительные: *веле || веле* ‘только’, *гына || гӹня* ‘только’, *гын || гӹнь* ‘же’, *кеч || хоть* ‘хоть’, *иже || ижы* ‘только’. Происхождение частиц *веле* и *иже* неясно, частица *гына || гӹня* имеет общее происхождение с союзом *гын || гӹнь* (чув. *кӑна*, тат. *гына*), частица *кеч-* — с союзом *кеч*: мр.-луг. *Чылт шӱшпыкла веле*

[90] Галк. I 184, 185.

мураллтет-ыс 'Совсем как соловей только поешь ведь'; мр.-г. *Кеквлä веле лýддеок чонгештылыт* 'Только птицы, не боясь, летают'.

Определительные: *чылт* // *йылт* (мр.-в. jalt) 'совершенно', *лач* // *лач* 'точь-в-точь' заимствованы из чувашского (ср. чув. *чăлт* 'совершенно', 'совсем') [91].

Указательные: *тевe* // *тевe* 'вот (при указании на близкий предмет), мр.-в. tüβö, мр.-г. *тыве* 'вот' (при указании на дальний предмет), *уна* 'вот', *вот* 'вот'.

Частицы *тевe*, *тыве*, *тувö* восходят к указательным местоимениям te и tu (ср. *тиде* 'этот', *тудо* 'тот', *ты* 'этот', *ту* 'тот')+ усилительный суфф. -ve; -va (ср. мр.-г. *тышкеве* 'до тех пор') [92], частица *уна* заимствована из татарского языка (ср. тат. *менэ* > мр. *муна* > *уна* [93]. Примеры: мр.-луг. *Тевe вашке эргына отпусклан толын шуэш* 'Вот скоро сын (наш) в отпуск приедет'; мр.-г. *Тевеш-ти звеном вуйлата* 'Вот ведь это звено возглавляет'; в последнем примере сложная частица *тевe-ш* (соответствует мр.-луг. *тевe-с*) состоит из указательной частицы *тевe* и усилительно-выделительной *-ыс* // *-ыш*.

Присоединительные частицы: заимствованные из русского языка: *эше* // *эче* 'еще', из татарского: *але* // *äль* (тат. *бир-але* 'дайка'); мр.-луг. *адак* 'опять', 'еще' (в горном ему соответствует *эче*) имеет неясное происхождение; примеры: мр.-луг. *Йöра эше йолжо кÿрлын огыл* 'Ладно еще ноги не оторвало'; *Тений адак мемнан деке толеш* 'Нынче опять к нам приедет'; мр.-г. *Аль эчеат ат палы?* 'Или все еще не узнаешь?'

Утвердительные частицы: заимствованные из русского языка: *да* // *дä* 'да'; *ну-да* 'ну да'; собственно марийские *йе* 'да' (при общем утверждении), *ане* // *мане* 'да'; примеры: мр.-луг. *Тый малет?* — *Ане* 'Ты спишь? — Да'; мр.-г. *Мане*, *цила ваштaлтеш* 'Да, все меняется'.

Вопросительные частицы, заимствованные из тюркского: *мо* // *ма* 'что'; собственно марийские *вара* // *вара* 'а что', *гала* (в мр.-г. отсутствует); примеры: *Ну, мо вара?* // *Ну, ма вара?* 'Ну, и что же?'

Вопросительная частица *мо* // *ма* происходит от чувашского *-ма* > мр. *мо* // *ма* 'что', частица *вара* восходит к наречию *вара* 'потом' [94]; частица *гала*, возможно, сложная: *га*+*ла*, где первый компонент одного происхождения с послеложным словом *гай*, *гане* 'подобно', а второй является утвердительной частицей *-ла* (ср. *тугела* 'так', конечно'), заимствованной из тюркского (ср. *ол барді ла* 'он действительно ушел') [95]; частицы *а*, *ну*, *разве*, *неужели* заимствованы из русского; мр.-г. *Яжо агыл вет*, *Комиссаров тäнг*, *а-а?* 'А ведь нехорошо, товарищ Комиссаров, а-а?'

---

[91] Галк. I 186.
[92] Майг. Мест. 63.
[93] Галк. I 187.
[94] Галк. I 188.
[95] Галк. I 189.

Неопределенная частица *ала* // *йнят* ‘может быть’ вносит в высказываемую мысль оттенок неуверенности, предположения, неизвестности: мр.-луг. *Ала куштo йомдаренам* ‘Неизвестно где потерял’; мр.-г. *Йнят, ак кел?* ‘Может быть, не нужно?’ Частица *ала* употребляется только в лугово-восточном, участвует в образовании неопределенных местоимений: *ала-мо* ‘что-то’, *ала-могай* ‘какой-то’ и др., имеет тюркское происхождение.

Частицы, выражающие значения превосходной и высшей степени: *эн* // *сек* ‘самый’, *пеш* // *пиш* ‘очень’, *эше* // *эче* ‘еще’: *эн сай* // *сек яжо* ‘самый хороший’, *пеш кӱжгӧ* // *пиш кыжгы* ‘очень толстый’. Частицы *эн*, *пеш* // *пиш* вошли в марийский из тюркских языков: тат. *ин*, башк. *ин*, узб. *энг* ‘самый’ (в чувашском отсутствует); *пеш* // *пиш*, по-видимому, восходит к тат. *бик*, башк. *бик*, чув. *пек* ‘очень’ [96].

Модально-волевые частицы: *-ян*, *-ан*, *-я* // *-йӓ*, *тек*, *керек-*, *ну-ка*, *айда*, *айста* // *йл* ‘давайте’; примеры: мр.-луг.: *Налза-ян* ‘Возьмите-ка’; *Айста, каена!* ‘Давайте, пойдем!’; *Ну-ка, ончалам!* ‘Ну-ка, посмотрю!’; мр.-г.: *А ну-ка, шершотдам ӧрдыжыш шуда!* ‘А ну-ка, отложите счеты в сторону’; *Нимат ат попы-йӓ* ‘Ничего же не говоришь’. Частицы *-я*, *-ян* // *-йӓ* наблюдаются и в других финно-угорских языках: ф. varmaankaan ‘наверное же’ (-ka, (-kä)+ -an), мс. *Хумус-я*, *Трофим Сергеевич?* ‘Как же, Трофим Сергеевич?’ Частицы *айда*; *айста*; *керек-* вошли в марийский из тюркских языков, ср. чув. *айта*, тат. *айда* [97].

Модальные частицы, выражающие отношение к достоверности высказывания: мр.-луг.: *шол* ‘ведь’, *чай* ‘кажется’, *дыр* ‘вероятно’, *пуйто* ‘будто’, *докан* ‘вероятно’, *аман* ‘все-таки’; мр.-г.: *сӓй* ‘вероятно’, *вуйта* ‘будто’, *анят, йнят* ‘может быть’, *тама* ‘вероятно’, *векат* ‘вероятно’, ‘пожалуй’. Примеры: мр.-луг.: *Налынат дыр* ‘Кажется (ты) взял’; *Туге шол* ‘Ведь так’; *Аман огеш мале* ‘Все еще не спит, однако же’; мр.-г. : *Шукыжок ада шыпш, сӓй?* ‘Много-то курить, вероятно, не будете?’; *Вуйта амалымыжы шоэш* ‘Будто (ему) хочется спать’.

Часть указанных частиц имеет тюркское происхождение: *шол* (ср. тат. *шулай шул*, башк. *шулай шул* ‘так именно’, ‘да’, мр.-луг. *туге шол* ‘так ведь’), *дыр* (ср. чув. *тар* ‘должно быть’, тат. *килгәндыр* ‘он, вероятно, пришел’), *аман* < тат. *һаман*, башк. *һаман* ‘все еще’ [98]. Русское происхождение имеют *чай* // *сӓй* (ср. русск. диал. *чай* ‘вероятно’).

Общее отрицание выражается отрицательной частицей *уке* ‘нет’. Происхождение его не вполне ясно. Возможно, это татарское заимствование (ср. тат. *юк* ‘нет’, чув. *çук* ‘тж’) [99].

---

[96] Галк. I 190.
[97] Галк. I 190.
[98] Галк. I 191.
[99] F. Wiedemann. Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache. Revae, 1847, § 234.

МЕЖДОМЕТИЯ

§ 87. Междометия не имеют специальных грамматических показателей. По значению они делятся на 1) эмоциональные, выражающие: восхищение (*О-о-о*!; *А*!; *Ай-ай-ай*!; *Ого*!; *// Охо*!); удивление (*Уй-уй*! *Э-э-э*! *Ой*! *О-о-о*!); досаду (*Тьфу*! *Ых*! *О-о-о*); догадку (*Ага*! *А-а*!); недоверие (*Хм-м*, *М-м*); благодарность (*Тау* 'спасибо') (диал. pasiβo) и др.; 2) побудительные: обращенные к людям: *айста*!, *айда* 'давайте', *чу* 'стой', *ну* 'ну', *эй* 'эй' и др.; обращенные к животным: *чи-чи-чи* (при скликании кур), *до-до-до* (лошадей), *кача-кача-кача* (коз), *чыда-чыда-чыда* (овец), *кси-кси-кси* (кошки), *дига-дига-дига* (гусей), *вучи-вучи-вучи* (уток) и др. Примеры: мр.-луг.: *Уй-уй, пеш шукос*! 'Ой-ой, очень много ведь'; *О-о-о, могай аҥыра улам*! 'О, какой я глупый!'; *Хм-м, кузе умылаш?* 'Хм-м, как же понять?'; *Тьфу*! *Ниголан ӱшанаш ок ли*! 'Тьфу! Никому нельзя верить!'; *Чу, мый тиде пашам тыге ыштем* 'Стоп, я эту работу так сделаю'; мр.-г. : *Ой, кыце вара*? 'Ой, как же?'; *Э-э, чорт, самыныым ыштышна* 'Э, черт, ошибку допустили'; *Ах, вот кыце*! 'Ах, вот как!'; *Охо*! *Тӓ уже*? 'Ого! Вы уже!'.

ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА

§ 88. В марийском языке между словами существует сочинительная и подчинительная связь.

Сочинительная связь наблюдается при однородных членах предложения: мр.-луг. *Пӧръеҥже, ӱдрамашыже, шоҥгыжо, рвезыже — чылажат чодра могырыш вашкат* 'Мужчины, женщины, старые, молодые — все спешат в сторону леса'; мр.-г. *Амалымыжы, кӓналтымыжы вуйто шоэш* 'Как будто (ему) хочется поспать, отдохнуть'.

Подчинительная связь существует в виде согласования — подлежащее и сказуемое-глагол согласуются в лице и числе: *Те лудыда // Тӓ лыдыда* 'Вы читаете'; *Тудо лудеш // Тыды лыдеш* 'Он читает'. Другой вид подчинительной связи — управление (обычно глагольное): мр.-луг. *Чемоданым налын, вагон гыч содор лектым* 'Взяв чемодан, быстро вышел из вагона'; мр.-г. *Пионерлӓ пум шелышташ палшат* 'Пионеры помогают колоть дрова'. Третий вид подчинительной связи — примыкание, как средство связи между зависимыми членами словосочетания, получило широкое распространение в определительных словосочетаниях (определение+определяемое): мр.-луг. *Шошым, пушеҥгылаште ужар лышташ шарлымек, куп ылыжеш* 'Весной, когда распустятся зеленые листья, болото оживает'; мр.-г. *Ир векыла лӹпката мардеж выжге ласкан ӹфыла* 'К утру слегка дует ласковый прохладный ветер'. Кроме того, наблюдается синтаксическая связь, при которой определение стоит в род. падеже, а определяемое слово принимает лично-притяжательное окончание: *Ачамын книгаже // Атямын кныгажы* 'Книга (моего) отца .

В простом предложении типичен следующий порядок слов: сказуемое ставится после подлежащего: мр.-луг. *Умбалнырак мӱкш омарта коеш* 'Несколько дальше виднеется улей'.; мр.-г. *Мӱкшвлӓ веселан чонгештылат* 'Пчелы весело летают'. В составном сказуемом связка (в 3-м лице ед. числа наст. времени она опускается) стоит после именной части сказуемого: мр.-луг. *Мый ынде шонго ен улам* 'Теперь я старый человек'; мр.-г. *Тӹйды фермыште работая, доярка ылеш* 'Она на ферме работает, дояркой является'. Определение, примыкая к определяемому слову, стоит перед ним: мр.-луг. *Чоя рывыж ний оптыш верештеш* 'И хитрая лиса в лыковые силки попадается'; мр.-г. *Михайлов ужын: сагажы сталгы йӱпан, шыма лицаан цевер ӹдыр шалген* 'Михайлов видел: возле него светловолосая, с нежным лицом, красивая девушка стоит'. Обстоятельства образа действия также стоят перед поясняемыми словами, обстоятельства места и времени, как правило, ставятся перед подлежащим с определяющими его словами: мр.-луг. *Фронт гыч пӧртылмыжӧ годым Йогор иктаж куш пашам ышташ каяш шонен* 'Егор, когда вернулся с фронта, думал куда-нибудь поехать на работу'; мр.-г. *Шудым салаш кеаш ямдылымы годым Семоным да ече кок ырвезашым вӹд ваки докы лашаш янгышташ колтенӹт* 'Во время подготовки к сенокосу Семена и еще двух мальчиков послали на мельницу молоть зерно' Управляемое слово ставится перед управляющим: *Кудалше рывыжым пий ок йӧрате || Кудалшы ӧрвыжым пи ак яраты* 'Бегущую лису собака не терпит'.

Простое предложение может быть односоставным и двухсоставным. К односоставным предложениям относятся безличные (мр.-луг. *Румбалге* 'Стемнело'; мр.-г. *Юалтара* 'Становится холодно') и назывные (мр.-луг. *Леве кенгеж йӱд* 'Теплая летняя ночь'; мр.-г. *Шачмы вӓр! Яратем мӹнь тӹньым* 'Родная сторона! Люблю я тебя').

Двухсоставные предложения могут быть полными и неполными (мр.-луг. *Остап тушто дыр? — Тушто* 'Остап там, вероятно? — Там'; мр.-г. *Вӹдым кандышыц ма? — Кандышым* 'Воды ты принес? — Принес'), распространенными и нераспространенными (мр.-луг.: *Ава—кава* 'Мать—небо'; *Ава кумыл кече дечат шокшо* 'Душа матери жарче солнца'; мр.-г. *Алло! Ваштаров колышташ!. . . Ваштаров трубкажым рычаг вӹкы пишта дӓ мӹнгешок бухгалтерын кӹдежышкы ашкед толеш* 'Алло! Слушает Ваштаров!. . . Ваштаров трубку кладет на рычаг да обратно в комнату бухгалтера идет').

Предложения, выражающие желания, являются двухсоставными: *Ужмем шуэш. Ойлымем шуэш || Ужмем шоэш. Попымем шоэш* 'Хочется видеть. Хочется говорить' (досл. 'Мое видение идет. Мое говорение идет').

Широкое распространение имеет этимологическая фигура — модели типа: *Лум лумеш || Лым лымеш* 'Снег идет' (досл. 'Снег снежит'); *Упшым упшалаш* 'Надеть шапку' (досл. 'Шапку шап-

шить'), при которой и подлежащее и сказуемое выражены словами одного корня.

Благодаря глагольным личным и лично-притяжательным окончаниям подлежащее-местоимение и определение-местоимение обычно опускаются: *Возенам || Сиренам* '(Я) писал'; *Авам толеш || Äвам толеш* '(Моя) мать идет'.

§ 89. Сложное предложение в современных марийских литературных языках (под влиянием русского языка) получило большое распространение. В прошлом для марийского языка была характерна передача причастными и деепричастными конструкциями, а также инфинитивными конструкциями различных отношений, выражаемых в русском языке при помощи придаточных предложений: мр.-луг. *Вараш эртен каймеке, пöрткайыкшат кутыра* 'После того как улетит ястреб, и воробьи хорохорятся'; мр.-г. *Тынам киношты ик лентам сäртен пытарымыкы, вес лентам шындымешкы, перерывлäм ыштеныт* 'В то время в кино после того как провернут одну ленту, до того как поставят другую ленту, делали перерывы'.

В современных марийских литературных языках различаются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Сложносочиненные и сложноподчиненные предложения могут быть бессоюзными и союзными: мр.-луг. *Кугу ӱстел йыр ала-могай еҥ-влак шинчат, нуно чарныде возат* 'Вокруг большого стола какие-то люди сидят, они беспрерывно пишут'; *Эрла кастене тый декет туларташ мият, а юбилей пайремлан сӱан лиеш* 'Завтра к тебе придут свататься, а к юбилейному празднику будет свадьба'; мр.-г. *Мӹндырнат агыл алыкышты ынгыр юквлä шактат, тиды колхоз имнивлäм йӹд ваштеш кыташ канденыт* 'Не так далеко на лугах слышны звуки колокольчиков, это колхозники привели лошадей на ночное'.

Простые предложения связываются в сложносочиненные при помощи союзов: соединительных — *да || да, дä* 'да', *ни. . .ни || ни. . . ни* 'ни. . .ни', а также при помощи соединительно-усилительной частицы *-ат || -ат, -äт* 'и', например: мр.-луг. *Йырымйыр моткоч шып лие, лай мардежат йымен шинче* 'Кругом стало необыкновенно тихо, и ласковый ветер тоже как бы притаился'; мр.-г. *Ти кечывлä лошты качкынат кертде, лицажат пыть лин колтен, да сӹнзавлäжат шыжгаланен кеныт* 'В эти дни и есть не может (он), и лицо (его) осунулось, да и глаза потускнели'; противительных *а || а* 'а', *но || но* 'но', *туге гынат || тынге гӹнят* 'но', *да || да* в значении 'но', например: мр.-луг. *Мутетлан шӱмем ӱшана, но вуй ок ӱшане* 'Словам (твоим) сердце верит, а разум не верит'; мр.-г. *Но кечывал шоэш, а машина со уке* 'Но наступает полдень, а машины все нет'; разделительные — *то. . .то || тä. . . тä* 'то. . . то', *я. . . || йä. . .йä* 'то. . . то', 'либо. . .либо', *але. . . але || äль. . .äль* 'или. . .или', например: мр.-луг. *Але ме нунылан полшена, але нуно мыланна полшат* 'Или мы им поможем, или они нам помогут'.

ЛЕКСИКА

§ 90. Лексика марийского языка, если ее рассматривать исторически, состоит из нескольких пластов. Наиболее древним пластом являются слова, имеющие финно-угорское происхождение, причем часть этих слов имеет еще более древнее происхождение, относясь к периоду уральской общности языков. Из почти 1000 слов в марийском языке, имеющих финно-угорское происхождение, около 200 относится еще к периоду уральской общности [100]. Уральское происхождение имеют местоимения: *мый* // *мӹнь* 'я', *тый* // *тӹнь* 'ты', названия природных явлений: *тул* // *тыл* 'огонь', орудий труда: *йоҥеж* 'лук', *нӧлӧ* 'наконечник для стрел' и др. (см. Л. § 2—11).

Финно-угорское происхождение имеют: 1) названия частей тела и внутренних органов: *нер* 'пос', *кид* 'рука', *шӱм* 'сердце', *мокш* 'печень' и др.; 2) названия предметов и явлений природы: *вер* // *вӓр* 'место' *волгенче* // *валгынзыш* 'молния', *кенеж* // *кӓҥыж* 'лето', *лум* // *лым* 'снег', *нур* // *ныр* 'поле', *тылзе* // *тӹлзы* 'луна' и др.; 3) названия растений: *регенче* // *режень* 'мох', *куэ* // *куги* 'береза', *тумо* // *тумы* 'дуб', *ломбо* // *ломбы* 'черемуха' и др.; 4) названия животных: *пӱчо* // *пӱчы* 'олень', *кишке* // *кӧшкы* 'змея', *лудо* // *лыды* 'утка', *кол* 'рыба' и др.; 5) названия утвари, домашнего хозяйствования, одежды: *вургем* // *выргем* 'одежда', *пече* // *пичы* 'изгородь', *ленеж* // *лӓнгыж* 'кадка', *тувыр* // *тыгыр* 'рубашка' и др.; 6) названия пищи: *йӱ* 'масло', *кинде* // *кинды* 'хлеб', *муно* // *мыны* 'яйцо' и др.; 7) названия болезней: *лӱмо* 'болячка', *мужо* 'лихорадка'; 8) названия качеств, свойств: *вичкыж* // *вӧцкыж* 'тонкий', *йӱштӧ* // *йӱкшы* 'холод' 'холодный', *кумда* // *кымда* 'широкий', *шсме* // *шшмы* 'черный', *у* 'новый' и др.; 9) названия действий и состояния: *волаш* // *валаш* 'спускаться', *илаш* // *ӹлаш* 'жить', *кочкаш* // *качкаш* 'есть', *палаш* // *пӓлаш* 'брать', *опчаш* // *анжаш* 'смотреть' и др.

Финно-угорским наследием в марийском языке является ряд слов, имеющих древнеиранское происхождение: *мӱкш* 'пчела', *водар* // *вадар* 'вымя', *мӱй* // *мӱ* 'мед', *шур* 'рог', *шӱдо* // *шӱды* 'сто', *ӱшкыж* 'бык', *воштыр* // *ваштыр* 'прут' и др.

§ 91. Предки марийцев, по-видимому, имели связь с некоторыми иранскими племенами (скифами и сарматами) и заимствовали от них слова: *вече* 'плечо', *полто* 'солод', *товар* 'топор', *шӧр* 'молоко', *паша* 'работа', *шӱдыр* // *шӧдыр* 'звезда' и др. [101]

Начиная с VII в. н. э. марийский язык испытывает очень сильное влияние тюркских языков, сначала булгарского (особенно булгарско-сувазского, или чувашского). Чувашский язык, как полагают, сформировался на основе одного из диалектов булгарского языка под сильным влиянием финно-угорских языков Поволжья.

---

[100] Груз. Ист. фон. 25.

[101] *Д. И. Казанцев, Г. С. Патрушев.* Современный марийский язык. Лексикология. Йошкар-Ола, 1972, стр. 79.

Позднее, с образованием Казанского ханства, диалекты марийского языка находятся под мощным влиянием татарского языка. Тюркизмы в марийском языке составляют значительный процент. Из тюркских языков вошли слова, обозначающие предметы хозяйствования: *орва* 'телега' (чув. *урапа*), *пасу // пасе* 'поле' (ср. тат. *басу*, чув. *пуса*), *йыраҥ // йыраҥе* 'грядка' (чув. *йăран*), *аҥа // аҥга* 'участок', 'полоса земли' (чув. *ана*), *кылта // кылте* 'сноп' (чув. *кĕлте*), *олма // алма* 'яблоко' (тат. *алма*), и др.; названия животных: *алаша* 'мерин' (тат. *алаша*), *тага* 'баран' (чув. *така*), *шорык // шарык* 'овца' (тат. *сарык*), *кӱтӱ // кӹты* 'стадо' (чув. *кĕтӳ*), *туна* 'телка' (чув. *тына*), *волык* 'скот' (чув. *выльăх*) и др.; термины общественно-политической жизни: *окса* 'деньги' (ср. тат. *акча*), *вӹма // вима* 'помочь', 'общественная помощь', *тарзе // тарзы* 'наемный работник' (чув. *тарса*), *эрык // ирык* 'свобода' (ср. чув. *ирĕк*), *патыр* 'богатырь' (ср. чув. *паттăр*) и др.

В марийский язык проникло много иранских слов, заимствованных из тюркских языков: *рвезе // йырвезы* 'ребенок', 'мальчик' (диг. arwaade), *тушман* 'враг' (чув. *ташман*, тат. *дошман* < перс. *дошман* 'враг'), *начар* 'слабый' (кирг., тат. *начар* 'слабый' < перс. *начар* 'беспомощный'), *сар* 'война' (чув. *сар* 'войско', монг. *цэрэг* 'войско' < перс. *чарик* 'ополчение', 'партизан') и др.

Через тюркские языки в марийские диалекты проникли и арабские слова: *салам* 'привет' < чув. *салăм*, тат. *сәлам*, башк. *сәләм* 'привет'; *кӱсень* 'карман' < чув. *кессе*, тат. *кес*, узб. *киси* 'карман'; *мдкмыр* 'похмелье' < чув. *мукмар*, тат. *махмыр* 'похмелье'; *пӧсыр* 'грыжа' < чув. *пусĕр*, тат. *бусер* 'грыжа'; *шовын* 'мыло' < чув. *супăн*, тат. *сабын* 'мыло'; *пагыт* 'время' < чув. *вăхăт*, тат., башк. *вакыт* и др.[102]

Позднее в марийский начинают проникать русские слова.

Впервые марийцы встретились с русскими после основания Нижнего Новгорода и возникновения русских поселений по реке Суре. Интенсивная связь марийцев с русскими начинается с середины XVI в. Наиболее древними русскими заимствованиями в марийском считаются слова, в которых отразилась закономерность перехода *с* > *ш* (наблюдалось до XIV—XV вв.): *руш* 'русский', *кышал* 'кисель', *шога* 'соха', *вешла* 'весло', *пашма* 'пасмо', мр.-в. *kärδndaš* 'тарантас' и др. Все последующие века характеризуются все нарастающим влиянием русского языка, хотя влияние чувашского и татарского (на территории Башкирии — башкирского) продолжается. Поскольку население было почти поголовно неграмотно, заимствование шло устным путем, с характерной заменой звуков: *шога* < 'соха', *моко* < 'мох', *Вӧдыр* < 'Федор', *чеп* < 'цепь', *черке* < 'церковь', *костеҥеч* < 'гостинец', *тиак* < 'дьяк', *писец*, *печке* < 'бочка', *пырня // преня* < 'бревно'

---

[102] Тюркские заимствования в марийском даются по кн.: В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

и др.[103] Дореволюционные русские заимствования в основном относятся к предметам быта, хозяйствования, торговли, административного назначения. Русские заимствования советского времени входят как устным путем, так и через печать и относятся главным образом к терминам производства (*завод*, *фабрика*, *инженер*, *бригадир*, *техник*, *совхоз*, *колхоз*, *трактор* и др.), общественно-политической жизни (*коммунизм*, *капитализм*, *райисполком*, *сельсовет*, *депутат*, *председатель* и др.), культуры и просвещения (*артист*, *писатель*, *поэт*, *спектакль*, *кино*, *театр*, *экзамен*, *тетрадь*, *пионер*, *вожатый* и др.). Заимствуются и бытовые слова: *галстук*, *столовый* 'столовая', *жаркой* 'жаркое', *пирожный* 'пирожное', *батон*, *будильник*, *купе* 'купе вагона' и др., наречия *зря* // *ызря* 'зря', *чечас* // *цецаш* 'сейчас' и др.

§ 92. За период самостоятельного развития марийского языка образовался пласт собственно марийской лексики. В ее формировании большую роль сыграли: а) словосложение: *йолгорно* // *йалгорны* 'тропинка' (*йол* //*йал* 'нога' + *корно* // *корны* 'дорога'), *вӱдшинча* //*вӹдсӹнза* 'родник', 'источник' (*вӱд* // *вӹд* 'вода' + *шинча* // *сӹнза* 'глаз'), *изак-шоляк* // *ӹзак-шоляк* 'братья' (*иза* // *ӹза* 'старший брат' + *шольо* // *шольы* 'младший брат' + *-ак* усилительная частица); б) суффиксация: *петыраш* // *питыраш* 'запереть' — *петыртыш* // *питыртыш* 'запор', 'покрышка', *келге* // *келгы* 'глубокий' — *келгыт* // *келгыц* 'глубина', *вӱд* // *вӹд* 'вода' — *вӱдан* // *вӹдан* 'водянистый' и т. д.; в) калькирование: *вичияш* // *вӹцияш* 'пятилетка', *вуймут* 'заголовок', *чот мут* 'имя числительное' (*чот* 'счет' + *мут* 'слово'), *почет ога* 'доска почета', *ончылпаша ен* 'передовой производственник' (*ончыл* 'передний' + *паша* 'работа' + *ен* 'человек') и др.

Постепенно отмирают слова, выражавшие явления старого быта, отошедшего в прошлое: *кремга* 'фунт' (мера веса), *патман* 'мера в 4 пуда', *карман* 'крепость', *армай* 'палач', *тиак* 'писец-дьяк', *пурлак* 'бурлак' и др.

ЛИТЕРАТУРА

Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология, ч. I. Йошкар-Ола, 1964; ч. II, 1966.

Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969.

Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1965.

Иванов И. Г., Тужаров Г. М. Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола, 1970.

Иванов И. Г., Тужаров Г. М. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1971.

Иванов И. Г. История марийского литературного языка. Йошкар-Ола, 1975.

Исанбаев Н. И. Деепричастия в марийском языке. Йошкар-Ола, 1961.

Коклан П. Притяжательные суффиксы в марийском языке. Автореф. канд. дисс. Таллин, 1963.

[103] О фонетике иноязычных слов в марийском см. § 16, 17, 31, 33, 34.

Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX в. Йошкар-Ола, 1956.

Лыткин В. И. Этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Майтинская К. Е. Местоимения в мордовских и марийских языках. М., 1964.

Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Йошкар-Ола, 1965.

Очерки истории Марийской АССР (1917—1960). Йошкар-Ола, 1960.

Очерки истории марийской литературы, ч. I. Йошкар-Ола, 1963; ч. II. 1960.

Марийско-русский словарь. М., 1956.

Пенгитов Н. Т. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков, ч. I. Введение, фонетика, морфология. Йошкар-Ола, 1958.

Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.

Русско-марийский словарь. М., 1966.

Саваткова А. А. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола, 1969.

Серебренников Б. А. Основные *линии развития падежной* и глагольной систем в уральских языках. М., 1964.

Серебренников Б. А. Категория *времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.*

Современный марийский язык. Фонетика. Йошкар-Ола, 1960.

Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола, 1961.

Современный марийский язык. Лексикология. Йошкар-Ола, 1972.

Тимофеева В. Т. Современный марийский язык. Синтаксис сложного предложения. Йошкар-Ола, 1961.

Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с языками финно-угров Поволжья и Перми. Чебоксары, 1965.

Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками, ч. II. Чебоксары, 1968.

Чхаидзе М. П. Спрягаемые глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола, 1960.

Beke, Ö. Cseremisz nyelvtan. — NyK XXXIX. Budapest, 1911.

Beke, Ö. Mari szövegek, I. Budapest, 1957; II, 1960; III, 1961; IV, 1961.

Genetz, A. Ost-tscheremissische Sprachstudien. — JSFOu., VII. Helsinki, 1889.

Itkonen, E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI. Helsinki, 1954.

Ramstedt G. J. Bergtscheremissische Sprachstudien. — JSFOu, XVII. Helsingfors, 1902.

Ravila, P. Über die Entstehung des tscheremissischen Konjugations-systems. — FUF XXV. Helsinki, 1938.

Räsänen, M. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen — MSFOu., LXVII. Helsinki, 1920.

Räsänen M. Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen. — MSFOu., L. Helsinki, 1923.

ПЕРМСКИЕ ЯЗЫКИ *

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Местожительство и численность. Пермские языки составляют особую ветвь финно-угорской семьи языков. К ним относятся удмуртский, коми-зырянский и коми-пермяцкий языки [1]. Основная масса населения, говорящего на пермских языках, живет на северо-востоке Европейской части Союза ССР — в Удмуртской АССР, Коми АССР, Коми-Пермяцком национальном округе Пермской обл. Небольшими группами удмурты расселены в Янаульском, Татышлинском, Калтасинском, Бураевском, Балтачевском, Илишевском, Ермекеевском, Кушнаренковском р-нах Башкирской АССР (27 900 чел.), в Цыпьинском, Балтасинском, Кукморском, Арском, Бавлинском р-нах Татарской АССР (24 600 чел.), Мари-Турекском р-не Марийской АССР (около 2 900 чел.). Удмуртские поселения встречаются в Нижнем течении р. Чепца, главным образом в Слободском, Зуевском, Унинском, Богородском, Фаленковском, а также в Вятско-Полянском и Афанасьевском р-нах Кировской обл. (свыше 22 700 чел.). Приблизительно 19 тыс. удмуртов населяет Красноуфимский, Красноуральский и некоторые другие районы Свердловской обл. и около 30 тыс. — Куединский и Верещагинский и некоторые другие районы Пермской обл. Переселенцы-удмурты значатся в Красноярском крае, Кемеровской, Читинской, Новосибирской обл. и в других районах Сибири [2].

Среди удмуртов живет особая этническая группа — бесермяне. Она населяет в основном среднее и нижнее течение р. Чепца, бассейны ее притоков: Пызеп I, Варыж, Пулыбка, Юнда, Сепыч, Убыть, Лекма, Лема в пределах современного Юкаменского, Ярского, Балезинского и Глазовского р-нов в количестве более 10 000 чел. Бесермяне говорят на специфическом диалекте удмурт-

---

* Разделы «Введение», «Фонетика», «Морфология» и «Синтаксис» написаны Т. И. Тепляшиной, «Лексика»— В. И.Лыткиным.

[1] В зарубежной научной литературе язык коми-зырян и коми-пермяков принято считать диалектами одного языка, в отечественной — отдельными языками, так как после Октябрьской революции они получили самостоятельное литературное оформление.

[2] Подробнее см.: И. В. Тараканов. Удмурт лексикая очеркъёс. Ижевск, 1971, стр. 13.

ского языка. До революции своей письменности они не имели, после революции стали пользоваться письменностью на удмуртском языке.

За пределами Коми области по переписи 1926 г. коми население значится в количестве около 9000 чел. в низовьях Оби и по реке Тоболу в пределах Тюменского округа Уральского р-на и Омского округа. В округах Сибирского края в количестве 2328 чел. коми отмечены в Кузнецком (1269 чел.), Барнаульском (850 чел.), Новосибирском (1269 чел.), Бирском (477 чел.). Коми известны также на Кольском полуострове.

За пределами Коми-Пермяцкого национального округа в количестве 5000 чел. в самых верховьях Камы живут зюздинские коми-пермяки, получившие свое название по месту расселения — в бывшем Зюздинском крае, ныне в Афанасьевском р-не Кировской обл. Коми-пермяцкие селения встречаются и в Новосибирской области. В основном это переселенцы XIX—XX вв.

В Красновишерском р-не Пермской области по среднему и верхнему течению р. Язьвы — левом притоке Вишеры, впадающей в Каму, живут коми-язьвинцы (около 4000 чел.). Они составляют особую ветвь коми населения.

В статистических документах по демографии России и СССР, опубликованных в различные годы, численность пермских народов определяется в следующих цифрах:

	1897 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.		1970 г.	
				всего	в том числе в нац. пределах адм. ед.	всего	в том числе в нац. пределах адм. ед.
Удмурты	421 000	514 200	605 600	624 700	476 000	704 000	484 200
Коми-зыряне	154 000	232 800	227 000	287 000	245 100	322 000	276 200
Коми-пермяки	100 200	142 900	137 200	143 900	126 000	153 000	130 000

В пределах национальных административных единиц в 1959 г. удмурты составляли 35,6% от всего населения, коми-зыряне 30,4%, коми-пермяки — 58%.

По данным Всесоюзной переписи 1959 г. 89,1% удмуртского сельского населения назвало родным языком язык своей национальности, коми — 87,7%, коми-пермяки — 88,1%.

По переписи 1970 г. удмуртское население назвало своим родным языком язык своей национальности 82,6%, коми — 82,7%, коми-пермяки — 85,8%.

§ 2. Из истории пермских народов. Предки пермских народов первоначально обитали в бассейнах р. Вятки и среднего и нижнего течения Камы. Обширную область Волго-

Камья в Восточной Европе занимала Ананьинская культурная общность (VII—III вв. до н. э.), носителями которой были в основном предки финно-угров, в том числе и прапермяне. У прапермян не позднее начала первого тысячелетия имелись связи с ираноязычными племенами Скифии, о чем свидетельствуют многочисленные заимствования, попавшие в прапермский язык из разных иранских языков.

Прапермский народ, находясь в соседстве с иранскими народами, в частности со скифо-сарматами, в течение ряда столетий, также оказывал влияние на своих южных соседей. Характерно, что в осетинском языке — языке потомков скифо-сарматов имеются лексические заимствования из пермских языков (см. § 114). Прапермяне имели контакты с предками венгров, живших в р-не Волго-Камья. Свидетельством тому являются также общие слова в венгерском и пермских языках (см.: R é d e i — NyK LXVI 261). Под напором различных кочевых народов основная масса венгров в V в. н. э. переместилась к югу, и связи венгров с прапермянами прекратились. Из южнорусских же степей в Поволжье и в бассейн Нижнего Прикамья с VII в. хлынули тюркоязычные племена булгар, оттеснившие аборигенов края. На территории волжских и пермских финно-угорских народов возникло Булгарское государство, в состав которого вошла часть аборигенов. Булгары, находясь территориально между финно-угорскими народами Поволжья и культурным Востоком, не могли не влиять на соседей, т. е. прапермян, марийцев и мордву. Влияние на культуру прапермян со стороны булгар было большое, что отразилось и в языке (см. § 115). Древние пермяне оказали влияние и на булгар. Ряд слов современного чувашского языка считают заимствованными из древнепермского языка (см. § 116).

После разгрома булгарского государства монголо-татарами в 1236 г. все население камского правобережья вошло в состав Казанского ханства, а часть удмуртов оказалась в составе вятских земель. К этому времени коми-зыряне и коми-пермяки жили уже значительно севернее.

Вятская земля, на которой жила северная (причепецкая) группа удмуртов, в 1489 г. была присоединена к великому Московскому княжеству; в 1552 г. Иваном IV было завоевано Казанское ханство, в которое входила южная (прикамская) группа удмуртов. Таким образом все удмуртское население в середине XVI в. оказалось в составе русского государства.

§ 3. Распадение прапермской общности произошло около VIII в. н. э. С этого времени предки коми-зырян и коми-пермяков, составляя известное единство, жили в верхней части бассейна Камы. Переселение коми на территорию современной Коми АССР происходило около X—XI вв.

Коми языки окончательно складываются в более позднее время— в XIV—XV вв., в период существования княжества Перми Великой (на Каме), покоренного Москвой в 1472 г., и княжества Ма-

лой Перми (на Вычегде) с центром Усть-Вымь. Формирование фонетических, грамматических и лексических черт коми-зырянского языка, с одной стороны, и коми-пермяцкого—с другой, могло произойти только благодаря «экономической и политической концентрации» носителей соответствующих ранее разрозненных диалектов [3].

В русских источниках первое упоминание о Перми восходит к XI в. Словом «пермь» первоначально обозначали земли, лежащие в северо-двинском бассейне; позднее оно было перенесено на территорию верхнего Прикамья [4]. О народности «пермь» восточные славяне (новгородцы) узнали от вепсов, бывших западных непосредственных соседей коми, которые термином «пермь» называли Заволочье, т. е. Северодвинский край, являвшийся для Новгорода «задней» землей (вп. регä маа 'задняя земля' > русск. *перемь* > *пермь* [5]. Этот топоним впоследствии перешел в этноним, которым сначала называли все нерусское население Заволочья, а затем, после исчезновения вепсов бассейна Северной Двины, слово «пермь» закрепилось за предками коми.

В. И. Лыткин допускает, что этноним «пермь» (вп. регä маа) русские могли относить не только к народам Заволочья (в том числе к предкам коми), но и к народам более южных территорий — к удмуртам [6], так как начальная древнерусская летопись

---

[3] По истории пермских народов подробнее см. работы: «Очерки истории Удмуртской АССР», т. I. Ижевск, 1953; Г. П. Трефилов. Происхождение удмуртского народа. Ижевск, 1956; В. Е. Владыкин. Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов (до начала XX в.), Авт. д. к. М., 1968; W. E. Wladikin. Die frühen Perioden der Ethnogeschichte der Udmurten (Wotjaken). «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae», T. 21 (3—4). Budapest, 1972, стр. 235—261; «Очерки по истории Коми АССР», т. I. Сыктывкар, 1955; Л. П. Лащук. Формирование народности коми. М., 1972; Л. Н. Жеребцов. Расселение коми в XV—XVII вв. Сыктывкар, 1972; В. А. Оборин. Коми-пермяки в IX—XV вв. (Родановская культура). Авт. д. к. М., 1957; Он же. Когда в северном Прикамье впервые появился человек. «Из прошлого Чердынского края». Пермь, 1974; А. Ф. Теплоухов. Материалы для истории пермского края. Пермь, 1856; Л. С. Грибова. Из древней истории коми-пермяков. «По ленинскому пути». Кудымкар, 1964; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. «Материалы и исследования по археологии СССР». М., 1952, № 28; А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. «Материалы и исследования по археологии СССР». М., 1952, № 30 и др.

[4] «Народы Европейской части СССР», II. М., 1964, стр. 445—446.

[5] См.: Житие святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897, стр. 9; А. С. Сидоров. Памятники древности на реке Вымь. «Коми му», Усть-Сысольск, 1924, № 7—10; Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947; Он же: Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», 1948, вып. 2; А. Туркин. Пермь ним йылысь. «Войвыв кодзув». Сыктывкар, 1974, № 5, стр. 61—62.

[6] В. И. Лыткин. Исторические контакты коми народа с соседними народами по данным языка. «Ленинская национальная политика в действии

XI—XII вв., не говоря уже о более ранних источниках, нигде не упоминает предков удмуртов, т. е. не дает особого термина для удмуртов. С XIII в. Пермская земля постоянно упоминается в числе новгородских волостей.

Территория коми-пермяков, известная под именем Перми Великой, с XV в. (1472 г.) вошла в состав Русского государства. С XVIII в. (в 1708 г.) эта территория вошла в состав Казанской, а затем и Сибирской губерний. В 1781 г. было учреждено Пермское наместничество, а в 1796 г. образована Пермская губерния, куда вошли коми-пермяки.

Таким образом, коми-зырян и коми-пермяков в XI—XV вв. соседи именовали «пермь»; с XVI—XVII вв. русские начинают называть коми-зырян «сирене», «сиряне», «зыряне» и т. п., заимствованным от манси словом «саран», которым и теперь они называют коми. Старое название «пермь» русские сохраняют за коми-пермяками, которых и до революции называли пермяками. Слово «коми» является самоназванием для всего коми населения, т. е. коми-зырян (*комийас* 'коми') и для коми-пермяков (*коми морт* досл. 'коми человек' и *коми отир* досл. 'коми народ') и означает 'человек', 'мужчина', ср. у. *кум*: *выжы кум* 'родственник', 'член одного рода (корня)', *выжы* 'корень', мс. *хум* 'человек', 'мужчина'. Прежнее название удмуртов — «вотяки» (в XIV—XV вв. «отяки»), язык же назывался «отятским», «вотским» или «вотятским»[7]. Северные удмурты именуют себя «удморт», «укморт» или «урдморт». Южные удмурты, составляющие преобладающее большинство удмуртского населения, называют себя «удмуртами». Последний вариант самоназвания удмуртов и был закреплен в качестве официального наименования всего удмуртского народа. Считается, что этноним «удмурт» произошел от племенного наименования «уд» (в X—XII вв., племя «уд» жило на камском правобережье ниже р. Вятки)+«мурт» 'человек', досл. 'человек племени уд'. Слово «уд» означало 'луг', 'дёрн'; некоторые удмуртские племена назывались «луговыми» [8].

Этноним «отин», «отяк», «вотяк» (корень *от*), впервые встречающийся в XIV в., восходит к самоназванию удмуртов (*уд*<**од**<*ot), которое русскими усвоено через марийцев: мр. одотагі 'удмурт'< из древнеудмуртского *одо-mari (*ot-jak > *ot′ak, ср. русск. *вотяк*, а также: tul—jak > tul′ak (туляк) 'житель Тулы' и т. п.

В устах русских удмурты приобретают свое наименование уже после отделения их от коми. До этого, видимо, носили название «пермь», являвшееся общим для всех пермских народов. Тюркское название удмуртов «ары» впервые встречается в арабских источниках XII в.;

(тезисы докладов и сообщений на зональной научной конференции, посвященной 50-летию Коми АССР)». Сыктывкар, 1971, стр. 13—15.

[7] М. В. Сысоева. Первые письменные сведения об удмуртах. — ВФЯ, т. IV. Ижевск, 1967, стр. 294—306.

[8] K. Rédei — Congr. I 102.

в русских источниках этот этноним употребляется в виде «ары», «арская земля» с XV по XVIII в. Соседние тюркоязычные народы — татары, башкиры, чуваши до сих пор именуют удмуртов «арами».

Коми-зырянский, коми-пермяцкий и удмуртский языки, находящиеся в генетическом родстве, позднее получили общее наименование пермских. Слова «удмурт», «коми-зыряне» и «коми-пермяки» в русском языке появились после Великой Октябрьской социалистической революции.

§ 4. До Великого Октября пермские народы не имели своей государственности. 4 ноября 1920 г. был принят декрет об образовании Вотской автономной области, которая в 1932 г. была переименована в Удмуртскую автономную область, а 28 декабря 1934 г. преобразована из автономной области в Удмуртскую автономную Советскую Социалистическую республику. Столица Удмуртской АССР г. Ижевск свое название получила от р. Иж, на которой расположен город.

Декретом ВЦИК от 22 августа 1921 г. была образована Автономная область Коми с административным центром в г. Усть-Сысольске, переименованном впоследствии (1930 г.) в Сыктывкар. В 1929 г. Коми область вошла в состав Северного края, 5 декабря 1936 г. она была преобразована в АССР. (*Сыктыв* — коми наименование реки Сысола и *кар* 'город', досл. 'город на р. Сысоле').

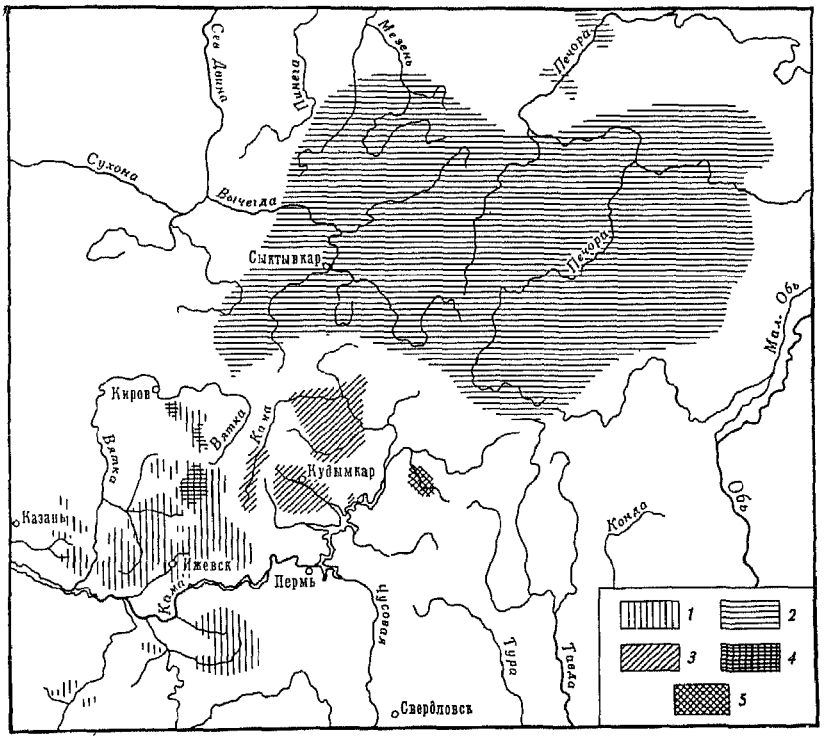
Постановлением Президиума ВЦИК от 26 февраля 1925 г. Пермяцкий край был выделен в особый национальный округ в составе Пермской обл. 3 апреля 1925 г. окружной Съезд Советов провозгласил создание Коми-Пермяцкого национального округа с центром в с. Кудымкар, переименованном в 1931 г. в рабочий поселок, а в 1938 г. — в город.

Возникновение названия административного центра коми-пермяков Кудымкар объясняется как место около р. Ку, т. е. устье реки Ку (*Ку*+*дін* 'около'+*кар* 'город') — *Кудінкар* > Кудымкар (досл. 'город на р. Ку' или 'город в устье р. Ку').

§ 5. Пермские языки и диалекты. В связи с исторически сложившимися условиями расселения пермских народов, контактированием их с другими народами, их языки получили несколько различное развитие. Самостоятельно развивающиеся удмуртский, коми-зырянский и коми-пермяцкий языки в свою очередь также продолжали развиваться неодинаково: в результате освоения новых земель все больше и больше отдалялись различные группы населения и вместе с тем их диалекты.

§ 6. Удмуртские диалекты. Современные данные о диалектах удмуртского языка позволяют выделить два основных наречия: северное и южное.

§ 7. В понятие северноудмуртское наречие ныне включается совокупность говоров по р. Чепца (у. *Чупчи*), верховьев Камы (по современному административному делению входящих в Афанасьевский р-н Кировской обл. — в бывший Зюз-



Схематическая карта пермских языков:

1 — удмуртский язык; *2* — коми язык; *3* — коми-пермяцкий язык; *4* — бесермянские говоры; *5* — коми-язьвинское наречие

дмский край), а также небольшие группы говоров на территории Омутнинского р-на той же области и некоторых северо-западных районов Пермской обл. Равным образом это наречие можно именовать чепецким. На нем говорит около 200 тыс. удмуртов. Южная граница северного наречия проходит по лесным массивам Валамазского, Лозинско-Чутырского лесничеств, к которым примыкают кильмезские говоры; с востока граница его проходит севернее бассейна р. Иты, притока Лозы, впадающего в р. Чепца (см. схематическую карту распространения удмуртских говоров). До революции северноудмуртское наречие имело названия: глазовский, слободской, бесермянский диалекты. В нем выделяются верхнечепецкие, среднечепецкие, глазовские, святицко-лекминские, нижнечепецкие говоры и говоры бассейна р. Лозы. Сюда же примыкают говоры *бесермян* (*свыше* 10 тыс. чел.), расселенных среди удмуртов. Каждый из указанных диалектов имеет свои специфические особенности.

§ 8. В дореволюционной лингвистической литературе южноудмуртское наречие носило ряд наименований: елабужский, казанский, мамадышский, уржумский, уфимский, бирский, пермский диалекты. Оно охватывает говоры, распространенные 1) в пределах Удмуртской АССР: в Киясовском, Алнашском, Граховском, Можгинском, Кизнерском р-нах (бассейны р. Кырыкмас, Тойма, Умяк, Люга и Пыжманка); 2) за пределами Удмуртии: а) в правобережье р. Вятки, северо-восточной и южной части Татарской АССР, в Кукморском, Балтасинском, Цыпьинском, Бавлинском р-нах, а также Мари-Турекском р-не Марийской АССР и Малмыжском р-не Кировской обл.; б) в левобережье р. Камы, северной части Башкирской АССР, Япаульском, Татышлинском, Балтачевском, Калтасинском, Бураевском, Илишевском, Кушнаренковском р-нах, а также Куединском р-не Пермской обл. На южном наречии общается около 320 тыс. чел. удмуртского населения.

Южноудмуртское наречие включает в себя несколько групп говоров: камско-вятских, завятских, закамских, приикских. Каждая из этих групп говоров объединяет ряд мелких диалектных разновидностей. Камско-вятская группа состоит из говоров: кырыкмасских, среднеижских, нижнеижских (варзинских), тойминских, умякских, верхневалинских, люгинско-пыжманских; завятская — кукморских, шошминских; закамская — верхнетанышских (татышлинских), среднетанышских (или буйско-танышских), ташкичинских и кандинского говора.

§ 9. Основные различия между северноудмуртскими и южноудмуртскими говорами. Северноудмуртские говоры характеризуют:

В системе фонетики:

1) употребление билабиального (губно-губного) *w* перед *a* начального слога определенной группы слов: wal'es лит. *валес* 'постель', 'перина', waй лит. *вань* 'есть', 'имеется' и др.;

2) озвончение глухих согласных перед губно-зубным *в*: daz vit' лит. *дас вить* 'пятнадцать', bridva лит. *бритва* 'бритва' и т. п.

В системе морфологии:

1) употребление суффикса вин. падежа мн. числа существительных -ӏį на месте юж.-у. -jz: val 'лошадь' — valjosӏį лит. *валъёсыз* 'лошадей', gureź 'гора' — gureźźosӏį лит. *гурезьёсыз* 'горы', kįšno 'женщина' — kišnoosӏį лит. *кышноосыз* 'женщин';

2) наличие специфического приблизительного падежа на -ńe, образовавшегося из послеложной конструкции: adamińe < ad'ami dińe 'к человеку', školańe < škola dińe 'к школе';

3) наличие особой формы словообразования с суфф. -ńi: ulońńi лит. *улон инты* 'жилище', djšeskońńi лит. *дышетскон инты* досл. 'место учебы', 'школа', агаńńi лит. *арап инты* 'место жатвы', turnańńi лит. *турнан инты* 'покос' и т. д.;

4) употребление форм местоимений: а) им. падежа — ač'imes лит. *асьмеос* 'мы сами', ač'ides лит. *асьтэос* 'вы сами', ač'izes лит. *асьсэос* 'они сами'; б) вин. падежа мн. числа — mil'emes лит.

милемыз, *милемды* ‘нас’, til′edes лит. *тӥледыз*, *тӥледды* ‘вас’; в) притяжательных местоимений ряда aslam ‘мой’, ‘свой’, ‘у меня (свой)’, aslad ‘твой’, ‘свой’, ‘у тебя (свой)’, aslaz ‘его’, ‘свой’, ‘у него (свой)’, на месте литературных *асьмелэн* ‘наш’, ‘свой’, ‘у нас свой’, *асьтэлэн* ‘ваш’, ‘свой’, ‘у вас свой’, *асьсэлэн* ‘их’, ‘свой’, ‘у них свой’, например: aslam ai ‘мой отец’, ‘наш отец’, лит. *асьмелэн айымы* ‘наш отец’, aslad kolxoz ‘твой колхоз’, ‘ваш колхоз’, лит. *асьтэлэн колхозды* ‘ваш колхоз’, *аслаз гуртаз* ‘в его деревне’, ‘в их деревне’, лит. *асьсэлэн гуртазы* ‘в их деревне’;

5) употребление суфф. -sk вместо юж.-у. -iśk (*-иськ*): а) в формах глаголов I спряжения 1-го и 2-го лица наст. времени изъявительного наклонения после твердых зубных согласных основы (jaratsko лит. *яратисько* ‘люблю’), mįnsko лит. *мынйсько* ‘иду’; б) в глаголах с возвратным значением: watskįnį лит. *ватйськыны* ‘спрятаться’, ‘скрыться’, adskįnį лит. *адзйськыны* ‘виднеться’;

6) окончание повелительного наклонения -ťe, усвоенное из русского языка -те, в 1-м лице мн. числа буд. времени глаголов: mįnomťe, лит. *мыном(е)* ‘пойдем(те)!’, veralomt′e лит. *вералом(е)*! ‘скажем(те)!’; kŋrʒialomťe лит. *кырзьаломе* ‘споем(те)!’;

7) более широкое, чем в литературном языке, участие вспомогательного глагола karįnį ‘делать’ в образовании сложных форм глаголов типа vakč′i karįnį ‘укоротить’; glad′iť karįnį ‘гладить’;

8) образование причастий от глаголов I спряжения с помощью суфф. -įś вм. *-ись*: mįnįś лит. *мынйсь* ‘идущий’, gožįś лит. *гожтйсь* ‘пишущий’, ‘записывающий’; bɐrdįś лит. бӧрдйсь ‘плачущий’;

9) форма деепричастия- č′oź вм. *-тозь*: užač′oźaz лит. *ужатозяз* ‘пока он работал’, ‘во время работы’; pukič′oźaz лит. *пукытозяз* ‘пока он сидел’, ‘в процессе сиденья’;

10) употребление утвердительных частиц *о-о* вм. юж.-у. į-į ‘да’, ben вм. юж.-у. bon ‘да’; сев.-у. ton kinoe vetlid-wa? *о-о* вм. юж.-у. ton kinoje vetlid-a? į-į ‘ты в кино ходил? Да’; otpusked gužem-wa luoz? Ben, gužem вм. юж. у. otpusked gužem-a luoz? Bon, gužem. ‘Твой отпуск будет летом? Да, летом’, и др.

Южное наречие характеризует:

В системе фонетики:

1) наличие особого носового согласного [ŋ] (нг): čaŋa лит. *чйана* ‘галка’, baŋ лит. *бам* ‘лицо’, ‘щеки’;

2) наличие в некоторых словах, в основном перед мягким согласным, переднерядного лабиализованного гласного [ŭ] (ӱ) вм. лит. *у*: kŭź лит. *кузь* ‘длинный’, ŭśįnį лит. *усьыны* ‘упасть’, ‘свалиться (с чего-л.)’;

3) переход конечного гласного основы *į* в узкий гласный *і* под влиянием палатальных согласных: а) в корнях слов: biźnį лит. *бызьыны* ‘выйти замуж’, vil′ лит. *выль* ‘новый’, б) перед начальным *j* суффикса мн. числа: purtį ‘котел’ — purtįjos < purtįjos лит. *пуртыос* ‘котлы’, gerį ‘соха’ — gerįjos < geŗįjos лит. *герыос* ‘сохи’; в) в падежных суффиксах: gurtiś лит. *гуртысь* ‘из деревни’

ńulcskiśen лит. *нюлэскысен* 'из леса', murǯoliś лит. *муржолысь* 'из-под подполья', г) в наречных образованиях: otiś лит. *отысь* 'оттуда', tatiś лит. *татысь* 'отсюда' kįtiś лит. *кытысь* 'откуда' и др.;

В системе морфологии:

1) суффикс вин. падежа мн. числа -įz (-ɵz) вместо северноудмуртского и литературного *-ты* [-tį]: valjosįz вм. *валъёсты* 'лошадей', ǵureźjosįz вм. *гуревъёсты* 'горы', kalįkjosįz вм. *калыкъёсты* 'людей';

2) форма вин. падежа личных местоимений мн. числа -įz вм. -dį: mil'emįz вм. mil'emdį 'нас', til'edįz вм. til'eddį 'вас';

3) форма твор. падежа 1-го и 2-го лица личных местоимений monen вм. *монэным* 'мною' 'со мной', tonen вм. *тонэныд* 'тобою', 'с тобой';

4) употребление суфф. -iśk в формах возвратных глаголов I спряжения: ǯutiśkįnį лит. *жутскыны* 'подняться', vatiśkįnį лит. *ватскыны* 'спрятаться';

5) синтетическая форма отрицательных глаголов -mte вместо сочетания слов (отрицательного слова ɵvɵl и основного глагола): šettil'l'amte (jed) вм. ɵvɵl šed'til'l'am 'не нашли они', vunetįmte (jed) вм. ɵvɵl vunetem(ed) 'не забыл ты', malpamte (jed) вм. ɵvɵl malpam(ed) 'не продумал он'.

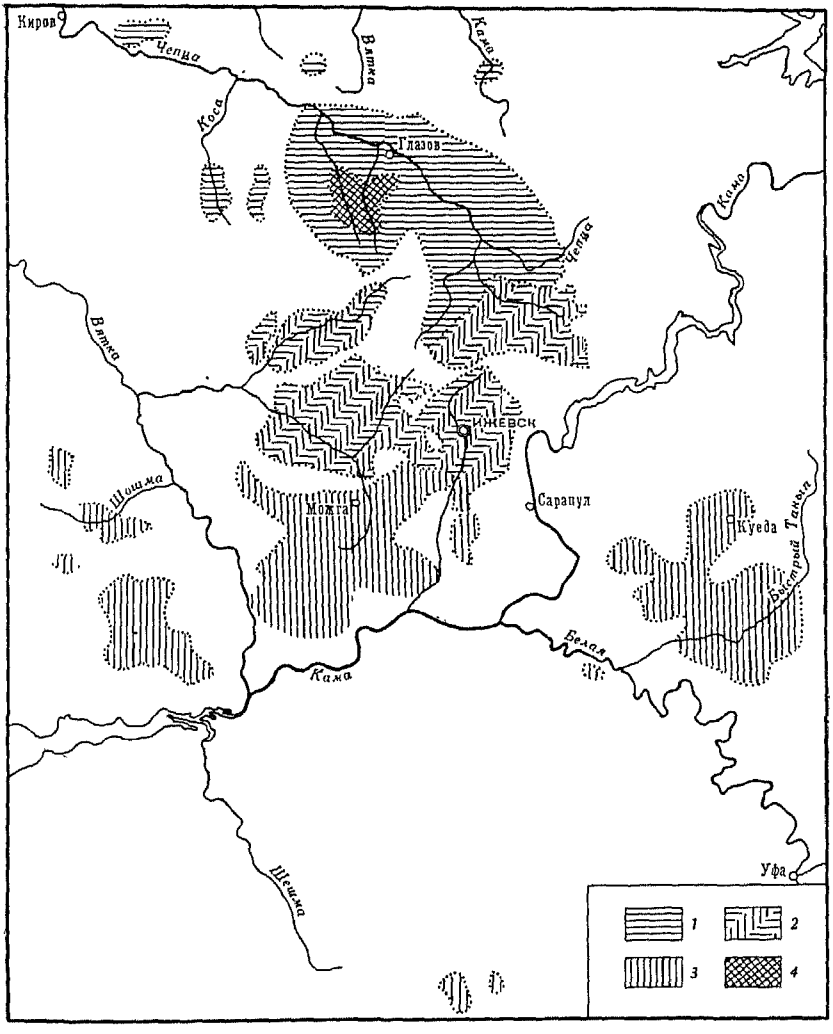
Лексика отличается своеобразием: kešįr вм. *йужкушман* 'морковь', č'ukinder вм. *гордкушман* 'свекла', kijar вм. *огреч* 'огурец', anaj-ataj вм. *айы-мумы* 'родители', apaj вм. *ака, акы* 'старшая сестра', uram вм. *ульча* 'улица', bajmurt вм. *узыр мурт* 'богач', 'богатый человек', kurdanį вм. *кышканы* 'бояться', 'страшиться', kukej вм. *курегпуз* 'яйцо (куриное)' и др.

§ 10. Между северноудмуртским и южноудмуртским наречиями расположены переходные («срединные») говоры, занимающие средние районы Удмуртской АССР. Они образовались в результате контаминации отдельных черт северных и южных диалектных групп.

В дореволюционной лингвистической литературе переходные говоры удмуртского языка назывались сарапульским диалектом, частично малмыжским — по признаку административного деления территорий.

На говорах средней части Удмуртии говорит около 60 тыс. чел. Говоры промежуточной между северным и южным наречиями полосы имеют некоторые общие, присущие только им особенности.

§ 11. Коми диалекты. Многочисленные говоры населения, именующего свой язык коми, объединяются по целому комплексу особенностей в три наречия: коми-зырянские, коми-пермяцкие и коми-язьвинские. На базе первых двух наречий после Октябрьской революции развились самостоятельные литературные языки: коми-зырянский и коми-пермяцкий. Коми-язьвинцы в количестве около 5000 чел. в переписи 1959 и 1970 гг. значатся



Схематическая карта удмуртских диалектов:

1 — северное наречие; *2* — переходные говоры; *3* — южное наречие; *4* —бесермянские говоры

русскими. Их наречие распространено на небольшом пространстве, относительно однородно.

Между отмеченными тремя (коми-зырянским, коми-пермяцким и коми-язьвинским) наречиями выявляется ряд различий:

В системе ф о н е т и к и:

1) В коми-язьвинском наречии имеется особая фонема *ӥ*, которой в других наречиях обычно соответствует *ӟ*: к.-я. tӥl, к. *töв*

[tę̑v] 'ветер', к.-я lûz, к. *лöз* 'синий', к.-я vûž, к. *бöж* 'хвост'; к.-я. ûšən, к.-з. öшинь, к.-п. öшын 'окно'. Этот гласный восходит к прап. *ǫ́*;

2) ударяемым к.-я. *i* и *u* в коми-зырянском и коми-пермяцком соответствует *e* и *o* (вс. *ǫ̈*): к.-я. iža, к. *эжа* 'дёрн', к.-я. kižnə, к. *кежны* 'сворачивать', к.-я. tûm, к. *том* (вс. tǫ̑m) 'молодой', к.-я. pu·n, к. *пон* (вс. pǫn) 'собака'. Эти гласные восходят к прап. **ę́* и **ǫ̑*;

3) коми-зырянский и коми-пермяцкий ö [ę] в коми-язьвинском (как и в вишерском и восточновычегодском) произносится лабиализованно [ǫ̑]: к.-я. tǫ̑l, к. *төв* 'зима', к.-я. gǫ̑r, к. *гöр* 'соха'. Этот гласный восходит к прап. **ǫ́*;

4) коми-зырянскому и коми-пермяцкому *ы* [i̯] в коми-язьвинском соответствует *ə* (в виш. и вост. в. *ə̑*): к.-я. *гəр*, к-з., к.-п. *гыр* (виш., вост. gə̑r) 'ступа', к.-я. ləm, к-з., к-п. *лым* (виш., вост.-вып. lə̑m) 'снег'. Этот гласный восходит к прап. **ə̑*;

5) в абсолютном начале многих слов на месте прапермских закрытых гласных **ǫ* и **ǫ̑* мы имеем в к.-з. *во-* (уд. vę-, вс. ǫ-), к.-п. *о* или *ö* [ę], к.-я. *и-* или *ə̑*: к.-з. *вой* (вс. ǫj), к.-п. *ой*, к.-я. *ə̑j* 'ночь'; к.-з. *ворсны*, вс. ǫrsnį, к.-п. *орсны*, к.-я. u·rsnə 'играть', к.-з. *вор*, вс. ǫr, к.-п. *öр*, к.-я. ər 'корыто';

6) ударение в коми языке преимущественно падает на первый слог, в коми-пермяцком (за исключением некоторых говоров) ударение основоразноместное, а в коми-язьвинском — качественно-вокальное (см. Ф. § 116—122);

7) коми-пермяцкое и коми-язьвинское наречия относятся к l-диалекту, а коми — к d-диалекту, т. е. в конце суффикса после гласного звука в коми-зырянском имеем d, а в других двух наречиях — l: к.-з. *пемыд*, к.-я- *пемыт*, к.-я. pi·məl 'темно', к.-з. *тэнад*, к.-п. *тэнат*, к.-я. tenal 'твой'.

В системе морфологии:

1) суффиксом мн. числа существительных в коми-зырянском языке является *-яс* (уд. -jes), в коми-язьвинском — -joz, в коми-пермяцком — -jez, при этом в большинстве коми-пермяцких говоров начальный *j-* суффикса уподобляется конечному гласному основы, а после гласного звука основы он выпадает: к.-з. *пыжъяс*, к.-п. *пыжжез* (pi̯žžez < *pi̯žjez), к.-я. požjoz 'лодки'; к.-з. *чарлаяс*, к.-п. *чарлаэз*, (< *č'arlajez), к.-я. č'arlajoz 'серпы'.

2) существует различие в образовании форм мн. числа глаголов, например: к.-з. *мунасны*, к.-п. *мунасö*, к.-я. munanis 'пойдут';

3) деепричастным суффиксом в большинстве говоров коми-зырянского наречия является *-иг* [-ig], в северных говорах [-i̯g], в к.-п. *-ик(ö)*, к.-я. -ki: к.-з. *кериг*, к.-п. *керикö*, к.-я. kerki 'делая, когда делал';

4) из суффиксов с уменьшительным значением в говорах коми-зырянского наречия широко употребителен *-тор*, коми-пермяцкого — *-ок*, коми-язьвинского — -pjan; к.-з. *бедьтор*, к.-п. *бедёк*, к.-я. bed'pjan 'палочка' (от bed' 'палка').

Различие существует также в лексике, например: к.-з. *гӧгӧрвоны*, к.-п. *вежӧ· ртны*, к.-я. vôlalno 'понимать', к.-з. *быдтор*, к.-п. *быдӧ·с*, к.-я. bodmaj 'всѐ'.

Перечисленные особенности являются характерными для основной массы населения говорящих на коми-зырянском, коми-пермяцком и коми-язьвинском наречиях. Имеется ряд переходных и смешанных говоров. Имеется, например, верхнекамский (зюздинский) говор, содержащий в себе коми-пермяцкие и коми-зырянские элементы.

§ 12. Коми-зыряне и коми-пермяки занимают значительную территорию, и их язык состоит из ряда говоров. Остановимся на рассмотрении одного звукового явления, касающегося всех диалектов коми народов, а именно на употреблении этимологического *l*.

Все говоры коми (коми-зырян, коми-пермяков и коми-язьвинцев) по судьбе древнего *l* делятся на четыре типа: 1) эловые, 2) нуль-эловые, 3) во-эловые и 4) безэловые.

Первый тип (эловые говоры) характерен тем, что в середине и конце слов звук *l* всегда сохраняется, например: vẹl 'лошадь', vẹlṭẹg 'без лошади', vẹlẹn 'лошадью', kịlnị 'слышать', kịlẹ 'слышит', oz kụl 'не слышит'. К этим диалектам относятся следующие территории с населением, называющим свой язык коми: бассейн р. Сысолы (приток Вычегды), начиная с верховьев до с. Лозым включительно; с. Кобра, находящееся в верховьях речки того же названия, притока Вятки; бассейн р. Лузы — притока р. Юга (исключая Объячевский и Читаевский сельсоветы); верховье р. Летки, притока Вятки; некоторые верхневычегодские сельсоветы (Керчемский, Дзельский, Вочевский, Пожегодский); Печора, начиная с верховьев до д. Медвежской включительно; территория коми-язьвинцев, живущих по верхнему и среднему течению р. Язьвы, южного притока р. Вишеры (следующие пять сельсоветов Верхнеязьвинского куста Красновишерского р-на Пермской обл.: Бычинский, Верхнеязьвинский, Тимино—Бельковский, Талавольский, Антипинский и Ваньковский); верховье Камы (Афанасьевский р-н Кировской обл.) северная часть Коми-Пермяцкого национального округа (Косинский, Кочёвский и Гаинский р-ны), Лепинский сельсовет (в южной части Коми-Пермяцкого округа), Опьковский сельсовет (самые восточные коми-пермяцкие населенные пункты по р. Ипьве).

Второй тип (нуль-эловые) говоры — древнее *l* в конце слова и в середине перед согласным заменяется удлинением предыдущего гласного или же совсем выпадает, а если предыдущий гласный *e* или *i*, то *l* заменяется на *j*, например: nịlẹs 'девушку', nịị или nị 'девушка', vẹlẹn 'лошадью', 'на лошади', vẹẹnịm или vẹnịm 'наша лошадь', zej < zel 'очень', pej < pel 'большой палец'.

Нуль-эловые диалекты распространены на следующие территории с коми-зырянским населением: среднее течение р. Печоры

с устья Ижмы до д. Бызовой включительно; коми на Кольском п-ове (Ловозерская и др. сельсоветы Мурманской обл.); коми население по низовью Оби (Березовские, Обдорские коми Тюменьской обл.; бассейн р. Вымь — приток Вычегды), за исключением населенных пунктов, находящихся недалеко от устья этой реки, некоторые сельсоветы Верхней Вычегды (Усть-Куломский, Мыелдинский, Усть-Немский), бассейн р. Вишеры (приток Вычегды) с притоком Нившера; бассейн р. Ижмы, притока Печоры, за исключением Изваильского сельсовета, находящегося в верховьях этой реки; бассейн р. Усы, притока Печоры.

Нуль-эловые диалекты занимают в общем северные районы. Наиболее густо населенным местом этих диалектов является бассейн р. Ижмы, где проживает около половины населения, говорящего на нуль-эловом диалекте, поэтому можно назвать этот диалект ижемским. К нуль-эловым говорам с выпадением *l* (vę 'лошадь', venįm 'наша лошадь') относится также говор с. Доп и Усть-Нем (Верхняя Вычегда).

Третий тип (вэ-эловые говоры) — в середине слова перед согласным и в конце слова звук *l* переходит в *v*: vęlęn 'лошадью', но: vęv 'лошадь', vęvtę 'лошадь твою'; kįlę 'слышит', но: kįvnį 'слышать', oz kįv 'не слышит' и т. д. К этим говорам относятся следующие территории с коми населением: Вычегда с притоками Локчим и Пожег (палевицкий говор), исключая некоторые верхневычегодские сельсоветы (см. эловые и нуль-эловые говоры); Нижнесысольские сельсоветы (ниже с. Иб): Вильгортский и Шошкинский, г. Сыктывкар с прилегающими к нему населенными пунктами; Удора, расположенная по верхнему течению р. Мезени и ее притока Вашки; Объячевский и Читаевский сельсоветы на р. Лузе; Изваильский сельсовет, находящийся в верховьях р. Ижмы.

Четвертый тип (безэловые говоры) — этимологический *l* утратился в любой позиции и перешел в звук *v* (лит. *в*): vęv вм. vęl 'лошадь', vęvęn вм. vęlęn 'лошадью', vęvįs вм. vęlįs 'его лошадь', vęvvęn вм. vęllęn 'у лошади'; к безэловым относятся говоры бассейна р. Ипыы, левого притока Камы, за исключением опьковского.

Судьба этимологического *l* при классификации диалектов не является ведущей, а лишь одной из характерных черт диалекта. Диалекты коми-зырянского, коми-пермяцкого наречий классифицируются по целому комплексу особенностей.

По количеству говорящих (без учета людей, усвоивших литературное произношение) эти четыре типа говоров распределяются приблизительно следующим образом: эловые говоры — 33%, нуль-эловые — 18%, вэ-эловые — 25%, безэловые — 24%.

§ 13. Коми (коми-зырянское) наречие различает следующие десять говоров: нижневычегодский, верхневычегодский, среднесысольский, присыктывкарский, верхнесысольский, удорский (вашко-мезенский), ижемский, вымский, печорский и лузско-лет-

ский. Свои названия перечисленные говоры получили от наименования рек, в бассейне которых они расположены.

§ 14. Коми-пермяцкие диалекты. Территориальные разновидности речи живущих в пределах Коми-Пермяцкого округа Пермской области коми-пермяков можно объединить в две группы говоров: северную (или косинско-камскую) и южную (иньвенскую).

§ 15. Северное, или косинско-камское, наречие (северная группа говоров) распространено в северной части округа, главным образом в бассейне р. Косы, правого притока р. Камы, отчасти в бассейне р. Камы и некоторых ее притоков (на территориях Гаинского, Косинского и Кочевского р-нов).

Северное наречие от южного отличается:

1) принадлежностью его к эловым говорам (древний *l* в нем сохранился в начале, середине и конце слова, который исчез в южных говорах, за исключением оньковского и пердвинского), например; lok 'иди', ļim 'снег', vęlteg 'без лошади';

2) колебанием постановки ударения в глаголах с суфф. -al,-ęt, -iś, -ęr,-aś: puka·lni ~ pu·kalnį 'сидеть', vugra·śnį ~ vu·graśnį 'удить' и т. д.;

3) различием в лексике: ęšmęs вм. юж.-п. kolódeč′ 'колодец', máč′ka вм. юж.-п. ań 'свекровь', tójnį вм. юж.-п. maśtįnį 'толочь', ko·śaśnį вм. юж.-п. tįška·śnį 'драться', lį вм. юж.-п. ko·ska 'кость' и др.

Северная диалектная группа разбивается на ряд говоров: кочевский, косинский, гаинский, верхнекамский (зюздинский) и верхлупьинский. По наличию специфических особенностей из перечисленных особо выделяется верхлупьинский говор, распространенный в бассейне р. Лупьи, притока Камы, который занимает один Мысовский сельсовет. Этот говор приближается к коми-зырянским, например: а) ударение в значительной степени свободное, однако с некоторой тенденцией ставить его на первый слог; б) суффикс мн. числа -jez, например: mortjez лит. *морттэз* 'люди', ļizjez лит. *лызъэз* 'лыжи'; в) формант деепричастия -ig, например: munigas, вм. к.-п. *мунікас* 'когда он шел'; 2) в порядковых числительных употребляется суфф. -ęž′: ńol′ęž′ вм. к.-п. *нёльӧт* 'четвертый', kvat′ęž′ вм. к.-п. *кватьӧт* 'шестой'; д) особые слова: gač′ 'штаны', aski 'завтра'; skęt 'скот', ńel′amįn 'сорок' вм. к.-п. vešján, ašįn, poda.

§ 16. Южное, или иньвенское, наречие (южная группа говоров) простирается в южной части округа, в бассейне р. Иньвы и Нердвы (в пределах Юсьвинского и Кудымкарского р-нов). Между северным и южным коми-пермяцкими наречиями проходят русские говоры, распространенные в пределах Юрлинского р-на.

Южная диалектная группа (или иначе, южное наречие) коми-пермяцкого языка является безэловым и от северного наречия отличается: 1) заменой этимологического *l* звуком *v* (за исключением оньковского и нердвинского говоров): vok вм. *лок* 'иди',

vi̯m вм. *лым* 'снег', ve̯v вм. *вöл* 'лошадь', ve̯vte̯g вм. *вöлтöг* 'без лошади'; 2) четким отличием ударяемого гласного от безударного как в отношении силы, так и в отношении долготы; mu·ne̯ni̯ 'идут' vunda·vni̯ 'резать', pi̯ǯ'i̯·rtni̯ 'выжать'; 3) наличием суффикса перех. падежа -e̯t': tuje̯t' лит. *туйöт* 'по дороге', i̯be̯se̯t', лит. *ыбöсöт* 'через дверь'.

В составе южной диалектной группы можно выделить кудымкарско-иньвенский, оньковский, нердвинский и нижнеиньвенский говоры.

§ 17. Кудымкарско-иньвенский говор, представляющий собой по количеству носителей его самую крупную единицу среди коми-пермяцких говоров, в целом не является абсолютно однородным; в его составе имеются разновидности переходного и смешанного характера. Легший в основу литературного языка (кроме употребления *l*) кудымкарско-иньвенский говор является в территориальном отношении центральным по отношению к другим южным говорам; нердвинский, оньковский, нижнеиньвенский — окраинными.

Особенности кудымкарско-иньвенского говора:

1) отсутствие твердого *l* и замена его звуком *v* (см. § 12); 2) более резкое выделение ударяемого гласного; 3) особая система ново-разноместного ударения (см. § 44).

В других коми-пермяцких диалектах наблюдается отступление от этой системы ударения (например, северном наречии, нижнеиньвенском, оньковском говорах). Окраинные говоры значительно отличаются от кудымкарско-иньвенского. Остановимся на их характеристике.

§ 18. Нердвинский говор распространен в самой южной части Коми-Пермяцкого округа, в бассейне р. Нердвы, притока р. Обвы, являющейся в свою очередь притоком р. Камы (Ленинский сельсовет). Основное отличие этого говора от кудымкарско-иньвенского выражается в наличии звука *l*: lok 'иди', 'подойди', ni̯l 'девушка', 'дочь', vetlis ńańle̯ 'он сходил за хлебом'. В отношении других фонетических явлений (в частности, ударения), а также лексики и грамматики этот говор мало отличается от кудымкарско-иньвенского.

Говоры типа нердвинского, ныне сохранившиеся в верховьях р. Нердвы, раньше занимали более широкую территорию, заселяли, видимо, не только весь бассейн Нердвы, но и территорию по течению р. Обвы. Южная часть этого говора обрусела, а представители северной части утратили звук *l*, заменив его согласным *v*. Сходство нердвинского говора с кудымкарско-иньвенским говорит о том, что в основе последнего (ныне безэлового) лежал эловый говор нердвинского типа.

Говор нердвинского типа представлен в словаре Н. Рогова с пометой ю.[9], а также в рукописном словаре XVIII в.

[9] Рог.; см. также: Р. М. Баталова — «Наш край», 1970, № 4.

Ф. А. Волегова, материалы которого обработаны и опубликованы К. Редеи[10].

§ 19. Оньковский говор распространен на территории Оньковского сельсовета Юсьвинского р-на (с. Малые и Большие Они с прилегающими к ним деревнями), являющегося самым восточным коми-пермяцким сельсоветом по р. Иньве. В отличие от соседнего, нижнеиньвенского, говора оньковский относится к эловому говору, *l* употребляется так же, как в нердвинском и косинско-камском говорах, например: lokta 'приду', pińala 'бороню'. Самой характерной чертой этого говора является наличие качественно-вокального ударения, представляющего собой своеобразную систему акцентуации, близкую к ударению коми-язьвинского диалекта.

В отрицательном глаголе прошедшего времени и корнях некоторых других слов (как и в нижнеиньвенском говоре) вместо *e* других коми-пермяцких говоров имеется гласный i: ig giž вм. eg giž, in giž вм. en giž, iz giž вм. ez giž 'я, ты, он не писал'; jim вм. jem 'иголка,' vim вм. vem 'мозг' (*i* восходит к общепермскому **ę*).

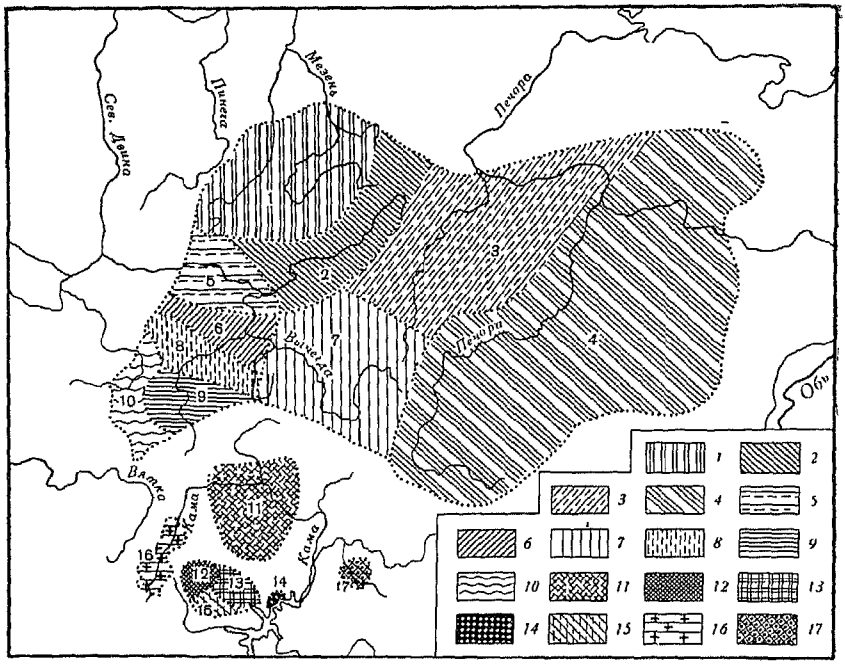
Имеет диалектную лексику: koba 'прялка', ǯiga·lnį 'упасть', naroma·n 'грабли' и т. д.[11]

Некоторые черты оньковского говора (ударение, *i* вм. *e*, лексический состав — uǯ'ęs 'дверь', koba 'прялка', naroman 'грабли' и т. д.) сближают его с коми-язьвинскими говорами, хотя и коми-язьвинцы отделены от оньковцев широкой (больше 150 км) полосой территории с русским населением. Коми население Перми Великой, жившее в основном на территории между оньковцами и коми-язьвинцами, по-видимому, говорило на диалектах оньковско-язьвинского типа.

§ 20. Нижнеиньвенский говор, непосредственно примыкающий с запада к оньковскому говору, распространен на территории следующих *пяти сельсоветов* Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого округа: Тимшинского, Купросского, Крохалёвского, Аксёновского и Доеговского; в общем этот говор занимает бассейн северных притоков р. Иньвы — Доега, Поя и Исыла с прилегающими к ним территориями по р. Иньве. Особенности этого говора следующие: 1) нижнеиньвенский относится к безэловым, 2) звук *-v-* между гласными часто выпадает; po·gnį < *po·vgnį (~ *powgnį) 'боятся', uǯa·gnį < *uǯa·vgnį (~ *uǯa·wgnį) 'работают', nį·gn < *nį·wgn (~ *nį·wgn) 'у них', но: śįva 'пою'; 3) в ряде слов вместо гласного *e* встречается *i*; 4) по типу ударения говор занимает про-

[10] См.: K. R é d e i. Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F. A. Wolegows. Budapest, 1968; см. рецензию на этот труд К. Редеи: Т. И. Т е п л я ш и н а и В. И. Л ы т к и н — СФУ VI 153—157.

[11] Подробнее см.: Р. М. Б а т а л о в а. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. Авт. д. к. М., 1962. — Следует заметить, что наша классификация коми-пермяцких диалектов несколько отличается от классификации Р. М. Баталовой, см.: Р. М. Б а т а л о в а. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.



Схематическая карта диалектов коми языков:

Коми-зырянские диалекты: *1* — удорский (вашко-мезенский); *2* — вымский; *3* — ижемский; *4* — печорский; *5* — нижневычегодский; *6* — присыктывкарский; *7* — верхневычегодский; *8* — среднесысольский; *9* — верхнесысольский; *10* — лузско-летский.
Коми-пермяцкие диалекты: *11* — северная группа диалектов (кочевский, косинский, гаинский и верхнелупьинский диалекты); *12—15* — южная группа диалектов (*12* — кудымкарско-иньвенский; *13* — нижнеиньвенский; *14* — оньковский; *15* — пердвинский); *16* — верхнекамский, или зюздинский (переходный от коми-пермяцкого к коми-зырянскому); *17* — коми-язьвинское наречие

межуточное положение между оньковским и кудымкарско-иньвенским: в глаголах, не имеющих словообразовательных суффиксов с огласовкой, наблюдается качественно-вокальное ударение — как и в оньковском (pe·tnį 'выйти', pį·rnį 'зайти'), а в остальных глаголах и в других частях речи появляется осново-разноместное ударение, как и в кудымкарско-иньвенском говоре (velę·tnį 'учить', ru·č'ęs 'лису', ju·rįs 'его голова'); 5) имеются специфические слова: įžma·vnį 'шалить', narma·n 'грабли', viśnį 'болеть', uǯ'ęs 'дверь', snop 'сноп'.

§ 21. Основные сходства и различия пермских языков можно свести к следующим:

Литературные формы всех трех пермских языков имеют один и тот же фонемный состав. В отличие от других финно-угорских языков общим своеобразием фонетики являются: наличие гласных *ö* [ę] и *ы* [į]; отсутствие переднерядных гласных *ȯ*, *ȕ*, *ä*, наличие

четырех аффрикат (č, č́, ǯ, ǯ′), восьми парных (по мягкости и твердости) согласных (*d*—*d′*, *z*—*ź*, *l*—*l′*, *n*—*ń*, *s*—*ś*, *t*—*ť*, č—č́, ǯ—ǯ′), противопоставление глухих согласных звонким (*p*—*в*, *t*—*d*, *s*—*z*, š—*ž*, č—ǯ, *t′*—*d′*, *ś*—*ź*, *č′*—*ǯ′*, *k*—*g*), употребление в начале слова звонких согласных наряду с глухими.

Однако все три языка отличаются друг от друга по ударению: в удмуртском языке ударение падает на последний слог, в коми-зырянском имеется тенденция ставить акцент на первый слог, а в коми-пермяцком ударение осново-разноместное.

Из морфологических характеристик общими являются: более или менее единая падежная система, наличие четырех времен глагола (настоящее, будущее, прошедшее очевидное и прошедшее неочевидное), инфинитив на *-ны*, понудительный залог, видовая категория однократности и многократности и т. д. Все эти морфологические категории оформляются одними и теми же (или очень близкими по звучанию) формантами.

Удмуртский язык отличается от коми языков наличием двух спряжений (в коми языках одно спряжение), вполне оформленной категорией наст. времени (в коми языках 1-е и 2-е лицо наст. *времени совпадают с соответствующими лицами* буд. *времени*), употреблением оборотов, состоящих из глагола и деепричастия на *-са* [-sa] и нек. др.

§ 22. История литературных языков. Пермские языки относятся к старописьменным. Существует, правда, небольшая, дореволюционная литература (на удмуртском языке более значительная, на коми-зырянском менее и на коми-пермяцком еще менее, см. § 25) [12].

§ 23. *Современная письменность имеет свою историю*, о которой можем судить в основном по печатным произведениям, хотя известны и отдельные рукописи, по счастливой случайности сохранившиеся в архивах, рукописных фондах музеев и библиотек.

У разных пермских народов письменность появилась в разное время. На коми языке она возникла во второй половине XIV в. Напечатаны в «Дневных записках» акад. И. И. Лепехина «Заупокойная обедня» и «Разговорник», отражающие язык XIV—XV вв. На удмуртском языке в 1769 и 1781 гг. впервые опубликованы стихи. Имеются переводы текстов религиозного содержания. Значительный интерес представляет лексический материал, помещенный в словарях П. С. Палласа и Г. Ф. Миллера (П. С. Паллас. Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный. СПб., 1790—1791; G. F. Müller. Sammlung russischer Geschichte, t. III. St.-Pb., 1758). В последнем приведено свыше 300 слов на удмуртском, коми-зырянском

---

[12] См.: В. И. Лыткин. Пермские языки. «Младописьменные языки народов СССР». М.—Л., 1959; Он же. Коми-зырянский язык. «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху». М., 1969; Яз. нар. III, стр. 255—315.

и коми-пермяцком языках. На коми-зырянском языке напечатаны: «Наставление о прививании предохранительной оспы». СПб, 1815, «Евангелие от Матфея». СПб., 1823 (перевод на вычегодский говор А. Шергина). В 1860-е годы сделан перевод «Священного писания», «Евангелия от Матфея» на коми-пермяцкий язык [13].

Еще в XVIII в. появились рукописные разговорники и словарики. Так, известна, например, рукописная удмуртская грамматика Михаила Могилина 1780 г. с приложением большого лексического материала (свыше 2100 слов)[14], «Удмуртско-русский словарь Захария Кротова» 1785 г., содержащий свыше 7.000 лексем [15] и др.; сохранился рукописный разговорник коми-зырянского языка XVIII в. в двух списках, в котором представлено около 100 выражений и 200 слов с переводом на русский язык [16] (возможно, что данный разговорник восходит к более раннему периоду времени). Есть рукописный коми-пермяцко-русский словарь Антония Попова («Краткий пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный Антонием Поповым», 1785 г.), который насчитывает до 2500 слов и хранится в Ленинградской Публичной библиотеке, и ряд других.

§ 24. В становлении литературных языков пермских народов большую роль сыграли созданные в конце XVIII—начале XIX в. грамматики по разным пермским языкам. Существенное значение принадлежит грамматике, составленной во второй половине XVIII в. под руководством В. Пуцек-Григоровича («Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка». СПб., 1775). В этом труде впервые определены многие моменты графики и орфографии, представлена система склонения и спряжения; графические приемы этой работы сыграли известную роль при дальнейшей разработке основ удмуртского литературного языка.

С начала XIX в. идет усиленная христианизация нерусских народностей, в связи с чем на их языки, в том числе удмуртский и коми, переводятся молитвенники, евангелие, духовно-нравственные поучения. Эти переводные произведения были ориентированы на читателей соответствующей национальности.

В тот же период создаются словари и грамматики, преследующие нормативные цели. В первой половине XIX в. вышли: И. А н и с и м о в. Азбука, составленная из российских церковной и гражданской печати букв для обучения вотских детей чтению на их наречии (по Сарапульскому уезду). Казань, 1847; Гр. Р е ш е т н и к о в. Азбука, составленная из российских церковной и гражданской печати букв для обучения вотских детей на глазовском наречии. Казань, 1847; Свящ. Ник Б л и н о в.

---

[13] В. С в е т л а к о в. Коми-пермяцкӧй письменностьлӧн зоралӧм. Лит.-худ. сб. «Иньва». Кудымкар, 1964, стр. 77—83; 1967, стр. 86—94.
[14] См. Тепл. Пам. 234—288.
[15] Т. И. Т е п л я ш и н а — СФУ VII 129.
[16] Ист. фил. сб. IV 233—238.

Лыдзон. Азбука для вотских детей. Казань, 1882 г. и мн. др. По коми языку: Ф. Флеров. Зырянская грамматика, СПб., 1813 (представлен удорский диалект), и др.

§ 25. Значительное развитие письменности и формирование литературных языков нужно отнести ко второй половине XIX—началу XX в. В этот период выпускается значительное число печатных произведений (главным образом переводных) религиозного содержания.

С середины XIX в. в семинариях ввели преподавание родного языка, например, в Вологодской духовной семинарии П. И. Савваитов преподавал коми язык; удмуртский язык преподавался в семинариях Казани, в которых обучались представители этого языка. Преподавание языков не могло происходить без литературы на этих языках, без грамматик и словарей. Стали выходить в свет буквари, удмуртско-русские и русско-удмуртские словари, учебные пособия по истории, арифметике, природоведению, историческая, сельскохозяйственная и медицинская литература. В это время возникает оригинальная художественная литература (см. § 31—33).

Начинают печататься специальные труды: по коми-зырянскому языку: И. А. Куратов. Зырянский язык. «Вологодск. губ. вед.», 1865—1866, № 23, 27, 31, 37 и 18; Г. С. Лыткин. Зырянско-вотско-русский словарь. Приложение к книге «Зырянский край и зырянский язык». СПб., 1889; по коми-пермяцкому языку: Н. Рогов. Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб., 1860; Он же. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб., 1869; по удмуртскому языку: Б. Гаврилов. Произведения народной словесности, обряды и поверия вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880, и нек. др.

К концу XIX—началу XX в. создаются различные культурно-миссионерские общества, переводческие комиссии, комитеты грамотности. На территории расселения удмуртов, например, были созданы три переводческие комиссии. Переводческой комиссией православного миссионерского общества за период 1874—1912 гг., например, на удмуртском языке выпущено 94 издания, Переводческой комиссией при Управлении Казанского учебного округа — пять книг и Переводческой комиссией 4-го благочинического округа Глазовского уезда Вятской епархии на глазовском наречии — пять книг [17]. Удмуртское книгопечатание особенно усиливается в 1904—1905 гг.[18] В 1904—1910 гг. выходит календарь на удмуртском языке (Удмурт календарь. Казань,

[17] Н. В. Никольский. Статистические сведения о вотяках за 1911 год. с указанием литературы о них и изданий на вотском языке. Казань, 1912, стр. 77—80.

[18] К. Дзюина. Удмуртская книга (1917—1941 гг.). Каталог удмуртских изданий. Ижевск, 1971, стр. 4—5; П. М. Яшин. Удмурт книгаэн вамышъёсыз («Путь удмуртской книги»). «Молот», Ижевск, 1970, № 3, стр. 52—57.

I, 1904; II, 1906; III, 1909), в котором печатаются оригинальные художественные, фольклорные, переводные произведения, обсуждаются вопросы диалектной основы литературного языка. Авторы «Календаря» были первыми представителями удмуртской интеллигенции, хорошо знавшими родной язык.

Издаются оригинальные и переводные произведения также на коми языках. Так, на коми-пермяцком была дважды издана «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина (Казань, 1900 и 1906), А. А. Цембер составил «Коми сказки» (Усть-Сысольск, 1912) и «Коми сказки и песни» (Усть-Сысольск, 1914) и др.

Начиная с периода первой мировой войны и до установления Советской власти на удмуртском языке выходит несколько газет: «Войнаысь ивор» («Вести с войны»), «Виль синь» («Новое око»), «Горд солдат» («Красный солдат»), «Горд гырлы» («Красный колокол»), «Гудыри» («Гром»).

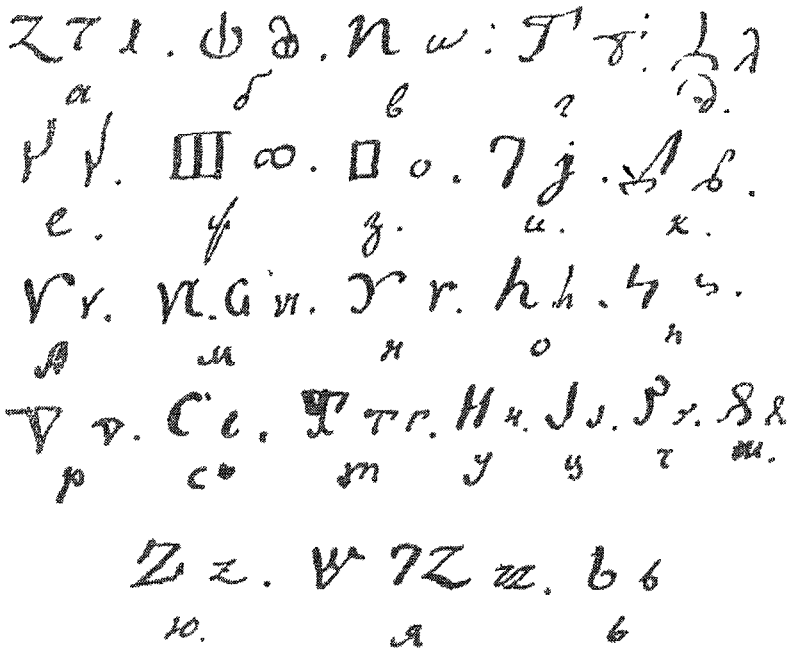
В результате возникшей насущной необходимости постепенно происходит дальнейшая разработка нормативных грамматик и словарей: выходят труды, посвященные разработке отдельных пермских языков. Особого внимания заслуживают «Книги для чтения» И. Михеева, в которых представлен большой материал по удмуртскому языку в сопоставлении с русским и «Грамматические упражнения» И. Яковлева, выдержавшее 11 изданий (с 1906 по 1917 г.). Его методикой по изучению русского языка в национальной школе пользовались многие народы Поволжья[19].

Издаются также книги по коми-пермяцкому языку: Е. Попов. Азбука и первая книга для чтения в пермяцких школах. Казань, 1904 (на иньвенском говоре); К. М. Мошегов и П. В. Щапов. Букварь для пермяцких детей (на чердынском наречии). Казань, 1908; П. В. Щапов. Вторая книга для чтения и практических упражнений на пермяцком языке. Казань, 1909 (на косинско-камском диалекте), и др. Об объеме выпускаемой в то время литературы можно судить по следующим данным: по удмуртскому языку до революции было издано около 180 книг и брошюр, по коми языку — свыше 50 названий, по коми-пермяцкому — около 15.

§ 26. Существовавшая у удмуртов и коми до Октябрьской революции письменность имела слабое распространение среди основной массы населения. Царское правительство проводило намеренную русификацию, что не могло способствовать развитию национальных языков. Необходимые условия для развития литературного языка были созданы в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции.

К концу XIX и началу XX в. появляются словари и грамматики, разрабатываются отдельные теоретические вопросы (F. I. Wiedemann. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst

[19] Не имея возможности провести их анализ, ограничиваемся перечнем лишь части таких работ; см. литературу в конце раздела.



Древнепермская азбука (см. «ALH IV 240)

einem Wotjakische-deutschen im Anhange und einem deutschen Register. St.-Pb. 1880; B. Munkácsi. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896; A. Genetz. Ostpermische Sprachstudien. Helsingfors, 1897; Y. Wichmann. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar, Ausg. I, Helsinki, 1901; Ausg. 2. Helsinki, 1915).

§ 27. Графика и орфография. Удмурты с самого начала появления письменности на их языке пользуются алфавитом па русской основе. У коми народов (у коми-зырян и коми-пермяков) алфавит несколько раз менялся. В XIV—XVII вв. существовала древнепермская (древнекоми) азбука, созданная миссионером Стефаном Храпом по образцу греческих и славянорусских букв. Эта графика имела хождение как на территории коми-зырян (Малая или Вычегодская Пермь), так и коми-пермяков (Великая Пермь, находившаяся в бассейне р. Камы). В XVII в. она была заменена русским письмом, которое существовало в разных вариантах вплоть до 30-х годов XX в. В 1932—1938 гг. был

введен латинизированный алфавит, составленный на основе нового унифицированного алфавита (НА), находившегося в то время в употреблении у многих народов СССР. В 1939 г. был принят алфавит на основе русской графики с дополнениями, необходимыми для обозначения специфических звуков и звукосочетаний.

В пермских языках употребляются следующие дополнительные буквы: *ӧ* — для обозначения неогубленного гласного среднего ряда среднего подъема [ɐ], *жь*, к. *дж* — для обозначения переднеязычного, альвеолярного смычно-щелевого твердого звонкого согласного звука; *ӟ*, к. *дз* — для обозначения переднеязычного альвеолярного смычно-щелевого дорсального палатального звонкого звука; *ч*, к. *тш* (русск.) — для обозначения альвеолярного смычно-щелевого непалатализованного глухого согласного звука; *ӥ*, к. *і* — для обозначения твердости предшествующего согласного перед гласным *и*.

До революции литература издавалась на разных диалектах: у удмуртов — на глазовском, сарапульском и казанском; коми — на вычегодском, сысольском, удорском и ижемском; у коми-пермяков — на северном и южном, вследствие чего в вопросах графики и орфографии не было четких правил, отсутствовало единообразие в письме; лексика письменного языка и терминология не были упорядочены.

В дореволюционной литературе в основном применялся фонологический и фонетический принципы в орфографии; к началу 20-х годов авторы различных изданий стали применять фонологический, а иногда и фонолого-морфологический принципы, сходные с современными.

В первые же годы после установления Советской власти начинается издание литературы на удмуртском и коми языках, вводится родной язык в школах. Издательства и местные отделы народного образования стремятся окончательно унифицировать орфографию. После организации автономных областей (Удмуртской в 1920 г., Коми в 1921 г.) установление единых орфографических норм в каждом языке происходит быстрыми темпами, и вскоре у всех пермских народов появляются узаконенные нормы правописания, фиксированные в грамматиках. Позже эти нормы были лишь незначительно уточнены [20], была определена соответствующая терминология, упорядочены грамматические нормы.

---

[20] Об истории формирования удмуртского литературного языка, письменности см.: Гр. Верещагин. О книгах на вотском языке. Вятка, 1895; П. Н. Луппов. О первых вотских переводах источников христианского вероучения. «Православный собеседник». Казань, 1905, VI (июнь), стр. 386—391; VII (июль), стр. 603—620; М. И. Волков. Удмурт печать. Ижевск, 1932; В. А. Алатырев. Когда возникла письменность? «Молот», 1956, № 6; Л. П. Емельянов. Печать Удмуртии. Ижевск, 1964; см. также: В. М. Вахрушева. — «Вопросы удмуртского языкознания», 3. Ижевск, 1975. — Об истории формирования коми-зырянского литературного языка подробнее см.: В. И. Лыткин. К истории коми письменности. «Культура и письменность востока», 1931, кн. 7—8,

§ 28. Вне зависимости от системы графики и диалектной основы оказались спорными вопросы слитного и раздельного написания слов и морфем, орфография заимствованных слов. Разрешение этих двух проблем орфографии встретило большие трудности. Первая проблема в известной мере была решена еще до революции: например, во всех рассматриваемых нами языках словоизменительные и словообразовательные суффиксы, как правило, писались слитно с основой (или корнем) слова, а послелоги отдельно и т. д. После революции изменения и уточнения коснулись лишь отдельных моментов в написании словосочетаний и морфем. Проблема написания новых заимствований возникла в советский период, когда в пермские языки стала проникать масса русских слов в звуковом оформлении, не свойственном этим языкам (со звуками *х*, *щ*, *пь*, *мь* и т. д., с сочетаниями согласных в начале слова: *власть*, *внимание*, *встреча* и т. п.). В первое время после революции эти заимствования писались согласно фонетическим законам родного языка (например, в 20-х годах писали: *пронт* 'фронт', *колкоз* 'колхоз', *ласьт* 'власть', *нига* 'книга' и т. д.). В 30-х годах в этих языках новые заимствования стали писать, как в русском языке. *фронт*, *колхоз*, *власть*, *книга* и т. д. Отсутствовавшие в пермских языках буквы (*ф*, *х*, *ц*, *щ*) были введены в алфавиты. Старые заимствования продолжали писать так, как они произносились в народе (у. *копта* 'кофта', *калат* 'халат', к. *больнича* 'больница', *щотка* 'щетка'). Поскольку трудно было провести резкую грань между старыми и новыми заимствованиями, которые в свою очередь уже стали приспособленными широкими кругами населения к особенностям родного языка, приходилось в каждом отдельном случае держать ориентацию на орфографические словари, составленные с учетом распространенности произношения слов. В этот период происходит окончательное формирование графических и грамматических норм, в частности слитного и раздельного написания слов и морфем, а также заимствованных слов.

§ 29. С вопросом орфографии непосредственно связана проблема диалектной основы литературных языков.

Как до революции, так и позднее одним из основных вопросов языкового строительства стал вопрос о диалекте, который должен лечь в основу литературного языка. В основе коми-зырянского языка лежит присыктывкарский говор, принятый в качестве основы литературного языка в 1918 г. на Усть-Вымском съезде учителей Усть-Сысольского и Яренского уездов, в пределах которых жило 90% коми-зырянского населения. Присыктывкарский

стр. 173—188; Г. Г. Бараксанов. Формирование языковых норм коми литературного языка. Сыктывкар, 1964. — О коми-пермяцкой графике и орфографии см.: Питю-Ӧньӧ (А. Н. Зубов). Коми грамматика, ч. I (для начальной школы на коми-пермяцком языке). М., 1928.

говор — это говор культурного и административного центра Коми АССР; являясь промежуточным между нижневычегодским, верхневычегодским и среднесысольским диалектами, он понятен абсолютному большинству коми народа [21]. По употреблению этимологического *л* он представляет вэ-эловый тип говоров.

Коми-пермяцкий литературный язык, обслуживающий национальное население округа, в своей основе имеет кудымкарско-иньвенский говор, но характеризующийся тем, что в нем звук *l* имеет тот же вид, что и в коми-зырянском литературном языке, где он чередуется со звуком *в* не начала слова (*вӧв* 'лошадь' — *вӧлӧн* 'лошадью').

До революции книги печатались на обоих (северном и южном) наречиях (1921—1927 гг.); литература, издававшаяся на иньвенском (безэловом) диалекте, была непонятна для представителей северного элового диалекта, кроме того, тормозило изучение русского языка, где есть звук *л*. В связи с этим встал вопрос о пересмотре диалектной основы. Параллельное издание литературы на двух диалектах было сочтено нецелесообразным из-за малочисленности коми-пермяцкого народа. В 1927 г. введено в литературный язык умеренное лэканье в целях сближения двух основных коми-пермяцких наречий. С этого времени литература издается с умеренно эловой орфографией. Таким образом, в литературный язык искусственно было введено фонетическое явление, выражающееся в чередовании *л—в* (*ныв* 'девушка' — *нылӧс* 'девушку').

Удмуртский литературный язык представляет собой своеобразный синтез южной и северной групп говоров.

Диалектная основа его в настоящее время не совсем ясна. Удмуртский литературный язык развивался в течение ряда десятилетий в различной диалектной среде. Все же по своей грамматической структуре и фонетике он стоит ближе к говорам средней полосы Удмуртии, т. е. к говорам, промежуточным между южным и северным наречиями, хотя содержит и элементы тех и других говоров как в лексике, так и в грамматике; например, допустимы формы *валъёсты* (черта северного наречия) и *валъёсыз* (черта южного наречия) 'лошадей' — вин. п. мн. ч., *гуртъёсты* и *гуртъёсыз* 'деревни' — вин. п. мн. ч., формы личных местоимений дат. падежа мн. числа (*милем* и *милемлы* 'нам', *тӥлед* и *тӥледлы* 'вам'); формы глаголов неочевидного прош. времени с личио-притяжательными суффиксами и без них (*тон верам* и *тон верамед* 'ты сказал, оказывается', *соос вераллям* и *соос вераллямзы* 'они ска-

---

[21] См.: Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971 (см. рецензию на эту работу: Т. И. Тепляшина — Труды Ин-та ИЯЛИ КФ АН СССР, т. 14. Сыктывкар, 1972, стр. 129—136); Г. Г. Бараксанов. Коми литературный язык, история его формирования и диалектная основа. Авт. д. к. Сыктывкар, 1964; Он же. Формирование языковых норм коми литературного языка. Сыктывкар, 1964.

зали, оказывается' и т. п.), возвратные глаголы с суфф. *-ск* и *-ськ* (*ватскыны* и *ватйськыны* 'спрятаться') и ряд других. В целях дифференциации разных грамматических категорий суффикс исх. падежа взят из северного наречия (*-ысь*), а суффикс причастия — из южного (*-ись*), поскольку на севере оба эти суффикса звучат одинаково *-ысь*, на юге — одинаково *-ись*.

В годы Советской власти неизмеримо расширились социальные функции литературного языка. Издания большого количества учебной литературы, нормативных грамматик и словарей, преподавание в школах на родном языке, выпуск республиканских и районных газет массовым тиражом, публикация оригинальных произведений писателей, классических произведений русской художественной литературы в переводе на удмуртский и коми языки, радио и телепередачи, речь на сцене театров на родном языке — все это содействовало и развитию литературных языков. Издававшаяся с соблюдением определенных правил правописания и произношения учебная литература внедрялась в широкие массы населения, способствовала упорядочению и упрочению норм письма и орфоэпии. В течение 50 лет существования Советской власти опубликовано, например, удмуртским издательством, около 6000 книг, брошюр и т. п. общим тиражом 39 млн. экземпляров.

§ 30. Развитие словарного состава литературных языков. В пермских литературных языках дореволюционного периода не было слов для множества новых понятий, которые раньше не бытовали среди широких масс народа, и в особенности для таких понятий, которые развились только после революции. Диалектная речь, легшая в основу литературных языков, пополняется массой новых слов, словарный состав ее из года в год расширяется, обогащаясь неологизмами.

Русских заимствований в литературных языках пермских народов довольно много: на одну букву *г*, например, охватывающую около 700 слов в каждом из этих языков, набирается свыше 100 слов, взятых из русского языка (*газет* (к. *газета*), *гайка*, *галифе*, *галстук*, *гараж*, *глагол*, к. *гладитны* (у. *гладить карыны*) 'гладить', 'погладить', *государство*, *грамота*, у. *гуӵа* (к. *гуща*) 'гуща' и мн. др.).

В советские годы появилось множество новых слов с использованием средств родного языка. Они образованы: а) сложением слов: у. *уждун* 'заработная плата' (досл. 'работы плата'), *ужрад* 'мероприятие' (досл. 'дела порядок'), *кылпум* 'окончание', 'флексия' (досл. 'слова конец'); к. *лыдпас* 'цифра' (досл. 'числа знак'), *кывсикас* 'часть речи' (досл. 'сорт слов'); б) суффиксацией: у. *вер-ос* 'рассказ' < *вераны* 'сказать', 'сообщить', 'рассказать', *пӧртэм-лык* 'разнообразие' < пӧртэм 'различный', 'разнообразный'; к. *быдм-ӧг* 'растение' < *быдмыны* 'расти'; в) введением в литературный язык диалектизмов, благодаря чему значительно обогатилась синонимика: у. итин. *мумы-бубы*, нч. *айы-мумы*, юж.-у. *анай-атай* 'родители', сев.-у. *огреч*, юж.-у. *кияр* 'огурец',

сев.-у. *урод*, юж.-у. *алама* ‘плохо’, ‘плохой’, сев.-у. *ӟеп*, юж.-у. *кисы* ‘карман’, сев.-у. *трос*, юж.-у. *ятыр* ‘порядочно’, ‘много’; скр. *пӧсь*, нв. *пым* ‘горячий’, нв. *агас*, скр. *пиня* ‘борона’, пв. *сӧмын*, скр. толькӧ ‘только’, к.-п.: сев.-п. *лы*, юж.-п. *коска* ‘кость’, сев.-п. *паськыт*, юж.-п. *ота* ‘широкий’ и др.; г) образованием терминов путем расширения значения слов: у. *ӵошатскон* ‘перегонки’, ‘соревнование’ — ‘социалистическое соревнование’; у. *дыр*, к. *кад* ‘время’, — ‘время’ (грамм. термин), ‘срок’, ‘пора’; у. *трос*, *уно*, к.-з. *уна* ‘много’, *лыд* ‘счет’, ‘количество’ — у. *трос лыд*, к.-з. *уна лыд* ‘мн. число’ (грамм. термин).

Благодаря изменениям в лексике, происшедшим в советскую эпоху и выражающимся в значительном пополнении словарного состава неологизмами и в массовом расширении семантического объема слов, литературные языки пермских народов встали в один ряд с культурными языками.

§ 31. Сведения из истории художественной литературы. Первая публикация (четверостишие) на удмуртском языке появилась в 1769 г., вторая — в 1782 г. По мотивам народных песен Гр. Верещагиным в 1889 г. было составлено первое оригинальное стихотворение «Чагыр, чагыр дыдыке! («Сизый, сизый голубочек!»). Удмуртская художественная литература возникла и развивалась на основе устного народного творчества и на традициях классической русской литературы. Большое значение для становления и развития удмуртской художественной литературы и литературного языка имели «Календари», издаваемые с 1904 г. в Казани, и послереволюционные публикации оригинальных произведений писателей. С конца октября 1918 г. начала выходить большевистская газета «Гудыри» («Гром»), ставшая ареной и трибуной для многих начинающих писателей и поэтов. На страницах этой газеты поднимались вопросы создания единого литературного удмуртского языка. В 20-е и 30-е годы значительное место в художественной литературе занимают рассказы Кузёбая Герда («Мотя», Сарапул, 1920), И. Дядюкова «Пашка Педор» («Федор Павлович», Ижевск, 1925), повесть Кедры Митрея «Вужгурт» («Старая деревня», Ижевск, 1926), роман «Секыт зӥбет» («Тяжкое иго», Ижевск, 1929), отражающий картины эксплуатации трудового крестьянства, первый роман о рабочем классе М. А. Коновалова (1905—1939 гг.) «Вурысо бам» («Лицо со шрамом», Ижевск, 1933), его же исторический роман «Гаяш» (Ижевск, 1936), повесть Ф. Кедрова (1909—1911) «Катя» (Ижевск, 1940), в которой созданы выразительные бытовые картины жизни удмуртской деревни накануне революции, социально-психологическая трилогия Гр. Медведева (1904—1938) «Лӧзя бесмен» («Лозинское поле», Ижевск, 1932—1959) и ряд других произведений, появившихся в довоенные годы. В послевоенный период удмуртская литература пополнилась повестью Т. А. Архипова «Лудӟи шур дурын» («У реки Лудзинки», Ижевск, ч. I — 1949, ч. II — 1957), рассказывающей о крутом

подъеме сельского хозяйства республики, историческим романом М. Петрова (1905—1955) «Вуж Мултан» («Старый Мултан», Ижевск, 1954), переведенным на ряд языков, повестью М. А. Лямина «Шудбур понна» («Во имя счастья», Ижевск, 1950) и др.

Удмуртская литература 60-х годов приобретает большую известность. Произведения удмуртских писателей переведены на 15 языков народов СССР, а также на венгерский и чешский языки. В поэзии громче звучат голоса С. Широбокова (1912), М. Петрова (Покчи Петрова, 1930—1959), Н. Байтерякова (1923); в драматургии видное место занимают пьесы В. Садовникова (1915—1975), И. Гаврилова (1912—1975); в прозе выделился: Г. Красильников (1928—1975) — автор повестей «Вуж юрт» («Старый дом», Ижевск, 1956), «Тонэн кылисько» («Остаюсь с тобой», Ижевск, 1959), романов «Тӧлсяська» («Пустоцвет», Ижевск, 1962), «Арлэн кутсконэз» («Начало года», Ижевск, 1965), в которых автор изображает становление культуры удмуртов и место человека в жизни современного общества, и ряд других произведений [22].

Удмуртская литература в настоящее время имеет 16 романов, 38 повестей и около 100 очерков и рассказов.

Писатели Т. А. Архипов и М. Лямин удостоены звания Народного писателя Удмуртской АССР, Степан Широбоков — Народного поэта Удмуртии.

С 1926 г. издается литературно-художественный и общественно-политический журнал «Кенеш», позже переименованный в «Молот». В настоящее время он выходит тиражом в 15 600 экземпляров.

§ 32. Зарождение литературы на языке коми-зырян связано с именем И. А. Куратова (1839—1875). Как поэт-разночинец, мыслитель, И. А. Куратов развивал свое творчество под влиянием идей русских революционных демократов. Его лучшие произведения — «Моя муза» (1867), «Сны» (1857—1860), «Сибирская дорога». Он перевел на коми язык произведения русских, европейских и среднеазиатских поэтов. После Октябрьской революции зачинателями коми советской литературы явились М. Н. Лебедев (1877—1951), В. А. Савин (1888—1943), В. И. Лыткин (Илля Вась, 1895), В. Т. Чисталев (1890—1939), Жугыль (Н. П. Попов, 1901—1971).

В середине 20-х годов появляются первые прозаические произведения писателей старшего поколения (Г. А. Федоров, И. В. Изъюров и др.). В 30-х годах также зазвучали голоса молодых поэтов: В. И. Елькина (1912—1942), А. П. Размыслова (1915—1943), Н. А. Фролова (1909), В. П. Латкина (1907—1942). В 40-х годах выступают на арену поэты С. А. Попов (1912) и И. М. Вавилин (1911), драматурги Н. М. Дьяконов (1911) и С. И. Ермолин (1914—1961).

---

[22] Художественная литература Удмуртской АССР (1957—1965). Библиографический указатель. Ижевск, 1967.

В послевоенные годы печатаются первые романы В. В. Юхнина (1907—1960), Г. А. Федорова (1909), Я. М. Рочева (1909). С 1926 г. издается литературно-художественный и общественно-политический журнал «Войвыв кодзув» («Северная звезда»). В настоящее время его тираж достигает 7 тыс. экз.[23]

§ 33. Формирование коми-пермяцкой советской литературы связано с именами М. П. Лихачева (1901—1945), А. И. Зубова (1889—1945), В. И. Дерябина (1892—1967), Ф. Г. Тараканова (1900). Особенно активно печатал свои произведения М. П. Лихачев, который является автором целого ряда повестей, рассказов, стихов, написанных на прекрасном народном языке, а также большого количества учебников для школ. В формировании норм коми-пермяцкого литературного языка в 20- и 30-е годы значительную роль сыграли А. Н. Зубов и Г. А. Нечаев — авторы школьных грамматик.

Формированию коми-пермяцкой литературы способствовали также окружная еженедельная газета «Гӧрись» («Пахарь»), переименованная впоследствии в «Ленин туй вылӧт» («По ленинскому пути») и организация коми-пермяцкой секции в 1927 г. при Центральном издательстве народов СССР. В результате работы последней появились первые книги и журналы на коми-пермяцком языке. В настоящее время коми-пермяцкая литература получила широкое развитие. Старейшими литераторами являются С. И. Караваев и Н. В. Попов. К более молодым относятся: М. Вавилин, В. Климов, И. Минин, В. Баталов, С. Можаев и другие авторы стихов, поэм, пьес, повестей и рассказов. Издается альманах «Иньва». В округе ныне работает 5 профессиональных литераторов, членов Союза писателей СССР.

§ 34. Из истории исследования пермских языков. Начало изучения пермских языков связано с деятельностью А. М. Шёгрена (1794—1855), первого русского академика финно-угроведа, и его современника, знаменитого исследователя северных и восточных языков, М. А. Кастрена, а также Ф. И. Видемана, преемника акад. Шёгрена по Академии наук.

В истории изучения пермских языков особое место принадлежит Г. С. Лыткину (1835—1906), создавшему большой труд (Г. С. Лыткин. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889, около 50 п. л.), в котором содержится ряд исторических и лингвистических сведений, не потерявших своей значимости до сего времени. Г. С. Лыткин является автором первого сравнительного словаря пермских языков. Большую историческую ценность имеет его полный русско-зырянский словарь, изданный после смерти автора (Г. С. Лыт-

[23] Для написания коми материала мы использовали труды: «Очерки истории коми литературы». Сыктывкар, 1958; «Писатели Коми АССР». Сыктывкар, 1961; А. А. Вежов и А. К. Микушев. Коми литература. — КЛЭ, т. 3, стр. 686—687; В. В. Пахорукова. Зарождение и развитие коми-пермяцкой прозы. Авт. д. к. М., 1974.

к и н. Русско-зырянский словарь. Составлен по рукописному словарю Н. П. Попова. Л., 1907—1931, 300 стр.).

С 1890 г. по 1896 г. в Будапеште отдельными частями стал публиковать свой удмуртско-венгерско-немецкий словарь Б. Мункачи (B. M u n k á c s i. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896), охватывающий около 90 тыс. слов. Собранные им материалы по устному народному творчеству удмуртов от военнопленных периода первой мировой войны, находящихся в Венгрии, после его смерти были обработаны, отредактированы и изданы под названием «Удмуртские народные обычаи и народная поэзия» Д. Р. Фуксом (B. M u n k á c s i, Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Helsinki, 1952), в котором дан богатый материал по различным удмуртским диалектам.

Издательством Казанского университета в 1897 г. был опубликован также «Краткий славяно-вотский словарь», содержащий свыше 800 слов. В дореволюционный период небольшие удмуртско-русские и русско-удмуртские словари издавались также в качестве приложения к учебным пособиям.

Систематическое исследование всех пермских языков началось после Октябрьской революции, в особенности после образования национальных административных единиц.

В связи с обучением в школах на родном языке возникла необходимость в создании учебников, разработке терминологии, унификации норм литературного языка. Встали вопросы языкового строительства. Организуются совещания и конференции в целях упорядочения графических и орфографических норм литературных языков (у удмуртов в 1920, 1937, 1947 гг.; у коми — в 1929, 1934, 1952, 1960 гг.).

В 1934 г. удмуртские языковеды составили усовершенствованный проект правил правописания, а через два года С. П. Жуйковым издается первый орфографический словарь удмуртского языка. В 1954 г. вышел новый проект правил удмуртского правописания с комментированием спорных разделов и тем. В дополнение к этим правилам в 1959 г. издается новый удмуртский орфографический словарь (И. В. Тараканов, А. С. Белов).

Об исследовании словарного состава пермских языков см. § 105.

По удмуртской лексике защищены две кандидатские диссертации (В. М. В а х р у ш е в. Общественно-политическая лексика в удмуртском языке. Авт. д. к. М., 1955; С. В. С о к о л о в. Названия птиц в удмуртском языке. Авт. д. к. Тарту, 1973).

Анализ фонетической и грамматической структуры удмуртского языка дан в книге П. Глезденева «Краткая грамматика языка народа удмурт» (Вятка, 1921). Спустя три года Г. Верещагин выпускает «Руководство к изучению вотского языка» (Вятка, 1924). Историческому изучению подвергается удмуртский язык в «Грамматике вотяцкого языка» (Л., 1927) А. И. Емельянова.

Через два года вышло в свет исследование К. М. Баушева «Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка» (М.—Л., 1929). Был подготовлен и опубликован сборник с материалами лингвистической конференции 1937 г. (Ижевск, 1937, 1938); в 1939 г. была издана работа П. Н. Перевощикова «Сложно-подчиненные предложения в удмуртском языке» (Ижевск, 1939). В 1959 г. печатаются в Ижевске сборник «Вопросы удмуртского языкознания» В. И. Алатырева, «Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке» П. Н. Перевощикова; в 1962 г. выходит из печати «Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология» (под ред. П. Н. Перевощикова и др. Ижевск); в 1970 г. — «Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения» (под ред. В. И. Алатырева. Ижевск); в 1973 г. — «Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения» (под ред. В. М. Вахрушева и Л. И. Калининой. Ижевск).

Отдельные вопросы удмуртского языкознания освещаются на страницах «Записок УдНИИ».

§ 35. Первой теоретической работой по удмуртским диалектам является статья Ф. И. Видемана (F. I. W i e d e m a n n. Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache. «Mélanges russes tires du Bulletin Historico-philologique de l'Academie Imperiale des sciences de St.-Petersbourg», t. III, 1858). Свой труд он написал на основе анализа переводов религиозных текстов: рукописных переводов евангелий и словарей, составленных на материале различных удмуртских диалектов. Предпринимались и специальные поездки ученых в районы расселения пермских народов, например, к удмуртам приезжали Т. Амипофф (1878), Б. Мункачи (1885) и Ю. Вихман (1891), к коми-зырянам — А. Кастрен (в середине XIX в.), Ю. Вихман (1901) и Д. Фукс (1911). Однако планомерное исследование началось после Октябрьской революции. В 1919 г. появляется удмуртско-русский словарь глазовского наречия (В. Д. К р ы л о в. Вотско-русский словарь глазовского наречия вотяков. Вятка, 1919). Через год И. В. Яковлев выпускает сравнительный словарь удмуртских диалектов (И. В. Я к о в л е в. Удмуртъёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон сямзэс валэктӥсь книга. Казань, 1920).

Первая диалектологическая экспедиция, организованная Удмуртским ОблОНО, была проведена в 1929 г. под руководством Д. В. Бубриха (материалы этой экспедиции не обработаны, хранятся в рукописном фонде Библиотеки УдНИИ). В 1930 г. проводилась вторая комплексная экспедиция по изучению диалектов, фольклора, топонимии и этнографии удмуртов под руководством Н. Я. Марра. Большая часть материалов этой поездки также содержится в Рукописном отделе Библиотеки УдНИИ.

Используя словари, изданные до этого, и имеющиеся некоторые другие материалы, известный деятель удмуртского народа Т. К. Борисов составил словарь, назвав его толковым (Т. К. Б о-

р и с о в. Удмурт кыллюкам (Толковый удмуртско-русский словарь). Ижевск, 1932. Этот труд фактически является сравнительным словарем удмуртских диалектов: почти при каждом слове указывается принадлежность его к тому или иному говору. С. П. Жуйковым составлена первая диалектологическая карта (С. П. Ж у й к о в. Диалектологическая карта удмуртского языка. Свердловск, 1935).

С 1959 г. сбор диалектологических материалов стали проводить по программе, составленной В. И. Лыткиным и Т. И. Теплящиной. Эта же программа в дополненном и переработанном виде издана в 1966 г. (Т. И. Т е п л я ш и н а. Краткая программа-вопросник по собиранию сведений об удмуртских диалектах.. М., 1966). В настоящее время по удмуртской диалектологии работают И. В. Тараканов, В. К. Кельмаков, С. К. Бушмакин, Р. Ш. Насибуллин и нек. др.

По удмуртским диалектам написано пять кандидатских диссертаций: по итинскому (тыловайскому) говору — Т. И. Теплящиной (Т. И. Т е п л я ш и н а. Тыловайский диалект удмуртского языка. М., 1955); по прикинскому (бавлинскому) — И. В. Тараканом (И. В. Т а р а к а н о в. Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка. Тарту, 1959), по одному из завятских диалектов — кукморскому — В. К. Кельмаковым (В. К. К е л ь м а к о в. Кукморский диалект удмуртского языка. М., 1969), по средневосточным — С. К. Бушмакиным (С. К. Б у ш м а к и н. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. М. — Ижевск, 1971), по закамским — Р. Ш. Насибуллиным (Р. Ш. Н а с и б у л л и н. Закамские говоры удмуртского языка. М., 1973).

Имеются также обстоятельные работы по коми-зырянской диалектологии — «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов» (ССКЗД), «Syrjänisches Wörterbuch Д. Фокоша (D. Fokos), словарь Вихмана-Уотилы (Wichmann-Uotila). Не потерял значения «Коми-русский словарь» Н. А. Шахова (Сыктывкар, 1924).

В 1928 г. при Обществе изучения Коми края была организована комиссия по собиранию словаря и изучению коми диалектов, которая в течение 1928—1932 гг. предприняла несколько поездок в районы расселения коми диалектов, в результате чего исследован ряд говоров. Предварительно был составлен «Вопросник для собирания сведений о коми говорах». Дальнейшее изучение коми диалектов было продолжено после Великой Отечественной войны под руководством Коми филиала Академии наук СССР.

Продолжается плодотворное исследование диалектов коми зырянского наречия и литературного языка (В. А. С о р в а ч е в а, М. А. С а х а р о в а и Е. С. Г у л я е в. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1969; Т. И. Ж и л и н а, Г. Г. Б а р а к с а н о в. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971; «Образцы коми-зырянской речи». Под ред. Д. А. Тимушева. Сыктывкар, 1971, и др.).

Изучение коми-пермяцких диалектов в послевоенный период (1948—1953 гг.) продолжает В. И. Лыткин. Так, им были изучены нижнеиньвенский и косинский говоры [24]. Описанию одного из иньвенских говоров коми-пермяцкого языка посвящена кандидатская диссертация А. С. Гантман-Кривощековой (А. С. Гантман-Кривощекова. Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка. Авт. д. к. Л., 1951). Оньковский диалект монографически исследован Р. М. Баталовой (Р. М. Баталова. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. Авт. д. к. М., 1962). Ею же составлена и программа по собиранию сведений о коми-пермяцких диалектах (Р. М. Баталова. Краткая программа по собиранию сведений о коми-пермяцких диалектах. М., 1966). Для сравнительного изучения диалектов пермских языков ценным пособием являются работы Т. Уотилы (SyrjChr) и В. И. Лыткина. («Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам», ч. I. М., 1955).

§ 36. Проделана большая работа по исследованию памятников письменности и сравнительно-историческому изучению пермских языков (Лытк. Ист. грамм.; Сереб. Ист. перм.; Лытк. ДЯ; Тепл. Бес., Wichm. WotjChr).

Разработке отдельных проблем пермских языков посвящен ряд трудов зарубежных лингвистов, например, финских ученых Ю. Вихмана (Y. Wichmann. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf Syrjänischen. Helsinki, 1897), Яло Калимы (J. Kalima. Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors, 1914), Ю. Тойвонена (Y. H. Toivonen. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen. Helsinki, 1956), Ю. Вихмана (Wichm. Tschuw.), Г. Уотилы (Uot. Kons.), Эркки Итконена (Itk. ZurGesch.), венгерских исследователей К. Редеи (RédeiPost; K. Rédei. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1969), Д. Р. Фокоша-Фукса (D. R. Fokos-Fuchs. Aus dem Gebiete der Lehnbeziehungen — ALH, 211—289). О других трудах по пермским языкам Ю. Вихмана, Я. Калимы, Д. Фокоша-Фукса, К. Редеи, а также о работах М. Кёвеши, Г. Стипы и В. Шлахтера см. «Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974, § 59, 64, 79, 81, 84.

§ 37. В настоящее время исследование пермских языков сосредоточено в Институте языкознания АН СССР (Б. А. Серебренников, В. И. Лыткин, Т. И. Тепляшина, Р. М. Баталова), Удмуртском научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Удмуртской АССР, основанном в 1931 г. в г. Ижевске (П. Н. Перевощиков, В. И. Алатырев, В. М. Вахрушев и др.), Удмуртском государственном университете, образованном в 1972 г. на базе бывшего

[24] В. И. Лыткин — ВЯ, 1957, № 5.

Педагогического института, основанного в 1931 г. (А. А. Поздеева, И. В. Тараканов, В. К. Кельмаков), Коми филиале АН СССР, в котором основное внимание обращено на изучение коми диалектов (Г. Г. Бараксанов, Е. С. Гуляев, Н. Н. Сельков, М. А. Сахарова, Н. А. Колегова, В. А. Сорвачева, Т. И. Жилина (Фролова [25].

Научно-исследовательская работа ведется в Пермском государственном пединституте (А. С. Гантман-Кривощекова), в Коми пединституте, Сыктывкарском университете (Е. А. Игушев), Институте языка и литературы Эстонской АН СССР (А. И. Туркин, А-Р. Хаузенберг).

ФОНЕТИКА

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

38. Фонемный состав всех трех пермских литературных языков един — 7 гласных и 26 согласных фонем. По своим артикуляционно-акустическим признакам они почти тождественны.

ГЛАСНЫЕ

§ 39. Классификация гласных фонем.

	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
Верхний подъем	и [i]	ы [ɨ]	у [u]
Средний подъем	э [e]	ӧ [ɵ]	о [o]
Нижний подъем		а [a]	

ӧ [ɵ] — гласный среднего ряда среднего подъема полного образования, близкий по звучанию английскому *э* в слове girl [gə:l] и русскому редуцированному в слове *город* [górəɫ]; *ы* [ɨ] — более заднего образования, чем русское *ы*; кроме отмеченных в таблице гласных фонем литературных языков, в завятских и верхнетаныпских говорах удмуртского языка и коми-язьвинском, встречается лабиализованный гласный среднего ряда верхнего подъема *ӥ*, в верхнесысольском коми-зырянском диалекте имеется закрытый звук *ǫ*; в языке бесермян отсутствует гласный среднего ряда среднего подъема ɵ (лит. *ӧ*); в ряде диалектов пермских языков отдельные фонемы произносятся иначе, чем в литературном языке: в завятских, прикском, верхнетаныпском говорах удмуртского языка, коми-язьвинском, восточно-вычегодском коми-зырянского языка гласный *ӧ* произносится лабиализованно [ȯ], литературный *ы* [ɨ]

[25] О работе пермистов последнего времени см.: В. И. Лыткин. Финно-угроведение в Институте языкознания Академии наук СССР. М., 1970; «На земле удмуртской». Ижевск, 1970; «Коми филиал Академии наук СССР». Сыктывкар, 1969.

в завятских, приикском, бесермянском и нижнеижевском диалектах удмуртского языка звучит как заднерядный гласный среднего подъема [ɵ], а в вишерском и восточно-вычегодском говорах коми-зырянского языка — как слегка огубленный гласный [u̇].

§ 40. Вокализм первого слога. В прапермском языке предполагается 12 фонем: *i*, *u*, *u̇*, *ö̯*, *e̯*, *ō̯*, *ȯ̯*, *e*, *o*, *ȯ*, ε (ʔε°), *a* (ʔ*a*°).

	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
Верхний подъем	i	u	u
Верхне-средний подъем	ö̯, e̯	ȯ̯	o̯
Средний подъем	e	ȯ	o
Нижний подъем	ε (ʔε°)		a (ʔå)

Уменьшение количества гласных фонем в современных литературных языках и большинства диалектов произошло за счет исчезновения гласных верхне-среднего подъема (*ö̯*, *o̯*, *e̯*, *ȯ̯*)[26] и слияния ε с *e*[27]. В языке древнекоми письмен были еще *o̯* и *e̯*, которые обозначались особыми буквами; реликты фонемы *o̯* сохранились в верхнесысольском говоре; *ȯ̯* — в коми-язьвинском диалекте и в верхнетанынском, завятских и приикском говорах удмуртского языка; в современных говорах ε и *e* выступают как варианты одной фонемы; возможно, звук ε имелся в древнекоми языке, но обозначался той же буквой, что и гласный *a*[28]. Не исключено, что в древнекоми языке существовали также фонемы *ȯ* и *ö̯*, но не имели специального буквенного обозначения (они отмечались буквой *o̯*)[29]. Таким образом, в древнекоми языке (XIV—XV вв.) могли сохраниться все гласные прапермского языка, но особые буквы имелись только для следующих гласных: *a*, *e*, *e̯*, *i*, *o*, *o̯*, *i̯* (< **u̇*), *u*; гласный *ȯ* систематически обозначался той же буквой, что и *o*; остальные гласные (*ö̯*, *ȯ̯*, ε), не получившие особого буквенного обозначения и встречающиеся в единичных примерах древнекоми текста, воспроизводятся для языка стефановских письмен косвенным путем.

§ 41. Различия между прапермским вокализмом и прафинно-угорской системой гласных весьма существенны. В финно-угорском праязыке существовало противопоставление гласных фонем: а) по длительности (долгие и краткие — у Э. Итконена, краткие и редуцированные — у В. Штейница); б) по переднерядности и заднерядности (*ä*—*a*, *ü*—*u* и т. д.), в нем не было гласных среднего ряда *u̇*, *ö̯*, *ȯ*; в) по подъему: нижнего подъема (*a*, *ä*), среднего (*o*, *ō*, *e*, *ē*) и верхнего (*u*, *ū*, *ü*, *i*, *ī*, см. Ф. § 58). Существуют и другие мнения о прафинно-угорском вокализме (см. Ф. § 55).

[26] Эти звуки в разных пермских языках перешли в различные гласные. См.: Лытк. Ист. вок. 231—233.
[27] Там же.
[28] Там же 154, 157.
[29] Там же, 151.

Из этой системы гласных закономерно развился прапермский вокализм, при этом — по мнению Э. Итконена — произошли следующие изменения: а) утратились долгие гласные, б) появились гласные верхнесреднего подъема (ö̯, e̯, ȯ̯, o̯), т. е. вместо трех ступеней подъема финно-угорского праязыка в прапермском языке образовались четыре ступени; в) возникли гласные среднего ряда (ü̯, ȯ̯, ȯ)[30].

Эти изменения в вокализме привели к тому, что в прапермском языке выработалась особая система гласных фонем, отличающаяся от вокализма предшествующего периода. В некоторых случаях можно установить преемственность прапермских гласных с прафинно-угорскими, например, прафинно-угорские гласные нижнего подъема в прапермском языке сохранились в тех случаях, когда они не подвергались процессу сужения гласных первого слога; гласные верхнего подъема, как правило, существенно не изменились (не переходили в другую категорию гласных по подъему); больших изменений не произошло также в составе велярных (задперядных) и палатальных (переднерядных) гласных и т. д. Однако в проблеме формирования прапермского вокализма на базе прафинно-угорского много еще неясного. Не случайно существуют различные теории для объяснения того или иного прапермского гласного (см., например, о сужении гласных, Ф. § 76).

§ 42. Некоторые гласные прапермского языка в современных литературных языках и во многих диалектах утратились, слившись с другими звуками (ε, e̯; o̯, ȯ̯, ö̯), некоторые изменили свое качество, например прапермские лабиальные *ȯ и *ü̯.

Делабиализация прапермского *ȯ > e̯ произошла как в литературных языках, так и в большинстве диалектов пермских языков. Однако, в окраинных диалектах лабиализованный гласный ȯ сохранился (в вишерском и восточно-вычегодском говорах коми языка, коми-язьвинском; в верхнетанынском, приикском и завятских говорах удмуртского языка. В других финно-угорских языках гласному ö [e̯] пермских языков часто соответствует лабиализованный гласный, например: *kȯl > у. *кал*, к. *кöл-* 'веревка', ср. ф. köyte-; *vȯl > у. *вал*, к. *вöл-* 'лошадь', ср. мр. vü·lö и др. Лабиализованный гласный *ü̯ прапермского языка сохранился в южноудмуртских (завятских, приикских и частично, закамских) говорах, а также в вишерском и восточно-вычегодском говорах коми-зырянского языка. В других финно-угорских языках этому гласному соответствуют *и* и *ü*, т. е. также огубленный гласный, например: *bü̯čk- > у. *бышк-*, к. *бытшк-*, виш. bü̯čk- 'колоть', ср. ф. puhjeta; *vü̯l- > у. *выл*, виш. vü̯l 'верх', ср. ф. yli; *gü̯ž- > у. *гижы*, к. *гыж*, виш. gü̯ž 'коготь', 'ноготь', ср. ф. kynsi и др.

На месте прапермского гласного *ü̯ в литературных языках и в большинстве диалектов современных пермских языков произно-

---

[30] Впрочем, Э. Итконен для раннего прапермского периода предполагает наличие долгих гласных (ō̯, ō̯, ī), см. — ВЯ, 1967, № 1, стр. 143.

сится *ы* [i̯]. В завятских, приикских, нижнеижских и глазовском говорах удмуртского языка и в коми-язьвинском диалекте вместо **ü* под влиянием тюркских языков появился гласный средне-заднего ряда среднего подъема *ө*: *кытын*, диал. kөton 'где' и т. п.

§ 43. Вокализм непервого слога. В непервом слоге финно-угорского праязыка мог стоять только краткий нелабиализованный гласный: в одних определенных морфемах (корневых или суффиксальных) был широкий гласный *a* [ä], а в других — узкий *e* (см. Ф. § 95). Примерно такое же состояние вокализма было в прапермском языке: нелабиализованные широкие гласные **a*, **ε* и узкий **i̯*. Вокализм непервого слога праязыка хорошо сохранился в верхневычегодском диалекте коми языка, где употребляются только следующие три гласные: ε, *a*, *i̯*. Праязыковый гласный ε (орф. *э*) сохранился также в удмуртском языке и ижемском диалекте коми языка, в остальных диалектах пермских языков он перешел в *ę* или *e*, например, у. mi̯nε 'идет', вв., иж. munε, к.-я. munө; остальные коми диалекты munę. После исчезновения ε как фонемы он стал мыслиться как вариант фонемы *e*.

Гласный *a* сохранился во всех коми диалектах, в удмуртском языке он перешел в *o*, например: у. mi̯no < *mi̯na 'пойду'. Из **i̯* развились *i̯* и *i* (по диалектам, или в одном диалекте при различном фонетическом положении), например: прап. *kari̯n 'в городе' > у. диал. kari̯n, вв. kari̯n, сыс., нв. скр. kari̯n; прап. *ńańi̯s 'его хлеб' > сыс. скр. ńańi̯s, нв. ńańis.

Гласные *i̯* и *ę* (на месте прапермских **i̯* и **ε*) могли появиться в определенных пермских диалектах только тогда, когда *u* и *ȯ* делабиализовались (*ü* > *i̯*, *ȯ* > *ę*)

Лабиализованные гласные встречались только в первом слоге слова, в непервом слоге они не употреблялись. В архаических верхневычегодских говорах (например, в вишерском и восточно-вычегодском) и теперь нет делабиализованных *i̯* и *ę*, в них имеются праязыковые лабиализованные *ü* и *ȯ*, употребляющиеся только в первом слоге (šür 'мышь', mȯs 'корова'). В непервом слоге современных диалектов пермских языков иногда встречаются лабиализованные гласные, но они позднего происхождения (к. burlun 'доброта', суфф. -lun образовался от самостоятельного слова lun 'день' и др.[31]

Что касается двух типов древних основ, то они, как правило, в прапермском языке уже слились в одно целое в процессе формирования единой парадигмы словоизменения и словообразования: например, слова vir 'кровь', относящееся к финно-угорской основе с узким гласным (ф. vere-), и ki̯č 'петля', относящееся к основе с широким гласным, имеют падежные суффиксы с единой огласовкой (у., вв. virεn 'кровью' и у., вв. ki̯čεn 'петлёй' — в этих словах ε некогда был конечным звуком основы)[32]. В пермских язы-

---

[31] См. подробно об этом: В. И. Лыткин — MSFOu. № 150, стр. 205.
[32] См. подробнее: В. И. Лыткин — СФУ VI 221—237.

ках сохранились лишь отдельные рефлексы от этих финно-угорских двух основ (см. Ф. § 98—106)[33].

§ 44. Ударение в пермском языке-основе, как и в праф инно-угорском, было, по-видимому, свободным. В пермских языках различия между ударным и безударным гласными выражены значительно меньше, чем, например, в русском языке.

Удмуртское ударение основано на длительности ударного гласного: гласный под ударением намного длиннее безударного гласного того же качества [34]. Как правило, ударение падает на последний слог слова: *корка·* 'дом', 'изба', *кышно·* 'жена', *вакчи·* 'короткий'.

Исключения:

1) ударение падает на первый слог слова а) в форме повелительного наклонения (*пу·кты* 'поставь', *ды·шетскы* 'учись', *ко·шке* 'уходите', 'уйдите'; б) в сложных прилагательных и наречиях, состоящих из парных слов (*ю·г-юг* 'светлым светло', *го·рд-горд* 'красным-красно'); в) отрицательных формах изъявительного наклонения (*уг мы·ны* 'не идет', *уд ва·ла* 'не поймешь', 'не разберешь', *уз у·чке* 'не посмотрят');

2) двоякое ударение на себе имеют: а) местоимения с основой *вань* (*ва·ньмыз* ~ *ваньмы·з* 'все', *ва·ньмы* ~ *ваньмы·* 'мы все', *ва·ньды* ~ *ваньды·* 'все вы', *ва·ньзы* ~ *ваньзы·* 'все они'); б) двусложные наречия времени с суфф. *-быт* (*лу·мбыт* ~ *лумбы·т* 'в течение дня', 'целый день', *то·лбыт* ~ *толбы·т* 'в течение всей зимы', 'всю зиму';

3) ударение падает на предпоследний слог слова в порядковых числительных: *кыке·тӥ* 'второй', *вите·ти* 'пятый', *дасэ·тӥ* 'десятый' и т. п.

В коми-зырянском языке ударение не строго фиксированное, оно не имеет смыслоразличительной функции, ср.: *му·насны* ~ *муна·сны* ~ *мунасны·* 'пойдут', *кӧ·кйамыс* ~ *кӧкйа·мыс* ~ *кӧкйамы·с* 'восемь'; однако имеется определенная тенденция ставить ударение на первый слог.

В коми-пермяцком ударение ново-разноместное, т. е. место ударения зависит от типа морфемы основы: одни морфемы всегда безударны, другие ударны, третьи перетягивают ударение или на себя, или на предшествующий слог; ударение занимает вполне определенное место, т. е. оно морфологизировано [35]. Словоизменительные суффиксы обычно безударны.

В прилагательных ударение, как правило, падает на первый слог, в глаголах на первый слог, если нет словообразовательного суффикса, имеющего свою огласовку — в противном случае с первого слога оно переносится на суффикс (однако есть суффиксы,

[33] Раздел «Фонетика» изложен в крайне сжатом виде, так как многие вопросы звуковой системы пермских языков нашли отражение в главе «Фонетика» в первой книге (М., 1974).

[34] Гр. удм. 49.

[35] В. И. Лыткин — Stein. Fest. 257.

на которые не переносится ударение, например *-ысьт* с уменьшительным значением). В диалектах наблюдается совершенно особая система ударения; как и в коми-язьвинском диалекте, в нижнепьвенском ударение качественно-вокальное, т. е. место ударения в нем зависит от качества гласного первого слога: ударение падает на первый слог, если в его составе имеются гласные *о*, *е*, *а*, *ӧ*, ударение падает не на первый слог, если в нем стоят гласные *и*, *у*, *ы*, ср.: *шо·нді* 'солнце' — *тури·* 'журавль', *че·ри* 'рыба' — *кизьӧ·р* 'жидкий', *пӧ·им* 'зола' — *гырдза·* 'локоть' и т. п.

Итак, по месту ударения современные пермские языки отличаются друг от друга: в удмуртском языке ударение обычно падает на последний слог, в коми-зырянском оно имеет тенденцию падать на первый слог, в коми-пермяцком — квалифицируется как осново-разноместное, а в коми-язьвинском диалекте — качественно-вокальное. Формирование разных типов ударения в пермских языках — сравнительно позднее явление.

СОГЛАСНЫЕ

§ 45. Классификация согласных фонем.

			Губные		Передне-язычные		Передне-средне-язычные (палатальные)	Средне-язычные	Задне-язычные
			губно-губные	губно-зубные	зубно-дорсальные	альвео-лярно-какуминальные			
Шумные	взрывные	глухие	п [p]		т [t]		ть [t′]		к [k]
		звонкие	б [b]		д [d]		дь [d′]		г [g]
	фрикативные	глухие			с [s]	ш [š]	сь [ś]		
		звонкие		в [v]	з [z]	ж [ž]	зь [ź]	й [j]	
	аффрикаты	глухие				у. ӵ к. тш [č]	ч [č′]		
		звонкие				у. ӟ к. дж [ǯ]	у. ӟ к. дз [ǯ′]		
Сонорные	смычно-проходные	носовые	м [m]		н [n]		нь [ń]		
		боковые			л [l]		ль [l′]		
	вибранты					р [r]			

Примечания к таблице: 1) кроме перечисленных, в новых русских заимствованиях встречаются согласные *ф* [f], *х* [x], *ц* [c] и др.; 2) при произношении палатальных согласных препятствие образуется спинкой языка и твердым небом — этим и отличаются они, например, от русских палатализованных согласных; 3) мягкие шипящие аффрикаты литературного языка *ч* [č'], *ǯ* [ǯ'] в нижнечепецких удмуртских говорах и коми-ижемском диалекте звучат как свистящие *ц* [c'], дз [d'z']; 4) фонема *л* [l] отсутствует в иньвенском диалекте (кроме оньковского) коми-пермяцкого языка; не встречаются аффрикаты *ӝ*, *ӵ*, *ǯ* и частично мягкая *ч* [č'] в бесермянском и завятских говорах удмуртского языка (см. § 9, 10); 5) в южноудмуртских диалектах имеется носовая фонема *ŋ*: baŋ, лит. *бам* 'лицо', aŋ, лит. *ан* 'челюсть', ǯiŋi (~ǯəŋə), лит. *ӝыны* 'половина', čaŋa, лит. *чана* 'галка' (птица). Своей шепелявостью артикуляционно несколько отличаются от удмуртских коми мягкие свистящие *сь* [ś] и *зь* [ź] бо́льшей примесью шепелявости, чем удмуртские соответственные звуки.

---

§ 46. Почти во всех диалектах пермских языков встречаются согласные, восходящие к финно-угорскому языку-основе: аффрикаты *č*, *č'*, мягкие согласные *ś*, *l'*, *ń*, *l'*, взрывные *p*, *t*, *k*, фрикативные *s*, *š*, *j*, *v* < **w* и сонорные *m*, *n*, *l*, *r*[36]. В прапермский период протекал процесс озвончения всех финно-угорских глухих согласных, в результате чего появилось девять ранее не существовавших фонем: *b*, *d*, *d'*, *g*, *z*, *ź*, *ž*, *ǯ*, *ǯ'*; соответствующие пары по глухости в определенных позициях сохранились (см. Ф. § 22—24). Одной из причин озвончения явилась деназализация финно-угорских сочетаний -mp, -mnt, -ŋk, -nt, -nč, -ńć, сопровождавшаяся озвончением второго компонента этих сочетаний (см. Ф. § 34, 35, 44).

Отпадение -m и -k в абсолютном конце слова связано с утратой конечных гласных (см. Ф. § 109, 110). Еще в прапермскую эпоху конечное *-m отпало, передав свою грамматическую функцию* предшествующему гласному звуку, входившему раньше в состав предыдущей морфемы. Этот процесс отразился на суффиксах: а) вин. падежа: у. *монэ*, к. *меня* (< *mɜnɐm) 'меня'; у. *тонэ*, к. *тэнӧ* (< *tɜnɐm) 'тебя'; у. *пидэ*, к. *питӧ* (< *piɬɐm) 'твоего сына'; б) 1-го лица ед. числа глаголов наст., буд. и прош. очевидного времени: у. *мыно* 'пойду', к. *муна* 'иду' (< *mɜnam); у. *мынӥ*, к. *мунi* (< *mɜnim) 'я шел'; в языке памятников древнекоми письменности суфф. -m еще сохранился: kị̈lam 'слышу', eskam 'верую', adǯ'im 'я увидел'.

Сохранение исконного -m в древнекоми языке, по-видимому, нужно объяснить морфологическими причинами; он был необходим для разграничения формы а) 1-го лица от формы 3-го лица глагола ед. числа (в 3-м лице глагол часто употреблялся без -s): *пышйи* 'я убежал' и *пышйи* 'он убежал', ср. др.-п. pịšji 'он убежал'; б) 1-го лица ед. числа притяжательного склонения в им. падеже: у. *коркае*, к.-з. диал. kerkaę, к.-п. *керкуӧ* (< *kerka(u)ɐm 'мой дом'; суфф. -m в им. падеже сохраняются лишь

---

[36] Не сохранились финно-угорские *δ*, *δ'* и геминаты *tt*, *pp*, *kk*.

в легском диалекте коми языка, например: pe̮č′i̮m 'моя бабушка', mužiki̮m 'мой муж'.

Отпадение конечного -k наблюдается в суффиксах а) вступ. (входного) падежа: у. *каре*, к.-з. *карӧ* (< *karək) 'в город'; у. *четверге*, к. *четъверкӧ* (< *č′et′vergek) 'в четверг'; суфф. -k, вероятно, сохранился в наречных образованиях: у. *соку*, к.-з. *сэки*, *сэк* 'тогда'; у. *аскы*, к. *аски* 'завтра' (корнем первого слова является *-сэ-*, *со-*, ср. также: к. *сэн* 'там', *сэсь* 'оттуда'), а корнем второго слова — *ас-* (ср. к. *асыв* 'утро', 'восточный', *асъя* 'утренний'); суфф. -k хорошо сохранился в других финно-угорских языках (см. М. §71—74), б) дат. падежа: у. *валлы*, к. *вӧвлы* (< *vollə̮k 'лошади'). Суфф. -k сохранился также в некоторых послелогах и наречиях марийского языка; в) 1- 2- и 3-го лица мн. числа глагола наст. и прош. времени: у. *мыномы*, к.-з. диал. munamę, к.-п. *мунамӧ* (<*mənamək)' пойдем', у. мышмы, к.-з. диал. munimę, к.-п. *мунімо* (<*munimək) 'мы шли'; суфф. -k, являющийся показателем мн. числа, сохранился в других финно-угорских языках (см. М. § 25).

Озвончение глухих согласных в начале слова. В финно-угорском языке-основе в начале слова встречались только глухие шумные: *k*, *t*, *p*, *s*, *ś*, *š*, *č*, *č′* (см. Ф. § 22—24). Озвончение глухих началось, вероятно, еще в прапермский период и продолжалось длительное время. Однако имеются факты, свидетельствующие, что процесс озвончения прекратился до отделения коми языка от удмуртского. Озвончение, видимо, происходило под влиянием сонорных следующего слога, но протекало непоследовательно. Так, в иранских заимствованиях прапермского периода (или более раннего времени самостоятельной жизни пермских языков) начальные согласные в отношении глухости и звонкости не претерпели изменения, ср. у. *парсь*, к. *порсь* 'свинья', у. *корт*, к. *кӧрт* 'железо' и др., в оригинале которых стоит глухой согласный; у. *дуры*, к. *дар* 'уполовник', *дас* 'десять' и некоторые другие, в иранском оригинале находим звонкий согласный (см. Ф. § 22). Возможно, воздействие иранских языков на пермские также явилось одним из факторов появления звонких согласных в прапермском, а также в отдельных впоследствии языках.

§ 47. В сочетаниях -mp-, -nt-, -nč-, -nč′-, -nk- на пермской почве носовой согласный (*n*, *m* или *ŋ*) исчез, а второй компонент сочетания озвончился (см. Ф. § 34, 44). Этот процесс деназализации протекал в течение прапермского периода, что подтверждается разными факторами. В результате действия закона деназализации изменению подверглись: а) все финно-угорские слова, восходящие к допермскому периоду (у. *зибыны* 'давить, прижать', к. *зіб* 'шест', ср. ф. sompa; *гид* 'хлеб', ср. ф. kenttä; у. *выжлыны* к. *вуджны* 'перейти', ср. мр. vončaš и т. д.; б) иранские заимствования, попавшие в пермские языки не позднее прапермского периода (pad-: у. *падвож*, к.-з. *падвеж* 'перекресток' < иран.

ср. новоперс. pand; у. *вугы*, к. *вуг* 'дужка (ведра)', 'скоба (двери)' < иран., ср. санскр. vaŋka-; в) древнечувашские заимствования прапермского периода (у. *куды*, к. *куд* 'лукошко' < *kundî; у. *губи* к. *гоб* 'гриб' < *kŭmpa).

Процесс деназализации прекратился вскоре после отделения коми от удмуртов, поэтому заимствования, попавшие в удмуртский и коми языки в период обособленной их жизни, не пережили этого процесса (у. диал. kandel'em 'свидетель' < чув. kŭndclän; уд. karandįs 'ушат', 'кадка' < вен. karandez. Поздним иранским заимствованием следует считать у. *андан* 'сталь' (ср. осет. andan), хотя и ему имеется соответствие в коми языке — *емдон*, изменившееся под влиянием народной этимологии (к. *ем* 'иголка', *дон* 'раскаленный'); однако возможно, что оно первоначально заимствовано удмуртами и передано носителям коми языка.

§ 48. В отдельных языках и диалектах пермских языков произошли изменения в консонантизме:

1) финно-угорский губно-губной **w* перешел в губно-зубной звук *v*. Процесс, по всей вероятности, начался еще в прапермскую эпоху, но не охватил все диалекты; в древнекоми памятниках письменности (XIV—XV вв.) наблюдается передача этого звука через *и*, что показывает на неслоговое *и* или *w*, например: др.-к. *uįįn — *вылын* 'вверху', др-к. *uaj- — *вай-* 'принести'. Согласный *w* сохранился как вариант фонемы *v* в определенных словах некоторых удмуртских диалектов, например, waź 'рано', wapum 'век', 'столетие', wal'es 'постель';

2) твердое *l* исчезло в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка и заменилось звуком *в* [v]; процесс [l] > [v] имел место, надо полагать, сравнительно недавно, так как на территории распространения этого безэлового говора старая географическая номенклатура в официальных документах на русском языке фигурирует со звуком *л* [l], ср. гидронимы *Исым*, *Велва*, *Косыл* — левые притоки Иньвы и др. Местное коми-пермяцкое население в приведенных словах ныне произносит звук *в* [v];

3) переход начального *p* [r] в *ж* [ž] и *з* [ž'] в удмуртском языке имел место в праудмуртский период: *rįį > *жыт*, ср. к. *рыт* 'вечер'; *remįį > *жомыт*, ср. к. *рӧмыт* 'сумерки'; *rok > *жук*, ср. к. *рок* 'каша'; *rįį > *жыж*, ср. к. *рыж* 'хрупкий' 'ломкий', 'истлевший'; *roj > *жуй*, ср. к. *рой* 'мох'. В других позициях (в середине и конце слова) звук *р* регулярно встречается: *курыт*, ср. к.-з. *курыд* 'горький', *тыр* 'полный', *вурыны*, ср. к. *вурны* 'шить' и др.;

4) наблюдается частичная деаффрикатизация *ж* [ž] и *з* [ž'] в середине и конце слов удмуртского литературного языка, например: у. *жужыт*, итин., ср.-в. žužįį, ср. к. *джуджыд* 'высокий', у. *кезьыт*, итин. ср.-в. kež'įį, ср. к. *кӧдзыд* 'холодный'; *зарезь*, итин. zarež', ср. к. *саридз* 'море' и др.;

5) носовой заднеязычный согласный *ŋ* исчез в пермских языках, но есть следы его существования в прапермском языке; он

сохранился в современных южноудмуртских говорах п, как показывают коми заимствования хантыйского языка, согласный *ŋ* был и в древнекоми языке (см. Ф. § 45). Звук *ŋ* заменялся мягким *н* [ń], если в соседстве с ним были гласные переднего ряда: у. *сӥньыс*, к. *сунис*, южн.-у. siŋɵs 'нитка'; у. *чиньы*, к. *чунь*, южн.-у. č'iŋɵ 'палец'; б) если *ŋ* предшествовал лабиализованный гласный, то он часто переходил в *м* [m]: у. *тунгон*, к. *томан*, южн.-у. tuŋgon 'замок'; у. *пум*, к. *пом*, *пон*, южн.-у. puŋ 'конец'; в) в прочих случаях (т. е. когда соседние звуки не оказывали на него влияния) прап. *ŋ* обычно переходил в *н* [n]: у. *жыны*, к. *джын*, южн.-у. ǯɵŋɵ 'половина'; у. *чын*, к. *тшын*, южн.-у. čɵŋ 'дым'; у. *ан* 'челюсть', к. *ан* 'небо', южн.-у. aŋ 'челюсть' и т. п.;

6) возникли вэ-эловые и нуль-эловые диалекты в коми языке. Этимологическое *л* [l] в конце слога в отдельных коми говорах перешло в *в* [v] или повлияло на количественную характеристику предшествующего гласного (см. выше, § 12). Появление *в* или удлинение предшествующего гласного на месте первоначального *л* — явление вторичное, более позднее. Об этом свидетельствуют: а) стефановские письмена (XIV—XV вв.), в основном распространенные на территории современных вэ-эловых диалектов, составленные на эловом диалекте: uǯal 'делай', vi̯lti 'по', ke̯ldem 'колобок', ki̯lzi̯ś 'слушающий'; б) древнехантыйские и мансийские заимствования из коми языка, имеющие звук *л* [l]: мс. kaltem < к. *ke̯ldem 'колобок', ср. у. *колды* 'каравай хлеба из яровой муки', *колзо* 'тесто'; х. sajkalla < к. *sajkalni̯ 'отрезвиться', ср. у. *сайканы* 'проснуться', 'пробудиться', 'очнуться' (переход *л* в *в* произошел примерно в XVII в.[37]); в) удмуртские диалекты, например средне-восточные и завятские говоры, в которых *л* [l] конца слова и слога переходит в неслоговое *у* [w], хотя удмуртский литературный язык и большинство диалектов удмуртского языка относятся к эловым диалектам: vow 'лошадь', но valen 'лошадью', tuw 'огонь', towtek 'без огня', но tolen '(с) огнем'[38]. Вероятно, такого типа явления в удмуртском языке возникли независимо от закономерности перехода *l* > *v* коми языка (распространение данного явления изучено пока недостаточно).

7) в литературных и в большинстве диалектов коми языков, а также в некоторых южноудмуртских говорах, аффриката *č* (у. *ӵ*, к. *тш*) начала слова смягчалась, если в следующем слоге стоял шипящий согласный, например: у. *ӵуж — ӵужмурт*, лот., ижем, уд. čož, остальные коми диалекты č'ož, к. *чож*, южн.-у. č'užmurt 'дядя' (с материнской стороны); у. *ӵуж-*: *ӵужъем*, лет., уд. čuž, остальные коми диалекты č'už, к. *чуж*, южн.-у. č'užjem 'солод' и т. д.; в бесермянском и приикском диалектах удмуртского

---

[37] См. подробно: Лытк. Ист. грамм. § 85—86; D. Fokos — ALH III.
[38] См.: С. К. Бушмакин — СФУ VI 109; Т. И. Тепляшина — Тр. Мар. XV, 136.

языка[39] древний *č* (совр. *ӵ*) перешел в мягкий звук *ть* [t′], например: *ӵӧж* > бес. t′ež, приик. t′ǒž 'утка', *ӵужъем* > t′užjem 'солод', *ӵыжъы-выжы* > t′eže-veže 'родня', 'родственники', *ӵошкыт* > t′oškət 'ровный', 'плоский', *ӵушкон* > t′uškon 'полотенце', *йырӵаша* > jərt′aša 'череп' и др.; итак, твердая аффриката *č* начала слова сохранилась в удмуртском литературном языке и в некоторых коми диалектах (удорском, летском, ижемском).

МОРФОЛОГИЯ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 49. Морфологический строй пермских языков так же близок друг к другу, как и фонетический. В морфологии удмуртского, коми-зырянского и коми-пермяцкого языков существуют одни и те же грамматические категории (в именах — категория числа, падежа и притяжательности; в глаголах — наклонения, вида, залога). Оформлены они обычно одними и теми же (или восходящими к одним и тем же) суффиксами.

На близость языков пермской группы указывает и то, что на литературных языках удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков можно составить текст, являющийся абсолютно общим в отношении графического оформления, например: *Ваня, дугды, эн бӧрд. Съӧрам вайи кык кило сьӧд нянь. Пуксьы, ю пӧсь чай*! 'Ваня, перестань, не плачь! С собой я принес два килограмма черного хлеба. Садись, пей горячего чаю!'

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 50. К а т е г о р и я ч и с л а. В пермских языках различают два числа: единственное и множественное. Ед. число существительных не оформлено особым суффиксом. Практически почти все имена существительные, в том числе русские заимствования мн. числа и существительные, обозначающие парные предметы, выступают в форме ед. числа. Формально от любого существительного ед. числа возможно образование формы множественного числа.

В удмуртском языке мн. число образуется посредством присоединения к основе слова суфф. *-ёс* (*-йос*) после согласных и *-ос* после гласных, в коми-зырянском — *-яс* (*-йас*), в коми-пермяцком *-ез* (*-йэз*), где *й* уподобляется любому предшествующему согласному основы, например: *мурт* || *морт* 'человек' — *муртъёс*

[39] Т. И. Тепляшина — СФУ VI 63—64; И. В. Тараканов — ВФЯ II 75—82.

(*муртйос*) || *мортъяс* (*мортйас*) || *морттэз* (< *мортйэз*) ‘люди’, *пельёс* (< *пэл′йос*) || *пельяс* || *пеллез* (< *пел′йэз*) ‘уши’ [40].

У заимствованных из русского языка существительных, обозначающих множество предметов, поддающихся счету, конечный гласный в удмуртском выпадает: *час* < *часы*, *вес* < *весы*, *чот* < *счёты*, *ср.* *часі*, *вескі*.

С существительными, обозначающими членов семьи и близких родственников, употребляется так называемое выделительное мн. число: *Ивановъёс мыно каре* || *Ивановъяс мунӧны карӧ* || *Ивановез мунӧны карӧ* ‘Ивановы (Иванов и все те, кто с ним) отправляются в город’.

Форма мн. числа в удмуртском языке употребляется также для обозначения жителей того или иного населенного пункта, например: Можга — название села и города — *можгаос* ‘жители Можги’, ‘жители можгинской стороны’, ‘можгинские’, *Алнаш* ‘Алнаши’ — название районного центра Удмуртии — *алнашъёс* ‘жители Алнашей’, ‘жители алнашской стороны (Алнашского р-на)’, ‘алнашские’.

В коми языке спорадически встречается форма мн. числа на *-ян* (*-йан*): *пи* ‘сын’ — *пиян* ‘сыновья’, нв. *č′oje* ‘моя сестра’ — *č′ojejan* ‘моя сестра и члены её семьи’, *taje* ‘это’ — *tajan* ‘эти’.

Относительно происхождения суффикса мн. числа в пермских языках высказывались различные точки зрения [41]. Наиболее вероятным является предположение возникновения *-йос*, *-йас*, *-йэз* от самостоятельного слова *йӧз* ‘народ’, ‘люди’, которое имеется и в современном коми языке. Оно есть в удмуртских сочетаниях: *йӧскадь* ‘как следует’, ‘прилично’, досл. ‘как люди’, ‘подобно людям’; *одйгъёз* (*одйгйоз*) ‘ровесники’, досл. ‘одинаковые по возрасту люди’.

Сомнения, высказываемые отдельными исследователями относительно отсутствия *й* в удмуртской форме мн. числа после гласной основы, встречающейся лишь в некоторых говорах и литературном языке, можно объяснить выпадением в них начального *й* суффикса. В большинстве же диалектов (северных и южных) в этом положении он сохраняется, ср.: śaśka ‘цветок’ — śaśkajos ‘цветы’, kuno ‘гость’ — kunojos ‘гости’, čį̈ž̧į-vį̈ž̧į ‘родственник’ čį̈ž̧į-vį̈ž̧įjos ‘родственники’. Следовательно, отсутствие *й* в форме мн. числа после гласных основы в удмуртском литературном языке — новое явление.

Разнообразие огласовок суффиксов мн. числа пермских языков *о* ~ *а* ~ *э*, к. диал. *ӧ* из **ӧ(jӧz)* вполне объяснимо законом во-

---

[40] Здесь и далее знаком // отделены варианты слов, фонем, аффиксов и т. д. удмуртского и коми литературных языков; на первом месте всегда находится вариант из удмуртского языка, на втором (после //) — из коми-зырянского, на третьем — из коми-пермяцкого языков; общая для коми языков форма дается без помет к.-з., к.-п., к.-2.

[41] См.: Сереб. Ист. перм. 85—92, 106.

кализма непервого слога, где не мог стоять лабиализованный гласный; у. *о* в формативах часто восходит к**а*, например: *дуно || дона* 'дорогой', *мусо || муса* 'милый'; чередование *з* ~ *с* в конце формантов в пермских языках — почти регулярное явление, ср. *мынoз || мунас* 'пойдет'. Происхождение коми суфф. *-йан*, выражающего коллектив родственников, возможно, связано со словообразовательным суффиксом собирательного значения *-я*, *-йа* типа к.—п. *козъя* 'ельник' < *кöз* 'ель', *вöръя* 'лесистое место' < *вöр* 'лес', к которому присоединен показатель множественности *н* (нв. č'ojejan 'сестра и ее семья'). В прошлом этот суффикс мог занимать более обширную территорию [42].

В тех случаях, когда необходимо назвать один из парных предметов, употребляется характерное словосочетание с *пал || пöла* 'половина (чего-л.)': *палки*, *палсуй || ки пöла*, *сой пöла* 'однорукий'; *палкук || кок пöла* 'одноногий'; *палсин || син пöла* 'одноглазый'.

§ 51. Категория падежа. В литературных языках число падежей не совпадает. Общими являются 14 падежных форм, они совпадают по своим формантам (исключая фонетические варианты) и основным функциям: именительный (номинатив), родительный (адессив), разделительный (аблатив), дательный (аллатив), винительный (аккузатив), творительный (инструменталь), лишительный (абессив), соответственный (адвербиаль), местный (инессив), исходный (элатив), вступительный (иллатив), приблизительный (аппроксиматив), отдалительный (эгрессив), переходный (пролатив), предельный (терминатив).

Несовпадение выражается в следующем: в удмуртском языке имеется соответственный (адвербиаль), или иначе, наречный падеж, которого нет в коми языках; в последних наличествуют достигательный (конзекутив) и соединительный (комитатив) падежи, которые отсутствуют в удмуртском; в коми-пермяцком есть сравнительный (преклюзатив) падеж, отсутствующий в других пермских литературных языках.

Таким образом, в удмуртском литературном языке различается 15 падежей, в коми-зырянском — 16, в коми-пермяцком — 17.

В парадигмах склонений приняты названия падежей в такой последовательности (сначала общие для всех трех пермских языков, затем отсутствующие в каком-либо из приводимых языков): именительный, родительный, разделительный, дательный, винительный, творительный, лишительный, местный, исходный, вступительный, направительный, отдалительный, переходный, предельный, соединительный, достигательный, соответственный, сравнительный. Имена существительные пермских языков имеют простое склонение и склонение с лично-притяжательными суффиксами (для краткости — притяжательное склонение).

---

[42] Сереб. Ист. перм. 89.

ПАРАДИГМА ПРОСТОГО СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

(*ву* // *ва* 'вода', *шыр* 'мышь')

Им.	*ву* // *ва* // *ва*	*шыр* // *шыр* // *шыр*
Род.	*вулэн* // *валӧн* // *валӧн*	*шырлэн* // *шырлӧн* // *шырлӧн*
Разд.	*вулэсь* // *валысь* // *валісь*	*шырлэсь* // *шырлысь* // *шырлісь*
Дат.	*вулы* // *валы* // *валӧ*	*шырлы* // *шырлы* // *шырлӧ*
Вин.	*вуэз* // *ва*, *ваӧс* // *ва*, *ваӧс*	*шырез* // *шыр*, *шырӧс* // *шыр*, *шырӧс*
Твор.	*вуэн* // *ваӧн* // *ваӧн*	*шырен* // *шырӧн* // *шырӧн*
Лиш.	*вутэк* // *ватӧг* // *ватӧг*	*шыртэк* // *шыртӧг* // *шыртӧг*
Местн.	*вуын* // *ваын* // *ваын*	—
Исх.	*вуысь* // *ваысь* // *ваись*	—
Вступ.	*вуэ* // *ваӧ* // *ваӧ*	—
Направ.	*вулань* // *валань* // *валань*	*шырлань* // — // —
Отд.	*вуысен* // *васянь* // *васянь*	—
Перех.	*вуэтӥ* // *ваӧд*, *ваті* // *ваӧт*	—
Пред.	*вуозь* // *ваӧдз* // *ваӧдз*, *вави*	—
Соед.	— // *вакӧд* // *вакӧт*	— // *шыркӧд* // *шыркӧт*
Достиг.	— // *вала* // *вала*	— // *шырла* // *шырла*
Соотв.	*вуя* // — // —	*шыръя* // — // —
Сравн.	— // — // *вася*	— // — // *шырся*

Существительные во мн. числе имеют те же самые падежные суффиксы, что и в ед. числе; происходит лишь вставка суффикса мн. числа *-ос*, *-ёс* // *-яс* // *-эз*, *-йэз* между основой и падежным суффиксом, например: им. п. *вуос* // *ваяс* // *ваэз* 'воды', *шыръёс* // *шыръяс* // *шыррез* (< *шырйэз*) 'мыши'; род. п. — *вуослэн* // *ваяслӧн* // *ваэзлӧн* 'у вод (имеется)', *шыръёслэн* // *шыръяслӧн* // *шыррезлӧн* 'у мышей (имеется)'; разд. п. — *вуослэсь* // *ваяслысь* // *ваяслісь* 'у вод (взять)', *шыръёслэсь* // *шыръяслысь* // *шыръяслісь* 'у мышей (взять)'; дат. п. — *вуослы* // *ваяслы* // *ваэзлӧ* 'водам', *шыръёслы* // *шыръяслы* // *шыррезлӧ* 'мышам' и т. д.

Существительные, обозначающие одушевленные предметы, в переходном падеже не употребляются, а в местном, исходном, вступительном, отделительном и предельном падежах ограничены в употреблении (встречаются лишь при обозначении профессии, должности, например: *дышетске инженере* // *велӧдчӧ инженерӧ* 'учится в инженеры', *вуиз министрозь* // *воис министрӧдз* 'дошел до министра', т. е. сделался министром и т. п).

В удмуртских грамматиках аблатив называется разделительным падежом, в коми — притяжательным, в удмуртском аллатив именуется входным падежом, в коми — вступительным, аппроксиматив — в удмуртском именуют направительным падежом, в коми — приблизительным. Значение той или иной падежной формы может быть шире или у́же в одном языке по сравнению с другими, например, форма творительного падежа удмуртского

языка выполняет также функцию коми соединительного, а форма дательного падежа — функцию коми достигательного падежа [43]. Имена существительные, обозначающие одушевленные предметы, в местных падежах не склоняются; при необходимости вместо падежных форм используются послеложные конструкции, например: у. *шыр дӥнёзъ*, к. *шыр дінӧдз* вместо ожидаемого *шырозъ*, *шырӧдз* 'до мыши'. По данному типу изменяются по падежам все одушевленные существительные.

Падежные суффиксы современных пермских языков восходят к прапермским формам: род. п.*-lɐn, разд. п. *-lɜś, дат. п. *-lɜk, вин. п. *-ɐs, твор. п. *-ɐn, лишит. п. *-ɬɐk, соотв. п. *-ja, соед. п. *-kɐt, достиг. п. *-lak, *сравн. п.* *-śa, местн. п. *-i̯n, исх. п. *-i̯ś, вступ. п. *-ɐk, направ. п. *-laй, отд. п. *-lśen, *-śaй, перех. п. *-ɐti, *-ɐd, пред. п. *-zǯ'.

§ 52. Система падежей пермских языков значительно отличается от других финно-угорских языков. Одна группа падежей восходит к финско-пермскому времени, другая сложилась в прапермскую эпоху (см. М. § 36), а третья образовалась в период самостоятельного развития отдельных пермских языков. Одни падежные суффиксы отпали, например финно-угорский k-овый латив; другие сохранились лишь в формах послелогов и наречий, как, например, ф.-у. лат. ń. (ср. у. диал. kị̈miń 'навзничь'), лат. -a (ср. *кузя* 'по' у. *пала*: *сик пала* 'в сторону леса', к. *бара* 'опять', 'снова' образован из *бӧр* 'зад'); третьи появились путем перехода самостоятельных слов в суффиксы, (ср. к.-п. *-ви* [-vi] пред. падежа от слова *ви-* 'конец', 'предел', КЭСК, 72) или посредством комбинации падежных суффиксов, например отд. п. *-сянь* (< исх. -ś+лат. -ń), или же словообразовательных суффиксов (может быть, и послеложного корня) и падежного суффикса, например *-лань* (-l+лат.-ń), *лэн* // *-лӧн* (<-l+лок. -n) [44]; соединением окончаний *л*-ового суперессива и латива на *-а* образовался особый коми достиг. падеж (на *-ла*: *вала* 'за водой [идти]').

В системе падежных суффиксов следует различать первичные и вторичные. К первичным относятся простые суффиксы, дошедшие до нас из эпохи финно-угорского языка-основы с некоторыми фонетическими изменениями: -n; -ɬ; -k, -ś; -ǯ' (<-*č'). Вторичные падежные суффиксы — это относительно поздние образования, возникшие, например, в результате соединения суффиксов или послелогов. Некоторые из древних суффиксов оказались весьма жизненными; они активно участвовали в формировании вторичных падежей, например, при помощи ф.-у. суфф. *-n образованы три падежных суфф. (-ɐn, -i̯n, -lɜn), при помощи прап. суфф. -ś — четыре (-i̯ś, -lɜś, -śaй, -śa), при помощи ф.-у. лат. -*к* — четыре (*-ɬɐk, *-ɐk, *-lak, *-lɜk).

---

[43] Подробнее об основных функциях падежей см.: Гр. удм. 91—111, Совр. к. яз. I 139—147; Коми-перм. 184—193.

[44] См.: БубрихМорф. фин. 175 (примечания В. И. Лыткина)

§ 53. Известно, что основа слова финно-угорских языков была двусложной и оканчивалась на краткий гласный *а*, *ӓ* или *е*, который в пермских языках отпал (см. § 109), но сохранился перед некоторыми падежными суффиксами (ср. *шыр-ен* 'мышью', *кар-ын* 'в городе') — в одних словах в виде широкого гласного (ɛ), в других в виде узкого гласного *i̯* (< *i̯*). Такое различие в огласовках между словами разных групп в отношении гласного конца основы в прапермском уже не наблюдается: произошло выравнивание, т. е. сформировалась единая система склонения для всех существительных независимо от того, к каким основам они относились. Однако в современных пермских языках наблюдаются двоякие огласовки основ, в одних падежах огласовки являются узкими гласными (kari̯n, kari̯ś), а в других — широкими (šį̈rɛs, karɛ, karɛti, karɛš̆′). В данном случае мы имеем дело с пережитками двух финно-угорских основ, но приуроченных не к определенным группам слов, а к определенным падежам. В некоторых случаях эти огласовки впоследствии выступили дифференциаторами падежных значений, например, суффикс твор. падежа (-ǫn) и местного (-i̯n) еще в языке древнекоми письменах не были дифференцированы. То же самое можно сказать об огласовке сложных падежных суффиксов, в которых гласный звук является остатком не прежнего корня, а первого компонента сложного падежного форматива (-lɜn, -lɜś′, -lɜk, -tɛk, -lań, -śań, -lak, -kɛt). Гласный конца слова, как правило, не сохранился; он выпал, видимо, еще в прапермский период (*šürelɜn > *šį̈rlɜn). Разные рефлексы одного и того же прафинно-угорского гласного встречаются в отдельных пермских языках (*шырлэсь*, *шырлы* || *шырлысь*, *шырлӧ* || *шырлісь*, *шырлӧ*), что следует объяснить влиянием одних падежных форм на другие, а в некоторых случаях — омонимическим отталкиванием, например к. *шырлы* 'мышке' и *шырла* 'за мышкой'.

§ 54. Именительный падеж в пермских, как и в других финно-угорских языках, не имел падежного суффикса. Вин. падеж в допермское время имел суфф. -m, который отпал еще в прапермский период (доп. mɜnɜ-mɜ > прап. *mɜnɛm > mɜnɛ > *монэ* || *менӧ* 'меня') [45] (см. М. § 48). В современных пермских языках (как и в финно-угорском праязыке) прямой объект может выражаться без суффикса — основой слова: *соос ӟег арало* || к.-з. *найӧ рудзӧг вуӧдны* 'они жнут рожь' — здесь слова *ӟег*, *рудзӧг* не маркированы. На место отпавшего суфф. *-m* в общепермский период появился суфф. -ɛs, который сложился на базе притяжательного суффикса 3-го лица и первоначально имел определительно-выделительное значение. Такое значение его в некоторой степени сохранилось и в настоящее время, ср. к. *кӧч кыйны ветлі* 'я ходил на зайца, ловить зайцев', *со понйӧй кӧчӧс кутіс* 'вон моя собака поймала зайца' (определенного).

[45] Y. Wichmann — FUF XVI 159—160; Uot. Kons. 220—221; K. Radanovics, NyK LXI 80.

Суффиксы местн. и твор. падежей *-ын* и *-ӧн* (*-ен*) современный фонетический вид приобрели в прапермское время, элемент *-n* в этих суффиксах восходит к ф.-у. *-na, *-nä (см. М. § 58). В прапермском языке значение местн. и твор. падежей 'где' и 'чем' первоначально выражались обоими суфф. -i̯n, -ɛn недифференцированно: суфф. -i̯n мог употребляться в значении твор. падежа, а -ɛn в значении местного. Следы такой недифференцированности сохранились еще в языке стефановских письмен, а также в современных пермских языках: у. *вазен* 'раньше', 'прежде', к.-з. *важӧн*, к.-п. *важын* 'давно'; *пыдын* // *поддӧн* 'пешком'. Определенный круг слов удмуртского языка в твор. падеже имеет огласовку *-э* (*-е*), что является рефлексом финно-угорской основы на широкий гласный (см. Ф. § 99, 101), ср. *лудэн* '(с) полем' от *луд* 'поле', *адямиен* '(с) человеком' от *адями* 'человек'.

Вступительный (входный) падеж восходит к ф.-у. лат. *-*k*. В пермских языках вследствие отпадения конечного *-k* функцию падежного форманта принял на себя конечный гласный основы: ф.-п. *karɛ-k > прап. *karɛ-k > kar-ɛ, *каре* // *карӧ* 'в город'. Следы от *-*k* сохранились в словах: *аскы* // к.-з. *аски* 'завтра', *соку* // *сэки* 'тогда' (см. М. § 72).

Исходный падеж на *-ысь*, *-ись*, в удмуртском языке также на *-ысьт*, образовался в прапермское время из формативa неясного происхождения -ś, присущего только пермским языкам. Огласовка этого суффикса восходит к конечному звуку основы: прап. *kar-ś >*kar-i̯ś, *карысь* // к.-п. *карись* 'из города'. Возможно, суфф. -ś имеет связь с словообразовательным суфф. -ś, ср. к.-п. *вӧрись* 'леший', 'лесной (обитатель)' от *вӧр* 'лес', к.-з. *тӧвся* 'зимний' от *тӧв* 'зима'.

В составе суфф. -śt- у.-t восходит к ф.-у. лок. *-tt (> прап.-t). В прапермском, видимо, употреблялись оба суффикса: -ś- и -śt-. Их функции, возможно, были в какой-то мере дифференцированы, например, элатив на -śt- выражал комплекс общеотделительных значений, элатив на -ś — конкретное местно-исходное значение[46]. В коми-зырянском языке разновидность на -śt- сохранилась в застывшем виде в словах *вӧлисти* (диал. vɐlʲiśti, vɐlʲiśt 'только что', 'по прошествии определенного промежутка времени'; корень слова *-vɐlʲ- обозначал 'промежуток (времени)'; *мысьти* (диал. mi̯śti) временно́й послелог 'через', 'по', 'по истечении (времени)', корень *-mi̯- обозначал 'после', 'через'. В коми-зырянском литературном языке *t* смягчился под влиянием соседних звуков.

Современное значение и звуковой вид перех. падежа сформировались в прапермскую эпоху. Однако истоки суфф. -d, -t восходят к допермскому времени, при этом предполагается в прапермском языке два падежа: просекутив (к.-з. -d) и транзитив (-t). Первый из них обозначал движение через что-либо, вдоль чего-либо, а второй отвечал на вопросы «где?», «по какому пути?»

[46] Сереб. Ист. перм. 16.

Суффикс прос. -d восходит к ф.-у. абл. *-ta, а суффикс перех. падежа (трансл.) -ti, состоящий из двух элементов t+i (< *j), происходит от ф.-у. лок. *-ttʒ [47].

В коми-зырянском языке, в котором сохранились обе разновидности суффикса, находим следы дифференцированного употребления d-овых и ti-овых падежей, например: *киӧд нуӧдны* 'вести за руку', но не: *киті*; *туй вывті мунны* 'идти по дороге', но не: *туй вылӧд*; в современном коми-зырянском языке функции этих двух падежей слились в одно целое, а в коми-пермяцком и удмуртском такое формальное различие между ними не сохранилось.

Существуют различные мнения о происхождении предельного падежа. Суффикс этого падежа, например, Д. В. Бубрих производил от самостоятельного слова — у. *азь* (диал. aǯ') // *водз* // *одз* (< прап. *ǫǯ') 'перед', 'передний', 'место перед кем- (или чем-) либо' [48]. Такое объяснение вполне приемлемо, если допустить, что в коми языках прап. *ǫ перешел в о [ę] под влиянием закона непервого слога, не допускающего употребления лабиализованных гласных, а в удмуртском языке прапермский гласный сохранился. Формант *ӟ* [ǯ'] // *дз* [ǯ'] в составе суфф. *-оз̇*//*-ӧдз* возводится также к суфф. латива на ś (<*č'), встречающемуся в хантыйских говорах [49].

Коми-пермяцкий падежный суфф. *ви* [-vi] в терминативе происходит от самостоятельного слова, корень которого встречается в наречиях: к.-з. *выйӧдз* 'даже', 'до', *выйӧн*, *выя* 'по какое-л. место' (КЭСК, 72). Суффикс удмуртского соотв. падежа *-я* [-ja], встречающийся в северных говорах и литературном языке, возводится к ф.-у. лат. *j. Этот падежный формант встречается в некоторых послелогах, ср. *дыръя* // к.-з. *дырйи* 'во время', диал. pi̯d'd'a (< *pi̯dja) 'вместо', 'за', 'в качестве кого-л.'

Происхождение показателя сравн. падежа *-ся* [-śa], встречающегося в коми-пермяцком языке и в южных диалектах коми-зырянского языка, можно объяснить двояко: а) он состоит из двух элементов *сь+а*; первый происходит от пермского суффикса исх. падежа, а второй имел значение латива, как и в к.-з. диал. ki̯ńńa, к.-п. *киня*, др.-п. ki̯ńja 'чем' (при сравнении); б) *-ся* [-śa] есть реликт какого-то послеложного корня с отделительно-сравнительным значением.

§ 55. Многие падежные суффиксы образовались из двух элементов: прап. *-lɛn, *-lзś, *-lзk, *-lań, *-lak, *-śań, *-кɛt. В первых пяти падежных суффиксах элемент -l восходит к словообразовательному суффиксу, ср. к-з. *мӧдлаӧ* 'в другое место' (*мӧд* 'второй', 'другой'),

---

[47] См. об этом подробно: D. Lakó — MSFOu. XCVIII 219—243; ALH I 75—118.

[48] Д. В. Бубрих. Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР. «Уч. зап. ЛГУ», 1948, вып. 2.

[49] Y. Wichmann — FUF XII 162; Y. Toivonen — FUF XIX 164, 226, 229.

быдлаын 'везде' (*быд* 'всякий'). Этот -l в сочетании с первичными суффиксами дает разные «составные» падежные суффиксы, а именно: суффикс род. п. *-lɛn представляет соединение элемента -l и финно-угорского суффикса локатива *-na, *-nä; так, форма mortlɛn dɛrɛm 'рубашка человека' вначале могла иметь значение 'рубашка, находящаяся около (поблизости от) человека'; суффикс притяжательного (разд.) падежа состоит из -l и прап. суффикса исх. п. -ś; дат. падеж образован от -l и ф.-у. лат. *-k, отпавшего в пермских языках (*-lsk > ls); суффикс приблизительного (направ.) падежа -laй состоит из -l и ф.-у. лат. -ń, сохранившегося в наречиях типа к.-з. *кымынь*, у. диал. kįmiй 'вниз лицом' и сложных суфф. -śaй, -laй; происхождение достиг. падежа на -la, имеющего место только в коми языках, вероятно, тождественно происхождению дат. падежа. Функцию достиг. падежа выполняет дат. падеж (*-lak > *-la). После отпадения конечного -k два падежа (дат. и достиг.) были дифференцированы огласовками: *-лы* (*-лӧ*) и *-ла*. Нет оснований считать, что гласный *а* был суффиксом латива.

Суффикс отдалительного падежа -śaй представляет собой соединение суффиксов исх. падежа -ś и финно-угорского направ. падежа -ń, впоследствии исчезнувшего в пермских языках; суффикс лишит. п. -tɛk состоит из финно-угорского каритивного суфф. *-tta и лативного суфф. -k, посредством которого образуются отглагольные имена (деепричастия) на -k-// -g- (*мыныку* // к.-з. *мунігӧн* 'когда шел', досл. 'идучи'); суффикс соед. п. *-kɛt рассматривается как исчезнувший древний послелог, который имел значение собирательности коллектива, группы, *совокупности*), ср. ф. kunta 'общество'. Ю. Вихман придерживается иной точки зрения. В окончании *-kɛt он выделяет элемент -kɛ, который считает возможным сопоставить с окончанием марийского комитатива на -kɛ, -γɔ, а вторую часть суффикса (-t) — с -t- перех. падежа[50]. Эта падежная форма встречается только в коми языках, в удмуртском языке в функции соед. падежа употребляется твор. падеж.

§ 56. Лично-притяжательные суффиксы пермских языков почти тождественны, и все они восходят к финно-угорскому языку-основе.

Ед. ч.	1 л.	-e (-ɛ) // -ɐj // ɐ	'мой' < прап. *-mз
	2 л.	-ed (-ɛd // -įd // -įt	'твой' < прап. *-tз
	3 л.	-ez (-ɛz // -įs // -įs	'его' < прап. *-sз
Мн. ч.	1 л.	-mį // -nįm // -nįm	'наш' < прау. *-mįk (прап. *-nįm)
	2 л.	-dį // -tį // -nįd // -nit	'ваш' > прау. *-tįk (прап. *-nit)
	3 л.	-zį, -sį // -nįs // -nįs	'их' < прау. *-sįk (прап. *-nįs)

Ф.-у. *-m 1-го лица ед. числа в абсолютном конце слова отпал (см. § 45), а его функция перешла на конечный гласный основы *-э* (прап. *-ɛm). Исконный *-м* [m] в 1-м лице ед. числа сохранился в некоторых падежах, например, у. *ыжме* 'мою овцу', к. *ыжнам*

[50] Y. Wichmann — FUF XVI 152—153.

'моей овцой'; в летском диалекте коми языка он сохранился также в им. падеже, например, pęč'im 'моя бабушка'. Коми суфф. *-öй* [-ęj] является уменьшительно-ласкательным суффиксом или же суффиксом звательной формы, на месте прежнего лично-притяжательного суффикса. Форма 2-го и 3-го лица ед. числа употребляется также в указательном значении в коми языках: *мортыд быдтор тöдö* 'человек-то всё знает'; *луныс гажа* 'день-то веселый'; в удмуртском языке форма 3-го лица ед. числа всегда употребляется в выделительно-указательном значении: *вылез книга* 'именно новая книга' (не какая-нибудь другая), ср. *выль книга* 'новая книга'.

В удмуртском языке во 2-м и 3-м лице мн. числа *-д* и *-з* появляются после гласных, сонорных и звонких согласных, а после глухих мы имеем *-т* и *-с*: *тӥрды* 'ваш топор', *тӥрзы* 'их топор', но *кечты* 'ваша коза', *кечсы* 'их коза'. В коми-пермяцком языке в конце продуктивных суффиксов после гласного звука вместо *-д* употребляется *-т*: *вöлыт*, ср. к.-з. *вöлыд* 'твоя лошадь', *вöлныт*, ср. к.-з. *вöлныд* 'ваша лошадь'. Определенный круг существительных удмуртского языка в ед. числе имеет огласовку *-ы* (см. Ф. § 99). См. табл. стр. 151—152.

§ 57. Из истории притяжательных суффиксов. В ед. числе еще в прапермский период конечный гласный финно-угорских суффиксов отпал: *-mз > -m, *-tз > -t, *-sз > -s. Мн. число в прапермском языке образовалось двояким способом: а) посредством суфф. -k, обозначавшего множественность обладаемых, который еще в прапермское время отпал, и в результате этого образовались современные удмуртские формы *-мы* (< *mi̯k), *-ды*, *-ты* (< *-ti̯k) *-зы*, *-сы* (< *-si̯k); б) посредством суфф. -n, обозначавшего множественность обладателей, который предшествовал притяжательному суффиксу; этот способ хорошо сохранился в коми языках (см. М. § 22, 100).

§ 58. Различают субстантивирующие суффиксы и суффиксы, не имеющие отношения к категориальному переходу. Самыми продуктивными суффиксами первой группы являются:

1) *-ись*, *-сь* || *-ысь* || *-ись* образуют отглагольные существительные: *гырись* || *гöрысь* || *гöрись* 'пахарь' от глагола *гырыны* || *гöрны* 'пахать'. Эти имена действователя по происхождению являются субстантивированными причастиями. Второй составной элемент обычно связывается с такими образованиями, как э. putoź 'положенный', мр.-в luδšo 'читающий' [51];

2) *-он*, *-н* || *-ан* образуют отвлеченные наименования действия или состояния, а также орудие и объект действия: *гырон* || *гöран* 'пахота', к. *сёян* 'еда', 'пища' (от *сёйны* 'есть'), к. *вартан* 'цеп' (от *вартны* 'молотить'). Эти имена по своему происхождению являются субстантивированными причастиями. Т. Лехтисало

---

[51] Сереб. Ист. перм. 294.

ТАБЛИЦА СОЧЕТАНИЙ ЛИЧНО-ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ СУФФИКСОВ С ПАДЕЖНЫМИ ОКОНЧАНИЯМИ

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ОБЛАДАТЕЛЬ

	'мой'	'твой'	'его'
Им.	*-э // -ӧй // -ӧ*	*-ӕд // -ыд // -ыт*	*-эз // -ыс // -ыс*
Род.	*-элэн // -ӧйлӧн // -ӧлӧн*	*-ӕдлэн // -ыдлӧн // -ытлӧн*	*-эзлэн // -ыслӧн // -ыслӧн*
Разд.	*-элэсь // -ӧйлысь // -ӧлісь*	*-ӕдлэсь // -ыдлысь // -ытлісь*	*-эзлэсь // -ыслысь // -ыслісь*
Дат.	*-элы // -ӧйлы // -ӧлӧ*	*-ӕдлы // -ыдлы // -ытлӧ*	*-эзлы // -ыслы // -ыслӧ*
Вин.	*-ме // -ӧс // -ӧс*	*-дэ, -тэ // -тӧ // -тӧ*	*-зэ, -сэ // -сӧ // -сӧ*
Твор.	*-эным // -нам // -нам*	*-эмыд // -над // -нат*	*-эныз // -нас // -нас*
Лиш.	*-этэк // -ӧйтӧг // -ӧтӧг*	*-ӕдтэк // -тӧгыд // -ыттӧг*	*-эзтэк // -тӧгыс // -ыстӧг*
Местн.	*-ам, -ям // -ам // -ам*	*-ад, -яд // -ад // -ат*	*-аз, -яз- // -ас // -ас*
Исх.	*-ысьтым // -сьым // -сим*	*-ысьтыд // -сьыд // -сит*	*-ысьтыз // -сьыс // -сис*
Вступ.	*-ам, -ям // -ам // -ам*	*-ад, -яд // -ад // -ат*	*-аз, -яз // -ас // -ас*
Направ.	*-эланьь // -ӧйланьь // -ӧланьь*	*-ӕдланьь // -ыдланьь // -ытланьь*	*-эзланьь // -ыслань // -ыслань*
Отд.	*-ысеным // -ӧйсянь // -ӧсянь*	*-ысеныд // -ыдсянь // -ытсянь*	*-ысензы // -ыссянь // -ыссянь*
Перех.	*-этӥм // -ӧдым // -ӧттям*	*-этӥд // -ӧдыд, -тіыд // -ӧттят*	*-этӥз // -ӧдыс, -тіыс // -ӧттяс*
Пред.	*-озям // -ӧдзым // -ӧдззам, -ӧви*	*-озяд // -ӧдзыд // -ӧдззат, -ытви*	*-озяз // -ӧдзыс // -ӧдззас, -ысви*
Соед.	— *-ӧйкӧд // -ӧкӧт*	— *-ыдкӧд // -ыткӧт*	— *-ыскӧд // -ыскӧт*
Достиг.	— *-ӧйла // -ӧла*	— *-ыдла // -ытла*	— *-ысла // -ысла*
Соотв.	*-эя* — —	*-ӕдъя* — —	*-эзъя* — —
Сравн.	— — *-ся*	— — *-ытся*	— — *-ысся*

Окончание

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ОБЛАДАТЕЛЬ

	'наш'	'ваш'	'их'
Им.	*-мы // -ным // -ным*	*-ды, -ты // -ныд // -ныт*	*-зы, -сы // -ныс // -ныс*
Род.	*-мылэн // -нымлӧн // -нымлӧн*	*-дылэн, -тылэн // -ныдлӧн // -ныплӧн*	*-зылэн, -сылэн // -ныслӧн // -ныслӧн*
Разд.	*-мылэсь // -нымлысь // -нымлісь*	*-дылэсь, -тылэсь // -ныдлысь // ныт-лісь*	*-зылэсь, -сылэсь // -ныслысь // -нысліс*
Дат.	*-мылы // -нымлы // -нымлӧ*	*-дылы, -тылы // -ныдлы // -нытлӧ*	*-зылы, -сылы // -ныслы // -нислӧ*
Вин.	*-мес // -нымӧс // -нымӧс*	*-ӧэс, -тэс // -нытӧ // -нытӧ*	*-зэс, -сэс // -нысӧ // -нысӧ*
Твор.	*-энымы // -наным // -наным*	*-эныды // -наныд // -наныт*	*-энызы // -наныс // -наныс*
Лиш.	*-мытэк // -тӧгным // -нымтӧг*	*-дытэк, -тытэк // -тӧгныд // -нытгӧг*	*-зытэк, -сытэк // -тӧгныс // -нистӧг*
Местн.	*-амы // -аным // -аным*	*-ады // -аныд // -аныт*	*-азы // -аныс // -аныс*
Исх.	*-ысьтымы // -сьыным // -синым*	*-ысьтыды // -сьыныд // -синыт*	*-ысьтызы // -сьыныс // -синыс*
Вступ.	*-амы // -аным // -аным*	*-ады // -аныд // -аныт*	*-азы // -аныс // -аныс*
Направ.	*-мылань // -нымлань // -нымлань*	*-дылань, -тылань // -ныдлань // -нытлань*	*-зылань, -сылань // -нислань // -нислань*
Отд.	*-ысенымы // -нымсянь // -нымсянь*	*-ысеныды // -ныдсянь // -нытсянь*	*-ысенызы // -ныссянь // -ныссянь*
Перех.	*-этӥмы // -ӧдным // -ӧттяным*	*-этӥды // -ӧдныд // -ӧттяныт*	*-этӥзы // -ӧдныс // -ӧттяныс*
Пред.	*-озямы // -ӧдзным // -ӧдззаным, -нымви*	*-озяды // -ӧдзныд // -ӧдззаныт, -нытви*	*-озязы // -ӧдзныс // -ӧдззаныс, -нысви*
Соед.	— // *-нымкӧд // -нымкӧт*	— *-ныдкӧд // -ныткӧт*	— *-ныскӧд // -ныскӧт*
Достиг.	— *-нымла // -нымла*	— *-ныдла // -нытла*	— *-нысла // -нысла*
Соотв.	*-мыя* — —	*-дыя* — —	*-зыя, -сыя* —
Сравн.	— — *-нымся*	— — *-нытся*	— — *-нысся*

этот суффикс сравнивает с марийским деепричастным суфф. -en,-эn // -эn. Имеются и другие этимологии [52];

3) *-эм, -м // -ӧм*, посредством которых от любого глагола образуется существительное, обозначающее отвлеченное действие или состояние: у. *дасям* 'заготовка' от *дасяны* 'готовить', к. *олӧм* 'жизнь' от *овны* 'жить'. Эти существительные являются субстантивированными причастиями. Суфф. -m имеет широкое распространение в финно-угорских языках (см. М. § 213);

4) *-лык // -лун* образуют от прилагательных существительные со значением отвлеченного признака: к. *лӧк* 'злой' — *лӧклун* 'злость', у. *ӟеч* 'добрый', 'хороший' — *ӟечлык* 'доброта'. Суфф. *-лун* происходит от слова *лун* 'день', -суфф. *-лык* заимствован из тюркских языков.

Из суффиксов субъективной оценки наиболее продуктивными являются:

к.-п.*-ӧк* (*-ёк*) — уменьшительный суффикс с оттенком ласкательности: *нянь* 'хлеб' — *нянёк* 'хлебец'; *кӧч* 'заяц' — *кӧчок* 'зайчик'; *к*-овый уменьшительный суффикс встречается и в удмуртском языке: у. *ныл* 'дочь' — *нылок* 'доченька', *пи* 'сын' — *пиоке* 'сынок', а также в других финно-угорских языках (ф. penikka 'щенок', peni 'собака').

Уменьшительный суффикс, содержащий элемент *к* восходит к прауральскому суфф. *-кк* [53] (см. М. § 205). Возможно, окончательное оформление коми-пермяцкого суфф. *-ок* произошло под влиянием русского языка (ср. русск. *сынок*, *пятачок*, *пенёк*);

к.-з. *-тор* со значением уменьшительности и ласкательности: от *мӧс* 'корова' — *мӧстор* 'коровушка'; *пи* 'сын' — *питор* 'сынок'. Суфф. *-тор* происходит от самостоятельного слова *тор* 'кусок', 'кусочек';

к.-з. *-шой*, к.-п. *-жуг* со значением пренебрежительности: к.-з. *пасьшой*, к.-п. *пасьжуг* 'шубенка'. Оба суффикса происходят от самостоятельных слов: *шой* 'труп', 'падаль', *жуг* 'мякина', 'обломок', ср. *жугӧдны* 'сломать', 'разбить'.

у. *-и(~-ӥ)* образует существительные с уменьшительно-ласкательным значением: *мемы* 'мамочка', *нэнӥ* 'матушка', 'маменька' (*нэнэ* 'мать'), *Иви* (< Иван) 'Иванушка', *Пети* (< Петя) 'Петенька'; свое начало этот суффикс ведет от финно-угорского языка-основы (см. М. § 197);

у. *-у(~ -ю)*, *-ук(~ -юк)*, *-уш(~ -юш)*, *-аш(~ -яш)* также с ласкательным значением: *аку* 'сестрица' (*ака* 'старшая сестра'), *дядю* (< дядя) 'дяденька' — обращение к старшему брату (*дядя* 'старший брат'), *Машук* (<Маша) 'Машенька', *Васюк* (< Вася) 'Васенька', *Варуш* (< Варя) 'Варенька', *Катюш* (< Катя) 'Катенька'; *нылаш* 'девочка, девонька' (*ныл* 'девочка'), *пияш* 'сынок' (*пи* 'сын'). Первые два суффикса весьма распространены

[52] L e h t i s a l o — MSFOu. 72, 126—128.
[53] Сереб. Ист. перм. 145.

и преимущественно употребительны с личными именами; *-ӵш (-юш)*, по всей вероятности, являются русскими заимствованиями (ср. Варюша, Катюша); последний усвоен из татарского языка.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 59. Основное лексическое ядро прилагательных пермских языков не имеет специальных суффиксов, например: *сьӧд* ‘черный’, *горд || гӧрд* ‘красный’, *лыз || лӧз* ‘синий’, *кузь* ‘длинный’. Прилагательные, выступающие в качестве определения, могут не иметь согласования в числе, но если они употреблены в функции сказуемого при подлежащем, выраженном именем существительным во мн. числе, то непременно оформляются суфф. *-эсь (-есь) || -ӧсь*: *коркаос бадзымесь || керкаяс ыджыдӧсь || керкуэз ыджытӧсь* ‘дома большие’, *кышетъёс вылесь || чышъяньяс выльӧсь || чышъяннэз вильӧсь* ‘платки новые’ и т. п. Данный суффикс имеет параллели в других финно-угорских языках (см. М. § 234).

Прилагательные пермских языков, как и других финно-угорских, в сочетании с именами существительными не изменяются, т. е. не согласуются с ними в падеже, ср. им. п. *сьӧд нянь* ‘черный хлеб’ — вин. п. *сьӧд нянез || сьӧд няньӧс* ‘черный хлеб’, дат. п. *сьӧд няньлы* ‘черному хлебу’, разд. п. *сьӧд няньлэсь || сьӧд няньлысь || сьӧд няньлісь* ‘(от) черного хлеба’, твор. п. *сьӧд нянен || сьӧд няньӧн* ‘(с) черным хлебом’ и т. д.

В удмуртском языке прилагательные, имеющие выделительно-указательные суффиксы, при склонении согласуются с именем существительным [54].

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ВЫДЕЛИТЕЛЬНО-УКАЗАТЕЛЬНЫМ СУФФ. *-ЭЗ (-ЕЗ)*

	Ед. число	Мн. число
Им.	*выл-ез* ‘новый’	*выль-ёс-ыз* ‘новые’
Род.	*вы-ез-лэн* ‘(у) нового’	*выль-ёс-ыз-лэн* ‘(у) новых’
Разд.	*выл-ез-лэсь* ‘(от) нового’	*выль-ёс-ыз-лэсь* ‘(от) новых’
Дат.	*выл-ез-лы* ‘новому’	*выль-ёс-ыз-лы* ‘новым’
Вин.	*выль-зэ* ‘новый’	*выль-ёс-сэ* ‘новые’
Твор.	*выл-ен-ыз* ‘(с) новыми’	*выл-ёс-ын-ыз* ‘(с) новыми’
Лиш.	*выл-ез-тэк* ‘без нового’	*выль-ёс-ыз-тэк* ‘без новых’
Местн.	*выл-яз* ‘в новом’	*выл-ёс-аз* ‘в новых’
Исх.	*выль-ысьт-ыз* ‘(с) из нового’	*выль-ёс-ысьт-ыз* ‘(с) из новых’
Вступ.	*выл-яз* ‘(на) в новый’	*выль-ёс-аз* ‘(на) в новые’
Направ.	*выл-ез-лань* ‘к новому’	*выль-ёс-ыз-лань* ‘к новым’,

[54] В. И. Алатырев. Выделительно-указательная категория в удмуртском языке (расширенный доклад на III Международном конгрессе финно-угроведов в г. Таллине). Ижевск, 1970.

	Ед. число	Мн. число
	'в сторону нового'	'в сторону новых'
Отд.	*выль-ысен-ыз* 'от нового'	*выль-ёс-ысен-ыз* 'от новых'
Перех.	*выл-ети-з* 'по новому'	*выль-ёс-ти-з* 'по новым'
Пред.	*выл-ёз-яз* 'до нового'	*выль-ёс-оз-яз* 'до новых'
Соотв.	*выл-езъ-я* 'по новому', 'в соответствии с новым'	*выль-ёс-ызъ-я* 'по новым', 'в соответствии с новыми'

Имена прилагательные в пермских языках имеют сравнительную и превосходную степень. Сравнительная степень образуется с помощью суфф. *-гес* (*-гем*) || *-джык* || *-жык*: *кузь* 'длинный' — *кузьгес* (*кузьгем*) || *кузьджык* || *кузьжык* 'длиннее', *выль* 'новый' — *выльгес* (*выльгем*) || *выльджык* || *вильжык* 'новее'. Суфф. *-джык* || *-жык*, имеющийся также в нижнечепецком и средневосточном [55] говорах удмуртского языка, произошел от самостоятельного слова: *ӝыг* (*джык*) 'аккуратно', 'опрятно', 'точно' (Бор.).

Происхождение удмуртского *-гем* (*-гес*) неясно, но этот суффикс имеется также в лузско-летском говоре коми языка, употребляющийся в несколько ином значении, ср. i̯ə̆i̯dge̯m 'довольно большой'. В коми языках превосходная степень оформлена префиксом *мед-*: *бур* 'хороший' — *медбур* 'самый хороший', 'наилучший'. Д. Фокош это слово возводит к *мед* 'пусть', употребляемое как усилительное (выделительное) наречие, и сопоставляет его с мс. mont 'если бы', х. mu·nt 'только что', 'недавно' [56].

Высшая степень качества прилагательных в удмуртском литературном языке не имеет суффиксальных форм. Она образуется: 1) путем повторения основ — *сьӧд-сьӧд* 'черный-пречерный', *тӧдь-тӧдь* 'белый-пребелый'; 2) сочетанием прилагательных с наречиями *туж*, *юн*, *укыр*, *ортчыт* и т. п., объединяемых общим значением 'очень', 'весьма', 'чрезвычайно': *туж ческыт* 'очень вкусный', *укыр вольыт* 'весьма гладкий', *ортчыт ӝог* 'чрезвычайно быстрый', а также со словом *самой* 'самый': *самой чебер ныл* 'самая красивая девушка'; 3) сочетанием прилагательных с усилительными словами типа *юг-юг*, *тём-тём*, *ӵыж-ӵыж* с общей семантикой 'очень', 'весьма': *тём-тём пеймыт уй* 'очень темная ночь', *ӵыж-ӵыж горд кышет* 'ярко-красный платок', 'очень красный платок'.

§ 60. Продуктивные суффиксы образования прилагательных: *-о*(*-ё*) || *-а* (*-я*) — суффикс обладания: *шундыё нунал* || *шондіа лун* 'солнечный день', *коньдоно мурт* || *деньгаа морт* 'денежный человек', *кизилиё уй* || *кодзула вой* 'звездная ночь'. Суфф. *-а* коми языков первичен и восходит к прап. *-ak. Удмуртский суфф. *-о* вторичного происхождения [57];

---

[55] Т. И. Тепляшина — ВФУ — 141—145. С. К. Бушмакин — СФУ V 64.
[56] D. Fuchs — FUF XXX 193.
[57] В. К. Кельмаков — СФУ V 134.

-тэм || тӧм — суффикс отсутствия: *сюро ыж || сюра ыж* ‘рогатая овца’ — *сюртэм ыж || сюртӧм ыж* ‘безрогая, комолая овца’. Каритивный суфф. *-тэм || тӧм* пермских языков восходит к ф.-у. -ttoma (см. М. § 246);

-эсь (-есь) || -ӧсь — суффикс частичного обладания: *виресь киос || вирӧсь кияс* ‘запачканные кровью руки’; данный суффикс восходит к ф.-у. -ś (см. М. § 234);

у. *-алэс (-ялэс)*, *-мыт* образуют прилагательные от прилагательных же и обозначают неполноту качества или признака предмета: *сьӧд* ‘черный’ — *сьӧдалэс*, *сьӧдмыт* ‘темноватый’, ‘несколько темный’, *чырс* ‘кислый’ — *чырсалэс* ‘кисловатый’; в отличие от суфф. *-алэс (-ялэс)* суфф. *-мыт* не присоединяется к прилагательным, обозначающим вкусовые свойства предметов питания; в коми языках к этому суффиксу близок по значению суфф. *-ов*, *-ёв*; *-оват*, *-ёват || -ӧв*: *гӧрдов || гӧрдӧв* ‘красноватый’, к.-з. *кузёв*, *кузёват* ‘длинноватый’;

у. *-ем* образует имена прилагательные от имен существительных, обозначающие признак по весу, возрасту, ёмкости, протяженности и т. д.: *граммъем гиря* ‘граммовая гиря’, *метръем пул* ‘метровая доска’, *аръем ыжпи* ‘годовалый ягненок’, *толэзьем план* ‘месячный план’;

у. *-эс (-ес)* образует имена прилагательные от имен существительных, наречий и глаголов, которые обозначают а) признаки внешней характеристики предмета, его наружного вида, положения в пространстве, например: *сумбырес* ‘неуклюжий’, *быгылес* ‘шарообразный’, *котырес* ‘круглый’; б) признак звуковой характеристики предмета, например: *жингырес* ‘звонкий’, *ӟазырес* ‘скрипучий’, *ӵаштырес* ‘шелестящий’; в) признаки внутренней характеристики предмета: *чупырес* ‘расторопный’, *ваменэс* ‘упрямый’, *шимес* ‘скучный’ и т. п.; суфф. *-эс* восходит к ф.-у. *-sk.

у. *-ала*, *-ло* образует имена прилагательные от наречий времени, которые обозначают темпоральные (временны́е) признаки предметов: *туэ* ‘нынче’ — *туала* ‘нынешний’, *мим* ‘прошлый год’ — *мимала* ‘прошлогодний’, *тунӥэ* ‘сегодня’ — *тунӥнала* ‘сегодняшний’, *толон* ‘вчера’ — *толло* ‘вчерашний’. Происхождение суфф. *-ала*, *-ло*, видимо, связано с ф.-у. -l.

В коми языках также имеется ряд специфических суффиксов образования имен прилагательных:

к.-з. *-са* — местно-принадлежностный суффикс, образующий имена прилагательные, обозначающие: а) относимость к какому-нибудь месту — *сыктывкарса ныв* ‘сыктывкарская девушка’, *сиктса асыв* ‘деревенское утро’; б) местонахождение предмета — *посёлокса клуб* ‘поселковый клуб’, *уличаса столбъяс* ‘уличные столбы’; в) относимость или принадлежность к чему-либо — *колхозса бригадир* ‘колхозный бригадир’, *сиктса артистъяс* ‘сельские артисты’; г) при указании месяцев «относящееся к такому времени» — *январса* ‘январский’, *февральса* ‘февральский’,

ноябрса 'ноябрьский' и др.; коми суфф. *-са* связан с у. *-эс* и восходит к ф.-у. *-sk;

-ся, -я || -ся, образующие имена прилагательные со значением относимости к какому-либо промежутку времени: к.-з. *арся лун* 'осенний день', *тӧвся рыт* 'зимний вечер', к.-п. *ойся* 'ночной', к.-з. *тулысся* 'весенний', к.-п. *тоннямся* 'относимое к вчерашнему'; суфф. *-ся* состоит из *-сь+а*; первый представляет собой эл. *-ś* с присоединением к нему *-а* — пермского суффикса обладания;

к.-з. *-і*; *-ыс, -ӧс*, образующие имена прилагательные с пространственным значением: *ув* 'низ' — *улі* 'нижний', *выв* 'верх' — *вылысь* 'верхний', *пытш* 'внутренность' — *пытшкӧс* 'внутренний';

к.-п. *-овӧй* (< русск *-овый*), образующий имена прилагательные от некоторых имен существительных со значением вещества или материала: *пу* 'дерево' — *пуовӧй* 'деревянный', *кӧрт* 'железо' — *кӧртовӧй* 'железный';

к.-п. *-ись* (*-ісь*), образующий имена прилагательные с разным значением от слов, обозначающих пространство: *выв* 'верх' — *зылісь* 'верхний', *ва* 'вода' — *ваись* 'водяной', *му* 'земля' — *муись* 'земляной'; значения коми-пермяцких суфф. *-овӧй* и *-ись* (*-ісь*) могут совпадать, ср. *ватаовӧй* и *ватаись* 'ватный', *муовӧй* и *муись* 'земляной'; суфф. *-ись* имеет одинаковое происхождение с окончанием исх. падежа;

к.-п. *-сора*, образующий имена прилагательные, указывающие на признак по примеси, смеси или состава: *ёг* 'сор' — *ёгсора* 'с сором', 'сорный', *ва* 'вода' — *васора* 'смешанный с водой', *вит* 'пять' — к.-п. *витсора* 'пятисоставной'; сложный суфф. *-сора* образован из самостоятельного слова *сор* 'состав', 'смесь' и суфф. *-а* (< прап. **-ак*);

к.-п. *-пӧвса*, образующий от количественных числительных имена прилагательные, которые указывают на признак по содержанию слоев: *ӧтік* 'один' — *ӧтпӧвса* 'однослойный', *кык* 'два' — *кыкпӧвса* 'двухслойный', *вит* 'пять' — *витпӧвса* 'пятислойный' и т. д.[58]; суфф. *-пӧвса* 'сложный': он образован от самостоятельного слова *пӧлӧс* 'сорт' и суфф. *-а* [59].

В пермских языках имеется еще ряд суффиксов малопродуктивных и непродуктивных, которые занимают большое место в словообразовании имен прилагательных.

В словарном составе всех пермских языков имеется значительное количество заимствованных прилагательных из русского языка, а в удмуртском еще из тюркских языков. Усвоенные русские прилагательные с исходом на *-ой, -ий, -ый* в удмуртском языке имеют окончания *-ой, -ей* или *-ий* (после мягких согласных основы), в коми — *-ӧй*, например: *советской || сӧветскӧй* 'советский', *колхозной || колхознӧй* 'колхозный', *внешней (политика) || внешньӧй*

---

[58] Коми-перм. 222.
[59] Сереб. Ист. перм. 218.

(*политика*) ‘внешняя (политика)’, *средней школа* || *средньӧй школа*, *общей собрание* || *общӧй собрание* ‘общее собрание’, у. *рабочий класс* || *рабочӧй класс* ‘рабочий класс’.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 61. Количественные числительные служат основой для образования всех остальных разрядов числительных.

По составу количественные числительные делятся на:

простые, состоящие из одного корня: *одиг* || *ӧтик* || *ӧтiк* ‘один’ (конечное *-иг*, *-iк* представляет собой уменьшительный суффикс; прапермская основа **δ't* возводится к более древней основе **δkt* в результате метатезы преобразованной впоследствии в **δtk* [60]; начальный *ог* в удмуртском языке встречается в словах *огнам* ‘я один’, *огнад* ‘ты один’ и т. д., *огпол* ‘однажды’, ‘один раз’, *огдырын* ‘в одно время’, ‘одновременно’, *оген* ‘в одиночку’, *огазе* ‘вместе’, досл. ‘в одно место’ и другие, в числительном *ук-мыс*, досл. ‘один до десяти’ первый компонент отражает более древнее финно-угорское состояние, ср. ф. yksi, мр. *ик*, *икте*, мс. *аква* ‘один’ и другие; *кык* ‘два’ (< доп. **käkts*, КЭСК, 151), *куинь* || *куим* ‘три’ (< доп. **kolme*, КЭСК, 128), *ньыль* || *нёль* ‘четыре’ (< доп. **nelja*, КЭСК, 189), *вить* || *вит* ‘пять’ (< доп. **witte-* или **wīte-*, КЭСК, 58; в удмуртском согласный *т* смягчился под влиянием переднерядного *и*), *куать* || *квайт* || *квать* ‘шесть’ (< доп. **kūte-*, КЭСК, 119), *сизьым* || *сизим* ‘семь’ (< доп. **se ŋć'emä*, КЭСК, 255), *дас* ‘десять’ (< иран., ср. осет. däs, КЭСК, 87), *кызь* ‘двадцать’ (< общеп. **kúź*, КЭСК, 150), *сю* || *сё* ‘сто’ (< доп. **sáta* < иран. ср. др.-инд. ṣatám, КЭСК, 252), *сюрс* ‘тысяча’ (< прап. **śurs* < иран., ср. др.-инд. sahásra, КЭСК, 275);

сложные, состоящие из двух или более корней: *куамын* || *комын* ‘тридцать’ (< прап. **kwǫ-min*, *kǫ-min* ‘три десятка’, КЭСК, 132), *ньыльдоп* || *нелямын* ‘сорок’ (дон ‘цена (в прошлом) равная десяти беличьим шкуркам’, *мын* ‘десяток’ КЭСК, 187, 189), *ситытон* || *ветымын* ‘пятьдесят’ (КЭСК, 54, 58), куатьтон (< *куать дон* ‘шесть цен’) || *квайтымын* (< *квайт-ы-мын* ‘шесть десятков’, ‘шестьдесят’, КЭСК, 119), *сизьымдоп* (< *сизьым доп* ‘семь цен’) || *сизимдас* (< *сизим дас* ‘семь десятков’, ‘семьдесят’), *тямыс* (< *кйамыс* < *кыкйамыс* ‘два десятка’) // *кдкъямыс* // *кыкъямыс* (*кык* ‘пара’, ‘два’, *мыс* ‘десять’, т. е. ‘два до десяти’) ‘восемь’, КЭСК, 140), *укмыс* // *ӧкмыс* ‘девять’ (*ук*, *ӧк* ‘один’, *мыс* ‘десять’, т. е. ‘один до десяти’); в числительных *тямыс-тон* || *кӧкъямысдас* || *кыкъямысдас* ‘восемьдесят’, *укмыстон* || *ӧкмысдас* ‘девяносто’ обозначение десятков выражено два раза: суфф. *-мыс* и *-тон* или *-дас*; принято считать, что элемент *-мыс* в прошлом употреблялся для обозначения первого десятка, а *-мын* (в словах *комын*, *нелямын*, *ветымын*, *квайтымын*) для обозначения остальных десятков;

[60] Сереб. Ист. перм. 218.

составные, состоящие из двух или более слов: *дас одйг || дас отик* ‘одиннадцать’, *сю кызь вить || сё кызь вит* ‘сто двадцать пять’ и т.д. В коми-пермяцком языке после десяти практически счет идет с помощью русских числительных.

Как и в других финно-угорских языках, имена существительные пермских языков после числительных употребляются в ед. числе: *ми куинь пи вордйм || ми быдтім куим пи* ‘мы воспитали троих сыновей’, *кык вал вайизы || кык вӧв вайисны* ‘пригнали двух лошадей’; но удмуртский язык в последнее время все чаще стремится употреблять существительные при числительном в форме мн. числа, например: *дас тракторъёс вайизы* вм. *дас трактор вайизы* ‘привезли десять тракторов’ [61].

§ 62. Порядковые числительные образуются с помощью суфф. *-этй (-етй) || -ӧд || -ӧт*, присоединяемого к количественному числительному.

Исключением для всех пермских языков является образование числительного «первый»; у. *нырысетй* ‘первый’ образовано от *нырысь* (< *ныр* ‘нос’) ‘ближайший от носа’, ‘первый’; к. *медводдза* досл. ‘самый передний’, ‘первый’. В коми языках «второй» передается словом *мӧд || мӧдік*. Остальные порядковые числительные образуются единообразно: *куим-етй || коймӧд || куим-ӧт* ‘третий’, *ныл-етй || нёль-ӧд || нёль-ӧт* ‘четвертый’ и т. д.

Суффикс порядкового числительного восходит к уральскому словообразовательному суфф. *-mt < *-mə̑+*-t, ср. ф. kolmante ‘третий’.

Коми-пермяцкие порядковые числительные свыше десяти заимствованы из русского языка, причем окончания *-ий, -ый, -ой* усвоены в форме *-ӧй*: *одиннадцатӧй* ‘одиннадцатый’, *двадцатӧй* ‘двадцатый’, *сороковӧй* ‘сороковой’ и т. д.

Порядковые числительные в роли определения по падежам не изменяются. Однако в удмуртском, если они имеют выделительно-указательный суффикс, склоняются. Парадигма склонения порядковых числительных с *-эз (-ез)* сходна с парадигмой склонения имен прилагательных с выделительно-указательным суффиксом (см. § 59).

В отличие от коми языка в удмуртском при обозначении дат употребляется конструкция, аналогичная русской, например: *23-тй февралеСоветскойАрмилэн праздникез луэ*, ср. к-з.: *февраль 23-ӧд лун — Советскӧй Армиялӧн праздник* ‘23-е февраля — праздник Советской Армии’; *Тунна, вторник, 17-тй октябрь, 1975-тй ар*, ср. к.-з. *талун вторник, октябрь 17 лун, 1975 во* ‘сегодня вторник, 17-е октября 1973 года’.

§ 63. Совместные (или совместно-собирательные) числительные образуются при помощи суфф.*-на || -нан*. Удмуртские совместные числительные в словосочетаниях употребляются лишь с притяжательными суффиксами *-мы, -ды, -зы*, например:

---

[61] См.: Гр. удм. 150.

кыкна·мы братъёс || *к.-з. кыкнан вокным* 'мы два брата'
кыкна·ды братъёс || *к.-з. кыкнан вокныд* 'вы два брата'
кыкна·зы братъёс || *к.-з. кыкнан вокныс* 'они два брата'
витьна·мы братъёс || *к.-з. витнан вокным* 'мы все пять братьев'
витьна·ды братъёс || *к.-з. витнан вокныд* 'вы все пять братьев'
витьна·зы братъёс || *к.-з. витнан вокныс* 'они все пять братьев'.

Лично-притяжательные суффиксы в коми языках присоединяются к существительному, употребляемому в ед. числе. Как и в удмуртском языке, коми количественные числительные, обозначающие единицы и десятки, употребляясь с суфф. *-нан* (ср. у.*-на*) и притяжательными суффиксами, одновременно выражают количество и лицо, т. е. прономинализуются: *кыкнанным*, ср. у. *кыкнамы* 'мы оба', 'мы двое','мы вдвоем', *нёльнанныд*, ср. у. *ньыльнады* 'вы четверо', 'вы вчетвером', *витнанныс*, ср. у. *витьназы* 'они пятеро', 'они впятером' и т. д.

Слова типа *кыкна*, *куиньна*, *витьна* и т. п. без притяжательных суффиксов первоначально имели только собирательное значение 'двое', 'с двумя', 'трое', 'с тремя', пятеро', 'с пятерыми' и т.д., затем в удмуртском языке в сочетании с притяжательными суффиксами приобрели дополнительное, совместное определенно-личное значение: *кыкнамы* 'мы двое', 'мы вдвоем', *куиньнады* 'вы трое', 'вы втроём', *витьназы* 'они пятеро', 'они впятером' и т. д.

Совместные (или совместно-собирательные) числительные удмуртского языка в качестве определения перед существительным могут стоять в сочетании с выделительно-указательным суффиксом, выступающим в этом случае в виде *-из* (вместо обычного *-эз*): *кыкнаиз киы висе*, ср. к.-з. *кыкнан киӧй висьӧ* 'обе руки болят', *куиньнаиз нылъёсыз городысь вуизы*, ср. к.-з. *куимнан нылыс карысь воисны* 'все три дочери ее прибыли из города'. В коми суфф. *-нан* второе *н* есть наращение для усиления.

Суффикс совместного числительного *-на*, вероятно, находится в генетическом родстве с элементом совместных числительных многих финно-угорских языков, ср. в. négyen, мс. nilən 'вчетвером', ф. kolmen 'втроём' и т. д. и восходит к финно-угорскому лок. *-na, *-nä (см. М. § 60).

Удмуртские собирательные числительные образуются также сочетанием числительных с послелогом *кузя* 'в. . .' или *ӵошен* 'вместе': *кык кузя* или *кык ӵошен* 'вдвоем', *вить кузя* или *вить ӵошен* 'впятером', 'пять человек вместе'. Данным сочетаниям в коми языках соответствуют формы числительных в твор. падеже, ср. *кыкӧн* 'вдвоём', *нёльӧн* 'вчетвером', *витӧн* 'впятером' и т. д. Понятие «дважды» в удмуртском языке передается словосочетанием *кыкпол* досл. 'два раза', понятие «трижды» — *куинь пол* досл. 'три раза' и т. п. В коми языках в подобных случаях употребляется числительное в форме исх. падежа: *кыкысь* 'дважды', *куимысь* 'трижды' и т. д.

§ 64. Дробные числительные. Понятие ‘половина, пол . . .’в пермских языках выражается словом *жыны || джын*. При сочетании с существительным это слово в удмуртском языке стоит впереди: *жыны ведра*, ср. к. *ведра джын* ‘полведра’, *жыны дун*, ср. к. *джын дон* ‘полцены’, *жыны нунал*, ср. к. *лун джын* ‘полдня’ и т. д. Если нужно выразить понятие ‘целое+половина’, т. е. ‘полтора’, употребляются две формы сочетания:

1) существительное в основной форме, за ним следует союз *но || да* ‘и’+слово *жыны || джын*: *дас но жыны || дас да джын* ‘десять с половиной’, *ведра но жыны || ведра да джын* ‘полтора ведра’;

2) существительное в твор. падеже ед. числа+слово *жыны || джын* в основной форме или в твор. падеже ед. числа, например: *ведраен жыны* или *ведраен жыныен || ведраён-джыныён* ‘полтора ведра’, досл. ‘ведром половиной’. Целые числа+дробные в удмуртском обозначаются так: в начале ставится слово, обозначающее целое число, затем следует слово *быдэс* ‘целый’, ‘целое’+союз *но* ‘и’,+слова, обозначающие дробные числа, например: *кык быдэс*, но *нылыль дасмос* ‘два целых и четыре десятых’ и т. д.

В отличие от коми числительных удмуртские числительные, показывающие часть целого предмета или числа, образуются при помощи суфф. *-мос*, который присоединяется к основе слова, выражающего знаменатель дроби: *куинь витьмос* ‘три пятых’, *куать дасмос* ‘шесть десятых’. Они могут иметь при себе притяжательные суффиксы: *витъ дасмосмы* ‘наши пять десятых’, *витъ дасмоссы* ‘их пять десятых’ и т. п., а также могут изменяться по падежам.

§ 65. Числительные, обозначающие примерное количество конкретных предметов, образуются путем:

1) сочетания смежных количественных числительных одного и того же разряда: *кык-куинь* ‘два-три’, ‘около двух-трех’, *нылыль-витъ* ‘четыре-пять’, ‘около четырех-пяти’, *сизьым-тямыс* ‘семь-восемь’, ‘около семи-восьми’ и т. д.; числительные меньшей величины всегда предшествуют числительным большей величины;

2) сочетания слова *ог* ‘примерно’, ‘около’, ‘приблизительно’ с соответствующим числительным: *ог дас мурт* ‘примерно десять человек’, *ог кызь машина* ‘около двадцати машин’; после аналогичных сочетаний могут следовать послелоги *мында* ‘около’, *ерос* ‘около’, ‘примерно’: *ог дас мурт ёрос* ‘примерно десять человек’. ср.: *ог кызь мында машина* ‘около двадцати машин’;

3) прибавления суфф. *-о* к числительному: *дасо минут ортчиз* ‘прошло около десяти минут’;

4) использования вопросительной частицы *-а*: *кызь кык-а кызь куинь-а ар быземез* ‘по прошло уже около двадцати двух-двадцати трех лет с тех пор, как она замужем’ (ср. коми образования с частицей *-ӧ*: *нёль-ӧ-вит морт* ‘четыре или пять человек’, ‘около четырех-пяти человек’, ‘примерно четыре-пять человек’);

5) использования показателя мн. числа *-ос* (*-ёс*), присоединяемого к имени существительному: *дас аръёс со Казаньын улӥз* ‘около десяти лет он прожил в Казани’.

Основной способ образования коми числительных приблизительного счета — постановка количественного или порядкового числительного после существительного: *морт сизим*, ср. у. *ог сизьым мурт* ‘человек семь’, *ведра дас* ‘ведер десять’ и т. д.

МЕСТОИМЕНИЯ

§ 66. По своему значению местоимения в пермских языках составляют следующие разряды: личные (собственно-личные), взаимно-личные, притяжательные, указательные, вопросительно-относительные, отрицательные, неопределенные, определительные. В коми языках еще различают усилительно-личные и обобщительно-определительные, а в удмуртских грамматиках они объединяются в один разряд определительных местоимений. В коми-пермяцкой грамматике в особый разряд выделяются так называемые противопоставительные местоимения, к которым относятся: *мӧд* (*мӧртыс*) ‘другой (человек)’, *мукӧд* ‘иной’, ‘другой’ и т. п. Так называемые счетно-личные и послеложно-личные местоимения, выделяемые в особый разряд в пермских языках, отнесены в соответствующие разделы имен числительных и послелогов.

§ 67. Личные местоимения: *мон* // *ме* ‘я’, *ми* // *ми* // *мийӧ* ‘мы’; *тон* // *тэ* ‘ты’, *тӥ* // *ті* // *тійӧ* ‘вы’; *со* // *сійӧ* // *сія* ‘он’ *соос* // *найӧ* // *нія* ‘они’. Мн. число 3-го лица в удмуртском языке *соос* образовано с помощью суфф. мн. числа *-ос*, присоединенного к основе местоимения 3-го лица ед. числа *-со-* (*со*+*ос*). В коми языках мн. число 3-го лица имеет своеобразные формы: *найӧ* // *нія*.

Личным местоимениям пермских языков свойственно особое склонение. В удмуртском языке своеобразны изменения их по падежам в 1-м и во 2-м лицах, в коми — во всех лицах.

СКЛОНЕНИЕ ЛИЧНЫХ (СОБСТВЕННО-ЛИЧНЫХ) МЕСТОИМЕНИЙ

	Ед. число	Мн. число
Им.	*мон* // *ме* // *ме* ‘я’	*ми* // *ми* // *ми*, *мийӧ* ‘мы’
Род.	*мынам* // *менам* // *менам*	*милям* // *мияӈ* // *мияӈ*
Разд.	*мынэсьтым* // *меньсьым* // *менчим*	*милесьтым* // *мияӈлысь* // *мияӈлісь*
Дат.	*мыным* // *меным*, *мем* // *меным*	*милем(лы)* // *мияӈлы* // *мияӈлӧ*
Вин.	*монэ* // *менӧ* // *менӧ*	*милемды* (*милемыз*) // *мияӈӧс* // *мияӈӧс*
Твор.	*монэн(ым)* // *меӧн* // *меӧн*	*милемын* (*милеӈымы*) // *мияӈӧн* // *мияӈӧн*
Лиш.	*монтэк* // *метӧг* // *метӧг*	*митэк* // *мияӈтӧг* // *мияӈтӧг*
Направ.	*монланьь* // *меланьь* // *меланьь*	*миланьь* // *мияӈланьь* // *мияӈланьь*

	Ед. число	Мн. число
Соед.	— // *мекӧд* // *мекӧт*	— // *миянкӧд* // *миянкӧт*
Достиг.	— // *мела* // *мела*	— // *миянла* // *миянла*
Соотв.	*монъя* // — // —	*мия* // — // —
Сравн.	— // — // *месся*	— // — // *миянся*
Им.	*тон* // *тэ* // *тэ* ‘ты’	*тӥ* // *ті* // *ті*, *тійӧ* ‘вы’
Род.	*тылад* // *тэнад* // *тэнат*	*тӥляд* // *тіян* // *тіян*
Разд.	*тынэсьтыд* // *тэнсьыд* // *тэнчит*	*тӥлесьтыд* // *тіянлысь* // *тіянлісь*
Дат.	*тыныд* // *тэныд*, *тэд* // *тэныт*	*тӥлед(лы)* // *тіянлы* // *тіянлӧ*
Вин.	*тонэ* // *тэнӧ* // *тэнӧ*	*тӥледды*, *тӥледыз* // *тіянӧс* // *тіянӧс*
Твор.	*тонэн(ыд)* // *тэӧн* // *тэӧн*	*тӥледын*, *тӥлеӈыды* // *тіянӧн* // *тіянӧн*
Лиш.	*тонтэк* // *тэтӧг* // *тэтӧг*	*тӥтэк* // *тіянтӧг* // *тіянтӧг*
Направ.	*тоналань* // *тэланьь* // *тэланьь*	*тіланьь* // *тіянланьь* // *тіянланьь*
Соед.	— // *тэкӧд* // *тэкӧт*	— // *тіянкӧд* // *тіянкӧт*
Достиг.	— // *тэла* // *тэла*	— // *тіянла* // *тіянла*
Соотв.	*тонъя* // — // —	*тійя* // — // —
Сравн.	— // — // *тэся*	— // — // *тіянся*
Им.	*со* // *сійӧ* // *сія* ‘он’	*соос* // *найӧ* // *нія* ‘они’
Род.	*солэн* // *сылӧн* // *сылӧн*	*соослэн* // *налӧн* // *ныльӧн*
Разд.	*солэсь* // *сылысь* // *сылісь*	*соослэсь* // *налысь* // *ныліс*
Дат.	*солы* // *сылы* // *сылӧ*	*соослы* // *налы* // *ныльӧ*
Вин.	*сое* // *сійӧс* // *сійӧ*	*соосты*, *соосыз* // *найӧс* // *нійӧ*
Твор.	*соин* // *сыӧн* // *сыӧн*	*соосын* // *наӧн* // *ныӧн*
Лиш.	*сотэк* // *сытӧг* // *сытӧг*	*соостэк* // *натӧг* // *нытӧг*
Направ.	*соланьь* // *сыланьь* // *сыланьь*	*сооланьь* // *наланьь* // *ныланьь*
Соед.	— // *сыкӧд* // *сыкӧт*	— // *накӧд* // *ныкӧт*
Достиг.	— // *сыла* // *сыла*	— // *нала* // *ныла*
Соотв.	*соя* // — // —	*соосъя* // — // —
Сравн.	— // — // *сысся*	— // — // *нысся*

Необходимость обозначения пространственных отношений у местоимений практически ограничена. Они обычно изменяются по субъектно-объектным падежам, но в коми языках допустимы.

История происхождения форм первого и второго лица отлична от форм третьего лица, которые, за исключением им. падежа, совпадают с формами обычных имен существительных.

Удмуртские формы 1-го и 2-го лица ед. числа личных местоимений с конечным *н* считаются более древними. Они обнаруживаются и в других финно-угорских языках. В коми языках соглас-

ный *н* в им. падеже выпал, ср. *мон || ме || ме* ‘я’, *тон || тэ || тэ* ‘ты’. Изменение конца слова пермских языков вызвало изменение корневого гласного в удмуртском. Род. падеж *мын-а-м || мен-а-м || мен-а-м* ‘у меня (имеется)’, *тын-а-д || тэн-а-д || тэн-а-т* ‘у тебя (имеется)’ представляет собой трансформацию формы местного падежа притяжательного склонения имен существительных. Коми-пермяцкая форма *тэнат* является более древней[62]. Разд. падеж (*мын-э-сьт-ым || менсьым || менчим* ‘у меня (взять)’, *тынэсьтыд || тэнсьыд || тэнчит* ‘у тебя (взять)’ образован на базе исх. падежа. Форма коми языка *менсьым*, *тэнсьыд* отражает более древнюю форму окончания исходного падежа, удмуртский сложный суфф. *-сьт* (*сь*+*т*) возник позднее[63]. Формы дат. падежа *мын-ы-м*, *|| мен-ы-м* ‘мне’, *тын-ы-д || тэн-ы-д || тэн-ы-т* ‘тебе’ состоят из древнего лативного суфф. *-ы* и усеченного варианта лично-притяжательного суфф. *-м* 1-го лица ед. числа. Вин. падеж ед. числа пермских языков (*монэ || менӧ* ‘меня’, *тонэ || тэнӧ* ‘тебя’) представляет собой основу слова. История происхождения *сое || сійӧс || сійӧ* такова: к чистой местоименной основе *со || сы*, выступающей в косвенных падежах, присоединилась выделительно-усилительная частица *-э || -ӧ*; затем между этой конечной гласной *-э || -ӧ* и конечной гласной основы для устранения зияния появился вставочный элемент *й*, под влиянием которого в коми языках *ы* перешел в *и* (*сыӧ* > *сыйӧ* > *сійӧ || сія*), в коми-пермяцком (с конечным гласным *-а*) образована из *сійӧ*[64]. В остальных падежах личные местоимения имеют сходную форму с именами существительными[65].

Формы мн. числа им. падежа у личных местоимений 1-го и 2-го лица в пермских языках совпадают: *ми || ми || ми*, *мийӧ* ‘мы’, *ти || ті || ті*, *тійӧ* ‘вы’. Варианты *мийӧ*, *тійӧ* — вторичного происхождения: их возникновение аналогично возникновению *сійӧ*.

Такое же образование коми-зырянского личного местоимения 3-го лица *найӧ*(< *на* — чистая основа — *наӧ* > *найӧ*) ‘они’. В коми-пермяцком языке форма *нія* ‘они’ (с конечным *-а*) образовалась из *нійӧ* (< *ны* — чистая основа, причем гласный *ы* перо-

---

[62] Сереб. Ист. перм. 190.

[63] См.: Сереб. Ист. перм. 185—186.

[64] Сереб. Ист. перм. 45.

[65] В отдельных местах нашей работы может встречаться некоторая терминологическая неувязка, что большей частью является следствием неупорядоченности названий отдельных грамматических категорий в существующих ныне источниках по пермским языкам. Так, наряду с разными названиями падежей в удмуртском, коми и коми-пермяцком дается разное наименование склонению существительных с лично-притяжательными суффиксами: одни называют его определенно-притяжательным склонением, другие — притяжательно-указательным, третьи — притяжательным, четвертые — определенно-личным. См. работы: П. И. Майшев. Грамматика коми-пермяцкого языка. М.—Л., 1940, стр. 27; Совр. к. яз., I 149; Коми-перм. 198; Гр. удм. I 85; Сереб. Ист. перм. 99, 7.— Такое несоответствие наблюдается также в классификации местоимений, числительных, в названиях прошедших времен и пек. др.

шел в *i* под влиянием последующего *й*); все косвенные падежи в настоящее время образуются от основы *ны-*.

Удмуртская форма 3-го лица мн. числа *соос* ‘они’ образована путем присоединения суффикса мн. числа имен *-ос* к форме ед. ч. *со* ‘он’. При склонении удмуртские личные местоимения 3-го лица как единственного, так и множественного числа не изменяют свои основы.

Формы род. падежа удмуртских личных местоимений: *милям* ‘у нас (имеется)’, *тйляд* ‘у вас (имеется)’, по мнению Б. А. Серебренникова, восходят к более древним формам mil'a, til'a, образованным из соответствующих форм местоимений mi и ti, осложненных суфф. *-ла*; mila имело значение ‘относящийся к нам’, ‘наш’, tila — ‘относящийся к вам’, ‘ваш’ [66]. Смягчение интервокального l в этом случае, по-видимому, следует объяснить влиянием предшествующего переднерядного *i* [67]. В основе современных форм *миял*, *тиял* лежат более древние образования mia, tia. Под влиянием формы род. падежа типа *воклӧн* ‘у брата’, *батьлӧн* ‘у отца’, формы tia, mia присоединили к себе в более поздний период согласный n. Как в удмуртском, так и в коми языках форма род. падежа послужила основой образования многих (а в коми языках всех) косвенных падежей.

§ 68. Взаимно-личные местоимения пермских языков характеризуются общим значением ‘взаимно друг друга’. Они употребляются при именах существительных и местоимениях, с которыми связаны по смыслу и согласуются с ними в лице и числе. Образуются путем повтора числительных *ог*, *одйг* || *ӧта* ‘один’, *мӧд* ‘другой’ с последующим наращением к ним соответствующих личных суффиксов: *ог-огмы*,*огмес(ты)-огмы*, *ог-огмес(ты)* || *ӧта-мӧдпымӧс*, *мӧда-мӧднымӧс* ‘мы друг друга’; *ог-огды*, *ог-дэс(ты)-огды*, *ог-огдэс(ты)* || *мӧда-мӧдпытӧ*, *мӧда-мӧдпытӧ* ‘вы друг друга’; *ог-огзы*, *огзэс(ты)-огзы*, *ог-огзэс(ты)* || *ӧта-мӧдӧс*, *мӧда-мӧднысӧ* ‘друг друга’, ‘они друг друга’, ‘они один другого’. В коми-пермяцком языке имеется особое взаимное местоимение *ӧтамӧд*, — употребительное в косвенных падежах и в сочетании с послелогами: *ӧтамӧдкӧт* ‘друг с другом’, *ӧтамӧдлӧ* ‘друг другу’, *ӧтамӧд попда* ‘друг за друга’ и т. п. В основе их также лежат числительные *ӧт* ‘один’ и *мӧд* ‘второй’, ‘другой’. Соединены эти слова, как и другие коми взаимно-личные местоимения, между собой элементом *-а*, восходящим к окончанию древнего локатива, который имел значение совместного падежа. С присоединением к слову *ӧтамӧд* суфф. *-ным*, *-пыт*, *-ныс* образуются коми-пермяцкие взаимно-личные местоимения: *ӧтамӧдным* ‘мы друг друга’, *ӧтамӧдныт* ‘вы друг друга’, *ӧтамӧдныс* ‘они друг друга’. Взаимно-личные местоимения имеют возможность изменяться по субъектно-объектным падежам, факультативно также в направ. падеже.

---

[66] Сереб. Ист. перм. 198.
[67] T. Uotila — NyK L 469.

При склонении удмуртских взаимно-личных местоимений изменяется только первый или второй компонент местоимений; причем, если изменяется первый компонент местоимения, то обе его составные части принимают притяжательные суффиксы мн. числа; при изменении же второго компонента первый не принимает личнопритяжательных суффиксов. В коми языках взаимно-личные местоимения склоняются как существительные, например: *найӧ мӧда-мӧднысӧ любитӧны || нія ӧтамӧднысӧ любитӧны*, ср. у. *соос ог-огзэс(ты) ярато* или *соос огзэс(ты)-огзы ярато* 'они любят друг друга'. В послеложных сочетаниях коми местоимения занимают определенное предшествующее место, в удмуртском языке послелог может становиться между сочетанием, представляющим собой взаимно-личное местоимение: *ӧта-мӧднытӧ бердӧ || ӧтамӧдныт бердӧ*, ср. у. *огды борды огды* (наряду с *ог-огды борды*) 'друг к другу'; причем оба компонента имеют одинаковые притяжательные суффиксы.

§ 69. В качестве притяжательных местоимений в пермских языках используются:

1) адъективизированные формы личных местоимений, а именно

родительного падежа:

мынам || менам 'мой (имеется)',
тынад || тэнад || тэнат 'твой (имеется)'
солэн || сылӧн 'его (имеется)';
милям || миян 'наш (имеется)',
тӥляд || тіян 'ваш (имеется)',
соослэн || налӧн || нылӧн 'их (имеется)';

разделительного падежа:

мынэсътым || менсьым || менчим 'мой (взять)',
тынэсътыд || тэнсьыд || тэнчит 'твой (взять)',
солэсъ || сылысь || сылісь 'его (взять)';
милесътым || миянлысь || миянлісь 'наш (взять)',
тӥлесътыд || тіянлысь || тіянлісь 'ваш (взять)';
соослэсъ || налысь || нылісь 'их (взять)'.

Из притяжательных местоимений своеобразие представляют образования ряда 'наш', 'ваш', 'их', ср.: род. п. *милям || миян, тӥляд || тіян, соослэн || налӧн || нылӧн*; разд. п. *милесътым || миянлысь || миянлісь, тӥлесътыд || тіянлысь || тіянлісь, соослэсъ || налысь || нылісь*.

В формах удмуртских притяжательных местоимений 1-го и 2-го лица элемент l возводится к древнему словообразовательному суфф. -la [68];

2) адъективизированные формы лично-определительных местоимений род. падежа: *аслам* 'мой', 'свой', *аслад* || к.-п. *аслат* 'твой', *аслаз || аслас* 'его', 'свой'; *асьмелэн || асланым* 'наш', *асьтэлэн || асланыд || асланыт* 'ваш', *асьсэлэн || асланыс* 'их'; разд. падежа:

[68] См.: Сереб. Ист. перм. 202.

аслэсьтым || ассьым || ассим ‘мой’, *аслэсьтыд || ассьыд || ассит* ‘твой’, *аслэсьтыз || ассьыз || ассис* ‘его’, *асьмелэсь || ассьыным || ассиным* ‘наш’, *асьтэлэсь || ассьыныд || ассиныт* ‘ваш’, *асьсэлэсь || ассьыныс || ассиныс* ‘их’;

3) чистые местоименные основы пермских языков: *мон || ме, тон || тэ, со || сы* (усеченная форма от *сійӧ*); *ми, тӥ || ті, соос || на* (краткая форма от *найӧ*) || *ны* (усеченная форма от *нія*), например: *мон киын || ме киын* ‘в моем ведении’, ‘под моим руководством’ (досл. ‘в моей руке’), *тон киын || тэ киын* ‘в твоем ведении’, *со киын || сы киын* ‘в его ведении’.

В сочетании с именами существительными притяжательные местоимения при склонении не изменяются. Исключением является вин. падеж, в котором существительное согласуется с притяжательным местоимением, ср.:

Им.	*мынам эшe || менам ёртӧй* ‘мой друг,’
Род.	*мынам эшелэн || менам ёртлӧн*
Разд.	*мынам эшелэсь || менам ёртлысь || ёртлісь*
Дат.	*мынам эшелы || менам ёртлы*
Вин.	*мынэсьтым эшмe || меньсьым || меным ёртӧс*

Удмуртские притяжательные местоимения широко употребляются с выделительно-указательными суфф. *эз* (*-ез*), *-ыз*. Они склоняются по субъектно-объектным падежам и взаимно согласуются с определяемым существительным в лице, числе и падеже: им. п. *мынамез книгае* ‘моя книга’ (а не чужая), род. п. *мынамезлэн книгаелэн* ‘у моей книги’ (а не чьей-либо), дат. п. *мынамезлы книгаелы* ‘моей книге’ (а не чьей-либо) и т. д.

В коми языках апалогичных сочетаний нет, если не считать случаи субстантивации притяжательных местоимений, образованных от личпо-определительных местоимений, которые принимают все словоизменительные особенности имен существительных. В позиции сказуемого при подлежащем во мп. числе они обычно согласуются в числе с помощью суфф. *-ӧсь*: *чемоданас чачаясыс асламӧсь || чемоданас чачазв асламӧсь* ‘в чемодане игрушки мои собственные’.

§ 70. По своему значению у к а з а т е л ь н ы е местоимения пермских языков можно подразделить на ближне- и дальнеуказательные. К ближнеуказательным местоимениям относятся: *та, таиз* (*-из* — выделительно-указательный суффикс) || *тайӧ* || *эта* ‘этот’, ‘эта’, ‘это’; *таӵе* || *татшӧм* ‘такой’. К дальнеуказательным местоимениям относятся: *со, соиз* (*-из* — выделительно-указательный суффикс) || *сійӧ* || *сія* ‘тот’, ‘та’, ‘то’; *сыӵе* || *сэтшӧм* ‘такой’.

В коми языках как ближнеуказательные, так и дальнеуказательные местоимения имеют усилительно-указательную (т. е. выделительно-указательную) разновидность, содержащую приставку *э-*, например: *тайӧ* ‘этот’ — *этайӧ, этійӧ* ‘вот этот’; *сійӧ || сія*) ‘тот’ — *эсійӧ, эсйӧ* ‘вот тот’, *татшӧм* ‘такой (в непосредственной

близости)' — *этатшӧм* 'вот такой', *сэтшӧм* 'такой (в отдалении)'— *эстшӧм*, *эсытшӧм* 'вот такой (там вдали)' и т. д.

В удмуртском языке для усиления указания на предмет употребляются частицы *тани* 'вот' и *тӥни* 'вон': *тани та* 'вот этот', *тани со* 'вот тот (та, то)', *тӥни та* 'вон этот (та, то)', *тӥни со* 'вон тот (та, то)'.

Местоимения *таӵе // татшӧм*, *сыӵе // сэтшӧм* 'такой', 'подобный' выражают указание на признак предмета; *таӵе // к.-з. татшӧм* указывают на признак предмета, находящегося в непосредственной близости от говорящего. Местоимение *сыӵе // сэтшӧм* указывает на признак предмета, находящегося на известном расстоянии от говорящего или упоминавшегося в речи ранее. Удмуртские местоимения *сыӵе*, *таӵе* могут оформляться выделительно-указательным суффиксом: *сыӵеез*, *таӵеез* '(именно) такой' (т. е. 'такой, а не другой'). Они согласуются в этом случае с определяемыми словами в числе и падеже: *сыӵеосызлы адямиослы* '(именно) таким людям'.

Удмуртское местоимение *та* восходит к древнему общеуральскому местоименному корню ta-. От корня ta- в коми языках была образована форма *тайӧ* (*таӧ* > *тайӧ*). В коми слове *татшӧм* (ср. у. *таӵе*) паращение *м* возникло по аналогии с причастными формами типа *мунӧм* 'ушедший', *босьтӧм* 'взятый' [69]. Коми местоимение *сійӧ* восходит к уральскому корню (см. М. § 11). *Сійӧ* первоначально, по всей вероятности, имело форму *сы*. В пермских указательных местоимениях сохраняются *т*-овые и *с*-овые древние элементы, причем, *т* служит для обозначения близости предмета, *с* — для указания местонахождения предмета на определенном расстоянии. Коми местоимение *сэтшӧм* образовано от основы *сэ*-; конечное *м*, как и в *татшӧм*, имеет вторичное происхождение. Удмуртское *сыӵе*, как и *таӵе*, не имеет конечного *м*.

§ 71. Вопросительно-относительные местоимения: *кин // коді // кин* 'кто', 'который'; *ма*, *мар // мый* 'что'; *кыӵе // кутшӧм*, *мыйсяма // кытшӧм* 'какой (-ая, -ое)', *кӧня // кымын // кынным* 'сколько'; *кудйз // код*, *коді*, *кымынӧд // кӧда*, *// кынымӧт* 'кто', 'который (-ая, -ое)'; *кудмы // кодным // кӧдным* 'который из нас'; *кудды // кодныд // кӧдныт* 'который из вас' и т. д.

Многие из них содержат элемент k+гласный. Удмуртское и коми-пермяцкое *кин* состоит из *ki*-основы вопросительного местоимения, свойственного многим финно-угорским и самодийским языкам, и конечного n, восходящего к уральскому местоименному суффиксу [70]. Коми *код*, *коді* также состоит из основы вопросительного местоимения kγ и элемента-d, восходящего к уральскому местоименному суфф. -t. Конечное i в слове *коді* относят к уральскому местоименному суфф. -j, который проявляется и в местоимении

---

[69] Сереб. Ист. перм. 207.
[70] См. параллели из других языков: Сереб. Ист. перм. 209.

мый и в удмуртском *ма* в косвенных падежах: *мае* (*майэ*) ‘что’ (вин. п.), *маин* (*майин*) ‘с чем’.

§ 72. Отрицательные местоимения в пермских языках образуются от вопросительно-относительных местоимений при помощи отрицательной частицы-приставки *но-* — в удмуртском языке: *нокин* ‘никто’, *нокыйе* ‘никакой’, *нокудйз* ‘некоторый’, *номыр*, *номыре* ‘ничего’; *не-* и *ни-* — в коми-зырянском: *некод* ‘никто’, *некутшӧм* ‘никакой’, *немтор* ‘ничего’, *нинӧм* и *нинӧмтор* ‘ничего’, *не-* — в коми-пермяцком: *некин* ‘никто’, *немый* ‘ничто’, *некытшӧм* ‘никакой’, *некытӧн* ‘нигде’, *некыдз* ‘никак’. Удмуртская отрицательная приставка *но-*, вероятно, финно-угорского происхождения и никакой связи с русской частицей не имеет. Коми приставка *не-* усвоена из русского языка.

§ 73. К неопределенным (неопределенно-личные в коми грамматиках) местоимениям относятся:

кин ке; *олокин* // *кодкӧ* // *кинкӧ* ‘кто-то’;

маке, *марке*, *олома*, *оломар* // *мыйкӧ*, *мыйсюрӧ* // *мыйкӧ* ‘что-то’;

у. *кудйз ке*, *олокудйз* ‘который-нибудь’; к.-з. *кодсюрӧ* ‘кое-кто’, ‘кто попало’;

к.-з. *кутшӧмкӧ*, *кутшӧмсюрӧ* // *кытшӧмкӧ* ‘какой-то’;

к.-з. *кымынӧдкӧ* // *кымынӧткӧ* ‘некоторый’;

к.-п. *кӧдакӧ* ‘который-то’;

у. *кӧня ке* // *мымдакӧ* ‘сколько-то’ и др.

Они образуются:

1) посредством постпозитивной частицы *ке* // *кӧ*: *кин ке* // *кодкӧ* ‘кто-то’ и т. п.;

2) в удмуртском языке посредством препозитивной приставки *оло-*: *олокин* ‘кто-то’, *олома*, *оломар* ‘что-то’ и т. д.

В коми-пермяцком распространено употребление неопределенных местоимений, образованных с помощью русск. *-нибудь*.

§ 74. К разряду определительных местоимений относятся лично-определительные (усилительно-личные) и обобщительно-определительные.

Лично-определительные местоимения в пермских языках: *ачим* // *ачым* ‘я сам’, *ачид* // *ачыд* // *ачыт* ‘ты сам’, *ачиз* // *ачыс* ‘он сам’, *асьмеос* // *асьным* ‘мы сами’, *асьтэос* // *асьныд* // *асьныт* ‘вы сами’, *асьсэос* // *асьныс* ‘они сами’. Лично-определительные местоимения пермских языков имеют особое склонение: в коми языках они изменяются по падежам аналогично именам существительным с притяжательными суффиксами; в удмуртском возникла смешанная парадигма, т. е. формы мн. числа в основном склоняются так же, как имена существительные без притяжательных суффиксов от вновь образованных специфических основ *асьме-*, *асьтэ-*, *асьсэ*; формы ед. числа имеют разные основы — *ас-*, *ач-* с наращением к ним личпо-притяжательного суффикса.

Предполагают, что основа *ась-*, *ач-* некогда являлась именем существительным, обозначавшим понятие «душа». Коми формы ед. числа им. падежа *ачым*, *ачыд*(*т*), *ачыс* считают древнее удмурт-

СКЛОНЕНИЕ ЛИЧНО-ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Единственное число

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Им.	*ачим // ачым // ачым*	*ачид // ачыд // ачыт*	*ачиз // ачыс // ачыс*
Род.	*аслам // аслам // аслам*	*аслад // аслад // аслат*	*аслаз // аслас // аслас*
Разд.	*аслэсьтым // ассьым // ассим*	*аслэсьтыд // ассьыд // ассит*	*аслэсьтыз // ассьыз // ассис*
Дат.	*аслым // аслым // аслым*	*аслыд // аслыд // аслыт*	*аслыз // аслыс // аслыс*
Вин.	*асме // ачымӧс // ачымӧс*	*астэ // асьтӧ // асьтӧ*	*ассэ // асьсӧ // асьсӧ*
Твор.	*асэным // ачымӧн // аснам*	*асэныд // аснад // аснат*	*асэныз // аснас // аснас*
Лиш.	*ачимтэк // астӧгым // астӧгъям*	*ачидтэк // астӧгыд // астӧгъят*	*ачизтэк // астӧгыз // астӧгъяс*
Местн.	— // *(ачымын) // (асам)*	— // *(асад) // (асат)*	— // *(асас) // (асас)*
Исх.	— // *ассьым (ачымысь) // ассим*	— // *ассьыд (ачыдысь) // ассит*	— // *ассьыс (ачысысь) // ассис*
Вступ.	— // *(ачымӧ) // (асам)*	— // *(асад) // (асат)*	— // *(асас) // (асас)*
Направ.	*ачимлань // асланьым // асланям*	*ачидлань // асланьыд // асланят*	*ачизлань // асланьыс // асланяс*
Отд.	— // *ассяньым // ассянам*	— // *ассяньыд // ассянят*	— // *ассяньыс // ассяняс*
Перех.	— // *(астіым) // (асӧттям)*	— // *(астіыд) // (асӧттят)*	— // *(астіыс) // (асӧттяс)*
Пред.	— // *(асӧдз) // (асӧдзам)*	— // *(асӧдзыд) // (асӧдзат)*	— // *(асӧдзыс) // (асӧдзас)*
Соед.	— // *аскӧдым // аскӧттям*	— // *аскӧдыд // аскӧттят*	— // *аскӧдыс // аскӧттяс*
Достиг.	— // *(асла, асымла) //* —	— // *(асыдла) //* —	— // *(асысла) //* —
Соотв.	*ачимъя //* — // —	*ачидъя //* — // —	*ачизъя //* — // —
Сравн.	— // — // *ассям*	— // — // *ассят*	— // — // *ассяс*

Множественное число

Удмуртский язык

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Им.	*асьмеос*	*асьтэос*	*асьсэос*
Род.	*асьмелэн*	*асьтэлэн*	*асьсэлэн*
Разд.	*асьмелэсь*	*асьтэлэсь*	*асьсэлэсь*

Окончание

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Дат.	*асьмелы*	*асьтэлы*	*асьсэлы*
Вин.	*асьмеды, асьмемыз*	*асьтэды, асьтэдыз*	*асьсэзы, асьсэзыз*
Твор.	*асьмемын, асьмеосын*	*асьтэдын, асьтэосын*	*асьсэзын, асьсэосын*
Лиш.	*асьметэк, асьмеостэк*	*асьтэтэк, асьтэостэк*	*асьсэтэк, асьсэостэк*
Направ.	*асьмелань, асьмеослань*	*асьтэлань, асьтэослань*	*асьсэлань, асьсэослань*

Примечание. По местным падежам удмуртские лично-определительные (или усилительно-личные) местоимения не изменяются. Исключение составляет направительный падеж.

Коми языки

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Им.	*асьным // асьным*	*асьныд // асьныт*	*асьныс // асьныс*
Род.	*асланым // асланым*	*асланыд // асланыт*	*асланыс // асланыс*
Разд.	*ассьыным // ассиным*	*ассьыныд // ассиныт*	*ассьыныс // ассиныс*
Дат.	*аслыным // аслыным*	*аслыныд // аслыныт*	*аслыныс // аслыныс*
Вин.	*асьнымӧс // асьнымӧс*	*асьнытӧ // асьнытӧ*	*асьнысӧ // асьнысӧ*
Твор.	*аснаным // аснаным*	*аснаныд // аснаныт*	*аснаныс // аснаныс*
Лиш.	*астӧгным // астӧгъяным*	*астӧгныд // астӧгъяныт*	*астӧгныс // астӧгъяныс*
Местн.	*(асаным) // (асаным)*	*(асаныд) // (асаныт)*	*(асаныс) // (асаныс)*
Исх.	*ассьыным // ассиным*	*ассьыныд // ассиныт*	*ассьыныс // ассиныс*
Вступ.	*(асаным) // (асаным)*	*(асаныд) // (асаныт)*	*(асаныс) // (асаныс)*
Направ.	*асланьным // асланяным*	*асланьныд // асланяныт*	*асланьныс // асланяныс*
Отд.	*ассяньным // ассяняным*	*ассяньныд // ассяняныт*	*ассяньныс // ассяняныс*
Перех.	*(астіным) // (асӧттяным)*	*(астіныд) // (асӧттяныт)*	*(астіныс) // (асӧттяныс)*
Пред.	*(асӧдзным) // (асӧдзаным)*	*(асӧдзныд) // (асӧдзаныт)*	*(асӧдзныс) // (асӧдзаныс)*
Соед.	*аскӧдным // аскӧттяным*	*аскӧдныд // аскӧттяныт*	*аскӧдныс // аскӧттяныс*
Достиг.	*(асьнымла) // —*	*(асьныдла) // —*	*(асьныслa) // —*
Сравн.	*— // ассяным*	*— // ассяныт*	*— // ассяныс*

ских форм с огласовкой *и*, которые получились, вероятно, в соседстве с мягкими согласными [71].

§ 75. Обобщительно-определительными местоимениями являются: у. *вань* 'весь', 'все' и производные от него неличные формы — *ваньмыз* 'все', 'всё' и личные — *ваньмы* 'мы все', *ваньды* 'вы все', *ваньзы* 'они все'; *котькин* 'каждый', 'всякий', у. *котькыӵе* 'всякий', у. *котькуд*, у. *котькудӥз* 'каждый', 'всякий', *котьма*, *котьмар* 'все', 'всё', 'что угодно', у. *быдэс* 'весь', 'целый', *мукет* 'другой'; к.-з. *став* 'весь', 'всё' и производные от него неличные формы *ставыс* 'все', 'всё', *ставӧн* 'все', личные — *ставным* 'все мы', *ставныд* 'все вы', *ставныс* 'все они', *быд* 'всякий', 'каждый', производная форма от *быд*: *быдӧн* 'все', 'каждый', *мукӧд* 'другие'; к.-п. *быд* 'всякий', 'любой', *быдӧс* 'все', *быдӧн* 'каждый' и производные от него личные формы *быдӧнным* 'все мы' *быдӧнныт* 'все вы', *быдӧнныс* 'все они'.

Местоимение *быд*, имеющееся во всех пермских языках, по всей вероятности, усвоено из древнечувашского языка [72]. Удмуртское *вань* 'весь', 'целый' этимологически связано с *вань* 'имеется', 'есть'. Приставка *коть-* в ряде удмуртских метоимений происходит от русского *хоть*: *котькудӥз*, *котькыӵеез*, *котькин* первоначально означали 'хоть какой', 'хоть кто', а затем развились значения 'каждый', 'всякий' [73].

ГЛАГОЛ

§ 76. Пермскому глаголу свойственны категории наклонения, времени, лица, числа, вида, залога. Различаются утвердительная и отрицательная формы спряжения.

В коми языках все глаголы изменяются по одному и тому же образцу. Основа слова во всех формах спряжения сохраняется без изменения, например: *мун-* 'идти', — *мун-а* 'иду', *мун-іс* 'ушел (он)', *мун-ас* 'пойдет' и т. д. В отличие от коми языка в удмуртском различают два вида спряжения. Глаголы, к основам которых в инфинитиве присоединяется окончание *-ы-ны*, *-йы-ны*, относятся к I спряжению (*пук-ы-ны* 'сидеть', *пус-йы-ны* 'отметить'), глаголы с основой на *-а-* (*-я-*), к которой присоединяется окончание *-ны*, относятся ко II спряжению (*ужа-ны* 'работать', *дася-ны* 'готовить').

В пермских языках различаются изъявительное и повелительное наклонения, в удмуртском, кроме того, имеется условное наклонение.

---

[71] Подробнее см.: Сереб. Ист. перм. 202 и далее, ср. иное мнение: Бубрих Ист. эрз. 208.
[72] Wichm. Tschuw. 45.
[73] См.: Сереб. Ист. перм. 212.

ПАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

		Утвердительная форма	*Отрицательная форма*
		I спряжение (*мынымы* 'идти')	
Ед. ч.	1 л.	*мынйсько*	*уг мынйськы*
	2 л.	*мынйськод*	*уд мынйськы*
	3 л.	*мынэ*	*уг мыны*
Мн. ч.	1 л.	*мынйськомы*	*ум мынйське*
	2 л.	*мынйськоды*	*уд мынйське*
	3 л.	*мыно*	*уг мыно*
		II спряжение (*ужаны* 'работать')	
Ед. ч.	1 л.	*ужасько*	*уг ужасьны*
	2 л.	*ужаськод*	*уд ужасьны*
	3 л.	*ужа*	*уг ужа*
Мн. ч.	1 л.	*ужаськомы*	*ум ужаське*
	2 л.	*ужаськоды*	*уд ужаське*
	3 л.	*ужало*	*уг ужало*

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

		Утвердительная форма	*Отрицательная форма*
		I спряжение	
Ед. ч.	1 л.	*мыно*	*уг мыны*
	2 л.	*мынод*	*уд мыны*
	3 л.	*мыноз*	*уз мыны*
Мн. ч.	1 л.	*мыном(ы)*	*ум мынэ*
	2 л.	*мыноды*	*уд мынэ*
	3 л.	*мынозы*	*уз мынэ*
		II спряжение	
Ед. ч.	1 л.	*ужало*	*уг ужа*
	2 л.	*ужалод*	*уд ужа*
	3 л.	*ужалоз*	*уз ужа*
Мн. ч.	1 л.	*ужаломы*	*ум ужалэ*
	2 л.	*ужалоды*	*уд ужалэ*
	3 л.	*ужалозы*	*уз ужалэ*

Различие между I и II спряжением выражается в следующем: 1) во II спряжении гласный звук словообразовательного суффикса *-ал* сохраняется во всех формах спряжения, при этом в интервокальном положении *-л-* имеется налицо, а перед согласным и в конце слова он выпадает, например: *ужало* 'работают', *юалод* 'будешь спрашивать', но *ужасько* 'работаю', *ужад* '(ты) работал',

ужа ‘работает’ и т. д. Гласный *-а* в формах I спряжения вовсе не встречается;

2) формой 3-го лица ед. числа наст. времени I спряжения является первичная основа (корень) глагола, оканчивающаяся на *-э* (*мынэ* ‘идет’), а во II спряжении эта форма состоит из корня слова, оснащенного гласным звуком *-а* суфф *-*ал* (*ужа* < *ужал* ‘работает’);

3) в качестве суффикса наст. времени в 1-м и 2-м лицах выступает *-ськ-* (*ужаськоды* ‘работаете’ *мынйсько* ‘иду’)<ф.-у. *-śk.

Формы очевидного прошедшего времени I спряжения хорошо сохранили финно-угорскую примету претеритиума *и*, которая стоит перед личным суффиксом (*мынi*, *мынйд*, *мыниз* и т. д. ‘я, ты, он пошел’), а во II спряжении этот гласный *и* исчез: *ужад* (‘ты) работал’, *ужаз* ‘(он) работал’ и т. д., лишь в 1-м лице ед. числа сохранился в виде *й*: *ужай* ‘работал (я)’. Согласный *-л-* перед суффиксом прош. времени *и* выпадает также в некоторых компидиалектах, например, *ужаi* (<*ужалi*) ‘(я) работал’, *ужаin* (<*ужалin*) ‘(ты) работал’ и т. д. В удмуртском языке развитие этого явления пошло дальше в направлении полного исчезновения не только *-л-*, но и приметы прош. времени *-и*: **ужаiд* > **ужайд* > *ужад* ‘(ты) работал’[74].

В остальных формах показатели времени, лица, числа между этими двумя удмуртскими спряжениями являются общими:

а) показатель наст. времени *-ськ-* (*-иськ-* — I спряжение и *-аськ-* — II спряжение), примета буд. времени *-о* (*мын-о*, *мын-од*, *мын-оз* ‘буду, будешь, будет идти’ — I спряжение; *ужа-ло*, *ужа-лод*, *ужа-лоз* ‘буду, будешь, будет работать’ — II спряжение;

б) показатели лица (*-д* 2-го лица, *-з* 3-го лица): *мын-од* ‘пойдешь’, *мын-оз* ‘пойдет’ — I спряжение, *ужа-лод* ‘будешь работать’, *ужа-лоз* ‘будет работать’ — II спряжение;

в) показатель мн. числа *-ы*: *мынйськод-ы* ‘идете’, *мынод-ы* ‘пойдете’, *мыноз-ы* ‘пойдут’ и т. д. — I спряжение, *ужалод-ы* ‘будете работать’, *ужалоз-ы* ‘будут работать’, *ужаськод-ы* ‘работаете’ и т. д. — II спряжение.

В праудмуртском языке было единое спряжение. II спряжение выделилось из единой системы спряжения благодаря особому поведению второго компонента (*-л*) отглагольного суфф. *-ал-*.

В абсолютном большинстве современных удмуртских диалектов этимологическое *л* сохраняется. Но имеются говоры, в которых в конце слога *л* переходит в билабиальное *w* (*тыл* > tiw ‘огонь’, *тол* > tow ‘зима’). Не исключена возможность, что в прошлом в удмуртском языке были широко распространены диалекты, в которых *л* в определенных фонетических условиях выпадал: *ужасько* ‘работаю’, *ужаськод* ‘работаешь’, *ужа* ‘работает’ — вместо ожидаемого *ужаw* мы имеем форму *ужа*, появившуюся, по-видимому, под влиянием форм 1-го и 2-го лица, в которых основой является

[74] Лытк. Ист. грамм. 62.

ужа-. На базе таких диалектов произошло формирование II спряжения удмуртского языка [75].

Коми языки (*мунны* 'идти')

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

		Утвердительная форма	*Отрицательная форма*
Ед. ч.	1 л.	*муна*	*ог мун*
	2 л.	*мунан*	*он мун*
	3 л.	*мунӧ*	*оз мун*
Мн. ч.	1 л.	*мунам // мунам(ӧ)*	*ог (огӧ, огӧй)* *мунӧй // ог (огӧ) мунӧ*
	2 л.	*мунанныд,* *мунад // мунат(ӧ)*	*он (онӧ, онӧй)* *мунӧй // од (одӧ) мунӧ*
	3 л.	*муноны*	*оз мунны // оз (озӧ)* *мунӧ*

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

Ед. ч.	1 л.	*муна*	Как в настоящем времени
	2 л.	*мунан*	
	3 л.	*мунас*	
Мн. ч.	1 л.	*мунам // мунам(ӧ)*	Как в настоящем времени
	2 л.	*муннаныд, мунад // мунат(ӧ)*	
	3 л.	*мунасны // мунасӧ*	

Наряду с указанной формой буд. времени в коми языках употребляется еще аналитическая. Она образуется путем использования глагола *кутны* 'держать', 'хватать'. В соединении с инфинитивом этот глагол, выступающий в вспомогательной роли, приобретает значение 'начать', 'начинать'. Изменяется по лицам только вспомогательный глагол: *кута сӧйны* 'буду есть', 'покушаю', *кутан сӧйлы* 'будешь есть', 'покушаешь', *кутас сӧйны* 'будет есть', 'покушает' и т. д. Форма аналитического буд. времени, как правило, имеет значение русского буд. времени несовершенного вида.

§ 77. В финно-угорском языке-основе не было особых форм для выражения буд. времени, форма наст. времени выражала также будущее действие (см. М. § 136). Пережитки такого состояния мы видим в современных коми языках, где формы наст. и буд. времени совпадают и теперь: в отрицательном спряжении во всех лицах, в утвердительном спряжении в 1- и во 2-м лицах; в прошлом совпадение было и в 3-м лице, так, в языке стефановских письмен формы на *-ас* и *-ӧ* смешались, в удорском диалекте коми языка и в настоящее время с одними глаголами употребляется один фор-

[75] В. И. Лыткин. Происхождение 2-го спряжения удмуртского языка. «Mélanges offerts á Aurelien Sauvageot pour son soixante-quinezième anniversaire». Budapest, 1972, стр. 185—188.

мант, а с другими — другой (ki̯lę 'слышит', но adǯ'as 'видит' (см. Ф. § 97).

В отличие от коми языка в удмуртском формы 1-го и 2-го лица наст. времени содержат суфф. *-иськ*, *-ськ*, происходящий от словообразовательного суфф. *-сь* со значением повторно-длительного действия[76] с прибавлением согласного *-к*[77]: *мын-йськ-о* 'иду', *быз-иськ-од* 'бежишь'; *ужа-ськ-ом(ы)* 'работаем', *гажа-ськ-од(ы)* 'уважаете' и т. д. Первый компонент данного суффикса в этом значении широко употребителен в удорском диалекте коми языка, например: sija otč'ot gižśę 'он пишет отчет', т. е. 'находится он в длительном состоянии оформления отчета'; munśę 'идет', т. е. 'находится он в длительном состоянии движения', ср. gižę 'пишет', munę 'идет', обозначающие действие без указания на его длительность. Удмуртские формы на *-ськ-* послужили базой для создания особой формы наст. времени в целях отделения ее от прежней формы, имевшей одновременно значение и буд. времени.

Формы 1-го и 2-го лица наст. и буд. времени коми языков совпадают; 3-е лицо наст. времени представляет первичную основу слова, форма мн. числа у. *мын-о* 'идут' является основой формы настояще-будущего времени, а в коми языках элемент *-ны* (*мунö-ны* 'идут') является древним показателем мн. числа (см. М. § 22).

В прапермском языке показателем настояще-будущего времени был суфф. *-а, перешедший в удмуртском в -о. Прапермский -*а первоначально был причастным суффиксом, восходящим к финно-угорскому причастию на -*pγ (mзnapγ > mзnap 'идущий'[78]). Данный показатель времени (к. *а*, у. *о* (< *-*а*) сохранился во всех формах современного буд. времени. Другой древний (прафинно-угорский) показатель настояще-будущего времени пережиточно сохранился в отрицательной форме спряжения в виде *-г*, который восходит к ф.-у. *-k (см. М. § 137).

§ 78. Личные суффиксы глагола, как и лично-притяжательные суффиксы, происходят от личных местоимений (см. М. § 100, 172). В пермских языках личные суффиксы глагола претерпели большие изменения еще в прапермскую эпоху.

Типичными суффиксами в прапермский период были для 1-го лица -m, 2-го — -t и -n и для 3-го лица — -s, которые (кроме 1-го лица) хорошо сохранились в современных пермских языках, в особенности в парадигме спряжения буд. времени. В них произошли следующие изменения: показатель 1-го лица ед. числа суфф. -m в абсолютном конце слова отпал, но он встречался еще в стефановских записях XIV в., т. е. в древнекоми языке. Суфф. -m (1 л.) просле-

---

[76] Szinny. FgrSprw². 106; Сереб. Ист. перм. 238.
[77] Бубрих. Ист. фонетика удм. 90.
[78] E. Setälä — JSFOu. II 85; см. также примечание 21 В. И. Лыткина в кн.: Бубрих. Морф. фин. 179; M. Kővesi. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest, 1965, стр. 30—64. — О переходе прапермского суффиксального -*а в удмуртском -о см.: В. И. Лыткин — MSFOu, 150, стр. 205.

живается и в других финно-угорских языках (см. М. § 170—172). Во мн. числе -m сохраняется последовательно, так как он был прикрыт гласным звуком, оставшимся после отпадения показателя мн. числа -*k: (*mзnamзk > mзnamз > у. *мынйсько-мы*, к. *муна-м* 'идем'.

Во 2-м лице было два суффикса: -t и -n; первый из них характерен для удмуртского языка, а второй — для коми языков. Суфф. *-t (< ф.-у. *-tγ) сохранился в удмуртском и в форме 2-го лица мн. числа коми-пермяцкого языка: *мунат(ö)*, в отрицательном глаголе *öд* (*-д* < -t) *мунö*, у. *уд мынйське* 'вы не идете'; во 2-м лице коми-пермяцкого повелительного наклонения мн. числа отрицательного глагола: *эдö*; во 2-м лице мн. числа настоящего времени др.-к. *-адныд*; n-овый суффикс характерен для 2-го лица отрицательного глагола *эн* || *эн*, *энö* || *эн*. В прапермскую эпоху раннего периода, вероятно, употреблялись оба суффикса, впоследствии *-t*(> у. *-d*) закрепился в парадигме удмуртского и во мн. числе коми-пермяцкого спряжений, а -n — в парадигме коми-зырянского языка.

Суффиксом 3-го лица был -s, восходящий к указательному местоимению (см. М. § 172). Он хорошо сохранился в формах буд. времени.

Формы мн. числа образовались с помощью финно-угорского суфф. *-k, который в абсолютном конце слова пермских языков впоследствии отпал: *mзnamзk > *mзnamз > *мыном(ы)* || *мунам*, диал. munamg || *мунам(ö)*; *mзnatзk > *mзnatз > *мыноды* || диал. munad || *мунат(ö)*; *mзnasзk > *mзnasз > *мынозы* || к.-п. *мунасö*.

Во 2- и 3-м лице коми-зырянского языка мн. число образуется с помощью прафинно-угорского суфф. *-n: *мунан-н-ыд* (*-д* — второй показатель 2-го лица), *мунас-н-ы*.

Древние показатели лица сохранились в некоторых формах вспомогательных отрицательных глаголов: у. *ум* (1 л. мн. ч.), *уд* (2 л. ед. и мн. ч.), *эн* — 2-го лица повелительного наклонения, *уз* || *оз* — 3-го лица повелительного наклонения, *уг* || *ог* — настояще-будущего времени.

§ 79. Различают две основные формы прошедших времен в пермских языках: очевидное и неочевидное прошедшие времена.

ОЧЕВИДНОЕ ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Удмуртский язык

		Утвердительная форма	*Отрицательная форма*
		I спряжение	
Ед. ч.	1 л.	*мынй*	*öй мыны*
	2 л.	*мынйд*	*öд мыны*
	3 л.	*мынйз*	*öз мыны*

Мн. ч.	1 л.	*мынйм(ы)*	*ӧм мынэ(лэ)*
	2 л.	*мынйды*	*ӧд мынэ(лэ)*
	3 л.	*мынйзы*	*ӧз мынэ(лэ)*

II спряжение

Ед. ч.	1 л.	*ужай*	*ӧй ужа*
	2 л.	*ужад*	*ӧд ужа*
	3 л.	*ужаз*	*ӧз ужа*
Мн. ч.	1 л.	*ужам(ы)*	*ӧм ужалэ*
	2 л.	*ужады*	*ӧд ужалэ*
	3 л.	*ужазы*	*ӧз ужалэ*

Коми языки

		Утвердительная форма	***Отрицательная форма***
Ед. ч.	1 л.	*муні*	*эг мун*
	2 л.	*мунін*	*эн мун*
	3 л.	*муніс*	*эз мун*
Мн. ч.	1 л.	*мунім // мунім, мунімӧ*	*эг (эгӧ, эгӧй) мунӧй // эг (эгӧ) мунӧ*
	2 л.	*мунінныд // муніт, мунітӧ*	*эн (энӧ, энӧй) мунӧй // эд (эдӧ) мунӧ*
	3 л.	*муніспы // мунісӧ*	*эз мунны // эз (эзӧ) мунӧ*

Признаком очевидного прош. времени служит суфф. *-и* [i], который восходит к прафинно-угорскому -j (см. М. § 140, 141). Личные суффиксы и суффикс мн. числа тождественны с соответствующими суффиксами настояще-будущего времени и имеют то же происхождение.

Показателем очевидного прош. времени отрицательного глагола в удмуртском языке выступает гласный *ӧ* (I спряжение), в коми языках — *э* (< др.-к. **ę*). Происхождение этих гласных с необычным соответствием между удмуртским и коми языками (*ӧ // э*) *неясно. Возможно, в прапермском языке была форма с* узким гласным в первом слоге и с широким — во втором; затем под влиянием гласного второго слога гласный первого слога в удмуртском языке расширился до *ӧ* (*ę* < **ǫ́*), а в коми языках — до *э* (*е* < **ę*), ср.: мр. *ыш* (3 л. ед. ч.), м. *изь*; в повелительной форме результаты расширения в пермских языках совпали (*эн* < **ęn*), ср. мр. *ида* (2 л. мн. ч), э. *иля* (КЭСК 331).

Б. А. Серебренников дает другое объяснение: показатель прош. времени -i с конечным гласным основы образовал дифтонг (-oi), который мог стянуться в -e, в удмуртском это -e расширилось в -*ę*[79]. Древний показатель прош. времени -i действительно сохранился в 1-м лице ед. числа удмуртского языка в виде -j (*ӧй мыны* ʿя не

[79] Сереб. Ист. перм. 288.

шел', *öй ужа* 'я не работал'). Видимо, -і когда-то был и в других формах отрицательного глагола, но выпал, как и в формах прош. времени II спряжения утвердительной формы, ср. *малпай* 'я думал', но: *малпад* 'ты думал', *малпаз* 'он думал' и т. д.

НЕОЧЕВИДНОЕ ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Удмуртский язык

		Утвердительная форма	*Отрицательная форма*
		I спряжение	
Ед. ч.	1 л.	*мынйськем*	*öвöл мынйськем, мынымтэ(е)*
	2 л.	*мынэм(ед)*	*öвöл мынэм(ед), мынымтэ(ед)*
	3 л.	*мынэм(ез)*	*öвöл мынэм(ез), мынымтэ(ез)*
Мн. ч.	1 л.	*мынйськеммы*	*öвöл мынйськеммы, мынымтэ(мы)*
	2 л.	*мынйллям(ды)*	*öвöл мынйллям(ды), мынымтэ(ды)*
	3 л.	*мынйллям(зы)*	*öвöл мынйллям(зы), мынымтэ(зы)*
		II спряжение	
Ед. ч.	1 л.	*ужаськем*	*öвöл ужаськем, ужамтэ(е)*
	2 л.	*ужам(ед)*	*öвöл ужам(ед), ужамтэ(ед)*
	3 л.	*ужам(ез)*	*öвöл ужам(ез), ужамтэ(ез)*
Мн. ч.	1 л.	*ужаськемы*	*öвöл ужаськеммы, ужамтэ(мы)*
	2 л.	*ужаллям(ды)*	*öвöл ужаллям(ды), ужамтэды*
	3 л.	*ужаллям(зы)*	*öвöл ужаллям(зы), ужамтэзы*

Коми языки

		Утвердительная форма	*Отрицательная форма*
Ед. ч.	1 л.	—	—
	2 л.	*мунӧмыд // мунӧмыт, мунӧмат*	*абу мунӧмыд // абу мунӧмыт, абу мунӧмат*
	3 л.	*мунӧма // мунӧм, мунӧма*	*абу мунӧма // абу мунӧм(а)*
Мн. ч.	1 л.	—	—
	2 л.	*мунӧмныд // мунӧмаӧт*	*абу мунӧмныд // абу мунӧмась, абу мунӧмныт*
	3 л.	*мунӧмаӧ̈ъ // мунӧмась*	*абу мунӧмаӧсь // абу мунӧмась*

В форме 1-го лица неочевидного прош. времени присутствует суфф. *-ськ*, свойственный только 1- и 2-му лицу удмуртского языка наст. времени. Конечное *-м* есть пережиток прап. **-т*. Формы 2- и 3-го лица ед. числа совпадают с причастиями на *-м*. Во мн. числе 2- и 3-го лица используется суффикс многократного

значения (*-лл-* < *lj). С суфф. *-лй* [-lj-] широко распространены глаголы многократного вида современных кильмезских говорах.

По мнению Б. А. Серебренникова, неочевидного прош. времени (по его терминологии: перфекта) в прапермском языке не было. Оно образовалось в удмуртском и коми языках самостоятельно [80] Параллельно употребительные формы отрицательного спряжения удмуртским литературным языком усвоены синтетические (на *-мтэ*) из южных диалектов, аналитические (*ӧвӧл мынэм*) — из северных. Отрицательные формы на *-мтэ* семантически и по форме связаны с отрицательными причастиями на *-мтэ* и осложнены соответствующими притяжательными суффиксами. Отрицательное слово *ӧвӧл* этимологически связано с к. *абу* 'нет' и *вӧлі* 'было': *абу вӧлі* > *абвӧл* > *ӧбвӧл* > *ӧбӧл* > *ӧвӧл*. В завятских говорах и теперь произносят ebów < ebol, бес. evol, evol 'нет'.

В противоположность очевидному прош. времени, выражающему протекание действия в прошлом, до момента речи, неочевидное прошедшее в пермских языках обозначает результат совершившегося действия. Очевидное прошедшее, как правило, обозначает такое действие, очевидцем которого был или как будто был сам говорящий. Неочевидное прошедшее употребляется для обозначения действий, очевидцем и участником которых говорящий не был. Об этих действиях он говорит по их результатам или со слов других [81].

В коми спряжении неочевидного прош. времени формы 1-го лица нет; во 2- и 3-м лице, аналогично удмуртским, сходные образования с причастиями. Параллельные формы на *-ӧм* и *-ӧма* [82] широко распространены в коми диалектах. В сысольском диалекте коми-зырянского языка также известна форма на *-ӧм* во 2-м лице; мн. число образуется с помощью суфф. *-ны* (*мунӧмны* 'они, оказывается, ушли'). В коми-пермяцкой парадигме 2-е лицо последовательно сохраняет древний *т*-овый личный суффикс; в коми-зырянском он озвончился.

§ 80. Повелительное наклонение 2-го лица ед. числа в пермских языках представляет собой основу глагола: *мын* || *мун* 'иди', *сёт* || *сет* 'отдай', 'дай', у. *ве· ра* 'скажи', *го·жьыа* 'пиши', 'записывай'.

Показателем повелительного наклонения во мн. числе является суфф. *-э* (*-е*) || *-ӧй* || *-ӧ*: *мы·нэ* || *мунӧй* || *мунӧ* 'идите', *пы·ре* || *пырӧй* || *пырӧ* 'войдите', 'входите'. К суфф. *-э* (*-е*) в удмуртском языке нередко прибавляется суфф. *-лэ*: *мы·нэлэ*, *пы·релэ*. Удмуртская форма повелительного наклонения от глаголов II спряжения образуется с обязательным присутствием окончания *-лэ*: *ве·ралэ* 'скажите', *го·жъялэ* 'пишите', 'записывайте', *у·жалэ* 'работайте'.

Отрицательная форма образуется при помощи частицы *эн*: *эн ну* 'не неси', 'не носи', *эн пыр* 'не входи', *эн ветлы* 'не ходи'.

---

[80] Серед. Ист. перм. 259.
[81] См.: Гр. удм. 205.
[82] ССКЗД 477.

Мн. число повелительного наклонения от глаголов II спряжения в удмуртском языке также имеет элемент *-лэ*: *эн ве·ралэ* 'не говорите', *эн го·жъялэ* 'не пишите', *эн у·жалэ* 'не работайте'.

Повелительное наклонение 3-го лица образуется с помощью частицы *мед* 'пусть' в утвердительной форме: *мед ваёз* || *мед ваяс* 'пусть принесет', *мед мыноз* || *мед мунас* 'пусть идет', 'пусть пойдет', *мед сиоз* || *мед сёяс* 'пусть покушает'. В отрицательной форме 3-е лицо удмуртского языка имеет частицу *медаз* 'пусть не' : *медаз мы· нэ* 'пусть не ходят', *медаз си* 'пусть не ест'. В коми языке в этом случае приказание, просьба передается описательно: *мед ог лок* 'пусть не ходит', 'пусть не приходит'.

Согласный *-й* (*пырӧй*, *мунӧй*), встречающийся в коми языке и отсутствующий во многих диалектах, появился под влиянием звательной формы существительных типа *ёртӧй* 'мой друг'. Формы 3-го лица повелительного наклонения являются формами буд. времени. Древний прауральский k-овый императивный суффикс в пермских языках утрачен, поэтому форма повелительного наклонения совпала с основой глагола [83]. Следы прафинно-угорского *-n в пермских языках Т. Э. Уотила находит в формах 2-го лица ед. числа отрицательной частицы *эн* [84].

§ 81. В отличие от коми языков в удмуртском имеется у с л о в н о е н а к л о н е н и е, которое образуется присоединением суффикса *-сал* к основе глагола: *мын-ы-сал* 'я пошел бы', *пук-ысал* 'ты посидел бы', *вера-сал-мы* 'мы сообщили бы'.

		Утвердительная форма	*Отрицательная форма*
		I спряжение	
Ед. ч.	1 л.	*мынысал*	*ӧй мынысал*
	2 л.	*мынысал(ыд)*	*ӧй мынысал(ыд)*
	3 л.	*мынысал(ыз)*	*ӧй мынысал(ыз)*
Мн. ч.	1 л.	*мынысалмы*	*ӧй мынысалмы*
	2 л.	*мынысалды*	*ӧй мынысалды*
	3 л.	*мынысалзы*	*ӧй мынысалзы*
		II спряжение	
Ед. ч.	1 л.	*ужасал*	*ӧй ужасал*
	2 л.	*ужасал(ыд)*	*ӧй ужасал(ыд)*
	3 л.	*ужасал(ыз)*	*ӧй ужасал(ыз)*
Мн. ч.	1 л.	*ужасалмы*	*ӧй ужасалмы*
	2 л.	*ужасалды*	*ӧй ужасалды*
	3 л.	*ужасалзы*	*ӧй ужасалзы*

Прафинноугорский (и прауральский) признак условного наклонения *-пе в пермских языках не обнаруживается.

Происхождение суфф. *-сал* удмуртского языка связано с суффиксом деепричастия *-са*+*вал* 'был', 'было'; в результате утери

[83] Сереб. Осп. 142.
[84] T. U o t i l a — FUF XXVI 121—124.

частицы *вал* остался элемент *л* [85]. Имеется предположение, что эта форма образована на основе древнего финно-угорского суффикса имен действия (?) *-ś с прибавлением к нему вспомогательного глагола *вал* 'было' [86], с чем трудно согласиться.

§ 82. От глагольных основ с помощью суффиксов в пермских языках формируются глаголы с залоговыми и видовыми значениями [87]. Многие из этих суффиксов в удмуртском и коми языках по своим значениям не совпадают, и вместе с тем в одном и том же значении употребляются совершенно разные суффиксы.

Близкие или совпадающие в некоторых своих значениях такие: *-т, -д || -тӥ, -дӥ, -ӧд*, образующие глаголы понудительного залога, которые показывают, что действие совершается через чье-либо посредство путем просьбы, требования, принуждения: *пырыны || пырны* 'зайти', 'войти' — *пыртыны || пыртны || пыртны* 'занести', 'завести'; часть глаголов понудительного залога выражает переходное действие, совершаемое непосредственно самим деятелем (грамматическим лицом): *пуксьыны* 'сесть' — *пуксьытыны || пуксьӧдны || пуксьӧтны* 'посадить', *синтыны || чинны* 'убыть', 'уменьшиться' — *синтыны || чинтыны* 'убавить', 'уменьшить'; другая часть глаголов понудительного залога выражает переходное действие, совершаемое через посредство другого лица, которое иногда упоминается в форме косвенного дополнения, а иногда и не упоминается: *вурыны // вурны* 'шить', 'сшить' — *вурытыны // вурӧдны* 'сшить путем отдачи на сторону', 'попросить сшить'; *ужаны || уджавны* 'работать' — *ужатыны || уджӧдны* 'привлекать к работе', 'вовлекать в работу', 'заставлять, принуждать, побуждать работать'. Суффиксы понудительного залога превратились также в средство образования переходных глаголов от непереходных [88], ср. *ышыны || вошны* 'потеряться' — *ыштыны || воштыны* 'потерять', у. *вырыны* 'шевелиться' — *вырытыны* 'шевелить'. Суффикс *-т || -д, -ӧд* восходит к ф.-у. *-tt (см. М. § 251);

у. *-экт-, -ыкт-*, образующий глаголы понудительного залога: *валаны* 'понимать' — *валэктыны* 'поучать'; *берганы* 'вертеться' — *берыктыны* 'перевернуть'. Начальный гласный суфф. *э-, ы-* есть позднее приобретение, *-к-* < ф.-у. *-kk-*, *-т-* < ф.-у. *-tt; *-ськ- (-аськ-, -иськ-), -ск- || -сь, -ась, -ӥ, -зь*, образующие глаголы возвратного залога, которые показывают на замкнутость действия в самом субъекте, обращенность действия на субъект или взаимное действие нескольких лиц: *дӥсяны || пасьтавны* 'одеть' — *дӥсясьтыны || пасьтасьны* 'одеваться', *пумитаны || паныдавны || пантавны* 'встретить' — *пумитасьтыны || паныдасьны || пантасьны* 'встретиться', *сутыны || сотны* 'жечь' — *сут-*

---

[85] Сереб. Ист. перм. 29.
[86] И. В. Тараканов — ВФЯ IV 208.
[87] В научной литературе о пермских языках существует мнение, согласно которому вид и залог являются вполне оформившимися грамматическими категориями, см.: Совр. к. яз. 221—239, Коми-перм. 256—273 и др.
[88] В. И. Лыткин — Зап. УдНИИ XVIII 96.

скыны // *сотчыны* ‘сжечься’, ‘сжигаться’, к. *велӧдны* ‘учить’ — *велӧдчыны* ‘учиться’; *люкыны* // *юкны* ‘делить’ — *люкисьӧкыны* // *юксьыны* ‘делиться’. Удмуртский суфф. — *-ськ-* восходит к финно-угорскому *-śk* [89], коми суфф. *-сь-* — к ф.-у.*-ś [90]. Коми *-ч-* позднего происхождения, возник из звукосочетаний *tś*, *dś*;

-ыл- (I спряжение), *-лля-* (II спряжение) // *-л-*, *-ал-*, *-ав-*, *-ыл-*, *-ыв-*, *-ывл-*, *-лывл-*, *-лав*, образующие глаголы: а) временно́го вида, означающего ограниченное во времени действие: *вуыны* // *воны* ‘прийти’ — *вуылыны* // *волыны* ‘прийти на время’, *сётыны* // *сетны* ‘дать’, ‘отдать’ — *сётылыны* // *сетлыны* ‘дать на время’; б) многократного вида, выражающего действие, состоящее из ряда временны́х или однократных действий, совершающихся с теми или иными перерывами: *вуыны* // *воны* ‘прийти’, ‘прибыть’ — *вуылыны* // *волывлыны* ‘приходить много раз’, *вайыны* // *вайны* ‘принести’ — *вайылыны* // *вайывлыны* ‘приносить не раз’, *сетыны* // *сетны* ‘дать’, ‘отдать’ — *сётылыны* // *сетлывлыны* ‘давать неоднократно (давать несколько раз и брать обратно)’; у. *кырӟаны* — *кырӟалляны* ‘петь неоднократно’, ‘петь время от времени’, ‘иногда петь песню’, *юаны* ‘спросить’ — *юалляны* ‘спрашивать неоднократно, спрашивать не раз, спрашивать время от времени’; в) разбросанного вида, который выражает действие, производимое многими субъектами или касающееся многих объектов и происходящее во времени рассредоточенно: к. *локны* ‘прийти’ — *локтавны* ‘приходить’, ‘собираться (о многих)’, *кувны* ‘умереть’ — *кулавны* ‘умирать’, ‘повымирать’; г) длительного вида, выражающего действие, протекающее в течение длительного времени: к. *ӧшавны* ‘висеть’, *пукавны* ‘сидеть’, *сулавны* ‘стоять’;

л-овый суффикс уральского происхождения [91]; у. *-лля*, как и многие другие варианты *л*-ового суффикса, по своему составу сложный, возник из *-*лйа*: *вераллялы* < *вералйаны* ‘сообщать’, ‘говорить неоднократно’ — результат прогрессивной ассимиляции с предшествующим смягчением перед *й*.

-ышт, образующий глаголы однократного (уменьшительного) вида: у. *копаны* ‘копать’ — *копыштыны* ‘копнуть’, *нюлыны* ‘лизать’ — *нюлыштыны* ‘лизнуть’; к. *сетны* ‘дать’ — *сетыштны* ‘дать немножко’, *шонтыны* ‘греть’ — *шонтыштны* ‘погреть’, *юны* ‘пить’ — *юыштны* ‘попить’. В коми языках этот суффикс весьма продуктивен, употребляется почти со всеми глаголами, а в удмуртском употребляется лишь с небольшим кругом глаголов. В коми-зырянском суфф. *-ышт* квалифицируется как суффикс, образующий уменьшительный вид [92], в коми-пермяцком он обозначает завершенность, законченность, а также мгновенность действия и действие в малой мере [93], причем, если *-ышт* употреб-

[89] D. Fokos-Fuchs — KSz, 14, стр. 120.
[90] Сереб. Ист. перм. 324—327.
[91] T. Lehtisalo — MSFOu. LXXII, стр. 169.
[92] См.: Совр. к. яз. I 222.
[93] Коми-перм. 257.

ляется для обозначения завершенности, законченности, то ударение падает на суффикс: *сёйы́штны* ‘все съесть’ — *сёйы́штны* ‘закусить’, ‘немножко поесть’, *сетыштны* ‘додать’ — *сётыштны* ‘дать немножко’. Суфф. *-ышт* восходит к допермскому времени; в финском языке ему соответствует -aht-, выражающий обычно мгновенное действие [94];

-з-, *-ч-*, *т-*, *-лт-* // *-зь-*, *-дз-*, *-сь-*, *-м-*, образующие глаголы недлительного, однократного, законченного вида: *лобыны* // *лэбны* ‘лететь’ — *лобзыны* // *лэбзьыны* ‘полететь’, *вырыны* // *вёрны* ‘двигаться’ — *вырзыны* // *вёрзьыны* ‘тронуться’, ‘двинуться’, у. *шоканы* ‘дышать’ — *шокчыны* ‘вздохнуть’, у. *гожъяны* ‘писать’ — *гожтыны* ‘написать’, ‘записать’, у. *ишканы* ‘рвать’ — *ишкалтыны* ‘вырвать’, у. *сэзьяны* ‘встряхивать’ — *сэзьялтыны* ‘встряхнуть’; к. *тшыкны* ‘испортиться’, ‘портиться’ — *тшыксьыны* ‘испортиться’ (стать негодным), к. *ковны* ‘быть нужным’ — *ковмыны* ‘понадобиться’ [95]. Коми суфф. *-зь-*, *-дз-*, *-сь-*, *-м-* характеризуются как суффиксы начинательного вида [96].

В качестве суффиксов видового значения при сопоставлении с другими в какой-то мере могут восприниматься также некоторые другие суффиксы. Суфф. *-з-*, *-ч-* // *-зь-*, *-дз-*, *-сь-* восходят к финно-угорскому **-s*; суфф. *-т-*, свойственный удмуртскому языку (который употребляется для выражения однократного действия), возводится к прауральскому суфф.**-tt*; *-лт-* — сложный по своему составу: *-л* имеет значение однократности, мгновенности действия, *-т-* — суффикс однократности действия и восходит к допермскому периоду, он встречается в марийском и в некоторых коми говорах [97].

Разграничение кратковременного и повторяющегося или длительного действия в коми языках более четкое, чем в удмуртском. Так, в удмуртском языке *потаны* имеет значение ‘выходить неоднократно, каждый раз’ и ‘выходить один раз на время (и обратно зайти)’, в коми языках — *петавны* означает только ‘выйти один раз на время и обратно войти’.

В коми языках есть еще суфф. *-ёдл-* (*-ёд-*|*-л*) // *-ётл-* (*-ёт-*|*-л*) длительного, интенсивно-длительного значения: к.-з. *нюжй-ёдлыны* ‘протягивать’, *берг-ёдл-ыны* ‘поворачивать’ [98].

В языке коми-пермяков отмечен также суфф. *-ась-*: *шупкась-ны* ‘бросаться’ от *шу́пкыны* ‘бросить’, *тэчк-ась-ны* ‘брыкаться’ от *тэ́чкыны* ‘лягнуть’. Активно употребляется суфф. *-ёв* с последующим прибавлением глагола *керны* ‘делать’ для обозначения

---

[94] Сереб. Ист. перм. 331.
[95] Совр. к. яз. I 226.
[96] См.: В. И. Лыткин и Д. А. Тимушев. Краткий очерк грамматики коми языка. «Коми-русский словарь». М., 1961, стр. 894.
[97] Сереб. Ист. перм. 328.
[98] Совр. к. яз. I 225.

длительного действия: *баитӧв-керны* ‘поговорить’ от *баитны* ‘говорить’, *уджалӧв-керны* ‘поработать’ [99].

Видовые значения в удмуртском языке передаются также при помощи глагольных сочетаний, состоящих из неизменяемого деепричастия на *-са*, смыслового глагола и спрягаемых форм определенных вспомогательных глаголов: *лэзьыны* ‘пустить’, *кошкыны* ‘уйти’, *потыны* ‘выйти’ и многих других вспомогательных глаголов, например: *улляса лэзьыны* ‘прогнать’ (досл. ‘прогоняя пустить’), *бызьыса кошкыны* ‘убежать’ (досл. ‘побежав уйти’) и т. д. В некоторых удмуртских диалектах, в частности в юканых, эти сочетания получили широкое распространение. Проникают они и в литературный язык. На материале говоров кукморских удмуртов, расселенных на территории Татарской АССР, В. К. Кельмаков выявил 37 специальных слов — модификаторов (по терминологии М. П. Чхаидзе — «спаренных глаголов»), которые составляют компонент отмеченных сочетаний. Основная функция спаренных глаголов — выражение и уточнение способа протекания действия в пространстве и времени и положение субъекта и объекта речи при этом действии [100].

В удмуртском языке, как и в марийском, спаренные глаголы, выступающие с видовым значением, развились под влиянием тюркских языков, и в основном они распространены в тех диалектах, которые непосредственно соседствуют с тюркскими языками.

В коми языках употребительны также суффиксы с видовым значением: к.-з. *-сь-*: *пу-сь-ыны* ‘свариться’, *воч-сь-ыны* ‘закончиться’ ‘завершиться’, *лыддьыс-сь-ыны* ‘завершиться’, ‘закончиться’ (о чтении, например, книги), выражающий законченное действие. Данный суффикс не следует смешивать с суфф. *-сь-* залоговой направленности. Глагол законченного вида, как правило, сочетается со словом, обозначающим неодушевленный предмет и означает полную исчерпанность действия. Реальный субъект, выраженный одушевленным предметом при глаголе с законченным видом, обычно стоит в форме род. падежа и является именным дополнением при подлежащем, ср. *Мишалӧн урокыс вӧчсис* ‘Миша сделал урок’ (досл. ‘у Миши урок сделался’) (Совр. к. яз. 227). В качестве суффиксов мгновенного вида в коми-пермяцком языке отмечаются *-пит-*, *-ӧвт-*, *-ӧст-*: *юг-пит-ны* ‘блеснуть’, *миг-пит-ны* ‘мигнуть’; *гӧр-ӧвт-ны* ‘заржать’; *руж-ӧст-ны* ‘застонать’. В коми-зырянском языке к этим суффиксам примыкает еще *-ӧбт-*, *-ӧкт-*: *чер-ӧбт-ыны* ‘вздрогнуть во сне’, *виз-ӧбт-ыны* ‘пробежать (дрожь)’, *руж-ӧкт-ыны* ‘застонать’. Глаголы с *-ӧкт-* обычно противопоставляются глаголам длительного вида с суфф. *-ал*, *-л*: *сер-ӧкт-ны* ‘засмеяться’ от *серавны* ‘смеяться’, *гӧр-ӧкт-ыны* ‘заржать’, от *гӧрдлыны* ‘ржать’. Кроме вышеперечисленных суффиксов видового

---

[99] Коми-перм. 259—260.

[100] Кельм. Кукморский диалект удмуртского языка. Канд. дисс. М., 1969. 362; см. также: Т. И. Теплящина — СФУ VII 155.

значения имеются и другие, малопродуктивные, которые здесь не рассматриваются.

Удмуртские видовые суфф. *-л-*, *-лля-* имеют весьма широкое распространение; суфф. *-т-*, *-лт-*, *-шт-*, *-ышт-*, *-ӟ-*, *-ч-* характеризуются ограниченной распространенностью: каждый из них употребляется лишь с определенной группой глаголов. Ряд суффиксов коми языков также имеет весьма ограниченное употребление, например *-варт-*, образующий глаголы однократного и многократного видов от изобразительных слов: *пасьвартны* 'разбить вдребезги'; *-кер-*, образующий изобразительные глаголы видов а) однократного и мгновенного: *-люн-легкерны* 'вильнуть', б) временно́го: *суткерны* 'приостановиться'; *-мун*, образующий глаголы однократного и мгновенного видов от изобразительных слов со значением 'произвести', 'издать звук' (выражаемый основой слова): *зӧльмунны* 'звякнуть', 'брякнуть', *сыркмунны* 'вздрогнуть', 'рухнуть', *пасьмунны* 'разлететься', 'разбиться' и ряд других суффиксов.

§ 83. Наиболее продуктивными суффиксами отыменного образования являются:

-а-, *-ал* // *-ав* (<**-ал*): *ужаны* // *уджавны* 'работать', (*уж* // *удж* 'работа'), *тӧланы* // *тӧлавны* 'высохнуть на ветру' (*тӧл* // *тӧв* 'ветер');

-т, *-д*, *-ӧд*: *ивортыны* // *юӧртны* 'сообщить', 'известить' (*ивор* // *юӧр* 'весть'), *коттыны* // *кӧтӧдны* 'мочить' (*кот* // *кӧт* 'сырой'), у. *выльдыны* 'обновить' (*выль* 'новый'); суфф. *-т*, *-д*, *-ӧд* родственны суффиксу каузативных глаголов *-т* [101];

-м: *измыны* 'окаменеть' (из 'камень'), *юнманы* // *ёнмыны* 'крепнуть', 'сделаться сильным' (*юн* // *ёнь* 'сильный'), *жытмыны* // *рытмыны* 'задержаться до вечера' (*жыт* // *рыт* 'вечер');

-ӟ // *-зь*: *бунӟыны* // *бонзьыны* 'измочалиться' (*бун* // *бон* 'мочало');

-й: *пусйыны* // *пасйыны* 'сделать пометку' (*пус* // *пас* 'метка'), у. *гыркйыны* 'долбить', 'продолбить' (*гырк* 'дупло', 'полый'), к. *сьӧмйыны* 'очистить от чешуи' (*сьӧм* 'чешуя');

у. *-н*: *пужныны* 'просеять' (*пуж* 'решето', 'сито'), *кортнаны* 'взнуздать' (*корт* 'железо'), *ёзнаны* 'расчленить', 'разобрать на части' (*ёз* 'часть', 'колено', 'сочленение');

у. *-экт* (*-ект*): *вожектыны* 'зеленеть', 'стать зеленым' (*вож* 'зеленый'), *съӧдэктыны* 'почернеть', 'стать черным' (*съӧд* 'черный)';

у. *-с*: *ныpсаны* 'пустить ростки', 'всходить' (*ныр* 'пос'), *куарсаны* 'завянуть (о листьях)' (*куар* 'лист'), *пульсаны* 'натереться (о мозоли)' (*пульы* 'пузырь на коже или на воде');

к. *-зь*: *вазьыны* 'отсыреть' от *ва* 'вода', 'сырой', *турунвьыны* 'обрасти травой' от *турун* 'трава';

к. *-ӧд*, к.-п. *-ӧт*: *съӧдӧдны*, к.-п. *съӧдӧтны* 'чернеть', 'почернеть', 'окрасить в черный цвет' от *съӧд* 'черный', к. *гӧрдӧдны*, к.-п. *гӧрдӧтны* 'окрасить в красный цвет' (*гӧрд* 'красный');

---

[101] Сереб. Ист. перм. 340.

к.-п. *-сяв*: *вынся́вны* ‘стать сильным’ (*вын* ‘сила’), *йыся́вны* ‘леденеть’ (*йы* ‘лед’) и др.

§ 84. Инфинитив оформляется *н*-овым суффиксом: *-ны*, *-ыны* (I спряжение), *-аны* (II спряжение) // *-ны*, *-ыны*: *пуктыны* ‘положить’, *ветлыны* ‘сходить’, *мыныны* // *муны* ‘идти’, *басьтыны* // *босьтны* ‘взять’, *кутыны* // *кутны* ‘поймать’, ‘ловить’. Суфф. *-н-* восходит к ф.-у. **-n*. По своему происхождению инфинитив — это застывшее отглагольное имя в форме латива на *-к*: *мыныны* // *муны* < *mənᵢnᵢk (см. М. § 215), где конечное *-к* отпало еще в общепермскую эпоху.

В отличие от удмуртского языка инфинитив коми языков может иметь определенно-притяжательную форму. Показателями ее являются суфф. *-ным-*, *-ныд* (к.-п. *-ныт*), *-ныс*, *-нытӧ*, *-нысӧ*: *мунным ог вермы* ‘не могу идти’, *мунныд он вермы* ‘не можешь идти’, *мунныс оз вермы* ‘не может идти’, *муннытӧ он вермы* ‘идти-то не можешь’, *муннысӧ оз вермы* ‘идти-то не может’). Определенно-притяжательная форма инфинитива содержит указание на лицо, которому принадлежит действие, или выражает большую определенность действия, выделяя его, указывая на него. Указанные суффиксы по происхождению являются показателями принадлежности лицу. Суфф. *-тӧ* и *-сӧ* — форманты вин. падежа притяжательного склонения.

В комп-пермяцком языке определенная форма образуется от неопределенной только посредством прибавления окончания *-тӧ* — являющегося остатком вин. падежа притяжательно-указательного склонения существительных [102].

§ 85. В удмуртском языке имеются безличные глаголы долженствования с окончанием на *-но*, *-оно*, *-ёно*, выражающие непременную необходимость действия: *мыноно* ‘надо идти’, *ветлоно* ‘надо сходить’, *мертано* ‘необходимо (надо) взвесить’, *гажано* ‘надо уважать’, *пырано* ‘необходимо зайти’ и т. д., например: *самодеятельной артисткалэн дырыв лыдъямын—чотамын*: *ужано*, *техникумын дышетсконо*, *кухняын пӧрано*, *пиналъёсызлэсь тетрадъёссэс эскероно*, *репетицие бызёно* («Советской Удмуртия», 14 сентября 1973 г.) ‘время у артистки — участницы самодеятельности подсчитано-рассчитано: надо работать, учиться в техникуме, готовить на кухне, проверить тетради своих детей, бежать на репетицию’.

Не следует смешивать глаголы долженствования с причастиями на *-но*, *-оно*, регулярно выступающими в функции определения: *вуроно дэрем* ‘рубаху, которую надо дошить’, *ушъяно адями* ‘человек, достойный похвалы’. Безличные глаголы на *-но*, *-оно* употребляются лишь в функции сказуемого и всегда выражают необходимость действия. Суфф. *-но* образован на основе отглагольного суфф. *-н -он*, *-ан*, типа *сион* // *сӧян* досл. ‘едение’, *мынон* // *мунан* досл. ‘идение’ от слова ‘идти’, с присоединением к нему суфф. *-о*, соответ-

[102] См.: Коми-перм. 278.

ствующего к. *-а*. Первоначально *мынон сюрес || мынан туй* означало ‘дорога, по которой обычно ходят’; впоследствии это понятие в удмуртском языке развилось в *мыноно сюрес* ‘дорога, по которой следует (надо) идти’. Семантическое развитие значения привело к грамматической дифференциации его.

§ 86. Для удмуртского языка свойственны так называемые глаголы притворного действия. Такие формы образуются: а) от отглагольных имен на *-м* (*-эм*, *-ем*) с помощью суфф. *-яськ*: *ужамъяськыны* ‘делать вид, что работаешь’ (*ужам* ‘работа’, досл. ‘работанье’), *иземъяськыны* ‘притвориться (притворяться) спящим’, ‘делать вид, что спишь’ (*изем* ‘сон’, досл. ‘спанье’); б) от прилагательных и причастий на *-тэм* и причастий на *-мтэ*: *катытэмъяськыны* ‘притвориться (притворяться) бесспльным’ (*катытэм* ‘бесспльный’), *висисытэмъяськыны* ‘притворяться не болеющим, т. е. здоровым’ (*висисытэм* ‘не болеющий’, ‘неподдающийся болезням’), *валамтэяськыны* ‘притворяться непонимающим’ (*валамтэ* ‘не понимающий’, ‘непонятый’), *адзымтэяськыны* ‘притвориться (притворяться) невидящим (невидевшим)’ [103] и т. д.

§ 87. Причастия в пермских языках весьма своеобразны. Они характеризуются рядом отличительных черт. В них четко выражена категория времени. Причастия в пермских языках — это особая глагольно-именная форма, которая обладает признаками как глагола, так и прилагательного, поэтому ее равным образом принято называть отглагольными прилагательными [104]. По классификации Б. А. Серебренникова в пермских языках различаются причастия действительного (активного) залога и причастия, недифференцированные в залоговом отношении. Первые из них в основном являются причастиями наст. времени, вторые — причастиями прош. времени.

Причастия действительного (активного) залога образуются от основы наст. времени с помощью суфф. *-сь*, *-ись || -ысь || -ісь*. Суфф. *-сь*, *-ись || -ысь || -ісь* служат для выражения признака предмета по действию; они соответствуют русским причастиям действительного залога наст. (иногда, в зависимости от контекста, прош.) времени: *лобӟыны || лэбӟыны* ‘лететь’, ‘полететь’, ‘улететь’ — *лобӟись || лэбӟысь || лэбӟись* ‘летящий’, ‘летающий’, ‘полетевший’, ‘улетевший’; *гырыны || гӧрны* ‘пахать’ — *гырись || гӧрысь || гӧрись* ‘пашущий’, ‘пахарь’; *басьтыны || босьтыны* ‘взять’ — *басьтiсь || босьтысь || босьтiсь* ‘берущий’. И. Синцов суфф. *-сь* возводит к ф.-у.*-*j*, соединенный с древним *-s[105]. Однако залогово-временно́й признак этих причастий ярко не очерчен. Причину временно́й недифференцированности Б. А. Серебренников видит в семантике самого суфф. *-сь*, *-ись || -ысь*, в его ярко выраженном релятивном

---

[103] Гр. удм. 231—239.
[104] Д. В. Бубрих. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949, стр. 129; Совр. к. яз. I 241; Коми-перм. 279—280; Гр. удм. 257—258.
[105] Szinny. FgrSprw². 95, 96.

значении: к. *мунысь* || *мунісь* скорее означает не 'идущий', а относящийся к процессу ходьбы; словосочетание *мунысь морт* // *мунісь морт* в коми языках может означать в зависимости от контекста 'идущий человек' и 'ушедший человек' [106]. Данный суффикс восходит к прафинно-угорскому **-ś* [107].

К причастиям, недифференцированным в залоговом отношении, относятся причастия на *-н*, *-он*, *-ён*, *-оно*, *-ёно*, *-но* || *-ан*, *-ян*, *-ана* и на *-эм*, *-ем*; *-мын*, *-мон*, *-мтэ* || *-ӧм*, *-тӧм*.

-н, *-он*, *-ён*; *-оно*, *-ёно*, *-но* образуют причастия для выражения отношения к действию, происходящему в данное время, независимо от того, производится ли данное действие самим субъектом действия или оно осуществляется кем-то другим [108]. Прямого соответствия им в русском языке нет; большей частью эти причастия передаются относительными прилагательными или описательно: *юыны* || *юны* 'пить' — *юон* || *юан*: *юон ву* || *юан ва* 'вода для питья', 'питьевая вода'; *вуриськыны* || *вурсьыны* 'шить' — *вуриськон вень* // *вурсян ем* 'швейная игла', 'игла для шитья'. Суфф. *-н* (с отмеченными вариантами) восходит к ф.-у. словообразовательному суфф. **-n* [109];

эм, *-ем* || *-ӧм* образует причастия от глаголов для выражения признака предметов по совершенному им или перешедшему на него действию; эти причастия соответствуют причастиям прош. времени действительного и страдательного залогов: *кулыны* || *кувны* 'умереть' — *кулэм мурт* || *кулӧм морт* 'умерший человек', *кизьыны* || *кӧдзыны* 'сеять', 'засеять' — *кизем му* || *кӧдзӧм му* 'засеянное поле'. Суфф. *-м*, *-эм*, *-ем* || *-ӧм* восходят к прауральскому суффиксу отглагольных имен существительных на *-m* [110];

-мын образует удмуртские причастия от глаголов для обозначения результата действия, совершенного над предметом как признака этого предмета, и выступает лишь в функции сказуемого: *лыдӟыны* 'читать' — *лыдӟемын*: *книга лыдӟемын* 'книга прочитана'; *куасьтыны* 'сушить' — *куасьтэмын*: *дӥсь куасьтэмын* 'белье высушено'; *арапы* 'жать', 'сжать' — *арамын*: *ӟег арамын* 'рожь сжата'. По своему значению причастия на *-мын* соответствуют кратким формам русских причастий прош. времени страдательного залога. Удмуртские причастия на *-мын* образованы от отглагольных имен на *-м*, *-эм*, *-ем*; второй элемент (*-ын*) неясен. По мнению Б. А. Серебренникова, он может быть связан с формой твор. падежа [111];

-мон образует удмуртские причастия от глаголов для выражения возможного или необходимого действия над предметом или лицом, воспринимаемого как проявление пассивного признака

---

[106] Сереб. Ист. перм. 295.
[107] Leht. Abl. 196.
[108] Сереб. Ист. перм. 297.
[109] Leht. Abl. 126.
[110] Там же, 89.
[111] Сереб. Ист. перм. 300.

предмета или лица; прямого соответствия в русском языке также нет, например: *бызьыны* 'выйти замуж' — *бызьымон: бызьымон ныл* 'девушка, которая может или должна (по возрасту) выйти замуж', т. е. 'девушка-невеста'; *лыдӟыны* 'читать' — *лыдӟымон: лыдӟымон верос* 'рассказ, который можно (или необходимо) читать', т. е. 'рассказ, заслуживающий внимания'. Причастие на *-мон* имеет значение страдательного залога. Он содержит в себе суффикс отглагольного имени *-м* и причастный суфф. *-он*;

-тэм образует удмуртские причастия на *-тэм* и служит формой отрицания к причастиям на *-сь*, *-ись*, *-йсь* и *-мон*: *адӟись* 'видящий' — *адӟисьтэм* 'не видящий', *малпась* 'думающий' — *малпасьтэм* 'не думающий'; *юон ву* 'питьевая вода' — *юонтэм ву* 'не питьевая вода', 'вода, негодная для питья'; состоит из финно-угорского каритивного суфф. *-t* с прибавлением к нему соответствующего причастного суффикса с утвердительным значением (*-сь*, *-ӥ* или *-мон*);

-мтэ образует удмуртские причастия от глаголов для обозначения признака по неосуществившемуся действию (или состоянию); причастия с суфф. *-мтэ* являются формой отрицания к причастиям на *-эм*, *-ем*, *-мын* : *кизем му* 'засеянное поле' — *кизьымтэ му* 'не засеянное поле', *книга лыдӟемын* 'книга прочитанная' — *книга лыдӟымтэ* 'не прочитанная книга', *ӟег арамын* 'рожь сжата' — *арамтэ ӟег* 'несжатая рожь'[112]; в коми языках удмуртскому суффиксу *-мтэ* соответствует суфф. *-төм*: *вундӧм рудзӧг* 'сжатая рожь' — *вундытӧм рудзӧг* 'несжатая рожь'.

§ 88. Деепричастия в пермских языках совмещают в себе признаки глагола и в большей степени наречия, отчего носят название также отглагольные наречия [113]. Они образуются с помощью суффиксов:

-ку // *-іг*, *-ігӧн* // *-ик*, *-икӧ* обозначает действие, совершающееся одновременно с действием, выраженным глаголом-сказуемым, и по значению соответствует русским деепричастиям несовершенного вида: *вераськыку* // *сёрнитігӧн* // *баитікӧ* 'разговаривая', *лыдӟыку* // *лыддигӧн* // *лыддикӧ* 'читая', 'во время чтения'. К деепричастиям на *-ку*, *-іг*, *-ик*(*ӧ*) присоединяются личпо-притяжательные суффиксы; в удмуртском они непосредственно примыкают к суфф. *-ку* (*ужакум* 'когда я работал', *ужакуд* 'когда ты работал' и т. д.), в коми — после падежных форм, например, местп. падежа *-а* (*лыддигам* 'во время моего чтения', *мунігам* // *мунікам* 'во время моей ходьбы'). В отличие от удмуртских, коми деепричастия на *-іг* (*-иг*), *-ігӧн* // *-ик*, *-икӧ* могут сочетаться с послелогами *-тыр*, *-тырйи*, *-моз* (*сьыліктырйи* 'распевая', *мунігмоз* 'идучи', досл. 'в процессе хождения, движения'). Удмуртские деепричастия на *-ку* могут сопровождаться союзами *кадь* и *сямен* 'подобно, как

---

[112] Гр. удм. 267.
[113] См.: Гр. удм. 269, 285; Совр. к. яз. 243; Коми-перм. 281.

и. . .' (*ужакуз сямен* 'подобно тому, как работал он', *куазь чилекъяку кадь* 'как при сверкании молнии'). Происхождение *-ку || -іг*, *-ігӧн || -ик(ӧ)* объясняется из первичных имен [114]. Параллели имеются также и в других финно-угорских языках [115].

Коми-пермяцкая форма *-ікӧ* является более древней по сравнению с к.-з. *-іг* [116]. В ней, как и в удмуртском, сохраняется глухая разновидность согласного *к*; у. *-ку* в диалектах имеет соответствие *-кы*. Наличие гласного после *-к* в удмуртском и коми-пермяцком указывает на существование его в прапермский период.

-тозь || -тӧдз показывает, что главное действие протекало до начала сопутствующего действия, выраженного данным деепричастием: *лыдӟытозь || лыддьытӧдз* 'до чтения', в удмуртском также — одновременность действий: 'в процессе чтения', 'во время чтения'. К деепричастиям на *-тозь || -тӧдз* присоединяются личнопритяжательные суффиксы: в коми языках — непосредственно к основе слова (*пыртӧдзым* 'до моего входа'), а в удмуртском — образуются формы местн. падежа притяжательного склонения (*лыдӟытозям* 'до моего чтения', 'в процессе моего чтения', 'пока я читаю'). По происхождению деепричастие на *-тозь || -тӧдз* представляет собой форму пред. падежа отглагольного имени существительного на *-т*: *пыртӧдз* < **-пырытозь*, *пырытӧдз* [117];

-тэк || -тӧг характеризует главное действие в отрицательном плане, например: *лыдӟытэк || лыддьытӧг* 'не читая', *вераськытэк || сёрниттӧг* 'не разговаривая'. Суфф. *-тэк || -тӧг* в подобных деепричастиях представляет собой окончание лишит. падежа; *-мон || -мӧн*, выражая возможное и необходимое действие как следствие другого действия, указывает на меру и степень действия: *кӧт тырымон сиыны || пӧтмӧн сёйны* 'наесться досыта'.

Деепричастия на *-мон || -мӧн* представляют собой твор. падеж отглагольного имени существительного на *-м*, *-эм*, *-ӧм*, ср. к. *пӧтомӧн* < *пӧтмӧн* < *пӧтм* + *ӧн* 'досыта' [118];

к.-*ӧмӧн* выражает дополнительное действие, совершаемое одновременно с главным, например: *юрсӧ ӧшӧдмӧн пукаліс || юрсӧ ӧшӧтӧмӧн пукаліс* досл. 'голову повесив сидел он'. Структура коми деепричастия на *-ӧмӧн* представляет собой форму твор. падежа от причастия на *-ӧм* [119], которое возникло, видимо, по аналогии с *-ігӧн*;

к.-п. *-тӧн* (подобно деепричастиям на *-ик*, *-икӧ*) обозначает одновременность главного действия с другим, сопутствующим главному, действием: *миссьытӧн* (< *миссьыны*) 'умываясь',

---

[114] В. С. Сухарева. Деепричастные наречия в коми языке. Авт. д. к. Петрозаводск, 1951 стр. 10.
[115] M. Kővesi, A permi nyelvek ősi képzői. Budapest, 1965, стр. 119.
[116] Сереб. Ист. перм. 302.
[117] Сереб. Ист. перм. 305.
[118] Там же, стр. 304.
[119] Там же.

'во время умывания'. Коми-пермяцкие деепричастия на *-тӧн* представляют собой форму твор. падежа отглагольного имени существительного на *-т* [-t] [120];

у. *-са* обозначает как действие, совершающееся одновременно с действием главного действия, так и действие, предшествующее ему: *лыдӟыса пукыны* 'читая сидеть', *дыртыса ужа* досл. 'спеша работает'. Существуют особые удмуртские словосочетания (см. § 82). Этимология деепричастий на *-са* не совсем ясна до сего времени. Исследователи допускают возможность связывать конечное *-а* данного суффикса с падежным окончанием *-а* местн. и вступ. падежей, появляющимся в притяжательном склонении, ср. *гуртамы* 'в нашей деревне', 'в нашу деревню', *гуртады* 'в вашей деревне', 'в вашу деревню', *гуртазы* 'в их деревне', 'в их деревню' и т. д.[121] А. И. Емельянов полагал, что первый элемент восходит к суффиксу отглагольных имен на -с [-s], второй — представляет собой архаический посессивный суффикс [122]. Ряд ученых предполагает, что суфф. *-са* удмуртским языком заимствован из чувашского [123]. Мы склонны думать о чувашском его происхождении. Деепричастия на *-са* очень широко распространены как в устной, так и письменной речи, могут быть образованы абсолютно от всех глаголов, употребительны в качестве имен; в диалектах, в частности в некоторых северных говорах, они могут принимать падежные и лично-притяжательные суффиксы (ср. сев.-у. *pereś-mǝsajam* 'в моей старости', досл. 'в моем старении'; *а* — показатель местн. и вступ. падежей + *-m* — лично-притяжательный суффикс; в завятских говорах — *pogorasaliś* [124] 'от падения'; *-лісь* — разд. падеж; возможны сочетания этих деепричастий с послелогами, например: *вылысь* : *гажаса вылысь* 'с уважением', 'из-за уважения'. Деепричастия на *-са* часто употребляются в функции определения к имени: *шулдыръясъкыса улон* 'веселая жизнь' (*шулдыръяськыны* 'веселиться'), *тупаса улон* 'дружная (мирная) жизнь' (*тупаны* 'соглашаться', 'мириться'); широко употребительно в качестве послелога слово *шуыса* : *губилы шуыса потiй* 'вышел за грибами' [125]. Форма на *-са* может быть заимствована пермскими народами из древнечувашского языка еще в прапермскую эпоху, о чем говорит наличие его в говоре кольских коми с аналогичным же значением [126]. Бытующая в современном чу-

---

[120] Сереб. Ист. перм., стр. 305.
[121] П. П. Перевощиков. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959, стр. 40.
[122] А. И. Емельянов. Грамматика вотяцкого языка. Л., 1927, стр. 102.
[123] Х. К. Рятсеп. Инфинитные глагольные формы в финно-угорских языках. Авт. д. к. Тарту, 1954, стр. 17—18.
[124] В. К. Кельмаков. Кукморский диалект удмуртского языка. М., 1969, стр. 408.
[125] В. К. Кельмаков — ВУЯ II 127.
[126] М. А. Сахарова и Н. Н. Сельков. — Ист. фил. сб. 6, стр. 146.

вашском языке форма деепричастия на *-са* восходит в древнетюркской форме причастия на *-сар* (~ *-сар*) [127].

Деепричастия на *-са* и *-тэк* в удмуртском языке могут употребляться с суффиксами сравнительной степени *-гес* или *-гем*, который придает деепричастию оттенок неполноты проявления действия, некоторой ослабленности его: *малпасагес(-гем)* 'немного (несколько) обдумывая', *малпатэкгес(-гем)* 'немного необдумав', 'несколько необдумав (например, ты поступил)' и др.

В отличие от удмуртского, в коми языке допускается употребление деепричастий на *-іг* в форме мн. числа: *ветлігъясö*, *ветлігъясын* 'во время хождений' [128]. В пермских языках наблюдается употребление деепричастий в формах отдельных косвенных падежей, например, к удмуртскому деепричастию на *-ку*, *-тозь* могут присоединяться окончания дат. падежа *-лы* и разд. падежа *-лэсь*, ср. *улытозям-лы* 'на всю мою жизнь', *ӵжан кутскыкузылэсь* 'до начала их работы'; коми деепричастия на *-іг* принимают окончания твор., местн. и вступ. падежей [129].

НАРЕЧИЯ

§ 89. Наречия пермских языков, следуя классификации Б. А. Серебренникова, по структурным признакам можно разделить на семь групп:

1) наречия, не имеющие морфологических показателей: *вазь* // *вєдз* 'рано' < прап. *-o̯ǯ' 'передний' (КЭСК, 59); *весь* // *вєк* 'всегда', у. *вєсь* связывают с *веськьт* 'прямой', 'стройный', к. *вєк* — с русским диалектным словом *вєк* 'постоянно' [130]; *ичи* // *этша* 'мало', 'немного': у. *ичи* < прап. *ič'- 'маленький', к. *этша* < прап. *e̯č- (КЭСК, 332); *кєма* // *дыр* 'долго': у. *кєма* < прап. *kзm 'время', 'пора' (КЭСК, 332), к. *дыр* < прап. *dür 'время'; *ку* // *кор* // *кöр* 'когда': у. *ку* прап. *ko̯- 'когда' (КЭСК, 127), к. *кор* // *кöр* < 'кодыр' < прап. *kȯr 'когда' (КЭСК, 126); *пыр* 'всегда' < прап. *pür 'всегда' (КЭСК, 236); *тєкма*, *юри*, *юнме* // *весь* 'напрасно', 'зря', 'попусту', 'бесцельно': у. *юри*, *юнме* относятся к тюркским заимствованиям, к. *весь* < прап. *veś < доп. *wзńč'з (КЭСК, 53); *туж*, *укыр* // *зэв* 'очень', 'слишком', 'чересчур': у. *туж* — неясного происхождения, *укыр* — татарское заимствование; *зэв* 'очень', 'весьма', 'крайне' < прап. *zo̯l- 'крепкий' (КЭСК, 108); *чик* // *дзик* 'совсем', 'совершенно': у. *чик*, к. *дзик* < прап. *ǯ'ig- 'плотно', 'вплотную' (КЭСК, 91); у. *ӝог*, *чаль* 'быстро': *ӝог* < прап. *re̯g (КЭСК, 240), *чаль* из. тат. К этой группе можно отнести рус-

---

[127] И. П. Павлов. Деепричастия в чувашском языке и их синтаксические функции. Авт. д. к. М., 1953, стр. 6.

[128] В. С. Суханова. Деепричастные наречия в коми языке. Авт. д. к. Петрозаводск, 1951, стр. 7.

[129] Г. И. Лаврентьев. Вопросы теории и методики русского и удмуртского языков. Ижевск, 1972, стр. 153.

[130] Сереб. Ист. перм., 348.

ские заимствования в удмуртском: *вокурат* ‘как раз’, ‘ровно’, ‘тотчас’, *воксё* ‘вовсе’, ‘совсем’, *интересно, сразу* ‘сразу’, ‘тотчас’, *прочь* ‘совсем’ и др.; много их и в комп языках;

2) наречия, представляющие застывшие падежные формы (в основном, твор. или местн. падежей): твор. п. *вазен // важён* ‘раньше’, ‘прежде’ (у. *вазь* ‘ранний’), к. *важён* ‘давний’, ‘старый’, ‘старинный’ < прап. *vaź < доп. *vansa (КЭСК, 46); *пыдын, пудэн // подён* ‘пешком’ (*пыд-, пуд-, под-* < прап. *pod ‘нога’ КЭСК, 223); *жоген* ‘вскоре’ (*жог* ‘быстрый’, ‘скорый’ < прап. *rǫg КЭСК, 240); *лушкемен* ‘тайком’ (*лушкем* ‘тайный’, ‘секретный’); *кыкен* ‘вдвоем’ (*кык* ‘два’); *каллен* ‘медленно’ (? *kal′- — неясного происхождения); у. *мырдэм, мырдэн* ‘кое-как’, ‘едва’, к. *мырдён* ‘наспльно’ (*мырд* ‘крепкий’ < прап. *mŭrd-, ср. у. *мыр-мыр* ‘сильно’ КЭСК, 183), к. *ёдйён* ‘быстро’ (*ёд* ‘сила’, ‘быстрота’); *торйён* ‘отдельно’ (*тор* ‘кусок’), *сёрён* ‘поздно’ (*сёр* ‘поздний’), *рёдйён* ‘бегом’, ‘рысью’ (*рёд* — неизвестного значения), *котёрён* ‘бегом’ (*котёр* ‘бег’); у. *шуген* ‘с трудом’, ‘насилу’, ‘кое-как’ (*шуг* ‘трудный’), *капчиен* ‘полегоньку’ (*капчи* ‘легкий’), *умоен* ‘по-хорошему’ (*умой* ‘хороший’), *борзёмен* ‘рысью’, ‘галопом’ (*борз-* неясно); *лекын* ‘злобно’ (*лек* ‘злой’, ‘сердитый’), *ӟечкын* ‘по-доброму’, ‘по-хорошему’ (*ӟеч* ‘добрый’, ‘хороший’); *берын* ‘задом’, ‘спиной’ (*бер* ‘зад’, ‘задняя часть’), *азьын* ‘передом’ (*азь* ‘перед’, ‘передняя часть’); местн. п. — *вылын* ‘наверху’ (*выл* ‘поверхность’, ‘верх’), *улын* ‘внизу’ (*ул // ув* ‘низ’), у. *шорын* ‘в середине’ (*шор* ‘середина’), *матын* ‘близко’ (< *мат* ‘близко’ — слова ныне неупотребительного), *берын // бӧрын* ‘позади’ (*бӧр* ‘зад’), *водзын* ‘впереди’ (*водз* ‘перед’), к. *дорын* ‘на краю’ (*дор* ‘край’), *рытын* ‘вечером’ (*рыт* ‘вечер’), *лунын* ‘днем’ (*лун* ‘день’), *асылын* ‘утром’ (*асыв* ‘утро’); вступ. п. — *вылэ // вылӧ* ‘наверх’ (*выл* ‘верх’), *улэ // улӧ* ‘вниз’ (*ул* ‘низ’), у. *вачe* ‘вдвоем наедине’ (< *вач* — ныне не употребительного), *валче* ‘вместе’ (< *валч* — ныне неупотребительного), *тунэ* ‘сегодня’ < **та лунэ* досл. ‘в этот день’, ср.: к. *талун* ‘сегодня’, у. *нуназе* ‘днем’ < **лун азе* досл. ‘в перед день’, *ӥуказе* ‘завтра’ < **ӥук азе* досл. ‘в перед утро’, *жытазе* ‘вечером’ (*жыт азе* досл. ‘в перед вечер’), *толоӥ* ‘вчера’ < **та лун* < **та лунэ* досл. ‘в этот день’, *валлялӥ*, диал. vad′lan ‘позавчера’ < **važ′lan < *vož′lun (< *vož′lune) досл. ‘передний (прежний) день’; коми наречие *талун* ‘сегодня’ < *та лунӧ* — первоначально ‘в этот день’ утратило окончание вступ. падежа, *тӧрыт* ‘вчера’ < *тӧрытӧ* — первоначально ‘в тот вечер’; псх. п. — *улысь* ‘внизу’ (*ул // ув* ‘низ’), *вылысь* // к.-п. *вылісь* ‘сверху’ (*выл* ‘верх’), у. *урдсысь* ‘сбоку’ (*урдэс* ‘бок’), *артысь* ‘рядом’ (*арт* — ныне непонятно), *татысь // татысь // татісь* ‘отсюда’, *выльысь*// к.-п. *вилісь* ‘снова’, ‘заново’ (*выль // виль* ‘новый’); направ. (прибл.) падеж — *азьланьь // водзланьь* ‘вперед’ (*азь // водзь* ‘перед’, ‘передняя часть’), *берланьь // бӧрланьь* ‘назад’ (*бер* ‘зад’, ‘задняя часть’), *выллань // вывлань* ‘вверх’, ‘кверху’, *уллань // увлань* ‘вниз’, ‘книзу’, *талань // талань // эталань* ‘сюда’ (*та, эта* ‘это’, ‘то’, ‘тот’),

к. *шӧрлань* 'к середине', 'к центру'; отд. п. — *улысен* // *улісянь* 'снизу', *вылысен* // *вылісянь* 'сверху', у. *шорысен* 'с середины', 'с центра', 'с глубины', к. *пыдісянь* 'из глубины', *татысен* // *татысянь*, *тасянь* 'отсюда', 'с этого места', к. *татчань* 'сюда', 'в эту сторону'; *отысен* // *эсэсянь* 'оттуда', 'с того места', у. *кемаласен* (< *кемалаысен*) 'издавна', 'с давних пор' (*кемалась* 'давно'); перех. п. — *вылэтӥ* // *вылӧд*, *вывті* 'по верху', *улэтӥ* // *улӧд*, *увті* 'по низу', *татӥ* // *таті*, *тат* 'здесь', 'по этому месту', *отӥ* // *сэті*, *сэт* 'там', 'по тому месту', *кытӥ* // *кыті* 'где', 'по какому месту'; пред. п. — *вылсзь* // *вылӧдз* 'до верху', *улӥозь* // *улӧдз* 'до низу'; достиг. п. — *мудзӧмла* 'из-за усталости', *пемыдысла* 'из-за темноты', *нимкодьла* 'с радости'; сравн. п. — *сэсся* 'потом', *помся* 'беспрерывно'.

В удмуртском слове *ӵукна* 'утром', по-видимому, сохранился архаический суффикс финно-угорского инесс. **-па*, *-пӓ*, ср. к. *войнас* 'ночью', *рытнас* 'вечером', а также коми-пермяцкие временные послелоги: *дырна* 'в течение': *час дырна видзчисис* 'он ждал в течение часа'; *сьӧрна* 'в течение', 'по мере того как': *куим месяц сьӧрна* 'в течение трех месяцев'; *Россияас пытшкись областтезӧ пыром сьӧрна Наполеонлӧн ӧддьӧн ыдджыт армияыс сыліс* (Коми-перм. 304). 'По мере продвижения во внутренние области России громадная армия Наполеона таяла'. Удмуртские наречия образуются также с помощью послелогов *кузя* и *сямен* 'по', которым в коми языке соответствует форма твор. падежа: *кык кузя* // *кыкӧн* 'вдвоем', *куинь кузя* // *куимӧн* 'втроем', *ньыль кузя* // *нёльӧн* 'вчетвером'; *удмурт сямен* // *удмуртӧн* 'по-удмуртски', *коми сямен* // *комиӧн* 'по-коми', *ӟуч сямен* // *рочӧн* 'по-русски';

3) наречия, образованные на основе словосочетаний, подразделяющиеся на: а) наречия, возникшие из послеложных словосочетаний и сложных слов: у. *нуналлы быдэ* 'ежедневно', *арнялы быдэ* 'еженедельно', *ӵуказе бере* 'послезавтра', *витьымтэ шорысь* 'неожиданно'; к. *мудзӧм вӧсна*, *мудзӧм понда* 'из-за усталости', *удж вӧсна*, *удж понда* 'из-за работы'; *азьвыл* // *водзвыв* 'заранее', *уйбыт* // *войбыд* 'всю ночь', *толбыт* // *тӧвбыд* 'всю зиму'; к. *окотапырысь* 'охотно' (*окота* 'охота', 'желание', *пырысь* < *пыр* 'через' + *ысь* — окончание исх. п.), *дышпырысь* 'лениво' (*дыш* 'ленивый'), *мудзпырысь* 'устало'; *выльногӧн* 'по-новому' (*выль* 'новый'), *важногӧн* 'по-старому' (*важ* 'старый'); *буркузя* 'по-доброму' (*бур* 'добрый'), *лёккузя* 'со зла' (*лёк* 'злой'); *ӧткодь* 'одинаково' (*ӧти* 'один'), *веськодь* 'безразлично' (*весь* 'зря'); *пол* // *пӧв* 'раз'; *кыкпол* // *кыкпӧв* 'вдвойне', 'дважды', 'два раза'; *куиньпол* // *куимпӧв* 'трижды', 'три раза', к. *мӧдпӧв*: *мӧдпӧв гырны* 'перепахать' (досл. 'другой раз вспахать'), *мӧдпӧв краситны* 'перекрасить' (досл. второй (другой) раз красить). В коми языках от числительного образуются наречия с суффиксом исх. падежа *-ысь*, соответствующие удмуртским наречиям с *-пол*, ср.: *кыкпол* // *кыкысь* 'дважды', *куиньпол* // *куимысь* 'трижды', *сю пол* // *сёӧдысь* 'сотый раз'; б) наречные сращения и фразеологизмы: у. *арысь аре* 'из года в год', *дырыз дыръя* 'своевременно', *кызьы ке озьы* // *кыдзкӧ-*

мыйкӧ ‘как-нибудь’, к. *мыйкӧдыра* ‘какое-то мгновение (некоторое время)’, у. *нуналысь-нуналэ* ‘изо дня в день’, *нунал лумбыт* ‘целый день’, *ас кожаз* ‘самостоятельно’;

4) изобразительные слова-наречия, имеющие широкое распространение во всех пермских языках: *шур-р лобӧыны || жбыр лэбзьыны* ‘вспорхнуть’, ‘улететь’ (*шур-р, жбыр* — звукоподражательные слова, обозначающие шум крыльев при взлете), *чулык тэтчыны || звирк чеччыштны* ‘прыгнуть’, ‘вскочить’, ‘вспрыгнуть’, *топ султыны || джом сувтны* ‘стоп’ ‘остановиться’, *гаӵ усьыны || пласьт усьны* ‘пластом (плашмя) упасть’, *ӧыж-ӧаж кесяны || чужчаж косявны* ‘изорвать с треском’, *шултыр-шалтыр усьыны || грым-грам усьны* ‘упасть с грохотом’;

5) наречия, образованные путем повторов: у. *мырдэм-мырдэм* ‘еле-еле’, *оген-оген* ‘по одному’, ‘по одиночке’, *кыкен-кыкен* ‘по двое’, *дырын-дырын* ‘время от времени’, *радэн-радэн* ‘рядами’, *интыен-интыен* ‘местами’, *сьӧд-сьӧд* ‘черным-черно’, *ӧыж-ӧыж* ‘красным-красно’, *чылк-чылк* ‘чисто-пречисто’, ‘очень чисто’;

6) наречия — словесные пары: у. *лулысь-сюлмысь* ‘усердно’, ‘от всего сердца’, *мылысь-кыдысь* ‘охотно’, ‘с желанием’, *нырысьвалысь* ‘первоначально’, *гижысь-пиньысь* ‘энергично’, ‘настойчиво’; *тунна-ӵуказе* ‘на днях’ (досл. ‘сегодня-завтра’), *авьтэм-бертэм* ‘бесследно’, ‘без вести’ (*авь* ‘перед’, *бер* ‘зад’), *вистэм-вожтэм* ‘беспрерывно’ (*вис, вож* ‘промежуток’, ‘пересечение’), *пумтэм-йылтэм* ‘бесконечно’ (*пум* ‘конец’, *йыл* ‘острие’, ‘верх’), *соланьталань* ‘туда-сюда’ и др.;

7) наречия, образованные при помощи особых наречных суффиксов:

у. *-ак*: *жӧгак, чаляк* ‘быстро’, ‘моментально’ (*жӧг, чаль* ‘быстро’), *шонерак* ‘прямо’, ‘напрямик’ (*шонер* ‘прямо’), *шорияк* ‘пополам’ (*шори* ‘пополам’, ‘наполовину’);

у. *-ой, -ёй*: *дасой* ‘около десяти дней’ (*дас* ‘десять’) ‘в десять дней’, *кыктой* ‘в два дня’ (*кык* ‘два’), *ньылёй* ‘в четыре дня’, ‘в течение четырех дней’ (*ньыль* ‘четыре’);

у. *-скын, -сын*: *арняскын* ‘в течение недели’ (*арня* ‘неделя’), *нуналскын, нуналсын* ‘в течение дня’, *толэзьскын* ‘в течение месяца’;

у. *-ойскын, -ёйскын*: *кушльмойскын* ‘в течение трех дней’, ‘за три дня’, *витёйскын* ‘в течение пяти дней’, ‘в пять дней’;

к. *-а*, образующий наречия от прилагательных: *веськыда || веськыта* ‘прямо’ (*веськыд || веськыт* ‘прямой’), *бура* ‘хорошо’ (*бур* ‘хороший’), *омӧля || умӧля* ‘плохо’ (*омӧль || умӧль* ‘плохой’), *югыда || югыта* ‘светло’ (*югыд, югыт* ‘светлый’). Имеется также ряд непродуктивных суффиксов, образующих наречия, например: *-зь || -дз*: *кызьы || кыдз, кыдзи* ‘как’, *тазьы || тадз, тадзи* ‘так’, *озьы || сідз, сідзи* ‘так’, ‘таким образом’ и др.

§ 90. Определительные наречия могут иметь форму сравнительной, а в коми языках и превосходной степени. Сравнительная степень образуется путем присоединения суфф. *-гес (-гем) || -джык||*

-жык: *матыгес || матынджык || матыжык* ‘ближе’ (*матын* ‘близко’), *югытгес (-гем) || югытджык || югытжык* ‘светлее’ (*югыт, югыд* ‘светло’), *пеймытгес(-гем) || пемытджык || пемытжык* ‘темнее’ (*пеймыт || пемыд || пемыт* ‘темно’), *кӧсгес (-гем) || косджык || косжык* ‘суше’ (*кос* ‘сухо’).

Некоторые коми пространственные наречия факультативно могут оформляться с помощью суфф. *-ӧсь*, являющегося суффиксом мн. числа имен прилагательных, употребляемых в роли сказуемого: *сійӧ татӧн || сія татӧн* ‘он здесь’ — *найӧ татӧнӧсь || нія татӧнӧсь* ‘они здесь’.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

§ 91. Современные пермские языки весьма богаты п о с л е л о г а м и. Часть их возникла в прапермский период, значительная часть появилась в период самостоятельного развития отдельных пермских языков, поэтому послеложные системы удмуртского и коми языков в настоящее время расходятся как составом послеложных единиц, так и значением отдельных послелогов. Из 52 коми послеложных гнезд, рассмотренных К. Редеи, лишь около 20 являются общими с удмуртскими, а 32 послелога коми языка появились после распада пермской общности [131].

Ряд послелогов является общим для всех пермских языков: *кузя* ‘по’ (*сюрес кузя || туй кузя* ‘по дороге’), *пыр* ‘через’, ‘сквозь’ (*стекло пыр || стеклӧ пыр* ‘через стекло’), *вамен || вомӧн* ‘через (что-л.)’, ‘поперек (чего-л.)’ (*сюрес вамен || туй вомӧн* ‘поперек дороги’) и другие.

По значению послелоги в пермских языках подразделяются на а) пространственные: *азь || водз || одз* ‘место перед (чем-л.)’, *бер || бӧр* ‘место сзади’; *борд- || берд* ‘место около (чего-л.),’ ‘место при. . .’; *выл || выв* ‘место сверху’, ‘верх (чего-л.)’ (*сюрес вылын || туй вылын* ‘на дороге’, *сюрес вылэ || туй вылӧ* ‘на дорогу’); *дінь || дін, дор* ‘место около, возле’ (чего-л.) (*пель дінъын || пель дорын, пель дінын* ‘около уха’); *йыл || йыв* ‘место над (чем-л.)’, *пушк- || пытш-* ‘место внутри (чего-л.)’, *сай* ‘место за (чем-л.)’; *сьӧр* ‘место за (чем-л.)’, ‘место сзади’; *ул || ув* ‘место под (чем-л.)’; б) временны́е (*дыръя || дырйи || дырни, дырна* ‘в’, ‘во время’, ‘в период’, ‘при’; *ӵоже || ӵӧж || дырни, дырна* ‘в течение’, ‘в продолжение’, ‘во время’ (к.-п. *сьӧрна* ‘в течение’, ‘по мере того, как. . .’; *одзті* ‘тому назад’); в) сравнительно-измерительные (или сопоставительные): *жужда || к.-з. джуджда* ‘высотой с. . .’; *пасьта* ‘шириной с. . .’, *кузьда || кузьта || кузя* ‘длиной с. . .’; *мурда || к.-з. джуджда* ‘глубиной с. . .’; *быдӧа || гырся || гырися* ‘величиной с. . . ’; *секта || сьӧкта* ‘тяжестью с. . .’ и др.); г) причинно-целевые: *поина, муген, сэрен, йырин || понда*, к.-з. *могысь*, к.-п. *могись* ‘по причине’, ‘из-за’, ‘ради’ (*вераськон муген || сёрнитӧм*

[131] K. Rédei Post. 207—212.

могысь // *баитӧм могись* ‘ради (для) разговора’, *пумысь* // *помысь* // *понісь* ‘от’, ‘по причине’, ‘по’ (*со висем пумысь куліз* // *сійӧ висьӧм помысь куліс* // *сія куліс висян понісь*) ‘он умер по болезни (из-за болезни)’; в удмуртском, кроме того, имеет значение ‘о’, ‘об’ (*со пумысь кылэм вал* ‘слышал я об этом’); в коми языках в значении ‘из-за’ употребляется также послелог *кузя* (*омӧль поводдя кузя ковмис пукавны гортын* // *умӧль погоддя кузя коліс пукавны гортын* ‘из-за плохой погоды надо было сидеть дома’) и др.

По структурному типу в пермских языках различаются послелоги:

1) не имеющие падежных суффиксов: *пыр* ‘через’, ‘сквозь’ (*нюлэс пыр потыны* // *вӧр пыр петны* ‘выйти (пройти) через лес’), происходящий от *пырыны* // *пырны* ‘войти’, ‘входить’ < прап. *pŭr ‘через (что-л.)’ (КЭСК, 236); *кадь* // *кодь* ‘подобно’, ‘как’ (*му из кадь* // *муыс из кодь* ‘почва твердая, как камень’) < прап. *kǫd’ ‘как’, ‘вроде’, ‘наподобие’ (КЭСК, 127), к. *моз* ‘подобно’ (*мач моз чеччавны* ‘подпрыгивать, как мяч’, *батьыс моз* ‘подобно отцу’) < прап. *mǫz ‘как’ (КЭСК, 172); по значению в отличие от послелогов-имен все они относятся к собственно послелогам;

2) содержащие архаические падежные суффиксы: а) *кузя* < < *кузь* ‘длинный’ ‘по’; кроме того, в коми языках ‘в соответствии с. . .’ ‘ради’, ‘по поводу’, ‘по случаю’ (*ульча кузя* // *улича кузя* ‘по улице’, к. *тэ кузя пыралі* ‘(ради) из-за тебя зашел’, *праздник кузя* ‘по случаю праздника’); у. *пала* (*пал* ‘сторона’) ‘по направлению к . . .’ ‘в сторону (чего-л.)’; к. *дыра* (*дыр* ‘долгий’, ‘продолжительный’) ‘с’, ‘около’, ‘в течение’ (*тӧлысьӧн джыйӧн дыра* ‘около полутора месяцев’, *минут дыра* ‘в продолжение минуты’); к. *кыза* (*кыз* ‘толстый’) ‘толщиной с. . .’ (*чунь кыза* ‘толщиной с палец’); к.-п. *ылына* (*ылын* ‘далеко’) ‘расстоянием с. . .’ (*школа тасянь километр ылына* ‘школа отсюда расстоянием с километр’) и др.; *-а* представляет собой древний лативный суффикс [132]; сюда же относятся все сравнительно-измерительные послелоги; б) *дыръя* // *дырйи* ‘во время’, к. *пыдди* ‘вместо’, ‘в качестве (кого-л.)’, ‘за (кого-л.)’ (*вок пыдди уджавны* ‘работать за брата’); к. *кыпдзи* ‘кроме’ (*йӧв кыпдзи нинӧм оз сёй* ‘кроме молока ничего не ест’); сохраняют прафинно-угорский суфф. *-i [133]; в) у. *сяпа* ‘кроме’, ‘за исключением’ (*уж сяпа* ‘кроме работы’, *кышноос сяпа* ‘за исключением женщин’ < lis’ana < -liś — показателя удмуртского аблатива + *ана* (< *яна*) ‘раздельно’, ‘отдельно’ (liś + ana > liśana) [134];

3) имеющие окончания современных местных падежей, которые представляют самую большую группу; в их основе лежат слова с пространственным значением: *азь* // *водз* // *одз* ‘место перед (чем-л.)’, *бер* // *бӧр* ‘место сзади’, *выл* // *выв* ‘место сверху’, *дур* //

---

[132] Сереб. Ист. перм. 357—358.
[133] Там же, стр. 360.
[134] В. Кельмаков — СФУ III 277—279.

дор 'место возле, около (чего-л.)', *шор* || *шӧр* 'место посреди (чего-л.)' и мн. др.

В удмуртском языке имеют широкое распространение послелоги, которым в коми языках существуют иные соответствия: *вадъсы-* || *весьт-* 'место прямо напротив (впереди, вверху, внизу)' (*самолёт лобӟиз город вадъсытӥ* || *самолёт лэбзис кар весьтті* 'самолет пролетел над городом'), *валлин* || к.-п. *пӧлӧн* 'вдоль чего-л.', 'возле чего-л.', 'по'; *виск-* || *кост-* 'промежуток', 'между'; *вылланъ* || *паныд* 'вверх', 'кверху', 'по направлению вверх'; *интые* || к.-п. *туйӧ* 'за кого (что принимать)', *шорын* || *йылын* 'на. . .' (*тӧл шорын* || *тӧв йылын* 'на ветру'); *сярысь* || *йылысь* 'о', 'об' (*ас сярысь верасъкыны* || к.-з. *ас йылысь сёрнитны* 'говорить о себе'; *котыр* || *гӧгӧр* 'вокруг', 'кругом', 'около'; *понна*, *сэрен* || *кузя* 'ради', 'из-за', 'по случаю', 'по поводу' (*тон понна пырай* || *пыралі тэ кузя* 'заходил я ради тебя', *праздник понна* || *праздник кузя* 'по случаю праздника'); *пӧлын* || *пӧвстын*, *костын*, *пытшкын*, *пиын*, *шӧрын* 'среди кого-л., чего-л.' (*калык пӧлын* || *йӧз пӧвстын*, *йӧз шӧрын* 'среди людей'); *пумит* || *паныд* 'против', 'напротив'; *сямен* || к.-з. *могысь* 'по-. . .' (*мон сямен* || *ме могысь* 'по-моему'); *сяна* || к.-з. *кындзи* 'кроме', 'кроме как' (*та сяна* || *та кындзи* 'кроме этого', 'кроме него'); *сярысь* || *серти* 'в соответствии с. . .', 'по сравнению с. . .', 'сравнительно с. . .' (*кылем арын сярысь* || *кольӧм воын серти* 'по сравнению с прошлым годом'); *сьӧрын* || *сайын* 'за (кем-л., чем-л.)' (*шур сьӧрын улыны* || *ю сайын овны* 'жить за рекой'); *урдэск-*, *урдс-* || *бок* 'около чего-л.', 'возле чего-л.' (*сюрес урдсын* || *туй бокын* 'возле дороги', 'около дороги').

Перечисленные послелоги употребляются почти во всех формах местных падежей.

В удмуртском языке ряду коми послеложных конструкций соответствует падежная форма: разд. п. *кылем арлэсь. . .* || *кольӧм вося серти. . .* 'по сравнению с прошлым годом. . .'; дат. п. *толэзьлы лыктыны* || *локны тӧлысь кежлӧ* 'прибыть на месяц'; *кык нуналлы лыктӥ* || к.-п. *локті кык лун кежӧ* 'я приехал на два дня'; твор. п. *семьяен* || *став семья кодьӧн* 'всей семьей'; местн. п. *ас кылбуръёссэ со кылӥз коми кылын* || *ас кывбуръяссӧ сійӧ кыліс коми кыв вылын* || *ас кывбуррезсӧ сія кыліс коми кыв вылын* 'свои стихи он услышал на коми языке'; пред. п.: *мырдэм вуи корказёзь* || *ӧдва вои кильчӧ вылӧдз* 'едва дошел до крыльца'; *пие* (~ *пилы*) *басьтыны* || *пи пыдди босьтны* 'взять в сыновья', 'усыновить'; исх. п.: *ведраысь юыны* || *ведра дорысь юны* || *ведра дорись юны* 'пить из ведра'; *ведраысь люктаны* || *ведра помысь юктӧдны* 'напоить из ведра'; пред. п.: *ӵукнаозь пукыны* || *асъя вылӧдз пукавны* 'сидеть до утра'; соотв. п.: *советской правительстволэн ӧтемезъя* || к. з. *советскӧй правительстволӧн корӧм серти* 'по приглашению советского правительства'; *куараея* (*голосэя*) *монэ тодмаз* || к.-п. *гӧлӧс сьӧрті менӧ тӧдіс* 'по голосу он меня узнал'; *тонъя* || *тэ ногӧн* 'по-твоему', *монъя* || *ме ногӧн* 'по-моему'; коми сочетания слов с послелогом *сорӧн* 'с', 'совместно с. . .' в удмуртском нередко пе-

редаются деепричастием на *-са*: *дыртыса гуртысь потй* // к.-з. *гортысь петі тэрмасьӧм сорӧн* ‘торопясь вышел я из дому’.

§ 92. Многие послелоги в пермских языках употребляются в сочетании с лично-притяжательными суффиксами, заменяя личные местоимения. Такие послелоги именуются п о с л е л о ж н о л и ч н ы м и м е с т о и м е н и я м и. Прономинализация (оместоименивание) послелогов происходит в пределах локальных падежей, чаще всего в местном, исходном, вступительном падежах почти всех серийных послелогов, например:

сьӧр-: *сьӧрам* ‘я с собой’, *сьӧрад* ‘ты с собой’, *сьӧраз* // *сьӧрас* ‘он с собой’, *сьӧрамы* // *сьӧраным* ‘мы с собой’, *сьӧрады* // *сьӧраныд* // *сьӧраныт* ‘вы с собой’, *сьӧразы* // *сьӧраныс* ‘они с собой’;

-дор-, *дінь-* // *дін* // *дын-*: *дорам*, *діням* // *дінам* // *дынам* ‘около меня’, ‘рядом со мной’, ‘к себе’, ‘ко мне’; *дорад*, *діняд* // *дінад* // *дынат* ‘около тебя’, ‘рядом с тобой, ‘к себе’, ‘к тебе’; *дораз*, *діняз* // *дінас* // *дынас* ‘около него’, ‘рядом с ним (с ней)’, ‘к себе’, ‘к нему (к ней)’ и т. д.;

у. *кож-* (самостоятельно ныне не употребительно): *кожам* ‘я сам собой’, ‘сам без посторонних’, *кожад* ‘ты сам собой’, ‘ты сам без посторонних’, *кожаз* ‘он сам собой’, ‘он сам без посторонних’, *кожамы* ‘мы сами собой’, ‘мы сами без посторонних’, *кожады* ‘вы сами собой’, ‘вы сами без посторонних’, *кожазы* ‘они сами собой’, ‘они сами без посторонних’;

в бесермянском причинно-целевой послелог punna ‘за’, ‘ради’, ‘для’, ‘про’: punnam ‘про себя я сам’, ‘за (ради) меня’, punnad ‘про себя ты сам’, ‘за (ради) тебя’, punnaz ‘про себя он сам’, ‘за (ради) себя он’, punnamə ‘про себя мы сами’, ‘за (ради) себя мы’, punnadə ‘про себя вы сами’, ‘за (ради) себя вы’, punnazo ‘про себя они сами’, ‘за (ради) себя они’, например: mon śarəś malpaśkod lo punnad ‘наверное, сама думаешь обо мне’ (досл. ‘сама про себя’).

В послеложно-личном местоимении punnad выражено ед. число и принадлежность 2-го лица. Это слово в данном предложении выступает в роли подлежащего. Таким образом, послеложно-личные местоимения пермских языков нельзя причислять к собственно послелогам, т. е. к служебным словам, так как они выступают в качестве самостоятельных слов и являются членами предложения.

§ 93. С о ю з ы пермских языков оформились сравнительно поздно, о чем говорит различный состав их в каждом из этих языков. По характеру выражаемых связей в предложении различают союзы сочинительные и подчинительные.

Сочинительные союзы бывают а) соединительные: *но* // *и* ‘и’, *да* ‘и’, *но*. . . *но* // *и*. . . *и* ‘и . . . и’, *не*. . . *не* // *ни* . . . *ни* ‘ни. . . ни’, *гинэ*. . . *но*, *гинэ ӧвӧл* . . . *но* // к. з. *оз сӧмын*. . . но и ‘не только . . . но и’, *кызьы ке*. . . *озьы ик* // *кыдзи* . . . *сідзи и* ‘как . . . так и’ (*кызьы ке малпа*, *озьы ик вера* // *кыдзи мӧвпалӧ*, *сідзи и висьталӧ* ‘как думает, так и говорит’); б) противительные: *нош*, *но* // *но* ‘но’, ‘однако’ (*шунды гурезь сае лэзькиз*, *но куазь*

югыт на вал || шонді саяліс керӧс сайӧ, но вӧлі ещӧ югыд || шонді сайӧвтчис керӧс сайӧ, но вӧлі эшӧ югыт ‘солнце спряталось за гору, но было еще светло’), *а то* ‘а то’, *яке || либӧ* ‘либо’ (*покыче ялгыш, яке алдаськем, конешно, ӧй вал* || к.-з. *некутшӧм ӧшыбка либӧ пӧръясьӧм, дерт, эз вӧв* ‘никакой ошибки или никакого обмана, конечно, не было’); в) разделительные: *оло. . . оло || нисьӧ, не то . . . не то* ‘не то. . . не то’, *я. . . я* ‘то. . . то’, ‘то ли. . . то ли’, к. *али* ‘или’ (*локтан али он лок?* ‘придешь или не придешь?’), *яке. . . яке || либӧ. . . либӧ* ‘либо. . . либо’, ‘или . . . или’, ‘то. . . то’ (*яке тунны жытазе пыра, яке ӵуказе ӵукпа вуылы || либӧ талун рытпас пырав, либӧ аски асыв волы* ‘или сегодня вечером зайди, или постарайся забежать утром’).

Подчинительные делятся на а) временные: *ку, куке || кор || кӧр* ‘когда’, *гинэ, гинэ. . . но || ӧдва*, к.-з. *сӧмын, муртса, мыйӧн* ‘только’, ‘только что’ (*Шалаше югыт пиштыны гинэ кутскиз, чорыгасьёс пыд йылазы вал ни || ӧдва югытыс пондіс сидзны шалашас, черіаліссез суветіспы уж кок йылын* (Коми-перм. 311) ‘Только что свет начал проникать в шалаш, рыбаки уже встали на ноги’); у. *бере* ‘после того как’ (*Дыртыса кошкемды бере, дорамы одйг тодмотэм мурт пыраз на* (РУСл. 1354) ‘После того, как вы поспешно ушли, к нам заходил еще один незнакомый человек’), *дыръя* || к.-з. *пока* ‘пока’, ‘когда’, б) условные: *ке || кӧ, бере, дыръя* || к.-п. *коли* (*уд тодйськы бере, эн вера* || к.-п. *коли он тӧд, эн висьтав* ‘если не знаешь, то не говори’); к.-п. *кӧбы* (< русс. *кабы*) ‘если бы’, ‘кабы’ (*Ох, кӧбы ме ыджытжык чуть, некӧр бы тэ сьӧрись эг кольччы* (Коми-перм. 312) ‘Ох, если был побольше чуть, никогда бы от тебя не отстал’); в) причинные (причинно-целевые): *но, но. . . соин || да* ‘так как’ *шуыса || медым* ‘чтобы’, *малы ке шуоно* || к.-з. *сы понда мый, сы вёсна мый лёка* ‘ввиду того, что’, ‘потому что’, ‘так как’; г) уступительные: *озьы ке но* ‘хотя и так’, ‘несмотря на то, что’, ‘несмотря на это’; *ке но || кӧть и. . .* ‘хоть’, ‘хотя и. . .’, ‘хотя . . . но’; д) изъяснительные: *шуыса || мый* (*мон верай, ваньмыз со зэм шуыса || ме шуи, мый ставыс тайӧ збыльысь* ‘я сказал, что это всё равно’), *будто || быттьӧ*, ‘будто’, *будто ке || быттьӧкӧ, быттьӧкӧн, быттьӧкӧнӧсь*, ‘как будто’, ‘будто бы’ (*кылле, будто висе || куйлӧ, быттьӧ висьӧ* ‘лежит, будто болеет’).

Состав удмуртских союзов в основном исходит от ископных слов: сочинительные — *но* ‘и’, *но . . . но* ‘и . . . и’, *кызьы ке озьы, кызьы ке озьы ик* ‘как, так и. . .’ *собере* ‘потом’, ‘затем’; подчинительные — *ку, куке* ‘когда’, *бере* ‘после того, как’, *дыръя* ‘в то время, как’, *шуыса* ‘говоря’, *малы ке шуоно* ‘потому что’ образован от свободного сочетания слов *малы* ‘почему’, *ке* ‘если’, *шуоно* ‘надо (следует) сказать’ [135]; *нош* связан с коми частицей *нӧшта* [136].

---

[135] П. Н. Перевощиков — ВФУ IV 3—19.

[136] Сереб. Ист. перм. 375. — Ст. также: В. Г. Калашникова. — Уч. зап. УГПИ, вып. 18. Ижевск, 1968, стр. 141—149; Она же. Сложно-

В предложениях указанного типа в коми языках, как правило, используются союзы и союзные слова, происходящие от местоименных слов. Исключением в них можно считать союз *лёка* ‘потому что’, ‘так как’, происходящий от знаменательного слова *лёк* ‘плохо’, ‘худо’, ‘скверно’; ‘плохой’, ‘худой’, ‘скверный’ (КРСл.).

В коми-пермяцком языке широко употребительны союзы *что, чтобы*, усвоенные из русского языка, и *медбы* ‘чтобы‘ (*быдӧныс долженӧсь пессьыны сы понда, медбы колхозын вӧлі образцовӧй порядок да чорыт дисциплина* ‘все должны бороться за то, чтобы в колхозе был образцовый порядок и твердая дисциплина’).

Часть удмуртских союзов заимствована из татарского языка, например: *гиньэ* ‘только что’, *я* ‘или’, *я. . . я, яке. . . яке* ‘или. . . или’, ‘то. . . то’ [137] и др. Ряд союзов усвоен из русского языка: *а* ‘а’, *не то. . . не то* ‘не то . . . не то’ и т. д.

Преобладающая часть употребительных союзов в коми языках является заимствованиями из русского языка: сочинительные — *а* ‘а’, *али* ‘или’, *да* ‘да’, ‘и’, ‘но’, *дай* ‘да и’, *и. . . и* ‘и. . . и’, *либӧ. . . либӧ* ‘либо . . . либо’, ‘или . . . или’, *нисьӧ, не то. . . не то* ‘не то. . . не то’, *ни. . . ни* ‘ни. . . ни’ и другие; подчинительные — *бытъӧ* ‘будто’, *кӧть, кӧть и. . .* ‘хоть’, ‘хотя и . . .’, *ӧдва*, ‘едва’, *пока* ‘пока’, к.-п. *кӧбы* ‘кабы’, *да* ‘да’ и т. д. Из сочинительных союзов употребляются в коми языках *кыдзи. . . сідзи* ‘как, так и. . .’, *сійӧн* ‘поэтому’ и к.-з. *сӧмын* ‘столько-то’ от указательного местоимения *со* (<*сійӧ*)+*мын* ‘счет’, ‘десять’ (и нек. др.); подчинительные почти все русского происхождения. Имеется также группа союзов в пермских языках, которая представляет собой кальки соответствующих по значению русских союзов.

§ 94. Ч а с т и ц ы в пермских языках имеют широкую сферу использования в речи. Одни частицы имеют постоянное место в предложении, другие могут перемещаться. Частицы, занимающие постоянное место, бывают: препозитивные (*ӧвӧл* // *абу* ‘не’, *мед* ‘пусть’, *не* ‘не’; *вай, давай* // к.-з. *медся, бӧльӧ*, например: у. *вай мон верало* ‘давай я скажу’; *мед юнмалоз но сяськаялоз асьмелэн быдӟым Родинамы* // к.-з. *мед ӟнмас и дзоридзалас аслапым ыджыд Чужан му* ‘пусть крепнет и расцветает наша великая Родина’) и постпозитивные (*а* // *-ӧ, ке* // *кӧ, пе* // *пӧ*; *-о, гиньэ, ик, на, ни, ук* // *пӧ, -ӧ* // *я, жӧ, нӧ* и др., например: *кылйд-а выль ивор?* // *кывлін-ӧ выль юӧр?* // *кывлін-о виль юӧр?* ‘слыхал ли ты новости?’).

По своим функциям частицы различаются как неопределенные (*пе* ‘дескать’, *пӧй* // *пӧ, мися* // *пӧ, мыся* ‘мол’, ‘де’: *ӵуказе, пе, лыктом* // *аски пӧ локтам* ‘завтра, де, приедем’; *уго, ведь* // *ӧд* // *эд*

сочиненные предложения в удмуртском языке (в историческом освещении). Авт. д. к. Тарту, 1974.

[137] Сереб. Ист. перм. 376.

'ведь'; к.-з. *наперво* 'по крайней мере', 'прежде всего', *кöть* 'к примеру', *тон* 'конечно', *да* 'пожалуй', 'в самом деле', *оло, лэся* || к.-п. *натьтö* 'наверно', 'по-видимому', *некö* 'видимо' и др.); вопросительные (*а, тэ, мода* || *ли, ö* || *я, ли* 'ли'; *шат, неужто, неужели* || *нö, неужели* 'неужели', к.-з. *разьве, ömöй*, к.-п. *разь* 'разве' (*шат мон бере кыли?* || *сёрми ömöй ме?* 'разве я опоздал?'); выделительные (*уга, уго, угось, ведь* 'же', 'ведь', 'именно', к.-з. *нö, жö*, 'же', *да* 'да', *бара* 'в самом деле', 'конечно'); ограничительные (*гинэ* 'лишь', к.-п. *токо, только* 'только', к.-з. *сömын* 'только', *медтыкö* 'лишь бы', *куш* 'только' (*куш миян республикаын* . . . 'только в нашей республике. . .'[3]); отрицательные (*öвöл*, 'не', 'нет' || *абу* 'не', 'нет'; этимологически эта частица восходит к глаголу *вылыны* || *вöвны* 'быть'; у. *öвöл* < *эвöл* < < *эвыл* < *эбвыл*; к. *абу* < *абул* < *абвöл*[138]; соотносящие (*ини, ни, нй* || *нин* || *ни* 'уже': *шунды корка сае лэзькиз ни* || *шондiыс дзебсис нин керкаяс сайö* || *шондiыс дзебсис ни керкуöс сайö* 'солнце уже скрылось за домами'; *на, эшшо* || *на, нöшта, нöшта на, ещö* || *на, эшö* 'еще': *мон татчыозь öй на вал Москваын* || к.-п. *ме önöдз эг на вöв Москваас* 'до сих пор я еще не был в Москве'); сравнительные (*самой* || к.-з. *медся, самöй* 'самый', к.-з. *бöльö* 'более': *водз кöдзöмыд бöльö бур* 'ранний посев более лучший'); указательные (*та, вот* || *вот* 'вот', *тані* 'вот (здесь)' *то* 'вот (здесь)', 'вот (это)', *тöни* 'вот (там)' || к.-з. *со, то, вот*, к.-п. *во, вону* 'вот (то)'; усилительные (*но* 'и', 'же', 'тоже', *ай, ик, али* 'же', *бен* 'так' *выйöдз, весиг* || *нельки, даже* 'даже'; к.-з. *бара* 'небось'); уступительные (*ке по* 'хоть', 'хотя и', *кöть* || *кöть* 'хоть', 'по крайней мере', *иначе* (*нö, инöс*) 'в таком случае', *либö* 'либо', 'в таком случае'; утвердительные (*бен, о—о, озьы* || *да, сiдз* 'да', 'так', *зэм* 'действительно', 'да': *зэм, озьы вал* 'действительно так было'); неопределенности (*мода* 'же', 'что ли', 'ли': у. *ныльд лыдзиз мода та книгаез?* 'твоя дочь прочла ли эту книгу?'; *ке* || *кö* 'хотя', '-то': *кипке* || *кодкö* 'кто-то', *маке, мар ке* || *мыйкö* 'что-то', *кыче ке* || *кутшöмкö* || *кытшöмкö* 'какой-то'); совпадения (*ӵапак*) || *дзик* || *дзик, тон, жыв* 'как раз', 'точь-в-точь': *пиез ӵапак аиз* (*тус*) || *пиыс дзик айыс* 'сын точь-в-точь в отца'; к.-з. *буретш* 'как раз (в это время'), *самöй* 'именно', 'как раз'); приглагольные частицы (*мед* || *мед, эськö* || *мед, бы, ась* 'пусть', к. *нö давай* 'давай', *-ко* '-ка': у. *умой мед луысал* 'пусть бы было хорошо'; к.-з. *кöсйим эськö ми талун мунны* . . . 'хотели бы мы сегодня пойти . . .' и др.

Многие частицы, употребляемые в пермских языках, заимствованы из русского языка: *а* 'а', *будто*, 'будто', *ведь*, у. *эшшо* || *ещö* || *эшö* 'еще', к. *бы* 'бы', *да* 'да', *давай, же* 'же' и др. В удмуртском языке, кроме того, имеются татарские заимствования: *гинэ* 'лишь', *оло* 'или', *яке* 'либо' и др. Наряду с заимствованными из иных языков в пермских языках богато представлены частицы и исконного происхождения. Так, общепермскую частицу *мед*,

[138] Сереб. Ист. перм. 380.

вслед за Фокошем-Фуксом, Б. А. Серебренников связывает с основой глагола *мӧдны* 'отправляться' и с приглагольной частицей *мед* 'пусть'[139], употребительной в коми языках. Того же происхождения коми частица *медся* и удмуртская частица *меда*. Удмуртские частицы *уг, уга, уго(сь)* 'же', 'ведь' Б. А. Серебренников считает возможным связывать с усилительной частицей *ак* 'же' марийского языка; *али* '-ка' — с мр. *але*, хотя допускает происхождение последней из татарского языка[140]. Удмуртские частицы *тани, тӥни*, по предположению Б. А. Серебренникова, представляют собой сочетание окончаний местных падежей -n и -i[141]. Коми частица *бара* 'в самом деле', 'конечно' связывается с наречием *бара* 'опять', представляющим собой застывшую форму латива на *-а* от существительного *бӧр* 'зад'[142]. Коми-зырянская частица *буретш* составлена из двух наречий: *бур* 'хорошо' и *этша* 'мало'[143]. Коми-зырянская частица *выйӧдз* 'даже' связана с наречием *выйӧдз* доп. *w$\ddot{ə}$ŋ$\ddot{ə}$- 'конец', 'предел' (КЭСМ, 72); коми слово *весиг* является производным от *весь* 'зря', 'напрасно', 'даром' < доп. *wsńč'з- (КЭСК, 53); *сӧмын* 'только' состоит из двух частей: *сӧ* — местоименной основы и *мын* — числительного *мын* < прап. *mən 'количество' (КЭСК, 182—183); первоначально *сӧмын* означало 'то количество', затем возникло значение 'только'[144]; частица *тай* связывается с мансийским словом *тай* 'то'[145]; частица *тшӧтш* совпадает по форме с послелогом *тшӧтш* 'вместо'[146] и ряд других.

ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА

§ 95. Пермские языки сохранили ряд общих черт синтаксического строя, восходящих к финно-угорскому языку-основе, например, определенный порядок слов в предложении, препозицию некоторых словосочетаний с обстоятельственными или определительными значениями, препозицию принадлежностных падежей, тенденцию к постановке наречий перед глаголом, тяготение форм вспомогательных глаголов в аналитических глагольных формах к конечной позиции, распространение бессоюзных сложных предложений и др.[147] Тем не менее, в отличие от фонетического и морфологического строя, синтаксис отдельных пермских

---

[139] Сереб. Ист. перм. 379.
[140] Там же, стр. 378.
[141] Там же, стр. 379.
[142] Там же, стр. 377.
[143] Там же, стр. 381.
[144] Сереб. Ист. перм., стр. 378.
[145] Там же, стр. 379.
[146] Там же, стр. 381.
[147] D. R. Fokos-Fuchs. Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft. Wiesbaden, 1962; Б. А. Серебренников. Всесоюзная конференция по финно-угроведению (тезисы докладов и сообщений, июнь, 1965 г.). Сыктывкар, 1965.

языков в настоящее время во многом сходен [148]. Своеобразия в каждом из них выработались в период самостоятельного развития.

§ 96. Словосочетание. Связь между словами в сочинительных словосочетаниях пермских языков выражается с помощью союзов и без них: *уй но нунал || вой и лун* 'день и ночь', *мумы-бубы || мам-бать* 'родители' (досл. 'мать-отец'). Кроме отмеченных типов в удмуртском имеются синтаксически неразложимые сочетания слов. Это так называемые спаренные глаголы. Основная функция, объединяющая почти все эти глагольные сочетания, — выражение и уточнение способа протекания действия в пространстве и времени, а также положение субъекта и объекта речи при этом действии. Основное содержание действия в удмуртском языке выражается неизменяемым деепричастием на *-са*, а дополнительные оттенки — при помощи специальных изменяемых глаголов — модификаторов, занимающих, как правило, постпозиционное положение по отношению к конструкции, например: *улляса лэзиз* 'прогнал' (досл. 'прогоняя пустил'), *бызьыса кошкиз* 'убежал' (досл. 'побежав ушел') [149]. Спаренные глаголы в удмуртском языке, как и в других волжско-финских языках, возникли под влиянием соседних тюркских языков.

В подчинительных словосочетаниях синтаксическая связь выражается при помощи согласования, примыкания, управления [150], в удмуртском языке, кроме того, распространены изафетные конструкции.

§ 97. Согласование как особый тип синтаксической связи не характерен для пермских языков, как, скажем, для прибалтийско-финских языков, но оно свойственно для предикативных сочетаний, в которых подлежащее и сказуемое согласуются в числе и лице, например: *колхозникъёс ужало || колхозникъяс уджалöны || колхозниккез уджалöны* 'колхозники трудятся'. Согласование в числе и падеже наблюдается между некоторыми местоимениями: *мыным аслым || меным аслым* 'мне самому'; *тӥлесьтыд кыкнадылэсь || тіянсянь кыкнанныдсянь* 'от вас обоих'. Согласование в числе и падеже встречается в удмуртских субстантивных словосочетаниях с зависимыми именами прилагательными, числительными, существительными в формах косвенных падежей, ме-

---

[148] F. I. Wiedemann. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. St.-Pb., 1884, стр. 236—252; A. Klemm. A mellérendelő és alárendelő viszony kifejezése az északi osztják és votják nyelvben. «A Pannonhalmi Főapátsági Főiskola Évkönyve». Budapest, 1911—1912; Он же. Magyar történeti mondattan, I—III. Budapest, 1928—1942.

[149] В. К. Кельмаков. Спаренные глаголы в удмуртском языке. «Вопросы удмуртского языкознания», 3. Глагольные сочетания подробно изучены в кукморских говорах, в которых выявлено 37 модификаторов. См.: Кельм. Кукм. 362 и далее.

[150] О порядке слов в коми языке подробнее см.: А. Сидоров. Порядок слов в предложении коми языка. Сыктывкар, 1953.

стоимениями и причастиями при употреблении их с выделительно-указательными суфф. *-эз* (*-ез*), *-ыз*: *вылез книга* ‘новая книга’, *выленыз книгаен* ‘новой книгой’; *чеберъёсыз кызьпуос* ‘красивые березы’, *чеберъёсызлы кызьпуослы* ‘красивым березам’, *чеберъёсыныз кызьпуосын* ‘красивыми березами’. Согласуются в числе также удмуртские прилагательные-определения, снабженные суфф. *-эсь* (*-есь*), например: *жужытэсь коркаос адскизы* ‘показались (стали видны) высокие дома’; *паськытэсь ульчаос кыстйсько* ‘тянутся широкие улицы’.

Коми прилагательные, снабженные тем же суфф. *-ӧсь*, согласуются в числе лишь в том случае, если они выступают в функции сказуемого при подлежащем, выраженном именем существительным или местоимением во мн. числе: *керкаяс джуджытӧсь*, ср. у. *коркаос жужытэсь* ‘дома высокие’, *уличаяс паськытӧсь*, ср. у. *ульчаос паськытэсь* ‘улицы широкие’, *ныбабаяс томӧсь*, ср. у. *нылкышноос егитэсь* ‘женщины молодые’ и т. д.

§ 98. Примыкание свойственно для: а) наречий, инфинитива и деепричастий, например: *жог ужаны* || *ӧдйӧ уджавны* || *регыт уджавны* ‘быстро работать’; *пыдын мыныны* || *мунны подӧн* ‘идти пешком’; *адзыны пыраны* || *пыравны видзӧдлыны* ‘зайти посмотреть’; *машинаен лыктыны* || *машинаӧн локны* ‘прибыть на машине’; *мыныны жадьытозь* || *мунны мудзтӧдз* ‘идти (двигаться) до устали’, *пуке вераськыса* ‘сидит рассказывая’ и т. д. б) определительных словосочетаний, в которых зависимое слово (определение) обязательно предшествует слову, от которого оно зависит (определяемому слову), например: *пеймыт уй* || *пемыд вой* || *пемыт вой* ‘темная ночь’, *гырем му* || *гӧрӧм му* ‘вспаханная земля’, *вить вал* || *вит вӧв* ‘пять лошадей’ и т. д. От перестановки отдельных компонентов словосочетание теряет смысл и приобретает иное значение, ср.: *му гырем* || *му гӧрӧм* ‘пахота земли’. Это явление общефинно-угорского характера.

§ 99. Управление может быть надежным и послеложным. В качестве управляющих слов выступают обычно личные формы глаголов, а также причастия и деепричастия, существительные, прилагательные, наречия. Зависимым словом может быть имя существительное, местоимение или любое субстантивированное слово: *гожъяй карандашен* || *гижи карандашӧн* ‘написал карандашом’, *шудэ мунӟеи* || *ворсӧ аканьӧн* ‘играет куклой’; *вераськом уж сярысь* || *висьталам удж йылысь* ‘рассказываем о работе’, *пукисько жӧк сьӧрын* || *пукала пызан сайыс* ‘сижу за столом’.

В отличие от коми языков в удмуртском смысловая связь определения с определяемым именем при выражении отношений принадлежности передается необычным путем — формами притяжательности. Это особый тип определительного словосочетания, состоящий из двух имен, первое из которых (определение) имеет форму род. или разд. падежа, второе (определяемое) — соответствующий притяжательный суфф. *-э*, *-е*, *-ы*; *-эд*, *-ед*, *-ыд*; *-эз*, *-ез*, *-ыз* преимущественно в ед. числе; *-мы*, *-ды*, *-ты*, *-зы*, *-сы* — пре-

имущественно во мн. числе [151], например: *мынам уже || менам удж* 'моя работа', *тынад ужед || тэнад удж* 'твоя работа', *солэн ужез || сылӧн удж* 'его работа'. В каждом из приведенных сочетаний связь определения и определяемого существительного в удмуртском языке выражается лично-притяжательным суффиксом существительного и соответствующей местоименной формой определения. Категория принадлежности здесь выражается дважды: в структуре определения суфф. *-лэн* и в структуре определяемого — лично-притяжательным суфф. *-эз* (или *-эд*). Как видно из примеров, в коми сочетаниях существительное может быть не снабжено лично-притяжательным суффиксом. Подобные изафетные сочетания выражают не обычные принадлежностные отношения, а определенные, конкретные, т. е. *колхозлэн бусыез* надо понимать 'поле колхоза' (определенного, известного или конкретного); *ленинской партилэсь знамязэ || ленинскӧй партиялісь знамя* 'знамя ленинской партии'; *кинопутешествиослэн клубзы || кинопутешествиеялӧн клуб* 'клуб кинопутешествий'. В этих сочетаниях существительное, выражающее конкретного обладателя предмета, снабжено формой принадлежности *-лэн || -лӧн* — окончание род падежа или *-лэсь || лысь || лісь* — окончание разд. падежа . В удмуртских определительных сочетаниях форма определения *-лэн* (или *-лэсь*) непременно требует оформления определяемого имени притяжательным суффиксом 3-го лица. Данный вид определительной связи удмуртского языка П. Н. Перевощиков называл п р и т я ж а т е л ь н о й связью [152] (разрядка моя. — *Г. Л.*).

В коми языках основы личных местоимений *ме, ми; тэ, ті; сійӧ || найӧ || сія; нія* могут выступать в качестве притяжательных местоимений в позиции определения, напрмер: *ме выль керкаын // ме виль керкуын* 'в моем новом доме', ср. у. *мынам выль коркам*; *сійӧ пельын || сія пельын* 'в его ушах', ср. у. *солэн пеляз*. Имя (местоимение) — обладатель в удмуртском языке имеет форму род. падежа, в коми языках — именительного. В удмуртском языке такой способ передачи словосочетания единственный, тогда как в коми языках возможна притяжательная связь, также сходная с удмуртской.

§ 100. П о р я д о к с л о в. Структура простого предложения пермских языков мало отличается от других финно-угорских языков, но в ней есть своеобразия; порядок слов в предложении, как и в других языках, во многом зависит от смысловых моментов. В удмуртском языке глагольное сказуемое имеет тенденцию отодвигаться в конец предложения. Во всех пермских языках широко употребляются простые распространенные предложения, осложненные различными отглагольными оборотами. В коми языках имеются особые типы простого предложения а) безличное предложение с пассивно-возвратным глаголом, субъект же действия вы-

---

[151] Гр. удм. I, 77, II 9.
[152] Н. П. П е р е в о щ и к о в — ВЯ, 1952, № 6, стр. 110—111.

ражен словом в форме род. падежа, например: *менам узьсьӧма* ‘я проспал’ (досл. ‘у меня проспалось’), ср. у. *мон изиськем* ‘тж’. (досл. ‘я, оказывается, проспал’); б) обобщенно-личное предложение без подлежащего, сказуемое же выражается формой глагола 2-го лица наст. и буд. времени, например: *уджавтӧгыд кынӧмыд оз пӧт // уджавтӧгыт кынӧмыт оз пӧт* ‘не работая, сыт не будешь’ [153], ср. у. *ужатэк кӧтыд уз тыр* ‘тж’.

Различие между удмуртскими и коми предложениями обнаруживается и в отрицательных предложениях. Не совпадает местоположение слова-отрицания в предложении разных пермских языков. В коми-языках отрицание довольно свободно может обособляться от глагола, например: к.-з. *сійӧ мыччис вӧйысьлы эз кисӧ, а бедьтор* [154], ср. у. *вуэ выйисьлы со ӧз сёты кизэ, боды мычиз* ‘он подал утопающему не руку, а палку’, в удмуртском слово-отрицание обязательно должно занимать место перед глаголом, например: к. *вӧчис сійӧс эз Марпа, а Степан* [155]; у. *сое Марпа ӧз лэсьты, а Степан* ‘сделала это не Марфа, а Степан’ и т. п. Отрицательное слово в удмуртском предложении более тесно связано со сказуемым, чем в коми. В последнем развита форма отрицания также с помощью заимствованного из русского языка отрицания *не*: *Ӧні сёрниыс муні́ не сы йылысь, коді мый вӧчӧма, а кыдзи бурмӧдны уджсӧ* ‘Теперь речь идет не о том, кто что сделал, а как улучшить работу’. Удмуртскому языку такие обороты не свойственны.

В отличие от коми удмуртские вопросительные предложения в своем составе могут иметь вопросительную частицу *-а* или *-о*, например: у. *Кин-о со?* наряду с *Кин со?*, к.-з. *Коді сійо?* ‘Кто это?’; у. *Кинэ ке адзиӟ-а, ӧӟ-а?*, к.-з. *Кодӧсӧ аддзылін эн?* ‘Кого-нибудь видел или нет?’ Коми языки обходятся без особой вопросительной частицы при вопросительных предложениях или используют заимствованную из русского языка частицу *али* (< *или*): у. *вуӈэтйӟ-а, мар-а? // вуӈӧдіи али мый?* ‘забыл ты что ли?’; *Зеч-а, урод-а-малпаньёсын со лыктӥз . . .*, ср. к. *бур али омӧль думъясӧн локтіс сійӧ. . .* ‘с хорошими или плохими намерениями явился он. . .’

Однако в определенных случаях вопросительная частица *-ӧ* употребляется и в коми языках, например: *Ыджыд-ӧ уджыс?*, ср. у. *трос-а ужез?* ‘велика ли работа?’; *Вӧв-ӧ тайӧ?*, ср. у. *вал-а та?* ‘это лошадь?’; *Шойччиӟ-ӧ тэ таво?*, ср. у. *шутэтскид-а тон туэ?* ‘отдыхал ли ты в этом году?’. Подобное употребление имеет ограниченный характер в коми языках, в то время как в удмуртском языке частица *-а*, соответствующая коми *-ӧ*, находит широкое использование.

---

[153] В. И. Лыткин — Яз. пар. III 295, 313.
[154] А. С. Сидоров — ДСИЯ, 1955, № 7, стр. 56.
[155] Там же, стр. 57.

§ 101. В предложении группа сказуемого в удмуртском языке, как правило, следует за группой подлежащего, например: *пурысь шинелен дйсяськем адями садо сюрес кузя шаплы вамышъя || руд шинельдн пасьтасьём морт садъя туй кузя ддйд восьлалд* 'В серую шинель одетый человек быстро шагает по дороге с садами'. Подлежащее *адями || морт* 'человек' замыкает свою группу, сказуемое *вамышъя || восьлалд* 'шагает' — свою. Слова, зависимые от подлежащего, и слова, зависимые от сказуемого, объединяются в свою очередь синтаксически и по смыслу в поясняющие группы (в причастные обороты, деепричастные обороты, инфинитивные обороты, отглагольно-именные обороты). В причастном обороте конечное место занимает причастие, в деепричастном — деепричастие, в инфинитивном — инфинитив, в отглагольно-именном — отглагольное существительное [156].

Как и другие финно-угорские языки, пермские богаты причастными и деепричастными оборотами.

Деепричастные обороты с особым подлежащим приближаются к придаточным предложениям. С точки зрения типов придаточных предложений удмуртский язык значительно богаче других пермских языков, поскольку в дополнение к своим собственным он заимствовал и вполне усвоил тюркский тип придаточных предложений, вводимых различными союзами.

В современных пермских языках, как и в других финно-угорских, представлены оба типа сложных предложений: сложносочиненные и сложноподчиненные. В удмуртской оригинальной литературе, по наблюдениям П. Н. Перевощикова, наибольшее распространение имеют сложноподчиненные предложения, построенные посредством соотносительных парных местоименных слов, и относительно меньше распространены сложноподчиненные предложения, составные части которых связаны союзами различного происхождения [157]. Сложноподчиненные предложения, построенные посредством соотносительных парных местоименных слов, по своей структуре близки к русским [158].

§ 102. Для удмуртского синтаксиса свойственно употребление сложноподчиненных предложений, построенных при помощи весьма распространенных союзов *бере*, *дыръя*, *шуыса*, которые располагаются в конце придаточного предложения: *Трактореэ умойумой тодйськод бере, ужаны секытэз уз луы* 'Раз (если) ты хорошо знаешь трактор, затруднений в работе не будет'; *Коркан будйсь садъёслы толалтэ югыт ёжыт шеде бере, ву киськано шер по 30 градус шуныт карыса* (Сов. удм. 8 дек. 1973) 'Поскольку домашним растениям зимой оказывается недостаточно света, то следует по-

---

[156] См. подробнее: П. Н. Перевощиков. Роль русского языка в развитии культуры удмуртского народа. Ижевск, 1963, стр. 11—12.

[157] П. Н. Перевощиков. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959.

[158] К. М. Баушев. Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка. М.—Л., 1929, стр. 36—40.

ливать водой, нагревая ее до 30 градусов'; *Йырыд висе дыръя, больницае ветлы* 'раз (если) голова болит, сходи ты в больницу'; *Тачѣ станокен та дырозь ужамед ӧвӧл на дыръя, мастерлэсь юалляську вал* 'Если на таком станке до сих пор ты еще не работал, то расспросил бы мастера'; *Зор медаз котты шуыса, жӧгак ми пырымы шур дурысь шалаше* 'Чтобы дождь не промочил, мы быстро перебрались в прибрежный шалаш'; *Оскиськом ми, лингвистической кружок милемлы бадӟым пайда сётоз шуыса* (Дась лу) 'Мы надеемся, что лингвистический кружок нам принесет большую пользу'.

Ряд удмуртских союзов *ке, нош, гинэ* и некоторые другие имеют возможность занимать разные позиции в предложении и в зависимости от своего занимаемого места влиять на содержание предложения.

§ 103. Одной из характерных особенностей оформления прямой речи в удмуртском языке при сочетании прямой речи с авторскими словами является употребление модального слова *шуыса* 'говоря', например: — *Кыӵе умой кышно луов та мыным*, — *шуыса, малпам Эштэрек* (Удм. нар. сказки) 'Какой хорошей женой она мне будет, — подумал Эштерек' (досл. 'говоря, подумал Эштерек'). Такая форма передачи чужого высказывания является наиболее ранней. Она бытует и в современном удмуртском языке наряду с формами сочетания прямой речи с авторскими словами, которые одинаковы с русскими формами, т. е. сочетаниями без модального слова *шуыса* (*шуса*) [159]. Это явление не находит аналогий в других пермских языках.

§ 104. В переводах и в оригинальных художественных произведениях после Великого Октября в связи с необходимостью выработки и установления норм литературных языков постепенно возникают конструкции (наряду со своими специфическими), заимствованные из русского языка (например, придаточные предложения разных типов), которые в общем не противоречили строю удмуртского и коми языков, хотя эти конструкции не были распространены в них. Наряду с этим в удмуртском языке, в отличие от коми, развились союзы и союзные слова, образованные на основе исконных слов, а также вошли тюркские заимствования.

В настоящее время сложное предложение в пермских языках является вполне сформировавшейся структурой; в ней выделяются все виды связи: сочинительная, подчинительная и бессоюзная.

Типы сложносочиненных предложений развиваются аналогично типам таких же предложений русского языка. Ряд союзов, усвоенных из русского языка, наряду с родными также служит для связи частей сложносочиненного и сложноподчиненного предложения удмуртского и коми языков [160].

---

[159] П. И. Перевощиков. Роль русского языка в развитии культуры речи, стр. 21—22.

[160] См.: Г. Г. Бараксанов. Коми литературный язык. История его формирования и диалектная основа. М., 1965; В. Г. Калашникова.—

ЛЕКСИКА

§ 105. Словарный состав современных пермских языков еще не выявлен в полной мере. В существующих словарях зафиксирован довольно большой запас слов. Так, например, в «Русско-удмуртском словаре» под ред. В. М. Вахрушева (М., 1956) представлено около 40 тыс. слов, а в «Русско-коми словаре» под ред. Д. А. Тимушева (Сыктывкар, 1966) — около 50 тыс. слов; в «Коми-русском словаре» Д. А. Тимушева и Н. А. Колеговой (М., 1961) — около 25 тыс. слов; в коми-пермяцком орфографическом словаре (А. С. Кривощекова-Гантман, Р. М. Баталова. Коми-пермяцкий орфографический словарь. Кудымкар, 1966) — около 17 тыс. слов. Во всех этих словарях представлены литературные языки; в них не включены многие диалектные слова. В «Русско-коми-пермяцком словаре» П. С. Кузнецова и А. М. Споровой (Кудымкар, 1946) включено около 30 тыс. русских слов, но из них 80% не переведено на коми-пермяцкий язык, поэтому трудно сказать, сколько в нем коми-пермяцких слов. Существуют более мелкие словари литературных языков, например: «Удмуртско-русский словарь» (М., 1948) — около 15 тыс. слов; «Коми-русский словарь» под ред. А. И. Подоровой (Сыктывкар, 1948) — около 11 тыс. слов и др.

Богатый материал мы имеем в сводных диалектологических словарях, которые содержат кроме лексики, употребляемой в литературных языках, также местные слова, не вошедшие в литературный язык. Наиболее полными диалектологическими словарями являются: «Зырянско-немецкий словарь» Ф. И. Видемана (Wied.) — около 20 тыс. коми-зырянских и коми-пермяцких слов, «Удмуртско-венгерско-немецкий словарь» Б. Мункачи (Munk.) — около 10 тыс. слов; «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов» Т. И. Жилиной, М. А. Сахаровой и В. А. Сорвачевой (Сыктывкар, 1961) — около 25 тыс. слов; «Русско-зырянский словарь» Г. С. Лыткина (Л., 1931) — около 15 тыс. зырянских и пермяцких слов; «Коми-словарный запас» Ю. Вихмана (W.-U.) — около 12 тыс. коми-зырянских и коми-пермяцких слов; «Зырянский словарь» Д. Фокоша-Фукса (Fokos) — около 25 тыс. коми-зырянских слов. Из более мелких печатных диалектологических словарей отметим следующие: «Пермяцко-русский» и «Русско-пермяцкий словари» Н. Рогова (СПб., 1869) — около 10 тыс. слов; «Краткий коми-русский словарь» Н. А. Шахова (Усть-Сысольск, 1924) — около 7 тыс. коми-зырянских и коми-пермяцких слов; словарь коми-язьвинского диалекта примерно в 5 тыс. слов дан в книге В. И. Лыткина «Коми-язьвинский диалект» (М., 1961); в «Коми-пермяцком словаре Ф. А. Волегова, представленном

— «Уч. зап. Удмуртского пед. ин-та», вып. 18. Ижевск, 1968, стр. 141—149; Она же. Сложносочиненные предложения в удмуртском языке (в историческом освещении). Авт. д. к. Тарту, 1974, стр. 5.

в книге Кароя Редеи (K. K. R é d e i. Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F. A. Wolegows. Budapest, 1968), содержится около 4 тыс. слов одного южного коми-пермяцкого диалекта, близкого современному нердвинскому говору; в «Вотско-русском словаре» В. Д. Крылова (Вятка, 1919), содержащем более 3 тыс. слов, представлен глазовский диалект удмуртского языка; диалектная лексика в количестве около 2,5 тыс. слов представлена в книге В. А. Сорвачевой, М. А. Сахаровой и Е. С. Гуляева «Верхневычегодский диалект коми языка» (Сыктывкар, 1966) — в нем эти слова являются дополнением к ССКЗД. Богатый лексический материал в этимологическом плане представлен в работах: «Названия животных в коми языке» А.-Р. Хаузенберг (Таллин, 1972); «Названия птиц в удмуртском языке» С. В. Соколова (дисс. к. Ижевск, 1973).

§ 106. Словарный состав пермских языков пополняется новыми словами, которые возникают на базе собственного словарного фонда. Немало слов, образованных путем сложения корней, например (приводим слова из коми языка): *пельнянь* 'пельмени', *досл.* 'ухо-хлеб'; *сипа* 'слезы', *досл.* 'глаза-вода'; *керка* 'изба' < 'бревно-дом', 'бревенчатое жилище'.

Много новых слов образовано при помощи таких словообразовательных суффиксов, которые теперь не являются продуктивными, например: *пуртöс* 'ножны' < *пурт* 'нож'; *дöрöм* 'рубашка' < *дöра* 'холст'; *пыридз* 'лом, пешня', ср. *пыр-ньöв* 'бурав' (*ньöв* 'стрела'); *асыв* 'утро', ср. *асъя* 'утренний'; *пыкöд* 'подпора' < < *пык-* 'подпереть'.

Создавались неологизмы также путем переосмысления существующих слов; например, прап. *śik обозначало группу однородных предметов, откуда развилось у. 'лес' и к. 'ягодный куст', а также 'деревня'; из прап. *gǫrt 'место жительства' развилось у. *гурт* 'деревня', а коми язык сохранил архаичное значение: *горт* 'дом', 'место жилья'; из прап. *ǯδ°k 'обрубок дерева' (использованного в хозяйственных целях) развилось к. *джек* 'чурбан для сидения', диал. 'стул', у. *жöк* 'стол'; из прап. *ťčkį- 'рвать (траву)' — в связи с появлением косы — развилось к. *ытшкыны* 'косить', а прежнее значение сохранилось в у. *ишкыны* 'рвать (цветы)', 'теребить'.

Дифференциация значения слова происходила также путем изменения звуков внутри корня, например: прап. *gůn > поздненрап. *gôn; у. *гын* 'войлок', а из поздненрап. *gôn образовалось у. *гоп*, к. *гöн* 'шерсть', 'пух', 'волосы (на теле)' (Лытк. Ист. вок. 124).

Раннее прап. *šůr- > позднепрап. *šôr-; из раннепрап. *šůr- развилось у. *шыр-* 'пороть', 'резать', к. *шыр-* 'стричь', 'сечь', а из поздненрап. šôr получились у. *шорыны* 'отрезать (кусок, ломоть хлеба)'; к. *шöр-* 'кроить', 'резать' (ср. к.-з. *шöравны* 'кроить', *шöрасыны* 'заниматься кройкой', *шöрыштны* 'отрезать

ломоть хлеба' *шӧрӧм* 'отрезанный кусок хлеба') (Лытк. Ист. вок., 129, 198).

Само изменение прап. *ӥ в ӧ, по-видимому, было сопряжено с дифференциацией значения слова: одна фонетическая разновидность слова в прапермском языке стала употребляться в одном значении, а другая — в другом.

§ 107. Словарный фонд пермских языков складывался в течение тысячелетий. В нем сохранились слова, возникшие еще в прауральскую эпоху и даже в более раннюю, когда прауральский язык имел контакты с языками других семейств: алтайских, индоевропейских, юкагирского и т. д. Поэтому мы выделяем разные древние пласты словарного состава пермских языков: древнепрауральский [161], уральский, финно-угорский, финно-пермский и прапермский.

§ 108. Лексика, восходящая к древнепрауральскому периоду. Личные, вопросительные и указательные местоимения (приводим примеры из коми-зырянского языка, соответствующие слова имеются и в других пермских языках, см. КЭСК): *ме* 'я', *тэ* 'ты'; *ко-*, *кы-*, *ку-*, *кӧ-*: *коді* 'кто', *кысь* 'откуда', *кутшӧм* 'какой', *кӧн* 'где'; к.-п. *кин* 'кто'; *мый* 'что'; *та* 'этот', *э*: *этан* 'вот здесь', *этайӧ* 'вот это' и т. д. (см. Л. § 2).

Части тела: *сӧн* 'жила', *мус* 'печень', *тыв* 'перо (птичье)', *сьӧлӧм* 'сердце' и т. д. (см. Л. § 3).

Термины родства и т. п.: *кев* 'золовка', *ним* 'имя' (Л. § 4).

Природа, флора, фауна: *ва* 'вода', *тыв* 'огонь': *тыв кӧрт* 'огниво' (*кӧрт* 'железо'), *кыа* 'заря', *коз* 'ель', *пеж* 'олень': *пеж ку* 'кожа теленка оленя', *ков* 'глист' (Л. § 5).

Глаголы для обозначения элементарных явлений жизни: *повны* 'бояться', *вӧвны* 'быть', *пювны* 'лизать', *мыськыны* 'мыть', *уйны* 'плыть', *кывны* 'слышать', *лыддьыны* 'считать', 'читать', *кувны* 'умереть' (Л. § 6).

Ориентация в пространстве: *ув* 'низ', *пӧв* 'половина, сторона' (Л. § 7).

Орудия труда: *ем* 'иголка', *пыр-* 'сверло': *пырньӧв* 'тж' (*ньӧв* 'стрела') и др. (Л. § 9).

§ 109. Слова, унаследованные от уральского периода. Пермские языки, кроме перечисленных выше, унаследовали большое количество слов, образовавшихся в уральском праязыке. Приведем некоторые из этих слов.

Части тела и выделения организма: *син* 'глаз', *пом* 'конец' < 'голова', *лы* 'кость', *ты* 'легкие', *кудз* 'моча', *ныр* 'нос', *сыв* 'сажень (длина распростертых рук)', *кыв* 'язык' и др. (Л. § 3).

Термины родства: *ныв* 'девушка', 'дочь', *чож* 'дядя (брат матери)', *монь* 'сноха' (Л. § 4).

---

[161] К древнепрауральскому периоду мы относим слова, которым имеются соответствия в других языковых семьях: в индоевропейской, тюркской и т. д.

Природа: *кодзув* ‘звезда’, *му* ‘земля’, *ты* ‘озеро’, *ю* ‘река’ (Л. § 5).

Флора: *ньӧр* ‘прут’, ‘розга’, *пу* ‘дерево’, *оз* ‘земляника’, *бадь* ‘ива’, *суспу* ‘кедр’, *кач* ‘кора (осины)’, *ньыв* ‘пихта’, *льӧм* ‘черемуха’, *пув* ‘брусника’ (Л. § 5).

Фауна: *поз* ‘гнездо’, к.-я. *нимол* ‘заяц’, *удж* ‘нельма’, *низь* ‘соболь’, у. *кый* ‘змея’, к. диал. kĳ ‘минога’(Л. § 5).

Название металлов: *-ысь*: *озысь* ‘олово’, *эзысь* ‘серебро’ (Л. § 5).

Глаголы для обозначения элементарных явлений жизни: *овны* ‘жить’, *куньны* ‘закрывать глаза’, *тӧдны* ‘знать’, *тыдавны* ‘виднеться’, *мунны* ‘идти’, *усьны* ‘падать’, *кылавны* ‘плыть по течению’, *юкны* ‘делить’, *шырны* ‘стричь’, *сӧвны* ‘садиться (в лодку, сани и т. д.)’ и т. д. (Л. § 6).

Прилагательные: *кузь* ‘длинный’, *пемыд* ‘темный’ (Л. § 8).

Занятия, орудия труда, питание, одежда и т. д.: *пуны* ‘варить’, *кусны* ‘гаснуть’, *сынны* ‘грести’, *вӧнь* ‘пояс’, *сос* ‘рукав’, *кулӧм* ‘сеть’, *сісь* ‘гнилой’, и др. (Л. § 9).

§ 110. Лексический слой финно-угорского происхождения. Местоимение *сійӧ* ‘он’ (Л. § 12).

Части тела: *тырп* ‘губа’, *ан* ‘десна’, *кынӧм* ‘живот’, *сюв* ‘кишка’, *водзир* ‘клык’, *вир* ‘кровь’, *гырддза* ‘локоть’, *вем* ‘мозг’, *сюр* ‘рог’, *ки* ‘рука’, *мыгдр* ‘туловище’, *пель* ‘ухо’, *сьылі* ‘шея’ (Л. § 13).

Термины родства: *пи* ‘сын’, у. *узьы* ‘младшая сестра мужа’.

Природа: *сынӧд* ‘воздух’, *во* ‘год’, *ӧзтыны* ‘зажечь’, *тӧв* ‘зима’, *йи* ‘лед’, *ен* ‘бог’, ‘небо’, *вой* ‘ночь’, *лӧп* ‘древесный хлам’, *лым* ‘снег’, *сыв* ‘талый’ (Л. § 15).

Флора: *дін* ‘комель, основание дерева’, *кор* ‘луб’, ‘кора’, *ӧмидз* ‘малина’, *понӧль* ‘хвойная поросль’, *шобді* ‘пшеница’, *моль* ‘пуговица’, ‘перл’, диал. ‘ягода’, ср. *тури моль* ‘клюква’, (*тури* ‘журавль’) (Л. § 15).

Фауна: *гыч* ‘карась’, *мык* ‘елец’, *сюв-*: *сювчӧж* ‘гоголь’, *вӧзь* ‘свиязь’, *той* ‘вошь’, *байддг* ‘куропатка’, *чей*: *пучей* ‘короед’, *тури* ‘журавль’, *вдв* ‘лошадь’, диал. piśt'i ‘ласточка’, *юсь* ‘лебедь’, *руч* ‘лиса’, *кодзувкот* ‘муравей’, *лӧдз* ‘овод’, *шыр* ‘мышь’, *ыж* ‘овца’, *муш*: *малямуш* ‘пчела’, *пон* ‘собака’, *чӧж* ‘утка’, *сьӧм* ‘чешуя (рыбы)’, *сын* ‘язь’ (Л. § 15).

Минералы и металлы: *кӧрт* ‘железо’, *-ки* ‘камень’: *изки* ‘жернов’, досл. ‘мелющий камень’.

Глаголы для обозначения элементарных явлений жизни: *лоны* ‘быть’, ‘становиться’, *видзны* ‘беречь’, ‘пасти’, *пыдзыртны* ‘выжимать’, *сюмавны* ‘хотеть есть’, *удны*: *вердны-удны* ‘кормить-поить’, *сёйны* ‘есть’, *пӧдлавны* ‘закрыть’, ‘затворить’, *пурны* ‘искусать’; *чегны* ‘сломать’, ‘отломить’, *ковны* ‘быть нужным’, *вайны* ‘нести’, ‘принести’, ‘везти’, ‘привести’, у. *кӧлыны* ‘ночевать’, ‘спать’, к. *кол-*: *вой-кол-ӧн* ‘с ночевкой’, *кевны* ‘переходить вброд’, *юны* ‘пить’, *корны* ‘просить’, *содны* ‘прибавляться’, *сулавны* ‘стоять’, *вины* ‘убивать’ и др. (Л. § 16).

Слова, служащие для выражения ориентации в пространстве: *гырк* ‘внутренность’, *бöр* ‘зад’, ‘задняя часть’ и др. (Л. § 17).

Прилагательные: *выль* ‘новый’, *векни* ‘узкий’, *вöсни* ‘тонкий’ и др. (Л. § 18).

Жилище, занятия, питание и т. д.: *лыйны* ‘стрелять’, ‘бросать (в кого-л.)’, *-öс*: *одзöс*, *ыбöс* ‘дверь’, *гыр* ‘ступа’, *вый* ‘масло’, *ма* ‘мед’, *пызь* ‘мука’, *воль* ‘шкура (оленя и лося)’, *вундыны* ‘резать’, *-пысь*: *кепысь* ‘рукавица’, ‘варежка’, *лем* ‘студенистый навар’, *вурны* ‘шить’, *-ка*: *керка* ‘дом’, ‘изба’ (Л. § 19).

Числительные: *öтик* ‘один’, *кык* ‘два’, *куим* ‘три’, *нёль* ‘четыре’, *вит* ‘пять’, *квайт* ‘шесть’, *кызь* ‘двадцать’, *сё* ‘сто’(Л. § 20).

Верование: *лов* ‘душа’, ‘дух’, *куль* ‘черт’ (Л. § 21).

§ 111. Лексический слой пермско-прибалтийского происхождения.

Части тела, болезни: *тош* ‘борода’, *си* ‘волос’, *лöм* ‘струп’, ‘болячка’, *пель-*: *пельпом* ‘плечо’ (Л. § 23).

Слова, связанные с родством: *ай* ‘отец’, *созор* ‘переслежина’ (в холсте) < ‘сестра’ (Л. § 24).

Природа: *töл* ‘ветер’, *коськ-* ‘водопад’, ‘порог (речной)’, *йир* ‘омут’, *töлысь* ‘луна’.

Растительный мир: *ув* ‘сук’, *зöр* ‘овес’, *жов* ‘калина’, *нин* ‘лыко’, *рой* ‘древесный мох’, *сю* ‘рожь’, ‘хлеб в зерне’, *вож* ‘ветка’, ‘ответвление’, *рудзöг* ‘рожь’, *сэтöр* ‘смородина’, *пожöм* ‘сосна’, *турун* ‘трава’, *лыс* ‘хвоя’, *нур* ‘мякоть зерна’, ‘мучная приправа’, *чуж* ‘солод’ (Л. § 25).

Животный мир: *ур* ‘белка’, *мой* ‘бобер’, *öш* ‘бык’, *кöин* ‘волк’, *сизь* ‘дятел’, *уж* ‘жеребец’, *-кот*: *кодзувкот* ‘муравей’, *кутш* ‘орел’, *порсь* ‘свинья’, *зу* ‘чесалка’ < ‘щетина’.

Продукты питания: *сов* ‘соль’ (Л. § 25).

Прочие: *морт* ‘человек’ (Л. § 24), *туй* ‘дорога’, *пыдыл* ‘глубоко’, *гид* ‘хлеб’, ‘хлев на пастбище’.

Глаголы для обозначения элементарных явлений жизни: *пöрны* ‘валиться’, ‘превращаться’, *аддзыны* ‘видеть’, ‘увидеть’, *гöтшкыны* ‘грызть’, ‘жевать’, *лöсьöдны* ‘готовить’, ‘наладить’, *судзны* ‘доставать’, *сотны* ‘жечь’, ‘палить’, *сиыны* ‘желать’, *кызны* ‘кашлять’, *кыпöдны* ‘поднять’, *кöсйыны* ‘хотеть’, ‘желать’, *суны* ‘заставать’, ‘настигать’, к.-п. *юскыны* ‘распрягать’, *сёрнитны* ‘разговаривать’, *казявны* ‘заметить’, *эштыны* ‘окончиться’; ‘иметь время’ (Л. § 26).

Слова, служащие для ориентации в пространстве: *вев-*: *вевдор* ‘верх’, *лун* ‘день’, *лунвыв* ‘юг’ (Л. § 27).

Прилагательные: *перыд* ‘быстрый’, *пöсь* ‘горячий’, *кисьмöм* ‘спелый’, *пöрысь* ‘старый’, *кöдзыд* ‘холодный’, *кын* ‘мерзлый’, *бур* ‘добрый’, ‘хороший’ (Л. § 28); *сім* ‘ржавый’, ‘смуглый’ (Л. § 25).

Жилище, занятия, питание, одежда, коммуникация: диал. mal′ ‘весло’, *кышавны* ‘надеть’, *сись* ‘свеча’, *лысьтыны* ‘доить’, диал. ri ‘коромысло (в ловушке)’, *дöмны* ‘чинить’, *тув* ‘гвоздь’, ‘клин’, *пыж* ‘лодка’, *лойны* ‘месить’, ‘размесить’, *кокны* ‘мотыжить’,

сунис ‘нитка’, *шӧрт* ‘пряжа’, *пӧрт* ‘котел’, диал. l′anes ‘подойник’, *пож* ‘решето’, *рыныш* ‘овин’, *керавны* ‘рубить’, *норт* ‘нарты’, *пеша* ‘светец’, *кыны* ‘плести’, ‘ткать’, ‘вязать’, *ныж* ‘тупой’, *потш* ‘жердь’, *шы* ‘копье’, ‘штык’ (Л. § 29).

Числительное: *сизим* ‘семь’ (Л. § 30).

§ 112. Прапермская лексика. Прапермский период длился более полутора тысяч лет.

На базе лексики, унаследованной от предыдущих периодов, образовался новый мощный пласт словарного состава. В связи с развитием хозяйства и культуры появились новые понятия, для обозначения которых нужны были слова, поэтому стал расширяться и совершенствоваться словарный фонд, общий для пермских языков. Новые слова образовывались в основном средствами словосложения и суффиксации, а также путем заимствования из соседних языков. Имела место также внутренняя флексия и изменение значения слов.

§ 113. Рассмотрим слова, появившиеся в прапермскую эпоху.

Земледелие: *удыс* // *адас* ‘постать’ < чув.; *амезь* // *амысь* ‘лемех’ < иран.; *бур*: *ана-бур* (*ана* ‘участок земли’ // *бор* ‘межа (между полями)’; *юг* (Munk.) ‘отбросы соломы’ // *ёг* ‘сор’: *шӧр ёг* ‘отбросы соломы, образующиеся в середине посада снопов при ручной молотьбе’ (*шӧр* ‘середина’); *йыды* // *ид* ‘ячмень’, *культо* // *кольта* ‘сноп’ < чув.; *кыед* // *куйӧд* ‘навоз’, *майыг* // *майӧг* ‘кол’ < иран.; *пот* ‘лебеда’ // *пӧт* ‘сорная трава’, ‘мокрица’, *сурым* // *сорӧм* ‘звено изгороди’, *турто* // к.-п. *торта* ‘палка с плоской дужкой на конце’ (приспособление для скучивания зерна на току) < чув.; *тысь* // *тусь* ‘зерно’ < чув.; *сюрло* // *чарла* ‘серп’ < чув.; *чумолё* ‘копна’ // *чумали* ‘суслон’ < тюрк.; *шабала* ‘отвал сохи’ < < чув.

Домашние животные: *кеч* ‘коза’ // *кӧч* ‘заяц’ (< ‘коза’) < чув.; *курег* // *курӧг* ‘курица’ < иран.; *мес* ‘самка (о телепке, ягнепке)’; самка рогатого скота’ // *мӧс* ‘корова’ < иран.; *пудо* // диал. poda скот’ < иран.; *чипы* ‘цыпленок’ // *чипан* ‘курица’, диал. ‘цыплёнок’ < чув.

Пища: *нӧкы* // *нӧк* ‘сметана’, *нянь* ‘хлеб’ < иран.; у., к.-п. *пельнянь* ‘пельмени’, *сур* ‘пиво’ < иран.; *ческыт* // *чӧскыд* ‘вкусный’, *шыд* ‘суп’.

Растения, употребляемые в пищу: *узьы гумы* // *азьгум* ‘борщевик’, *губи* // *гоб* ‘гриб’ < чув.; *кушман* ‘редька’ < чув.; *намер* // *намыр* ‘костянка’, *сяртчы* // *сёркни* ‘репа’ < чув.; *сугон* // к.-п. *сугонь* ‘лук’ < чув.; *туг* // *таг* ‘хмель’ и др.

Одежда: *бычы* ‘пряжка’ // диал. bi̯č ‘язычок пряжки ремня’; *зеп* // *зеп* ‘карман’ < чув.; *бугортыны* // *быгӧртыны* ‘подрубить’; *дэра* // *дӧра* ‘холст’; *дэрем* (< *дэра*) // *дӧрӧм* ‘рубашка’; *дукес* // *дукӧс* ‘армяк’, *пертчыны* ‘отвязать’, ‘развязать’ // *пӧрччыны* ‘снять (что-л. с себя)’; *пась* ‘шуба’; *сукман* ‘армяк’ < чув.

Ткачество: *кись* ‘бёрдо’ < чув.; *жоктоннуд* // *ректан* ‘мотовило’; *серы* // *сюри* ‘цевка’ < чув.

Семья и общество: *кун* 'государство' || *кан* 'царь', 'хан' < чув.; *кертым* 'оброк' (Кротов), 'соглашение (связывание)' || *кӧртым* 'аренда', к. *кӧртавны* 'связать'; *эксэй* 'царь', 'князь' || *ӧксы* (фольклорное) 'князь' < иран.; *ӟуч* || *роч* 'русский' < пр.-ф. (ср. эс. roots 'швед'); *сюр-* || к.-п. *сёр* 'неродной' < чув.; *сеп* || *сьӧп* 'вдовец'.

Человек, части тела, отправления организма и др.: *бам* 'щека' || *бан* 'лицо' < чув.; *воньдыны* || *виньдыны* 'подавиться'; *висьыны* || *висьны* 'болеть'; *вӧт* 'сновидение'; *вылтыр* || *вывтыр* 'тело'; *дыльды* || *дуль* 'слюна'; *дыж* 'перепонка' || *дыш* 'сухожилие', 'перепонка', *кымес* || *кымӧс* 'лоб'; *мылкыд* 'настроение', 'желание', *мывкыд* 'ум', 'разум'; *сазь*, диал. sad' || *садь* 'сознание', 'чувство', 'память', 'трезвый'; *синву* || *синва* 'слезы'.

Орудия, употребляемые в хозяйстве: *гозы* || *гез* 'веревка', *варып* (Wied.) || *вороп* 'рукоятка'; *зыр* || *зор* 'жердинка', 'рычаг'; *урыс* || диал. ors 'плеть', 'кнут' < иран.; *пурт* 'нож' < иран.; *пуртэс* || *пуртӧс* 'ножны', 'стручок'; *пыкет* || *пыкӧд* 'подпора', к. *пыридз* 'лом', 'пешня'; *сюмыс* 'сыромятная кожа' || *сюмыс* 'полоска сыромятной кожи' < иран.

Средства передвижения: *дӧдьы* || *додь* 'сани'; *энер* || диал. ẹnịr 'седло' < чув.

Металлы и их обработка: *андан* || *емдон* 'сталь' < иран.; *дурыны* || *дорны* 'ковать', *зарни* 'золото' < иран.; *азвесь* || *эзысь* 'серебро'.

Время: *аскы* || *аски* 'завтра', ср. к. *асыв* 'утро'; *дыр* 'время' || *дыр* 'долго', ср. *дырйи*: *праздник дырйи* 'во время праздника', *ӝыт* || *рыт* 'вечер'.

Жилище: *гур* 'печка' || *гор* 'каменка' || *гор* 'печь'; *гурт* 'деревня' || *горт* 'дом'; *кор* || *кер* 'бревно'; *корка* || *керка* 'изба'; *мудэт* насыпь' || *мудӧд* 'завалинка'; *сик* 'лес' || *сикт* 'деревня'; *сэрег* || *сэрӧг* 'угол (в избе)'.

Прилагательные: *веськыт* 'стройный' || *веськыд* || *веськыт* 'прямой', *визыл* || *визув* 'быстрый (о течении)', *горд* || *гӧрд* 'красный', *дась* 'готовый', *дун* || *дон* 'чистый', 'прозрачный', *кельыт* || *кельыд* || *кельыт* 'бледный', 'светлый', *кизер* || *кизьӧр* 'жидкий', *куанер* || *коньӧр* 'бедный', 'жалкий', *лэчыт* || *лэчыд* || *лэчыт* 'острый', 'наточенный', *небыт* || *небыд* || *небыт* 'мягкий', *пасьыт* || *пасьыд* || *пасьыт* 'широкий', *сайкыт* || *сайкыд* 'свежий (о ветре)' || *сайкыт* 'прохладный', 'свежий' и т. д.

Числительные: *дас* 'десять' < иран.; *ӝыны* || *джын* 'половина', *куамын* || *комын* 'тридцать', *сюрс* 'тысяча' < ар.

Глаголы: *басьтыны* || *босьтны* 'взять', 'брать', *вуыны* || *воны* 'прибыть', *вырыны* || *вӧрны* 'шевелиться', 'двигаться', *карыны* || *керны* 'делать' < иран.; *медыны* 'намереваться' || *мӧдны* 'отправляться', 'собираться', *путыны* || *потны* 'расколоться' и другие.

§ 114. Словарные заимствования прапермского языка. Лексика прапермского языка особенно бурно пополнялась заимствованиями из соседних языков, прежде всего

из иранских, по-видимому, через скифо-сарматов. Прапермским народом заимствованы из иранского мира следующие слова: *амезь* // *амысь* ‘сошник’, *бун* // *бон* ‘мочало’, *дуры* // *дар* ‘уполовник’, *андан* // *емдон* ‘сталь’; *зарни* ‘золото’; *курег* // *курӧг* ‘курица’, *майыг* // *майӧг* ‘кол’, *мес* ‘самка (о теленке, ягненке)’, ‘самка крупного рогатого скота’ // *мӧс* ‘корова’, *урыс* // диал. ors ‘плеть’, ‘кнут’, *эгыр* // *ӧгыр* ‘уголь’, *эксэй* ‘царь’ // *ӧксы* (фольклорное) ‘князь’, *пудо* // диал. poda ‘скот’, *пурт* ‘нож’, *зарезь* // *сарид* ‘море’, ‘теплые края’, *сюмыс* ‘сыромятная кожа’ // *сюмыс* ‘полоса сыромятной кожи’, *тусыты* // *тасьті* ‘миска’, *корт* // *кӧрт* ‘железо’, *узыр* // *озыр* ‘богатый’ (слова *кӧрт* и *озыр* встречаются также в волжских языках: первое в марийском, второе — в мордовском).

Имеется ряд иранских заимствований, которые встречаются только в коми языке, что объясняется, по-видимому, тем, что они утрачены в удмуртском языке или же они попали только в коми языки в силу определенного географического положения носителей его. Таковыми являются следующие: *бурысь* ‘грива’, диал. varnes ‘овца’, *вурун* ‘шерсть (овечья)’, *зон* ‘сын’, ‘парень’, *мегарин*, *мегӧ* ‘барашек’, *меж* ‘баран’, *небӧг* ‘книга’, ‘письмо’, *пямӧд’* ‘портянки’, *тасма* ‘ремень’ (Изв. АН СССР ОЛЯ 1951, № 4, стр. 382—392), *шайт* ‘рубль’.

Трудно судить о влиянии прапермян на своих южных иранских соседей, поскольку язык скифо-сарматов не сохранился. Во всяком случае в осетинском языке, считающемся потомком иранских народов юга России, сохранилось несколько прапермских заимствований: осет. *авзист* ‘серебро’ (*азвесь* // *эзысь*), осет. *к’оза* ‘молодой хвойный лес’ (*кыз* // *коз* ‘ель’), осет. *гуртам* ‘взятка’, ‘подкуп’ (*кертым* // *кӧртым* ‘аренда’, ‘выкуп’, ‘оброк’ (Кротов: Краткий вотский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный села Еловского Троицкого церкви священником Захарием Кротовым — 1785 г. Рукописный отдел Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собрание 197 П) и т. д.[162]

§ 115. Древнечувашские заимствования. Предки чувашей, булгары, пришли на среднюю Волгу с юга не раньше VII в. нашей эры и вступили в тесное соприкосновение с финно-угорскими народами, жившими в бассейне Волги, в частности с прапермянами. Наиболее интенсивные соприкосновения прапермян с булгарами нужно отнести к VIII—IX вв. В результате из древнечувашского (булгарского) языка проникло в прапермский язык несколько десятков слов. Эти заимствования следующие: *удыс* // *адас* ‘постать’, *бам* // *бан* ‘лицо’, *бус* ‘туман’ // *бус* ‘пыль’, *быд-* // *быд* ‘каждый’, *усьтыны* // *вось-*: *восьтыны* ‘открыть’, *воссьыны* ‘открыться’, *губи* // *гоб* ‘гриб (губчатый)’, *ӟеп* //

---

[162] A. J o k i — Suomen suku, XXIII; Абаев; В. И. Л ы т к и н — ВЯ, 1975, № 3.

зеп ‘карман’, *каб* ‘колодка’, *кун* ‘государство’ // *кан* ‘царь’, к. *карта* (в удмуртском не сохранилось) ‘хлев’, *кен* ‘сноха’, *кенак* ‘тетка’ // к.-п. *кепак* ‘тетка’, *кись* ‘бёрдо’, *кубо* // к.-п. дпал. koba ‘прялка’, *культо* // *кольта* ‘сноп’, *кеч* ‘коза’, ‘заяц’ // *кӧч* ‘заяц’, *куды* // *куд* ‘лукошко’, к. *кузь* ‘леший’ (хозяин леса), у. *кузё* ‘хозяин’, *кушман* ‘редька’, ‘корнеплод’, *энер* // дпал. eniŗ ‘седло’, *сюр* // к.-п. *сёр* ‘неродной’: *сёр ай* ‘отчим’ (*ай* ‘отец’), *сёр зон* ‘пасынок’ (*зон* ‘сын’), *сяртчы* // *сёркни* ‘репа’; к. *сирысь* (др.-к. — XVIII в.) ‘свинец’ — в удмуртском не сохранилось; *сугон* // к.-п. *сугонь* ‘лук’, *сукмал* ‘армяк’, *сусо* // к.-п. *суса* ‘челнок’ (ткац.), *силь* // *сыыв*, вым. śįl ‘буря’, *сюры* ‘поперечная балка в ткацком станке’ // *сюри* ‘цевка’ (ткац.), *турто* // к.-п. *торта* ‘приспособление для скучивания зерна на току’, *тысь* // *тусь* ‘зерно’, *тулмет* ‘третья прядь в веревке’ // *тулым* ‘прядь из пеньки’, *улмо* // *улмӧ* (Wied.) ‘яблоко’, *сюрло* // *чарла* ‘серп’, *чебер* ‘красивый’ // к.-п. пижпепньв. č'eber ‘хвастун’, ‘красивый’, ‘гордый’ (В. И. Лыткин — ВФЯ 132—137. K. Rédei — NyK LXVIV 281—298).

Часть чувашских заимствований наличествует в коми-пермяцком языке, а в коми-зырянском отсутствует (*коба*, *сёр*, *сугонь*, *суса*, *торта*, *чебёр*). Это, по-видимому, объясняется тем, что эти слова были заимствованы прапермским языком после того, как северная часть пермян ушла на север, на территорию бассейнов р. Мезени и Вычегды, образовав там впоследствии особую коми-зырянскую этническую группу.

Не исключена возможность, что эти чувашские слова попали в коми-пермяцкий язык через посредство удмуртов.

Камские булгары (древние чуваши были носителями одного из булгарских диалектов) оказали большое влияние на пермян в разных областях быта, хозяйства и культуры. Заимствованные слова свидетельствуют о влиянии в следующих областях: а) земледелие и животноводство, ср. слова со значениями: постать (полоса земли), серп, сноп, зерно, орудие (для скучивания зерна на току); редька, лук; коза, цыпленок, седло, хлев; б) ткачество и другие ремесла. Ср. слова со значениями: прялка, бёрдо, цевка, челнок, прядь в веревке; колодка (например, сапожная), карман, лукошко, берестяная коробка; армяк (домоткапное сукно); в) семья и общество: сноха (тетка), неродной (чужой) член семьи (отчим, пасынок, падчерица и т. п.), хозяин, царь (государство); г) прочие: буря, свинец, гриб, красивый.

§ 116. Древние пермяне тоже оказали известное влияние на волго-камских булгар. Например, следующие чувашские слова считают заимствованными из языка прапермян: чув. *ан* ‘не’ (форма повелит. наклонения отрицательного глагола), ср. *эн!*; чув. *пёрне* ‘плетушка’, ‘кузов’, ср. к. *бурня* ‘плетушка из прутьев для ношения сена’, вым. ‘выдолбленный из дерева жбан’, у. *бёрнё* ‘чан, ковш (ящик над мельничным жёрновом)’; чув. *пукан* ‘стул’, ср. у. *пукон* ‘стул’, ‘сиденье’, к. *пукавны* ‘сидеть’; чув. *пачарта*

'выжимать', 'жать', ср. *пызьыртыны* // *пыдзыртны* 'выжимать'; чув. *паши* 'олень', 'лось', ср. *пужей* 'олень' // *пеж* 'олень-телепок': *пежку* 'пыжик', 'шкура новорожденного олененка' (*ку* 'шкура') и др.[163]

§ 117. Лексические сходства и различия пермских языков. Языки коми-зырян, коми-пермяков и коми-язьвинцев генетически восходят к единому коми языку, носители которого, отделившись от удмуртов, жили в течение нескольких столетий в северной части бассейна р. Камы и ее притоков. Там формировались специфические общекоми черты языка. Общие черты для всех современных наречий, отличающие от удмуртского языка, наблюдаются как в фонетике и грамматике, так и в лексике, например: *ӧвӧл* // *абу*, к.-я. *обӧл* 'нет', *вань* // *эм* // к.-я. *им* 'есть', 'имеется', *урод* // *лёк* 'плохой', *скал* // *мӧс* 'корова', *писэй*, *кочыш* // *кань* 'кошка', *гондыр* // *ош* 'медведь', *мынӧ* // *акань* 'кукла', *сӧзьыл* // *ар* 'осень', *шонер* // *веськыд* // *веськыт* 'прямой', *адямi* // *морт* 'человек', *бадзым* // *ыджыд* // *ыджыт* 'большой', *дӧсь* // *паськӧм* 'одежда', *егит* // *том* // к.-я. *тум* 'молодой', *кужым*// *вын* 'сила', *нуны*//*кага* 'ребенок', *сюрес*//*туй* 'дорога', *туннэ* // *талун* 'сегодня', *ӵукна* // *асыв* 'утро', *мар* // *мый* 'что', *мон* // *ме* 'я' и мн. др. Можно подобрать несколько десятков широкоупотребительных слов, которые в коми языках (наречиях) являются общими, а в удмуртском языке им соответствуют другие лексемы.

§ 118. С территории верхнего и среднего течения Камы с притоками коми племена постепенно стали рассеиваться на широком пространстве северо-востока Европы. Отдельные племена с течением времени теряли связи между собой, обособились, выработали особые диалектные черты, в результате образовались наречия. В настоящее время различаются три наречия (возможно, раньше их было больше: часть из них обрусела или влилась в соседнее наречие): коми-зырянское, коми-пермяцкое и коми-язьвинское (см. выше § 11).

Основное различие между коми наречиями выражается в фонетике. Имеются также расхождения в обычной бытовой лексике, например: *мича* // *басӧк* // *бӧдьор* 'красивый', *вок* // *воп* // *вун* 'брат', *ыж* // *баля* // *ож* 'овечка', 'овца', *быдтор* // *быдӧс* // *бӧдмай* 'всё', *кучкавны* // *вартлыны* // *ваткалнэ* 'бить', 'колотить', *кӧч* // *кӧч* // *пимӧл* 'заяц', *шыран* // *ножнич* // *бӧтрак* 'ножницы', *куйӧд* // *нагем*// *гӧной* 'навоз', *ӧдйӧн* // *перыта* // *удала* 'быстро', *челядь* // *челядь*// *нолапйа* 'дети', *скӧт* // *пода* // *скот* 'скот', *куран* // *куран* // *нарман* 'грабли', *еджыд* // *чочкӧм* // *чочкӧм* 'белый', *лэч* // *казь* // *пизин* 'силок'.

§ 119. Большую роль в формировании словарных различий между диалектами коми языка сыграли лексические заимствования из соседних языков. Разные части коми народа в процессе расселения стали соприкасаться с различными народами. Так, например, коми население, попавшее в бассейн р. Мезени и Вычегды,

[163] Wichm. Tschuw. 147—154.

стало общаться с летописной заволоцкой чудью, обитавшей в бассейне Северной Двины. Эта народность по языку стояла близко к современным вепсам. Северные коми племена имели связь также с ненцами и обскими уграми и заимствовали из их языков ряд слов. Коми-язьвинцы и коми-пермяки продолжали контактировать с древними чувашами, а первые имели какую-то связь с другими тюркскими народами (вероятно, с башкирами). В результате этих связей с соседними народами словарный состав отдельных диалектов коми под влиянием языка последних изменялся. Соприкосновение с русским народом имело определенное значение в дифференциации словаря отдельных коми диалектов: носители одних диалектов заимствовали из русского языка одни слова, а носители других — другие. При этом соприкосновения отдельных частей коми народа с русскими происходили в разное время и с представителями различных русских диалектов.

Особенно сильное влияние на коми диалекты, распространенные в бассейне Вычегды и Мезени, оказала заволоцкая чудь, являвшаяся в основном носителем вепсского языка и лишь частично (на севере) карельского. Это влияние имело место примерно в XI—XVI вв. Контакты коми населения, заселившего территорию бассейна р. Мезени, Нижней Вычегды и Лузы, с вепсами и карелами бассейна Северной Двины начались около XI в. (а, может быть, раньше, если допустить более раннее появление коми населения на этой территории). В XVI—XVII вв. редкое население вепсов и карел в западной части бассейна Северной Двины обрусело, а в восточной — усвоило коми язык.

От вепсов и карел проникло в коми-зырянский язык несколько десятков слов, например: *агас* 'борона', *яга* (вёнь) 'подвязки к чулкам', *ёма* 'ведьма', *калля* 'квас', *карта* в значении 'дом (хозяйство)'; *кась* 'кошка', *кебӧд* 'грузило' (в неводе), *кега*, 'омет соломы', *кока*: *кока нянь* 'вид кренделя' (*нянь* 'хлеб'), *лудiк* 'клоп', *пач* 'печка', *раб* 'барда' (пивная дробина), *сабри* 'стог' (сена), *выль*: *выль йӧв* 'простокваша' (*йӧв* 'молоко'), *разъя* 'корзинка', 'решетка из дранок', *пальi*| *паль нянь* 'пирожок без начинки', *кальӧг*: *кальӧг нянь* 'хлеб с закалом' (*нянь* 'хлеб'), *рунь* 'жидкая каша', *кумыльга* 'водоворот', *гундыр* 'дракон' и др.

Особенно много заимствований в удорском (вашко-мезенском) диалекте, носители которого были в тесном соприкосновении с заволоцкой чудью, обитавшей на р. Пинеге[164], например: bel′ 'косяк', burkej 'бубенчик', virb 'дратва', gariž′ 'матица', vanę: vanę uśęm 'хилый' (досл. 'впавший в хилость'), kal′a: *каля капуста.* 'мелкая капуста', karandįs 'ушат', kel′kan 'ручная льномялка', koźal′ 'прялка', *кока*: *ур кока* 'туша белки' (ur 'белка'),

---

[164] Как показывает топонимический материал, на р. Пинега (правый приток Северной Двины) жили вепсы; см.: А. К. Матвеев. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории Севера Европейской части СССР. Докт. дисс. М., 1970 (карты № 6, 9, 15 и 16).

kęla 'цеп', 'молотило', l'orej 'бездельник', l'uśka 'ложка', marja: marja tuś 'костянника' (tuś 'зернышко', 'ягодка'), nuta nut 'невод с рыбой', pird 'бёрдо', Rebo 'кличка собаки', solandęk 'солонка' и т. д.

Как показывают вышеприведенные заимствования, вепсы оказали заметное влияние на северо-западных коми. Оно сказалось в сельском хозяйстве (борона, стог, омет, льномялка, цеп, вид капусты), в ткачестве (прялка, бёрдо), в жилищном строительстве (косяк, матица, печь, дом), в кулинарии (вид кваса, простокваша, ложка, солонка, крендель, барда, пирожок без начинки, хлеб с закалом, вид каши) и в других разных видах материальной культуры (ушат, бубенчик, вид невода, грузило, подвязка для чулок, дратва).

Коми-зыряне в свою очередь также оказали некоторое влияние на вепсов, но, поскольку та часть заволоцкой чуди, которая жила в соседстве с коми, не сохранилась, трудно определить степень этого влияния. Можно сказать лишь, что в современном вепсском языке наличествуют два слова коми-зырянского происхождения: vadžu 'рыболовная запруда' < к. *водж* и ruga 'смола' < к. *нога* (< *roga) 'смола-живица', 'наплыв смолы на растущем дереве' (КЭСК 59, 341). Эти коми-зырянские заимствования в вепсском языке, по-видимому, имели широкое распространение и доходили до их современной территории проживания, которая отделена от современного места расселения коми-зырян тысячекилометровым пространством.

§ 120. На коми-зырянские диалекты оказали известное влияние также северные (ненцы) и восточные соседи (ханты и манси). Широко распространенными в современных коми языках являются ненецкие заимствования: *лямпа* 'лыжи', *малича* 'малица', *пими* 'обувь из оленьей шкуры', *парка* 'вид шубы из оленьего меха' и т. д. Особенно много ненецких заимствований в ижемском диалекте, носители которого занимаются оленеводством, например: *айбарч* 'струганина', *нярtала* 'аркан для ловли оленей', *карей* 'шест для управления упряженными оленями', *лата* 'доска настилаемая в чуме вместо пола' и десятки других слов [165].

На коми лексику оказали некоторое влияние также восточные соседи — обские угры (ханты и манси), которые раньше обитали по эту сторону Урала и имели контакт с коми народом, а зауральские коми и теперь живут вблизи от манси и ханты. Следующие слова коми языка считают обско-угорскими заимствованиями: *войт* 'место в пойме реки, поросшее кустарником и мелким лесом', *кынь* 'песец', *рып* 'береговая ласточка', *чумпель* 'черпачок из бересты', *яран* 'ненец' и др.

Большое количество слов заимствовано из коми языка обскими уграми. У. Тойвонен насчитывает 375 коми заимствований в хан-

---

[165] NyK XIV 71—95.

тыйском языке [166]. К. Редеи находит в мансийском языке 338 слов, заимствованных из коми языка [167].

Немало вошло в коми языки и из русского языка. Заимствование происходило в течение ряда столетий начиная с XI—XII вв. В заимствованиях отражаются древнерусские черты того периода, когда еще шипящие *ж* и *ш* были мягкими, между палатализованными согласными в северно-русском наречии *а* еще не перешло в *э*. Об этом достаточно ясно свидетельствуют примеры: *чась* 'миска' < русск. *чаш'а*; *лызь* < русск. *лыж'*, *лыж'а*, к.-п. *ась* < русск. *аж'*, *аж'е*, *аж'но*, *аж'* 'бы'. Но в поздних заимствованиях, имевших место после отвердения русских шипящих, русск. *ж*, *ш* передаются в коми языке твердыми шипящими, например: к. *шыш* 'бродяга', 'беглец' < русск. *шиш* (произносится *шыш*); к. *шыла* 'шило' < русск. *шило* (произносится *шыло*); к. *жöч* < русск. *жесть* (произносится *жэ́ст́*) и т. д.; к. *челядь* 'дети' < русск. **ч́ел́ад́*, современное сев.-русск. *челедь*; к. *лядьвей* 'ляшка' < русск. *л́ад́вей*, ср. др.-русск. *лядьвья* (Срезневский); к. *öшлядь* 'тонкое бревно' < русск. **ошл́ад'*, ср. др.-русск. *ослѧдь* (Срезневский) и т. д. В более новых севернорусских заимствованиях мы видим уже между мягкими согласными гласный *е* (из *а*), например. к. *преник* < сев.-русск. *преник* 'пряник', к. *паметь* < сев.-русск. *паметь* 'память', к. *öпеть* < сев.-русск. *опеть* 'опять' и др.

Заимствованиями из древнерусского языка нужно считать также следующие слова: к. *ветек* 'тряпка' < сев.-русск. *ветех*, др.-русск. *ветехъ* 'тряпка', 'мочалка', 'пучок травы'; к. *висьт* < сев.-русск. **висть*, др.-русск. *вѣсть*; к. *гырнич*, *гöрнич* < сев.-русск. **горнич*, ср. др.-русск. *гърньць* 'горшок'; к. *дерт* 'конечно' < сев.-русск. **дерт*, ср. др.-русск. *дьрть* 'окончание', 'заключение', 'конец' [168].

Приток русских слов в коми-зырянский язык с XVIII в. усиливается. Так, например, в коми письменных памятниках первой половины XVIII в. мы находим следующие заимствования: *бöчка* 'бочка', *рад* 'ряд', *грек* 'грех', *сапöг* 'сапог', *шляпа*, *пöра* 'пора', *пуд*, *бекар* 'ставец', 'деревянная миска', *звер* 'зверь', *пишаль* 'ружье', *лабич* 'лавка' (в избе), *недель* 'неделя', *свинеч* 'свинец', *деньга* 'деньги', *бать* 'отец', *козяин* 'хозяин', *тшöка* 'щека', *гач* 'штаны', *кöбыла'* 'кобыла', *пöтка* 'птица', *петук* 'петух', *лук* 'овощ' *чеснöк* 'чеснок', *вина* 'вино', *утка*, *вöлöсьт* 'деревня'; *ключ* (в замке) [169].

В самом древнем памятнике коми-пермяцкого языка, в рукописном словаре Антония Попова (1785 г.), мы встречаем следующие русские заимствования: *анбаръ*, *ангелъ*, *аршинъ*, *базаръ*,

---

[166] FUF XXII 1—169.
[167] K. Rédei. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970.
[168] Уч. зап. МГПИ, 1969, № 341, стр. 345—347.
[169] Там же, стр. 244—245.

башмакъ, *башня*, *баяръ* 'вельможа', *берегъ*, *блинъ*, *бокъ*, *борозад*, *бочка*, *бэкеръ* 'ставец', *вал* 'волна', *ведро*, *верба* 'верба', *вилки* 'вилка', *вилы*, *вирець* 'рассадник', *виски*, *внука* 'внук', *воля*, *воронка*, *ворота*, *вторник*, *век* 'всегда', *вера*, *вэжжи* 'вожжи', *гедъ* 'год', *гéлесъ* (*гӧлӧс*) 'голос', *гербъ* (*гӧрб*) 'горб', *гéсть* (*гӧсть*) 'гость', *гóгара* 'гагара', *головня*, *грекъ* 'грех', *деревня*, *диво* 'удивительно', *докодъ* 'доход', *дубъ*, *думайта* 'думаю', *деде* (*дедӧ*) 'дед' и многие десятки других слов.

В составе дореволюционных русских заимствований между коми языками при общности значительной их части существуют также и различия, например: *бать* || *ай* 'отец', *гач* || *вешьян* 'штаны', *заводитны* || *пондӧтны* 'начать', *шыбитны* || *чапкыны* 'бросить', *кӧса* || *чикись* 'коса' (волосы), *мича* || *басӧк* 'красивый', *озыр* || *богатӧй* 'богатый', *куйӧд* || *назём* 'навоз', *мышку* || *спина* 'спина', *пывсян* || *баня* 'баня', *бор* || *межа* 'межа', *мужик* || *жӧник* 'муж', 'супруг', *шог* || *горё* 'горе', *во* || *год* 'год', *зеп* || *карман* 'карман', *пельӧс* || *угол* 'угол'.

Имеется также немало русских заимствований, являющихся общими для коми языков, например: *ӧдва* 'едва', *вина* 'вино', *крепыд* 'крепкий', *думайтны* 'думать', к.-з. *гӧсть* (произносится *гӧсьт*) || к.-п. *гӧсь* 'гость', *кулак*, *невеста*, *порог* (в двери), *куритны* 'курить', *любитны* 'любить', *места* 'место', *табак*, *деньга* 'деньги', *лабич* 'лавка' (для сидения), *столб*, *налим*, *берег* и др.

В литературных языках коми-зырян и коми-пермяков употребляются также разные слова с общим значением исконного происхождения: *видлыны* || *пешлыны* 'пробовать', *гӧгӧрвоны* || *вежӧртны* 'понимать', *гӧтыр* || *инь* 'жена', *дӧрӧм* || *йӧрнӧс* 'рубашка', *еджыд* || *чочкӧм* 'белый', *зэв* || *ӧддьӧн* 'очень', *йӧй* || *бӧб* 'глупый', *коді* || *кин* 'кто', *ньӧжйӧн* || *жагӧн* 'тихо', *ӧдйӧн* || *чожа* 'быстро', *тані* || *эстӧн* 'здесь', *улӧс* || *джек* 'стул', *ывла* || *ӧтӧр* 'улица', 'вне дома' и др.

§ 121. Племена, говорящие на коми диалектах, в прошлом занимали широкое пространство северо-востока Европы: бассейн северной половины Камы с притоками, бассейн Вычегды с притоками, верховье Мезени с притоком Вашка и Печору (кроме низовья) с притоком Ижма. Язык коми племен оказал значительное влияние на соседние русские диалекты: ср. сев.-русск. *кач* 'сосновая кора', *керч* 'болотный багульник', *кыса* 'камыс', *ляз* 'вид компота', *омежь* 'сошник', *чарым* 'наст' и т. д.[170]

В русском литературном языке имеется лишь несколько слов коми происхождения, например: *пельмень* < *пельнянь* 'ухохлеб', *нарты* < к. *норт* 'вид сапей', *пыжик* 'шкура оленя-теленка' < к. *пежку* 'тж', *коми* < к. *коми* (самоназвание коми народов). В русском литературном языке имеют широкое употребление географические названия, взятые из коми языков, например:

---

[170] См.: Kalima — FUF XVIII 1—56; А. К. Матвеев — Уч. зап. Уральского ун-та, вып. 32, стр. 21—47.

Сыктывкар, *Кудымкар*, *Чердынь* ‘устье р. Чер’), р. *Юсьва*, *Яйва* (*ва* ‘река’, *юсь* ‘лебедь’, *яй* ‘мясо’), с. *Вильгорт* ‘новая деревня’, горный хребет северного Урала *Тельпосиз* (< *тӧл-поз-из*) ‘Камень гнезда ветров’ и т. д. На территории Коми АССР, Пермской, Кировской и Архангельской областей насчитывается несколько сот коми топонимов, вошедших в русский литературный язык.

§ 122. Словарный состав современного удмуртского языка значительно отличается от коми языков, хотя тысяча лет тому назад лексика пермских языков была тождественна. За тысячу лет своего развития многие слова в удмуртском языке, с одной стороны, и в коми языках — с другой, разошлись в своем звуковом виде и значении: *ӧвӧл* // *абу* < прап. *ob-ul ‘нет’, ‘не имеется’; у. *мес* ‘телка’, ‘ягненок’, ‘овца’ и к. *мӧс* ‘корова’ < прап. *mes ‘самка (рогатого скота)’; у. *жӧк* ‘стол’ и к. *джек* ‘чурбан (для сидения)’, диал. ‘стул’ < прап. *$\check{z}\delta^{u}$k ‘обрубок дерева (использованный в хозяйственных целях)’ и т. д.

Удмурты после отделения коми долгое время оставались в сфере влияния булгарской культуры. К этому времени относятся многочисленные древнечувашские (древнебулгарские) заимствования удмуртского языка, которых нет в коми языках, например: *ака* ‘старшая сестра’, *ана* ‘полоса земли’, *аракы* ‘самогон’, *араны* ‘жать’ (например, рожь), *арня* ‘неделя’, *буко* ‘дуга’, *бултыр* ‘свояченица’, *буртчин* ‘шелк’, *бусы* ‘поле’, *бускель* ‘сосед’, *юбо* ‘столб’, *кырси* ‘зять’, *куно* ‘гость’, *куро* ‘солома’, *сӧсыр* ‘калека’, *сяська* ‘цветок’, *съӧлык* ‘грех’, *сюло* ‘кнут’, *така* ‘баран’, *тумошо* ‘смешной’, *тушмон* ‘враг’, *чана* ‘галка’, *уксё* ‘деньги’, *улошо* ‘мерин’, *уробо* ‘телега’ [171].

В удмуртском языке немало и татарских заимствований: *пайда* ‘польза’, *пияла* ‘стекло’, *путо* ‘пояс’, ‘кушак’ и мн. др.

Особенно много их в южных и бесермянском диалектах: бес. tereźi ‘окно’, *tarazo* ‘весы’, *saur* ‘бедро’ [172].

Старые русские заимствования удмуртского языка часто носят своеобразный характер, отличающийся от русских заимствований коми языков: у. *укно* ‘окно’, *дуско* ‘сеятельница (вогнутая доска)’, *кусо* // *коса* ‘коса (орудие труда)’, *кульчо* // *кольча* ‘кольцо’ и др. Возможно, в удмуртский язык попали эти русские слова через татарский язык, в котором русское *о* передается через *у*.

В удмуртском языке нет таких древних русских заимствований, какие есть в коми языках (см. § 120).

---

[171] Wichm. Tschuw.
[172] Тепл. Бес.

Алатырев В. И. Вопросы удмуртского языкознания (сборник статей), т. 1. Ижевск, 1959.

Алатырев В. И. Образование, значение и история имен с формой *-эс*. Ижевск, 1962.

Алатырев В. И. Выделительно-указательная категория в удмуртском языке (расширенный доклад на III Международном конгрессе финно-угроведов в г. Таллине). Ижевск, 1970.

Бараксанов Г. Г. см. Жилина Т. И.

Бараксанов Г. Г. Формирование языковых норм коми литературного языка. Сыктывкар, 1964.

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам (Удмуртско-русский толковый словарь). Ижевск, 1932.

Бубрих Д. В. Историческая фонетика удмуртского языка. (сравнительно с коми языком). Ижевск, 1948.

Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.

Бубрих Д. В. Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР. «Уч. зап. Ленинградского ун-та», 1848, вып. 2.

Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология, ч. I. Йошкар-Ола, 1964; ч. II, 1966.

Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958.

Генинг В. В. Этногенез удмуртов по данным археологии. — ВФЯ IV. Ижевск, 1967.

Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962; Синтаксис простого предложения. Ижевск, 1970; Синтаксис сложноподчиненного предложения. Ижевск, 1974.

Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969.

Гуляев Е. С. см. Лыткин В. И.

Гуляев Е. С. см. Сорвачева В. А.

Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка. Л., 1927.

Жеребцов Л. Н. Расселение коми в XV—XVII вв. Сыктывкар, 1972.

Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.

Житие святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897.

Збруева А. В. История населения Прикамья в апаньинскую эпоху. «Материалы и исследования по археологии СССР». М., 1952, № 30.

Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология. Кудымкар, 1962.

Коми-русский словарь. М., 1961.

Лашук Л. П. Формирование народности коми. М., 1972.

Лыткин В. И. Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь. М., 1952.

Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам с обзором диалектов и диалектологическим словарем, ч. I. М., 1955.

Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка, ч. I. Введение и фонетика. Сыктывкар, 1957.

Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.

Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Майшев И. И. Грамматика коми-пермяцкого языка. М.—Л., 1940.

Об исследованиях культуры удмуртского народа. Ижевск, 1970.

Оборин В. А. Коми-пермяки в IX—XV вв. (Родановская культура). Авт. д. к. М., 1957.

Очерки истории Удмуртской АССР, т. I. Ижевск, 1953.

Очерки истории Коми АССР, т. I. Сыктывкар, 1955.

Первая научная грамматика удмуртского языка. Введение и примечания В. И. Алатырева. Ижевск, 1975.

Перевощиков П. Н. Сложноподчиненные предложения в удмуртском языке. Ижевск, 1939.

Перевощиков П. И. Краткий очерк грамматики удмуртского языка. — УРСл. М., 1948.

Перевощиков П. Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959.

Перевощиков П. Н. Роль русского языка в развитии культуры удмуртского народа. Ижевск, 1963.

Рогов Н. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб., 1869.

Русско-коми словарь. Сыктывкар, 1966.

Русско-удмуртский словарь. М., 1956.

Серебренников Б. А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

Серебренников Б. А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М., 1964.

Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования компаративистики. М., 1974.

Серебренников Б. А. О некоторых характерных особенностях древнего синтаксиса языка коми. — СФУ III 105.

Серебренников Б. А. О действительном количестве глагольных времен в удмуртском языке. «Записки УдНИИ», вып. 19. Ижевск, 1959, стр. 93—101.

Сидоров А. С. Природа синтаксической связи между определяющими и определяемыми словами в коми языке. «Записки Общества изучения коми края», вып. 5. Сыктывкар, 1930.

Сидоров А. С. Отрицательные предложения и отрицательные обороты в коми языке. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР». М., 1955, № 7.

Сидоров А. С. Новые памятники древнекоми письменности (с комментариями, подстрочными примечаниями и заключением В. И. Лыткина). — ВФЯ, I 178—211.

Сидоров А. С. Порядок слов в предложении коми языка. Сыктывкар, 1953.

Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. «Материалы и исследования по археологии СССР». М., 1952, № 28.

Современный коми язык, ч. I, Фонетика и морфология. Сыктывкар, 1955; ч. II. Синтаксис. Сыктывкар, 1967.

Соколов С. В. Некоторые принципы образования названий птиц в говорах удмуртского языка. — «Записки УдНИИ», вып. 21, Филология. Ижевск, 1970, стр. 153—155.

Соколов С. В. Этимология удмуртских названий животных. «Вопросы удмуртского языкознания», вып. 3. Ижевск. 1975, стр. 149—168.

Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966.

Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.

Тараканов И. В. К вопросу истории и развития неслогового *у* в удмуртском языке. — ВФЯ II 75—82.

Тараканов И. В. Служебные слова тюркского происхождения в диалектах удмуртского языка. — «Вопросы удмуртского языкознания», вып. 3. Ижевск, 1975, стр. 169—190.

Тараканов И. В. Удмурт лексикая очеркъёс. Ижевск, 1971.

Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века, вып. I. М., 1966.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М., 1970.

Тепляшина Т. И. О суффиксах сравнительной степени в северо-западных удмуртских диалектах. — ВФЯ II 136—145.

Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры северно-удмуртского наречия. «Записки УдНИИ», вып. 21. Ижевск, 1970, стр. 156—196.

Тепляшина Т. И. Употребление формантов аккузатива множественного числа в удмуртских диалектах. — СФУ XI 179—185.

Трефилов Г. Н. Происхождение удмуртского народа. Ижевск, 1956.

Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, ч. I. Чувашско-марийские языковые

связи. Чебоксары, 1965; Он же. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками, ч. II. Чебоксары, 1968.

Яшина Р. И. Сравнительные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1963.

Aminoff T. G. Wotjakilaisia kielinäytteitä. — JSFOu. I. Helsinki, 1886.

Aminoff T. G. Votjakin äänne ja muoto-opin luonnos. — JSFOu. XIV_2 Helsinki, 1896.

Fokos-Fuchs D. Syrjänisches Wörterbuch, I—II. Budapest, 1959.

Fuchs D. R. Beiträge zur Grammatik der permischen Sprachen. — JSFOu. XXX_{14}.

Itkonen E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheromissischen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI. Helsinki, 1954.

Klemm A. A mellérendelő és alárendelő viszony kifeje zése az északi osztják és votják nyelvben. «A Pannonhalmi Föapátsági Főiskola Évkönyve». Budapest, 1911—1912.

Klemm A. Magyar történeti mondattan. Budapest, I 1928; II, 1940; III, 1942.

Kövesi M. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest, 1965.

Lakó Gy. A permi nyelvek szóvégi magánhangzói. Budapest, 1934.

Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896.

Munkácsi B. Votják nyelvtanulmányok. — NyK XVIII. Budapest, 1883.

Rédei (Radanovics) K. Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen. Budapest, 1962.

Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970.

Uotila T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. — MSFOu. LXV. Helsinki, 1933.

Uotila T. E. Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938.

Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar, Aufl. 2, Grammatikalischer Abriss von D.-R. Fuchs. Helsinki, 1954.

Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. — MSFOu XXI. Helsinki, 1903.

Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsingfors, 1920.

Wiedemann F. I. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. St.-Pb., 1824.

Wiedemann F. I. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen und einem deutschen Register. St.-Pb., 1880.

Wladikin W. E. Die frühen Perioden der Ethnogeschichte der Udmurten (Wotjaken). «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae», t. 21 (3—4). Budapest, 1972.

ОБСКО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ

ВВЕДЕНИЕ

МАНСИЙСКИЙ ЯЗЫК

§ 1. Этнонимы, численность, места расселения. Этноним манси получил широкое распространение в советское время, до революции же манси в отечественной и зарубежной научной литературе (иногда и теперь) назывались вогулами, или (что нужно признать ошибочным) остяками, а в старинных памятниках — ю́гра или логул[1]. Слово *манси* (māńśi) является самоназванием народа. Ученые неоднократно обращались к этимологизации этого слова. По мнению Тойвонена, оно близко к фин. mies 'мужчина', 'человек'. А. Регули, а вслед за ним и Б. Мункачи, считает, что «самоназвание māńśi идентично самоназванию magyar 'венгр'»[2]. Г. Н. Прокофьев тоже пытался этимологизировать слово māńśi и расшифровал его как 'земляные (люди)', т. е. как имя принадлежности, образованное от манс. mā 'земля'[3] + ńś — селькупский суффикс притяжательности. А. Н. Баландин возводит māńśi к словам *мань* + *сир*, что означает, по его мнению, 'маленький род'[4]. Два последние варианта этимологизации, с нашей точки зрения, являются явно вымышленными.

В. Н. Чернецов и Е. И. Ромбандеева склонны считать, что самоназвание māńśi восходит к названию рода mōńś (mōńśȣ, mȧńśȣ, mōś) в противоположность названию другого рода — por. По преданиям манси род por является не чисто мансийским, а смешанным с ханты.

Самоназвание māńśi, в своей основе восходящее, как отмечалось выше, к родовому названию mōńśȣ, возможно, действительно сопоставимо (как предполагают А. Регули и Б. Мункачи) с венгерским magyar[5]. Говоря о себе, манси к самоназванию обычно прибавляют определение — название того места, на котором поселилась данная группа: lūssum tal′əx māńśit 'верхнелозьвинские манси', sakw māńśit 'сыгвинские манси', ās mańśit 'обские манси', polum māńśit 'пелымские манси' и т. д.

---

[1] В. Н. Чернецов. — Яз. письм. I, 164.
[2] Там же, стр. 164—165.
[3] Г. Н. Прокофьев. Селькупская грамматика. Л., 1935, стр. 13.
[4] А. Н. Баландин. О происхождении самоназвания *маньси*. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1957, т. 132, стр. 66—67.
[5] См. MTESz. II у слова magyar.

Манси живут отдельными группами на огромной территории в северо-западной части Сибири по левобережью Оби и по ее притокам (в пределах Ханты-Мансийского, частично Ямало-Ненецкого национальных округов Тюменской обл.).

По сведениям писательницы М. К. Анисимовой (Бекиной) — автора мансийских сказов, еще в 60-х годах нашего века в Ивдельском р-не насчитывалось около 300 чел. лозьвинских манси, которые живут в основном в небольших лесных деревнях далеко от районного центра и сельских советов или кочуют по тайге. Кроме того, несколько мансийских семей до сих пор живет в Пермской обл. в верховьях Вишары.

По данным переписи 1926 г., манси насчитывалось 6311 чел. Из них мансийский язык считали родным 82,7%; в 1959 г. манси было 6450 чел., из которых на родном языке говорило 59,2%; в 1970 г. манси насчитывалось 7700 чел., из которых говорит по-мансийски 52,4%. Остальная же часть мансийского населения говорит на русском (38,6%) или других языках народов СССР (5,4%).

В Ханты-Мансийском национальном округе в Березовском р-не живет 3237 чел., в Кондинском — 2 тыс. чел., в Октябрьском — 400, в Советском — 200, в Ханты-Мансийском — 100 чел. В городах: Ханты-Мансийске — 300, Урале — 200 чел.

Население Ханты-Мансийского национального округа составляет приблизительно 270 тыс. чел. Из них манси 6300 чел., ханты — 13 300 чел. Из других финно-угорских народов в этом округе живут: коми — 2 тыс. чел., ненцы — 1 тыс. чел.

§ 2. Из истории мансийского народа. Прародина угров находилась в лесных районах по р. Каме и южнее от нее. Когда из угорской общности выделились племена, ставшие впоследствии предками венгров (первая половина I тыс. до н. э.), остальные угры еще долгое время оставались на этой территории [6]. В течение XII—XV вв. под натиском коми и русских основная масса угров переходит Урал (отдельные группы там жили и раньше) и обосновывается (получая название «обские угры») в северо-западных районах Сибири, занимая постепенно территорию, на которой живет и ныне. Разделение их на манси и ханты произошло еще до переселения в Сибирь [7].

Постепенно двигаясь на северо-восток, манси на своем пути оставляли топонимы на родном языке, сохранившиеся в некоторых районах до сих пор (в Башкирской АССР [8]), в Пермской обл.,

---

[6] HajdúFNNy, 153; А. Шмидт. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. «Сб. Музея этнографии АН», т. VI. Л., 1927, стр. 160—161.

[7] Там же, стр. 157, 161.

[8] А. Бессонов и Д. Игнатьев. Названия вод, урочищ и проч. как памятники югров в Уфимской губ. «Зап. Оренбургского отд. Русского географического об-ва», вып. 4. Оренбург, 1881, стр. 118—168.

особенно в северо-восточных ее районах к Чертыну, Вишаре [9].

Сведения о манси мы находим в трудах С. В. Бахрушина [10] и В. Г. Карцова [11], о пелымских и верхотурских вогулах начала XVII в. — в работе Г. Ф. Миллера [12].

До Великой Октябрьской социалистической революции манси жили в маленьких юртах, разбросанных по берегам рек или озер Крайнего Севера, ведя примитивное натуральное хозяйство, занимаясь рыболовством и охотой [13].

Остяко-Вогульский округ был основан в 1930 г. В те годы его основное постоянное население состояло из ханты (остяков) и манси (вогулов). Округ и окружной центр до 1938 г. называли так, как было принято именовать эти народы в дореволюционное время, а с 1938 г. округ называется Ханты-Мансийским. Административно округ входил в Омскую обл. Теперь же округ вместе с центром — г. Ханты-Мансийском — административно входит в Тюменскую обл.[14]

§ 3. Диалекты. Территориальная разобщенность населения явилась основной причиной диалектной раздробленности мансийского языка.

По классификации Б. Мункачи, в основе своей удачной, в мансийском языке выделяется четыре наречия, или диалектные группы [15]: 1) северная группа диалектов распространена по рекам

---

[9] В. Шишонко. Пермская летопись с 1263 г., вып. I—VII. Пермь, 1881—1889; И. П. Глушков. Чертынские вогулы. М., 1900; И. Остроумов. Вогулы-манси. *Историко-этнографический очерк.* «Материалы по изучению Пермского края», вып. I. Пермь, 1904, стр. 153—202; А. Теплоухов. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народом. «Западно-Уральское об-во любителей естествознания», т. XXXIX. Свердловск, 1924, стр. 81—112.

[10] С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. М., 1928, стр. 198; Он же. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. «Советский Север». М., 1929, стр. 66—97.

[11] В. Г. Карцов. Очерк истории Северо-западной Сибири. М.—Л., 1937, стр. 132.

[12] Г. Ф. Миллер. Сибирская история. «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах». СПб., 1764, январь—июнь.

[13] О жизни, быте, обычаях, хозяйстве манси см., например: Д. Юрьев. Топографическое описание Северного Урала и рек его обоих склонов. «Зап. Русского географического об-ва», кн. VI. СПб., 1852, стр. 265—384; «Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Гр. Новицким в 1715 г. — В кн.: «Памятники древней письменности и искусства». СПб., 1884, стр. 116; А. Дунин-Горкович. Тобольский север, т. III. Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск, 1911.

[14] Г. Тарасенков. Обский Север и его экономика (итоги и перспективы). «Советская Арктика», 1937, № 5, стр. 74—94; В. П. Чернецов. Отчет об этнографической экспедиции Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР в Остяко-Вогульский национальный округ. «Советская этнография», 1937, № 4, стр. 209—211.

[15] B. Munkácsi — Nyk XXI, XXIV; см. также: N. Steinitz. Geschichte des wogulischen Vokalismus. Berlin, 1955, стр. 1—7.

Сосьва (Tāγt)[16], Ляпин (Sakw) и Верхняя Лозьва (ali Lūssum); 2) западная группа — по средней и нижней Лозьве, а также по Пелыму (Polum) и Вагильску; 3) восточная группа — по Конде (Xōntaŋjā); 4) южная группа — по р. Тавда (ali Tāγt).

Западные и южные манси уже не пользуются родным языком как средством общения. У восточных манси также идет активный процесс обрусения, и родным языком в быту пользуется лишь старшее поколение.

§ 4. Различия между диалектными группами. Исследователи мансийского языка отмечали в первую очередь фонетические расхождения в диалектах. Они настолько значительны, что представители указанных выше четырех наречий не понимают друг друга.

В южных диалектах мансийского языка наличествует гармония гласных. В некоторых наречиях она отсутствует полностью, в других же наблюдается частично, например, в среднесосьвинском говоре северного наречия wajime — лит. wājīma 'оказывается видели его'; saγime — лит. saγīma 'оказывается сплетено'[17].

В фонетическом отношении восточное наречие отличается от северного литературного наличием дифтонгов *оа*, *öä*, *ÿä*, *yo*, *оа*, *ya*, и др., противопоставлением передне- и заднерядных гласных: *а* — *ä*, о — *ö*, у — *ÿ*, имеется огубленный гласный *å*[18].

Морфологические расхождения по отдельным группам наречий менее значительны, чем фонетические (фонологические). Следует отметить наличие вин. падежа с формантом -m во всех диалектах, кроме пелымского и сосьвинского (положенного в основу литературного языка)[19].

По мнению Е. А. Кузаковой, в кондинском диалекте существует четыре наклонения: изъявительное, повелительное, сослагательное и условное[20]. В северо-мансийском же наречии, кроме названных, имеется еще наклонение неочевидного действия[21] с суфф. -n (δ) (для наст. времени) и -(δ)m (для прош. времени).

В диалектах наблюдаются и лексические расхождения. Так, в языке северных манси имеется большое количество специальных терминов, заимствованных из ненецкого языка, связанных с оле-

---

[16] В скобках даны мансийские топонимы в соответствии с литературным произношением.

[17] А. Kannisto — FUF XIV, 41—84; см. также: В. И. Черпецов — Яз. письм. I 165.

[18] Более подробно см.: Е. А. Кузакова. Южно-мансийский (кондинский) диалект. Авт. д. к. Л., 1963, стр. 4—18; см. также: В. И. Черпецов. — Яз. письм. I 165—166.

[19] B. Munkácsi. A vogul nyelvjárások. Ugor füzetek, II. Budapest, 1894; A. Ahlqvist. Wogulische Sprachtexte nebst Entwurf einer wogulischen Grammatik. Helsingfors, 1894.

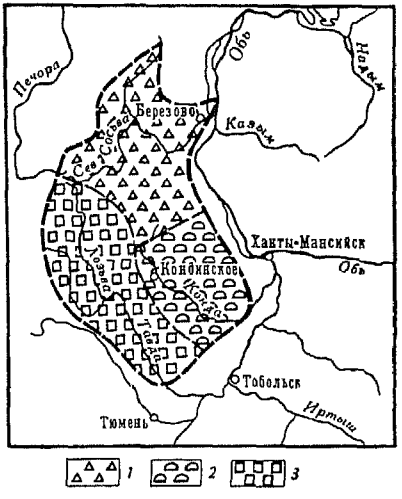
[20] Е. А. Кузакова. Указ. соч., стр. 13.

[21] Е. И. Ромбандеева — Яз. нар. III 353—354; Она же. Мансийский (вогульский) язык. М., 1973, § 141—149.

неводством, которому манси научились у ненцев (см. т. I — «Лексика»).

Отличительной особенностью лексики восточных манси является наличие татарских заимствований, связанных с земледелием, которому манси научились у татар (см. т. I — «Лексика»).

§ 5. Из истории письменности. Отдельные мансийские слова (или небольшие словники, состоящие в основном из *слов — названий предметов*) появлялись в русских хрониках, а также в рукописных текстах еще в XVI—XVII вв.



1 2 3

Схематическая карта диалектов мансийского языка:

1 — сосьвинские и ляпинские манси;
2 — кондинские манси;
3 — тавдинский, пелымский и лозьвинский диалекты (ныне исчезнувшие)

С XVIII в. известны в рукописном и печатном виде отдельные словники и словари, например «Словарь вогульского языка» (несколько десятков слов), составленный И. Куроедовым по поручению В. Н. Татищева в 1736 г. (хранится в Архиве АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 149, л. 427—429); «Латинско-вогульско-остяцкий словарь» (286 слов, записанных латинскими буквами из разных диалектов) (Архив АН СССР, ф. 94, оп. 1, № 184), «Краткий вогульский словарь с российским переводом, собранный и по разным материям расположенный, города Соликамска и Свято-Троицкого собора Симеоном Черкаловым 1785 года» (Архив АН СССР, ф. 94, оп. 1, № 178, 7 лл), «Словарь латинско-вогульский». Составлен в 1775 г. (Рукописный отдел ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. Аделунга, К-АЗ-П, 32 лл)[22], «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы», составленный П. С. Палласом (СПб., 1787). *Эти словари содержали мансийские диалектные слова, служащие ценным материалом для изучения мансийского языка в историческом плане*, несмотря на то, что эти материалы были в основном собраны не языковедами, а путешественниками-краеведами, побывавшими в разное время среди манси и не ставившими перед собой прямой задачи специального исследования мансийского языка[23].

---

[22] Более подробно см.: И. С. Вдовин. История изучения палеоазиатских языков. М.—Л., 1962, стр. 155—157.

[23] См. также библиографию к кн.: Яз. письм. I, 1937, стр. 192.

Небольшая часть материала зафиксирована на основе латинской графики, большинство же — на основе русской, в которой долгие гласные фонемы иногда передаются удвоенными буквами, в некоторых случаях обозначаются и дифтонгизированные гласные. Данные материалы охватывают разные (в том числе и исчезнувшие) диалекты мансийского языка.

Еще в конце XIX в. делались попытки создания письменности для народа манси. Миссионеры и местные священники с помощью отдельных манси, немного владеющих русским языком, переводили на мансийский язык некоторые религиозные произведения. На кондинском наречии для восточных манси было издано евангелие в переводе Г. Попова («Das Evangelium Matthäi in dem Dialekt der kondischen Wogulen», London, 1868). Был составлен и букварь для вогулов Приуралья (Никонор, еп. Азбука для вогулов приуральских. М., 1903). В подготовке этого издания принимал участие манси Н. Я. Бахтияров.

Делались попытки обучать некоторых манси грамоте. Так, в основном для кондинских манси во второй половине XIX в. были открыты первые школы. Однако работа по распространению грамотности среди местного населения велась слабо, и поэтому несколько книг, переведенных на мансийский язык, никто не мог читать.

Усилия миссионеров не привели к созданию письменности и распространению грамотности среди манси.

Письменность на мансийском языке была создана в 30-х годах XX в. В 1932 г. вышел в свет первый букварь. В эти же годы в крупных населенных пунктах открылись школы-интернаты для манси, куда начали собирать детей школьного возраста. Для взрослого населения было организовано обучение грамоте почти в каждой деревне, каждом чуме. Письменность, созданная усилиями советских ученых, наконец, стала достоянием всего мансийского населения.

§ 6. Становление литературного языка. В годы Советской власти изучение мансийского языка было начато с исследования живых диалектов для того, чтобы установить фонемный состав наиболее подходящего диалекта для будущего литературного языка. В результате работы, проведенной в 1930—1931 гг. в Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера (Ленинград), был определен опорный диалект для создания письменности и литературного языка и установлен состав гласных и согласных фонем. Сначала был разработан алфавит на латинской основе: он отражал различия между краткими и долгими гласными, а также наличие среднеязычных палатальных согласных.

С 1937 г. алфавит переводится на русскую графическую основу; по новому варианту письменности долгие и краткие гласные не различаются, и среднеязычные палатальные не получают специального графического изображения. Практический алфавит

состоит из следующих букв: *а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, к, л, м, н, ӈ, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, э, ю, я.*

Буквы *б, г, д, ж, з, ф, ц, ч, ш* используются только для написания русских заимствований, поскольку соответствующие фонемы в мансийском не встречаются.

Советскими учеными были составлены первые очерки грамматики мансийского языка (В. Н. Чернецов и И. Я. Чернецова. Краткий мансийско-русский словарь. Грамматический очерк. М.—Л., 1936; В. Н. Чернецов. Мансийский (вогульский) язык — см. Яз. письм. I,) а также первые учебники на мансийском языке.

В послевоенные годы работу по составлению и изданию учебников и книг для чтения, начатую еще в 30-е годы XX в. В. Н. Чернецовым, создавшим первый букварь (V. Śernetsow Il′pi l′oŋŋh) [24], продолжил А. Н. Баландин, составивший несколько учебников («Букварь маньси начальный школа приготовительный класс магыс». Л., 1947; «Ловиньтам магыс книга. Маньси начальный школа овый класс магыс». Л., 1947, и др.).

Отсутствие графического изображения для некоторых звуков мансийского языка отрицательно сказалось особенно на процессе обучения.

С 1957 г. до 1971 г. издание учебников и учебных пособий на мансийском языке временно было прекращено. Однако с 1972 г. Учпедгизом возобновлено издание учебных пособий для национальных школ. Так, по манси языку вышли в свет: «Букварь» (Л., 1972) и «Маньси латыц» («Учебник для подготовительного класса». Л., 1972), составленные А. Н. Баландиным и М. П. Вахрушевой, «Маньси латыц» («Книга для чтения и учебник для I класса»), составленные А. Н. Баландиным, М. П. Вахрушевой и Н. Содоминым (Л., 1973).

После окончания неполной средней школы учащиеся продолжают свое образование в средней школе и в училищах, прежде всего в медицинском и педагогическом, в которых готовят кадры для Ханты-Мансийского национального округа. В Ханты-Мансийском педучилище преподается мансийский и хантыйский языки.

Продолжается взаимовлияние говоров северного наречия, что объясняется отчасти совместным обучением в укрупненных школах-интернатах манси, прибывших из отдаленных друг от друга населенных пунктов: с Оби, Сосьвы, Сыгвы и др. Кроме того, в советское время жители отдаленных друг от друга мест в связи с появлением новых видов транспорта общаются значительно интенсивнее, чем раньше.

§ 7. Из истории развития художественной литературы. У манси в советское время появились свои писатели и поэты. Среди них следует отметить известного

[24] См. рецензию на эту работу — Y. Wichmann — FUF. XVI.

и за пределами округа и даже Советского Союза писателя Ю. Шесталова. Его произведения выходят на родном и русском языках. Среди них — сборники стихов на мансийском языке: «Макем ат» («Запах Родины»). Ханты-Мансийск, 1958; «Маньси павыя нявраmыт» («Дети мансийской деревни»). Л., 1960; «Сайкалан эрыг» («Песня пробуждения»). Свердловск, 1965; «Этпос» («Месяц»). Свердловск, 1968; сборники стихов и прозы на русском языке: «Пойте, мои звезды» (Л., 1959), «Огонь на льду» (М., 1961), «Огонь на огонь» (Свердловск, 1966), «Глаза белой ночи» (М., 1967), «Синий ветер каслания» (Л., 1965), «Когда качало меня солнце» (М., 1972) и др. Были напечатаны книги: М. К. Анисимова. Танья-богатырь (мансийские сказы). Свердловск, 1973; А. Картина. Муркины валенки. Йошкар-Ола, 1973. Печатаются произведения А. Тарханова.

Манси П. Е. Шешкин известен далеко за пределами округа не только как талантливый резчик по дереву, произведения которого демонстрируются в музеях, но и как создатель народных песен самой разнообразной тематики (см.: «Петр Шешкин». Ханты-Мансийск, 1970).

§ 8. Из истории исследования мансийского языка. Систематическое исследование мансийского языка было начато в середине XIX в. Первым языковедом, побывавшим среди манси в 1843—1844 гг., был венгерский ученый А. Регули, который собрал уникальный фольклорный материал. Им записаны тексты в основном по лозьвинскому, пелымскому и северному диалектам. Часть этих материалов, отражающих северные диалекты, была опубликована венгерским ученым П. Хунфальви (P. Hunfalvy. A. vogul föld és nép. Pest, 1864). П. Хунфальви составил и очерк грамматики кондинского диалекта, черпая лингвистический материал из библии, переведенной на кондинский диалект Г. Поповым (P. Hunfalvy A. kondai nyelv. NyK IX, 1872; NyK X, 1873).

Несколько позднее (1858—1859 и 1877 гг.) среди манси побывал финский ученый А. Альквист, собравший ценный языковой материал (A. Ahlqvist. Über die Kulturwörter der obischugrischen Sprachen. JSFOu. VIII, 1890; «Wogulisches Wörterverzeichnis». MSFOu. II, 1891; «Wogulische Sprachtexte nebst Entwurf einer wogulischen Grammatik». MSFOu. VII, 1894). Большая часть текстов записана А. Альквистом на кондинском диалекте.

Желание разобраться в мансийских текстах, записанных в свое время А. Регули, побудило венгерского ученого Б. Мункачи предпринимать в 1888—1889 гг. поездку к манси. Он расшифровал тексты А. Регули и сам собрал исключительно богатые фольклорные материалы по всем диалектам. Тексты позднее были обработаны, переведены на венгерский язык и изданы в четырех томах. Первые два тома сопровождаются развернутыми комментариями самого Мункачи (B. Munkácsi. Vogul népköltési gyűjtemény, I—II, 1892—1896). К последним двум томам

комментарии были подготовлены и опубликованы Б. Кальманом (B. Munkácsi — B. Kálmán. Manysi (vogul) népköltési gyűjtemény, III k., II z. Budapest, 1952; IV k., II z. Budapest, 1962). Краткие очерки, содержавшие в основном морфологические парадигмы, были составлены Б. Мункачи по шести записанным им мансийским диалектам: северному, среднелозьвинскому, нижнелозьвинскому, пелымскому, кондинскому и тавдинскому.

В начале столетия длительное время (1901—1906 гг.) среди манси жил финский ученый А. Каннисто, собравший богатейший материал по диалектам мансийского языка. По материалам экспедиции, а также по спискам слов, собранных М. Кастреном, он опубликовал ряд работ по фонетике, грамматике, лексике, топонимике и подготовил к печати часть текстов, записанных весьма точной, но сложной фонетической транскрипцией с отражением различных комбинаторных вариантов фонем (A. K a n n i s t o. Ein Wörterverzeichnis eines ausgestorbenen wogulischen Dialektes in den Papieren M. A. Castréns. — JSFOu. XXX_8; «Zur wogulischen Lautgeschichte». — FUFA VII; «Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wogulischen vom qualitativen Standpunkt». — MSFOu. XLVI; «Die Vokalharmonie im Wogulischen». — FUF XIV; «Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung». — FUF XVIII, и другие работы, посвященные разным проблемам изучения языка манси).

Неопубликованные работы Каннисто подготовил к печати финский ученый М. Лиимола (A. K a n n i s t o, M. L i i m o l a. Wogulische Volksdichtug. — MSFOu. № 101, I (1951); № 109, II (1955); № 111, III (1956); № 114, IV (1958); № 116, V (1959); № 134, VI (1963). Кроме этого М. Лиимола опубликовал ряд статей по этимологии отдельных слов, а также по вопросам грамматики мансийского языка (M. L i i m o l a. Zu den wogulischen Personalpronomina. — FUF XXVIII 20—56; «Wogulische Ableitungssuffixe». — FUF XXX 248—272; «Zur wogulischen Etymologie und Formenlehre». — JSFOu. LVII_1 1—47; «Etymologische Bemerkungen». — FUF XXII, XXVI, XXIX). Особенно большой интерес представляет его работа, посвященная исторической морфологии мансийского языка (M. L i i m o l a. Zur historischen Formenlehre des Wogulischen. Helsinki, 1963).

Исследованием обско-угорских языков плодотворно занимался и немецкий ученый В. Штейниц. Большую ценность представляет его обобщающая работа по истории гласных мансийского языка (W. S t e i n i t z. Geschichte des wogulischen Vokalismus. Berlin, 1955).

Этот труд создан автором на основе своих исследований и записей фольклорных текстов, собранных венгерскими и финскими учеными в прошлом веке и в начале XX столетия (см. упомянутые работы Б. Мункачи и А. Каннисто), а также на материале отдельных научных статей по гласным мансийского языка (O. H a z a y. A vogul nyelvjárások első szótagbeli magánhangzói

qualitativ szempontból. Budapest, 1907; A. K a n n i s t o. Die Vokalharmonie im Wogulischen. — FUF XIV и др.).

В 50-х годах нашего века венгерский ученый Д. Лако опубликовал очерк грамматики северомансийского диалекта, содержащий подробное описание фонемного состава и фонетических особенностей этого диалекта (Gy. L a k ó. Északi-manysi nyelvtanulmányok. — NyK LVIII; перевод на немецкий «Nordmansische Sprachstudien» — ALH VI; «Az északi-manysi névmások fejlődéstörténetéhez». — NyK LXI).

Исследованием старых архивных рукописных материалов мансийского языка (в основном XVIII в.) много занимался венгерский языковед Я. Гуя (J. Gulya), опубликовавший ряд ценных статей («A manysi nyelv szóvégi magánhangzóinak történetéhez».— NyK LXII; «Egy 1776—ból származó manysi nyelvemlék» — NyK LX; XVIII századi kéziratos vogul szójegyzékek. Budapest, 1960; «A fonémarendszer változásának mennyiségi összetevői». — NyK LXVI; «Az orosz Урал-a „Uralgebirge" etimológiájához». — «Studia Slavica Hungaricae», VII. Budapest, 1961; «Egy és más a-ni főnévi igenév körül. — MTAK XXII и др.).

Профессор Дебреценского университета Б. Кальман (B. Kálmán) выпустил в свет несколько монографий по мансийскому языку («Manysi nyelvkönyv». Budapest, 1955; «Die russischen Lehnwörter im Wogulischen». Budapest, 1961; «Chrestomathia Vogulica». Budapest, 1963). Под его руководством готовится к изданию большой словарь по материалам Б. Мункачи с охватом всех основных диалектов мансийского языка.

Кроме упомянутых выше трудов зарубежными учеными издано несколько монографий по отдельным вопросам грамматики и лексики с охватом материалов по разным диалектам мансийского языка. (M. K i s p á l. A vogul igenév mondattana. Budapest, 1966; K. R é d e i. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970), а также отдельные статьи (D. S z a b ó. A vogul szóképzés. — NyK XXXIV; D. F o k o s. A vogul -təl rag eredetéhez. — NyK XXXIX; Он же. A vogul-osztják tárgyas igeragozásról. — NyK XL; Он же. A vogul-osztják dualis képző». NyK XLIX; Он же. Egy vogul-osztják névutó. — NyK L; Ö. B e k e. A vogul határozók. — NyK XXXV; Он же. Ragtalan határozók a vogulban. — NyK XXXVII; Он же. Finnugor mondattani adalékok. — NyK XLIV; Он же. Még egyszer a vog.-təl ragról. — NyK XXXIX; É. S a l. Az obi-ugor nyelvek tagadó névmásainak kérdéséhez. — NyK LIII; Ö. L a v o t h a. Das Passiv in der wogulischen Sprache. — JSFOu. № 62, Helsinki, 1960; Он же. A manysi intranzitiv igék passzivumáról. — NyK LX; Он же. A tárgy jelölése a manysiban. — NyK LIV; Он же. A tárgyas igeragozás mondattana a vogulban. — FgrÉrt. № 5); M. S z i l a s i. Vogul szójegyzék. Budapest, 1962.

После Великой Октябрьской социалистической революции в связи с созданием письменности на языке манси советскими

учеными была развернута большая работа по изучению мансийского языка и его диалектов.

Защищены диссертации, посвященные различным аспектам изучения мансийского языка (А. И. Картина. Именное словообразование в современном мансийском языке. Л., 1955; Е. А. Кузакова. Южно-мансийский (кондинский) диалект. Л., 1963; Е. И. Ромбандеева. Каузативные глаголы в современном мансийском языке. Л., 1964; М. П. Баландина. Формирование сложных слов мансийского языка на базе соматической лексики. Л., 1965; А. И. Сайнахова. Служебные слова в мансийском языке. М., 1966; К. И. Вавра. Терминология родства венгерского и мансийского языков. Тарту, 1970.

У южных манси побывала Т. Д. Франк-Каменецкая, которая опубликовала ряд интересных статей с материалами тавдинского диалекта (Т. Д. Франк-Каменецкая. Экспедиция к тавдинским манси в 1963 г. «Изв. Сибирского отд. АН СССР», № 5, Новосибирск, 1964; Она же. К вопросу о лексике тавдинского диалекта мансийского языка. «Изв. Сиб. отд. АН СССР», вып. 1. Исследования по языку и фольклору. Новосибирск, 1965).

В настоящее время наиболее активному и всестороннему исследованию подвергается северомансийское наречие, положенное в основу литературного языка, которое преподается в Ханты-Мансийском педучилище и в Ленинградском пединституте им. А. И. Герцена. В секторе финно-угорских языков Института языкознания АН СССР Е. И. Ромбандеевой составлен мансийско-русский словарь по данному диалекту на 22 тыс. слов. Вышла в свет монография Е. И. Ромбандеевой «Мансийский (вогульский) язык» (М., 1973). Морфологические разделы очерков по мансийскому и хантыйскому языкам в этом томе разработаны на основе диалектов, на базе которых были созданы литературные языки. С 30-х годов XX в. эти диалекты исследовались многими специалистами, их первое полное описание сделано в нашей стране.

ХАНТЫЙСКИЙ ЯЗЫК

§ 9. Этнонимы, численность и места расселения. Ханты — самоназвание угорской народности, которая вместе с манси составляет обско-угорскую группу языков. Слово *ха́нты* зафиксировано почти во всех диалектах и говорах хантыйского языка как обозначение принадлежности к данной народности, а в ряде говоров — и с самым широким значением 'человек'. Одно из этимологических объяснений связывает *ханты* с общефинно-угорской основой *kunta (мс. khōnt, kānt, kōnt, χ‿nt, khånt 'войско', в. had 'войско', ф. kunta 'община' и т. д.)[25].

Согласно другой точке зрения имя народности происходит от названия р. Конда. Подобное объяснение представляется доста-

[25] См. MSzFE II 238; K. Radanovics — Congr. I.

точно обоснованным по следующим соображениям. Структура самоназваний и названий современных ханты обязательно включает название места, где они проживают (как правило, реки): *Вать-ях*, *Вать-ёган-ях* 'народ, живущий на Васюгане', *Ваха-ях* 'ваховские ханты', *Колон-ях* 'народ с еловой речки', *Тым-ях* 'народ с Тыма' и т. п.[26] В этом ряду в качестве одного из самоназваний фигурировало (оно существует и в наше время) и *Конда-ях* («Хонди-Шуп»), которое через посредство народов, контактировавших с ханты (манси, русских, татар), могло распространиться как название всей нации.

В этой связи нельзя считать лишенным оснований возведение старого названия ханты — «остяки» — к As-jaχ 'обские люди', поскольку его семантическая структура типична для хантыйского этнонима, а фонетическое объяснение довольно правдоподобно. Не исключено также, что образование формы *остяк* шло под двойным влиянием — как русского произношения хантыйского словосочетания, так и близкого по звучанию татарского слова: «уштяки сиречь необходительные, дикие люди»[27].

Таким образом, есть основания считать старое название «остяки» и современный этноним «ханты» связанными по происхождению с регионами расселения и самоназваниями отдельных, может быть наиболее многочисленных, групп этой народности. В пользу такого предположения как будто говорит и современное употребление обоих этнонимов в разных районах[28].

Численность ханты по данным переписи 1970 г. — 21 тыс. чел. Основная масса хантыйского населения проживает в Ханты-Мансийском (около 13 тыс. чел.) и Ямало-Ненецком (около 6 тыс. чел.) национальных округах Тюменской обл. и в двух районах (Александровском и Каргасокском) Томской обл.

Численность ханты по переписям разных лет:

Год	Численность	Из них говорят на хантыйском языке	Год	Численность	Из них говорят на хантыйском языке
1897	17 221	16 845 (98%)	1959	19 246	— (77%)
1926	22 200	18 600 (84%)	1970	21 007	— —

[26] П. В. Л у к и н а — Мат. эти. Сиб. 68—69. — Ср. с этим также многочисленные топонимы на *-ях*, рассеянные по всему пространству Западной Сибири.

[27] И. Г. Г е о р г и. Описание обитающих в Российском государстве народов, ч. I. СПб., 1795, стр. 66. Ср. также: А. Н. К о п о н о в. «Родословная туркмен». Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.—Л., стр. 87; А. И. П о п о в. Названия народов СССР. Л., 1973, стр. 148.

[28] У северных ханты, где наряду с официальным названием употребляется термин «остяк», последнему, по нашим наблюдениям, иногда придается уничижительный оттенок, связанный в какой-то степени, вероятно, и с тат. *уштяк*, *иштяк*. По свидетельству П. В. Лукиной (Мат. эти. Сиб. 69), на Васюгане термин «ханты» в настоящее время почти не употребляется, а бытует старое название «остяки». У александровских ханты в равной мере распространены оба термина, на Вахе — только «ханты».

По отношению ко всему населению Ханты-Мансийского национального округа ханты составляют 4,5%. Наиболее многочисленно хантыйское население в Березовском (3306 чел.), Ханты-Мансийском (1265 чел.), Нижневартовском (1545 чел.) и Сургутском р-нах Ханты-Мансийского национального округа, а также в Шурышкарском р-не Ямало-Ненецкого национального округа (3853 чел.). В этих районах ханты живут обособленными, довольно значительными по числу группами, особенно в деревнях Кислор, Помут, Хуллор, Тутлеим Казымского сельсовета (Березовский р-н), Кышик, Согом (Ханты-Мансийский р-н), Пуг-Юг Ларьякского и Вершина Кулун-игол Корликовского сельсоветов (Нижневартовский р-н), Лопхари, Овгорт и др. (Шурышкарский р-н) и т. д. Самые маленькие группы живут в Советском р-не Ханты-Мансийского и Ямальском р-не Ямало-Ненецкого национальных округов. Процент людей, считающих хантыйский язык родным, неравномерен по районам: в Шурышкарском, Березовском, Нижневартовском он составляет 98—100%, тогда как в промышленных районах и городах — 20—30%.

Поселки, как правило, тяготеют к местам исконных поселений ханты. Так, на территории современного Шурышкарского р-на, где основная масса хантыйского населения сосредоточена в Сынском (906 чел.), Куноватском (626 чел.) и Шурышкарском (552 чел.) сельсоветах, поселки по рекам Сыня и Куноват сохраняются в течение нескольких веков. По данным Государственного архива Тюменской обл., в 1794 г. на р. Сыне было 5 поселков («юрт»), в которых проживало 417 чел., а в 3 «юртах» на р. Куноват — 321 чел.[29] Это же касается поселений на Васюгане и Среднем Приобье, заселение которых Н. И. Терешкин и Ю. В. Симченко относят к XIV в.[30]

Наряду с крупными поселениями сохраняется значительное число мелких поселков, особенно на севере и востоке Тюменской обл., у северных и ваховских ханты. Это связано с комплексностью их хозяйства, которое основано на оленеводстве, охоте и рыболовстве. У ханты, живущих на средней Оби, по Конде и Демьянке, оленеводство не получило такого распространения, как у северных и ваховских.

В последнее время постоянно увеличивается число хантыйского населения в городах. Особенно много ханты живет в городах Березово, Ханты-Мансийск, Нефтеюганск.

§ 10. Из истории хантыйского народа. Массовое переселение «югры» (из к.-з. jögra, русск. *егра*, *иогра*, *югра*) с территории вероятной прародины угров — западного и северо-западного Приуралья — на восток и северо-восток датируют обычно XII в. К XIII—XIV вв. относится заселение хантами Васюганья с юго-запада, со стороны Прииртышья. Заселение

---

[29] З. П. Соколова — Мат. этн. Сиб. 16.
[30] Н. В. Лукина — Мат. этн. Сиб. 81.

Ваха проходило в более позднее время и зафиксировано еще в XVII в. Однако в среднем и северном Приобье обнаруживаются следы пребывания угров, относящиеся и к более раннему времени. Археологический материал В. Н. Чернецова позволил ему датировать так называемую усть-полуйскую культуру IV в. до н. э., а нижнеобскую, которую он считает древнехантыйской культурой, — началом I тыс. н. э. Анализ некоторых фольклорных мотивов также указывает на то, что отдельные хантыйские племена селились по Оби уже в очень отдаленные времена [31].

Ко времени встречи хантыйских племен с тюрками и русскими родовой строй у ханты распался. Они жили небольшими княжествами, возникшими на родовой основе. Центрами княжеств были укрепленные городки, расположенные по Иртышу, Оби и ее притокам. Так, над низовьями Иртыша и смежной части Оби в XVI в. властвовал князек Самар, ниже по Оби были владения Алача, в районе нынешнего Сургута была территория князьков Бардака и Халанока. Такие княжества были самостоятельными единицами и вели войны между собой и с соседними самодийскими племенами.

В русской летописи о югре упоминается как о самом крайнем северо-восточном населении в Заволочье (т. е. северном Приуралье). Предание о падающих с неба белках записано в Ипатьевской летописи (1114 г.) со слов «старых мужей», ходивших «за Югру и Самоядь». В Лаврентьевской летописи под 1096 г. приводится рассказ новгородца Гюряты Роговича (Юрия Торговича) о Югре. К XI—XIII вв. относятся летописные рассказы о своеобразной «немой» меновой торговле новгородцев с уральскими племенами, хотя торговля эта, безусловно, осуществлялась еще раньше. Затем русские известия о походах на Югорскую землю встречаются в летописях XIV в. (1323, 1329, 1364 гг. и т. д.) [32]. От XV в. в разрядных книгах сохранилось о юграх довольно много известий, из которых ясно, что к концу века югорская земля полностью перешла под власть московских царей [33].

Население Приуралья и Западной Сибири было данником московского царя, основным поставщиком ценного пушного товара. Крепости и города в Сибири возникают и как опорные пункты для сбора «ясака» с остяцкого и вогульского населения, и как средства защиты этого населения от набегов татар [34]. В 1593 г. близ существовавшего в тех местах хантыйского селения был основан г. Березов (х. *Сумгут-ваш*) [35]. В это же время были заложены города Пелым (1590—1592 гг.) и Сургут (1593 г.). По-

---

[31] Н. В. Лукина — Мат. эти. Сиб. 81.

[32] См. А. В. Оксенов — «Сибирский сборник», IV, СПб., 1887, стр. 108—116; Он же — ЖМНП, 1891, № 2, стр. 246—272.

[33] А. Х. Лерберг. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819.

[34] См., например, разрядные приказы и грамоты в «Приложении» к работе: Г. Ф. Миллер. История Сибири, I—II. М.—Л., 1937—1941.

[35] Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства, стр. 164.

следний, по свидетельству Г. Ф. Миллера, получил свое имя от хантыйского названия небольшой протоки Оби — Сургунтль-Мугот. Обдорск основан в 1595 г. (сам. *Селе-харат*, *Саленгар* 'город на мысу', совр. *Салехард*).

Христианизация хантыйского и мансийского населения, начавшаяся, очевидно, еще со времен Стефана Пермского (XIV в.) и продолженная Трифоном Вятским (XVI в.), успеха не имела, хотя официально временем полного обращения местных жителей в православие считался 1715 г. Призванная нести просвещение малым народам России христианизация этой задачи не решала и решить не могла.

Политика царизма и православной церкви не способствовала складыванию и росту национального самосознания, а тяжелые условия жизни и кабала обрекали народ на вымирание.

Октябрьская революция открыла перед хантыйским народом, как и перед всеми народами России, широкие возможности. В первые годы Советской власти был создан Комитет Севера при ВЦИК, а в 1925 г. по решению Президиума ВЦИК — Тобольский комитет Севера, в задачи которого входило приобщение ненцев, ханты и манси к экономическому и социально-культурному прогрессу страны. Образование в 1930 г. Остяко-Вогульского национального округа способствовало быстрому подъему хозяйства, повышению жизненного уровня местного населения, развитию национальной культуры. Большую роль в организации просвещения народа, профессиональной подготовки национальных кадров для промышленности и хозяйства, в обеспечении культурного и хозяйственного обслуживания местного населения сыграли культбазы — Казымская, Сосьвинская, Ямальская и Тазовская. Практических работников для культбаз, будущих деятелей культуры и науки готовил Институт народов Севера, существовавший в Ленинграде в 1930—1941 гг.

В настоящее время Ханты-Мансийский национальный округ — развитый в промышленном и культурном отношении район СССР. Из числа ханты вышли многие учителя, партийные, советские и хозяйственные руководители, работники культуры и науки, писатели и поэты [36].

В округе выходит газета «Ленин пант хуват» («По ленинскому пути»), ведутся радиопередачи в Ханты-Мансийске — на казымском, в Салехарде — на шурышкарском диалектах. Художественная литература выходит, помимо двух названных, также на средне-обском диалекте, а учебная — и на ваховском.

§ 11. Д и а л е к т ы. Хантыйский язык отличается большой диалектной раздробленностью. Начало систематического изучения хантыйских диалектов связано с именем М. А. Кастрена, в то время адъюнкта Российской Академии наук, описавшего

---

[36] См., например: «„Обновленная Югра“ (к 40-летию Ханты-Мансийского национального округа)». Свердловск, 1970, стр. 11—79.

в 40-х годах прошлого века иртышский и сургутский диалекты [37]. Однако формированию общего представления о составе диалектов хантыйского языка и их границах в немалой степени способствовали материалы, относящиеся к более раннему времени, — многочисленные словари, которые с 30-х годов XVIII в. составлялись на местах по программе Российской Академии [38].

К. Карьялайнен на основе собранного им в конце XIX в. лексического материала выделял семь основных диалектов: иртышский (по рекам Иртыш, Демьянка, Салым и на Оби между Самаровом и Салымом); кондинский (по Оби между Самаровом и Березовом); березовский (по рекам Казым, Вогулка и на Оби от Березова до дер. Мужи); обдорский (на Оби и соседних речках севернее дер. Мужи); сургутский (от устья Салыма на юг, на восток — до 250 верст восточнее Сургута, и на близлежащих речках Пым, Аган, Тромъеган и Балык); ваховский (на Вахе и на Оби между Вахом и дер. Верхне-Лумпокольское); верхнеобский (на Оби, от Верхне-Лумпокольского до границы с Томской губернией, и на Васюгане).

Позднее, в своей диссертации о хантыйском вокализме и в изданных посмертно грамматических заметках, К. Карьялайнен отклоняется от этого деления и дает большее число диалектов — 11, относя к ним некоторые говоры. Вообще в литературе о хантыйских диалектах термины «говор», «наречие», «диалект» часто употребляются недифференцированно. По материалам Карьялайнена—Тойвонена, Паасонена—Доннера, Паткапова—Фукса и Штейница [39] отдельных говоров или наречий насчитывается свыше трех десятков. Отчасти по этой причине число диалектов вплоть до недавнего времени оставалось неясным.

Сформировавшаяся к концу XIX в. традиция делить хантыйские диалекты на три массива или группы — северную, южную и восточную — получает широкое распространение и сохраняется в литературе (особенно в зарубежной) до 60-х годов нашего века.

---

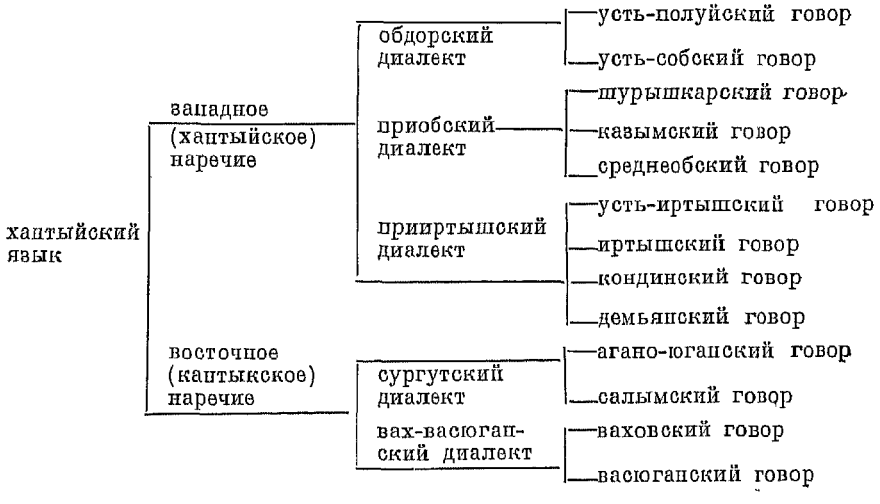
[37] M. A. Castrén. Versuch einer ostjakischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss. St.-Petersburg, 1849.

[38] Ср., например, хранящийся в Архиве АН СССР (ф. 94 оп. I, № 277, 7 л.) словарь 11 диалектов, составленный Федором Кушкиным в середине XVIII в.: «Название остяцкое написано российским слогом, с переводами на остяцкий язык Тобольской округи, Сургутской округи, лумпокольских, около города живущих, тазовских, в Нарымской округе (живущих) по рекам: 1) Оби, Парабели, Чежапке и Тыму, 2) Васьюгану, Нарымке, Коспылке и Пуримке». Этот словарь является первым, «в котором дается характеристика языка по диалектам с довольно подробным указанием на их территориальное распространение» (см. Вдовин. Ист. пал. 155).

[39] K. F. Karjalainen. Ostjakisches Wörterbuch. Bearb. u. hg. von Y. H. Toivonen. I—II. Helsinki, 1948. (LSFOu. X); H. Paasonen. Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan. Zusammengestellt, neu transkribiert und hg. von Kai Donner. Helsingfors, 1926 (LSFOu. XXIII); S. K. Patkanow, D. R. Fuchs. Laut- und Formenlehre der Süd-Ostjakischen Dialekte. — KSz. VII, X, XI; W. Steinitz. Geschichte des ostjakischen Vokalismus. Berlin, 1950.

Так, в упомянутой работе С. К. Патканова и Д. Фукса к северной группе относятся обдорский, березовский и кондинский диалекты, к восточной — сургутский, верхнесургутский и нижнесургутский, а к южной — иртышский, нижнекондинский, среднекондинский и демьянский. Эта классификация с небольшими изменениями [40] повторяется во многих работах. Однако она устарела и не отличается точностью, поскольку за полвека со времени ее установления произошли значительные изменения в самих диалектах, изменилась и территория их распространения в связи с миграциями, смешением и ассимиляцией населения.

В 50—60-е годы много сделали для выяснения современной диалектной картины хантыйского языка В. Штейниц и Н. И. Терёшкин [41]. Результаты их исследований позволяют дать более строгую классификацию. Несколько упрощая картину, диалекты хантыйского языка по материалам Штейница—Терёшкина можно представить следующей схемой:



Более дробное деление предполагает различение говоров отдельных мест: говор Мулигорта, Низямский говор, Шеркальский и т. д.

§ 12. Различия между диалектными группами существуют в фонетике, морфологии и лексике.

---

[40] Ср., например, работу П. К. Животикова, где автор на основании экспедиционных материалов А. А. Алелекова и А. П. Баландина выделяет четвертую диалектную группу — среднеобскую, занимающую промежуточное положение между северной, с одной стороны, и южной и восточной — с другой. См.: П. К. Животиков. Очерк грамматики хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 1942, стр. 7—18.

[41] W. Steinitz. Geschichte des ostjakischen Vokalismus; П. И. Терёшкин. Ваховский диалект хантыйского языка (дисс.). Л., 1967; Тер. Оч. I; Яз. пар. III.

Характерные фонетические расхождения: в западных диалектах (в отличие от восточных) а) существует спирантизация ряда нефрикативных согласных: χut 'рыба', χoŋsa 'трубка', pŭš 'раз', šop 'правда' — вост. kul, kaŋsa, pəč, čap; б) отсутствует чередование гласных в корне: as—asem 'моя Обь', amp—ampem 'моя собака' — вост. as—isem, ämp—impem; в) отсутствует ряд звуков: *ä* переднего ряда, *å* лабиализованный и др.[42]

В области морфологии различия наиболее показательны в падежной системе. В западнохантыйских диалектах, характеризующихся синкретизмом падежных форм, представлены лишь три падежа: основной (χop 'лодка'), дательно-направительный (χopa 'к лодке') и местно-творительный (χopn, χopnə 'в лодке') [43], тогда как в восточных — восемь падежей.

Расхождения в области лексики довольно значительны: зап. χop 'лодка', unə 'большой', uwətta 'кричать', ket 'веревка' — вост. rət, ollo, telta, čoŋčəγ и др.

Различия между отдельными диалектами внутри диалектных групп[44] основываются на фонетике и морфологии. Так, звонкому *l* обдорского диалекта соответствует в приобском глухой λ (каз.) или *t* (шур. и ср.-об.): paləŋ — paλəŋ — patəŋ 'облако', χul — χuλ — χut 'рыба'. Прош. времени, образованному в приобском с суфф. -s-, в прииртышском соответствует бессуффиксальное прошедшее: приобс. mansəm, mansən, manəs, ср. прииpт. mənəm, mənən, mənot 'я, ты, он ушел'.

§ 13. Из истории письменности. Развитие письменности на хантыйском языке начинается после Октябрьской революции, хотя отдельные попытки ее создания осуществлялись в конце XIX в.[45] Современная письменность не имеет преемственной связи с этими попытками.

При разработке вопросов письма советскими ученым надлежало решить две принципиальные задачи: об алфавите и о выборе диалектной базы письменности и литературного языка. Первый, «рекогносцировочный» этап выбора алфавита и опорного диалекта, который условно можно назвать «казымским», охватывает примерно десятилетие 1930—1940 гг. Большая роль в решении теоретических и практических вопросов создания письменности принадлежала В. Штейницу. В этот период написаны первые букварн на обдорском (P. Je. Hatanzejev. Hanti knjiga aluŋ untltija pata. M., 1930) и казымском диалектах (Hantь bukvar N. K. Karьer

[42] См., например: Н. И. Терёшкин — Яз. пар. III 338.

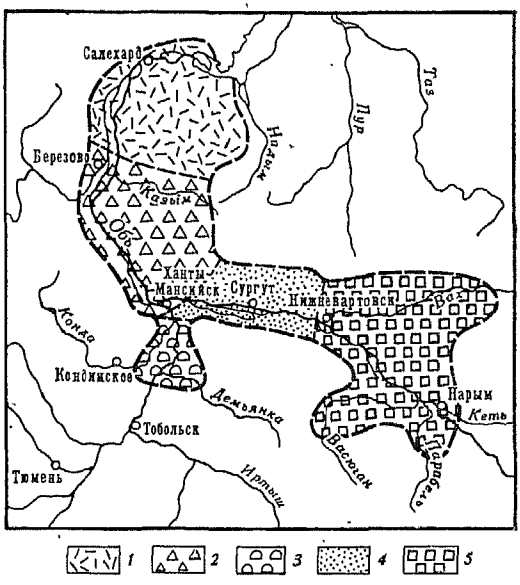
[43] В прииртышском диалекте различают четыре (местный и творительный отдельно) или пять (исходный) падежей.

[44] Более подробно эти различия показаны в упоминавшихся выше работах В. Штейница, Н. И. Терёшкина, С. К. Патканова—Д. Фукса. См., кроме того: В. Штейниц — Яз. письм. I 194—196; Н. И. Терёшкин — «Просвещение на крайнем Севере», вып. 8.

[45] Подробнее об опытах православных миссионеров см., например: В. Штейниц — Яз. письм. I 198; Н. И. Терёшкин — Яз. пар. III 320.

Схематическая карта диалектов хантыйского языка:

1 — обдорский диалект;
2 — приобский диалект;
3 — прииртышский диалект;
4 — сургутский диалект;
5 — вах-васюганский диалект



hanses. M.—L., 1933). Казымский диалект был положен в основу литературного языка, и на нем была создана первая учебная литература (P. N. Žulov. Łuŋtь kniḫa. M.—Л., 1934; N. Popova. Arifmetika vənłtetь kniḫa. Hantь jazьŋa N. Prьtkova tułmesłes. M.—L., 1934, и др.). Однако принятый вначале латинизированный алфавит, который включал ряд особых знаков для передачи специфических звуков хантыйского языка (ə, e, ṇ, η, s, sŋ) и звуков, свойственных казымскому диалекту (ł, ɬ), был неудобен и создавал определенные трудности. С 1937 г. хантыйская письменность развивается на основе русской графики. Применение русского алфавита для хантыйского языка имеет длительную традицию, которая идет от первых словарей XVIII в. и сохраняется вплоть до советского периода в работах ряда отечественных исследователей (С. К. Патканов, А. Ф. Плотников, А. А. Дунин—Горкавич). Кроме того, русский алфавит позволяет упростить письмо, за счет использования некоторых закономерностей русской орфографии (например, отсутствие специальных значков для палатализованных согласных и редуцированных гласных). Однако, надо заметить, что действующая ныне орфография, особенно для казымского диалекта, требует дальнейшего совершенствования.

§ 14. Становление литературного языка. Второй этап развития письменности и становления литературного языка, начавшийся приблизительно с 1940 г. и продолжающийся до наших дней, характеризуется созданием письменности на всех основных диалектах, за исключением прииртышского (см. клас-

сификацию), число говорящих на котором в настоящее время незначительно.

В 40-х годах широко развивается письменность на среднеобском диалекте (в районах его распространения он преподается в 4-х классах начальной школы). Выходит большое число школьных учебников и хрестоматий, создаются программы для начальной школы и педучилища, самоучители[46], осуществляются переводы на хантыйский язык произведений классиков русской литературы и советских писателей. В хрестоматиях, наряду с переводами, печатаются оригинальные произведения хантыйских авторов (В. Алачев, П. Хатанзеев и др.).

В 50-х годах, после Всесоюзного совещания, посвященного языкам народов Севера[47], начинает создаваться письменность и выходят учебные пособия еще на трех диалектах: шурышкарском (П. Е. Хатанзеев. Букварь для подготовительного класса на языке шурышкарских ханты. Л., 1955), ваховском (Н. И. Терешкин. Bukvar' kəntəx načal'nyi škola podgotovitel'nyi klass. Vax kəntəx kŏl. Leningrad, 1958; Он же. Методические указания к букварю на языке ваховских ханты. Л., 1960) и сургутском (Н. И. Терёшкин. Перевод букваря на языке сургутских ханты для подготовительного класса хантыйской (сургутской) начальной школы. Л., 1959). В алфавите букваря используется минимальное количество знаков дополнительных к русской графике.

Что касается казымского диалекта, то, хотя выбор его в качестве опорного на первом этапе и был признан ошибочным, литература на нем продолжала развиваться. Создаются новые учебные пособия (К. Ф. Хватай-Муха, А. М. Обатин, Ж. М. Аксарина. Букварь ханты начальный школа подготовительный класс пата (казым ёх ясын). Л., 1958), большая часть материалов в газете «Ленин пант хуват» публикуется на казымском диалекте, на нем ведутся передачи ханты-мансийского радио. Сейчас казымский и шурышкарский являются диалектами с наиболее развитыми общественными функциями (преподавание в начальной школе и педучилище, печать, радио, художественная литература). В литературном же развитии среднеобского диалекта после периода довольно быстрого подъема 1940—1960 гг. наступил некоторый спад, связанный с постепенным переходом части местного хантыйского населения в промышленно развитых районах на русский язык.

§ 15. Художественная литература в настоящее время выпускается тремя издательствами (Средне-Уральским, Тюменским и Ханты-Мансийским) в основном на трех диалектах — казымском, шурышкарском и среднеобском. В последние годы опубликованы произведения хантыйских писателей Р. Ругина, П. Салтыкова, В. Володина, М. Шульгина, Г. Лазарева и мн. др.

[46] См. также «Указатель учебно-методической литературы для школ народов Севера за 1945—1950 гг.» (Л., 1951).

[47] «Совещание по языкам народов Севера (тезисы докладов)». М.—Л., 1952.

Некоторые трудности в развитии хантыйской письменности и становлении литературного языка обусловлены прежде всего исключительной диалектной пестротой, которая и привела к появлению письменности на пяти диалектах. Однако опыт развития других младописьменных языков народов СССР показывает, что литературный язык должен быть один даже при наличии существенных расхождений между диалектами (как, например, между западными и восточными хантыйскими диалектами).

Становление литературного языка, как правило, связывается с созданием полной научной грамматики и полного словаря языка. Предпосылки для проведения этой работы созрели.

§ 16. Из истории исследования хантыйского языка. Начало изучения хантыйского языка относится к XVII в. Первые хантыйские слова и фрагменты текстов (молитв) приводятся в труде Н. Витзена («Noord en Oost Tartarye». Amsterdam, 1692), который в 1664—1665 гг. записал в Москве эти сведения от русских, побывавших в Югорской земле и знакомых с языком «остяков». Более значительные по объему словари были в материалах экспедиций Д. Г. Мессершмидта [48]. В книге И. Страленберга («Das nord-und östliche Theil von Europa und Asia». Stockholm, 1730) на основании обобщения лингвистических данных того времени делается первая попытка классификации известных языков Сибири, Европы и Кавказа, в которой хантыйский рассматривается как язык угро-финской семьи. Однако общее представление о генетической принадлежности хантыйского и мансийского языков сформировалось в России, по-видимому, гораздо раньше. Так, в компиляции, составленной Алессандро Гваньини на основе работ прежних авторов и рассказов «московитов» («Sarmatiae Europae descriptio», 1578) при описании области Югры говорится, что из нее вышли некогда венгры, и «жители этой области . . . говорят на том же языке, что и венгерцы» [49].

В XVIII в. шло накопление записей лексических материалов, которые в то время играли в основном вспомогательную роль для историко-этнических выводов. К середине века относятся первые попытки чисто лингвистического сравнительного изучения хантыйского языка: в ЦГА древних актов «в портфелях Миллера» есть сравнительный словарь — «Сходство венгерского языка а) с остяцким и вогульским, б) с пермским и зырянским, в) с татарским» [50]. Количество словарей, в том числе и хантыйского языка, составленных в XVIII в. либо по специальным инструкциям (В. Н. Татищева, Г. Бакмейстера), либо как иллюстративный материал к дневникам путешественников, довольно значительно, и часть из них еще не обследована.

Конец XVIII—начало XIX в. был периодом подступов

[48] См., например, Вдовин Ист. пал. 14.

[49] Цит. по кн.: М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. I. Иркутск, 1932, стр. 151.

[50] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. Приложение, стр. 562.

к сравнительно-историческому языкознанию, периодом увлечения сравнительными словарями. Диалекты хантыйского языка представлены у П. С. Палласа (под № 70—75) наречиями «березовских, нарымских, по реке Югану лумпольского поколения, Васьюганского рода» остяков. Есть хантыйские слова и в других словарях и атласах этого времени («Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный», ч. I—IV. СПб., 1790—1791; J. Klaproth. Asia Polyglotta. Paris, 1823; J. Klaproth. Sprachatlas. Paris, 1823).

В первой половине XIX в. по хантыйскому языку появились две значительные работы: большой словарь (около 8000 слов) обдорского и березовского диалектов с переводами из евангелия свящ. Вологодского (изданы и исследованы П. Хунфальви — P. Hunfalvy. Osztják Evangelium s az éjszaki osztják nyelv.— NyK VII, 1869; Он же. Az éjszaki osztják nyelv. — NyK XI, 1875) и упоминавшаяся грамматика М. Кастрена со словарем иртышского диалекта (около 1000 слов). В 1843—1845 гг. большое число северохантыйских фольклорных записей сделал А. Регули. Расшифрованные и дополненные Й. Папаи в экспедиции 1898—1899 гг. эти материалы в настоящее время изданы в Венгрии. На северо-хантыйском материале построена также работа А. Альквиста (A. Ahlqvist. Über die Sprache der Nord-Ostjaken, I, 1880).

Изучением южных диалектов занимались С. К. Патканов и финский ученый С. Паасонен. С. К. Патканов опубликовал интересные фольклорные записи («Die Irtyschostjaken und ihre Volkspoesie», II. Budapest, 1900) и подготовил словарь, изданный Д. Фуксом (Irtisi — osztják szójegyzék. Budapest, 1902). Кроме того, по материалам С. К. Патканова венгерский лингвист Д. Фукс (Фокош) провел исследование фонетики, морфологии и синтаксиса южных диалектов (см. сноску 39), по материалам С. Паасонена — по кондинскому и сургутскому диалектам, за исключением опубликованных им самим небольших лексических заметок и отдельных этюдов (например, об остатках гармонии гласных в южных диалектах см. в его отчете «Matka kertomuksia vuosilta 1900—1902», JSFOu. XXI 5, изданном К. Доппером).

Восточнохантыйская лексика и фольклор впервые стали предметом систематического изучения в конце XIX в. в записях К. Карьялайнена. В первое тридцатилетие XX в. появляется некоторое число исследований по отдельным вопросам хантыйской фонетики и морфологии (см. ниже).

Со времени организации Института народов Севера (1930 г.) появляется новая задача в изучении хантыйского языка, вызванная к жизни культурной революцией и языковым строительством в стране: необходимость создания письменности стимулировала более глубокое изучение языковой структуры, а научные исследования способствовали успешному решению задач языковой политики. Именно к этому времени относятся первые опыты сопоста-

вительного изучения хантыйского языка. Все большую роль в изучении языка, фольклора, этнографии и истории народа, в языковом строительстве начинают играть национальные кадры. В настоящее время научные исследования по хантыйскому языку проводятся в Москве, Ленинграде, Таллине, Томске, Свердловске. За рубежом значительная работа осуществляется в Венгрии, ГДР и Финляндии, ведутся также исследования в ФРГ и некоторых других странах.

Фольклорные записи прошлого века, сделанные А. Регули, С. К. Паткановым, А. Альквистом, Й. Паппаи и др., продолжают оставаться важным материалом для современных исследований по языку. В XX в. корпус опубликованных текстов увеличился незначительно, главным образом за счет нескольких хрестоматий: известной хрестоматии В. Штейница, вышедшей в свет вместе с очерком грамматики казымского диалекта, записей П. И. Терёшкина в упоминавшемся очерке ваховского диалекта, опубликованных в Урало-алтайской серии Индианского университета (т. 47 и 51) хрестоматий К. Редеи и Я. Гуйи и др. Большое число записей хантыйского устно-поэтического творчества хранится в Институте языкознания в Ленинграде (записи А. А. Алелекова, А. П. Баландина, Н. И. Терёшкина и др.) и Томском университете. Язык хантыйской художественной литературы не стал пока предметом широкого изучения, хотя некоторые шаги в этом направлении делаются в Венгрии (Э. Шмидт).

По фонетике и фонологии есть ряд обобщающих исследований, начало которым положено диссертацией К. Карьялайнена («Zur ostjakischen Lautgeschichte, I. Über den Vokalismus der ersten Silbe». Helsingfors, 1905, MSFOu. XXIII). Итоги почти полувекового изучения финноугроведами хантыйской фонетики подведены в монографии В. Штейница («Geschichte des ostjakischen Vokalismus»), а кроме того большой хантыйский материал привлекается автором в книге «Geschichte des finnischugrischen Vokalismus» (Berlin, 1964). Вопросам фонетики и фонологии восточных диалектов значительное число работ посвятил Н. И. Терёшкин. В последнее время опубликован также ряд статей Э. Вертеш о гармонии гласных в южных диалектах (по материалам К. Карьялайнена), Я. Гуйи (по исторической фонологии), Е. Шаль и др.

Морфология представляется наиболее изученной. После ставших классическими работ начала века — К. Карьялайнена (переработанное издание его заметок по грамматике 11 диалектов издано недавно Э. Вертеш — MSFOu. XVII), К. Буды, Д. Фокоша-Фукса (о двойственном числе) и др. — внимание языковедов было обращено на вопросы словообразования. В 1948 г. В. В. Гудкова-Сенкевич защитила в Ленинграде диссертацию на тему «Именное словообразование в хантыйском языке». Большой материал по этой теме обобщен в книге Г. Зауера (G. Sauer. Die Nominalbildung im Ostjakischen. Berlin, 1965). Морфология глагола ис-

следовалась Е. Шамшоном (S á m s o n E. A. jelentő mód múlt idejének jelölése az osztjákban. NyK LXVI), Е. и Л. Шиферами, Г. Ганшовом (G. Ganschow. Die Verbalbildung im Ostjakischen. Wiesbaden, 1965) и др. В Ленинградском университете В. Д. Толмачева защитила диссертацию «Некоторые хантыйские соответствия русским префиксально осложненным глаголам движения» (1951).

По вопросам синтаксиса нет обобщающих работ, хотя синтаксический аспект хантыйского языка (и вообще угорских языков) привлекается для широких сравнительно-исторических и типологических сопоставлений, особенно при рассмотрении урало-алтайской гипотезы (В. Т а у л и. О внешних контактах уральских языков. «Новое в лингвистике», вып. 6. М., 1972; L. B e s e, L. D e z s ő, J. G u l y a. On the syntactic typology of the Uralic and Altaic languages. «Theoretical problems of typology and the Northern Eurasian languages». Budapest, 1970, и др.). Из работ начала века помимо статей Шаркади и Фазекаша, упомянутых в очерке В. Штейница (Яз. письм. I), следует отметить большую работу А. Клемма о сложных предложениях (A. K l e m m. A mellérendelő és alárendelő viszony kifejezése az északi osztják és votják nyelvben. «A Pannonhalmi Főapátsági Főiskola Évkönyve, 1911—1912). Вопросы конструкции хантыйского предложения, специфики отдельных видов сложноподчиненных предложений, функций падежей и т. п. разрабатываются в статьях А. Н. Баландина, диссертациях К. Ф. Хватай-Мухи и Ю. Ф. Тетюцкой [51].

В лексикологическом отношении хантыйский язык изучен значительно лучше других языков народов Севера.

Кроме упомянутых выше трех классических словарей — Карьялайнена, Паасонена и Паткапова, начал публиковаться словарь В. Штейница («Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1972). Значительный по объему словарь ваховского диалекта (около 4000 слов) дан в приложении к книге Н. И. Терёшкина. Опубликованы списки слов по отдельным диалектам (например, J. G u l y a. Vahi osztják szójegyzék. — NyK LXXI). В настоящее время большой словарь восточных диалектов хантыйского языка завершен Н. И. Терёшкиным в Институте языкознания АН СССР. Им же составляется словарь западных диалектов. В Венгрии также ведется работа над словарем на основе текстов Регули. В связи с потребностями начальной хантыйской школы в СССР было издано несколько учебных словарей, главным образом среднеобского диалекта.

[51] Подробнее библиографию см. в очерке А. П. Баландина «Изучение обско-угорских языков в советский период» («Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», 1960, т. 167), а также в ряде работ венгерских лингвистов Я. Гуйи, Е. Шаль, А. Фалуди и др.

Состав хантыйской лексики исследован довольно подробно. Общеугорские и общефинно-угорские элементы анализируются в известных трудах И. Буденца и Б. Коллиндера, в словаре, издаваемом в Венгрии под ред. Д. Лако. Изучению слоев заимствованной русской, тюркской, зырянской и иранской лексики посвящены работы А. Альквиста, Х. Паасонена, Г. Зауера, К. Редеи, Б. Кальмана, Э. Коренчи, А. Н. Баландина, А. И. Попова, А. К. Матвеева и др. Две диссертации (Л. И. Калининой в Томске и Р. Радомски в ФРГ) посвящены хантыйским топонимам.

Грамматически полные описания языка осуществлялись главным образом в СССР и Венгрии. Венгерская традиция в описании грамматического строя хантыйского языка идет от первой в этой области работы П. Хунфальви. В недавнее время опубликованы грамматические этюды Я. Гуйи по восточным и несколько работ К. Редеи по северным диалектам (J. Gulya. Vahi osztják nyelvtanulmányok. — NyK LXVII—LXVIII; K. Radanovics (-Rédei). Északiosztják nyelvtan. — NyÉrt. XXXI, и др.).

ФОНЕТИКА ОБСКО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 17. Гласные обско-угорского языка-основы полностью еще не реконструированы, однако наверняка уже существовали *a*, *ä*, *o*, *ë*, *ŏ*, *į*, u, i. Дальнейшие исследования точнее определят количество гласных фонем, а также более точные соответствия гласных финно-угорского и обско-угорского языков-основ; сейчас нам только известно, что о.-у. **ä* часто соответствует ф.-у. **ä*, о.-у. **į* развился из ф.-у. **ę*, на месте ф.-у. **a* в обско-угорском часто появляется **u*[52].

О долготе звуков обско-угорского языка-основы мы не знаем ничего определенного. Возможно, что у некоторых звуков уже существовало противопоставление долгого/краткого.

В праобско-угорском в противоположность прафинно-угорскому было чередование гласных. Кажется вполне вероятным, что чередования современных мансийских и соответственно хантыйских гласных *o* ~ *ă*, *į* ~ *ă*, (а может быть и другие) можно отнести к обско-угорскому периоду.

Гармонию гласных периода финно-угорского языка сохранил и обско-угорский язык-основа. На это указывает тот факт, что гармония гласных и в наше время наблюдается в архаичных, а ныне совсем исчезнувших некоторых диалектах мансийского

[52] По традиции у мансийских данных долгота гласных отмечается знаком ¯ над буквой, а краткость гласных не обозначается, у хантыйских данных, наоборот, долгота гласных особо не отмечается, а над буквами для кратких гласных ставится ˘ .

(в тавдинском, и даже в нижнелозьвинском) и хантыйского (в ваховском, васюганском и обдорском, в первом и втором слогах) языков.

§ 18. В системе согласных в период от прафинно-угорского (через праугорский) вплоть до праобско-угорского языка фрикативные претерпели ряд изменений. Исчез δ; межзубной звонкий совпал с альвеолярным звонким плавным *l*. Изменения других фрикативных в основном происходило путем перемещения вперед места их образования. Из глухого зубного *s* и глухого альвеолярного *š* — хотя и не без исключений — образовалась новая межзубная глухая фонема типа *ν*. Палатальный *ś* превратился в фрикативный зубной *s*. Следовательно, о.-у. **s* не развился из ф.-у. **s*. Необходимо отметить, что не исключено и то, что фонемы δ′ в обско-угорском языке-основе уже не было. На основе вероятных диалектных различий праугорского языка в довенгерской и дохантыйской ветвях из δ′ образовался *j*, а в домансийской ветви —*l′*. Однако можно также предположить, что эти одинаковые изменения в венгерском и хантыйском произошли не в период их общности, а уже в самостоятельной жизни каждого из этих языков. В последнем случае δ′ можно считать общим обско-угорским звуком.

В обско-угорском языке-основе насчитывается 18 согласных фонем:

p	m	w			
		s̯			
t	n	s	l	r	
		č			
		δ′			
	ń	ć	j	l′	
k	ŋ	γ			

Согласные δ′, *l′* в начале слова встречались редко, а ŋ и γ — никогда. Фонемы *č* и *ć* встречались редко.

Прафинно-угорские сочетания гомофонных (одинаково звучащих) согласных в середине слова частично исчезли, **-pp-*, **-tt-* перешли в **-p-*, **-t-* (примеров немного). Разница между **-k-* и **-kk-* осталась и еще сегодня дает о себе знать в обоих обско-угорских языках.

Из большого количества прафинно-угорских сочетаний согласных, употреблявшихся в середине слова в праобско-угорском чаще всего могли встречаться следующие: 1) носовой+гоморганный смычный: **-mp-*, **-nt-*, **-nk-*; 2) смычный+спирант или аффриката и наоборот: **-ps-*, **-ks-*, **-kś-*, **-ć́k-*; 3) носовой+аффриката: **-nč-* ~ **-č-*, **-ńć-* ~ **-ć-*; 4) смычный+смычный: **-pt-*, **-kt-*, **-tk-*; 5) плавный+смычный, носовой или щелевой: **-lk-*, **-lm-*, **-lw-*, **-lj-*, **-rt-*, **-rk-*, **-rw-*; 6) спирант+спирант: **-wδ-* и т. д.

Праобско-угорские сочетания согласных по сравнению с прафинно-угорскими можно охарактеризовать следующим образом

(мы считаем только одинаковые для хантыйского и мансийского явления праобско-угорскими): 1) они тождественны с прафинно-угорскими, например, **-mp-*, **-nt-*, **-ŋk-* (следует отметить, что прафинно-угорский **-ŋ-* во многих случаях превратился в прауг. **-ŋk-*) и т. п.; 2) вероятно, уже в праугорском произошла метатеза: **-lk-*, **-rk-* и т. п.; 3) мог исчезнуть первый член сочетания: **-kt-*, **-lm-*, **-wδ-* и т. д.; исчез второй член сочетания: **-ćk-*, **-lw-*, **-lj-*, **-rw-* и т. д. Развитие отдельных сочетаний согласных в праобско-угорском могло идти различными путями. Звуки — компоненты сочетания согласных, если они не исчезали, развивались обычным путем.

§ 19. Распределение гласных и согласных в слове, вероятно, было таким же, как в прафинно-угорском языке, т. е. VCV, CVCV, VCCV, CVCCV, реже V, CV [53].

Ударение. Фразовое и словесное ударение (как и в финно-угорском языке-основе) было динамичным и падало на первый слог. Место ударения фонологической роли не играло. В потоке речи смысловые, экспрессивные и другие факторы могли внести изменение в словесное ударение.

СОСТАВ ФОНЕМ В ОБСКО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

§ 20. Для обоих обско-угорских языков характерны следующие фонетические особенности: 1) *ŋ*, *γ* в начальной позиции не встречаются; 2) смычные звуки не имеют звонких фонемных соответствий; 3) долгота согласных не фонематична; 4) скопление согласных в начале слова в исконных словах не встречается; 5) в новейших заимствованиях из русского языка во всех диалектах обско-угорских языков встречаются и такие звуки, которые обычно не свойственны обоим языкам, но свойственны русскому; 6) в двусложных корневых словах, оканчивающихся на гласный, нет парадигматического чередования гласных.

§ 21. Состав фонем мансийского языка. В сосьвинском диалекте мансийского языка, имеющем письменность, есть 9 гласных и 17 согласных фонем. Из гласных в первом слоге могут употребляться лишь восемь: *a*, *ā*, *o*, *ō*, *ē*, *u*, *ū*, *i*, в неперво́м — также *ə* (см. табл. 1).

Вместо *i* перед *γ* в первом и неперво́м слоге одинаково встречается его аллофон *i̯*: ji̯γ-pi̯γ (вм. jiγ-piγ) ‘брат’, wās i̯γ (вм. wāsiγ) ‘олененок’.

Редуцированная фонема *ə* не может стоять ни в первом слоге, ни в абсолютном конце слова. Различные варианты этой фонемы, возникающие под влиянием соседних согласных, значительно отличаются друг от друга как по качеству, так и по протяженности звучания. В закрытых слогах перед билабиальными соглас-

[53] C — согласный, V — гласный.

Таблица 1

Гласные фонемы первого слога (сосьвинский диалект)

По способу образования		По месту образования		
		передний ряд	задний ряд	
		неогубленные	неогубленные	огубленные
Верхний подъем	краткие	i		u
	долгие			ū
Средний подъем	краткие			o
	долгие	ē		ō
Нижний подъем	краткие		a	
	долгие		ā	

ными *p*, *m*, *w* она появляется в виде *u*: jūntup (=jūntəp) 'игла', ūlum (=ūləm) 'сон', koluw (=koləw) 'наш дом'. Рядом с палатальными согласными и после *j* выступает аллофон *ŗ*: āmiś (=āməś) 'загадка' ńāl'ŗt (=ńāl'ət) 'ловушки' (мн. ч.). Рядом с χ фонема *ə* имеет велярный аллофон: toχət (=toχət) 'поперечная опора в лодке'.

Долгие гласные более открытые, чем соответствующие краткие: *ā*—*a*(*a*), *ō*—*o*, *ē*—*i*, *ū*(*ų̄*)—*u*. Звук *ē* появляется перед *j*, *γ*, *ŋ* и *t'*, *ń*, *ś*, *l'* в основном в закрытом слоге или в абсолютном конце слова. В других позициях выступает его очень открытый аллофон *ɛ̄*.

В закрытых слогах долгие гласные обычно полудолгие. Они часто укорачиваются во втором компоненте сложного слова, например: tūjt 'снег'+ńāl 'стрела'—tūjt-ńal 'снежок', nē 'женщина'—mis-ne 'фея'. Краткие гласные в открытых слогах звучат более долго, чем в закрытых. Время звучания краткого гласного в открытом слоге часто равно продолжительности звучания долгого гласного в закрытом слоге.

В бесписьменном пижнекондинском диалекте в первом слоге мы различаем 15 гласных фонем (7 кратких и 8 долгих): *ā*, *å*, *ä*, *ă*, *ɔ̄*, *ɔ*, *o*, *ō*, *e*, *ē*, *ö*, *ū*, *i*, *ī*, *ū̄*. Помимо этих фонем — так же как в северном диалекте — в непервом слоге употребляется и фонема *ə*.

Согласные *γ* и *ŋ* не стоят в начале слова. Согласный (альвеолярный) *l* — более передний, чем русский (велярный) *л*. Звук *ś* артикулируется следующим образом: передняя часть языка образует щель с альвеолами, средняя часть языка немного приподнимается, боковые края языка прижимаются к зубам.

Таблица 2

Согласные фонемы

По способу образования			По месту образования				
			губно-губные	переднеязычные: зубные	переднеязычные: альвеолярные	среднеязычные	заднеязычные
Шумные	фрикативные	глухие		s		ś	χ
		звонкие	w			j	γ
	взрывные	глухие	p	t		ť	k
Сонорные	носовые	звонкие	m	n		ń	ŋ
	боковые	глухие			l′	l′	
	дрожащие	звонкие			r		

Звуки *k* и χ имеют лабиальные аллофоны k_0 и χ_0, например, k̓$_0$ālіγ 'веревка', nāχ$_0$i 'клюст'.

Звук *w* встречается и с губно-зубной артикуляцией (*v*).

В сыгвинском бесписьменном диалекте звук *k* рядом с палатальным гласным превратился в *t′*. В нижнекондинском диалекте помимо сосьвинских согласных есть еще фонема *š*.

Согласные *b*, *d*, *g*, *f*, *z*, *š*, *ç*, *č* встречаются только в новейших заимствованиях из русского языка, в исконных словах они не употребляются.

§ 22. Состав фонем главнейших диалектов хантыйского языка, имеющих письменность. В шурышкарском диалекте имеется 25 фонем (9 гласных, 16 согласных); в казымском диалекте 26 фонем (9 гласных, 17 согласных); в сургутском диалекте 30 или 31 фонема (12 или 13 гласных, 18 согласных); в тромюганском диалекте 30 фонем (13 гласных, 17 согласных); в юганском 31 фонема (14 гласных и 17 согласных). Число фонем в ваховском диалекте достигает 32 (14 гласных, 18 согласных).

В шурышкарском диалекте в первом слоге встречается 8 гласных фонем: 4 кратких, 4 долгих — *ă*, *a*, *ŏ*, *o*, *e*, *ĭ*, *u*, *i* (см. табл. 3).

Гласный *e* имеет более открытый аллофон ɛ, например, wɛrlă 'делай'.

Фонема *ə* не встречается в первом слоге, например, werlət 'делают' и имеет несколько вариантов. Ее велярный вариант *ə̂* появляется рядом с χ во многих случаях и тогда, когда в первом слоге стоит велярный гласный, например, jănχə̂l 'ходит', woš'ŋə̂na

Таблица 3

Гласные фонемы первого слога (шурышкарский диалект)

По способу образования		По месту образования		
		передний ряд	задний ряд	
		неогубленные	*неогубленные*	*огубленные*
Верхний подъем	краткий	ĭ		ŭ
	долгий			u
Средний подъем	краткий			ŏ
	долгий	e		o
Нижний подъем	краткий		ă	
	долгий		a	

'в ваш (вас двоих) город'. После звука *j* употребляется вариант *ʲ*: śujmajɨt 'веревки' (мн. ч.).

Из звуков, встречающихся в первом слоге, в других слогах могут находиться (в большинстве случаев в более кратком звучании) *a*, *e*, в порядке исключения *u* и *ĭ*, например: pela 'в направлении к', aŭχem 'моя старшая сестра', ăntum 'не имеется', χŏlĭ 'как'.

Среди гласных казымского диалекта отсутствует *u*, но есть *ǫ*, представляющий собою несколько продвинутый вперед долгий закрытый велярный гласный среднего подъема. С фонетической точки зрения этот гласный является центральным. В шурышкарском диалекте ему соответствует *u*, например, каз. pǫn — шур. pun 'верша'.

У звука *e*, как в шурышкарском диалекте, есть более открытый аллофон ɛ, например, sɛm (=sem) 'глаз'.

В непервом слоге могут встречаться те же самые гласные, что и в шурышкарском диалекте. В казымском диалекте в этом случае может встречаться и *ǫ*, например, ăntǫm 'не имеется'.

Как и в мансийском языке, лишь в первом открытом слоге многосложных слов звучат долгие гласные, в закрытых слогах и в открытых слогах односложных слов они выступают как полудолгие.

§ 23. Сургутская письменность основывается на оган-юганском говоре[54]. В тромюганском говоре в первом слоге употребляется 12 гласных фонем: 5 кратких, 7 долгих; в юганском говоре 13 гласных фонем: 5 кратких, 7 долгих — тю., юг. *ă*, *å*, *ă̊*, *ȧ*, *ŏ*, *o*, *ŏ̊*, *ĕ*, *e*, *u*, *i̯*, *i*, юг. *ŭ* (см. табл. 4).

[54] Таблица составлена на основании данных тромюганского и юганского говоров из-за отсутствия достаточных данных оган-юганского говора.

Таблица 4

Гласные первого слога (сургутский диалект)

По способу образования		По месту образования			
		передний ряд		задний ряд	
		неогубленные	огубленные	неогубленные	огубленные
Верхний подъем	краткий долгий	i	юг. ü	i̥	u
Средний подъем	краткий долгий	ĕ e	ö̆		ŏ o
Нижний подъем	краткий долгий	ǎ ȧ		ă	å

Гласный *ĕ* — узкий. Редуцированный *ə* встречается в непервом слоге, например: тю. siγəs. юг. siwəs 'орел-рыболов'.

§ 24. В ваховском (литературном) диалекте в первом слоге слова встречается 13 гласных фонем: 4 кратких и 9 долгих: *ă*, *a*, *ä*, *ŏ*, *o*, *ö̆*, *ö*, *ĕ*, *e*, *u*, *ü*, *i̥*, *i* (см. табл. 5).

Таблица 5

Гласные первого слога (ваховский диалект)

По способу образования		По месту образования			
		передний ряд		задний ряд	
		неогубленные	огубленные	неогубленные	огубленные
Верхний подъем	краткий долгий	i	ü	i̥	u
Средний подъем	краткий долгий	ĕ e	ö̆ ö		ŏ o
Нижний подъем	краткий долгий	ä		ă a	

Звуки *o* и *ö* в основном после *k*, а также перед γ, ηk, m, w (< *p) имеют аллофоны *ɔ* или *ɔ̈*: kɔlə̂m (ср. koləm) 'три', ɔγ (ср. oγ 'голова'), č̣ɔ̈γər (ср. č̣öγər) 'заяц' kɔ̈mən (ср. kömən) 'снаружи'.

В непервых слогах оппозиция проявляется не в форме кратких/долгих гласных, а в форме полный звук/редуцированный звук. Оппозиция *ə/ə̂* встречается лишь в непервом слоге, например, imрəm 'моя собака', kolə̂m 'три'. Поскольку для ваховского диалекта характерна гармония гласных, звук *ə* встречается в словах с палатальными, а *ə̂* — в словах с велярными гласными. В непервом слоге могут стоять также фонемы *a*, *ä*, *ị*, *i*, а в отдельных суффиксах даже *ŏ*, *o*, *ŏ*, *ö*, *u*, *ü*.

Протяженность произнесения долгих гласных меняется в зависимости от того, находятся они в открытом или закрытом слоге и т. д. Протяженность произнесения кратких гласных относительно постоянна.

Гласные бесписьменного обдорского диалекта: *ă*, *a*, *ă*, *ȧ*, *ŏ*, *ǫ*, *e*, *u*, *i* и встречающийся только в непервом слоге — *ə*, например, χalər 'сеть'. Гласный *u* произносится несколько палатально.

Наряду с долгими и краткими фонемами особое место занимают *u*, *i*, которые в нескольких позициях сильно редуцируются.

Количество согласных в хантыйском языке колеблется от 16 до 18 в зависимости от диалекта (см. табл. 6).

Следует отметить фонемы, встречающиеся только в русских заимствованиях: *b*, *d*, *g*, *f*, *z*, *ž*, *c*, (шур., каз.) *č*, (каз.) *l'*, (сург., вах.) *š*.

Различие между диалектами проявляется главным образом в щелевых и боковых согласных.

Согласные *η*, *γ* не стоят в начале слова. Вах. *γ* в определенных фонетических позициях переходит в k: költ 'рука', költkən (<γən) (дв. ч.) 'руки', waγ- 'звать', wakkal (<-γal) 'он звал', wöγ 'сила', wökəη 'сильный'.

Какуминальными звуками являются шур. и каз. *l*, каз. *š*. Аллофон каз. *ɳ* встречается рядом с *š* и *l*: kăɳšĭ 'искать', χăn'ləm 'я пишу'.

Конец звучания *l* в шурышкарском диалекте, как правило, глухой перед *t*, *s* (wel'ti 'убивать', al'seli 'он нес'), в положении между гласными (ul'l'əl 'живут'), а также в начале односложных слов (l'ut 'гусь') и т. д.

В казымском и сургутском диалектах есть глухой спирантный звук *л*. При его образовании щель, по которой проходит воздух, делается очень узкой, в звучание вмешиваются шумы, возникающие в щели; *л'* является палатальным соответствием *л*: каз. jilər 'новый', сург. li- 'кушать', 'есть', каз. χŭl'əm 'надбровные дуги', тю. л'ål'-, юг. л'ол'- 'стоять' и т. д.

Шурышкарские и казымские смычные (*p*, *t*, *k*) и особенно сибилянты (*s*, *š*, *ś*) в интервокальном положении, а также после гоморганных носовых часто превращаются в полузвонкие (B, D, G, Z, Ž, Ź), например: шур. juBina 'позади', aźem 'мой отец', каз. iza 'всегда', ježa 'немножко'.

Тромюганский и юганский k_0, $η_0$ и тромюганский $γ_0$ являются огубленными аллофонами k, *η*, *γ*. В начале слова они не встречаются: сург. jă$η_0$ət 'веретено', тю. kā$k_0η$ŏ$γ_0$ 'крепкая веревка'.

Таблица 6

Согласные фонемы

Способ образования			Место образования					
			губно-губные	переднеязычные			средненязычные	заднеязычные
				зубные	альвеолярные	твердонебные		
Шумные	фрикативные	глухие		s	š (шур., каз.)		ś (шур., каз., обд.)	χ (шур., каз.)
		звонкие	*w*				j	ɣ (сург., вах.)
	взрывные	глухие	p	t			t′ (сург., вах.)	k̲
	аффрикаты	глухие				č (сург., вах.)		
Сонорные	носовые	звонкие	m	n		(вах.) ŋ	ń	ŋ
	боковые	звонкие			l (шур., вах.)	l̲ (вах., каз., сург.)	l′ (шур., вах., обд.)	
		незвонкие		л (каз., сург.)			л′ (каз., сург.)	
	дрожащие	звонкие			r			

Ваховский *k* во всех позициях произносится с придыханием, например k'at 'дом', jĕŋk' 'вода'.

Фонема *č̣* в ваховском диалекте звучит по-разному [55]. Щелевой элемент аффрикаты может быть слабее или сильнее; реже встречается случай, когда остается только ее заключительный элемент *t* (*ṭ*), например, wač̣a ~ waṭ^{š}a 'в город', ič̣əṇwəs ~ itəṇwəs 'окно'.

Долгота согласных не носит фонематического характера.

Согласные бесписьменного обдорского диалекта по своему составу стоят ближе всего к согласным литературного диалекта мансийского языка и к согласному шурышкарского диалекта хантыйского языка. В обдорском диалекте различаются 15 согласных фонем: *p*, *t*, *k*, *m*, *n*, *ń*, *ŋ*, *w*, *j*, *χ*, *s*, *ś*, *l*, *l'*, *r*. Звуки *p*, *t*, *k*, *χ*, *s*, *ś* между гласными озвончаются в *b*, *d*, *g*, *γ*, *z*, *ź*. Звук *l* произносится и как какуминальный (*ḷ*).

ОСНОВНЫЕ ЗВУКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБСКО-УГОРСКИХ ДИАЛЕКТОВ, ИМЕЮЩИХ ПИСЬМЕННОСТЬ

§ 26. Чередование гласных и согласных. Как для мансийского, так и для хантыйского языков характерно чередование звуков, под которым мы понимаем такое явление, когда в основе слова, в разных формах (с окончаниями и суффиксами) по определенным правилам появляются разные гласные или согласные. Поэтому чередования гласных и согласных, которые будут рассматриваться ниже, относятся собственно не к фонетике, а к морфонологии, так как альтернативные типы основ появляются вследствие морфологических изменений.

Чередования гласных в первом слоге, чередование согласных в конце или середине слова (слога) как в мансийском, так и в хантыйском языке встречается: при спряжении глагола, при склонении имен и при суффиксальном словообразовании.

В северных диалектах мансийского языка чередование гласных имеет место только в отдельных случаях: при спряжении односложных глаголов, оканчивающихся на гласный, в нескольких наречиях; при словообразовании и т. д. Звуки различного качества чередуются друг с другом, при этом долгота часто меняется.

В нижнекондинском диалекте рассматриваемое явление довольно часто встречается не только при спряжении глагола, склонении имен, но и при словообразовании. К типичным, наиболее часто встречающимся чередованиям относятся следующие: *ā̆*~*ä*, *ӧ*~*å*, *ӧ̄*~*ӧ*, *ē*~*e*, *ō*~*o*, *ā*~*å*. Чередуются долгие с краткими и (как правило) гласные, системно соотносительные друг с другом. Данное

---

[55] Поэтому спорно, имеется ли фонема *č* или *ṭ*. До окончательного разрешения вопроса мы употребляем обозначение *č̣*.

явление объясняется (за исключением чередования в словообразовании) фонетическими причинами, например, долгий гласный употребляется в открытом слоге, краткий — в закрытом. Следовательно, парадигматическое чередование гласных имеет место в таких глаголах или именах, основа которых в спряжении может быть как открытой, так и закрытой, т. е. в односложных основах, оканчивающихся на один согласный и в основах нескольких двусложных имен, у которых первый слог является открытым, но при склонении может становиться закрытым.

Мы показываем типы чередований на основе северных диалектов, используя параллельно и примеры из нижнекондинского диалекта (если таковые имеются). Чередования в нижнекондинском диалекте не всегда соответствуют чередованиям в северных диалектах.

Долгий гласный чередуется с долгим: сев.-мс. *ā* ~ *ē*: tāl ~ tēli 'зима' — 'зимой', нкон. *ɔ̄* ~ *ē*: tɔ̄l ~ tēli 'тж'; сев.-мс. *ā* ~ *ū*: pāγ ~ pūjən 'на берег' — 'на берегу', нкон. *ā* ~ *ū*: pā ~ pūin; сев.-мс. *ū* ~ *ɔ̄*: lūnən ~ lɔ̄ŋχa 'у нижнего течения реки' — 'вниз по реке', нкон. *ū* ~ *o*: lūn ~ loŋχə; сев.-мс. *ɔ̄* ~ *ū*: χɔ̄ntl- ~ χūntl- 'прислушивается', нкон. *ō* ~ *o*: χōntl- ~ χontəml- 'прислушивается' — 'начинает слышать'.

Краткий гласный чередуется с кратким: сев.-мс. *i* ~ *a*: miγ ~ majen 'дает' — 'дай'; liγ ~ lajen 'бросает' — 'брось'; нкон. *i* ~ *ä*: miγ ~ mäjən, liγ ~ läjən; сев.-мс. *i* ~ *o*: wiγ ~ wojen 'берет' — 'возьми': нкон. *i* ~ *ä*: wiγ ~ wäjən; сев.-мс. *i* ~ *a* ~ *u*: jiŋke ~ jajen ~ juw 'идти' — 'иди' — 'идет'; нкон. *i* ~ *ä* ~ *ī*: jis ~ jäjən ~ jīw 'он приходил' — 'иди' — 'идет'; сев.-мс. *a* ~ *o*: kos ~ kasəm 'горит без пламени' — 'желтый'; нкон. *ă* ~ *ä*: kăś ~ kăšəm сев.-мс. *u* ~ *o*: puwr ~ powart- 'круглый' — 'прокатывать'; нкон. *ă* ~ *ä*: päwər ~ pärt-; сев.-мс. *i* ~ *a*. ńila ~ naliman 'четыре' — 'сорок'; нкон. *i* ~ *ä*: ńilə — nälmən. (Встречается и в односложных глагольных основах — см. выше).

Долгий гласный чередуется с кратким: сев.-мс. *ɔ̄* ~ *u*: numən ~ nɔ̄ŋχal' 'наверху' — 'вверх'; сев.-мс. *ū* ~ *u*: χūl'- ~ χul't- 'оставляет' — 'остается'; сев.-мс. *ā* ~ *a*: l'āηχ ~ l'aηχal 'слово' — 'разговор' (в нижнекондинском в данном случае нет чередования: l'āχ ~ l'āχəl); нкон. *ă* ~ *ä*, см. выше; сев.-мс. *ē* ~ *ā* ~ *i*: tēγm ~ tājen ~ titt- 'я ем' — 'ешь' — 'кормить', нкон. *ē* ~ *ɔ̄* ~ *å* ~ *i* (единственный случай): tēm ~ tɔ̄jən ~ tåjwəs ~ titt- 'ем' — 'ешь' — 'съедается' (пассив.) 'кормить'.

На чередования, часто употребляющиеся в нижнекондинском диалекте, выше уже были приведены примеры на *ă* ~ *ä* и на *ō* ~ *o*. Ниже приведем примеры на чередования *ɔ̄* ~ *ɔ̃*, *ē* ~ *e*, *ā* ~ *å*, *ɔ̃* ~ *å*: lɔ̄wi ~ lɔ̃wsəm 'говорит' — 'я сказал'; nēγåm ~ neγsəm 'завязываю' — 'я завязал'; pāwl ~ påjlow 'деревня' — 'наша деревня', jɔ̄lt ~ jåłχ 'внизу' — 'нижний'.

Выпадение гласных в непервом слоге.

Звуки *i*, *ə* в непервом закрытом корневом слоге между двумя согласными выпадают, если слово получает формант, начинаю-

щийся с гласного и, таким образом, *i, ə* попали бы в открытый слог (тенденция двух открытых слогов), например, сев.-мс. ēriɣ ~ ērɣən 'песня' — 'твоя песня'; potər ~ potrən 'речь' — 'твоя речь', нкон. wåtəm ~ wåtməm 'лицо' — 'мое лицо'.

§ 27. Чередования согласных встречаются равным образом как в северных, так и в нижнекондинском диалектах мансийского языка. Их общим свойством является только исчезновение носового звука, а в остальном они расходятся.

В северном диалекте носовой + гоморганный фрикативный звук чередуется с фрикативным, если к слову присоединяется формант, начинающийся с согласного: *-ns- ~ ø + s-*: sunsi ~ susne 'смотрит' — 'смотрящий', *-ńś- ~ -ø + ś-*: l'ūńśi ~ l'uśsəm 'плачет' — 'я плакал', -nχ- ~ ø + χ-: ɔ̄ηχ ~ ɔ̄χnəl 'смолой' — 'из смолы'.

В нижнекондинском диалекте чередование не имеет фонетического характера: не всегда проявляется в одних и тех же позициях. Смычный звук чередуется с носовым + смычный: kēt ~ kēntəm 'шапка' — 'моя шапка'. Щелевой звук чередуется с носовым + щелевой: läχ ~ länχəm 'слово' — 'мое слово' [56].

§ 28. В северных диалектах хантыйского языка, имеющих письменность, так же как в северных диалектах мансийского языка (изредка непродуктивно и ныне несистемно или почти несистемно) чередование гласных встречается в нескольких односложных глаголах, основы которых оканчиваются на гласный, в наречиях и при словообразовании.

В северных диалектах чередование гласных наблюдается в трех глаголах. шур., каз. *ă ~ ĭ*: mă- ~ mĭja 'дает' — 'дай', обд. *ă ~ i*: mă- ~ mija, шур., каз. *ĭ ~ ŭ*: jĭ- ~ jŭwa 'приходит' — 'приходи'; шур. *u ~ ŭ*: tu- ~ tŭwa 'приносит' — 'принеси'; каз. *ǫ ~ ŭ*: tǫ ~ tŭwa 'тж'. В восточных диалектах при спряжении этих глаголов мы не встречаем чередования гласных (за исключением производных слов: юг. tu- 'приносит' ~ tŏtəɣlə- 'тж'). В мансийских глаголах со значениями 'дает' и 'приходит' тоже наблюдается чередование гласных.

Четыре типа чередований выявляются в каждой группе хантыйских диалектов: они выявляются частично в некоторых наречиях, частично в словообразовании, например, в оппозициях, в которых участвуют отдельные наречия, часть в оппозициях, в которых участвуют производные слова, ср. шур., каз. *a ~ ĭ*: namən ~ nĭm 'на берегу' — 'место на берегу', обд., сург. *a ~ i*: nåmən ~ nim, вах. *ə ~ i*: nəmən ~ nim 'тж'; шур. *u ~ ŭ*: numən ~ nŭm 'наверху' — 'верхний', каз. *ǫ ~ ŭ*: nǫmən ~ nŭm, обд. *ǫ ~ u*: nǫmən ~ num, сург., вах. *o ~ u*: nomən ~ num 'тж'; каз. *ɔ ~ ĭ*: jɔnt ~ jĭntəp 'шить' — 'игла', обд. *a ~ i*: jant- ~ jintəp; сург. *å ~ ị*: jånt- ~ jịntəp, вах. *a ~ ị*: jant- ~ jịntəw 'тж'; шур. *u ~ ŏ*:

---

[56] В нижнекондинском диалекте есть и другие, до сих пор научно не систематизированные чередования согласных.

num- ~ nŏməs ‘помнить’ — ‘смысл’, каз. *ǫ* ~ *ŏ*: nǫm- ~ nŏməs, обд. *ǫ* ~ *ă*: nŏm- ~ nămәs, сург. *ŏ* ~ *ă*: nŏm- ~ nămәs, вах. *o* ~ *ă*: nom- ~ nămәs ‘тж’.

Системное чередование гласных, распространенное в восточных диалектах, встречается при спряжении глаголов, склонении существительных, а также при словообразовании. Фонетические условия чередования гласных в сущности те же самые, что и в нижнекондинском диалекте мансийского языка (см. § 26).

В сургутском и ваховском диалектах палатальные и велярные гласные не чередуются друг с другом.

Для сургутского диалекта характерно участие в чередовании всех гласных. Долгие гласные могут чередоваться с долгими и краткие — с краткими. Долгие и краткие гласные не образуют чередующихся пар за исключением чередования (вторичного характера) *ă* ~ *ĕ*. Долгие гласные нижнего и среднего подъема чередуются с гласными верхнего подъема: *a* ~ *i*: åmp ~ impəm ‘собака’ — ‘моя собака’, *å* ~ *u* (~*į*): wåγ- ~ wuγ ~ wį̈γa ‘попросить’ — ‘он попросил’ — ‘попроси’, *e* ~ *i*: jek- ~ jik ‘плясать’ — ‘он плясал’, *o* ~ *u* (~ *į*): or ~ urəm ‘тесть’ — ‘мой тесть’ и др. При чередовании кратких гласных оппозиция либо идет по линии «огубленный ~ неогубленный» (*ŏ* ~ *ĕ*: jŏ- ~ jĕγ ‘приходить’ — ‘он пришел’, *ŏ* ~ *ă*: nŏm- ~ nămа ‘помнить’ — ‘помни’, *ă* ~ *ŏ*: kăl- ~ kŏləп ‘умирать’ — ‘ты умер’), либо разница заключается лишь в положении языка, например, *ă* ~ *ĕ*: ăt- ~ ĕtə̀ ‘выходить’ — ‘выходи’.

Чередования звуков в ваховском диалекте до некоторой степени отличаются от чередований в сургутском диалекте, что объясняется различным развитием гласных, например: сург. *e* ~ вах. *ȯ*, сург. *ŏ* ~ вах. *o*.

Для ваховского диалекта характерно, что в чередовании участвуют все долгие гласные, но не все краткие (*ă*, *ĕ* — чередуются, *ŏ*, *ŭ* — нет). Чередуются долгие гласные с долгими, долгие с краткими, но краткие гласные с краткими не чередуются.

Некоторые долгие гласные нижнего и среднего подъема могут чередоваться с гласными верхнего подъема, например: *ȧ* ~ *i*: kȧt ~ kitəlel ‘два’ — ‘его двумя’, *a* ~ *u* ~ (*į*): amәs- ~ umsəm ~ į̈msa ‘сидит’ — ‘я сидел’ — ‘сиди’, *ȯ* ~ *ü*: kȯγəl ~ küγləm ‘чашка’ — ‘моя чашка’, *o* ~ *u*: kolәm ~ kulmət ‘три’ — ‘третий’.

При чередовании долгих и кратких гласных долгие всегда среднего подъема, например, *e* ~ *ĕ*: wer- ~ wĕri ‘делать’ — ‘делай’, *ȯ* ~ *ĕ*: pȯγ- ~ pĕγi ‘преследует’ — ‘преследуй’, *o* ~ *ă*: woskəl- ~ wăskəla ‘прыгать’ — ‘прыгай’, *ă* ~ *o*: kăl- ~ kolį̈γən ‘умирать’ — ‘он умер’.

В сургутском и ваховском диалектах чередование гласных выявляется при спряжении глаголов, склонении существительных и словообразовании. Это явление встречается в односложных глагольных основах, а также в односложных именах, в двусложных глагольных основах, оканчивающихся на согласный, а также в двусложных именах. Если к последним (глаголам и име-

нам) присоединяется формант, начинающийся с гласного звука, то гласный второго слога (редуцированный *ə*) выпадает (чередуется с ø), а в первом слоге появляется второй компонент чередования (в многосложных производных от таких слов также может встречаться чередование).

У глаголов долгий гласный может чередоваться с долгим (сург., вах.), краткий — с кратким (сург.) и долгий гласный с кратким (вах.).

У имен долгие гласные чередуются с долгими.

В сургутском диалекте чередование в глаголах наблюдается в прош. времени изъявительного наклонения в действительном (общем и определенном), а также в страдательном спряжении, например, тю. jŏγ- ~ jəγ 'приходить' — 'он пришел', koγəл-~ kuγləm 'двигаться' — ' я двигался'.

В сургутском и ваховском диалектах чередование выявляется в императиве общего и определенного спряжений, например, тю. wåγ- ~ wi̯γa 'попросить' — 'попроси', låpət- ~ lipte 'кормить' — 'корми', вах. waγ- ~ wi̯γa 'попросить' — 'попроси', jŏŋəl- ~ jĕŋti̯ 'прясть' — 'пряди'.

В ваховском диалекте чередование встречается в IV прош. времени действительного (общего и определенного), также страдательного спряжения, например, majəl- ~mujməm 'дарить' — 'я подарил'.

Гласные чередуются в одно- и двусложных именах, оканчивающихся на согласный, оформленных лично-притяжательными суффиксами, обозначающими одно обладаемое: тю., вах. oγ ~ uγəm 'голова' — 'моя голова', сург. kåləp ~ kulpəm 'сеть' — 'моя сеть', вах. läjəm ~ lijməm 'топор' — 'мой топор'.

Парадигматическое чередование гласных носит в сургутском диалекте обязательный, в ваховском — факультативный характер.

Чередования при словообразовании в сущности те же, что и при спряжении. Обычно основной звук чередования находится в производящем слове, измененный — в производном, например: тю. leŋk- ~ liŋkəp 'закрывает' — 'одеяло', вах. alə ŋ ~ ulə ŋ- 'начало' — 'начинает'. Кроме типов чередований, имеющих место при спряжении, при словообразовании употребляется еще много несистемных единичных чередований.

Подобно мансийскому языку (см. § 26) в закрытых корневых слогах хантыйского языка звук *ə* между двумя согласными выпадает, например: шур. uχəl ~ uχləm 'сани' — 'мои сани', каз. ǫχəл ~ ǫχлəm, обд. sărəm ~ sărməm 'смерть' — 'моя смерть', сург. kåləp ~ kulpəm 'сеть' — 'моя сеть', вах. joγəl ~ joγləm 'лук' — 'мой лук'.

§ 29. В северохантыйских литературных диалектах чередование согласных встречается гораздо чаще, чем в восточных, т. е. наблюдается явление, противоположное особенностям чередования гласных. (Обдорский и сургутский диалекты с этой точки зрения еще не исследованы).

1. В конце слога или перед формантом, начинающимся с согласного звука, из сочетания «носовой + гоморганный фрикативный или сибилянт» выпадает носовой звук, например, шур. *š* ~ *nš*: kŭš ~ kŭnšəm 'ноготь' — 'мой ноготь', каз. χăššəm ~ χănśəs 'я писал' — 'он писал' (см. ниже), шур. *ś* ~ *ńś*: loś ~ lońśa 'снег' — 'в снег', каз. lɔś ~ lɔńśa, шур. χ ~ *ηχ*: jăχ- ~ jăηχəl 'ходить' — 'он ходит', но: каз. *ηχ* ~ *η*: jăηχəl ~ jăηləm 'идет' — 'иду' (см. ниже).

2. Сочетание «носовой или плавный + гоморганный смычный или щелевой» и т. д. в конце слова и слога или перед формантом, начинающимся с согласного, в разных диалектах ведет себя по-разному. Иногда первый, иногда второй звук сочетания чередуются с ø. В шурышкарском диалекте при сочетании с носовым исчезает первый, т. е. носовой звук (находящийся в полной основе), в казымском и ваховском диалектах носовой остается, но выпадает второй член сочетания (вероятно, для облегчения произношения). Примеры на этот случай есть только из шурышкарского, казымского и ваховского литературных диалектов: шур. *p* ~ *mp*: ap ~ ampəm 'собака' — 'моя собака', каз. *mp* ~ *m*: amp ~ amηən 'собака' — 'две собаки' (дв. ч.), вах. *mp* ~ *m*: ämp ~ ämläm 'собака' — 'мои собаки', шур. *t* ~ *nt*: ut ~ unta 'лес' — 'в лес', каз. *nt* ~ *n*: ɳɑnt ~ ɳɑnηən 'гусь' — 'два гуся' (дв. ч.), вах. *nt* ~ *n*: wont ~ wonnə 'лес' — 'в лесу', шур. *nt* ~ *t*: antəp ~ atpəm 'пояс' — 'мой пояс', каз. *nš* ~ *n*: χănš- ~ χănləm 'писать' — 'я пишу', вах. *ɳč* ~ *ɳ*: kĕɳč- ~ kĕɳwəl 'схватить рыбу' — 'он хватает рыбу', каз. *ńś* ~ *ń*: jańś- ~ jańləm 'пить' — 'я пью', вах. *ńtʲ* ~ *ń*: kańtʲ- ~ kańγaləm 'болеть' — 'я болел', шур. *k* ~ *ηk*: jik ~ jiηka 'вода' — 'в воду', каз. *ηk* ~ *η*: jĭηk ~ jĭηnə 'вода' — 'в воде', шур. *r* ~ *rt*: kur ~ kurtət 'деревня' — 'деревни' (мн. ч.), каз. *rt* ~ *r*: kɑrt ~ kɑrnə 'деревня' — 'в деревне'.

В шурышкарском диалекте носовой корня, оказываясь перед *s*, чередуется с гоморганным смычным *m* ~ *p*: omɵssəm ~ opsa 'я сидел' — 'сиди' (но каз. omsa 'сиди'); *n* ~ *t*: mănləm ~ mătsəm 'я иду' — 'я шел'; *η* ~ *k*: loηləm ~loksəm 'я вхожу' — 'я вошел'.

В казымском диалекте *š*, *ś*, находясь при спряжении перед л, чередуются с *t* или *tʲ*, *š*~*t*: wɑš- ~ wɑtləm 'теряться' — 'я потеряюсь'; *ś* ~ *tʲ*: χăś- ~ χătʲləm 'остаться' — 'я остаюсь'.

Кроме указанных в каждом диалекте, изредка встречаются и другие чередования.

§ 30. Гармония гласных. Гармония гласных в современном мансийском языке уже не встречается, а в хантыйском языке — только в ваховском и васюганском диалектах (в обдорском диалекте она распространяется только на первый и второй слоги). Вследствие этого в одном слове могут быть либо палатальные (переднеязычные), либо велярные (заднеязычные) гласные. К словам с гласными переднего ряда присоединяются окончания и суффиксы с гласными переднего ряда, к словам с гласными заднего ряда — лишь окончания и суффиксы с гласными заднего

ряда (исключение составляет суфф. -uj- в страдательном спряжении глагола). Например: вах. kötöγ 'из руки' ~ katoγ 'из дома', lil 'дыхание' ~ lilim 'мое дыхание', put 'горшок' ~ putįm 'мой горшок', öγäl'i 'девочка' (< öγi 'девушка'), kulal'į 'рыбешка' (< kul 'рыба'). Пример на исключение: käsγälujə̂m '(меня) нашли' (пассив.). Палатальная или велярная звуковая окраска в конце многосложного слова стирается. Гармония гласных на сложные слова не распространяется, например, sŏjul 'черника' (< sŏj + ul).

§ 31. Ударение. И в мансийском, и в хантыйском языках ударение динамично и, как правило, падает на первый слог слова. Ни в одном из обско-угорских языков ударение не имеет фонематического значения. В русских заимствованиях ударение ставится в обоих языках либо на первый слог, либо на тот слог, на котором оно стоит в русском языке.

В северомансийских диалектах ударение всегда на первом слоге. На третьем и пятом слоге сильно́ и побочное ударение, но только в том случае, если дальше следует еще один слог. В кондинском диалекте ударение иногда с первого слога переходит на другой.

Если в трехсложном слове северохантыйского диалекта в первом слоге выступает краткий гласный, а во втором — долгий, то, в отличие от северомансийского, второй слог тоже может быть ударным. В ваховском диалекте ударным является первый слог, но ударение может падать и на второй, если в первом слоге выступает краткий (редуцированный), а во втором — долгий гласный. Такое формирование системы ударения, по-видимому, является следствием фонетических факторов, т. е. зависит от системы гласных в слогах и в известной степени — от открытости и закрытости слогов.

ИСТОРИЯ ОБСКО-УГОРСКИХ ГЛАСНЫХ

§ 32. Из обско-угорских гласных до сих пор лучше всего исследованы **a*, **ä*, **ŏ*, **į*, **u*, **i*, к которым по предварительным сведениям в прамансийском и прахантыйском восходят соответствующие гласные 1) тот же самый звук (например, о.-у. **a* > прамс. **ā* ~ прах. **a*), 2) чередующийся гласный вариант одного и того же звука; в этом случае обско-угорским считается тот, который является общим для мансийского и хантыйского языков, например: прамс. **ū* ~ прах. **a* ~ **u* < о.-у. **u*. Первоначальный обско-угорский звук или прамансийский и прахантыйский в большинстве случаев сохранился в архаическом тавдинском диалекте мансийского и ваховском, васюганском диалектах хантыйского языка. В других диалектах со времени прамансийского и прахантыйского периода звуки изменились.

Приведем примеры соответствия обско-угорских гласных: о.- у. **a* > прамс. **ā* ~ прах. **a*, на этот случай мало примеров: со-

wɔ̄t ‘ветер’, нкон. wɔ̄t, тав. wāt(īă) ~ шур. wot, каз. wɔt, сург. wåt, обд., вах., вю. wat;

о.-у. *ă > прамс. *ā, *ā ~ *ī ~ прах. *ă, *ă ~ *i; например: со. ānі ‘чашка’, нкон. ɔ̄nə, тав. ăńi ~ шур., каз. an, обд. ȧn, тю. ȧnəγ, вах., вю. ăn̯əγ ‘тж’, ‘посуда’; мс. (*ī >) со., нкон. tē- ‘есть’, ‘кушать’, тав. tĭ- (основа императива *ā >), со. tāj-, нкон. tɔ̄j-, тав. tăj ~ х. (*e >), шур. le- ‘есть’, ‘кушать’, каз. ле- (*i >), сург. лі-, вах., обд. li-, вю. i- (*ă >), каз. ларət- ‘кормить’, обд. lȧpɔt-, сург. лȧpət-, вах. läwət-, вю. jäwət-;

о.-у. *ŏ > прамс. *ĕ, *ĭ, *ŭ ~ прах. *ŏ; о.-у. *ŏ уже в доманснйском перестал быть лабиализованным и совпал с о.-у. *ĕ, принимая участие в дальнейшем его развитии > прамс. ĭ, ĕ. Рядом с согласными k, ŋ и в изобразительных словах остался звук *ŭ (ŏ и ŭ различаются только в традиционном обозначении). Примеры: мс. *ĕ: со. tal ‘сажень’, нкон., тав. tăl ~ каз. лăл, обд. lăl, сург. лŏл, вах. lŏl, вю. jŏl; мс. *ĭ: со. sis ‘спина’, нкон., тав. šiš ~ каз. šăš, šăns-, обд. sȧs, sȧns-, тю. sŏnč- (только в сложных словах), вах., вю. čŏn̯č; мс. *ŭ: со. taks ‘осень’, нкон. tăχs, тав. tŭks ~ шур., каз. sŭs, обд. sus, тю. səγəs, юг. səwəs, вах., вю. sŏγəs; со.. pukńi ‘пупок’, нкон. pöχəй, тав. pŭχńi ~ каз. pŭkən, обд. pukən, сург. pŏkl̯əŋ, вах., вю. pŏγl̯əŋ;

о.-у. *i̯ ~ прах. *j; мансийское соответствие носит спорный характер, в прамансийском продолжением обско-угорского звука мог быть *ā или *ē, (последний звук считается велярным, неогубленным долгим гласным, узким, или, по крайней мере, нешироким). Поскольку в специальной литературе эта проблема подробно разработана на основе предположительного *ē, то ниже мы этим знаком обозначим звук, развившийся в прамансийском из обско-угорского *i̯. Встречаются также соответствия:

мс. *ē ~ *ă, х. *i̯ ~ *ă (редко), *a ~ *i̯ ~ *u, примеры: со., нкон. jā, ‘река’, тав. jē (рядом с j: ē > e) ~ каз. (фольк.) jiχi ‘речушка’, сург. jiγel, вах. jiγəl, вю. jiγi̯;

о.-у. *u > прамс. *ū ~ прах. *u, *u ~ *a, *u ~ *ɔ, вост.-х. *a ~ *u; сев.-х. *a ~ *o. Примеры: со., нкон. pūt ‘горшок’, тав. pōt ~ шур., каз. pŭt, обд., сург., вах., вю. put; со., нкоп. χūl- ‘почевать’, тав. kōl- ~ х. (*a >) каз. χɔл-, обд. χal-, сург. kȧл-, вах., вю. kal-, (основа перфекта *u >) сург. kul-, вах. kul-;

о.-у. *i > прамс. *ī, *ī ~ *ĭ, *i ~ прах. *i (сев.-х. также *e), *ă ~ *i. Примеры: со., нкон. kēt- ‘посылать’ ~ каз. kĭt-, обд., сург., вах., вю. kit-; мс. (*ī >), со. ēŋn ‘подбородок’, тав. īn, (*i >) нкоп. iγən ~ х. (*ă >), каз. aŋən, обд. ȧŋən, сург. ȧγən, вах. ăγən̯, (*i >) сург. iγn̯əm, вах. iγn̯əm ‘мой подбородок’.

§ 33. История гласных от прамансийского языка до наших дней. В первом слоге прамансийского языка употреблялось, вероятно, 6 долгих гласных *ā, *ă, *ē, *ū, *ī, *ă, и 8 кратких *a, *ă, *o, *e, *i̯, *u, *i, *ŭ. Естественно, что дальнейшие исследования могут изменить принятую до сих пор точку зрения.

В современном северном мансийском насчитывается лишь 8 гласных фонем, в то время как в прамансийском их было 14 (в нижнекондинском диалекте и ныне имеется 15 гласных фонем). Прамс. *ă и *ā совпали, из них образовался прасеверный *ā. Огубленные палатальные *ŭ, *ū и неогубленные велярные гласные *a, *ę̄, *į̄ тоже совпали с другими звуками. Звук *ā лабиализовался и перешел в ряд огубленных. Остались только неогубленные (первоначально палатальные) и огубленные (первоначально велярные).

§ 34. Прамансийские звуки, из которых образовались современные (наиболее часто встречающиеся):

прамс. *ā; — лабиализовался на всей территории распространения мансийского языка (за исключением архаического яныч-ковского говора тавдинского диалекта), поэтому возникло мнение о том, что этот звук и первоначально был лабиальным: *ā̆ (тем более, что в соседнем яныч-ковскому говору — чандырском говоре также есть ā̆). Это предположение как будто подтверждается данными южного, тавдинского, типа из языковых памятников XVIII в., в которых по пяти говорам выявляется *ā̆, и только по двум —*ā. Однако для подтверждения этого мнения требуются дальнейшие разыскания. Насколько нам известно, заимствованные слова из коми-зырянского, татарского, самодийских и даже из древнерусского языка доказывают, что примерно до 1600 г. употреблялся ā, однако примерно к 1750 г. его лабиализация завершилась даже в северомансийском. Центром начала этого процесса могли быть окрестности Конды. Звуки *а* в словах, заимствованных после 1750 г., уже не лабиализировались. Примеры на развитие прамс. *ā: со. ōtər 'князь', нкон. ōtər, яп. ātə·r,чан. ā̆tə·r;

прамс. *a; — перешел в большинстве случаев в лабиальные звуки: со. *о*, нкоп., тав. чан. *å*, яп. *а*, например: со. ńol 'нос', нкоп. ńål, тав. ян. ńal;

прамс. *ă; — в северном диалекте превратился в велярный ā, в нижнекондинском лабиализовался (как и прамс. *ā) и превратился в ɔ̄, в тавдинском диалекте остался без изменения. Данная лабиализация в кондинском диалекте произошла несколько позже, чем лабиализация звука *ā, поэтому русские заимствования участвовали в ней уже в бо́льшем числе. Изменение датируем серединой или второй половиной XVIII в. Примеры на звуки, восходящие к прамс. *ă: со. lām 'суп', нкоп. lɔ̄m, тав. lā̆m;

прамс. *ă̈; — в северном диалекте совпал с прамс. *ă, в нижнекондинском частично совпал с прамс. *а, следовательно, из этого звука в северном диалекте получился ā, в нижнекондинском *å*. Подобно прамс. *ă̈ > нкон. ɔ̄, выявляется и *ă̈ > нкон. ɔ̄, но, как правило, только рядом с γ. В тавдинском диалекте он остался в виде *ä*. На месте *ă̈ других диалектов в тавдинском очень часто встречается также *ă̈ > ä, например, со. sāŋk 'жара', нкон. såχ, тав. säχ, прамс. *ę̄ является одним из наиболее проблематичных звуков прамансийской системы гласных. Согласно одному предположению

первоначальный звук *ē сохранили: на юге говор с. Городок тавдинского диалекта, на востоке среднекондинский, верхнекондинский, а также западные диалекты (пелымский, северовагильский, южновагильский, нижнелозьвинский, среднелозьвинский), в то время как в изолированных тав.-янычковском, тав.-чандырском, нижнекондинском и северных (верхнелозьвинском, сосьвинском, сыгвинском) диалектах независимо друг от друга появился ā. В соответствии с другим предположением, учитывающим материалы рукописных списков XVIII в., первоначальным звуком был ā. Эта гипотеза кажется более вероятной с точки зрения внутреннего развития мансийского языка. Включение ā в прамансийскую систему гласных повлекло бы за собой дальнейшие изменения и сдвиги. Выяснение этих проблем еще не произошло. Примеры на соответствия спорных звуков:

со., влоз., нкон. χāl′ ‘береза’, тав. гор., єркон., вкон., нел., сев.- ваг., юж.-ваг., плоз., єрлоз. kēl′, тав. ян., чан. kāl′;

прамс. *o; на севере и в нижнекондинском диалекте большей частью совпал с прамс. *a, в тавдинском же — с прамс. *u, например: со. ponal ‘конопля’, нкон. pånlə, ян. polna·;

прамс. *e; в северном диалекте перешел в a, o, u, в тавдинском в ä, ü, в нижнекондинском в ä, например: со. pant- ‘покрывать’, нкон., тав. pänt-;

прамс. *ẏ; в северном диалекте совпал с прамс. *i, но на его велярное происхождение указывает χ (<*k + ə). В нижнекондинском диалекте вместо этого звука, так же как и вместо прамс. *a, развился å. В тавдинском диалекте он частично совпал с прамс. *a, т. е. стал a. На прамс. ẏ мало примеров, и те большей частью являются изобразительными словами, показывающими нередко непоследовательные соответствия в отдельных диалектах, например: со. χil- ‘копать’, нкон. χål′-, тав. kal-;

прамс. *ū; остался во всех диалектах, за исключением тавдинского, где он превратился в более открытый звук ō, например: со., нкон. χūrəm ‘три’, тав. kōrə·m;

прамс. *u; на севере он остался кратким u, в нижнекондинском и тавдинском диалектах стал более открытым звуком. В тавдинском диалекте то же самое произошло с прамансийским *ū, например: со. tul ‘облако’, нкон., тав. tol;

прамс. *ī; его наиболее частые соответствия: со. ē, нкон. ē, тав. ī, например: со., нкон. kēt- ‘посылать’, тав. kīt-;

прамс. *i; из него во всех диалектах развился краткий i; однако, в зависимости от окружающих согласных, могут выступать и некоторые другие, также краткие гласные, например: со., нкон. min- ‘идти’, тав. miń-;

прамс. *ū; употребляется нечасто. Встречается только в звукоподражательно-изобразительных и заимствованных словах. В северном диалекте веляризовался в ū, но стоящий рядом с ним k (<k + ə) подтверждает его исконно палатальную сущность. В нижнекондинском остался как ū, но частично совпал с прамс.

*ü, и таким образом перешел в ö; в тавдинском диалекте ü восходит одновременно как к *ṻ, так и к *ü, но в этом диалекте очень мало примеров с прамс. ü, ср. со. sūlil- 'нагреваться', нкон. sṻl'əńś-, тав. ян. sül'χt-, со. l'ūkamt- 'ругать', нкон. l'ökəmt-;

прамс. *ü делабиализовался в *e. Соседние согласные k, χ, η тоже переняли лабиальность: k_0, χ_0, η_0, но это осталось фонетическим явлением и не повлекло за собой фонематических изменений. Следовательно, *ü на севере в зависимости от окружения согласных превратился в a, o или u, а в нижнекондинском диалекте — в ä. В изобразительно-звукоподражательных словах и немногочисленных словах так называемого типа *pük- звук ü остался лабиальным (нкон. ö), например: со. kol 'дом', нкон. käl, тав. kül; со. pukńi 'пупок', нкон. pöχəń, тав. püχńi·.

§ 35. История гласных от прахантыйского языка до наших дней. Предполагается, что в прахантыйском языке в первом слоге встречалось 11 долгих и 4 кратких гласных: a, ɔ, ä, ɔ̈, o, e, ö, i, i̯, u, ü, ă, ŏ, ĕ, ɔ̆̈.

К системе гласных прахантыйского языка ближе всего система гласных в ваховском и васюганском диалектах. В сургутском прахантыйские палатальные лабиальные, а также долгие гласные среднего подъема претерпели изменения. Во всех западных диалектах исчезли палатальные лабиальные и велярные иллабиальные гласные, в том числе *ɔ, *i̯.

§ 36. Прахантыйские звуки, из которых развились современные (наиболее часто встречающиеся):

прах. *a: сохранился по краям хантыйской языковой территории: обд. a, вах., вю. a; в других местах лабиализовался: шур., ирт. o, каз. ɔ, сург. å. Развитие проходило примерно так же, как у прамс. *a. Лабиализация в основном завершилась в середине XVIII в. в бассейне Иртыша, т. е. там, где она впервые возникла. Времени ее возникновения мы не знаем. Примеры: каз. mɔńś- 'рассказывать', обд. mańś-, ирт. mońť-, сург. måńť-, вах., вю. mańť-;

прах. *ä; этот звук остался в архаических ваховском и васюганском диалектах. На севере, юге и востоке хантыйской языковой территории есть такие диалекты, в которых ä превратился в палатальный ȧ, как, например, в обдорском, иртышском и сургутском. На севере в соседних шурышкарском и казымском диалектах произошла веляризация и получился a, например: каз. paη 'большой палец', обд., ирт., сург. pȧη, вах., вю. päη;

прах. *ɔ; этот звук во всех диалектах остался лабиальным: шур. u, каз. ǫ, обд. ǫ, ирт. u (но перед χ, η употребляется o), сург., вах., вю. o, в последних диалектах есть также аллофон ɔ. В северных и южных диалектах ɔ совпал с прах. *o. Время, когда происходил этот процесс, нам неизвестно, но происходил он раньше, чем лабиализация прах. *a. Следовательно, прах. ɔ выводится только на основании восточных диалектов, например, каз. χǫs 'звезда', обд. χǫs, ирт. χus, вах., вю. kos;

прах. *ŏ; делабиализуется во всех диалектах за исключением ваховского и васюганского. В южных и северных диалектах рядом с *k* и *ŋ* удерживает лабильность, но превращается в велярный: 1) шур., каз. *a* (kawər- 'варить'), обд., ирт. *ȧ* (kȧwər-), сург. *e* (тю. keγər-, юг. kewər-), вах., вю. *ö* (köγər-), его аллофон — *ɔ*; 2) шур. *u*, каз. *ǫ* (sǫk 'необходимость'), обд. *ǫ* (sǫk), ирт. *o* (čok), сург. *e* (ček), вах., вю. *ö* (čok);

прах. *o; этот звук повсюду остался лабиальным за исключением положения в сургутском рядом с *k*, *ŋ*, *γ*, шур. *u*, каз. *ǫ*, обд. *ǫ*, ирт. *u*, *o* (рядом с *χ*), сург. *ŏ*, *ä* (рядом с *k*, *ŋ*, *γ*), вах., вю. *o*. Развитие *o* > *u* в иртышском диалекте, на основании анализа заимствованных слов и географических названий, могло произойти примерно в XVII в. Примеры: каз. pǫs- 'доить', обд. pǫs-, ирт. pus-, сург. pŏs-, вах., вю. pos-; каз. tǫχər- 'запирать', обд. tǫχər-, ирт. toχər, тю. tăγər-, юг. tăwər-, вах., вю. toγər-;

прах. *e; сохранился во всех диалектах за исключением сургутского, где он утратил долготу и превратился в *ă* (однако в односложных словах, оканчивающихся на гласный, остался *e*), например: шур., каз., обд., ирт., вах., вю. nem 'имя', сург. năm;

прах. *ö; встречается только рядом с палатально-велярными согласными *k, *ŋ, *γ. Гласный *ö* появился в результате внутреннего развития хантыйского языка, он не восходит к обско-угорскому времени. На севере и юге этот звук делабиализовался; в обдорском диалекте *ö* рядом с *p*, *m*, *w* и *γ тоже делабиализовался, но в остальных случаях *ö* совпал с прах. *o. В сургутском диалекте после *k*, *w* развился тот же звук, что и на месте краткого прах. *ŏ, т. е. *ö > ŏ.

Перед палатально-велярными согласными *k*, *ŋ*, *γ* делабиализовался и превратился в *ă*. В ваховском и васюганском остался без изменения. Примеры: каз. keri- 'падать', обд. kǫri-, ирт. kerə-, сург. kŏrəγ-, вах., вю. kórəγ-; каз., ирт. jeŋəl 'веретено', обд. jǫŋəl, сург. jăŋəl, вах., вю. jöŋəl;

прах. *u; на севере стал кратким *ŭ*, но в обдорском диалекте остался *u*. На юге палатализовался в *ü*, но сохранился в первоначальном звучании рядом с *χ*, *ηχ*. На востоке мы повсюду находим фонему *u*: шур., каз. pŭt 'горшок', обд., сург., вах., вю. put, ирт. püt; обд., ирт. juχ 'дерево', шур., каз. jŭχ, тю., вах., вю. juγ, юг. juw;

прах. *i; на севере стал кратким, за исключением обдорского диалекта; после *w* превратился в *u*, а в обдорском диалекте даже после *p*, *m*. На юге и на востоке сохранился *i*: каз. tĭn 'цепа', обд., ирт., сург., вах., вю. tin;

прах. *į; почти повсюду превратился в палатальный *i*, т. е. совпал с прах. *i. В обдорском диалекте перед *χ*, *ηχ*, а в иртышском рядом с *χ* и *ηχ* выступает *e*. Только на востоке остался *į*: каз. jĭr 'жертва', обд., ирт. jir, сург., вах., вю. jįr; каз. sĭχ 'сверток', 'пакет', обд., ирт. seχ, сург. вах., вю. sįγ;

прах. *ӥ; этот звук выделяется на основании ваховского, васюганского и юганского диалектов, потому что в других диалектах он идентичен прах. *i: шур., каз. i, обд., прт., тю. i, юг. ӥ, но перед палатально-велярными согласными и после лабиальных согласных i, вах., вю. ӥ: каз. пӥг 'шест', обд., ирт., тю. пiг, юг., вах., вю. пӥr; каз. sĭwəs 'орел-рыболов', обд., ирт., юг. siwəs, тю. siγos, вах., вю. sӥγəs;

прах. *ă; остался без изменений в обдорском диалекте, а также на юге и востоке. На севере, за исключением обдорского диалекта, в основном совпал с прах. *ŏ, и, таким образом, перешел в ŏ. Прах. *ă рядом с χ, ηχ совпал с прах. *ĕ, в результате чего получился звук ă: каз. ŏsəm 'подушка', обд., ирт., сург. ăsəm, вах., вю. ăsma; каз., обд., прт. ńăχəs- 'чистить рыбу', сург., вах., вю. ńăγəs-;

прах. *ŏ, подобно прамс. *ŏ, во многих диалектах совпал с *ă: шур., каз. *ŏ > *ă > ŏ. Данное явление относится к XVIII в. Гласный ŏ в этих диалектах рядом с η превратился в ӥ. В обдорском и иртышском диалектах произошло изменение *ŏ > *ă > ă, но звук *ŏ сохранился в виде ŏ рядом с χ, ηχ в обдорском диалекте и рядом с χ, η в иртышском диалекте. В обдорском диалекте *ŏ рядом с η превратился в u. Каз., сург., вах., вю. pŏr 'сверло', обд., ирт. păr, каз.; обд., ирт. ńŏχəs 'куница', тю., вах., вю. ńŏγəs, юг. ńŏwəs; каз. sŭη 'угол', обд. suη, ирт., сург., вах. (фольк.) sŏη;

прах. *ĕ; на севере в зависимости от окружения согласных мы находим разные гласные. В шурышкарском и казымском диалектах этот звук развился в ă, в обдорском дал ă(< *ĕ), но рядом с j и γ встречается ĭ, а в обдорском диалекте i (< *i), рядом же с w в шурышкарском и казымском появляется ŭ, а в обдорском диалекте — u (< *u). Лишь на юге и на востоке остался ĕ: каз. săm 'сердце', обд. săm, ирт., сург. вах., вю. sĕm; каз. jiw, обд. jij, ирт., сург., вах., вю. jĕγ; шур., каз. wŭ- 'братъ', обд. wu-, ирт., сург., вах., вю. wĕ-;

прах. *ŏ; в западных диалектах совпал с *ĕ, в сургутском то же самое произошло перед γ, а вообще в восточных диалектах остался ŏ: каз. ăл-, обд. ăl-, ирт. ĕt-, сург. ŏл-, вах., вю. ŏl-; каз. jĭr- 'связать', обд. jir-, ирт. jĕr-, сург., вах., вю. jŏr-; каз. rŭwəl- 'мешать', обд. ruwəl-, ирт., юг. rĕwət-, тю. rĕγəl-, вах., вю. rŏγət-.

ИСТОРИЯ ОБСКО-УГОРСКИХ СОГЛАСНЫХ

§ 37. В системе согласных от обско-угорского языка до прамансийского могли произойти следующие изменения: *ϑ > *t, *δ′ > *l′, т. е. совпали с другими фонемами, употреблявшимися и раньше. Система согласных в прамансийском языке могла быть следующей:

p	m		w		
t	n		s	l	r
		č			
	ń	ć	j	l′	
k	ŋ		γ		

§ 38. В современном мансийском языке и прамс. *t рядом с i, а также с l′ иногда образовывался t′. Фонему t′, которая не может стоять в начале слова (сыгвинский t′—вторичный звук, см. § 21), мы не можем считать относящейся к прамансийскому периоду, потому что в большинстве случаев она появляется в отдельных диалектах, чередуясь с t: сев.-мс. pit′i 'гнездо', нкон. pit′, сев.-мс. wit 'вода', но нкон. wit′.

Прамс. *k рядом с прамансийскими палатальными гласными остался k, а рядом с прамансийскими велярными гласными превратился в χ. Судя по заимствованиям из татарского, которые участвовали в изменении, расщепление фонем не могло произойти раньше XV в. Примеры: сев.-мс. kāt 'рука', нкон. kɔ̄t, тав. kāt; сев.-мс., нкон. χūl 'рыба', но тав. kōl;

прамс. *č утратил свой смычный элемент (точно так же, как *ć) и превратился в š. В литературном диалекте перешел в s, т. е. совпал с прамс. *s. На основе рукописных списков слов мы знаем, что это изменение не могло произойти до конца XVIII в. В нижнекондинском диалекте остался š: сев.-мс. pist- 'скручивать нитку', нкон. pišt-;

прамс. *ć потерял свой смычный элемент (точно так же, как *č) и превратился в ś: сев.-мс. śulśi, 'totanus', нкон. śil′ś, но тав. ćül′ś (ć — вариант в начале слова);

прамс. *s на севере всегда оставался s; в нижнекондинском на его месте может стоять и s, и š. Причина такой двойственности неизвестна. Примеры: сев.-мс. χus 'двадцать', нкон. χos, он сев.-мс. tɔ̄s- 'сохнуть', нкон. tɔ̄š-;

прамс. *w в начале слова в ряде случаев остался: сев.-мс. wɔ̄t 'ветер', нкон. wɔ̄t, а в ряде случаев исчез: сев-мс. at 'пять', нкон. ăt, ср. вах. wet. История w в середине слова еще не вполне выяснена. Частично этот звук остался (сев.-мс. kaw 'камень', нкон. kăw, ср. ф. kivi), частично совпал с *γ (сев.-мс. tāγl 'полный', нкон. tɔ̄γlə, ср. кл.-с. diwdas).

Соответствия о.-у. *-γ- различны. Наиболее часто употребляются -γ-, -w-, -ø-: сев.-мс. māγl 'грудь', нкон. mɔ̄γl, ср. вах. mɔ̄γəl; сев.-мс., нкон. pāwl 'деревня', ср. вах. puγəl; сев.-мс., нкон. mā 'земля', 'страна', ср. вах. mĕγ.

§ 39. История согласных мансийского, как и хантыйского языка, систематически еще не исследована. В системе согласных звуков в период от обско-угорского языка до прахантыйского могли произойти следующие изменения: *δ превратился в *l (но, возможно, что такого изменения и не было, или в результате его образовался не один звук); *δ′ перешел в *j. Система согласных

в прахантыйском языке могла бы быть представлена следующей схемой:

p	m		w		
			ϑ		
t	n		s	l	r
		č			
	ń	ć	j	l′	
k	η		γ		

В хантыйском языке, по сравнению с прахантыйским, наблюдаются такие изменения, которые происходят одинаково во многих диалектах:

прах. *k на севере в позиции около исконных палатальных гласных сохранился, а в позиции около исконно велярных гласных превратился в χ так же, как в северном и нижнекондинском диалектах мансийского языка. Расщепление фонемы могло произойти примерно в XV—XVIII вв., поскольку в нем участвовали татарские заимствования, тогда как русские заимствования уже не участвовали. На востоке *k не изменился, так же как в архаическом тавдинском диалекте мансийского языка: каз. kar 'кора', обд., тю. kár, вах. kär; каз. χɔləp 'сеть', обд. χaləw, но тю. kåləp, вах. kaləw;

прах. *$č$ и *$ć$ в северном диалекте утратили свой смычный элемент, и из них соответственно образовались $š$, $ś$. В обдорском диалекте фонема *$š$ превратилась в s так же, как и в соседнем с ним северном диалекте мансийского языка. На востоке прах. *$ć$ в противоположность тому, что произошло на севере, утратил щелевой элемент, поэтому из него образовался t'. О вах. $č$ см. § 25. Примеры на прах. *$č$: каз. šăš- 'выпрямлять', 'вытягивать', обд. sǎs-, тю., вах. c̣ŏc̣-. Примеры на прах. *$ć$: каз. śărĭ 'шарнир', 'дверная петля', обд. śări, тю., вах. t′ĕri;

прах. *-γ- изменился в зависимости от окружения гласных. На севере, как правило: 1) рядом с первоначальными иллабиальными палатальными гласными в шурышкарском и казымском диалектах превратился в w, а в обдорском — в j: каз. jĭw 'отец', обд. jij; 2) рядом с первоначальными лабиальными палатальными гласными превратился в w: каз., обд. kew 'камень', тю. kǎγ, вах. köγ; 3) рядом с прежними велярными превратился в χ. На востоке в ваховском диалекте остался γ, в сургутском (тю. > γ, юг. > w); шур., каз. pŏχ 'мальчик', обд. păχ, сург., вах. păγ;

у прах. *l, который, возможно, развился из о.-у. *l и о.-у. *ϑ, много различных соответствий. В шурышкарском, обдорском, ваховском диалектах остался l, в казымском и сургутском он перешел в $л$, в васюганском в начале слова — в j, $ø$, в других позициях — в l, в среднеобском, пизамском, демьянском, иртышском диалектах (которые здесь не привлечены для описания) превратился в t. Из *l' в казымском и сургутском диалектах получился $л'$. Примеры: шур. lut 'гусь', каз. лǫnt, обд. lǫnt,

дем. lunt, тю. лопt, вах. lont; каз. л′awət- 'ругать', обд. l′áwət-, низ. t′áwət-, тю. л′eγet-, вах. l′óγət-;

прах. *w в середине слова изменяется так же, как прахантыйский *γ.

Кроме указанных выше, встречаются изменения, относящиеся только к отдельным диалектам. Конечно, есть и такие фонемы, которые не восходят к прахантыйскому языку.

§ 40. Звуковая форма мансийских и хантыйских слов со времени обско-угорской эпохи изменилась. Гласные конца слова в обоих языках независимо друг от друга полностью исчезли (VCV > VC, CVCV > CVC, CVCCV > CVC(V)C) и т. д.

Исчезновение конечных гласных в мансийском языке началось в XV—XVI вв. сначала в восточных и западных, затем в северных, и, наконец, в южных диалектах. В последних, благодаря ударению, переместившемуся под влиянием татарского языка на второй слог, гласные конца слова существовали дольше всего — до начала XIX в. Подавляющее большинство конечных гласных в XVIII в. было гласными нижнего подъема: кун. *нельма* 'язык', ср. со. ńēləm, нкоⁿ., тав. ńiləm; кун. *нюрма* 'луг', ср. сев.-мс. ńūrəm; кун. *олма* 'сон', ср. со., кон. ūləm, тав. ōləm. Все это мы знаем по рукописным спискам слов XVIII—XIX вв., а также по татарским и русским заимствованиям. Исчезновение не было абсолютным, гласный звук остался в нескольких словах типа (C)VCV, например, со. ńila 'четыре', нкон. ńilə. Встречается также в конце слова со скоплением согласных: со. lūpta 'лист', нкон. loptə, со. māńśi 'манси', со. pāssa 'рукавицы', нкон. pāsγə.

В хантыйском языке до сих пор еще не установлено время исчезновения конечных гласных, но, вероятно, в нем этот процесс проходил раньше, чем в мансийском, так как в самых древних языковых памятниках нет гласных в конце корня. Слова, заимствованные из татарского и русского языков, вообще удержали гласные в конце корня, т. е. попали в хантыйский язык уже после того, как завершился процесс исчезновения гласных.

МОРФОЛОГИЯ ОБСКО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ *

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 41. Корневые слова (в первую очередь имена существительные и глаголы) обско-угорских языков в большинстве своем односложны и оканчиваются на согласный. Слов, оканчивающихся на гласный, сравнительно мало, и, не считая нескольких редких

---

* Морфология мансийского языка изложена на основе сосьвинского (северного) диалекта, а морфология хантыйского языка — на основе шурышкарского (северного) диалекта. Данные из этих диалектов приводятся без помет.

исключений (х. nē 'женщина', χū 'мужчина', 'человек', мс. nē 'женщина' jā 'река', āvi 'дверь' и т. д.), конечный гласный второго слога происходит от какого-нибудь (древнего) суффиксального элемента.

Номинатив ед. числа склоняемых имен вообще тождествен основе слова (основной форме, абсолютной форме), например, х. χot 'дом', ńŏχi 'мясо', мс. kol 'дом', āpa 'люлька'. Однако в некоторых словах вследствие морфонологических изменений форма номинатива отличается от основной формы слова, и измененная форма имеет как бы характер номинатива, например, х. ut 'лес' (основа unt-), jik 'вода' (основа jiŋk-), мс. salm 'полоса' (основа saləm-), toləγ 'невод' (основа tolγ-). В хантыйском, в литературном мансийском (и еще в нескольких говорах этого языка) из-за отсутствия особого окончания для вин. падежа номинативная форма выступает и в функции прямого дополнения.

В словоизменении имен существительных количество самостоятельных падежей сравнительно незначительно. В шурышкарском диалекте хантыйского языка только три падежа располагают самостоятельными формами. В восточных диалектах падежная система довольно богата. В ваховском диалекте 11 падежей имеют самостоятельную форму. В мансийском языке число падежей во всех диалектах примерно одинаково. В литературном — 7, в говорах, имеющих отдельное окончание для выражения прямого дополнения, —8, и в наиболее богатом в этом отношении тавдинском диалекте имеется 9 самостоятельных падежных окончаний. В системе падежей имен существительных суффиксальные формы дополняются послелогами. Нагрузка послелогов значительна особенно в тех диалектах, в которых число самостоятельных падежей невелико (например, в шурышкарском диалекте). Если слово, употребляемое в функции прямого дополнения, является именем существительным, то прямое дополнение стоит в нулевой форме (формально совпадает с номинативом). В противоположность этому у личных местоимений имеется маркированный аккузатив. Склонение местоименных наречий и самостоятельных наречий отличается от склонения других имен. При наличии лично-притяжательных суффиксов падежные форманты стоят после лично-притяжательных. Послелоги также могут получить лично-притяжательные суффиксы.

У слов, выражающих родственные отношения, имеется и вокативная форма.

В мансийском (?) и некоторых западных хантыйских диалектах (например, в шурышкарском) лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа часто выражает определенность предмета. Такое употребление лично-притяжательных суффиксов неизвестно в восточных диалектах (например, в ваховском).

В отличие от других финно-угорских языков личные местоимения 2-го лица начинаются с n-.

Указательные местоимения в хантыйском языке, кроме указания на близость или отдаленность, указывают и на определенность (присутствие) или неопределенность (неприсутствие) предмета.

Живыми именными словообразовательными суффиксами обско-угорские языки довольно бедны, система же глагольных словообразовательных суффиксов у них богата.

Как в склонении имен, так и в спряжении глагола, кроме ед. и мн., имеется и дв. число.

В спряжении различаются три парадигмы: 1) общая (безобъектная), 2) определенная (объектная) и 3) пассивная. Формы определенного спряжения кроме определенности объекта указывают также на его грамматическое число. Особенность страдательного спряжения состоит в том, что в этом спряжении могут употребляться и интранзитивные глаголы.

В хантыйском известно спряжение глагола в формах нескольких прош. времен. Их употребление специфично, их функции сходны с функциями указательных местоимений. Эта система наиболее полно представлена в некоторых восточных диалектах; так, в ваховском имеется четыре прош. времени. Характерная особенность мансийского спряжения (которая вообще редко встречается в языках) заключается в том, что в действительном залоге глагол имеет эмфатический способ спряжения.

В обско-угорских языках есть habere- глагол (глагол со значением 'иметь'): х. tăj-, мс. ońś-. В хантыйском и мансийском (?) у глагола бытия в наст. времени существует две парадигмы: х. 1) ul- 'есть', 'жить', 'существовать' и 2) us- 'есть' (связка).

Из особенностей глаголов можно упомянуть еще категорию префиксов, которые в отличие от приставок венгерского (и еще больше русского языка) используются в основном для изменения значения, и в меньшей степени — в грамматической функции. По употреблению, собственно говоря, они являются наречиями, отвечающими на вопрос «куда»: х. jŏχət- 'прибыть', joχi jŏχət- 'прибыть обратно' и т. д.

МОРФОЛОГИЯ МАНСИЙСКОГО ЯЗЫКА [57]

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 42. В мансийском языке существительные имеют два склонения: 1) абсолютное, в котором прилепы присоединяются к основе слова, и 2) лично-притяжательное, в котором к основе слова присоединяются лично-притяжательные суффиксы.

---

[57] Морфология мансийского языка изложена на основе сосьвинского (северного) диалекта, данные из которого приводятся без помет.

В абсолютном склонении существительное участвует лишь своей основной формой и значением, например, pūtnəl 'из горшка' (pūt 'горшок'), ārat 'в люльке' (āra 'люлька').

В лично-притяжательном склонении к основе слова присоединяются лично-притяжательные суффиксы, которые выражают принадлежность или связь с личной сферой соответствующего лица или предмета с каким-либо другим лицом или предметом: χāpəmn 'в мою лодку' (χār 'лодка') и т. п.

§ 43. Имена существительные, а также другие имена, употребляемые в значении существительного, имеют три грамматических ч и с л а: единственное, двойственное и множественное. В тавдинском диалекте различаются только ед. и мн. число, на существование дв. числа прежде указывают лишь его отдельные лексикализованные формы: nī-komow 'мужчина и женщина', kiɬ'üw 'два' и др.

Ед. число не имеет показателя, оно выражается нулевой морфемой. Однако в склонении встречаются такие фонетические отклонения (например, выпадение гласного во втором слоге и др., ср. ērəγ 'песня', ērγ-), которые характерны лишь для формы ед. числа. Таким образом, «немаркированное» ед. число можно признать лишь с данной оговоркой.

Показателем дв. числа выступает -γ (-iγ) (юк. -əj, -i), а показателем мн. числа во всех диалектах — -(o)ɬ.

Показатели числа всегда следуют непосредственно за основой, а за ними — окончания, выражающие отношение внутри предложения: pūtəln 'в горшки' (pūt 'горшок'), ērγətt 'в песнях' (ērəγ 'песня') и т. д.

Немаркированность формы ед. числа унаследована из уральского праязыка. Суффикс дв. числа восходит к уральскому показателю дв. числа *-ka > -kV прамс. *-γ (V — символ гласного). Показатель же мн. ч. -t восходит к уральскому показателю мн. числа *-t [58].

§ 44. В мансийском языке имеются следующие маркированные п а д е ж и: номинатив (основной или им. падеж), локатив (падеж обстоятельства места), латив (падеж обстоятельства направления), аблатив (падеж, означающий удаление, отдаление), транслатив (падеж, обозначающий превращение во что-либо), инструментальный-комитатив (орудийно-сопроводительный падеж).

Падежные окончания абсолютного склонения: ном. (осн. п.) -ø, лок. -ɬ, лат. -n, абл. -nəl, транс. -γ, инстр. (-ком.) -l.

В дв. и мн. числе (а также в лично-притяжательном склонении) инструменталь имеет суфф. -ɬəl.

По основным типам склонения основы существительных разделяются на 1) неизменяемые, оканчивающиеся на согласный, 2) неизменяемые, оканчивающиеся на гласный, 3) изменяемые.

---

[58] Liim. Wog. 12, 23—24.

§ 45. Склонение существительных.

		I тип (pūt 'горшок')	II тип (āpa 'люлька')	III тип (ērəɣ 'песня')
Ед. ч.	ном.	pūt	āpa	ērəɣ
	лок.	pūtt	āpat	ērəɣt
	лат.	pūtn	āpan	ērəɣn
	абл.	pūtnəl	āpanəl	ērəɣnəl
	транс.	pūtiɣ	āpaiɣ	ērɣəɣ
	инстр.	pūtəl	āpal	ērɣəl
Дв. ч.	ном.	pūtiɣ	āpaɣ	ērɣiɣ
	лок.	pūtiɣt	āpaɣt	ērɣiɣt
	лат.	pūtiɣn	āpaɣn	ērɣiɣn
	абл.	pūtiɣnəl	āpaɣnəl	ērɣiɣnəl
	транс.	—	—	—
	инстр.	pūtiɣtəl	āpaɣəl	ērɣiɣtəl
Мн. ч.	ном.	pūtət	āpat	ērɣət
	лок.	pūtətt	āpatt	ērɣətt
	лат.	pūtətn	āpatn	ērɣətn
	абл.	pūtətnəl	āpatnəl	ērɣətnəl
	транс.	—	—	—
	инстр.	pūtətəl	āpatəl	ērɣətəl

Термины родства имеют также звательную форму (вокатив): āśa! 'отец!' (āś 'отец') и т. д.

Форма основного падежа (номинатив) служит также и для выражения прямого объекта (аккузатив). В других диалектах есть аккузатив, имеющий особый формант: юк. -m(ə), тав. -m(i), пел., ваг. -n(á).

Помимо аккузатива в мансийских диалектах всего одно падежное окончание, которое не является общим для всего языка: особое комитативное -nät в тавдинском диалекте.

§ 46. Номинатив (*основной падеж*) (*как и совпадающий с ним* по форме «аккузатив») не имеет специального форманта. У слов с изменяемой основой последняя в транслативе и инструментале ед. числа отличается от основы номинатива, выступая как некая основа косвенных падежей. В вышеуказанных диалектах (см.§ 45) акк. -mV восходит к уральскому акк. *-m [59], а -nV развилось от суффикса аблатива уже в период самостоятельной эволюции данного диалекта мансийского языка [60].

Локативное окончание, вероятно, тождественно финно-угорскому лок. -t, которое ныне как продуктивный падежный формант встречается лишь в мансийском [61]. Окончание латива, возможно, восходит к послелогу, образованному от -k-овой лативной формы существительного *nä (? < *näɣä) 'близость'. Возможно, что данному окончанию этимологически соответствует венгерское лат.-дат.

---

[59] Liim. Wog. 24—41.
[60] Liim. Wog. 41—44.
[61] HajdúBev. 62 и сл.; 121—122; Liim. Wog. 45—60.

-nek и др. [62] (однако см. в хантыйском комп. -ni ɣət, § 96). Не исключено, что от послелога, восходящего к указанному *nä с окончанием абл. *-l, происходит абл. -nəl, относящееся к угорскому периоду [63], а также ком. -nät, известное только по тавдинскому диалекту и по хантыйскому языку [64].

Трудность этого объяснения состоит в том, что существование существительного *nā (? < *näγä), взятого за основу, гипотетично. Учитывая, что в подобной функции предположительно могло употребляться и некое слово *nu ~ *no 'близость', 'направление' [65], нам кажется более вероятным происхождение интересующих нас окончаний (послелогов) от древнего корня указательного местоимения *nV (>*nŏ или *nŏ) [66]. Подобным же образом развились также хантыйские послелоги ewəlt, elti, а также окончание аблатива -oγ, происходящее от их корня (см. § 137).

Транс. *-γ восходит к уральскому лат. *-k [67], в то время как инстр. *-l развился из угорского абл. *-l [68]. Элемент *-t варианта -təl идентичен хантыйскому окончанию инстр.-мед. -tə, -at и т. д. [69]

Окончание вокатива по происхождению (и по древней функции) идентично суффиксу повелительного наклонения [70]. Его звуковой облик (прамс. *-ä или -ā и тав. -i) своеобразно совпадает со звуковым обликом соответствующих формантов хантыйского языка (прах. *-ä, см. § 95).

§ 47. К существительным могут присоединяться л и ч н о - п р и т я ж а т е л ь н ы е с у ф ф и к с ы. Они, с одной стороны, служат для выражения принадлежности обладаемого, с другой стороны — для выражения грамматического числа обладателя и обладаемого. Эти суффиксы состоят из элемента, указывающего на число обладаемого и из собственно личного суффикса.

Обладаемое в ед. числе выражается только основой существительного (нулевой морфемой). Показатель дв. числа обладаемого — -γ; в юкондинском диалекте показатель дв. числа *-γ сохранился в лабиальности гласного в составе лично-притяжательных суффиксов дв. числа. Показателем мн. числа обладаемого является -n. Эта система лично-притяжательных суффиксов только в северном и юкондинском диалектах выступает последовательно. В отдельных западных диалектах (например, в пелымском) формы дв. числа совпадают частично с формами ед. числа, частично — с формами мн. числа. В тавдинском же диалекте формы дв. числа полностью отсутствуют.

---

[62] HajdúBev. 121—124, 126; Liim. Wog. 78—98.
[63] Hajdúbev. 122—123; Liim Wog. 60—78.
[64] Liim. Wog. 118—123.
[65] См. HajdúBev. 127 и указанную там литературу.
[66] По поводу данного объяснения см. N. S e b e s t y é n — ALH VII 333—336; Liim. Wog. 65 и сл.
[67] Liim. Wog. 123—130.
[68] HajdúBev. 122—123; Liim Wog. 99—101.
[69] Liim. Wog. 102—118.
[70] Liim. Wog. 130—131.

К основе слова сначала присоединяются числовые показатели обладаемого, а затем собственно лично-притяжательные суффиксы.

Если не считать фонетических различий, можно сказать, что в морфологическом плане лично-притяжательное склонение в общем *одинаково во всех мансийских (в том числе и в исчезнувших)* диалектах.

§ 48. Лично-притяжательные суффиксы

Число и лицо обладателя		**Число обладаемого**		
		Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
Ед. ч.	1 л.	-əm	-aɣəm	-anəm
	2 л.	-n	-aɣən	-an
	3 л.	-e, -te	-aɣe	-ane
Дв. ч.	1 л.	-men	-aɣamən	-anamən
	2 л.	-n(ən)	-aɣən(ən)	-anən
	3 л.	-en, -ten	-aɣen	-anen
Мн. ч.	1 л.	-(u)w	-aɣuw	-anuw
	2 л.	-n(ən)	-aɣən(ən)	-an(ən)
	3 л.	-(a)nəl	-aɣanəl	-anəl

Форманты на -e и -en присоединяются к словам, оканчивающимся на согласный, а форманты на -te и -ten — к словам, оканчивающимся на гласный.

§ 49. По лично-притяжательному склонению существительные делятся на три типа в зависимости от того, оканчиваются ли они 1) на согласный, 2) на гласный a и e или 3) на гласный i.

ЛИЧНО-ПРИТЯЖАТЕЛЬНОЕ СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

	I тип	II тип	III тип
	(χār 'лодка')	(āpa 'люлька')	(sāli 'северный олень')
		а) одно обладаемое	
Ед. ч.	1 л. χāpəm	āpam	sālim
	2 л. χāpən	āpan	sālin
	3 л. χāpe	āpate	sālite
Дв. ч.	1 л. χāpmen	āpamen	sālimen
	2 л. χāpən	āpan	sālin
	3 л. χāpen	āpaten	sāliten
Мн. ч.	1 л. χāpuw	āpaw	sālijuw
	2 л. χāpən	āpan	sālin
	3 л. χāpanəl	āpanəl	sālijanəl
		б) два обладаемых	
Ед. ч.	1 л. χāpaɣəm	āpaɣaɣəm	sālijaɣəm
	2 л. χāpaɣən	āpaɣən	salijaɣən
	3 л. χāpaɣe	āpaɣe	sālijaɣe

Дв. ч.	1 л.	χāpaγamen	āpaγamen	sālijaγamen
	2 л.	χāpaγən	āpaγən	sālijaγən
	3 л.	χāpaγen	āpaγen	sālijaγen
Мн. ч.	1 л.	χāpaγuw	āpaγuw	sālijaγuw
	2 л.	χāpaγən	āpaγən	sālijaγən
	3 л.	χāpaγanəl	āpaγənəl	sālijaγanəl

с) много обладаемых

Ед. ч.	1 л.	χāpanəm	āpanəm	sālijanəm
	2 л.	χāpan	āpanan	sālijan
	3 л.	χāpane	āpane	sālijane
Дв. ч.	1 л.	χāpanamen	āpanamen	sālijanmen
	2 л.	χāpan	āpanən	sālijanən
	3 л.	χāpanen	āpanen	sālijanen
Мн. ч.	1 л.	χāpanuw	āpanuw	sālijanuw
	2 л.	χāpan	āpanən	sālijanən
	3 л.	χāpanəl	āpanəl	sālijanəl

К лично-притяжательным формам могут присоединяться и падежные окончания: χāpəmn ‘в мою лодку’. Лично-притяжательные суффиксы занимают место перед падежными окончаниями. Лично-притяжательные формы в транслативе не употребляются.

§ 50. Показатель дв. числа обладаемого *-γ [71] восходит к уральскому показателю дв. числа *-ka [72]. Происхождение показателя множественности обладаемого *-l, который имеется также и в хантыйском языке, еще не выяснено [73]. Может быть, он идентичен с уральским суфф. *-l собирательного значения [74].

Среди собственно лично-притяжательных суффиксов элементы *-əm, *-ən/*-nV, а также *-t (в составе *-te) развились из древних лично-притяжательных суффиксов, которые по своему происхождению родственны личным местоимениям (но не идентичны с ними!). Суфф. -e вторичен, в первоначальном виде он представлен суфф. -te. (Возможно, что компонент -e данного суффикса восходит к отдельному элементу). Суфф. 3 л. мн. ч. *-nəl составлен из показателей мн. ч. *-n + *-l. (Возможно, что показатель мн. ч. *-n в составе *-nV входит также в состав суфф. 2 л. дв. и мн. ч. -n (ən) < *-n + гласный + n. Предположительно аналогичным же путем развился вторичный формант -ten [75]. Происхождение суфф. -uw еще не выяснено [76].

§ 51. Мансийский язык довольно богат именными с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы м и с у ф ф и к с а м и, большинство из которых продуктивно и в современных диалектах.

---

[71] Liim. Wog. 232 и сл.
[72] HajdúBev. 68, 130—131.
[73] Liim. Wog. 231, 237—241.
[74] О суфф. *-l см. Leht. Abl. 145, особенно 150—152.
[75] Из литературы по лично-притяжательным суффиксам см. главным образом HajdúBev. 68 и сл. 131 и сл.; Liim. Wog. 211—241.
[76] Liim. Wog. 225.

Чаще всего употребляются следующие словообразовательные суффиксы имен существительных:

-aśi; используется в отыменном словообразовании в собирательном значении: ср. χāl′aśi 'березняк' (χāl′ 'береза') и т. д. (о происхождении суффикса см. § M. 194);

-ke; используется в отыменном словообразовании в уменьшительном значении: sālike 'маленький северный олень' (sāli 'северный олень') и т. д.; восходит к ф.-у. *-kk (см. M. § 205);

-l; используется в отглагольном словообразовании для выражения результата действия: χolal 'конец', 'завершение' (χol-'кончаться', 'завершаться') и т. д.; восходит к ф.-у. *-l (см. M. § 209);

-m; используется в отглагольном словообразовании для выражения процесса действия: poləm- 'журчание' (polγ- 'журчать') и т. д. (о происхождении см. M. § 213);

-ńś; используется в отыменном словообразовании; присоединяется главным образом к терминам родства: āśińś 'вместе с дедом' (āśi 'дед') и т. д.[77];

-p; используется в отглагольном словообразовании для выражения средства действия: saγrəp 'топор' (saγr- 'резать') и т. д.; восходит к ф.-у. *-p (см. M. § 227);

-riś; используется в отыменном словообразовании; восходит к самостоятельному слову (ср. в. rész 'часть'); выражает ласку, сострадание, уничижение: ńawramriś 'ребеночек' (ńawram 'ребенок'), āmpriś 'собачонка' (āmp 'собака') и т. д.;

-sup; восходит к самостоятельному слову (sup 'половина чего-л.'): āni-sup 'тарелочка' (āni 'посуда', 'тарелка') и т. д.;

-ut; происходит от самостоятельного слова (ut 'что-л.', 'вещь'), ср. māń-ut 'младенец' (māń 'маленький', 'крошечный') и т. д.

§ 52. Словосложение существительных в мансийском языке не маркировано. Большинство сложных слов относится к какому-либо из следующих типов, выделенных в соответствии с принадлежностью первого компонента к частям речи: 1) первый компонент является существительным: śāj-put 'чайник для заварки' (śāj 'чай', put 'горшок') и т. д.; 2) первый компонент является прилагательным: māń-uj 'мошка' досл. 'маленькое животное' и т. д.; 3) первый компонент является причастием или причастной конструкцией: wort-oln-ut 'медведь' досл. 'нечто живущее или находящееся в лесу' и т. д.

Особый тип: ńol-tus 'лицо' (ńol 'нос', tus 'рот'), nē-χum 'супруги' (nē 'женщина', χum 'мужчина') и т. д.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 53. Для выражения значений степеней сравнения существуют разные способы: 1) синтаксический: akitenəl māń 'он меньше (досл. 'маленький') своего дедушки' (абл.); 2) аналитический (опи-

[77] О происхождении и функции суффикса см. Liim. Wog. 199—201; P. Hajdú — NyK LXXI 61—78.

сательный): saka matum 'самый старый' (досл. 'очень старый'); 3) с помощью особого суфф. -nuw: kaγəsnuw 'повыше' (kaγəs 'высокий'), kantəŋnuw 'злее' (kantəŋ 'злой') и т. д. О происхождении суфф. -nuw см. х.-niŋət (§ 104).

§ 54. Прилагательное чаще всего выступает в функции определения. В этой роли прилагательное никаких окончаний не принимает и не согласуется с определяемым словом: выступая же в роли сказуемого, прилагательное согласуется с подлежащим в числе: ti āγit māńət 'эти девушки маленькие' (ti āγi māń 'эта девушка маленькая') и т. д. Выступая в роли существительного, они принимают его окончания: jomasəmn 'к моему доброму' и т. д.

§ 55. Производных прилагательных в мансийском языке довольно много. К числу наиболее употребительных словообразовательных суффиксов прилагательных относятся следующие:

-χaγəŋ; используется в отыменном словообразовании для выражения значения 'снабженный чем-л. в небольшой степени': witχaγəŋ 'мокроватый' (wit 'вода') и т. д.; восходит к самостоятельному слову *χaγ 'облик', 'форма'.

-ŋ; используется в отглагольном и отыменном словообразовании для выражения обладания, принадлежности кому-либо, чему-либо, значения 'снабженный чем-л.': saməŋ 'имеющий хорошие глаза' (досл. 'имеющий глаз' от sam 'глаз'), rupatəŋ 'тяжелый', 'трудный' (ср. rupit- 'работать') и т. д.; происходит от ф.-у. *-ŋ (см. М. § 217—218);

-p, -pa; используется в отглагольном и отыменном словообразовании для выражения значения 'обладающий чем-л.': puŋkpa 'имеющий голову', 'с головой' (puŋk 'голова') и т. д. (о происхождении суффикса см. М. § 226—227);

-tāl; используется в отыменном и отглагольном словообразовании в изъятельном (каритивном, лишительном) значении: χumtāl 'незамужняя' (χum 'мужчина', 'муж') и т. д., piltāl 'храбрый', 'смелый' (pil- 'бояться') и т. д.; восходит к угорскому периоду, состоит из двух суффиксов (о происхождении см. § 246—247).

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 56. Числительные делятся на количественные, порядковые, делительные, множительные, собирательные, дробные, неопределенные.

По своей функции числительные во многом близки к прилагательным, но выражают количество или число.

§ 57. Количественные числительные со значением 'один' и 'два' имеют различную форму в зависимости от того, выступают ли они сказуемыми или определениями. Эта особенность, возможно, относится к угорскому периоду, ср. в. kettő и két 'два' (см. § 108), и в конечном счете связано с категорией дв. числа.

Единицы выражаются следующим образом: aka, ak 'один', kitiγ, kit 'два', χūrəm 'три', ńila 'четыре', at 'пять', χōt 'шесть', sāt 'семь', ńololow 'восемь', ontolow 'девять'.

Числительные, обозначающие числа от 1 до 7, — простые слова, но числительное 'шесть' включительно они восходят к финно-угорской эпохе; слово sāt 'семь', вероятно,— иранское заимствование угорского периода (ср. санскр. saptá 'семь'). Слово sāt 'семь' (в северном диалекте) совпало со словом, означающим 'сто'. Поэтому для различения значений 'семь' и 'сто' при обозначении числа 100 к слову sāt присоединяется определение jāniγ 'большой': jāniγ sāt 'сто' (досл. 'большая семерка'). Слова, обозначающие числа 8 и 9, соответственно состоят из ńolo- или onto- + low 'десять'. Слово ńolo- относится к угорскому периоду [78]. Числительное ńolo-low, составленное из слов, обозначающих 'восемь' и 'десять', образовалось в процессе индивидуального развития мансийского языка. Слово low в состав числительного ńololow могло попасть по аналогии с onto-low 'девять'. Первый компонент этого слова (onto) происходит, вероятно, от послелога (ontsəl 'рядом с ним'). Первоначально сложное слово onto-low 'девять' обозначало, по-видимому, 'рядом с (одним) десять' (ср. аналогичный состав слов со значением 'девять' в других угорских языках). Основой этой системы счета является десятичная система. Однако у северных манси в детских играх и ритуальных текстах выявляется семеричная система: sāt 'семь', sāt os akwa 'семь и один', sāt os kitiγ 'семь и два' и т. д., sāt-sāt 'семь семь' и т. д. [79]

Десятки обозначаются следующими словами: low 'десять', χūs 'двадцать', wāt 'тридцать', naliman 'сорок', atpan 'пятьдесят', χōtpan 'шестьдесят', sat-low 'семьдесят', ńol-sāt 'восемьдесят', ontəl-sāt 'девяносто'.

Числительное low 'десять' в этом значении встречается в марийском и саамском языках, а в значениях 'число' или 'считать', 'читать' — почти во всех финно-угорских языках (ср. кон. lowənt- 'считать', 'читать'), и возможно, что данное слово в последнем значении восходит к уральской эпохе. Слово χūs относится к финно-угорскому периоду. Слово wāt 'тридцать' неизвестного происхождения и употребляется лишь в мансийском языке. Числительные naliman, atpan и χōtpan — сложные слова. Их компоненты -man, -pan восходят к прамс. *man, ф.-у. *mone, значение которого могло быть 'десять' < 'много', 'несколько' [80]. Интересно отметить, что слово *mone в качестве числительного встречается только в угорских и пермских языках, т. е. в ветвях, в которых выявляется и слово χūs как числительное χūs 'двадцать'. Числительные sāt-low 'семьдесят', ńol-sāt 'восемьдесят', ontəl-sāt 'девяносто' формировались в период самостоятельного развития ман-

---

[78] Об этимологии см. MSzFE, см. ниже ńól-sat 'восемьдесят'.
[79] В. П. Чернецов — Яз. письм. I 177.
[80] См. MSzFE у слова hatvan.

сийского языка; образование этих числительных в разных диалектах происходит не совсем одинаково.

§ 58. Слова sāt (jāniγ sāt) 'сто', soṭər(a) 'тысяча' — индоиранские заимствования (см. в хантыйском § 109). Словосочетание jāniγ sāt 'большое сто' образовалось вследствие того, что в северном диалекте мансийского языка слова, обозначавшие числа 100 и 7, фонетически совпали и получилось смешение двух понятий: прам. *sə̄te 'сто' > сев.-мс. sāt 'сто' и прам. *sə̄te 'семь' > сев.-мс. sāt 'семь'.

§ 59. Количественные числительные, обозначающие числа от 10 до 20, в северном диалекте образуются по единому принципу — от слова, называющего соответствующую единицу + связующая морфема (послелог?): -χujpə-(-χujPu-) + low 'десять', ср. atχujpə-low 'пятнадцать' (at 'пять') и т. д.

В диалектах при образовании этих числительных наблюдаются некоторые различия. (Единая система составления соответствующих слов в северном диалекте является, вероятно, результатом вторичного выравнивания). В юкондинском диалекте правила образования числительных, обозначающих числа от 11 до 17, те же, что и в северном: akχojplow 'одиннадцать' (äk- 'один') и т. д. Однако числительные, обозначающие числа 18 и 19, образуются иначе: mōt-lown-ńolow 'восемнадцать' (ńolow 'восемь'), mōt-lown-ōntəlow 'девятнадцать' (ōntəlow 'девять'). Компонент mōt-lown обозначает 'во вторую десятку' (mōt 'второй', low 'десять'). Этот способ образования числительных, обозначающих числа свыше 100, известен и в северном диалекте: χūrmit sāṭn χūs 'двести двадцать' (досл. 'в третью сотню двадцать') и т. д.

В разных диалектах образование числительных, обозначающих числа свыше 20, происходит неодинаково, например: wāl-nūpəl-kitiγ 'двадцать два' (досл. 'тридцать в направлении (послелог) два'), кон. χūs-kitâγ 'двадцать — два'. Однако при их образовании, в частности, употребляется и слово ar 'несколько', 'много', используемое и в хантыйских числительных (см. § 107), ср. зап. (пел.) χūs ar kitəγ 'двадцать два' (досл. 'двадцать больше два') и т. д.

Специфику образования числительных в северо-мансийском диалекте показывает следующий пример: kiṭiṭ sāṭn alpan nūpəl at 'сто сорок пять' (досл. 'во вторую сотню в направлении к пятидесяти пяти'). В отличие от хантыйского языка при количественных числительных определяемое существительное всегда стоит в ед. числе: kiṭ sāli 'два оленя' и т. д.

§ 60. Порядковые числительные, обозначающие 'первый' и 'второй', происходят не от корней числительных: ōwəl 'первый' (досл. 'начало', 'конец'), mōṭiṭ 'второй' (от mōṭ 'другой', производное от финно-угорского местоименного корня *mu)[81]. Порядковые числительные, выражающие 'второй' и далее, образуются

[81] См. MSzFE у слова más.

с помощью -it (в другом диалекте -ət, в середине слова —-int-), восходящего к ф.-у. *-mt[82], например, atit 'пятый' (at 'пять'). В значении числительного 'второй', наряду с mōtit употребляется также kitit (kit 'два').

§ 61. Делительные числительные представляют собой формы количественных числительных, снабженных окончанием инстр. -l: atəl 'пятью', 'по пять' и т. д.; делительные числительные часто употребляются удвоенно: kitγəl-kitγəl 'двумя', 'по два' и т. д.

В определенном смысле к делительным числительным можно отнести формы типа kittiγ 'на два', 'пополам', χurmiγ 'на три части' и т. д., в состав которых входят количественные числительные + окончание транслатива.

§ 62. Множительные числительные образуются с помощью слова pis 'слой', 'раз' так же, как и в хантыйском языке (см. § 111), например: χūrm-pis 'трижды', 'в три ряда'.

Собирательные числительные образуются с помощью элемента -an: kitan 'двое', χūrman 'трое' и т. д. Возможно, они являются формами количественных числительных с древним окончанием лат. -n. Подобным же образом в слово akat 'вместе' входит окончание лок.-t.

Дробные числительные образуются с помощью слова sup 'половина', 'штука' (х. čop, čow 'тж') и форм порядкового числительного с различными суффиксами: ńilit sup 'четверть', χūrəm ńilit sup 'три четверти'; kitəntəγ sup 'полтора' (kit 'два'), low os ak sup 'десять с половиной'. Слово sup 'половина', 'штука' в подобной роли употребляется также в отдельных хантыйских диалектах.

Неопределенные числительные по сути дела являются прилагательными, обозначающими количество: saw 'много', kāsəŋ 'каждый' и т. д. При неопределенных числительных, обозначающих множество, определяемое существительное находится в форме ед. числа.

Некоторые суффиксальные частицы также могут выражать неопределенность количества, обозначенного числительным akχujpə-low 'примерно одиннадцать', kitaγ-kem 'примерно два', 'приблизительно два' (kit 'два'), lowman-kem 'приблизительно десять' (low 'десять'); элемент -man вероятно идентичен элементу -man (<*mone), участвующему в образовании числительных, обозначающих десятки и т. д.

В языках мира относительно редко встречается присоединение эмфатических суффиксов к числительным, что имеет место в мансийском языке (у количественных и порядковых числительных): low-ke 'милая десятка' ('десять нечто хорошее'), low-riś 'плохая десятка' ('десять нечто плохое') и т. д. [83]

---

[82] HajdúBev. 145—146, см. еще Coll. Comp. 261.

[83] Мы не затронули вопросов о способах образования числительных, обозначающих числа свыше 100.

МЕСТОИМЕНИЯ

§ 63. Местоимения в мансийском языке делятся на личные, указательные, вопросительные, относительные, неопределенные, отрицательные и обобщающие.

Л и ч н ы е местоимения образуют две группы: а) собственно-личные и б) усилительно-личные и возвратные местоимения.

Собственно-личные местоимения

Ед. ч.	1 л.	am	Дв. ч.	1 л.	mēn	Мн. ч.	1 л.	mān
	2 л.	naŋ		2 л.	nēn		2 л.	nān
	3 л.	taw		3 л.	tēn		3 л.	tān

Корни личных местоимений (элемент -m местоимения am, далее mē-, mā-; na-, nē-, nā-; ta-, tē- и tā-) древнего происхождения (см. Л. § 2, 12). Местоимение 1-го лица ед. числа am восходит к прамс. *äme, элемент которого *ä- (>сев.-мс. a-) происходит от эмфатического элемента или древнего указательного местоимения [84]. Из подобных же элементов образовалось, по-видимому, и венгерское личное местоимение én ‘я’ [85]. (Об элементах личных местоимений -ŋ, -w или -n, см. § 113).

Не считая фонетических различий и отсутствия форм дв. числа в тавдинском диалекте, личные местоимения одинаковы на всей (исторической) территории мансийского языка. Единственное отклонение проявляется в тавдинской форме mäŋ (сев. mān) ‘мы’. Следует отметить, что подобная форма обнаруживается и в хантыйском языке (см. х. mŭŋ) [86].

§ 64. Особенность склонения личных местоимений заключается в том, что у личных местоимений есть самостоятельная форма аккузатива, а форма транслатива не употребляется. В отдельных диалектах датив также имеет отдельную форму.

В 1-м лице ед. числа местоимения имеют основу ān- (в отдельных диалектах *ämənə-, *ämnə-).

В аккузативе личные местоимения имеют следующие формы:

Ед. ч.	1 л.	ānəm	Дв. ч.	1 л.	mēnmēn	Мн. ч.	1 л.	mānaw
	2 л.	naŋən		2 л.	nēnan		2 л.	nānan
	3 л.	tawe		3 л.	tēntēn		3 л.	tānanəl

Форманты личных местоимений в аккузативе совпадают с лично-притяжательными суффиксами. Формы личных местоимений с лично-притяжательными суффиксами служат также основами для образования косвенных падежей: ср. ānəmnəl ‘от меня’, mēnmēnnəl ‘от нас’ (дв. ч.) и т. д.

---

[84] Liim. Wog. 213—214.
[85] MSzFE, см. у слова én.
[86] О мансийских личных местоимениях см. литературу, приведенную в работах Лиимолы: Liim. Wog. 211—241, FUF XXVIII 20—56.

Личные местоимения часто встречаются в послеложных конструкциях. В этом случае (ныне) к послелогу обычно присоединяется и лично-притяжательный суффикс: am jotəm 'со мной' (послелог jot), naŋ jotən 'с тобой' и т. д. К послелогу непосредственно присоединяется падежный суффикс, потом — лично-притяжательный: mān pāltuw 'у нас' (pāl 'половина', 'сторона', -t- — суффикс локатива, -uw — лично-притяжательный суффикс) и т. д. (Подобный порядок имеет место и в венгерском языке: в. mellettem 'рядом со мной' и т. п.).

В тех диалектах, где при склонении существительных имеется самостоятельное окончание аккузатива (например, в тавдинском), личное местоимение в аккузативе имеет двоякую форму: тав. ānəm (ср. сев. ānəm) 'меня' и ânàmmi (-mi — окончание аккузатива) и т. д.

§ 65. Усилительно-личные местоимения образуются от собственно-личных местоимений присоединением усилительного элемента -ki (в других диалектах частично -ŋ, -ŋk): amki 'я сам', naŋki 'ты сам' и т. д.

К усилительно-личным местоимениям могут присоединяться лично-притяжательные суффиксы, и в этом случае местоимения обозначают: 'я сам', 'я один', 'ты сам', 'ты один' и т. д.: amkkem 'я сам', 'я один' и т. д. (Подобные конструкции см. и в хантыйском языке, § 113.)

Возвратные личные местоимения образуются от усилительных личных местоимений + -na (-na может и отсутствовать) + соответствующий лично-притяжательный суффикс: amkinal или amkim 'самого меня', naŋkinan 'самого тебя' и т. д. [87]

§ 66. Указательные местоимения выступают в роли существительных, прилагательных и наречий.

Указательные местоимения в мансийском противопоставляются по указанию на близость — дальность.

Местоимение-существительное ti 'этот' указывает на близкое расположение предмета, ta 'тот' — на его дальнее расположение. Оба местоимения имеют и усилительные формы: tiji, taji.

В функции определения указательные местоимения-существительные не склоняются, в функциях же неопределительных они изменяются как существительные. Указательные местоимения-существительные имеют и форму аккузатива:

Ед. ч.	tiji	Дв. ч.	tijijiɣ	Мн. ч.	tijitəl 'этот'
	taji		tajijiɣ		tajitət 'тот'

При склонении используются следующие основы указательных местоимений:

Ед. ч.	tiji-	Дв. ч.	tijiɣiɣ-	Мн. ч.	tijit- 'этот'
	taji-		tajiɣiɣ-		tajit- 'тот'

[87] M. Liimola — FUF XXVIII 55.

В ед. числе совпадают основа склонения и форма аккузатива, в дв. числе — основа склонения и формы номинатива, а также аккузатива, во мн. числе — основа склонения и форма номинатива.

Корни указательных местоимений-существительных восходят к древним корням указательных местоимений (см. Л. § 2).

§ 67. Указательные местоимения-прилагательные являются большей частью аналитическими конструкциями или словосочетаниями: ti-χurip 'такой (как это)', ti-kem 'тж', ta-χurip 'такой (как то)', ta-kem 'тж', taml'e 'такой', 'подобный'. Элемент -l'e местоимения taml'e, по-видимому, — суффикс (или сложный суффикс, ср. суффикс прилагательного *-l' [88], -m древний местоименный суффикс, см. М. § 302).

Указательные местоименные наречия происходят от корней указательных местоимений в формах трех застывших падежей в соответствии с вопросами «где», «куда», «откуда»:

tit	'здесь'	tiγl	'отсюда'	tiγ	'сюда'
tot	'там'	tuwl	'оттуда'	tuw	'туда'

Элемент -t — окончание локатива (см. М. § 62), -l — развился из угорского абл. *-l (см. М. § 72, 80), а -γ — из древнего лат. *-k (см. М. § 71, 73) [89].

§ 68. Вопросительные местоимения делятся на 1) местоимения-существительные: χōŋχa 'кто?', 'кого?', χotjut 'кто?, кого? (из числа нескольких, многих)'; manər 'что?', 'что?' (вин. п.); 2) местоимения-прилагательные и местоимения-числительные: mana 'что за?', man-χurip 'какой?' (какого цвета, качества и т. д.), manaχ 'сколько?'; 3) местоимения-наречия: χōl 'где?', χotəl 'откуда?', χotal' 'куда?'; 4) местоименные наречия времени: χuń 'когда?'; 5) местоименные наречия образа действия и причины: χuml'e 'как?', manrəγ 'почему?', manurəl 'в качестве чего?' и т. д.

Вопросительные местоимения происходят от древних (уральских, финно-угорских) местоименных корней [90] (см. Л. § 2).

Относительные местоимения тождественны вопросительным, от которых они отличаются по функции в предложении.

§ 69. Неопределенные местоимения по структуре большей частью представляют собою производные или затемненные сложные слова: χotpa 'кто-то', matər 'что-то', matχurip 'какой-н.', mataχ-kem 'сколько-н.' и т. д.

В отдельных диалектах существуют разные варианты неопределенных местоимений: юк. χon-närte 'кто-то', 'кто-н.', ål-χon-närte 'тж' и т. д.

§ 70. Только в северомансийском диалекте (и в хантыйском языке) имеется отрицательное местоимение следующего

---

[88] Leht. Abl. 179.
[89] См. литературу по данному вопросу: Liim. Wog. 162—194 и сл.
[90] См. об их формах: Liim. Wog. 45 и сл., а также 162—194.

типа: nem-χotpa 'никто', nem-χot 'нигде', nem-χuńt 'никогда' и т. д.[91] Примеры из других диалектов: юг. åt'i-χon-när 'никто' (åt'i 'не'), åt'i-χot 'нигде', åt'i-χun 'никогда' и т. д.

§ 71. Число обобщающих местоимений невелико: pus(sən) 'все', 'весь', kāsəŋ 'каждый (отдельный)', mōt(an) 'другой', 'другой из' и т. д.[92]

ГЛАГОЛ

§ 72. Все спрягаемые формы глагола (verbum finitum) выражают лицо, число, время, наклонение, а также залог.

В пределах активного спряжения у непереходных глаголов форма общего спряжения указывает только на подлежащее предложения. Форма же общего спряжения переходного глагола на нулевой ступени указывает на прямое дополнение — неопределенный объект.

Если прямое дополнение выражает определенный (детерминированный) объект, то в предложении употребляется определенное спряжение глагола. Глагольная форма объектного спряжения указывает на определенный характер и на грамматическое число объекта, выраженного прямым дополнением, например, ti nē am wāγləm 'эту женщину я знаю' и т. д.

Для мансийского языка характерно, что в активном спряжении имеются особые эмфатические формы наклонения, выражающие ласкательное значение (при помощи элемента -ke-) и сожаление (при помощи элемента -riś: totikem 'несу (охотно, с любовью)' (tot- 'приносить'), totiriśəm 'несу (с сожалением, это мне в тягость)'; totekeln 'принеси (милый) (это)' (подразумевается определенный прямой объект) и т. д.

Страдательное спряжение в мансийском (так же как и в хантыйском) употребляется очень часто не только при наличии переходного, но и непереходного глагола: matərn ti juwemēn 'сюда кто-то идет' (к нам, дв. ч.).

Выражение будущего действия возможно при помощи аналитической конструкции, состоящей из инфинитива смыслового глагола и спрягаемых форм глагола pat- 'начинать', 'стать чем-л.' В исчезнувшем тавдинском диалекте буд. время обозначалось специальным формальным элементом (см. ниже § 74).

Наряду с обычным прош. временем имеется также историческое прошедшее (perfectum historicum), образуемое с помощью причастия прош. времени (законченного действия) подобно форме исторического прош. в северном (шурышкарском) диалекте хантыйского языка (см. § 119). Кроме того, в мансийском, как и в восточных (например, в ваховском) диалектах хантыйского языка,

---

[91] О происхождении мс. nem-, см. MSzFE слово nem.

[92] Соответствия встречаются в хантыйском и некоторых других родственных языках (например: в. más, ф. muu 'другой' и т. д.).

историческое прошедшее имеет формы и объектного спряжения. Историческое прошедшее употребляется, если действие или событие происходило не на глазах говорящего или если говорящий желает подчеркнуть, что одно действие (уже) закончилось до начала другого. Историческое прошедшее законченное (praeteritum perfectum) в первой функции употребляется главным образом в фольклоре, во второй — и в общеразговорном языке [93].

Для выражения недостоверности, видимости действия или процесса в качестве финитной формы может употребляться и причастие наст. времени (незаконченного действия), снабженное лично-притяжательными суффиксами: totnem '(оказывается) я несу' (tot-'нести') и т. д.

§ 73. В мансийском языке к корню глагола может присоединяться несколько суффиксов, число которых в принципе может доходить до пяти. Непосредственно за основой глагола следует показатель залога, за ним (в перечисленном выше порядке) — показатели наклонения, времени, а затем (при определенном спряжении) формант, указывающий на прямое дополнение. При образовании финитных форм причастия к основе глагола присоединяется суффикс причастия, а затем личное окончание (по общему правилу собственно-личные форманты стоят всегда последними в ряду других).

§ 74. Показателем настоящего времени глагола в изъявительном наклонении является *-γ, который различным образом реализуется в отдельных диалектах и формах, а также в различных (частично зависимых и от корня глагола) фонетических позициях: -(e)γ- (1 и 2 л. ед. ч.; 2 и 3 л. дв. ч.; 2 и 3 л. мн. ч.), -i- (3 л. ед. ч.; 1 л. дв. ч., а также в определенном спряжении), -e- (1 л. мн. ч. в страдательном спряжении); юк. -å- (огубленный гласный) (1 и 2 л. ед. ч.; 2 и 3 л. дв. ч.; 2 и 3 л. мн. ч.), -əj- (3 л. ед. ч.; 3 л. дв. ч. определенного спряжения), -i- (3 л. ед. ч.; 1 и 2 л. дв. ч.; 2 л. мн. ч., в определенном спряжении за исключением 3 л. дв. ч.), -o-(1 л. мн. ч.) и т. д.

В тавдинском диалекте в качестве показателя наст. времени выступал -änt- или -l. В общем спряжении за этим показателем следовал еще элемент -e-, по-видимому, идентичный показателю наст. времени -γ других диалектов.

В общем спряжении тавдинского диалекта показателями буд. времени выступают: -e- и -i (3 л. ед. ч.), а в определенном и страдательном спряжениях i (<ij) он восходит к уральскому показателю *-j [94].

Показателем прош. времени во всех диалектах является *-s.

§ 75. Показатель наст. времени *γ, возможно, восходит к предполагаемому финно-угорскому показателю наст. времени *-k [95],

---

[93] В. Н. Чернецов — Яз. письм. I 185—186.
[94] См. Coll. Comp. 303.
[95] См. HajdúBev. 72.

но не менее вероятно его происхождение от финно-угорского словообразовательного суффикса, выражавшего многократное действие[96].

Тавдинские показатели наст. времени преобразовались также из словообразовательных суффиксов многократного действия (см. выше); тавдинский показатель *-l идентичен -l-овому показателю в хантыйском (см. § 121).

Показатель прош. времени -s (< *-ś) развился из уральского показателя прош. времени *-ś (см. М. § 142—143).

§ 76. Изъявительное наклонение не имеет специального показателя, но таковыми могут считаться показатели времени, употребляющиеся только в изъявительном наклонении.

Повелительное наклонение немаркировано. В общем спряжении форма 2-го лица состоит из основы глагола+личное окончание 2-го лица, а в определенном спряжении — из основы глагола+элемент, указывающий на определенный объект+личное окончание 2-го лица.

Форма повелительного наклонения имеется и в страдательном спряжении, где личное окончание присоединяется к суффиксальной страдательной основе глагола.

В общем спряжении повелевание 2-му лицу может выражаться только глагольной основой, например: min! 'иди!', tuw suns! 'смотри туда!' и т. д.[97]

В личных формах повелительного наклонения почти нет расхождений (результат выравнивания?).

Для выражения значения повелительного наклонения могут употребляться также формы 1-го и 3-го лиц изъявительного наклонения+частица wos (юк. täk) 'пусть': wos jini 'пусть он кроит, режет' и т. д.

Показателем условного наклонения является суфф. -nuw, унаследованный от прауральского периода[98], например totnuwləm 'я привел бы (его)' и т. д.

Наряду с формой условного наклонения пожелание может выражаться и особым способом — формами изъявительного наклонения+частица -ke (-ki): totsən ki 'если бы ты мог принести' и т. д. Подобное положение наблюдается и в хантыйском языке (см. § 123).

§ 77. Активное спряжение не имеет залогового показателя (подобное положение характерно и для других финно-угорских языков, в которых существует и пассивное спряжение). Прамансийский суффикс страдательного значения *-w происхо-

---

[96] Не исключено, что двоякое объяснение в конечном счете может быть сведено к одному: суффикс многократного действия > показатель наст. времени, см. еще х. *-γ, а также -a, -i (см. Gansch. Die Verbalbildung... 33 и сл., а также 27 и сл., 45 и сл.).

[97] В. Н. Чернецов — Яз. письм. I 185.

[98] HajdúBev. 71, 136—138.

дит от уральского словообразовательного суфф. *-w возвратного значения [99].

§ 78. Личные окончания общего (безобъектного) спряжения:

Ед. ч.	1 л.	-əm	Дв. ч.	1 л.	-men	Мп. ч.	1 л.	-(ə)w
	2 л.	-ən		2 л.	-ən		2 л.	-ən
	3 л.	-		3 л.	-γ		3 л.	-ət

В основном личные окончания общего спряжения глагола употребляются во всех глагольных парадигмах (в том числе и страдательного спряжения), кроме некоторых форм определенного спряжения. Вариантность некоторых форм объясняется в большинстве случаев фонетическими причинами. Однако следует отметить, что варианты основ и варианты форм наклонений (например, повелительного наклонения) еще не полностью выяснены.

§ 79. В общем спряжении личные окончания 1-го и 2-го лица как по форме, так и по происхождению тождественны лично-притяжательным суффиксам. Формы трех лиц совпадают с показателями числа у существительных [100].

Личные окончания определенного спряжения глагола помимо лица подлежащего указывают на определенность и грамматическое число прямого дополнения.

Полная система форм в определенном спряжении выявляется лишь в северном и (не считая дв. числа) тавдинском диалектах. В северном диалекте 27 окончаний. Из них одинаковы формы 2-го лица, указывающие лицо подлежащего, а также формы, указывающие в 3-м лице мн. числа на прямое дополнение ед. и мн. числа. Кроме этих совпадений есть 20 самостоятельных окончаний определенного спряжения глагола [101].

На определенный объект указывает специальный формальный элемент — показатель прямого дополнения 1 и 2 л. ед. ч. -l-. В противоположность общему спряжению в 3-м лице ед., дв. и мн. числа в роли показателя определенного прямого дополнения выступают личные окончания, совпадающие по форме с соответствующими лично-притяжательными суффиксами. Показатель прямого дополнения дв. числа — -aγ-, мп. числа — -an-.

§ 80. Личные окончания глаголов в определенном (объектном) спряжении [102]:

---

[99] HajdúBev. 148.

[100] HajdúBev. 73 и сл.

[101] Поскольку варианты форм в юкондинском диалекте пока неясны, целесообразно не учитывать материалы этого диалекта. То же самое относится и к нескольким другим исчезнувшим диалектам.

[102] Наряду с формантами северного диалекта мы показываем форманты исчезнувшего тавдинского диалекта, причем личные окончания определенного спряжения приводятся вместе с показателями, указывающими на грамматическое число прямого дополнения.

Число и лицо подлежащего	Сев.	Тав.	Число прямого дополнения
Ед. ч. 1 л.	-ləm	-ləm/-təm	ед. ч.
	-aɣəm	-länəm/-tänəm	дв. ч.
	-anəm		мн. ч.
2 л.	-lən	-lən/-tən	ед. ч.
	-aɣən	-länən/-tänən	дв. ч.
	-an(ən)		мн. ч.
3 л.	-te	-l/-t, -ti(l)	ед. ч.
	-aɣe	-läni/-täni	дв. ч.
	-ane		мн. ч.
Дв. ч. 1 л.	-lamen		ед. ч.
	-aɣmen		дв. ч.
	-anmen		мн. ч.
2 л.	-lən		ед. ч.
	-aɣən		дв. ч.
	-an(ən)		мн. ч.
3 л.	-ten		ед. ч.
	-aɣen		дв. ч.
	-anen		мн. ч.
Мн. ч. 1 л.	-ləw	-lüw/-tüw	ед. ч.
	-aɣəw	-länüw/-tänüw	дв. ч.
	-anəw		мн. ч.
2 л.	-lən	-lənä/-tənä	ед. ч.
	-aɣen	-lannə/-tännə	дв. ч.
	-an(ən)		мн. ч.
3 л.	-anəl		ед. ч.
	-aɣanəl	-län/-tän	дв. ч.
	-anəl		мн. ч.

В юкондском диалекте окончание 3-го лица мн. числа по подлежащему указывает на мн. число прямого дополнения: -änänəl (< -än+-änəl); в тавдинском диалекте окончания, начинающиеся с -t, употребляются в прош. времени.

§ 81. Показатели прямого определенного дополнения в дв. или во мн. числе (*-γ или *-n) восходят к древним показателям дв. или мн. числа (см. М. § 32, 34).

Происхождение показателя прямого определенного дополнения -l- и тав. -t- спорно [103]. По нашему мнению, *-l- и тав. *-t- может происходить от древнего финно-угорского показателя прош. времени. Подобное явление обнаруживается и в хантыйском языке (х. -i- < *j); мс. *-l можно сопоставить с мд. *-l (показателем исторического прошедшего). Относительно *-t- см. пока-

[103] Об указании на определенный прямой объект см. особенно в работах: HajdúBev, 73—78, 140—144; K. R é d e i — ALH XVI 128—133; Liim. Wog. 230—232; Congr. II 313—318; в данных работах приведены и другие литературные источники.

затели прош. времени в венгерском языке -t-, -tt- и т. д. О происхождении собственных окончаний определенного спряжения см. § 79.

§ 82. Основы глагола делятся на многосложные неизменяющиеся, оканчивающиеся на согласный или на гласный и односложные изменяющиеся, оканчивающиеся на гласный (ср. mi-~ ~maj- 'дать', ji(j)-~juw 'приходить' и т. д.). О фонетических вариантах основ см. § 28.

§ 83. Общее (безобъектное) спряжение (глагол с неизменяющейся основой на согласный tot- 'нести').

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Ед. ч.	1 л.	totɐɣəm	Дв. ч.	totimen	Мн. ч.	totew
	2 л.	totɐɣən		totɐɣən		totɐɣən
	3 л.	toti		totɐɣ		totɐɣət

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Ед. ч.	1 л.	totsəm	Дв. ч.	totsəmen	Мн. ч.	totsuw
	2 л.	totsən		totsən		totsən
	3 л.	totəs		totsiɣ		tosət

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Ед. ч. 2 л. totən(-en) Дв ч. toten Мн. ч. toten(-an)

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Ед. ч.	1 л.	totnuwəm	Дв. ч.	totnuwamen	Мн. ч.	totnuwuw
	2 л.	totnuwən		totnuwən		totnuwən
	3 л.	totnuw		totnuwiɣ		totnuwət

Страдательное спряжение

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Ед. ч.	1 л.	totawəm	Дв. ч.	totawemen	Мн. ч.	totawew
	2 л.	totawen		totawen		totawen
	3 л.	totawe		totawɐɣ		totawɐt

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Ед. ч.	1 л.	totwesəm	Дв. ч.	totwesəmen	Мн. ч.	totwesuw
	2 л.	totwesən		totwesən		totwesən
	3 л.	totwes		totwesiɣ		totwesət

*ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ**

Ед. ч. 2 л. wos totawen Дв. ч. wos totawen Мн. ч. wos totawen

*УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ**

Ед. ч.	1 л.	totnuwem	Дв. ч. totnuwamen	Мн. ч.	totnuwew
	2 л.	totnuwen	totnuwen		totnuwen
	3 л.	totnuwe	totnuwen		totnuwet

§ 84. Определенное (объектное) спряжение

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

а) определенное прямое дополнение находится в форме ед. числа:

Ед. ч.	1 л.	totiləm	Дв. ч. totiləmen	Мн. ч.	totiluw
	2 л.	totilən	totilən		totilən
	3 л.	totite	totiten		totijanəl

б) определенное прямое дополнение находится в форме дв. числа:

Ед. ч.	1 л.	totijaγəm	Дв. ч. totijaγmen	Мн. ч.	totijaγuw
	2 л.	totijaγən	totijaγən		totijaγən
	3 л.	totijaγe	totijaγen		totijaγanəl

в) определенное прямое дополнение находится в форме мн. числа:

Ед. ч.	1 л.	totijanəm	Дв. ч. totijanamen	Мн. ч.	totijanuw
	2 л.	totijan(ən)	totijan(ən)		totijan(-ən)
	3 л.	totijane	totijanen		totijanəl

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

а) определенное прямое дополнение находится в форме ед. числа:

Ед. ч.	1 л.	totəsləm	Дв. ч. totəsləmen	Мн. ч.	totəsluw
	2 л.	totəslən	totəslən		totəslən
	3 л.	totəste	totəsten		totsanəl

б) определенное прямое дополнение находится в форме дв. числа:

Ед. ч.	1 л.	totsaγəm	Дв. ч. totsaγmen	Мн. ч.	totsaγuw
	2 л.	totsaγən	totsaγən		totsaγən
	3 л.	totsaγe	totsaγen		totsaγanəl

в) определенное прямое дополнение находится в форме мн. числа:

Ед. ч.	1 л.	totsanəm	Дв. ч. totsanamen	Мн. ч.	totsanuw
	2 л.	totsan(ən)	totsan(ən)		totsan(ən)
	3 л.	totsane	totsanen		totsanəl

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

а) определенное прямое дополнение находится в форме ед. числа:

Ед. ч. 2 л. toteln Дв. ч. toteln Мн. ч. toteln

б) определенное прямое дополнение находится в форме дв. числа:

Ед. ч. 2 л. toteγən Дв. ч. toteγən Мн. ч. toteγən

в) определенное прямое дополнение находится в форме мн. числа:

Ед. ч. 2 л. toten Дв. ч. toten Мн. ч. toten

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

а) определенное прямое дополнение находится в форме ед. числа:

Ед. ч.	1 л.	totnuwləm	Дв. ч. totnuwlamen	Мн. ч.	totnuwluw
	2 л.	totnuwlən	totnuwlən		totnuwlən
	3 л.	totnuwte	totnuwten		totnuwanəl

б) определенное прямое дополнение находится в форме дв. числа:

Ед. ч.	1 л.	totnuwaγəm	Дв. ч. totnuwaγmen	Мн. ч.	totnuwaγuw
	2 л.	totnuwaγən	totnuwaγən		totnuwaγən
	3 л.	totnuwaγe	totnuwaγen		totnuwaγanəl

б) определенное прямое дополнение находится в форме мн. числа:

Ед. ч.	1 л.	totnuwanəm	Дв. ч. totnuwanmen	Мн. ч.	totnuwanuw
	2 л.	totnuwan(ən)	totnuwan(ən)		totnuwan(ən)
	3 л.	totnuwane	totnuwanen		totnuwanəl

§ 85. Неспрягаемые формы глагола грамматически делятся на инфинитив, причастие и деепричастие. Некоторые имена, образованные от глаголов, также сходны с именными формами глагола (см. раздел об именных суффиксах отглагольного образования § 51) [104]. Суффиксы неспрягаемых форм присоединяются непосредственно к основе глагола.

[104] Об инфинитных формах мансийского глагола см.: KispálVIM 252.

Инфинитив образуется посредством суфф. -ŋke (юк. -χ): totuŋke 'нести' (от tot-) и т. д.; -ŋke происходит от ур. *-ŋk [105].

Имеется два причастия: 1) причастие, обозначающее незаконченное действие, протекающее одновременно с действием, выраженным сказуемым; образуется при помощи -ne: totne 'несущий' (от tot-); является продолжением уральского отглагольного суфф. *-n [106]; 2) причастие прош. времени, обозначающее законченное, прошлое действие, образуется при помощи -m: totəm 'унесший', 'унесенный' (от tot-). О его происхождении см. М. § 213.

Деепричастие образуется посредством суфф. -im(a): totim(a) 'неся' (от tot-) и т. д. (О соответствии суфф. -im(a) в хантыйском см. § 131 [107]).

§ 86. Обладая глагольными свойствами, инфинитные формы могут управлять дополнениями и обстоятельствами: urn χāχne χōnt 'войско, идущее в гору' (ur 'гора', -n — лативный суффикс). Инфинитные формы во всех других отношениях ведут себя как имена.

Формы причастия с лично-притяжательными суффиксами могут выступать и как финитные формы (см. еще § 132).

Лично-притяжательные формы причастий

Причастие незаконченного действия

(totne 'несущий')

Ед. ч.	1 л.	totnem	Дв. ч. totnemen	Мн. ч.	totnew
	2 л.	totnen	totnen		totnen
	3 л.	totnete	totnen		totnenəl

Причастие законченного действия

(totəm 'унесший', 'унесенный')

Ед. ч.	1 л.	totməm	Дв. ч. totməmen	Мн. ч.	totmuw
	2 л.	totmən	totmən		totmən
	3 л.	totəm	totmiγ		totmət

§ 87. Для глагола характерно довольно богатое суффиксальное словообразование. Наиболее часто употребляемые суффиксы:

-χat-/-aχt-; используется в отглагольном словообразовании для выражения возвратного действия: masχat- 'одеваться' (mas- 'одевать') и т. д.; восходит к уральскому глагольному *-kt, (см. М. § 262—263);

-l-; используется: а) в отыменном словообразовании, б) в отглагольном словообразовании для выражения повторного дейст-

[105] HajdúBev. 147.
[106] HajdúBev. 146, KispálVIM 67—192.
[107] См.: KispálVIM 193—239, особенно стр. 270 и сл.

вия: śaχənl- 'бить кулаками' (śaχən 'кулак'), ujəl- плавать (часто, в разные стороны)' (uj- 'плавать') и т. д.; восходит к ур. *-l (см. М. § 268—269);

-m-; используется: а) в отыменном словообразовании, б) в отглагольном словообразовании для выражения мгновенного действия: tēlm- 'наступать (о зиме)' (tēli 'зима'), mūrm- 'погрузиться (в воду)', 'утонуть' (mūr- 'погружаться', 'тонуть') и т. д. (о происхождении см. М. § 271—272);

-nt-; используется в отглагольном словообразовании для выражения повторного действия: minant 'хаживать' (min- 'идти') и т. д.; восходит к ф.-у. *-nt, см. М. § 279;

-p-; используется в отглагольном словообразовании для выражения мгновенного действия: masap- 'быстро одеть' (mas- 'одевать') и т. д.; восходит к ур. *-p (*-pp), см. М. § 284;

-s-; используется в отглагольном словообразовании для выражения повторного действия: jalas- 'хаживать' (jal- 'ходить') и т. д.; восходит к ур. *-ś.

-t-; используется: а) в отыменном словообразовании, б) в отглагольном словообразовании для выражения побудительного действия: potərt 'говорить' (potər 'речь'), χańśt- 'учить' (χańś- 'знать') и т. д.; восходит к ур. *-t (*-tt), см. М. § 293—294.

НАРЕЧИЯ

§ 88. Наречия представляют собою застывшие падежные формы местоимений или имен, сохранившие много архаических падежных окончаний. Не исключено, что некоторые из наречий относятся к угорскому или еще более древнему периоду.

Наречия делятся на три основные группы: обозначающие место, время и другие обстоятельства.

Наречия места отвечают на вопросы «где?», «откуда?», «куда?»:

kon 'снаружи', 'вне'	konəl 'извне'	kona, konal' 'наружу'	
numən 'наверху'	numəl 'сверху'	nōnχ, nōŋχal' 'вверх'	
jolən 'внизу' и т. п.			

К наречиям времени относятся: ań 'теперь', ēt'i 'ночью', χoli-l(an) 'завтра' и т. д.

Наречия, обозначающие различные обстоятельства: saka 'очень', pēlpiś 'быстро' (pēlp 'быстрый') и т. д. (их меньше, чем наречий предыдущей группы).

§ 89. Часть наречий образовалась с помощью древних, уже непродуктивных, падежных окончаний, часть — с помощью словообразовательных суффиксов. Первый способ характерен главным образом для наречий места, второй — для наречий последней группы: pēlpiś 'быстро' и т. д.[108]

---

[108] Об окончаниях и образовании мансийских наречий см. Liim Wog. 131—199.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

§ 90. К служебным словам относятся послелоги, союзы и частицы [109].

Послелоги в предложении самостоятельно не употребляются: они связаны с именем или местоимением, имеющим форму им. падежа и расположенным перед послелогом. Послелоги представляют собою застывшие падежные формы местоимений или существительных: ult(t)a 'через', 'сквозь' (происходит от местоименного корня, см. § 137), kiwərt 'в' (на вопрос «где?»), kiwərn 'в' (на вопрос «куда?»), kiwərnəl 'из' (kiwər 'внутренняя часть', 'внутренность') и т. д.

К послелогам могут присоединяться лично-притяжательные суффиксы: am māγsəm 'за меня', nan̆ jotən 'с тобой' и т. д.

Союзы выступают в сочинительной функции: os 'и', man 'или', le ... le 'то ... то' и т. д. Подчинительные союзы являются в действительности относительными местоимениями (см. § 68): matər 'что', χuń 'когда' и т. д. Некоторые частицы также могут выступать и в функции союзов: wos 'пусть', 'что', ke 'если' и т. д.

Функцию союза может иметь и суффикс дв. числа; nēγiγ-χumiγ 'женщина и мужчина' и т. д.

Частицы делятся на 1) усилительные: os 'еще', tōp 'лишь' и т. д., 2) вопросительные: -a: sōl′-a 'правда ли' и т. д., 3) отрицательные: at 'нет', ul 'не' и т. д., 4) выражающие собственно модальность: ke 'если' и т. д.

МЕЖДОМЕТИЯ

§ 91. Междометия выражают отношение говорящего к содержанию сообщения и в действительности представляют собой самостоятельные слова-предложения, например, ku (выражает сожаление), anama 'тж', χata (употребляется для привлечения внимания, порицания), kāj (употребляется для выражения удивления и привлечения внимания), a-a (выражает согласие, утверждение) и т. д.

МОРФОЛОГИЯ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА [110]

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 92. В хантыйском языке существительные имеют два типа склонения: 1) абсолютное, в котором в качестве основы склонения выступает основная форма слова, и 2) лично-притя-

---

[109] В обзоре этих категорий слов мы исходим скорее из практических, чем из теоретических соображений.

[110] Морфология хантыйского языка изложена на основе шурышкарского (северного) диалекта, данные из которого приводятся без помет.

жательное, в котором основой склонения является лично-притяжательная форма существительного.

В абсолютном склонении имя существительное участвует лишь своим общим значением: χotən 'в доме' (χoł 'дом'), pŏχa 'мальчику' (pŏχ 'мальчик') и т. д.

В лично-притяжательном склонении основа оформлена лично-притяжательным суффиксом, который выражает принадлежность соответствующего лица или предмета какому-либо другому лицу или предмету (либо сфере лица или предмета), например: χotemna 'в моем доме' (χot 'дом'), pŏχəla 'его сыну' и т. д.

§ 93. Имена существительные и другие слова, употребляемые в качестве существительных, имеют три грамматических ч и с л а: единственное, двойственное и множественное.

Ед. число выражается нулевой морфемой: χoł 'дом', ńŏχi 'мясо' и т. д. У отдельных слов, имеющих определенные типы основ, могут возникать такие фонетические изменения, которые характерны лишь для ед. числа (абсолютной или основной формы локатива), а также для форм дв. числа. Таким образом, эта форма, в отличие от формы мн. числа, служит вторичной характеристикой ед. числа, например: ut 'лес' (untət 'леса'), jik 'вода' (jiŋkət 'воды'). В восточных диалектах ед. число обозначается лишь нулевой морфемой: wont 'лес' — wontəł 'леса', jəŋk 'вода' — jəŋkət 'воды' и т. д.

Показателем дв. числа является -ŋən (в других диалектах -γən), показателем мн. числа — -(ə)ł.

Числовые показатели присоединяются непосредственно к основе слова. Форманты, выражающие некоторые синтаксические отношения, следуют за показателями числа: χotətna 'в домах', arŋəna '(двум) собакам' (arŋən — форма дв. числа; amp- 'собака') и т. д.

Немаркированная форма ед. числа унаследована из финно-угорского праязыка. Показатель дв. числа -ŋən (или -γən) восходит к прахантыйскому показателю *-kV+nV (V — символ гласного). Элемент *-kV развился из уральского показателя дв. числа *-ka, а элемент *-nV предположительно происходит от уральского показателя мн. числа *-nV. Признак мн. ч. *-ł восходит к уральскому показателю мн. ч. *-ł [111].

§ 94. В системе имен имеются следующие п а д е ж и: номинатив (основной или им. падеж), локатив (падеж обстоятельства места), латив (падеж обстоятельства направления).

Падежные окончания абсолютного склонения: пом. (основной падеж) -ø, лок. -(ə)n, -na, лат. -a.

В соответствии с фонетическим (фонетико-структурным) характером конца слова существительные могут иметь четыре типа склонения (из них I и II типы характерны для слов, оканчивающихся на согласный, а III и IV — для слов, оканчиваю-

[111] HajdúBev. 129, 130—131; Liim. Wog. 12, 23—24.

щихся на гласный): I — склонение с неизменяемой основой (если основа оканчивается на один согласный), II — склонение с изменяемой основой (если основа оканчивается на два согласных), III — склонение с основой на -i (если существительное оканчивается на i), IV — склонение с основой на -a (если существительное оканчивается на a).

Использование одного из двух вариантов (алломорфов) локативного окончания (-(ə)n или -na) зависит от звуковой структуры (от числа слогов) слов, от темпа речи и т. д., на выбор варианта влияет и семантика слов (например, слов, выражающих временны́е отношения), а также жанровые и другие особенности текстов.

§ 95. Склонение существительных.

	I тип (χot 'дом')	II тип (amp- 'собака')
Ед. ч. ном.	χot	ap
лок.	χotən	apən
лат.	χota	ampa
Дв. ч. ном.	χotŋən	apŋən
лок.	χotŋənən	apŋənən
лат.	χotŋəna	apŋəna
Мн. ч. ном.	χotət	ampət
лок.	χotətən	ampətən
лат.	χotəta	ampəta

	III тип (ewi 'девушка')	IV тип (tăχa 'место')
Ед. ч. ном.	ewi	tăχa
лок.	ewijən	tăχajən
лат.	ewija	tăχaja
Дв. ч. ном.	ewəŋən	tăχajŋən
лок.	ewəŋənən	tăχajŋənən
лат.	ewəŋəna	tăχajŋəna
Мн. ч. ном.	ewət	tăχajət
лок.	ewətən	tăχajətən
лат.	ewəta	tăχajəta

При склонении основой слова χu 'мужчина', 'человек' является χuj-, а основой слова ne 'баба', 'женщина' — neŋ-.

Вообще слово χu 'мужчина', 'человек' употребляется только в ед. и дв. числе. Во мн. числе выступает супплетивная форма joχ 'люди', 'народ'.

У слов, выражающих родственные отношения, есть также звательная форма (вокатив): aŋka! 'мать!' (aŋki 'мать') и т. д.

В некоторых словах (в застывших формах) выявляется также транслативный формант, например: šŏrri 'через', 'раз-', 'рас-' (šup 'часть', 'половина чего-л.') и т. д.

Всего в хантыйских диалектах имеется 12 падежей (в том числе и немаркированный аккузатив). В некоторых диалектах выявляются 13—14 основных вариантов падежей. Помимо уже названных падежей (номинатив, аккузатив, локатив, латив, транслатив, вокатив) в различных хантыйских диалектах выявляются еще 1) медиатив-инструменталис (выражающий опосредствованное средство): сург. -at, вах. -tə, -ə, юж.-х. -at; 2) апроксиматив (выражающий приблизительность): сург. -nam, вах. -pa; 3) аблатив: сург. -i, вах. -oγ, юж.-х. -ewə; 4) инструменталис-комитатив: сург., вах. -nat; 5) предикатив: сург. -γə, вах. -ki; 6) компаратив: вах. -niŋət; 7) дистрибутив (выражающий распределительность): сург. -pti(-ta), вах. -lta. Некоторые авторы (К. Карьялайнен, Я. Гуя) к падежным окончаниям относят шур. -li, сург. -ləγ, вах. -ləγ, юж.-х. -tä 'без чего или без кого-л.' По-видимому, данные форманты правильнее было бы отнести к именным словообразовательным суффиксам [112]. В шурышкарском диалекте ряд отношений, для обозначения которых в других диалектах служат падежные окончания, выражается с помощью послелогов; таковы послелоги pela 'к', 'в направлении' (выражает апроксимативное значение), elti 'из', 'от', 'с' (выражает аблативное значение), pilna 'с кем-л., чем-л.' (выражает инструментально-комитативное значение). Другие падежные отношения в шурышкарском диалекте обозначаются с помощью какого-либо из упомянутых падежей. Например, значение медиатива выражается локативом: ma nă̈ŋen săχna mojlalem 'я тебе дарю шубу' (досл. 'я тебя дарю шубой') и т. д.

§ 96. Номинатив (не считая показателей числа) не маркируется в ед., дв. и мн. числе (он выражается нулевой морфемой). Подобным же образом не маркируется и аккузатив.

Окончание лок. *-n (*n + гласный) развилось из ур. *-na, лат. *-a — из ур. *-k. Возможно, что к тому же самому уральскому лат. *-k восходит трапс. -(согласный+) i (или -γ) (но возможно, что в некоторых гласных вариантах он частично происходит от финно-угорского лат. *-j, ср. шур. -(согласный+) i). Древний элемент латива сохранился, по-видимому, также в сходном элементе окончания дистрибутива.

Абл. -i, -oγ, -ewə происходят от послелогов (ср. сев.-х. ewəl(t) 'из', 'от' и т. д.). В элементе e- послелога ewəlt предположительно скрыто уральское указательное местоимение *e. Элемент *-l послелога может быть возведен к угорскому абл. *-l, а элемент *-t к уральскому абл. *-ta [113]. Окончание инструменталиса-комитатива -nat употребляется только в восточно-хантыйских диалектах (его соответствие выявляется в тавдинском наречии мансийского языка и, вероятно, в венгерских диалектах, см. о вен-

[112] SauerNom. 16—19.

[113] K. Radanovics — Eml. Pais. 635—636 (относительно элемента *-t иначе).

терском суфф. -nott M. § 61); окончание -nat может происходить от послелога (ср. *nă 'близость', 'сторона'), но не исключено, что этот формант состоит из двух падежных окончаний. Происхождение окончания -niŋət неизвестно. Возможно, что оно идентично в. -nél/-nál 'у'.

Окончание вок. -а (соответствие ему есть и в мансийском языке) исторически, по-видимому, идентично показателю повелительного наклонения [114].

История окончаний апроксиматива -nam, -pa, дистрибутива -pti(-ta), -lta, предикатива -γə, -ki (усилительная частица?) еще недостаточно исследована.

§ 97. Лично-притяжательные суффиксы служат, с одной стороны, для выражения принадлежности обладаемого грамматическому лицу (или его сфере), с другой стороны — для выражения грамматического числа обладателя и обладаемого.

Лично-притяжательные суффиксы состоят из элемента, указывающего на число обладаемого, и из собственно-личного суффикса.

Обладаемое в ед. числе выражается основой существительного (нулевой морфемой) + собственно-личный суффикс. Суффикс дв. числа обладаемого — -ŋəl- (в других диалектах, например, в ваховском -γəl(-) и т. д.), суффикс, указывающий на обладаемое во мн. числе, — -l- (распространен во всех диалектах хантыйского языка).

Непосредственно к основе слова присоединяется суффикс, выражающий число обладаемого, а вслед за ним — собственно-личный суффикс, показывающий принадлежность (отношение и т. д.) обладаемого к грамматическому лицу.

Во всех хантыйских диалектах существительные с лично-притяжательными суффиксами склоняются одинаково (не считая некоторых фонетических расхождений).

§ 98. Лично-притяжательные суффиксы.

Число и лицо обладателя	Число обладаемого		
	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
Ед. ч. 1 л.	-əm	-ŋəlam	-lam
2 л.	-ən	-ŋəlan	-lan
3 л.	-(ə)l	-ŋəlal	-lel
Дв. ч. 1 л.	-əmən	-ŋəlamən	-ləmən
2 л.	-ən	-ŋələn	-lən
3 л.	-ən	-ŋələn	-lən
Мн. ч. 1 л.	-ew	-ŋəluw	-luw
2 л.	-ən	-ŋələn	-lən
3 л.	-el	-ŋəlal	-lal

[114] См. HajdúBev. 120—127; Liim. Wog. 123, 129—130, 192, 200—201 и сл.

§ 99. Лично-притяжательное склонение существительных

		I тип (xot 'дом')	II тип (amp- 'собака')
		а) одно обладаемое	
Ед. ч.	1 л.	χotem	ampem
	2 л.	χoten	ampen
	3 л.	χotəl	ampəl
Дв. ч.	1 л.	χotemən	ampemən
	2 л.	χotən	ampən
	3 л.	χotən	ampən
Мн. ч.	1 л.	χotew	ampew
	2 л.	χotən	ampən
	3 л.	χotel	ampel
		б) два обладаемых	
Ед. ч.	1 л.	χotŋəlam	apŋəlam
	2 л.	χotŋəlan	apŋəlan
	3 л.	χotŋəlal	apŋəlal
Дв. ч.	1 л.	χotŋəlamən	apŋəlamən
	2 л.	χotŋələn	apŋələn
	3 л.	χotŋələn	apŋələn
Мн. ч.	1 л.	χotŋəluw	apŋəluw
	2 л.	χotŋələn	apŋələn
	3 л.	χotŋəlal	apŋəlal
		в) много обладаемых	
Ед. ч.	1 л.	χotlam	aplam
	2 л.	χotlan	aplan
	3 л.	χotlal	aplal
Дв. ч.	1 л.	χotləmən	apləmən
	2 л.	χotlən	aplən
	3 л.	χotlən	aplən
Мн. ч.	1 л.	χotluw	apluw
	2 л.	χotlən	aplən
	3 л.	χotlal	aplal

		III тип (ewi 'девушка')	IV тип (kuśa 'хозяин')
		м) одно обладаемое	
Ед. ч.	1 л.	ewem	kuśajem
	2 л.	ewen	kuśajen
	3 л.	ewel	kuśajəl
Дв. ч.	1 л.	ewemən	kuśajemən
	2 л.	ewan	kuśajən
	3 л.	ewan	kuśajən

Мн. ч.	1 л.	ewew	kuśajew
	2 л.	ewan	kuśajən
	3 л.	ewel	kuśajel

б) два обладаемых

Ед. ч.	1 л.	eweŋəlam	kuśajŋəlam
	2 л.	eweŋəlan	kuśajŋəlan
	3 л.	eweŋəlal	kuśajŋəlal
Дв. ч.	1 л.	eweŋələmən	kuśajŋələmən
	2 л.	eweŋələn	kuśajŋələn
	3 л.	eweŋələn	kuśajŋələn
Мн. ч.	1 л.	eweŋəluw	kuśajŋəluw
	2 л.	eweŋələn	kuśajŋələn
	3 л.	eweŋəlal	kuśajŋəlal

в) много обладаемых

Ед. ч.	1 л.	ewilam	kuśajlam
	2 л.	ewilan	kuśajlan
	3 л.	ewilal	kuśajlal
Дв. ч.	1 л.	ewiləmən	kuśajləmən
	2 л.	ewilən	kuśajlən
	3 л.	ewilən	kuśajlən
Мн. ч.	1 л.	ewiluw	kuśajluw
	2 л.	ewilən	kuśajlən
	3 л.	ewilal	kuśajlal

§ 100. В терминах родства, оканчивающихся на согласный (I тип), в лично-притяжательных суффиксах вместо e выступает ə, например: ŭpəm 'мой свекор' (ŭp 'свекор'), weŋən 'мой зять' (weŋ 'зять'). Лично-притяжательные суффиксы к словам ne 'женщина', χu 'человек', 'мужчина' присоединяются к полным основам на -ŋ или -j (см. § 95).

В западных диалектах хантыйского языка (например, в шурышкарском) лично-притяжательные суффиксы, особенно в форме 3-го лица ед. числа, кроме выражения принадлежности лицу, имеют также общую детерминирующую (указывающую на определенность) функцию, например: laŋkel jŭχa nŏχ χuŋχəs 'белка взбиралась на дерево'. Это явление неизвестно в восточных диалектах хантыйского языка (например, в ваховском диалекте).

К лично-притяжательным формам могут присоединяться и падежные окончания. Сначала к абсолютной форме присоединяются лично-притяжательные суффиксы, за ними следуют падежные, например: mŭwewna 'на нашей земле' (mŭw 'земля', 'область', 'страна'), ikema 'моему дедушке' (iki 'дедушка', 'старик'). В этом отношении порядок в хантыйском языке (лично-притяжательный суффикс + падежный суффикс) совпадает с по-

рядком присоединения, существующем в угорских (и в некоторых других финно-угорских) языках [115].

В восточных диалектах в лично-притяжательных формах, выражающих одно обладаемое, в корне слова может иметь место чередование гласных (см. § 28).

В восточных (сургутском, ваховском) и частично в южных диалектах при указании на одно обладаемое суффиксы 1-го и 2-го лица имеют три варианта: 1) -em (~ -im); -e (~ -in), 2) -am (~-äm); -e (~ -än), 3) -əm, -ən. Употребление того или иного суффикса зависит от следующих условий: 1) если в корне находится гласный верхнего подъема (или он восходит к гласному верхнего подъема) или если корень оканчивается на гласный верхнего подъема; 2) если в корне находится гласный, восходящий к гласному среднего подъема (или чередующийся с гласным среднего подъема), или если корень оканчивается на гласный -e; 3) если в корне выступает гласный нижнего подъема (или он восходит к гласному нижнего подъема) или если слово является термином родства (относится только к части этих терминов) [116].

В западном (шурышкарском) диалекте лично-притяжательные суффиксы выступают лишь в виде -əm, -ən или же (частично в терминах родства) в виде -əm, -ən.

§ 101. Компонент -*γ в суфф. -γəl (~ -γəl) < *-γəl, *-γ, выражающем дв. число обладаемого, идентичен показателю дв. числа (см. М. § 32), элемент же *-l (в том же форманте), вероятно, тождествен суффиксу мн. числа, имеющемуся в виде -l и в суффиксе, выражающем мн. число обладаемого. Относительно происхождения *-l нет удовлетворительного разъяснения [117].

Из собственно лично-притяжательных суффиксов формантьі *-m, *-n и *-l являются рефлексом древних лично-притяжательных суффиксов. Происхождение суфф. 1 л. мн. ч. -w(~ -γ) < *-γ (возможно *-w) нуждается в дальнейшем исследовании [118] (но ср. в. -u/-ü в словах házunk 'наш дом', kertünk 'наш сад' и т. д.). Окончание 1 л. дв. ч. *-mən образовалось от суфф. 1 л. *-m + суфф. 2 л. или дв. ч. *-n.

Помимо упомянутых формантов в некоторых хантыйских диалектах встречаются и другие лично-притяжательные суффиксы. В сургутском диалекте кроме формантa -n, характерного для 2-го лица или дв. числа, встречаются также -e, -a, которые, возможно, происходят от *-γ. В ваховском диалекте элемент -t (в форме 2-го и 3-го лица дв. числа при указании на одно обладаемое, а также в форме 3-го лица мн. числа), по-видимому, также является показателем числа и восходит к показателю мн. ч. *-t

---

[115] Stein OChr.[2] 58.

[116] J. G u l y a. Eastern Ostyak Chrestomathy. IndUnPub. Uralic and Altaic Series № 51. Bloomington, 1966, стр. 58—60; J. G u l y a — NyK LXVIII 10—12.

[117] Liim. Wog. 231.

[118] Liim. Wog. 225—227.

(ср. еще *tV 2-го лица личного местоимения). Происхождение элемента -s (в составе южнохантыйских форм 2-го и 3-го лица дв. числа, а также 2-го лица мн. числа) неясно. Может быть, этот элемент является результатом звукового изменения или звуковой замены, вызванной многочисленностью форм на t, возникших вследствие изменения *$l > l$. Возможно также, что он развился из какого-нибудь показателя мн. числа [119].

§ 102. Известно примерно 100—120 именных словообразовательных суффиксов (существительных и прилагательных).

Чаще всего употребляются следующие словообразовательные суффиксы существительных:

-at; используется в отыменном словообразовании; присоединяется к прилагательным, выражающим количество и меру: χŭwat 'длина' (χŭw 'длинный'), lŏwat 'величина' (*lŏw- 'большой') и т. д.; известен во всех диалектах; происходит от ф.-у. *-tt (см. М. § 241);

-ăt; образовался из самостоятельного слова ăt'дело'; let-ăt 'еда' (досл. 'едящее дело') и т. д.;

-əs; используется в отглагольном, реже в отыменном словообразовании, например: nŏməs 'смысл', 'память'(num- 'помнить'); известен во всех диалектах, но употребляется нечасто; происходит от ф.-у. *-ś (см. М. § 235);

-ĭje; суффикс уменьшительного значения: pŏχĭje 'мальчишка' (pŏχ 'мальчик') и т. д.; известен только в северных диалектах (например, в шурышкарском), где очень употребителен;

-leŋki; суффикс уменьшительно-ласкательного значения: pŏχ-leŋki 'мальчишка' (pŏχ 'мальчик'), woj-leŋki 'зверюшка' (woj 'животное') и т. д.; возник из самостоятельного слова (юж.-х. leŋkə 'бедный' (с оттенком жалости);

-sak- (+ показатель числа): luχəssakŋən 'друзья (мы двое)' и т. д.; употребляется при терминах родства; происходит либо от суффикса, выражающего обладателя, либо от суффикса собирательного значения; его варианты (например, в ваховском диалекте -sa- и др.) известны во всех хантыйских диалектах [120].

При словообразовании имен может иметь место чередование гласных: nŏməs 'смысл', 'память' (num- 'помнить') и т. д. [121]

§ 103. Словосложение существительных в хантыйском языке морфологически не обозначается. Различаются три основных типа словосложения: 1) первый член словосложения — существительное (существительное + существительное), например: loś-pŭḷ 'снежок' (loś 'снег', pŭḷ 'штука', 'кусок'), jŭχ-tăj 'вершина дерева' (jŭχ 'дерево', tăj 'конец', 'вершина'), karti-još 'железная дорога' (karti 'железо', još 'дорога'); 2) первый член словосочетания — прилагательное (прилагательное + существительное): aj-woj 'мышь' (aj

---

[119] О лично-притяжательных суффиксах см. HajdúBev. 68 и сл., 131 и сл.; Liim. Wog. 211—241 с дальнейшей литературой.

[120] О происхождении и связях см. P. H a j d ú — NyK LXXI 61—78.

[121] О суффиксах см. SauerNom.

'малый', 'маленький', woj 'животное'), tŏχləŋ woj 'птица' (tŏχləŋ 'крылатое', woj 'животное'); 3) один из компонентов — причастие наст. времени (причастие наст. времени + существительное или существительное + причастие наст. времени + существительное): let-ăt 'еда' (досл. 'кушающее дело'), woj-welti-χu 'охотник' (досл. 'зверя убивающий мужчина') и т. д.

К особому типу словосложения относятся: 'neŋ-χu 'человек' (досл. 'женщина-мужчина'), ńŏl-sem 'лицо' (досл. 'нос-глаза'), woj-χul 'питание' (досл. 'зверь-рыба').

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 104. Для выражения значений степеней сравнения существуют разные способы.

Значение положительной степени специально не обозначается, например: as šek un pa wŭteŋ 'Обь очень большая и широкая'. Для выражения значений сравнительной и превосходной степеней также нет особых формальных (морфологических) средств. Они выражаются синтаксически, например: iwan met aj 'Иван самый маленький' (met — усилительная частица, которая по функции соответствует венгерскому префиксу превосходной степени leg-; aj 'маленький').

Известны следующие способы выражения степеней сравнения (на основе материала ваховского диалекта):

а) с помощью определенного порядка слов (логического акцента), например: tim kat jəməki, tom kat jəməki 'этот дом хороший, тот дом лучше' (досл. 'хороший');

б) с помощью аналитической конструкции, например: tim kat jəməki, tom kat čəkə jəməki 'этот дом хороший, тот дом очень хороший' (т. е. 'лучше');

в) с помощью аблатива, например: tom kat jəməki tim katoγ 'тот дом лучше этого дома' (абл. katoγ);

г) с участием самостоятельного форманта компаратива, например: tim kat tom katnjŋəl əlʲləki 'этот дом больше того дома' (комп.-njŋəl) [122].

§ 105. Прилагательные чаще всего употребляются в функции определения, которое в этом случае не принимает никакого специального окончания и не согласуется с определяемым существительным, например: pŭti mŭw 'черная земля', tinoŋ χŭlət 'дорогие рыбы'.

Выступая в конструкции со связкой, прилагательное может быть и сказуемым: lŭw aj 'он молод' и т. д. В функции сказуемого прилагательное согласуется с подлежащим в числе, например, kuroratkajt tălən nawet 'глухари зимой белые' и т. д.

---

[122] J. G u l y a — NyK LXVIII 16—17; J. G u l y a. Eastern Ostyak Chrestomathy. IndUnPub. Uralic and Altaic, Series № 51. Bloomington, 1966, стр. 67—68.

§ 106. Хантыйский язык относительно богат словообразовательными суффиксами прилагательных. Особенно употребительны следующие суффиксы:

-əŋ; используется в основном при отыменном, реже при отглагольном словообразовании: linеŋ 'дорогой' (tin 'цена', 'плата'), liləŋ 'живой' (lil 'дыхание', 'жизнь', 'душа') и т. д.; суффикс очень продуктивен, распространен во всех хантыйских диалектах; восходит к фпнно-угорскому *-ŋ (см. М. § 217);

-χŏrpi; используется в отыменном словообразовании: mŭw-χŏrpi 'коричневый' (досл. 'цвета земли') и т. д.; восходит к производному слову (см. ниже суфф. -pi);

-li; используется в отыменном, реже в отглагольном, словообразовании, в изъятельном (каритивном, лишительном) значении: semli 'слепой' (sem 'глаз'), neli 'холостой', 'неженатый' (ne 'женщина'), le(l)li 'голодный' (le- 'есть', 'кушать') и т. д.; продуктивен во всех хантыйских диалектах (см. Sauer Nom. 16—19).

-pi; используется в основном в отыменном словообразовании (используется и в словообразовании существительных): χŏrpi 'какого-л. цвета', 'какой-л. формы' (χŏr 'форма') и т. д.; развился из ф.-у. *-p (см. М. § 226—227);

-šək; используется в отыменном словообразовании в значении 'примерно'; указывает на размер чего-либо (компаративное значение?): un-šək 'довольно большой', 'больше' и т. д.;

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 107. Числительные делятся на пять групп: количественные порядковые, делительные, множительные, дробные.

В основном числительные выполняют ту же роль, что и прилагательные, отличаясь от последних тем, что выражают главным образом количественные (или связанные с количеством) свойства. В предложении числительные и формально ведут себя так же, как и прилагательные.

Неопределенные числительные ar 'много', вах. əjnäm 'все', 'каждый' и т. д. являются по сути дела прилагательными, поэтому в неопределенных числительных, выражающих количество больше одного, употребляется ед. число, например: ar ne 'много женщин'. В определенных случаях числительные могут выступать в качестве существительных и принимать как лично-притяжательные, так и падежные суффиксы.

§ 108. Количественные числительные со значением 'один', 'два' имеют две формы в зависимости от того, выступают ли они в самостоятельной функции или в функции определения; возможно, что данная особенность относится к угорскому периоду (ср. в. kettő, két 'два' и т. д.).

Единицы обозначаются следующими словами: it, i(j) 'один', kătən, kăt 'два', χuləm 'три', ńăl 'четыре', wet 'пять', χut 'шесть', lapət 'семь', ńijol 'восемь', jăťaŋ 'девять'.

Количественные числительные, обозначающие числа от 1 до 8, представляют собой простые слова, и от 1 до 6 — финно-угорского происхождения. Числительные, обозначающие числа 7 и 8, являются словами угорского периода. Слово, обозначающее число 7, вероятно, иранское заимствование угорского периода (ср. санскр. saptá 'семь'). Слово, обозначающее число 8, восходит к прах. *ńi̯ləγ. Корень этого слова *ńi̯l- относится к угорскому периоду, элемент -əγ является, вероятно, отыменным именным словообразовательным суффиксом.

Элемент *ńi̯l- обнаруживается в слове ńil-jaŋ 'восемьдесят', а также в отдельных восточных и южных диалектных словах, обозначающих 'восемьдесят'. Поэтому вполне возможно, что элемент -əγ восходит к показателю дв. ч. *-ka[123].

Слово, обозначающее число 9,— сложное; его диалектные варианты восходят к прахантыйской конструкции əj-ərt-jəŋ 'один — = слишком (лишний) = десять'. Этот тип выражения, вероятно, угорского происхождения: в. kilenc 'девять' < 'десять за исключением одного' (досл. 'за исключением (одного) десять').

Десятки обозначаются следующими словами: ɬjaŋ 'десять', χus 'двадцать', χoĺmaŋ 'тридцать', ńăl-jaŋ 'сорок', wet-jaŋ 'пятьдесят', χuť-jaŋ 'шестьдесят', lapət-jaŋ 'семьдесят', ńil-jaŋ 'восемьдесят', jăr-sot 'девяносто'.

Происхождение слова jaŋ, 'десять' неизвестно, χus 'двадцать' восходит к финно-угорскому периоду. Числительные, обозначающие десятки от 30 до 80, представляют собой сложные слова типа 'три-десять'. Способ образования числительного со значением 'девяносто' аналогичен образованию слова со значением 'девять'.

§ 109. Числительное sot 'сто'— индоиранское заимствование финно-угорского периода (см. индоиран. *śata 'тж')[124]. Числительное śorəs 'тысяча', вероятно, тоже индоиранское заимствование (см. индоиран. *ẑhasra- 'тж')[125].

В западных и восточных диалектах способы образования количественных числительных, обозначающих число от 10 до 20, несколько отличаются друг от друга. Образование числительных, обозначающих число от 11 до 17, происходит с помощью соединительной морфемы — послелога χŏś (< *kăć 'к', 'у'), например: i-χoś-jaŋ 'одиннадцать' (< 'один-к-десять'). Числительное ńi̯jəl-jaŋ 'восемнадцать' имеет конструкцию «восемь + десять». Образование числительного jăr-χus 'девятнадцать' аналогично образованию числительного со значением 'девять'.

В восточных диалектах (например, в ваховском) числительные, выражающие числа от 11 до 18, образуются с помощью конструкции «десять + соединительное слово *ər(ə)ki 'больше', 'излишний',

---

[123] Об угорском слове, обозначающем 'восемь' см. MSzFE. при слове nyolc. Другой точки зрения придерживается К. Редеи, см. NyK LXV 157.

[124] Структурные особенности числительных, обозначающих числа свыше 100, мы не рассматриваем.

[125] Y. Toivonen — FUF XXXII 102.

'слишком', 'сверх меры'+слово, выражающее соответствующую единицу». Порядок расположения элементов противоположен принятому в западных диалектах, например, вах. jöŋ-ərki-əj 'одиннадцать' (< 'десять-лишний-один'). Образование числительного со значением 'девятнадцать' в восточных диалектах, как и в западных, происходит по способу образования числительного со значением 'девять'.

Из двух способов образования числительных (в восточных и западных диалектах) западный тип представляется нам более древним (см. также в мансийском языке). Образование числительных в восточных диалектах близко по способу, свойственному венгерскому языку.

Способ образования числительных, обозначающих числа свыше 20, может различаться даже внутри одного и того же диалекта: шур. χol'maŋ-pela-it 'двадцать один' (досл. 'один по направлении к тридцати'), χus-iɬ 'двадцать один' (досл. 'двадцать-один'), χus-pa-it 'двадцать один' (досл. 'двадцать и один') и т. д. Эти числительные в восточных диалектах (например, в ваховском) образовываются так же, как числительные, обозначающие числа от 11 до 19.

Если числительное со значением 'два' (или числительное, оканчивающееся на слово со значением 'два') выступает в функции определения, определяемое имеет формант дв. числа: kăt arŋən 'две собаки' и т. д.

§ 110. Порядковое числительное oləŋ 'первый' означает досл. 'начало', 'конец', 'первый'. Все следующие за ним порядковые числительные образуются от количественных с помощью суфф. -meɬ (из ур. *-mt[126]): ńălmeɬ 'четвертый' (ńăl 'четыре').

Суфф. -meɬ присоединяется также и к слову oləŋ: oləŋmeɬ 'первый'.

В основах количественных числительных, обозначающих числа от 1 до 10, входящих в состав порядковых, может происходить чередование гласных: kimeɬ 'второй' (<*kit-meɬ, kăt 'два') и т. д.

В ваховском диалекте при образовании порядковых числительных со значением 'сто' и 'тысяча' к соответствующим количественным числительным присоединяется суфф, -ị, например: satị 'сотый' (saɬ 'сто'), śorəsị 'тысячный' (śorəs 'тысяча').

§ 111. Делительные числительные образуются удвоением локативной (локативно-инструментальной) падежной формы соответствующего количественного числительного: χuɬna-χuɬna 'по шесть' и т. д.

В восточных диалектах делительные числительные образуются с помощью суффикса дистрибутивного значения: сург. -(ə) ɬa, вах. -(ə)ɬəl: сург. kuɬɬa, вах. kuɬəɬəl 'по шесть' и т. д.

Множительные числительные образуются от количественных или порядковых путем присоединения к ним слова

[126] HajdúBev. 145—146, см. также SauerNom. 39.

pŭš (< *pįč 'слой', 'раз'), например: kăt-pŭš 'два раза', kimet-pŭš 'во второй раз', сург. kit-pič 'два раза', 'двойной'.

В этой же функции в сургутском диалекте используется слово pįγər (в южном — kes), например, сург. kit pįγər 'два раза'.

В отдельных восточных диалектах (сургутском, ваховском) множительные числительные образуются и с помощью элемента -pa, например: сург. kitpa, вах. ki (t) pä (kippä) 'два раза' [127].

§ 112. Дробные числительные образуются при помощи слов peļək 'половина', tăγtə 'часть' и др., следующих за порядковыми числительными и составляющих с последними единую конструкцию: wetmət peļək 'одна пятая' (wetmət 'пятая'), вах. kulmə (t) tăγtə 'треть' (kulmə (t) 'третья') и т. д.

Дробные числительные часто выражаются описательно, например, вах. ńäń päni peļək 'полтора хлеба' (досл. '(один) хлеб и (одна) половина') [128].

МЕСТОИМЕНИЯ

§ 113. Местоимения разделяются на личные, указательные, вопросительные, относительные, неопределенные, отрицательные и обобщающие.

Личные местоимения делятся на две группы: а) собственно-личные и б) усилительные (возвратные) местоимения.

Собственно-личные местоимения

Ед. ч.	1 л.	ma	Дв. ч.	1 л.	min	Мн. ч.	1 л. mŭη
	2 л.	năη		2 л.	nin		2 л. nin(ət)
	3 л.	lŭw		3 л.	lin		3 л. lŭw(et)

Шурышкарские формы местоимений в 3-м лице ед. и мн. числа совпали (ср. каз. lŭw 'он', liw 'они', вах. lŏγ, ləγ и т. д.). Форма 2-го лица мн. числа в отличие от шурышкарского и других диалектов большей частью совпадает с формой 2-го лица ед. числа (например, вах. nəη).

Корневые формы личных местоимений (ma-, mi-, mŭ-, nă-, ni-, lŭ-, li-) имеют финно-угорское происхождение (см. Л. § 2, 12); -η происходит от угорского местоименного суфф. *-η (или *-ηk) [129]; -w является также местоименным суффиксом, восходящим к уг. *-k. Формант -n в дв. числе, возможно, развился из уральского местоименного суфф. *-n, возможно также, что он происходит из *-n-ового элемента, характерного для дв. числа; -ət во 2-м и 3-м лице мн. числа идентичен показателю мн. числа существи-

[127] О происхождении элемента -pa см. SauerNom. 84.

[128] Числительные, употребляемые в отдельных диалектах, например, сург. at-, вах. ätі- 'один (предмет)', собирательные числительные и т. д. еще недостаточно изучены.

[129] HajdúBev. 148; Э. Вертеш ошибочно объясняет происхождение элемента η из сочетания n+γ; см. Vért. Ostj. 212 и сл.

тельных -t, по аналогии вошедшему в парадигму склонения личных местоимений [130].

Склонение личных местоимений отличается от склонения существительных (имен). Наиболее характерное отклонение состоит в том, что у личных местоимений имеется маркированный аккузатив. (Основа личного местоимения 1-го лица ед. числа в аккузативе — man-):

Ед. ч.	1 л.	manem	Дв. ч.	1 л.	minemən	Мн. ч.	1 л.	mŭŋəw
	2 л.	nă̈ŋen		2 л.	ninan		2 л.	ninan
	3 л.	lŭwel		3 л.	linan		3 л.	lŭwilal

Элементы, выступающие в качестве падежного окончания аккузатива, идентичны лично-притяжательным окончаниям.

В большинстве диалектов для выражения аккузатива личных местоимений служит элемент -t (-at, -et), например: вах. nŏ̈ŋət ‘тебя’. Происхождение этого окончания спорно. Возможно, что оно восходит к указательному местоимению *t-, выступавшему как детерминатор (указывающий на определенность) дейктического употребления [131]. Однако не исключено, что оно является усилительной частицей или восходит к финно-угорскому абл. *-ta/-tä, переосмысленному через употребление в инструментальном (медиативном) значении и родственному венгерскому акк. -t [132].

Склонение личных местоимений в других падежах аналогично склонению существительных, однако несколько окончаний (например, транслатива) в склонении личных местоимений не употребляется.

Падежные окончания часто присоединяются не непосредственно к личным местоимениям, а к их форме, снабженной лично-притяжательными суффиксами, например: lŭwela ‘ему’, ‘для него’. В некоторых диалектах лично-притяжательный суффикс присоединяется к склоняемой форме личного местоимения, например: сург. ləγniŋtil ‘от него’, юж.-х. mànàtem ‘от меня’.

Лично-притяжательные суффиксы часто употребляются в послеложных конструкциях. Послелог обычно имеет лично-притяжательный суффикс, за которым могут следовать падежные окончания, например: mŭŋ χŏ̈śajew ‘у нас’ (χŏ̈śa ‘у’, -ew — лично-притяжательный суффикс), ma jŭwpemna ‘позади меня’ (jŭwpi ‘сзади’, ‘задняя часть’, -em- — лично-притяжательный суффикс, -na — окончание локатива) и т. д.

Усилительные (возвратные) местоимения в диалектах образованы разными способами, но во всех диалектах уси-

---

[130] О личных местоимениях см.: Vért. Ostj. 191—214 и сл., с указанием дополнительной литературы.

[131] HajdúBev. 120.

[132] То же самое явление имеет место и в других финно-угорских языках, в том числе и в мансийском, см. Liim.Wog. 41—44.

лительные личные местоимения manem 'я сам', näηen 'ты сам' и т. д. состоят из корней личных местоимений, оформленных личнопритяжательными суффиксами.

В сургутском (а также и в южном) диалекте к основе местоимения присоединяется лично-притяжательный суффикс с элементом -ə, а в ваховском — с элементом -ti, например: сург. mänə 'я сам', nŏηə 'ты сам' и т. д., вах. mäntim, nŏηtin 'тж' и т. д.

В усилительном местоимении может содержаться также усилительная частица -pi: вах. mämpi (< *män-pi) 'я сам' и т. д.

§ 114. Указательные местоимения выступают в роли существительных, прилагательных и наречий. Указательные местоимения показывают не только на близость (1) или дальность (2) предмета, но также и на то, присутствует ли соответствующее лицо или предмет в конкретной ситуации (3) или только мыслится присутствующим в сознании (речи) говорящих (4). Дейктические, а также анафорические группы этих местоимений образуют в хантыйском языке самостоятельные категории.

Указательные местоимения-существительные имеют две формы: самостоятельную (абсолютную) и определительную (атрибутивную), например: tumi 'тот' и tum juχ 'то дерево' [133].

	(3) Дейктические	(4) Анафорические
(1) Указывающие на близость	tami	śit
(2) Указывающие на дальность	tumi	—

Анафорическое местоимение, указывающее на дальность, встречается в восточных и южных диалектах, например: вах. t'ut 'тот' (анаф.). Убедительных примеров на это из северных диалектов нет.

Указательные местоимения хантыйского языка восходят к древним местоименным корням (см. Л. § 2).

В отдельных диалектах основы указательных местоимений-прилагательных частично отличаются от основ местоимений-существительных. Двоякость в разных диалектах проявляется также и по словообразовательной суффиксации. Различия в диалектах и по диалектам, и по способу их образования хорошо показывает сравнение местоимений шурышкарского и ваховского диалектов:

шур.	tămiś 'такой' (ср. tami)	вах.	tamiŋt
	tumiś 'такой' (ср. tumi)		—
	śimiś 'такой' (ср. śit)		t'imint
			t'umiŋt

Основа местоимений-прилагательных служит также основой для образования абстрактных местоимений, выражающих обстоятельство образа действия, состоящих из корней местоимений-

[133] Мы даем только абсолютные формы, которые склоняются как существительные.

прилагательных и послелогов *ɨtɨ (*iti) 'как', '-образный', например: tam-iti 'так', вах. tatɨ 'тж' [134].

Указательные наречия также восходят к корням указательных местоимений и по своим формам делятся на три группы, соответственно ответам на вопросы 'где?', 'откуда?', 'куда?':

а)	шур. tăta 'здесь' (ср. tami)	tălta 'отсюда'	ti 'сюда'
	вах. tət	təltəγ	təγ
б)	шур. tuta 'там' (ср. tumi)	tulta 'оттуда'	tŏχi ('вот туда')
	вах. tat	taltəγ	taγ
в)	шур. śita ('вот там') (ср. śit)	śilta ('вот оттуда')	śi ('вот туда')
	вах. tŏt	tŏlteγ	tŏγ
г)	шур. śăta 'вот там' (ср. вах. t'ut)	śălta 'вот оттуда'	
	вах. t'u tăγɨnə (досл. 'вот па том месте')		и т. д.

Формы указательных наречий (частично) совпадают с окончаниями вопросительных наречий и наречий места. Происхождение этих окончаний еще не установлено [135].

§ 115. Вопросительные местоимения разделяются на пять групп: 1) местоимения-существительные: χŏj 'кто', 'кто такой', mŭj 'что', 'что такое'; 2) местоимения-прилагательные (местоимения-числительные): mŏla 'что', 'какой', măti 'которые из', kămən 'сколько'; 3) местоименные наречия места: χŏta 'где', χŏlśa 'откуда', χŏlta 'куда'; 4) местоименные наречия времени: χun 'когда'; 5) местоименные наречия образа действия: mŭja 'почему', χŏti 'как' и т. д.

Вопросительные местоимения развились из уральских (финно-угорских) местоименных корней *k + гласный-, *m + гласный- [136].

Относительные местоимения тождественны вопросительным местоимениям. Однако их место в предложении постоянно, они всегда стоят на первом месте.

§ 116. Неопределенные местоимения по структуре делятся на два типа: 1) собственно-неопределенные местоимения, например, χŏjat 'кто-то', molti 'что-то' и т. д., 2) образованные с помощью частицы (большей частью с помощью частицы -ki), присоединяемой к относительным (вопросительным) местоимениям, например: χŏj-ki 'кто-то' χŏta-ki 'где-то', χun-ki 'когда-то' и т. д. В восточном диалекте (ваховском) вместо частицы -ki употребляется усилительный элемент -kăm, например: kojɨ-kăm 'кто-то', kuntə-kăm 'когда-то'.

---

[134] W. Steinitz. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966, стр. 208.

[135] По данному вопросу см.: Vért. Ostj. 101—133; 218—226; Liim. Wog. 45, 162—194 и сл.

[136] См. Vért. Ostj. 134—155, 255—257 и сл.

§ 117. Только в северных диалектах выявляются отрицательные местоимения типа nemәl-χŏjat 'никто', nemәlti 'ничто' и т. д.

В отрицательных предложениях восточных диалектов в форму отрицательного местоимения входит усилительная частица -pə, присоединяемая к вопросительному местоимению, например: вах. kojį-pə 'никто', kuntə-pə 'никогда'. В отрицательных предложениях южных диалектов используется слово əj 'один', присоединяемое к вопросительному местоимению, например: əj-χŏjə 'никто', əj-χun 'никогда' и т. д.

§ 118. Обобщающих местоимений относительно немного, например: kašəŋ 'каждый', 'всякий', isa 'все', 'каждый', tuχəl 'некоторый' [137].

ГЛАГОЛ

§ 119. Спрягаемые формы глагола (verbum finitum) выражают лицо, число, время и наклонение. Помимо этого у глаголов есть активное и пассивное спряжение, а в пределах активного — общее (безобъектное) и определенное (объектное) спряжение.

По общему спряжению могут спрягаться глаголы 1) непереходные (интранзитивные) и 2) переходные (транзитивные). Если глагол непереходный, то окончание глагола указывает только число и лицо подлежащего, например, mŭŋ jŏχətsuw 'мы прибыли'. При переходном глаголе в предложении может стоять неопределенное прямое дополнение, например, joχ ar woj wellət 'люди ловят много зверя'.

Определенное спряжение употребляется тогда, когда в предложении имеется определенное (детерминированное) прямое дополнение. В этом спряжении глагольное окончание помимо подлежащего указывает на определенность прямого объекта, а также на грамматическое число этого объекта, например: ma χotŋən wersəlam 'я строил (два) дома' (дв. ч.), ср. ma aj χot wersem 'я сделал (тот) маленький дом'.

В известных случаях прямое дополнение может употребляться и при непереходных глаголах, например, mŭŋ kew kăt-lem śos măŧsew 'мы ходили (опред. спр.!) по Уралу (досл. 'Урал' — вин. п. места) примерно два часа' (вин. п. времени).[138]

По страдательному спряжению обычно спрягаются переходные глаголы, например, lĭjem pella 'мой палец прокалывается'. Но и у непереходного глагола может быть страдательная форма, например, вах. kuləŋ-jį̆γəl săγį̆ mənli 'они едут (досл. 'идут') по (речушке) Куленг'.

Выражение времени действия имеет в диалектах разные типы. В каждом диалекте имеется одна форма наст. времени, которая

---

[137] Об относительных, неопределенных, отрицательных и обобщающих местоимениях в хантыйском языке см. Vért. Ostj. 156—188, 255—257 и сл.

[138] См. J. Gulya — NyK LXIX 389—394.

может обозначать по смыслу и будущее действие (состояние), например, ma aləη săχat măn̮lə̆m ‘я ухожу утром’. Для выражения будущего действия часто служит форма наст. времени с суффиксом начинательного значения. Если необходимо подчеркнуть будущность действия (состояния), употребляется аналитическая конструкция с глаголом pit- ‘начинать’, ‘брать’. Для выражения прош. времени в шурышкарском диалекте употребляются две глагольные парадигмы в зависимости от того, подчеркивается ли действительность (очевидность) действия (процесса) или же рассказывается о событии, очевидцем которого говорящий не был (perfectum historicum ‘историческое, неочевидное прошедшее’). Для выражения данного значения в шурышкарском диалекте служат формы причастия законченного действия с лично-притяжательными суффиксами. В восточном диалекте (например, в ваховском) имеется четыре самостоятельных прош. времени, образованные четырьмя самостоятельными элементами: эти формы времен помимо упомянутых различий указывают на то, недавно или давно происходило действие.

Среди наклонений общеизвестны изъявительное и повелительное (последнее в сургутском и южном диалектах выявляется и в страдательном спряжении). Формой условно-желательного наклонения частично может служить аналитическая конструкция[139].

§ 120. Непосредственно к основе глагола присоединяются показатели времен и наклонений. Суффикс страдательного глагола всегда ставится после показателей времени. Личные окончания, указывающие на лицо и число субъекта, а также и на определенный прямой объект, присоединяются к глаголу в последнюю очередь.

§ 121. Показателем настоящего времени глагола в изъявительном наклонении является -l-, распространенный во всех хантыйских диалектах. Во 2-м и 3-м лице ед. числа, а также в 3-м лице мн. числа в ваховском диалекте употребляется -w, а после глагольных корней, оканчивающихся на -m-, — показатель -p-. Из показателей прош. времени наиболее распространен -s-, встречающийся во всех диалектах за исключением сургутского (юганского говора) и южного. В нескольких диалектах для обозначения прош. времени употребляется также нулевая морфема, поэтому в них личные окончания следуют непосредственно за корнем глагола. Показатель прош. времени в северном диалекте -s-; в сургутском (юганском говоре) и в южном диалекте -ø- является единственным показателем прош. времени, а в сургутском (тромюганском говоре) и ваховском диалекте — показателем одного из прош. времен (в ваховском — показатель давнопрошедшего очевидного).

---

[139] W. Steinitz. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen, I. Tartu, 1933, стр. 50; E. Sámson — NyK LXVI 263—278; A. Jászó — NyK LXXI 123—127 и сл.

Если прош. время не маркировано показателем, в корне может происходить чередование гласных (см. § 28).

В восточном (ваховском) диалекте есть еще два форманта, выражающих прош. время: -γas и -γal. Они обозначают исторический (неочевидный) перфект.

§ 122. Показатель -l- наст. времени (< прах. *-l-) восходит к древнему *-l-, выражавшему повторное действие (см. М. § 268). Показатель -w-(-p-) в ваховском диалекте восходит к древнему суффиксу отглагольных имен (имен действия) (см. М. § 227).

Показатель прош. времени -s- (прах. *-s-) происходит от уральского показателя прош. времени *-ś- (см. М. § 143). Немаркированная форма прош. времени, возможно, унаследована от праязыка [140]. Неясно, является ли элемент γ в формах -γas и -γal частью переразложенной основы или показателем прош. времени [141]. Окончание -iγən (а также -ot в южном диалекте) 3-го лица ед. числа немаркированного прош. времени до сих пор не объяснено.

§ 123. Изъявительное наклонение показателя не имеет. Показателем повелительного наклонения общего спряжения является -a (см. форму 2 л. ед. ч.), а в определенном спряжении — i (см. форму 2 л. ед. ч., указывающую на одно обладаемое).

Повеление, обращенное к 3-му лицу (иногда и к 1-му лицу) выражается аналитической конструкцией «частица at 'пусть'+ форма наст. времени изъявительного наклонения смыслового глагола».

В восточных диалектах (наиболее полно — в сургутском) и частично в южных наряду с парадигмой повелительного наклонения есть также парадигма желательного наклонения, например, вах. mənäti '(чтобы он) пошел' [142].

Условно-желательное значение выражается с помощью какой-либо частицы (-ki, lulən, вах. tăm, tŏŋ,-pə и т. д.) и соответствующей спрягаемой формы глагола, например, poškan-ki tăjləm lulən woj welləm 'если бы я имел ружье', я бы убил зверя'.

В восточных (сургутском, ваховском) и южных диалектах условное наклонение может выражаться также формой, состоящей из глагольного корня+суффикс имени действия (-ŋ- или -γ-)+ лично-притяжательный суффикс, например, вах. mä t'i kul liŋäm mənləm 'если я эту рыбу съем, то уйду'.

§ 124. Отсутствие показателя изъявительного наклонения является древней особенностью.

Показатель повелительного наклонения происходит от уральского показателя наклонения *-k [143]. Показатель условного накло-

---

[140] E. Sámson — NyK LXVI 206—207.
[141] E. Sámson — NyK LXVI 273—274.
[142] K. Karjalainen — MSFOu. № 128 в разных местах.
[143] HajdúBev. 136.

нения -ŋ- (-γ-) является, вероятно, суффиксом древнего имени действия (см. М. § 218).

При общем и определенном спряжениях специального залогового показателя нет. Суффиксом страдательного глагола является гласный + j (в абсолютном конце слова только гласный): шур. -aj-, -a, вах. -uj-, -i; в 3-м лице дв. числа -aγən, в 3-м лице мн. числа — -atət и т. д. В ваховском диалекте суффикс страдательного спряжения *-uj- не подчиняется правилам гармонии гласных.

Подобно другим уральским языкам, имеющим парадигму страдательного спряжения, действительное спряжение в хантыйском не имеет специального показателя. История хантыйского суффикса *-гласный+j еще не выяснена.

§ 125. Личные окончания общего (безобъектного) спряжения:

Ед. ч.	1 л.	-əm	Дв. ч. 1 л.	-məŋ	Мн. ч. 1 л. -uw
	2 л.	-ən	2 л.	-təŋ	2 л. -əti
	3 л.	-ø	3 л.	-ŋəŋ	3 л. -ət

Личные окончания общего спряжения выявляются в общей парадигме, а также в страдательной, следуя за суффиксом страдательного спряжения. Состав этих суффиксов, не считая закономерных фонетических расхождений, и употребление — едины во всех диалектах хантыйского языка. В 3-м лице мн. числа определенных эргативных конструкций в ваховском диалекте имеется формант -təl.

§ 126. Личные окончания в 1-м и 2-м лицах общего спряжения по составу и происхождению аналогичны лично-притяжательным суффиксам. Форманты 3-го лица совпадают с показателями числа существительных. Личные окончания общего спряжения в глагольной парадигме, по-видимому, вторичны [144].

Личные окончания определенного спряжения помимо лица субъекта указывают также и на грамматическое число определенного прямого объекта. Эта система наиболее полно проявляется в восточных диалектах (в наименьшей степени в отдельных южных диалектах). Поэтому личные окончания определенного спряжения рассматриваются нами не только в шурышкарском (западном), но и в ваховском (восточном) диалекте.

У глагола в определенном спряжении возможны 27 форм (по числу подлежащего — 3, по лицу — 3, по грамматическому числу объекта — 3). Эта система почти в полном объеме выявляется в ваховском диалекте.

В шурышкарском диалекте личные окончания выражают лишь противопоставление ед. числа не-единственному (т. е. дв. или мн.) числу объекта. Но и эти отношения выражаются лишь в 1-м и 2-м лицах ед. числа, в 1-м лице дв. числа, а также в 1-м и 3-м лицах мн. числа. В 3-м лице ед. числа, а также во 2-м лице дв. числа

[144] HajdúBev. 73 и сл.

различия в числе объектов не обозначаются. Поэтому количество личных окончаний глагола в шурышкарском диалекте составляет 14. Однако личные окончания определенного спряжения во 2-м и 3-м лицах дв. числа и во 2-м лице мн. числа одинаковы (шур. -lən, вах. -tən). Учитывая и эти совпадения, число личных показателей глагола определенного спряжения в шурышкарском диалекте составляет 12, а в ваховском — 21.

§ 127. Личные окончания глаголов в определенном (объектном) спряжении.

Число, лицо подлежащего		Число прямого дополнения
	Шур.	Вах.	
Ед. ч. 1 л.	-em	-im	ед. ч.
	-lam	-əγläm	дв. ч.
		-läm	мн. ч.
2 л.	-en	-in	ед. ч.
	-lan	-əγlän	дв. ч.
		-län	мн. ч.
3 л.		-tə	ед. ч.
	-li	-γəl	дв. ч.
		-əl	мн. ч.
Дв. ч. 1 л.	-emən	-imən	ед. ч.
	-ləmən	-əγlämən	дв. ч.
		-lämən	мн. ч.
2 л.		-tən	ед. ч.
	-lən	-əγlin	дв. ч.
		-lin	мн. ч.
3 л.		-tən	ед. ч.
	-lən	-əγlin	дв. ч.
		-lin	мн. ч.
Мн. ч. 1 л.	-ew	-üγ	ед. ч.
	-luw	-əγlŏγ	дв. ч.
		-lŏγ	мн. ч.
2 л.		-tən	ед. ч.
	-lən	-əγlin	дв. ч.
		-lin	мн. ч.
3 л.	-el	-il	ед. ч.
	-lal	-əγläl	дв. ч.
		-läl	мн. ч.

С точки зрения описательной грамматики окончания шурышкарского диалекта -lam, -lan, -li, -lən, -luw, -lal в положении между гласными имеют факультативные варианты -əllam, -əllan, -əlli, -əllən, -əlluw, -əllal. Это явление распространено по всей территории северного диалекта. В ваховском диалекте -əl встре-

чается и в виде -əllə. Ваховский суфф. -üγ состоит из *-i +ŏγ. В некоторых южных диалектах во 2-м и 3-м лицах дв. числа, а также во 2-м лице мн. числа выступает форма на -s (так же, как в формах с лично-притяжательными суффиксами).

Личные окончания глагола в определенном спряжении в основных чертах (но не полностью!) совпадают с лично-притяжательными суффиксами.

В шурышкарском диалекте как лично-притяжательные суффиксы, так и личные глагольные окончания определенного спряжения значительно выравнялись (ср. их, например, с подобными формантами ваховского диалекта). Вместе с тем шурышкарская система глагольных отношений определенного спряжения значительно проще ваховской системы (см. выше). Относительно простая система в шурышкарском диалекте, возможно, является результатом упрощения (обратного процесса), но можно предположить также, что в этом диалекте (как и в северных, и еще больше — в отдельных южных) система парадигм полностью так и не развилась.

В ваховском диалекте личные суффиксы, указывающие на определенный объект в дв. и мн. числе, полностью идентичны соответствующим лично-притяжательным суффиксам. Одинаковы также формы 2-го и 3-го лица дв. числа, указывающие на определенный прямой объект в ед. числе, а также формы, точнее форма (см. -tən) 2-го лица мн. числа. В формах 1-го и 2-го лица ед. числа, 1-го лица дв. числа, 1-го и 3-го лица мн. числа, выражающих определенный объект, в отличие от форм с лично-притяжательными суффиксами, появляется элемент -i-. Суфф. -tə 3-го лица ед. числа полностью, а -il 3-го лица мн. числа частично отличаются от лично-притяжательных суффиксов [145].

В шурышкарском диалекте личные окончания, указывающие на определенный прямой объект в не-единственном числе, за исключением форманта 3-го лица ед. числа, идентичны соответствующим лично-притяжательным суффиксам, указывающим на обладаемое во мн. числе. Форма 3-го лица ед. числа одинакова с формой, указывающей на определенный прямой объект в ед. числе. Причина появления варианта с двойным согласным -ll- объясняется, вероятно, фонетически (из-за положения между гласными), но, может быть, этот геминат развился из другого звука (см. показатель дв. числа *-γəl). Форма 3-го лица ед. числа, указывающая на определенный прямой объект в ед. числе, с одной стороны, содержит элемент i, с другой стороны, совпадает с формой, обозначающей определенный прямой объект в не-единственном числе. По-видимому, элементы l, которые кажутся общими, восходят к разным

---

[145] Это различие двух парадигм выявляется и в сургутском диалекте: см. в 3-м лице ед. числа — -təγ (-γ-!), в 1-м лице дв. числа — -təmən, мн. ч. — -təw (соответствующие лично-притяжательные суффиксы: -əл, -mən и -əw).

источникам. Элемент l в ед. числе объектной формы предположительно идентичен элементу -l в лично-притяжательном суффиксе, а элемент l не-единственного числа объектной формы идентичен компоненту -l в составе -lam, -lan и т. д.; суфф. -l, имевшие первоначально разные функции, совпали в одном l, причем в результате фонологического совпадения произошло также выравнивание функций. По всей вероятности l мн. числа формантов -lam, -lan выявляется в форманте -lən, указывающем также на не-единственное число (на 2-е и 3-е лица дв. числа, 2-е лицо мн. числа).

Существующая в современном хантыйском языке система личных окончаний, указывающих на определенный прямой объект, образовалась посредством аналогического взаимовлияния числовых и (собственно)лично-притяжательных суффиксов.

По нашему мнению, в формах 1-го лица ед., дв. и мн. числа, 2-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа, указывающих на определенный прямой объект (см. ваховский и частично сургутский диалекты) кроется древняя морфема *j, указывающая на определенность прямого объекта, которая может быть идентичной финно-угорскому показателю прош. времени *-j [146].

Вообще считается, что форма -tə (вах.) является личным суффиксом, указывающим на определенность и развившимся из указательного местоимения. Не исключено, что данное объяснение соответствует действительности, но оно еще нуждается в подтверждении (см. особенно сург. -təγ, шур. -i : -li и т. д.).

§ 128. Основы глагола делятся на следующие группы:

1) основы на согласный, оканчивающиеся: а) на один согласный (măn- 'идти', -oməs- 'сидеть' и т. д.), б) на (постоянное) сочетание согласных (jonť- 'играть', seγk- 'бить' и т. д.);

2) основы на гласный: а) (древние) односложные (wŭ- 'брать', его полная основа: wŭj-, le- 'кушать', 'есть', его полный корень — lew- и т. д.), б) многосложные, оканчивающиеся на -ə (jastə- 'говорить' и т. д.), в) многосложные, оканчивающиеся на -i (ari- 'петь' и т. д.), д) многосложные, оканчивающиеся на -a (χŏla- 'заканчиваться' и т. д.). Основы, относящиеся к типам б) и д) являются производными.

О фонетических изменениях в основах глагола см. § 28.

§ 129. Общее (безобъектное) спряжение (глагол с основой на согласный wer- 'делать', 'работать'):

---

[146] Развитие показателя прош. времени *-j в элемент, обозначающий определенность, могло идти следующим путем: прошедший > упомянутый > определенный. О взаимосвязи определенного спряжения глагола и прош. времени см.: P. Ravila. Om konjugationens uppkommst i de uraliska språken (Kungl. Humanistiska Vetenskaps-Samfundet i Uppsala. Årsbok, 1948, стр. 58—64; M. Korhonen — MSFOu. № 143, стр. 348 и сл. По данному вопросу см. Hajdú Bev. 73—78, 140—144; K. Rédei — ALH XVI 111—133; MNy LVIII 421—435; M. Liimola — Congr. II 312—318 и т. д.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Ед. ч. 1 л. werlәm	Дв. ч. 1 л. werlәmәn	Мн. ч. 1 л. werluw
2 л. werlәn	2 л. werlәtәn	2 л. werlәti
3 л. werl	3 л. werlәŋәn	3 л. werlәt

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Ед. ч. 1 л. wersәm	Дв. ч. 1 л. wersәmәn	Мн. ч. 1 л. wersuw
2 л. wersәn	2 л. wersәtәn	2 л. wersәti
3 л. werәs	3 л. wersәŋәn	3 л. wersәt

О формах упомянутого исторического прош. времени см. § 132.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Ед. ч. 2 л. wera Дв. ч. 2 л. weratәn Мн. ч. 2 л. werati

Страдательное спряжение

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Ед. ч. 1 л. werlajәm	Дв. ч. 1 л. werlajmәn	Мн. ч. 1 л. werlajuw
2 л. werlajәn	2 л. werlajtәn	2 л. werlajti
3 л. werla	3 л. werlajŋәn	3 л. werlajәt

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Ед. ч. 1 л. wersajәm	Дв. ч. 1 л. wersajmәn	Мн. ч. 1 л. wersajuw
2 л. wersajәn	2 л. wersajtәn	2 л. wersajti
3 л. wersa	3 л. wersajәt	3 л. wersajәt

Других форм страдательного спряжения глагола в шурышкарском диалекте нет.

§ 130. Определенное (объектное) спряжение:

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

а) определенное прямое дополнение находится в форме ед. числа

Ед. ч. 1 л. werlem	Дв. ч. 1 л. werlemәn	Мн. ч. 1 л. werlew
2 л. werlen	2 л. werlәlәn	2 л. werlәlәn
3 л. werlәli	3 л. werlәlәn	3 л. werlel

б) определенное прямое дополнение находится в форме дв. или мн. числа

Ед. ч. 1 л. werlәlam	Дв. ч. 1 л. werlәlmәn	Мн. ч. 1 л. werlәluw
2 л. werlәlan	2 л. werlәlәn	2 л. werlәlәn
3 л. werlәli	3 л. werlәlәn	3 л. werlәlal

в) определенное прямое дополнение находится в форме ед. числа

Ед. ч. 1 л. wersem	Дв. ч. 1 л. wersemən	Мн. ч. 1 л. wersew
2 л. wersen	2 л. wersələn	2 л. wersələn
3 л. wersəli	3 л. wersələn	3 л. wersəlel

б) определенное прямое дополнение находится в форме ед. или мн. числа

Ед. ч. 1 л. wersəlam	Дв. ч. 1 л. wersəlmən	Мн. ч. 1 л. wersəluw
2 л. wersəlan	2 л. wersələn	2 л. wersələn
3 л. wersəli	3 л. wersələn	3 л. wersəlal

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

а) определенное прямое дополнение находится в форме ед. числа

Ед. ч. 2 л. weri Дв. ч. 2 л. weralən Мн. ч. 2 л. weralən

б) определенное прямое дополнение находится в форме ед. или мн. числа

Ед. ч. 2 л. weralən Дв. ч. 2 л. weralən Мн. ч. 2 л. weralən

§ 131. Помимо спрягаемых (финитных) форм у глагола имеются и неспрягаемые формы. К последним относятся инфинитив, причастие и деепричастие.

Суффиксы неспрягаемых форм присоединяются непосредственно к корню глагола.

Инфинитив образуется посредством суфф. -ti (сург. -tåγə, вах. -ta, юж.-х. -tå), например, werti 'делать', 'работать' (от wer-). Суффикс инфинитива восходит к уральскому, девербальному именному суфф. *t- + суффикс латива[147].

Причастия делятся на два типа: 1) причастия, обозначающие незаконченное действие, протекающее одновременно с действием, выраженным сказуемым; образуются посредством суфф. -ti (сург., вах., юж.-х. -tə), например, werti 'работающий', 'делающий', который восходит к тому же девербальному именному суффиксу, что и суффикс инфинитива; 2) причастия прош. времени, обозначающие законченное действие; образуются во всех диалектах с помощью -m, восходящего к уральскому суффиксу, выражавшему процесс действия *-m[148], например werəm 'сделанный', 'приготовленный'.

Суффикс деепричастия, не считая фонетических изменений, является единым для всех диалектов хантыйского языка: -man (сург., вах. -min, юж.-х. -men), например, werman 'работая',

---

[147] HajdúBev. 146—147.

[148] Coll. Comp. 266 и далее. KispálVIM 192 и сл.

ʿработав'; он состоит из древних девербальных именных суфф. *-m и *-n (или же второй компонент восходит к падежному суфф. *-n, выражавшему образ действия). Возможно, что суффикс деепричастия относится к угорскому периоду (ср. в. -ván/-vén).

§ 132. Обладая глагольными свойствами, инфинитные формы могут управлять дополнениями и обстоятельствами. В ваховском диалекте к инфинитиву может присоединяться усилительный суфф. -ti (см. § 137). Поскольку причастия близки к именам, они, употребляясь в неопределительных функциях, могут принимать форманты существительных: а) лично-притяжательные суффиксы, б) падежные окончания (они могут связываться и с послелогами), например, mŭŋ măntew jŭpijn ʿпосле нашего ухода'.

Лично-притяжательные суффиксы, присоединяемые к основе причастий, отличаются от лично-притяжательных суффиксов существительных (в зависимости от диалектов).

В сургутском диалекте причастия могут иметь изъятельные формы с суфф. -ləγ, к которым могут присоединяться лично-притяжательные суффиксы или падежные окончания, например, mənləγámnə jöwəl ʿ(он) приходит (тогда), (когда) я (еще) не ушел' (*досл.* ʿ *в моем неушедшем он приходит*').

В северных диалектах причастия законченного действия (в фольклорных текстах, вероятно, и причастия незаконченного действия), снабженные лично-притяжательными суффиксами, выражают историческое прош. время (perfectum historicum) и выступают в функции финитных форм, например, lŭw măntmel ʿони ушли' и т. д.

Считается, что деепричастия выступают в качестве сказуемого, употребляясь в предложениях типа tăm χop jămа werman ʿэта лодка сделана хорошо', однако, по нашему мнению, werman не является финитной формой, а выступает как деепричастная часть сказуемого со связкой.

Лично-притяжательные формы причастий

I. Причастие незаконченного действия (werti 'делающий')

Ед. ч.	1 л.	wertem	Дв. ч.	1 л.	wertemən	Мн. ч.	1 л.	wertew
	2 л.	werten		2 л.	wertan		2 л.	wertan
	3 л.	wertal		3 л.	wertan		3 л.	wertel

II. Причастие законченного действия (werəm 'сделанный')

Ед. ч.	1 л.	wermem	Дв. ч.	1 л.	wermemən	Мн. ч.	1 л.	wermew
	2 л.	wermen		2 л.	werman		2 л.	werman
	3 л.	wermal		3 л.	werman		3 л.	wermel

§ 133. Для глагола характерно довольно богатое суффиксальное словообразование. Известно около 120 наиболее часто употребляемых суффиксов.

Из глагольных суффиксов можно назвать следующие:

-a-; используется в основном в отглагольном словообразовании (? образует интранзитивные глаголы), например, χŏla- 'заканчиваться' (сург. kŏл- 'тж'); происхождение суффикса неясно;

-ij(ə)l-; *сложный суффикс; используется в отглагольном словообразовании* для выражения многократного и уменьшительного значения, например, jăηχijl- 'похаживать' (jăηχ- 'ходить');

-kəl-; в ваховском и южном диалектах придает глаголу начинательное значение, ср. вах. werəkələ- 'начинать работать' (а также значение будущего времени; wer- 'работать'); в северных диалектах выражает уменьшительное значение

-l-; используется в отглагольном словообразовании для выражения *повторного и мгновенного значения*, например, ńă χərl- 'течь' (ńă χərt- 'лить', и в отыменном словообразовании: pŏtərl- 'говорить' (pŏter 'разговор') и т. д.; о происхождении см. § 87;

-m-; используется в отглагольном словообразовании для выражения мгновенного значения: nawərmə- 'прыгнуть' (nawər- 'прыгать') и т. д. и в отыменном словообразовании: mosəm- 'заболеть' (mos 'болезнь') восходит к ф.-у. *-m, см. М. § 211;

-n-; непродуктивный; используется в отглагольном словообразовании для выражения непереходного и мгновенно-начинательного значений: roχən- 'лопнуть', 'разорваться' (ср. roχ- 'лопаться') и т. д.;

-s-; суффикс прахантыйского происхождения; используется в отглагольном словообразовании (образует интранзитивные глаголы?); amәs- 'сидеть' (amәt- 'садиться', 'сажать') и т. д.;

-tə-; используется главным образом в отглагольном словообразовании для выражения каузативного значения, в отглагольном словообразовании для выражения мгновенного значения и в отыменном словообразовании: kawərt- 'готовить' (kawər- 'вариться') ajəmt 'клеить' (ajəm 'клей') и т. д.; суффиксы древнего происхождения [149].

НАРЕЧИЯ

§ 134. Наречия обычно представляют собой древние застывшие падежные формы местоимений или существительных, которые самостоятельно без падежных окончаний уже не употребляются. Возможно, что некоторые из соответствующих слов уже в угорский период были самостоятельными наречиями, например: kamən 'вне', 'снаружи' (в. kint, мс. kon 'тж').

Наречия — так же как и некоторые местоимения — имеют специфическую архаическую систему застывших падежных окончаний. В этой системе по аналогии получило место и несколько окончаний из склонения существительных, вследствие чего часто возникали параллельные формы.

---

[149] Об образовании хантыйских глаголов см.: Gansch. Verb.

§ 135. Наречия могут обозначать место, время и другие отношения.

Наречия места отвечают на вопрос: «где?», «откуда?», «куда?»: kamən 'снаружи', kaməlta 'снаружи', 'извне', kim 'наружу', numən 'вверху', numəlta 'сверху', noχ 'наверх', iln 'вниз' и др.

К наречиям времени относятся: in 'теперь', šimәl 'в течение короткого времени', jetən 'вечером', χălewət 'сегодня' и т. д.

К наречиям, выражающим другие значения, относится немного слов, например: šek 'очень', wolli 'вплоть', 'полностью', jămа 'хорошо'.

§ 136. У небольшой группы наречий суффиксы совпадают с падежными окончаниями имен существительных, например: jetən 'вечером' (at 'ночь'). Часть из них ныне употребляется только в наречиях. Падежные окончания существительных часто присоединяются к наречиям, уже имеющим древние (застывшие) окончания, например, вах. nomənnə 'наверху' (nomən 'тж'). Иногда бывает, что падежное окончание существительного вторгается в состав наречия и вытесняет оттуда древнее наречное (застывшее падежное) окончание, например: вах. nomoγ 'сверху' (наречная форма: nomәlt 'тж').

Наречия образуются и от прилагательных, например, jămа 'хорошо' (jăm 'хороший', собственно говоря, это — форма латива-транслатива-эссива); вах. jəmət 'хорошо' (jəm 'хороший'; элемент -t с точки зрения описательной грамматики является словообразовательным суффиксом) и т. д.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

§ 137. К служебным словам относятся послелоги, союзы, частицы.

П о с л е л о г и. По происхождению послелоги представляют собою застывшие падежные формы существительных или древние основы указательных местоимений: elti, ewelt (см. § 90). Послелоги в предложении никогда не употребляются самостоятельно (они следуют за именем или местоимением). Имя или местоимение, связанное с послелогом, имеет форму им. падежа: ulti 'через', unta 'до', pĕŋəlna 'около', uгəŋən 'за', 'из-за' и т. д.; например, juš ulti 'через тропу' и т. д. О формах послелогов с лично-притяжательными суффиксами, а также об их употреблении с личными местоимениями см. § 113.

С о ю з ы. Общим способом соединения предложений в хантыйском языке является бессоюзное сочинение, поэтому число союзов относительно невелико; союзом в собственном значении слова является только ра 'и' (вах. pănі 'тж') [150].

В функции союза (обычно в сложноподчиненных предложениях) часто употребляются и относительные местоимения, например, вах. kojį əntə ropįltəwəl, əntə liwəl 'кто не работает, тот не ест'.

[150] О происхождении см. SauerNom. 84.

Имеется также несколько парных союзов, например: mŭj-kem... śi-kem 'чем... тем'.

Функцию союза выполняет также дв. число, например, вах. imɣən-ikkən 'старуха и старик'.

Частицы играют важную роль при передаче отношения говорящего к содержанию предложения, например, при утверждении и отрицании: ăt (вах. əntə) 'не', 'нет', al 'не', lŭwət ăt jŏχəlsət 'они не пришли (домой)', al jŭwa! 'не приходи!'. Часто употребляются частицы tup 'только', 'лишь', at 'пусть' и т. д.

О служебных словах и суффиксальных частицах, участвующих в образовании условного наклонения, см. § 123.

В ваховском диалекте к отдельным падежным окончаниям может присоединяться усилительный элемент -t(i): juɣat '(сходить) за дровами' (juɣa — форма ед. ч. латива), onəltəɣəltatį 'мы (пошли) учиться' (onəltəɣəlta — форма инфинитива) и т. д.

МЕЖДОМЕТИЯ

§ 138. Междометия выступают в роли слов-предложений: ej (употребляется для привлечения внимания), ja 'тж', kaj (при сочувствии, сожалении), anana (при боли, испуге), вах. ojəɣ (при боли), jăkəja (при сочувствии, сожалении), kəš (употребляется при призыве к тишине, для привлечения внимания), o (выражает досаду, испуг) и т. д.

ЛЕКСИКА

§ 139. После распада угорской общности (примерно в начале первого тысячелетия до н. э.) предки обских угров еще некоторое время оставались на своей угорской прародине между рекой Камой и лесистой местностью Урала. Вскоре после окончательного разделения угров сюда переселился из Западной Сибири неизвестный палеоазиатский охотничий народ. Мы не знаем, какими изменениями в языке (особенно в лексике) сопровождалось смешение этих двух народов; нам известен только конечный результат: язык формировавшейся этнической группы был финно-угорский. Именно тогда в язык предков манси и ханты могло попасть слово рог, которое и сейчас является названием одной из двух фратрий (слово рог относится к слившемуся с ними охотничьему народу, от которого и взят данный этноним). Вероятно, к этому времени относится и имя бога у обско-угорских народов — tōrəm.

Слова, являющиеся общими для мансийского и хантыйского языков, но не относящиеся к прафинно-угорскому периоду и не заимствованные из других известных языков, мы считаем словами обско-угорского периода. Они могли возникнуть либо в результате самостоятельного развития обско-угорского праязыка, либо

попали в обско-угорский праязык из языка неизвестного народа, соприкасавшегося с обскими уграми.

Обилие слов, обозначающих охотничье и рыболовное снаряжение, указывает на то, что рыбная ловля и охота были основным занятием обских угров.

По сравнению с угорской обско-угорская лексика обогатилась глаголами, обозначающими различные действия, звукоподражательными и изобразительными глаголами, названиями ряда орудий труда, одежды, предметов жилищного быта, ранее не встречавшимися названиями животных. Бросается в глаза обогащение языка словами, называющими отвлеченные понятия, относящиеся к духовной жизни, религии и т. п.

Вероятно к этому периоду относятся слова, обозначающие следующие понятия:

а) части тела — 'ребро': со. ōŋtil, нкон. oŋteĺ, каз. ŏŋti, юг. ăŋti, тю., вах. ŏŋtį; 'зад': мс. puj, юг. puj; 'лопатка': мс. roŋkəl, юг. påŋkəл; 'плечо': сев.-мс. wāŋən, юг. wån;

б) предметы природы — 'гнилье', 'трухлявый' (о дереве): со. sāp, нкон. sŏp, каз. (фольк.) šerəŋ 'труха', сург. čăp 'гнилье', вю. čew; 'камедь', 'смола': со. ōŋχ, каз. ǫŋχ, обд. ǫŋχ, сург. oŋk, вах. oŋk; 'коса', 'отмель на реке': сев.-мс. āŋarі 'выступающий', каз. ăŋarі 'коса', тю., вю. ŏŋar; 'луг', 'покос': нкон. ōjt, каз. wǫjət, обд. ojət; 'огонь': со. nāj, нкон. nŏj 'солнце', 'огонь', вах. näj 'огонь'; 'солнце', 'день': со. χōtal, нкон. χotəl ~ χōtəl, юг. katл; 'столб', 'пень': со. āŋkal, нкон. ăŋkl, каз. aŋkəл, обд. åŋkəl, сург. åŋkəл, вах. äŋkəl;

в) животный мир — 'животное': со. ūj, нкон. woj, шур. woj, каз. wɔj, обд. waj, сург. wåjəγ, вах. wajəγ; 'лиса': мс. oχsar, юг. waksar;

г) виды птиц — 'тинярка': сев.-мс. lūliγ, юг. lulį; вид гагары (утиные): со. sāŋki, нкон. sĭŋk, юг. siŋk; 'таймень': со. āln, каз. алпə, обд. ålən;

д) глаголы, обозначающие явления природы, действия, восприятия — 'надевать', 'опоясывать': со. ēnt- 'опоясывать', вах. ănt- 'надевать'; 'посылать': со., нкон. kēt-, шур., каз. kĭt-, обд., сург., вах. kit-; 'проснуться': сев.-мс. wɔ̄raml-, юг. wăreγл-; 'прыгать с дерева на дерево' (о белке): со. itγal-, itas-, нкон. itγəl-, каз. ĭt-, обд., тю. it-, вю. ütəγtə-; 'рапить': сев.-мс. pisəl-, юг. pəsem; 'шить': со., нкон. jūnt-, юг. juntəm;

з) жилище, занятие, одежда — 'воротник': сев.-мс. rak, юг. rok; 'доска': со. siŋs-jiw 'крайняя доска спальной лавки', кон. siŋŋäs 'передняя доска нар', каз. šĭŋəš, обд. siŋəs; 'игла': со. jūntəp, каз. jĭntəp, обд. jintəw, сург. jįntəp, вах. jįntəw; 'кожа', 'шкура': кон. såw, юг. sŏw; 'кусок', 'часть': со. sup, шур. šup, каз. šǫp, обд. sǫp, сург. ǫop, вах. ǫow: 'морда', 'верша', 'сеть': мс. pon 'сеть', шур., юг. pŏn 'морда', 'верша'; 'посуда': со. āni 'чаша', нкон. ŏnə, шур., каз. an, обд. ån, сург. ånəγ, вах. ąnəγ 'чашка'; 'пояс': со. ēntap, нкон. entəp-, шур., каз. ăntəp, обд.

ăntəp, сург. ĕntəp, вах. ĕntew; 'приданое': влоз. sūsəm, каз. (фольк.) šĭšəpsi; 'свая', 'кол в запоре': со., нкон. ūn, каз. ɔn, обд., вах. an, сург. ån; 'стрела': єркон. sɔ̄mś 'стрела с вилкообразным наконечником', вах. ǯimäs; 'холст': со. sowəl, нкон. šowəl, каз. šŏχəл;

ж) духовная жизнь, верования — 'бог', 'небо': со. tɔ̄rəm, нкон. tɔ̄rəm, каз. tǫrəm, обд. tǫrəm, сург. tŏ̄rəm, вах. torəm; 'век', 'возраст': со. not, нкон. nåt, каз. nǫpət, обд. nǫpət, сург. nŏ̄pət, вах. nopət; 'злой дух': со. ūtpi, каз. wŭ̄ləp, обд. wuləp, тю. uləp.

§ 140. Конец обско-угорского периода можно отнести приблизительно к первым столетиям до нашей эры. Иноязычные влияния за последние две тысячи лет затрагивали уже два отдельно развивающихся языка, однако часто одно и то же влияние действовало и на мансийский, и на хантыйский языки, правда, в разной степени. Часто нельзя решить, попали ли иноязычные слова в каждый из обско-угорских языков отдельно или только в один из них, и из него были заимствованы другим.

Лексика мансийского и хантыйского языков самостоятельно развивалась за счет слов, возникавших путем суффиксального словообразования и словосложения. Новые понятия и предметы обозначаются не только заимствованными словами, но самобытными мансийскими или хантыйскими терминами, например: понятие *пароход* передается словосочетанием своего языка, обозначающим *огненная лодка*, понятие *паровоз* — словосочетанием, обозначающим *огненные сани*, понятие *самолет* — словосочетанием, обозначающим *крылатая лодка*, понятие *проволока* — словосочетанием, обозначающим *железная жила*, понятие *бензин* — словосочетанием, обозначающим *огонь вода* и т. д.

Среди необходимых заимствований, правильно отражающих развитие обско-угорской материальной и духовной культуры, встречаются (хотя и в небольшом количестве) «лишние» заимствования, не совсем точно дублирующие исконно существующие в языке слова для обозначения некоторых понятий, предметов (например, слова, обозначающие такие предметы, как лопата, седло, уздечка, оглобля были в самом хантыйском языке, однако вместо них употреблялись заимствования из коми языка).

Мансийский и хантыйский языки взаимно обогащают друг друга. Значительный слой мансийской лексики составляют слова, перешедшие в нее из языка хантыйского фольклора, например: wojle ɔ̄nle 'почтенный зверь' (имеется в виду медведь); χɔ̄s 'звезда' (имеется в виду медвежий глаз) и т. д.

Обско-угорские языки обогатили лексику языков и других народов (например, русского и ненецкого) словами, относящимися к охоте, рыбной ловле, названиям животных, северных растений и т. д.

§ 141. Самая ранняя связь обских угров с иранскими племенами может относиться примерно к середине I тыс. до н. э., самые

поздние контакты — к VII—VIII вв. н. э. Однако в это время мансийский и хантыйский языки уже отделились друг от друга.

Можно насчитать примерно 15—20 иранских заимствований в обско-угорских языках, например: со. ārpi 'рыбный садок', нкон. wēri, каз. war, обд. wȧr, тю. wăr, вю. wär (др.-иран. или ср.-иран. *warγ- 'водная преграда' : нов.-перс. warγ); со. wɔ̄t 'ветер', нкон. wōt, каз. wɔt, обд., вах. wat, тю. wȧt (др.-иран. или ср.-иран. *wāta- 'ветер'; авест. vāta-).

Только в мансийском имеются слова: со., нкон. kēr 'железо' (ср.-иран. *kĭr- 'нож' : нов.-перс. kārd); со. wāsiγ, сркон. wę̄si 'лосенок' (ср.-иран. *vatsa-ka или *vasa-ka 'теленок' : ср.-перс. vaččak 'детеныш').

Только в хантыйском имеются слова: каз. pănt 'дорога', 'тропа', тю. pĕnt 'полоса' (ср.-иран. pand 'дорога', 'тропа': авест. pand); каз. kartĭ 'железо', обд. kȧrt (ср.-иран. *kart 'нож' : нов.-перс. kārd).

§ 142. Влияние коми языка на мансийский и хантыйский языки началось в X—XI вв. в период, когда носители этих языков жили еще в северо-восточной европейской части нынешней России. Позже на современной территории расселения обских угров их контакты с коми продолжались, более того — они становились еще более интенсивными, поскольку обские угры и коми географически продолжали соприкасаться, кроме того, торговцы коми поддерживали постоянную связь с обскими уграми. В каждом из обско-угорских языков насчитывается около 350 слов, заимствованных из коми языка. В мансийском языке насчитывается примерно 40, а в хантыйском — примерно 70 общих коми-зырянских заимствований. Остальные заимствования выявляются не во всех диалектах. Больше всего коми слов перенято северными диалектами (мансийскими — примерно 130, хантыйскими — примерно 140). Значительно меньше коми слов перешло в восточно-мансийские диалекты (примерно 16) и в восточно-хантыйские диалекты (примерно 22).

Среди заимствований из коми языка особое место занимают названия гужевых транспортных средств и связанных с ними понятий, названий жилища и его оборудования, кушаний, напитков, предметов одежды и т. д. Можно привести следующие примеры: а) жилище — 'окно': со. isnas (as 'отверстие'), каз. ĭsnĭ, обд. isńi, тю. i̯tnənwəs (wəs 'отверстие'), вах. i̯tn̥ən̥wəs (к. ęši̯n, ęśin 'окно'); 'печь': со. kūr, нкон. kū̆r, каз. kǫr, обд. kǫ̑r, тю. ker, вах. kör (к. gor 'печь'); 'стол': со. pasan, нкон. pā̆sən, каз. pă̆san, обд. pă̆sȧn, сург. pĕsȧn, вах. pĕsän (к. pi̯zan 'стол'); 'замок': со. tuman, каз. tŏman, обд., тю., вах. tăman (к. toman 'замок');

б) животноводство — 'корова': со. mis, каз. mĭs, обд. mus, тю. mă̆s, вах. mes (к. męs 'корова'); 'свинья': со. pūrəś, нкон. pūrs, каз. pǫrəś, обд. pǫ̑rəś, тю., вах. porəs (к. porś 'свинья'); 'курица': со. śiśkorak, śiśkurak, śiśkurək 'курица', вкон. kā̆rχ,

каз. šĭškŏrek, обд. šiškŏrex, тю. kujt′ut′kŏrek, ‘петух’ вах. kujt′ŏt′-korek (к. kurɐg ‘курица’);

в) одежда — ‘шелк’: со. jārmak, каз. jermak, тю. jărmak, вах. jermäk (к. jermög ‘шелк’); ‘рубашка’: каз. jernas, обд. jernȧs, тю. jărnas, вах. jernäs (к.-п. j^{e}rnę·s ‘рубашка’); ‘ткань’: со. nuj, каз. nǫj, обд. nǫ̇j, тю. nŏj, вю. nŏj (к. noj ‘ткань’);

г) средства транспорта — ‘седло’: со. inar, каз. ĭnar, тю. inar (к. ẹnịr ‘седло’); ‘сани’: со. tujt, каз. tŭjət, обд. tujət (к. dod′, dojd ‘сани’);

д) торговля — ‘плата’: со. нкон. mēt, каз. mĭt, обд., вю. mit (к. med ‘плата’); ‘мера’: со. mōrt-, нкон. mōrt-, каз. mŏrtalə-, обд. mărtȧlə- (к. murtalnị ‘мерить’); ‘знак’: со. pōs, нкон. pōs, каз. pɔs, обд. pas, тю. pås (к. pas ‘знак’, ‘отметина’); ‘налог’: со. pōt, каз. wǫt, обд. ǫ̇t, тю. wut (к. vot ‘налог’); ‘рубль’: со. sājt, sājət, юж.-кон. *cäät*, каз. šɔjət, šɔjt, обд. sājət, тю. ç̌åɣịt (к. šajt ‘рубль’).

§ 143. Обские угры в прошлом поддерживали тесную связь с самодийцами. В настоящее время северные манси и северные ханты (носители шурышкарского и обдорского диалектов) соприкасаются с тундровыми ненцами, а носители казымского и сургутского диалектов — с лесными ненцами, поэтому их языки взаимно влияют друг на друга. Значительная часть ненецких заимствований относится к терминологии, связанной с оленеводством или обозначает особенности северного края, его природы, мира животных и растений. Приведем следующие примеры:

а) природа — ‘тундра’: обд. χǫ̇j (н. hoj ‘гора’, ‘хребет’, ‘тундра’);

б) животноводство — ‘кастрированный олень’: со. χɔ̄pt, каз. χɔptі, обд. χaptі (п. hāpt ‘кастрированный олень’); ‘украшение на сбруе’: сев.-мс. jāmt′ew ‘повод’, х. *янду* ‘подуздник’ (п. jāmt′u ‘украшение на оленьей сбруе’); ‘олень, вскормленный у чума’: сев.-мс. *ovka*, сы. *okka*, *ōkka*, каз. *abka*, обд. awkkȧ (п. āwka ‘олень, вскормленный около чума’); ‘олененок’: шур. sŭjəw, обд. sujew (п. sūjū ‘олений теленок’); ‘уздечка и части к ней’: со. śanəw ‘олешья уздечка и костяные части’, каз. śanəw, обд. śȧn (п. śān ‘плоская костяшка на узде оленьей упряжки’);

в) одежда — ‘малица’: со. mɔl′śaŋ, каз. mɔlśi, обд. mal′śȧŋ п. māl′t′e ‘малица’).

Селькупские заимствования мы можем зафиксировать с уверенностью лишь в ваховском, васюганском и верхнекалымском диалектах хантыйского языка. Хантыйская и селькупская языковые территории граничат друг с другом, а частые смешанные браки создают благоприятные условия для заимствования слов. Уже в начале века в значительной степени наблюдалось хантыйско-селькупское двуязычие. Число селькупских заимствований в хантыйском языке доходит до 20, большинство из которых являются названиями растений, животных и терминами родства, например: вах., вю. ăγsəl ‘гриб’ (ск. aqsɨl), вах. гăй ‘линь’ (ск. гей ‘линь’;

'Cyprinus tinca'); вах., вю. äńi 'старшая сестра и т. д.' (ск. äńam 'моя старшая сестра'; -m — лично-притяжательный суффикс).

§ 144. Основанная в XIV в. татарская держава простирала свое господство на ханты и манси, живших в то время у нижнего течения Туры, Тобола, Иртыша. Влияние татар распространялось на всю область Тавды и даже на бассейны Нижней Лозьвы, Пелыма и Конды. Манси длительное время жили на общей территории с татарами, от которых зависели и политически; все это способствовало притоку татарских слов (их около 500) в лексику мансийского языка. В тавдинском диалекте, попавшем в окружение татарского языка, и с тех пор фактически исчезнувшем, насчитывалось наибольшее число татарских слов (примерно 400), однако общими для всей старой территории распространения мансийского языка было лишь около 20 татарских заимствований. В северных диалектах число татарских слов составляет примерно 50, в кондинском же диалекте примерно 280. В северные диалекты заимствования из татарского языка попали через другие диалекты, так как северные манси никогда не жили в непосредственном соседстве с татарами. В хантыйском имеется более 100 татарских заимствований. Они распространены главным образом в районе р. Конда. Характер заимствованных слов показывает то экономическое и общественное влияние, которое оказали татары на кондинских манси (о тавдинских манси сведения мы не приводим). Татары познакомили манси с элементами животноводства и земледелия, большое число татарских заимствований относится к названиям жилища, пищи, домашней работы, одежды, торговли. Значительное место занимают слова, обозначающие понятия, связанные с государственным и общественным устройством, верованиями.

В северные диалекты мансийского языка из татарского попали названия лишь нескольких важных культурных растений, широко употребляемых предметов, одежды и т. п. В хантыйском языке выявляется еще меньше таких заимствований. Можно привести следующие примеры:

а) жилище — 'ковер': со. jakan, каз. jăkan, тю. jǎki, юг. jäki (ср. дж. jäkän 'рогожный ковер'); 'ключ': нкон. ośχəs, вдем. ȧt'χəs (ср. казан.-тат. ač̰kyč 'ключ');

б) животноводство и земледелие — 'собака': со. ākar, нкон. ō̆kər, каз. akar, обд, ȧkȧr, вах. ekär (чув. aGar 'собака'); 'хмель': влоз. χomlaχ, нкон. χomləχ, кон. χŏmtaχ (казан.-тат. kolmak 'хмель'); 'стог': влоз. kāpən, нкон. kō̆pən, вдем. kepȧn (тоб.-тат., казан.-тат. kibän 'большой стог'); 'бык': кон. ō̆ks, вдем. ükəs (казан.-тат. ügəz 'бык'); 'горох': влоз. purśaχ, нкон. poršəχ, юж.-х. part'aŋχ (казан.-тат. borčak, burčak 'горох'); 'молоко': нкон. sis-, вдем. sĕs- (тоб.-тат. süs 'цедить (молоко)'); 'корова': нкон, sö̆γr, sȧ̊γr, вдем. să̆γər (тоб.-тат. sêjêr 'корова'): 'овес': влоз. sul, нкон. sol, кош. sŏto, вю. sŏla (тоб.-тат. sulu 'овес'); 'коса': влоз. śōlwa, нкон. śolwə, вдем. t'atχə (казан.-тат. č'alγə̂ 'коса');

в) государство, общество — 'царь', 'король': со. χōn 'властитель', 'князь', каз. χɔn, обд. χan, тю. kån, юг., вах. kan (тоб.-тат., казан.-тат. χan 'король'); 'казак': со. χōsaχ, нкон. χōsəχ, каз. χɔsaχ, обд. χasaχ (казан.-тат. ḵazaḵ 'казак'); 'сокровище': влоз. χōsna 'господство', нкон. χōsnə, каз. χɔsna, обд. χasnȧ (казан.-тат. ḵazna 'сокровище', 'венец'); 'богатство': нкон. pōj, вю. paj (тоб.-тат. bai̯ 'богатый').

§ 145. Интенсивные контакты обских угров с русскими начались не раньше XVII в. Наиболее сильное русское влияние коснулось южных и юго-западных манси (т. е. ныне уже исчезнувших тавдинских, чусовайских, чердынских и турских манси), а также южных ханты (южная ветвь также уже обрусевших ханты проживала тогда в непосредственном соседстве с русскими).

Торговые связи обских угров с русскими, существовавшие издавна, естественно, также оказали влияние на хантыйский и мансийский языки: именно в торговой терминологии насчитывается значительное число заимствованных слов; немало русских заимствований относится и к понятиям, связанным с государственной жизнью.

Русские заимствования XVII и XVIII вв. большей частью нетрудно отличить от русских заимствований советского периода. Число старых русских заимствований в мансийском языке примерно 550, причем в северные говоры попало 240 слов, а в кондинский диалект — примерно 350. Общие заимствования (частично, возможно, самостоятельно друг от друга в северном и кондинском диалектах) составляют около 120 слов. Число русских заимствований в хантыйском языке пока нам неизвестно.

К русским заимствованиям XVII—XVIII вв. мы относим слова, обозначающие:

а) жилище — 'степа': обд. aśt'ene, нкон. kȧlst'ēnə (käl 'дом'); 'свеча': сы. iśwēśsa, каз. ăsweća, обд. ăswećȧ; 'керосин': влоз. karaśśin, нкон. karaśir (< диал. *карасин*); 'лавка': со. lɔ̄waś 'лавка', 'скамья', каз. lɔwaś (< диал. *лавица*); 'самовар': сев.-мс. samwar, нкон. samowar, каз. samawar;

б) занятие — 'служить': со. lusitaŋke, каз. lŭšĭttĭ 'мастер'; со., сы. māśtər, нкон. mɔ̄śter 'мастер', 'ловкий', каз. maśter 'дух', тю. maśtər; 'работа': сы. rūpata, нкон. ropotə, каз. rǫpata (< диал. *робота*); 'работать': сев.-мс. rūpitaŋke, каз. rǫpittĭ, обд. rǫpittȧ, тю. ropil tətaγə, вах. ropilta (диал. < *робит*); 'долото': со. tolota, нкон. tolōte; 'винт': сев.-мс. wint-: winteŋ 'винтовой', каз. wint;

в) питание — 'пирог'; со. pirak, нкон. pərχ, тю., вах. pirik; 'жарить': со. sāritaŋke, каз. šarĭttĭ (< *жарит*); 'сахар': со. sākkar ~ sākkər, каз. sakar, обд. saχər, тю. sȧ́γər, вю. sāγər; 'сухарь': со. sukari, нкон. sükər; тю. sĕγari;

г) одежда — 'юбка': со. jupka, нкон. jüpkə; 'пальто': со. pal'ta, нкон. pȧl'te; 'шарф': со. sārəp, нкон. šarp, каз. šarəp, вю. śär; 'жемчуг': со. śimśak 'серьга', нкон. śimśək (диал. < *земчуг*);

д) торговля — 'аренда': со. ārnta 'долг', нкон. ōrənt, каз. arnən, обд. ârnən, тю. ârənt, вах. ärən; 'лавка': со. lāpka, нкон. lawkə; 'заклад': со. sāklat, нкон. söχlət, каз. sakLat, обд. sâχlăt, тю. sâklăt; 'целковый': со. solkōwi, нкон. silkowoj, каз. sŏLkɔwa, обд. sălkwâj (< диал. *целковой*);

е) государство, общество — 'колхоз': сев.-мс. kolχos, шур. *колхоз*; 'кулак': сев.-мс. kulak; 'народ': сев.-мс. mir 'народ', 'люди'; 'собрание'; нкон. mirkäl 'собрание': (käl 'дом'): каз. mĭr, обд. mur, тю., вах. mir 'мир'; 'наклад' со. nāklat, нкон. naχlət, каз. nakLăt, обд. nâχlât; 'план': со. palan, plan; 'почта': сев.-мс. počta; 'закон': со., нкон. sakon; 'солдат': со. sōltat, нкон. sâltət, каз. sɔLtăt; 'дело': со. tōla, нкон. *телə*, *делə*;

ж) разные значения — 'якорь': со. jākar, нкон. jākor. каз. jakar, обд. jâkăr, вах. jäkər; 'лодка': со. kājk, нкон. kōjəχ, каз. kajək, обд. kâjəχ, тю. kăjuk (диал. *каюк*, *каик*); 'мост': влоз. mūsta, нкон. mostə (< *мосту* — лок.); 'улица': сев.-мс. ul'iś, uliś, нкон. ul'is.

ЛИТЕРАТУРА

[(составлена Я. Г'ул и Э. Шаль)

Баландин А. И., Вахрушева М. П. Мансийский язык. Л., 1957.

Вахрушева М. П. Тюркские элементы в лексике южных манси. — «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», Кафедра языков народов Крайнего Севера, 1960, т. 167.

Гуя Я. [Gulya J.] Древнемансийские диалекты. — CIFU

Кальман Б. [Kálmán B.] Русские заимствования из обско-угорских языков. — ALH I.

Ромбандеева Е. И. Мансийский язык. — Яз. нар. III.

Ромбандеева Е. И. Мансийский (вогульский) язык. М., 1973.

Ромбандеева Е. И. Фонетические особенности в диалектах манси. — ВФЯ II.

Штейниц В. Хантыйский (остяцкий) язык. — Яз. письм. I.

Терешкин Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка, ч. I. Ваховский диалект. М.—Л., 1961.

Терешкин Н. И. Хантыйский язык. — Яз. нар. III.

Чернецов В. Н. Мансийский язык. — Яз. письм. I.

Futaky I. Zum Problem der ostjakischen Quantitätsstruktur. — UAJb. 41.

Futaky I. Zum Vokalismus des Wach-Ostjakischen. — UAJb. 39.

Gulya J. A manysi nyelv szóvégi magánhangzóinak történetéhez. — NyK 62.

Gulya J. Eastern Ostyak Chrestomathy. — IndUnPub. 51.

Gulya J. *Hodu* vagy *hadu*? — MNy. 63; ALH 19.

Gulya J. Vahi osztják nyelvtanulmányok. — NyK 67, 68.

Hajdú P. Bevezetés az uráli nyelvtudományba. Budapest, 1966.

Honti L. Észrevételek a finnugor alapnyelvi szibilánsok és affrikáták képviseleteiről. — NyK 74.

Itkonen E. A finnugor nyelvek hangsúlyviszonyairól. — NyK 56.

Kálmán B. Chrestomathia Vogulica. Budapest, 1963.

Kálmán B. Die Auslautvokale der russischen Lehnwörter im Wogulischen. — UAJb. 28.

Kálmán B. Die russischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1961.

Kálmán B. Vogul Chrestomathy. Bloomington — The Hague, 1965.

Kannisto A. Die tatarischen Lehnwörter im Wogulischen. FUF 17.

Kannisto A. Die Vokalharmonie im Wogulischen. — FUF 14.

Kannisto A. Über einige wogulisch-ostjakische Vokalentsprechungsverhältnisse. — FUF 14.

Kannisto A. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im

Wogulischen vom qualitativen Standpunkt. — MSFOu. 46.

Karjalainen K. F. Zur ostjakischen Lautgeschichte. I. Über den Vokalismus der ersten Silbe. — MSFOu. 23.

Katz H. Kleinigkeiten zur Phonologie des Ostjakischen. — NyK 73.

Korenchy É. Iranische Lehnwörter in den ob-ugrischen Sprachen. Budapest, 1972.

Lakó Gy. Északi-manysi nyelvtanulmányok. — NyÉrt., 8.

Lakó Gy. Újabbkori változások az északi manysi nyelvben. — MTAK 15.

Munkácsi B. A vogul nyelvjárások szóragozásukban ismertetve. Ugor Füzetek II. Budapest, 1894.

Paasonen H. Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan. Zusammengestellt, neu transkribiert und herausgegeben von Kai Donner. — LSFOu. II.

Paasonen H. Über die türkischen Lehnwörter im Ostjakischen. — FUF 2.

Patkanov S. Laut- und Formenlehre der süd-ostjakischen Dialekte. Auf Grund der Sammlungen und grammatischen Aufzeihnungen von S. Patkanov, bearbeitet von D. R. Fuchs. Budapest, 1911.

Radanovics K. Északi-osztják nyelvtan. NyÉrt, 31.

Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970.

Rédei K. Nord-ostjakische Texte (Kazym-Dialekt) mit Skizze der Grammatik. — «Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historishe Klasse. Dritte Folge», Nr. 71. Göttingen, 1968.

Sal É. Az ugor alapnyelv első szótagi palatális magánhangzói. Mskr.

Sal É. Az ugor első szótagi nyílt *ä hangról. — NyK 62.

Sal É. Über die palatalen Vokale der ersten Silbe im Ugrischen. — Congr. I.

Sal É. Zur Frage der vorderen Labialvokale im Ugrischen. — Congr. II.

Steinitz W. Der Vokalismus des Sosva-Wogulischen. — «Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft», I.

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966.

Steinitz W. Einige Kapitel aus der ob-ugrischen Vokalgeschichte. — «Forschen und Wirken», 3.

Steinitz W. Etymologische Beiträge. II. Zu den syrjänischen Lehnwörtern des Obugrischen. — ALH 12.

Steinitz W. Etymologische Beiträge. III. Selkupische Lehnwörter im Ostjakischen. — ALH 13.

Steinitz W. Etymologische Beiträge. IV. Tatarische Lehnwörter im Ostjakischen. — ALH 15.

Steinitz W. Einige Kapitel aus der ob-ugrischen Vokalgeschichte. «Forschen und Wirken», 3.

Steinitz W. Geschichte des finnisch-ugrischen Konsonantismus. Uppsala, 1952.

Steinitz W. Geschichte des ostjakischen Vokalismus. — «Finnisch-ugrische Studien». I [Berlin, 1950].

Steinitz W. Geschichte des wogulischen Vokalismus. — «Finnisch-ugrische Studien». II [Berlin, 1955].

Steinitz W. Magánhangzóilleszkedés az osztjákban. — Nyr. 65.

Steinitz W. Ostjakische Grammatik und Chrestomathie mit Wörterverzeichnis. 2. verbess. Aufl. Leipzig, 1950.

Steinitz W. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten, I. Grammatische Einleitungen und Texte mit Übersetzungen. — ÕEST 31 [Tartu, 1939]; 2. Teil. [Tartu—]Stockholm, 1941.

Steinitz W. Skizze des Vokalismus des Kazymer Dialekts. — Mskr.

Steinitz W. Vokalskizze der Irtyschmundarten. — Mskr.

Steinitz W. Vokalgeschichte der Surguter Mundarten. — Mskr.

Steinitz W. Zur Geschichte des ob-ugrischen Vokalismus. «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschungen», 17.

Steinitz W. Zur ob-ugrischen Vokalgeschichte. — UAJb. 28.

Toivonen Y. H. Beiträge zur Geschichte der finnisch-ugrischen *l*-Laute. — FUF 20.

Toivonen Y. H. Kleiner Beitrag zur Geschichte der finnisch-ugrischen Sibilanten. — MSFOu. 67.

Toivonen Y. H. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen. — FUF 32.

Toivonen Y. H. Zur Geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden Affrikaten. — FUF 19.

Toivonen Y. H. Zur Geschichte einiger finnisch-ugrischer Vokale. — FUF 29.

ДОПОЛНЕНИЕ К ЛИТЕРАТУРЕ

(составлено Е. И. Ромбандеевой)

Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь. Л., 1958.

Баландин А. Н. Падежи субъекта и объекта на службе номинативной и эргативной конструкции глагольного предложения в ваховском диалекте хантыйского языка. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», 1948, №158. Серия востоковедческих наук, вып. 2. СФУгр.

Баландин А. Н. Русские элементы в обско-угорских языках. «В помощь учителю школ Севера», вып. 1. Л., 1949.

Баландин А. Н. Мансийско-хантыйские соответствия сложноподчиненных предложений русского языка. «В помощь учителю школ Севера», вып. VI. Л., 1956.

Баландин А. Н. Изучение обско-угорских языков в советский период. «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», 1960, № 167.

Баландин А. Н. Обско-угорские конструкции глагольного предложения со «скрытым субъектом». — В кн. «Эргативные конструкции предложения в языках различных типов». Л., 1967.

Вавра К. И. Семантический анализ терминов родства угорских языков. — СФУ III.

Емельянов А. И. К вопросу мансийской грамматики. — «Советский Север», вып. 4. Л., 1939.

Картина Л. И. Словосложение имен в мансийском языке. «Просвещение на Крайнем Севере», вып. 8. Л., 1958.

Кузакова Е. А. Служебные части речи в южно-мансийском диалекте. — Там же.

Ромбандеева Е. И. К вопросу о противопоставлении определенности и неопределенности в мансийском языке. — СФУ II.

Ромбандеева Е. И. О так называемых пассивных конструкциях в мансийском языке. «Эргативные конструкции предложения в языках различных типов».

Ромбандеева Е. И. О роли логического ударения в мансийском языке. — ВФ.

Ромбандеева Е. И. К истории образования суффиксов субъективной оценки (на материале мансийского языка) — ВФЯ IV.

Русская Ю. Н. Самоучитель хантыйского языка. Л., 1961.

Сайпахова А. И. Местоименные частицы в мансийском языке. — СФУ I.

Терешкин Н. И. Некоторые особенности ваховского, сургутского и кондинского диалектов хантыйского языка. — «Просвещение на Крайнем Севере», вып. 8.

Хватай-Муха К. Ф. Функции местно-творительного падежа в среднеобском диалекте языка северных ханты. Авт. к. д. Л., 1949.

Черпецов В. Н., Черпецова И. Я. Краткий мансийско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.—Л., 1936.

ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Численность и расселение венгров. На венгерском языке говорят венгры (иначе мадьяры), составляющие основное население Венгрии. Венгры живут также в отдельных районах стран, соседних с Венгрией, и в некоторых отдаленных странах, куда они эмигрировали в XIX и XX вв.

Общая численность венгров составляет около 14 млн. Из них в самой Венгрии живет около 10 млн. (данные 1960 г.), в Румынии — 1600 тыс. (данные 1956 г.), в Югославии 504 368 (в Воеводине — 442 560, в Хорватии — 42 347, в Словении — 10 498; данные 1961 г.), в Чехословакии — 533 934 (в Словакии — 518 782, в Чехии — 15 152; данные 1963 г.), в Советском Союзе 166 тыс. (данные 1970 г.; по данным 1959 г. — 154 738; в основном в Закарпатской области), в Австрии — 11 тыс., (из них в пограничных районах — 5 462; данные 1969 г.), в Соединенных Штатах Америки — 701 637 (данные 1960 г.), в Канаде — 60 тыс. (данные 1954 г.), много венгров живет в Австралии, в Южной Америке и в ряде стран Европы, не перечисленных выше [1].

§ 2. Из истории венгерского народа. Венгры себя называют magyar. Этноним magyar образовался из двух слов-компонентов, первое из которых восходит к слову *mōś* (название фратрии, объединившей часть угров, сопоставляемое с самоназванием обско-угорского народа манси). Происхождение второго компонента неясно; скорее всего в нем скрыто финно-угорское слово,

---

[1] Данные по общей численности венгров, а также по Румынии и Канаде приведены по энциклопедии: «Új Magyar Lexikon», т. IV. Budapest, 1962, стр. 447; данные по Советскому Союзу взяты из газеты «Правда» от 17 апреля 1971 г. и из книги «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, СССР (сводный том)». М., 1962, стр. 186; данные по Чехословакии см.: «Statistická ročenka Československé Socialistické Republiky 1963». Praha, 1963, стр. 67; данные по США см.: J. A. Fishman. Hungarian language maintenance in the United States. Indiana University publications. Uralic and altaic series, v. 62. Bloomington, 1966, стр. 4; данные по Югославии и Австрии любезно предоставлены Институтом языкознания Венгерской Академии наук с ссылкой на следующие источники: L. Rehák. A kisebbségek Jugoszláviában (Manjine u Jugoslaviji). — «Forum». Novi Sad, 1967, стр. 266—267, 440—441; «Oberwarter Zeitung», 21 Dec. 1969 (Österreich).

этимологически тождественное финскому yrkö 'мужчина' [2]. Вне Венгрии этноним magyar почти не употребляется (например, в русском языке слово *мадьяр* малоизвестно); нем. Ungar, фр. Hongrois, англ. Hungarian и т. п. заимствованы из русского языка (непосредственно или при посредничестве других языков); древнерусское *угринъ* восходит к этнониму *оногур*, обозначавшему тюркские племена, но присвоенному русскими и венграм, поскольку последние с оногурами тесно соприкасались. Современный вариант этнонима *венгр* в русский язык перешел из польского путем обратного заимствования, ср. польское węgier, перешедшее также и в литовский язык в виде vengras. Словами *венгр*, *венгерец* русские называли бродячих торговцев, главным образом словаков из Венгрии [3]. У других народов приняты были также и другие названия венгров, например, их ошибочно называли также и гуннами, хотя последние говорили на одном из тюркских языков.

§ 3. Из угорской общности предки венгров выделились в первой половине I тыс. до н. э. Однако не исключено, что у угров и раньше существовало известное членение на северную и южную группы, между которыми связь постоянно поддерживалась, хотя и не очень интенсивно, о чем свидетельствует немногочисленность общеугорских особенностей, отличных от особенностей финско-пермских языков. На базе северной группы формировалась позднее обско-угорская этническая общность, на базе южной — венгерская.

Прародину угров (находившуюся, по-видимому, между нижним и средним течениями реки Камы и лесами Уральских гор) первыми покинули южные угры (т. е. предки венгров); двигаясь по направлению к югу, их основная масса поселилась на лесостепной части южного Приуралья (приблизительно на территории нынешней Башкирии), которую она занимала около тысячи лет [4]. Данная территория считается прародиной венгров, поскольку именно здесь формировалась отдельная от других угров этническая группа правенгров с характерным для нее языком, развившимся от угорской основы, но в отрыве от языка других угров. Поэтому не без основания землям, занятым в то время правенграми, в некоторых источниках присвоено название «Magna Hungaria» 'Правенгрия' (досл. 'Большая Венгрия').

Праугры занимались в основном рыболовством и охотой, из домашних животных использовали, в известной степени, только лошадей и собак. Правенгры же, в результате контактов с иноязычными скотоводческими племенами, постепенно научились скотоводству, в связи с чем они перешли и к конно-кочевому образу жизни.

---

[2] BárcziMSzSz. 194—195; HajdúFNNy. 89, MTESz. II 817.
[3] ZsiraiFgrRok. 145; MagyÖst, 53, 72; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, I. М., 1964, стр. 290.
[4] ALH II 301; HajdúFNNy. 87, 79; MagyÖst. 6.

С тюркоязычными племенами предки венгров общались еще в составе угорской общности; следы встреч сохранились в общих угорских словах тюркского происхождения. По-видимому, и правенгры продолжали соприкасаться с тюркоязычными племенами, хотя явных языковых следов от этих соприкосновений не осталось. Из иноязычных племен, оказавших влияние на экономическое и культурное развитие правенгров, основная роль принадлежит иранским племенам, о чем свидетельствуют относящиеся к той поре иранские заимствования, например, в. tehén 'корова' и tej 'молоко'.

§ 4. Во второй половине V в. н. э. правенгерская этническая общность распалась: основная масса венгров оставила свою прародину и двинулась на юго-запад, потом на запад. Меньшая же часть продолжала жить на востоке и впоследствии смешалась с тюркоязычными племенами. Тем не менее восточные венгры еще долгое время сохраняли свой родной язык. По имеющимся сведениям венгерский католический монах Юлиан, путешествуя в 30-х годах XIII столетия по булгарской территории, встретил группу людей, говоривших на венгерском языке. О продолжительном сохранении венгерского языка на прародине свидетельствуют венгерские племенные названия Gyarmat (<Gyurmot), Jenő (Jeneγ), и, по-видимому, также Nyék, Gyula, Magyar, сохранившиеся и у башкир [5] (некоторые из племенных названий имеют тюркское происхождение).

Передвигаясь с востока на запад, основная часть венгров все больше сходилась с тюркоязычными племенами, с которыми она (добровольно или по принуждению) вступала в продолжительные союзы. Поэтому быт, материальная культура, а также общественное устройство венгров все больше тюркизировались. Венгры «эпохи странствования» сохраняли полукочевой образ жизни, занимаясь прежде всего скотоводством. Однако на местах длительных стоянок они уже знакомились с основами хлебопашества и плодоводства, о чем свидетельствует характер тюркских заимствований того времени (см. § 154).

Менее интенсивна была связь странствующих венгров с аланами (предками осетин); тем не менее из их языка также перенято несколько слов (см. § 153).

Путь странствующих венгров проходил по южным частям нынешней России и Украины. Известны места продолжительных стоянок: территория между нижним течением Дона и реки Кубани; в IX в. район западнее Дона, называемый венграми «Лебедия», а также район между Днепром и нижним Дунаем, получивший венгерское название «Etelköz».

§ 5. Отдельные сведения о праистории венгров (длившейся до их прихода на нынешнюю родину) известны из трудов арабского, персидского, византийского и венгерского происхождения.

---

[5] Gy. Németh — NyK LXVIII 40, 42—43, 48.

Два арабских (X в.) и один персидский источник (XI в.) содержат описание расположения восточно-европейских (в том числе и венгерских) племен IX в., при этом авторы ссылаются на труд своего предшественника, написанный в самом начале X в. Наиболее ценным и надежным источником праистории венгров следует считать известный труд византийского императора X в. Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (De administrando imperio), в котором приводятся достоверные сведения об истории венгров IX в., об их отношении к хазарам и печенегам [6]. В отличие от этого научного источника в венгерских летописях XI—XIII вв. (первые из них до нас дошли только по более поздним изложениям) достоверное описание переплетается с пересказом былин [7].

§ 6. В 896 г. семь племен венгров под предводительством Арпада окончательно перешло Карпаты и обосновалось в бассейне рек Дуная и Тисы [8].

Занимаясь в основном скотоводством, в первое время венгры продолжали вести полукочевой образ жизни, что не мешало им устраивать набеги на западные и балканские страны. Только в XI в. они окончательно перешли к оседлому образу жизни и занялись земледелием.

Смешавшись с местными славянами, венгры научились у них ведению сельского хозяйства, переняли у них образ жизни, элементы материальной и духовной культуры (см. § 60). В отличие от взаимоотношений со славянами (с которыми соприкасались все слои венгерского народа) венгерско-немецкие (точнее венгерско-австрийские) связи с самого начала осуществлялись через высшее дворянство и городское бюргерство (см. § 60).

На своей новой родине венгры постепенно втягивались в сферу влияния Запада, которое особенно усилилось в связи с обращением в христианство в конце X и начале XI в., т. е. в период властвования владетельного князя Геза и его сына — первого венгерского короля Иштвана I (Стефана I, называемого также Иштваном Святым) из династии Арпадов. С именем последнего связано ускорение разложения племенного строя и переход к феодализму.

Венгрия постепенно превращается в сильное централизованное государство среднеевропейского типа. Однако нашествие татар (монголов) на венгерские земли в 1241—1242 гг. привело к разорению Венгрии и к массовому истреблению ее населения. Поэтому после ухода татар в опустошенные безлюдные места венгры охотно пускали и даже приглашали иностранных колонистов: крестьян и ремесленников.

---

[6] MagyŐst, 240—241, 245.

[7] MagyŐst, 251—253.

[8] Данное событие венгерскими историками названо «Завоевание Родины» (Honfoglalás).

§ 7. В XIV—XV вв. Венгрия значительно окрепла. В экономике страны все больший вес занимали городские ремесла и горная промышленность. Хотя почти беспрерывно продолжалась борьба королей Венгрии против крупных феодалов (а также междоусобная борьба между самими феодальными помещиками), централизация государственной власти неуклонно возрастала. В окрепшем государстве венгерские войска под предводительством вождя Хуняди (Hunyadi János) и его сына короля Матьяша (Mátyás «Матвей Корвин») успешно отражали атаки турок, угрожавших в XV в. народам Европы. Возрастание значимости королевской власти в период правления Матьяша (вторая половина XV в.) одновременно означало и ограничение власти крупных феодалов, оно же подготовило переход к сословной организации населения внутри страны. Кроме военных, политических и экономических успехов для Венгрии XV в. характерно было также стремление идти в ногу с достижениями культуры эпохи Возрождения и Гуманизма.

После смерти короля Матьяша централизованное королевское управление снова начало слабеть. Крупные феодалы, не признававшие над собой никакой власти, жестоко эксплуатировали крепостное крестьянство; доведенные до отчаяния, угнетенные массы в 1514 г. под предводительством Д. Дожи (Dózsa György) восстали: разразилась крестьянская война, охватившая почти всю территорию Венгрии. Однако хорошо вооруженным дворянским войскам слабо оснащенные отряды мелких ремесленников и крестьян не могли противостоять, и восстание было потоплено в крови. Потерявшие всякий контроль над собой победители жестоко расправились со своими побежденными противниками, в массовом порядке истребляли участников восстания и провели ряд законов, в результате которых крестьяне лишились даже своих элементарных прав, в том числе права свободного переселения. Раздираемая внутренними противоречиями Венгрия не могла устоять против нового натиска турок, и в 1526 г. у городка Мохач венгерские войска потерпели катастрофическое поражение («Мохачская катастрофа»).

§ 8. В середине XVI в. страна фактически распалась на три части: в западных и северных частях власть перешла в руки австрийского императора из династии Габсбургов, явившегося одновременно и королем Венгрии; в середине страны установилось турецкое владычество, в восточных районах на положении турецкого протектората образовалось трансильванское княжество.

Именно последнее стало носителем национального самосознания венгров, а также и очагом освободительных войн, направленных против Габсбургов, стремившихся низвести Венгрию до положения колонии Австрии. Наиболее крупное из выступлений венгров против Габсбургов относится к началу XVIII в. и связано с именем князя Ф. Ракоци II. Оно потерпело поражение из-за неблаго-

приятной внешнеполитической обстановки и из-за предательства наиболее богатых венгерских феодалов.

Изгнание турок с территории Венгрии в конце XVII в. при помощи иноземных войск послужило Габсбургам поводом считать Венгрию завоеванной территорией. Хотя Венгрия и сохранила некоторые внешние признаки самостоятельности, на самом деле в течение почти двух столетий Австрия эксплуатировала ее как колонию. Для ослабления национального единства венгров страна была разделена на несколько провинций; был проведен также ряд других мероприятий для девенгеризации страны: расселение в чисто венгерских районах представителей других национальностей, прежде всего немцев, ограничение использования венгерского языка в учреждениях и учебных заведениях. Австрийский император Йозеф (Иосиф) II отказался короноваться в Венгрии, не желая признать особую венгерскую конституцию. (После его смерти формальные права «суверенной» Венгрии были снова восстановлены.)

§ 9. Политика Австрии в конце XVIII и начале XIX в. (особенно направленная на ограничение использования венгерского языка) вызывала сильное сопротивление и возмущение. Повсюду крепло чувство национального самосознания, для патриотов стало делом чести пользоваться родным языком, носить венгерскую одежду, танцевать венгерские танцы, заботиться о культурном наследии и о развитии национальной науки. Венгерскими патриотами были основаны Национальный музей и Венгерская Академия наук; в связи с усиливающимся разложением феодального строя в 30-х годах XIX в. был проведен ряд буржуазных реформ.

Революционные стремления народных масс в 40-х годах XIX в. переплелись с стремлением обеспечить для Венгрии полную самостоятельность. Во главе этого движения стояли: публицист Л. Кошшут (Kossuth Lajos), поэт Ш. Петефи (Petőfi Sándor) и писатель-публицист М. Танчич (Táncsics Mihály). Высшей точкой проявления национального самосознания явились проведение закона об отмене крепостного права и освободительная война 1848—1849 гг.

Героически сражающаяся революционная армия потерпела поражение вследствие вооруженной помощи, оказанной Австрии русским царем Николаем I. Для Венгрии началась эпоха жестоких репрессий, проводимых Австрией против участников революционного движения и освободительной войны. Однако революционный дух венгерских народных масс Габсбургам сломить не удалось, и в 1867 г. под давлением внутриполитической и неблагоприятной внешнеполитической обстановки Австрия вынуждена была пойти на соглашение с Венгрией. Отныне Австрия и Венгрия объединились в двуединую Австро-Венгерскую монархию, во главе которой стоял император Австрии, являющийся одновременно и королем Венгрии. Венгрия сохранила свою отдельную конституцию и получила возможность к самостоятельному национальному развитию; но

в то же время по внешнеполитическим и наиболее важным экономическим вопросам она не могла принимать самостоятельные решения, так как министерства финансов, иностранных и военных дел были общими.

§ 10. В 1914 г. Австро-Венгрия, вступившая на путь империалистического развития, объявила войну Сербии, что и послужило формальным началом первой мировой войны. В конце 1918 г., когда поражение Австро-Венгрии и ее союзника Германии стало очевидным, революционные массы взяли инициативу в свои руки и заставили правительство Венгрии объявить страну республикой; еще более решительных успехов они добились весной 1919 г.: Венгрия стала Советской республикой. Несмотря на героическую борьбу венгерской Красной армии, она просуществовала только 133 дня: ее задушили интервенционные войска иностранных государств, успехам которых содействовали также силы внутренней реакции.

Согласно мирному договору 1920 г. для Венгрии были установлены новые границы. Реваншистски настроенные контрреволюционные круги проводили против прогрессивных сил страны акции белого террора, а с 30-х годов все больше связывали судьбу страны с германским фашизмом. Во вторую мировую войну Венгрия вступила как союзник гитлеровской Германии, и гитлеровскими же войсками она была оккупирована в конце 1944 г. (в ответ на нерешительные попытки венгерского правительства выйти из войны). В Венгрии начался кровавый разгул фашизма, приведший к массовому уничтожению людей и гибели национального богатства и культурных ценностей.

Советские войска в 1945 г. освободили Венгрию от фашистских оккупантов и положили конец фашистскому террору. Независимый венгерский народ приступил к восстановлению страны и построению социализма.

§ 11. Заняв земли в бассейне Дуная и Тисы, венгры перепяли у славян систему разделения страны на территориальные административные единицы: по-венгерски megye ‘область’, ‘комитат’ (<сербско-хорватское međa ‘граница’). Данное административное деление сохранилось до наших дней, только численность комитатов менялась в течение веков, поскольку, в зависимости от исторических условий, территория Венгрии то увеличивалась, то уменьшалась. В настоящее время Венгрия включает в себя 19 комитатов, управляемых администрациями комитатских центров (megyeközpont).

Венгры свою страну называют Magyarország. Данный топоним состоит из двух компонентов: из слова magyar ‘венгр’, ‘венгерский’ (этимологию magyar см. в § 2) и ország ‘страна’ (<‘княжество’ от слова úr ‘господин’, раньше ‘князь’ + суфф. -ság/-ság). Другие народы Венгрию обозначают словами, соответствующими этнонимам, принятым у данного народа для обозначения венгров; так, например, русские эту страну называют Венгрия, немцы

Ungarn, французы Hongrie, англичане Hungary и т. д. (см. происхождение соответствующих этнонимов в § 2).

Столица Венгрии Будапешт — самый большой город в стране (численность жителей более двух миллионов). Будапешт состоит из трех основных частей (Буда и Старая Буда на правом берегу Дуная, Пешт — на его левом берегу), объединенных в 1872 г. Для истории Венгрии особый интерес представляет Буда, древняя столица с 1361 г. в течение ряда веков. Топоним *Буда*, по-видимому, восходит к личному имени Bod, Boda (значение 'ветвь', 'побочная ветвь'), употребляющемуся ныне как фамилия, Pest происходит от южнославянского заимствования pest 'печь для углежжения' [9].

§ 12. В истории правенгерского периода существует несколько спорных вопросов; таковы: 1) отношение венгерских и тюркских племен; 2) отношение венгерских и пермских племен.

М. Рясянен считает, что башкиры не смешались с венграми [10]. Приблизительно такого же мнения придерживается Б. А. Серебренников, который отметил, что венгры с территории нынешней Башкирии ушли еще до появления башкир, хотя не исключено, что маленькая группа венгров там осталась [11]. Совершенно противоположной точки зрения придерживается Д. Дечи: он предполагает, что часть венгров осталась на территории нынешней Башкирии и стала родоначальником башкирского народа; протобашкиры-венгры, по мнению Д. Дечи, на башкирский язык перешли не раньше XIV—XV вв. н. э., так как племена, встретившиеся с монахом Юлианом в XIII в. и говорившие на венгерском языке (см. § 4) и были предками башкир [12].

Большинство исследователей признают продолжительное контактирование венгров с булгарами [13]. Другого мнения придерживается Э. Моор: он отрицает возможность древних близких сношений между правенгерскими племенами и булгарами (оногурами), считая, что старые тюркские заимствования не показывают булгарских особенностей [14].

§ 13. Некоторые ученые более или менее определенно заявляют, что после распада финно-угорской общности венгерские племена еще долгое время интенсивно общались с некоторыми другими финно-угорскими племенами [15]. Так, Д. Пайж считал, что одно из основных племен венгров (по названию Nyék) имело пермский характер, так как жило в непосредственной близости

---

[9] B. K á l m á n. A nevek világa. Budapest, 1967, стр. 173, 160.
[10] «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae» XII, 75.
[11] Б. А. Серебренников. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963, стр. 22—23.
[12] DécsyEinf. 8, 150.
[13] MNyT 498; DécsyEinf. 172 и др.
[14] UAJb. XXXI, 229.
[15] См. высказывания Л. Лигети (MagyŐst. 40—41), Г. Барци (Bár. MNyÉl. 26), Б. А. Серебренникова (NyK LVIII 200).

пермских племен, в то время как другое венгерское племя (по названию Mogyëri, Mëgyëri) близко соприкасалось с другими уграми и имело угорский характер [16]. Наиболее крайнюю точку зрения представляет Э. Моор: он считает, что предки венгров были двуязычными, т. е. они говорили как на пермском, так и угорском языках, а сам венгерский народ формировался смешением пермского и угорского этнических элементов [17]. Однако другие исследователи, например, Э. Итконен [18], П. Хайду и К. Редеи [19] считают, что связи пермских и угорских племен были поверхностными, и большинство языковых особенностей, встречающихся только в венгерском и пермских языках, появилось в результате более позднего параллельного развития.

Особого мнения придерживается Э. Моор и по вопросу о втором компоненте этнонима magyar. В отличие от наиболее принятого объяснения (см. § 2) Э. Моор этот компонент возводит к слову *ser, которым, по его мнению, угры называли пермские племена [20].

§ 14. Народный венгерский язык реализуется в восьми д и а л е к т а х (различающихся прежде всего фонетическими особенностями). Между ними нет больших расхождений, мешающих взаимопониманию носителей даже самых отдаленных говоров. Каждый из диалектов характеризуется и переходными особенностями, свойственными для двух и более диалектов.

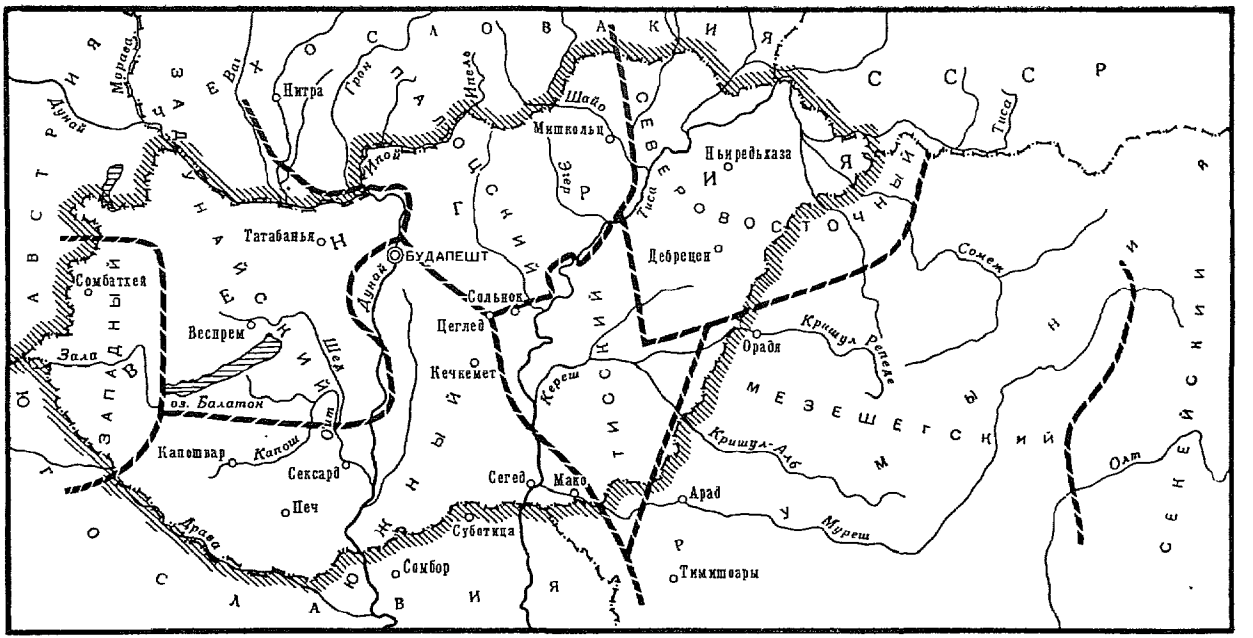
§ 15. З а п а д н ы й д и а л е к т распространен в комитатах Ваш, Зала, в части комитатов Дьёр-Шопрон и Веспрем. Его особенности [21]:

1) [e]*-канье, в отдельных словах и [o]-канье, на севере диалектной группы также [ī]-канье: [ɛmbɛr] 'человек', [lehɛt] 'может быть', [kòll] (ср. kell) 'надо', [kɪk] (ср. kék) 'синий', 'голубой', [nīz] (ср. néz) 'смотрит';

---

[16] MNy XLIX 287, 293.
[17] ALH II 428—429; ALII IX 134—135, 183; UAJb. XXXI 205.
[18] FUFA XXXII 70—73.
[19] HajdúFNNy. 80; NyK LXVI 260; ALII XIX 332.
[20] ALII IX 137.
[21] Здесь и далее используются в основном данные по книге: B. K á l m á n. A mai nyelvjárások. Budapest, 1951, стр. 23—29; О н ж е. Nyelvjárásaink[2]. Budapest, 1971, стр. 68—91; некоторые данные (прежде всего географические данные о диалектах) уточнены по книге: A. H o r g e r. A magyar nyelvjárások. Budapest, 1934; при названиях диалектов в скобках даны названия, которыми пользуется А. Хоргер в указанной книге; при географических названиях в круглых скобках помещены венгерские названия соответствующих рек и населенных пунктов; диалектные примеры во всех необходимых случаях сопровождаются соответствиями из литературного языка (в круглых скобках).

* Здесь и далее примеры из венгерского литературного языка, как правило, приведены в орфографической записи (кроме обычных орфографических букв иногда употребляется еще буква ë, принятая для изображения специального звука ë-кающего варианта разговорного языка). Транскрибированные примеры венгерского языка (изображающие слова и звуки)



Схематическая карта диалектов венгерского языка

(карта выполнена на основе схематической карты диалектов венгерского языка в кн.: K á l m á n B é l a. Nyelvja'rásaink. Budapest, 1971, стр. 119.

2) вместо литературных ó, ő, é употребляются дифтонги [uǫ, üö,iẹ] : [juǫ] (ср. jó) 'хороший', (kiẹz] (ср. kéz) 'рука';

3) вместо литературных долгих í, ú, ű обычно произносятся соответствующие краткие: [tiz] (ср. tíz) 'десять', [hus] (ср. húsz) 'двадцать', [tüz] (ср. tűz) 'огонь';

4) вместо литературных открытых и полузакрытых часто употребляются более закрытые [kū] (ср. kő) 'камень', [furu] (ср. fúró) 'сверло', [sārod] (ср. szárad) 'сохнет';

5) вместо литературного ly [j] употребляется l: [folik] (ср. folyik) 'течет';

6) в ряде говоров под влиянием [v] предыдущий согласный озвончается или сам [v] оглушается: [ödven] или [ötfen] (ср. ötven) 'пятьдесят';

7) некоторые падежные суффиксы не уподобляются по гармонии гласных: [kertnā] (ср. kertnél) 'у сада', [piékho] (ср. pékhez) 'к булочнику';

8) в ряде говоров определенный артикль развился из указательного местоимения ez: [ɛz ɛmber] (ср. az ember) 'человек'.

§ 16. Задунайский диалект распространен на западе от реки Ваг (в южных пограничных районах Словакии), далее на юге от Дуная в части комитата Дьёр-Шопрон, в комитате Комаром, частично в комитатах Фейер, Веспрем, Тольна и Шомодь. Его особенности:

1) [e]-канье на всей территории диалекта, на ее северной части также [ī]-канье, на южной [ē]-канье: [ɛmber] 'человек', [d'ɛrek] 'ребенок', [nīd'] (ср. négy) 'четыре', [kīp] (ср. kép) 'картина', [tånēt] (ср. tanít] 'обучает', [kēšēr] (ср. kísér) 'сопровождает';

2) по другим особенностям выявляется много совпадений с западным диалектом, однако, например [v], не ассимилирует и сам не *ассимилируется, отсутствуют дифтонги* и т. д.

§ 17. Южный (альфельдский) диалект распространен на юге комитата Шомодь, в комитате Баранья, между Дунаем и Тисой, перемежаясь с тисским диалектом, далее в районах городов Сегед, Мако, Ходмезевашархей, между Дравой и Савой, а также в ряде деревень на северо-востоке Задунайского края. Его особенности:

1) [ö]-канье (вместо ë [e] соседних диалектов, за исключением *слов односложных и слов со смешанным вокализмом*): [löhɛt] (ср. lèhet) 'может быть', [möntɛk] (ср. mëntek) 'они шли', но [te] 'ты', [d'ert'å] 'свеча' и т. д.;

2) литературный ly [j] на западе от Дуная произносится как [l], на востоке же от Дуная — как [j];

3) в отдельных говорах употребляются дифтонги [oụ, ei, öụ]: [joụ] (ср. jó) 'хороший', [föụd] (ср. föld) 'земля';

заключены в квадратные скобки. Восстановленные фонемы прафинно-угорского и правенгерского языков приведены со знаком * курсивом.

4) в большей части диалекта вместо суфф. 3-го л. об. спр. -ja употребляется -i: [vāri] (ср. várja) 'он его ждет', [tudi] (ср. tudja) 'он это знает'.

§ 18. Тисский (дунай-тисский) диалект распространен между Дунаем и Тисой (перемежаясь с южным диалектом), далее в комитатах Сольнок, Хайду-Бихар и Бекеш, охватывая небольшой (прилегающий к венгерской границе) район северной Югославии и восточной Трансильвании (Румыния). Его особенности:

1) [e]-канье и [ī]-канье: [ɛmber] 'человек', [mehɛt] 'он может идти', [kik] (ср. kék) 'синий', 'голубой', [sīp] (ср. szép) 'красивый';

2) в закрытом слоге перед [l, r, j] краткие гласные, как правило, удлиняются: [ȁjtoų] (ср. ajtó) 'дверь', [ɛ̀lment] (ср. elment) 'он ушел'.

§ 19. Палоцский (северо-западный) диалект распространен на юге Словакии приблизительно в районе от реки Ваг до реки Горнад (Хернад), а также в северозападной части Венгрии (севернее линии городов Будапешт, Цеглед, Сольнок). Его особенности:

1) [e]-канье и [ī]-канье, на востоке и [ɛ]-канье;

2) *вместо краткого огубленного [å] произносится неогубленный* [a], вместо же долгого [ā] — огубленный долгий [å̄]: [kapå̄l] (ср. kapál) 'он мотыжит', [bå̄ńå̄s] (ср. bányász) 'шахтер';

3) сильная делабиализация: [kilšȫ] (ср. külső) 'внешний', [pišpɛk] (ср. püspök) 'епископ';

4) сильная палатализация: [d'ińńɛ] (ср. dinnye) 'арбуз', [t'ükör] (ср. tükör) 'зеркало';

5) на большой территории диалекта вместо литературного ly [j] употребляется [l']: [ol'an] (ср. olyan) 'такой', [hel'] (ср. hely) 'место';

6) у имен переднерядного вокализма в качестве лично-притяжательного суффикса 3-го лица употребляется -i: [kɛzi] (ср. keze) 'его рука';

7) к личным именам, а также к именам, обозначающим людей по их занятиям, присоединяются собирательные падежные суффиксы [-nott/-nell/-nött, -ńi, -nōl/-nōl]: [bīrōnott] (ср. bírónál) 'у семьи сельского старосты', [kovåčnōl] 'от семьи Ковач'.

§ 20. Северовосточный диалект распространен на территории Венгрии на востоке от реки Горнад (Хернад) в комитате Боршод-Абауй-Земплен, далее в комитатах Сабольч-Сатмар и (частично) Хайду-Бихар; за пределами Венгрии в прилегающих к комитатам Сабольч-Сатмар и Хайду-Бихар частях Закарпатской области советской Украины, северо-востока Трансильвании (Румыния) и юго-востока Словакии (на востоке от реки Горнад). Его особенности:

1) [e]-канье, т. е. замена фонемы [e] фонемой [ɛ]: [lɛhɛt] 'может быть', [ɛmbèr] 'человек';

2) почти по всей территории диалекта имеются дифтонги: [keî̯z] (ср. kéz) 'рука', [vōų̯t] (ср. volt) 'он был'.

§ 21. Мезешегский (закирайхагский) диалект распространен в центральной части Трансильвании в районах городов Клуж (Коложвар), Турда (Торда), Деж (Деш), в районе реки Муреш (Марош) приблизительно от ее поворота с севера на юго-запад до города Аюд. Его особенности:

1) [å]-канье: [åkåš] (ср. okos] 'умный', [bårátåm] (ср. barátom) 'мой друг';

2) [e]-канье в односложных словах и в словах со смешанным вокализмом: [ed'] 'один', [deskå] 'доска';

3) употребление устарелых форм времен на -é/-á и с частицами volt и vala: [ɛvēk, ɛttɛm volt, ɛsik vålå] 'он ел', 'я ел', 'он ел';

4) употребление конструкций типа [ɛl kell mɛńńɛk] (ср. el kell mennem) 'я должен уйти'.

§ 22. Секейский диалект распространен в Румынии: в восточной Трансильвании в районе верховья реки Муреш (Марош) и в районе реки Олт, отдельными островками также за пределами Трансильвании в северо-восточной части Румынии (говор чанго). Его особенности:

1) [e, ē]-канье (за исключением некоторых говоров);

2) тенденция к удлинению гласных в закрытых слогах перед l, r, j: [kɛndör] (ср' kender) 'конопля';

3) употребление падежных окончаний: -nił, -ni, -núl/-nűl (вместо -nál/-nél, -hoz/-hoz/-hez, -tól/-től, см. также § 20);

4) употребление устарелых форм времен на -á/-é и со вспомогательным глаголом-частицей vala: [írå, ír vålå, írt vålå] 'он писал';

5) последовательное употребление форм спряжения ik-овых глаголов (см. § 120).

§ 23. В отличие от традиционной классификации Ш. Имре (опираясь на богатые материалы нового большого атласа венгерских диалектов) выделяет свыше тридцати диалектных типов и изолированных говоров венгерского языка [22].

§ 24. Из истории венгерского литературного языка [23].

Из существующих вариантов периодизации венгерского языка наиболее распространены два.

По одному из них история венгерского языка, начиная с первых памятников, разделяется на три больших периода: 1) старовенгерский: с XI в. до середины XIV в.; 2) средневенгерский: с 1350 г. до конца XVI в.; 3) нововенгерский: с 1600 г. до наших дней [24]. По второму варианту история венгерского языка разделяется также на три периода: 1) старовенгерский: с конца IX в. (со времени прихода венгров на территорию нынешней родины)

---

[22] S. Imre. A mai magyar nyelvjárások rendszere. Budapest, 1971, стр. 333—373.

[23] В данном разделе в основном использованы материалы книг Bár. MNyÉl. и MNyT.

[24] Майт. Венг. I 14, 25, 36; DécsyEinf. 16.

до 1526 г. (т. е. до трагической для венгров Мохачской битвы, см. § 6); 2) средневенгерский: с 1526 г. до 1772 г. (до начала эпохи просвещения); 3) нововенгерский: с 1772 до наших дней [25]. Период, не зафиксированный в памятниках и предшествовавший старовенгерскому, называется правенгерским периодом.

В данном очерке мы придерживаемся второго варианта периодизации.

§ 25. А. Старовенгерский язык (с X в. до 1526 г.); истоки письменности. Отдельные венгерские личные имена, топонимы и этнонимы встречаются уже в арабских, персидских и греческих источниках конца I тыс. н. э., но в более значительном количестве венгерские слова и даже сочетания слов начали появляться только с XI в. Такие выражения, вкрапленные в основном в латинские тексты, называются «отрывочными памятниками» (szórványemlékek). Наиболее значительные отрывочные памятники содержатся в документе об основании Тиханьского монастыря (Tihanyi Alapítólevél — 1055), а также в дарственном документе Дёмёшского монастыря (Dömösi prépostság adománylevele — 1138, сохранился в списке 1329 г.).

Помимо отрывочных памятников, как источники венгерской письменности весьма ценны так называемые «глоссы» (glosszák) и списки слов (szójegyzékek). Глоссами называются толкования на венгерском языке латинских слов, сочетаний слов, а иногда и целых предложений, вписанные в латинские тексты. Глоссы входили в моду уже с XIII в., но по ценности и объему особенно значительные венгерские материалы содержатся в глоссах XIV и XV вв. Списки слов предназначались прежде всего для учебных целей; в них латинский словарный материал с венгерскими переводами расположен не по алфавитному порядку, а по кругам понятий. Самый ранний из памятников этого рода: Кёнигсбергский список слов (Königsbergi Szójegyzék, вторая половина XIV в., сохранился только в фрагментах) содержит только около 100 слов; из более поздних же памятников Бестерцский список слов (Besztercei Szójegyzék; между 1380—1410 и список слов Шлегли (Schlägli Szójegyzék; начало XV в.) включает в себя уже значительное количество слов (Бестерцский список более 1000, Список Шлегли — более 2000).

§ 26. Самый старый из дошедших до нас связных памятников венгерского языка «Надгробная речь и молитва» (Halotti Beszéd és Könyörgés) относится к концу XII столетия. Он содержит около 270 слов (с вычетом повторений около 190) и представляет собою свободный перевод латинского оригинала. Приблизительно на 100 лет позднее (около 1300 г.) был написан второй связный памятник: «Старовенгерский Плач Марии» (Ómagyar Mária-siralom), являющийся свободной стихотворной обработкой средневековой

---

[25] MNyT 18.

темы латинских стихов: оплакивания Марией Иисуса. Этот первый стихотворный памятник венгерского языка состоит из 132 слов. К началу XIV в. относятся тезисы к проповеди, называемые Дьюлафехерварские строки (Gyulafehérvári Sorok) и содержащие всего 15 строк. С более раннего оригинала был списан памятник середины XIV в., прославляющий материнство Девы Марии, «Кёнигсбергский фрагмент» с полосками (Königsbergi Töredék); фрагмент состоит из 9 строк, а полоски из 17 полных и 34 неполных строк.

§ 27. Первые связные тексты большого объема зафиксированы в «кодексах», т. е. в рукописных книгах религиозного характера, предназначенных главным образом для монахинь, большинство из которых плохо владело латинским языком; кроме того, в борьбе против разного рода сектанства служители католической церкви вынуждены были обращаться к своей пастве на понятном ей языке.

Первый дошедший до нас памятник этого рода — «Кодекс Йокаи» (Jókai-kódex; относится к концу XIV в., но сохранился только в списке середины XV в.); как и большинство других кодексов, он содержит перевод латинского текста, в данном случае перевод повествования о жизни и деяниях Святого Франциска. Большинство сохранившихся кодексов написано во второй половине XV и в начале XVI в. Из памятников XV в. особое значение имеют кодексы, представляющие собою переводы библии с латинского языка: кодексы Венский, Мюнхенский и Апор (Bécsi-kódex, Müncheni-kódex, Apor-kódex), далее «Кодекс Гори» (Guary-kódex), содержащий размышления на религиозные темы и выделяющийся своим оформлением.

Язык кодексов, обусловленный однообразным религиозным содержанием и неизбежно скованный латинским языком оригинала, недостаточно отражает действительное состояние венгерского языка XIV—XVI вв. Поэтому наряду с кодексами большое значение имеют также и памятники светского содержания. Из более ранних текстов этого рода следует отметить эпическое стихотворное описание боя за крепость Сабач («Szabács Viadala», 1486 г.), содержащее 150 строк, далее стихотворный календарь 1462 г., несколько частных писем, документы юридического характера и т. п.

С конца 20-х годов XVI в. количество и разнообразие памятников венгерского языка значительно возрастает. Одновременно появляются некоторые признаки стремления к унификации языка и орфографии (см. § 41).

§ 28. Венгры умели писать еще до прихода на нынешнюю родину. Их древнее «врезанное письмо» (rovásírás), перенятое от тюркских племен, было неудобное, так как письмена врезывались в деревянные палочки, которые, естественно, не подходили для размещения на них больших текстов. Первые сохранившиеся памятники венгерского врезанного письма относятся к XV в.,

но секеи (венгры в Трансильвании) им пользовались даже в XVII в.[26]

Поскольку документы административно-делового, религиозного и летописного характера в Венгрии XI—XII вв. и позднее составлялись на латинском языке, латинские же буквы использовались для передачи разрозненных венгерских слов и словосочетаний («отрывочных памятников» см. § 25), включенных в эти документы. Таким образом, истоки современной венгерской письменности наметились на основе латинской графики, что соответствовало общей ориентации Венгрии на запад в связи с принятием христианства.

§ 29. В использовании латинских букв первые старовенгерские памятники отражают влияние итальянских (частично и французских) орфографических норм (например, звук [ń] передавался буквосочетанием gn); в ряде же памятников чувствуется влияние немецкой орфографии.

Для звуков венгерского языка, не имеющих соответствий в латинском языке, в начале старовенгерского периода использовались буквы, предназначенные для других «близких по звучанию» латинских звуков; например, вместо ü употреблялся u или v, но ими же изображался и звук [u]. Таким образом, некоторые буквы имели два или даже три значения. К тому же использование букв в разных памятниках было далеко не одинаковое. Некоторое стремление к последовательному применению орфографии наблюдается только в старых деловых бумагах.

На венгерскую орфографию XV в. большое влияние оказал принцип, введенный Я. Гусом при переводе библии на чешский язык: каждый звук символизируется только одной латинской буквой, если же в соответствующем языке имеется звук, не свойственный латинскому, для него подбирается буква, изображающая близкий латинский звук, но в данном случае эта буква снабжается еще *каким-либо добавочным знаком*; так, в старовенгерских памятниках [ü] передавался буквой u, [ő] — буквой o и т. д. Однако указанный рациональный принцип использовался далеко не последовательно.

§ 30. В начале данного периода истории венгерского языка в редуцированном виде еще употреблялись конечные гласные основы [i, ü, u], может быть также и [ị] (см. § 72). Употреблялись и дифтонги с неслоговыми [i, u, ü]. В отдельных диалектах еще доживал свой век [j]. Отсутствовали еще [å] и [ó], зато современный долгий [ā] имел и краткое соответствие [a].

До середины XIV в. реализовался переход узких кратких гласных в более широкие, например: dumb > domb ‘холм’, bob > bab [bâb] ‘бобы’, szim > szem [sem] ‘глаз’, ‘глаза’,

---

[26] Gy. N é m e t h. A magyar rovásírás. «A Magyar Nyelvtudomány Kézikönyve», II 2. Budapest, 1934, стр. 3, 6, 11.

ürdü(n)g > ördög ‘дьявол’ (впрочем, переход [ü > ö] завершился позднее середины XIV в., см. § 73).

Реализована была также тенденция превращения нелабиализованных кратких гласных в лабиализованные: [i > ü] : bik > bükk ‘бук’, szilni > szülni ‘рожать’; [e] > [ö] : [veder] > vödör ‘ведро’; [a] > [å] : [balta] > [bålţå] ‘топор’ и т. д.; в связи с последним изменением краткий [a] исчез из венгерского языка (см. § 74).

§ 31. Наряду с приведенными основными изменениями (которые, впрочем, тоже не охватывали все слова соответствующего звукового состава) в развитии старовенгерского вокализма наблюдаются и другие, менее последовательные тенденции, например, удлинение кратких гласных (кроме [o, ö]) в последнем закрытом слоге и вследствие этого создание пар форм типа: víz ‘вода’ и vizet ‘воду’, fazék ‘горшок’ и fazekas ‘гончар’, tűz ‘огонь’ и tüzes ‘огненный’, út ‘дорога’ и utak ‘дороги’, ház ‘дом’ и haza ‘домой’ (см. § 78). В конце же слов, наоборот, сначала гласный [-ī], потом в XIII в. также [-ē, -ā] становятся краткими; kérí > > kéri ‘просит (его, это)’, [fā > fa > få] ‘дерево’, но fának ‘дереву’, kezé > [kɐze > kɐzɐ] ‘его рука’, но [kɐzēt] ‘его руку’ (см. § 78).

Иногда в трехсложных словах, состоящих из открытых слогов, выпадает гласный второго слога: malina > málna ‘малина’, koromos > kormos ‘измазанный сажей’. В других же словах, наоборот, для устранения зияния между гласными появляется вставной согласный ([j, v] или [h]): mezeé > mezeje ‘его поле’ (см. § 77).

Количество дифтонгов с неслоговым [-i̯ (-j)] стало значительно меньше, так как они во многих словах перешли в долгие гласные, ср. tanojt > tanít (или tanét) ‘обучает’. Дифтонги же с неслоговыми [-u̯, -ü̯] к концу XIV в. исчезли в результате изменений: [au̯, ou̯] большей частью превращались в [ō], а [ɛü̯, öü̯] — большей частью в [ö] (таким образом появились долгие ō и ö), ср. [postou̯] > posztó ‘сукно’, [nēzeü̯] > néző ‘смотрящий’.

§ 32. В начале старовенгерского периода унаследованное из финно-угорского языка-основы уподобление по гармонии гласных оказывает довольно последовательное действие на выравнивание вокализма простого слова, например, по усвоению заимствованных слов, по уподоблению суффиксов и по уподоблению вторых компонентов в составе затемненных словосложений; ср. hercog > herceg ‘герцог’, miloszt > malaszt ‘милость’, [halālnɐk] > halálnak ‘смерти’ (дат. п.), id-nap (досл. ‘святой день’) > ünnep ‘праздник’ и т. д. (см. § 75). Но, с другой стороны, в связи с переходом [i̯ > i] последний гласный стал встречаться не только в переднерядных словах (где он был исконным), но и в заднерядных, ср. i̯rok > írok ‘я пишу’. В связи с переходом дифтонгов с неслоговым [i̯] в [ē] или [ī] (см. § 31) также появлялись случаи нарушения гармонии гласных. В результате указанных (и других) процессов переднерядные гласные [i, ī, e, ē] стали употребляться и в словах с заднерядным вокализмом.

В старовенгерский период появляется новый тип гармонии гласных: по огублению, ср. vízhez 'к воде', но tűzhöz 'к огню' и т. д.

§ 33. По консонантизму старовенгерский язык также значительно отличается от современного. В начале периода еще не было согласных [c] и [ž], поэтому в заимствованных словах они субституировались другими звуками, например [c] главным образом заменялся согласным [č], а [ž] — большей частью согласным [š], ср. слав. cer > в. cser 'дуб', слав. Kněža (собственное имя) > в. Kenese (см. § 87); согласный [ť] появился, по-видимому, в XII—XIII вв., например, путем соединения [t]+[j] в формах типа tartja 'он держит' или вследствие других процессов. Вместо [v] употреблялся губно-губной [w], который в XIII—XIV вв. в конце слова и перед согласными превратился в неслоговой [u̯/ü̯] (в других же позициях переходил в [v]); ср. слав. čěvi > в. [čew] > [čeü̯], совр. cső 'труба'.

С другой стороны, в начале старовенгерского периода употреблялись еще звуки [χ, χ́] и [γ] (по старой орфографии ch, chj, gh). Согласный [χ] превратился в [h], ср. chod > had 'войско'; méch > méh > [mē] 'пчела'; согласный [χ́] к середине XIV в. большей частью перешел в [j], ср. tanochjt > tanojt > tanít 'обучает'; согласный [γ] сохранился не дольше XIV в.; в конце слова в большинстве случаев он превратился в [u̯/ü̯]; ср. [kumlaγ] > [kumlau̯] > > komló 'хмель', [menɛγ] > [menɛü̯] > menő 'идущий' (см. § 87).

§ 34. Еще в самом начале старовенгерского периода согласный [č] во многих словах перешел в [š], ср. личное имя Almucsi > > Álmus > Álmos. В течение всего периода (и даже дольше) происходит процесс смягчения согласных [l] и [n], охватывающий много слов; ср. mél > mély [mēl'] 'глубокий', taval > tavaly [tåvål'] 'в прошлом году', csákán > csákány 'кирка', eném > enyém 'мой' (см. § 88); впоследствии [l'] превратился в [j], ([i]).

Наблюдается последовательный процесс освобождения от сочетаний согласных, прежде всего в начале заимствованных слов; ср. нем. sturm > в. ostrom 'осада', слав. kralj > в. király 'король', svobod > в. szabad 'свободный' (см. § 83); отдельные случаи подобного рода наблюдаются и в конце венгерских слов; ср. szerelm > szerelem 'любовь', hotolm > hatalom 'власть'.

§ 35. В связи с отпадением конечных гласных основы и вследствие ряда других фонетических изменений (см. § 31, 72) к концу старовенгерского периода у имен и глаголов, в общем, установились основные типы чередования ослов; ср. [nod'] 'большой', но [nod'u-n] 'очень', víz 'вода', но vize-t 'воду', fa 'дерево', но fá-k 'деревья', lő 'он стреляет', но lövö-k 'я стреляю' и т. д.

§ 36. В сфере старовенгерских имен наблюдается ряд важнейших изменений. В результате массового превращения послелогов в падежные окончания (т. е. прежде всего в результате уподобления по гармонии гласных) преобразуется система склонения; например, в «Старовенгерском Плаче Марии» (см. § 26) beleül

употребляется еще как послелог и поэтому не подчиняется гармонии гласных: huabeleul ‘из горести’; в «Кодексе Йокаи» (см. § 27) он уже уподобляется, т. е. выступает как падежный суффикс: farkasbalol ‘из волка’; впоследствии этот падежный суффикс сократился до звукосочетаний -ból/-ből. В старовенгерскую эпоху подобным же образом развились из послелогов падежные форманты -ba/-be, -ban/-ben, -nál/-nél, -tól/-től, -hoz/-hez/-höz и нек. др. (см. § 98). С другой стороны, от некоторых полнозначных имен образовались новые послелоги, например, után ‘за’, ‘после’ от út ‘дорога’, együtt ‘вместе с’, от egy ‘один’, körül ‘вокруг’ от kör ‘круг’ и т. д. (см. § 141).

В области лично-притяжательного склонения при указании на 1-е лицо и множественность обладателей наблюдается переход -m > -n; ср. в «Надгробной Речи» uromk, ныне urunk ‘наш господин’. В 3-м лице формы типа házi, kezi или háza, keze выражали как единичность, так и множественность обладаемых, однако позднее формы с i типа házi, kezi (> házai, kezei) стали выражать только множественность обладаемых (‘его домá’, ‘его рýки’), а формы типа háza, keze — только единичность обладаемых (‘его дом’, ‘его рука’); впоследствии разделение по числу обладаемых перешло и на другие формы, выражающие 1-е и 2-е лицо обладателей (см. § 100).

К XIV в. относится возникновение определенного артикля az из указательного местоимения az ‘тот’ (в старовенгерском иногда употреблялся и артикль ez) и к XV в. неопределенного артикля egy из числительного egy ‘один’ (см. § 144).

§ 37. Система спряжения старовенгерского глагола, унаследованная в основном из правенгерского языка, отличалась рядом особенностей от современного состояния.

В начале старовенгерского периода личное окончание 1-го лица мн. числа употреблялось еще в вариантах -muk/-mük (ср. в «Надгробной речи» vogmuc ныне vagyunk ‘мы являемся’), перешедших позднее в -onk/-unk/-önk/-enk/-ünk. Словообразующие суфф. -achjt/-ochjt/-echjt (> -ít) в соединении с суфф. императива -j получили форму -cchj: szoboducchja ‘он пусть его освободит’. Начался (или продолжался) процесс стирания грани между глаголами на -ik (выражавшими первоначально страдательное действие) и глаголами без -ik (см. § 120), в связи с чем в XV в. -ik-овые окончания употреблялись и в случаях, когда действие глагола-сказуемого было направлено на неопределенный объект; наблюдается колебание в употреблении окончания -ik: szök или szökik ‘спасается’, szün или szűnik ‘прекращается’.

§ 38. Формами времени старовенгерский язык был более богат, чем современный. Для выражения прошедшего действия (кроме редких форм) употреблялись: 1) форма на -a/-e/-á/-é (< ф.-у. *-i̯) «повествовательного» (или «исторического») прошедшего, использовавшаяся при повествовании о прошедших событиях без отношения к наст. времени: láta ‘он видел’, látá ‘он видел это’;

2) форма на -t/-tt, использовавшаяся прежде всего для выражения событий, соотнесенных с наст. временем: látott 'он видел', látta 'он видел это'; 3) сложная форма, состоящая из формы наст. времени смыслового глагола и неизменяемой частицы vala, использовавшаяся для выражения продолжительного или повторяющегося действия: lát vala 'он видел', látja vala 'он видел это'; 4) сложная форма, состоящая из формы прош. времени на -t/-tt смыслового глагола и неизменяющейся частицы vala, употреблявшаяся для выражения прошедшего события, предшествовавшего другому, более позднему прош. действию: látott vala 'он видел', látta vala 'он видел это'.

В конце старовенгерского периода для выражения будущего действия (кроме формы наст. времени) употреблялись и сложные формы, в которых участвовали вспомогательные глаголы fog-ni или kezd-eni: kérni fog или kérni kezd 'он будет просить', kérni fogja или kérni kezdi 'он будет это просить'. Для выражения законченного в будущем действия уже в «Надгробной Речи» употреблялась простая форма на -nd; látand 'он увидит', látandja 'он увидит это'.

В старовенгерском языке значительно расширяется употребление глагольных приставок, формировавшихся еще в правенгерском языке (meg-, el-); кроме того, возникают новые приставки, такие, как ki-, be-, le-, föl- (не исключено, что они в качестве приставок выступали уже и в правенгерское время), далее alá-, össze-, vissza- и т. д. (см. § 136).

§ 39. По-видимому, влиянием латинского языка объясняется то, что в старовенгерском часто употреблялись формы условного наклонения у глагола, выступавшего в придаточных предложениях в функции сказуемого. Вместо формы изъявительного наклонения форма условного наклонения использовалась, например, в придаточных временных, а вместо повелительного — в придаточных дополнительных и цели; ср. mikor innen is elmúlt volna, juta. . . tengër mellé 'когда он и отсюда ушел, он очутился у моря', nem tudják vala, mit felelnének 'не знали они, что ответить' (Bár. MNyÉl. 168—169).

Конструкции с инфинитивом, имеющим лично-притяжательное окончание, употреблялись чаще, чем ныне; ср. nëm illik valakit mëgölnönk 'мы не должны кого-то убивать' (Bár. MNyÉl. 170—171). Конструкциями с причастием на -t (-atta/-ette) часто заменялись придаточные предложения, ср. ö angyala mëgőrizött engëmet innet elmënettem 'его ангел меня охранял, когда я ушел отсюда' (досл. 'в моем ушедшем'; Bár. MNyÉl. 173).

Основные типы сложносочиненных и сложноподчиненных предложений формировались еще в правенгерский период, о чем свидетельствуют союзы, унаследованные от того же периода; таковы: és 'и', de 'но', vagy, avagy 'или', kedig > pedig 'а', 'же', hogy 'что', míg 'пока', holott 'хотя', mert 'потому что', mint 'как' и др. В старовенгерском языке возникали и новые союзы (в основном сложные).

§ 40. Лексика старовенгерского расширяется за счет переосмысления старых слов, а также при помощи суффиксации и словосложения. В частности, появляются новые суффиксы, большинство из которых сложилось из двух и более простых словообразовательных формантов; таковы в сфере глагола: -doz/-dez/-döz (-d + -z), -gat/-get (-g + -t), -tat/-tet (-t + -t) и др. (см. § 138); в сфере имени: -cska/-cske (-cs + -k + -a) и др. (см. § 103); в старовенгерский период появился суфф. -ság/-ség, образовавшийся от слова со значением 'холм', 'куча', 'множество' (см. § 103). С другой стороны, некоторые суффиксы становились непродуктивными (например, именные -d, -k, -gy).

В обогащении лексики старовенгерского языка значительна роль заимствований. Слова славянского, немецкого и тюркского происхождения заимствовались путем непосредственного контактирования венгерского народа с соответствующими народами (см. § 4, 6—8). По другим каналам проникали в старовенгерский язык слова романского происхождения. Из них наиболее значительный пласт составляют латинские заимствования, поскольку латынь использовалась как язык церкви, государственного управления, деловых бумаг, школы и науки. К этому периоду относится появление в венгерском языке таких слов, как óra 'час', 'часы', templom 'церковь', lecke 'урок', 'задание', fáklya 'факел', uzsora 'ростовщичество' [27]. По сравнению с латинскими заимствования итальянские (перенятые в основном от итальянских купцов, например: mandula 'миндаль', piac 'площадь' > 'рынок'), а также и французские (перенятые начиная с XII в. при посредничестве католического духовенства и высшего дворянства, например, lakat 'замок', szekrény 'шкаф' и т. д.) немногочисленны [28]. (О романских словах в венгерской лексике см. § 160—164).

§ 41. Старовенгерский язык реализовался в различных диалектах, которые, как и современные, существенно не различались. Границы старовенгерских диалектов установить трудно: вследствие войн и прежде всего опустошительного нашествия татар народные массы перемещались. Только о конечном этапе старовенгерского периода можно высказать некоторые догадки. Так, ö-канье было распространено на южной части языковой территории, і-канье занимало полосу на ее западной части, а также на северо-востоке в комитате Сатмар.

В памятниках конца старовенгерского периода уже наметились некоторые более или менее обязательные требования к письменному варианту языка, отделяющие последний от разговорного варианта; например, кодексы написаны в основном на ö-кающем диалекте. В языке деловых бумаг, имеющих отношение к королевской канцелярии и королевскому двору, также выявляются

---

[27] Bár. MNyÉl. 120.
[28] Bár. MNyÉl. 125.

некоторые признаки стремления к унификации (например, избежание i-канья).

§ 42. Б. Средневенгерский язык (1526—1772) и начало формирования литературного венгерского языка. В связи с распространением книгопечатания с XVI в. число и разнообразие памятников венгерского языка значительно возрастает. (Первые венгерские книги печатаются в Кракове и Вене; только с 1536 г. они издаются и в Венгрии)

Используемые в научно-просветительных и пропагандистских целях, а также для удовлетворения потребностей различных слоев общества в области художественной литературы, печатные издания XVI—XVII вв. отражают растущее самосознание венгерского народа и его интерес к родному языку. Об этом свидетельствуют, например, первые грамматики, составленные Я. Сильвестером (1539), А. Сенци-Мольнаром (1606), И. Гелеи-Катона (1645), П. Переслени (1682), в которых более или менее подробно описаны особенности строя венгерского языка.

Начиная с конца XVI в. страстная полемика между сторонниками реформации и ее противниками способствовала появлению многочисленных трактатов, написанных живым, эмоционально окрашенным языком, доступным широким массам. Особенно выделялись в этом отношении труды П. Пазманя, обладавшего незаурядным литературным талантом. Немалое значение имел новый перевод библии, подготовленный под руководством Г. Каролн. К средневенгерскому периоду относится творчество выдающихся прозаиков и поэтов: М. Зрини, М. Бетлена, К. Микеша, Ф. Фалуди, Б. Балашши, И. Дьёндьёши и др. Кроме того, от указанного периода до нас дошло много деловых бумаг и частных писем.

§ 43. В начале средневенгерского периода продолжались письменные традиции старовенгерского языка (например, соблюдались правила употребления наклонений, установившиеся под влиянием латинского языка, см. § 39).

Начиная с конца XVI в. уже наметилась тенденция, направленная на создание некоторых норм письменности, стоящих вне диалектных вариантов венгерского языка. Формированию этих норм значительно содействовали канцелярские писари и учителя школ. Стремясь говорить изысканно, дворяне также старались избегать особенностей (например, i-канье), считавшихся «провинциальными», «некрасивыми», «вульгарными». Средневенгерские памятники показывают, что венгерский литературный язык начал формироваться на основе нескольких диалектов, однако один из них при этом получил преимущественную роль: это был диалект, распространенный на территории, находящейся в северо-восточной части современной Венгрии, далее на востоке Чехословакии, в советском Закарпатье и в Трансильвании [29] (Румыния); этот диалект внес наиболее значительный вклад также в форми-

[29] Bár. MNyÉl. 218.

рование современного венгерского литературного языка. Однако в XVI в. с северовосточными нормами соперничали и другие (из них наиболее значительными следует считать западные нормы письменности). Зарождающиеся письменные разновидности венгерского языка друг от друга отличались незначительно, и постепенно все они уступили свое место северо-восточному варианту.

§ 44. Явные стремления к нормализации орфографии наблюдаются уже в XVI в., например, в деятельности М. Деваи-Биро и Г. Хельтаи. Стремясь преодолеть трудности, связанные с различиями в фонемных составах диалектов, М. Деваи-Биро предлагал такие правила орфографии, которые допускали бы разпочтение букв. Так буква ů читалась: [ü, ű] или [ö, ő], в зависимости от того, являлся ли читающий носителем [ü]-кающего или [ö]-кающего диалекта (т. е., например, буквенное сочетание kű читалось [kű] или [kő]), буква ű читалась [i, ī] (по [ī]-кающему диалекту) или [ü, ű] (по [ü]-кающему диалекту). Издатель и наборщик Г. Хельтаи придерживался других принципов орфографии, но и он стремился создать норму, выравнивающую различия между диалектами [30].

К концу XVI в. сформировались некоторые нормы орфографии, характерные почти для всех венгерских изданий. Например, звуки [ö, ü] изображались часто буквенными сочетаниями ([ö]:ȯ или eo; [ü]: ů, ẘ, ew или eu); [s] чаще всего передавался знаком sz или ß, долгота гласных — при помощи черточки над буквой (á, é, ó, ú); для указания на мягкость согласных использовалась добавочная буква y (gy, ty, ly, ny), она же выступала при изображении дифтонгов (úyság вм. совр. újság 'газета'); вместо k в конце слов обычно писался c (háznac вм. совр. háznak 'дому') [31].

§ 45. К концу старовенгерского периода фонетический строй был уже близок к современному состоянию, поэтому в средневенгерском языке происходили лишь незначительные изменения. Например, долгий открытый [ē] перешел в долгий [ō]: [kēz] > kéz 'рука', [kēt] > két 'два'; [z] или [zz] (реже и [cc]) в ряде слов превратились в [z̄]: mazzag > madzag 'веревка', lopózik > lopódzik 'крадется', pecci > pedzi 'затрагивает'; более интенсивным стало превращение [l'] > [j] (см. § 88).

§ 46. В сфере имен значительно перестроилась система словообразования. Появились новые суффиксы: -i ласкательного значения (ср. Peti ласкательное мужское имя от Péter; из предыдущего периода имеются лишь отдельные данные) и -aj/-ej, выражающий звуковые эффекты (ср. kacaj 'хохот' от kac-ag-ni 'хохотать'), -né, образующий имена жен от имен мужей; усилилось применение именных словообразующих формантов: -ós/-ős, -ékony/-ékeny, -atag/-eteg : ijedős 'пугливый' от ijed-ni 'пугаться', termékeny 'плодородный' от terem-ni 'родить' (о земле), lengeteg 'легкий', 'воздушный' от leng-eni 'колебаться'; с другой стороны, посте-

[30] Bár. MNyÉl. 210—211.
[31] Bár. MNyÉl. 232.

пенно утратили продуктивность суфф. -g, -mány/-mény и отчасти -at/-et; последний по выражению абстрактного действия был постепенно вытеснен суфф. -ás/-és (см. § 102—103).

Под влиянием западных языков появились местоименные слова вежливого обращения: Maga 'Вы' (преобразовавшееся из возвратного местоимения, см.§ 114); а также обращения типа Kegyelmed (досл. 'твоя милость'), Nagyságod (досл. 'твое величие') и т. д.

§ 47. В сфере глагола продолжался процесс разрушения границ между типами спряжений с -ik и без -ik: rohan и rohanik 'бежит'; громоздкие личные формы типа várnája сокращались (> várna) 'он ждал бы его'. По сравнению с предыдущим периодом (а также и с современным состоянием языка) появилась некоторая нечеткость в различении объектных и безобъектных личных окончаний. Стирались грани по употреблению прошедших времен, в связи с чем особенно активизировалась роль прошедшего на -t/-tt; подобный же процесс совершался в сфере форм буд. времени, в результате чего стала исчезать форма на -nd. В придаточных предложениях формы условного наклонения, использованные под влиянием латинского языка (см. § 39) постепенно заменялись формами повелительного наклонения, более естественными для венгерского языка.

Появились новые послелоги (например, múlva, folytán, számára) и союзы (azonban, ellenben, tehát и т. д.).

§ 48. В результате непосредственного контактирования народных масс продолжался приток славянских, тюркских и немецких заимствований (см. § 8). По другим каналам проникали в венгерский язык латинские и итальянские слова; первые распространялись в связи с деятельностью священников, работников школьного образования, медицины и т. п. (таковы: eklézsia 'церковный приход', ceruza 'карандаш', kolera 'холера' и т. д.), вторые (итальянские слова) — через высшее дворянство, а также через торговые связи с итальянскими купцами и т. п. (ср. saláta 'салат', kandalló 'камин' и т. д.) [32]. (О романских заимствованиях см. также § 160.)

В течение средневенгерского периода выпали из лексики некоторые старые слова, например, alít-ani 'предполагать', 'думать', holval 'утро', vanál-ni 'лечить' и т. д.

§ 49. В. Нововенгерский язык (с 1772 г. до наших дней); расцвет литературного языка. Нововенгерский язык принято разделять на два периода: а) с 1772 г. до 1849 г. (эпоха просвещения и последующая за ней эпоха реформ в политической жизни Венгрии до конца освободительной войны против Австрии); б) с 1849 г. (конец освободительной войны) до наших дней.

§ 50. По развитию венгерского языка эпохи просвещения исключительная роль принадлежит движению, называемому «обновлением языка» (nyelvújítás). Желая сделать родной язык разно-

[32] Bár. MNyÉl. 264, 267—268, 270.

образным, приспособленным для научной и художественной литературы, выдающиеся литературные и общественные деятели (А. Дугонич, М. Чоконаи-Витез, Ф. Казинци, П. Семере, Ф. Кёльчеи, И. Сечени и др.), а также писатели-ученые, представляющие разные области отечественной науки, активно включались в это движение, внося свою лепту в обогащение лексики венгерского языка.

В отличие от прежних эпох, когда литературные деятели и особенно переводчики иностранных текстов создавали только отдельные нужные им выражения, в данный период в результате целеустремленного и бурного творчества «обновленцев» в венгерский литературный язык вошло много тысяч новых слов, причем их значительная часть стала достоянием и общеразговорного варианта.

§ 51. Большинство слов было создано путем суффиксации. Среди именных формантов особенно охотно использовались: -ász/-ész: cipész 'сапожник', építész 'строитель', 'архитектор' (cipő 'обувь', épít-eni 'строить'); -mány/-mény, -vány/-vény: állítmány 'сказуемое', sütemény 'пирожное', látvány 'зрелище', növény 'растение' (állít-ani 'утверждать', süt-ni 'печь', lát-ni 'видеть', nő-ni 'расти'). Среди глагольных формантов популярными были: -szt, -lag/-leg, -ng, -ít и др.: fagyaszt-ani 'замораживать', érzeleg-ni 'сентиментальничать', dülöng-eni 'шататься', 'стоять нетвердо на ногах', alakít-ani 'формировать' (fagy-ni 'замерзать', érez-ni 'чувствовать', döl-ni 'падать', alakul-ni 'формироваться'). Были применены новые сложные суффиксы: -zat/-zet, -sít и др.: homlokzat 'фронтон', mozgósít-ani 'мобилизовать' (homlok 'лоб', mozgó 'движущийся').

Много удачных слов было создано при правильном использовании продуктивных способов словосложения или появилось другими путями. Вновь были возвращены к жизни давно забытые, устаревшие слова типа: év 'год', aggastyán 'старец' и т. д.; иногда старые слова применялись и в новых значениях (например, слово baj, раньше обозначавшее только 'бой', 'неприятность', стало выражать и 'болезнь') [33]; популяризировались диалектные слова типа: barangol-ni 'бродить', 'шататься', hullám 'волна', róna 'степь' и т. д.

Пользуясь тем или иным способом обогащения лексики, обновленцы руководствовались и эстетическими соображениями: выбирали (часто субъективно) «благозвучные» суффиксы, предпочитали краткие слова или краткие суффиксы громоздким и т. д.

§ 52. Однако далеко не все приемы, использованные обновленцами, были безупречными. Пренебрегая сложившимися законами словообразования и словосложения венгерского языка, некоторые литературные деятели наводняли газеты, журналы и книги уродливыми лексическими творениями.

---

[33] Bár. MNyÉl. 296—298.

Нельзя считать оправданным создание новых суффиксов путем насильственной адаптации (т. е. путем произвольного отделения конечных частей слов и использования этих частей в качестве словообразовательных суффиксов), например, суфф. -nc, -da/-de и некоторых других, ср. kegyenc 'фаворит', iroda 'контора' (kegy 'благосклонность', ír-ni 'писать'). Из слова, воспринимаемого как производное, неправильно выделялось воображаемое коренное слово; так было выведено из славянского заимствования ábráz-ol-ni (ср. русск. *образовать*) 'представлять', 'обрисовать' слово ábra 'схема', 'рисунок'. Было создано много сложных слов типа vérszegény 'малокровный' (от vér 'кровь+szegény 'бедный'), в которых первый компонент выступает как бессуффиксное косвенное дополнение (данный способ словосложения в венгерском языке стал давно непродуктивным); в качестве первого компонента сложного слова использовался чистый корень глагола, например, járмű 'средство передвижения' (вм. правильного járó mű 'движущийся предмет'); составлялись слова из усеченных компонентов, например, csőr 'клюв' (от cső 'труба'+ orr 'нос').

Появилось много неудачных переводов-калек немецких слов и словосочетаний, например: befolyás (< нем. Einfluss) 'влияние', kebelbarát (< нем. Busenfreund 'закадычный друг').

§ 53. Безудержная, бурная и часто неквалифицированная деятельность обновленцев (или иначе «неологов») вызвала реакцию в кругу их противников, называемых «ортологами». Последние в 1813 г. выступили с памфлетом «Mondolat» (mondolat — слово-урод, образованное от слова mond-ani 'сказать') — пародией на творения неологов. Неологи же в памфлете «Felelet» («Ответ», 1815 г.) высмеивали старомодный бедный язык ортологов.

Однако победа осталась, безусловно, за обновленцами. Им благоприятствовала обстановка в венгерской общественной жизни: растущий интерес к родному языку, успех газет и журналов на венгерском языке, пропаганда родного языка в сфере народного образования. В 40-х годах в Пештском университете преподавание шло в основном уже на венгерском языке. В 30-х годах начала свою активную деятельность Венгерская Академия наук, основанная в 1825 г.: она направляла литературную критику, изучение вопросов орфографии и грамматики, собирание диалектной лексики. В театрах ряда городов с большим успехом шли спектакли на венгерском языке. Дело, начатое выдающимися писателями и поэтами эпохи просвещения (М. Чоконаи-Витез, Д. Бержени, Й. Катона), продолжили великие поэты эпохи реформ (М. Вёрёшмарти, Ш. Петёфи, Я. Арань).

К этому периоду относится появление ряда грамматик венгерского языка и около ста словарей разного типа. В изучении грамматического строя венгерского языка особая заслуга принадлежит М. Реваи, требовавшему исторического подхода к толкованию языковых фактов.

§ 54. Новая волна по обновлению языка относится уже ко второй половине XIX в. Однако кустарная, антинаучная деятельность некоторых неологов (например, П. Бугата), сознательное и стихийное наводнение венгерского языка выражениями, калькированными с немецкого языка, — все это вызвало естественный протест. Представители «новой ортологии» во главе с Г. Сарвашем в 1872 г. выпустили первый номер журнала «Magyar Nyelvőr» («Страж венгерского языка») и начали чистку лексики. Несмотря на некоторые перегибы (допущенные особенно в первое время), деятельность журнала принесла большую пользу. Лучшие традиции новой ортологии живы и в наше время — это чуткое, внимательное отношение к вопросам культуры речи.

§ 55. Венгерский литературный язык (а также близкий к нему общеразговорный вариант) продолжал развиваться в традиционном направлении, т. е. согласно нормам, образовавшимся на основе северо-восточного диалекта. Способствовало этому влияние высших учебных заведений в Шарошпатаке и Дебрецене, а также авторитетная поддержка Ф. Казинци.

§ 56. В эпоху просвещения существовало два варианта орфографической практики. По первому («католическому») варианту, например, фонема [č] изображалась через cs, фонема [c] — через cz; форма 3-го лица ед. числа наст. времени объектного спряжения писалась через игрек (látlya 'он видит это', szánnya 'он жалеет это' и т. д.). По второму («протестантскому») варианту фонема [č] изображалась через ts, фонема [c] — через tz, а вышеприведенная глагольная форма писалась через этимологический j (látja, szánja). По последнему вопросу победа осталась за вторым вариантом, который популяризировался М. Реваи, Ф. Казинци и большинством писателей. Горячим спорам по многим вопросам орфографии на некоторое время положил конец справочник по орфографии, изданный в 1832 г. Академией наук. По его указаниям [c] передается через cz, [č] — через cs, в вышеупомянутых глагольных формах применяется j (látja, szánja и т. д.), удвоенные варианты сложных букв типа sz, cs в корнях слов пишутся через ssz, ccs и т. д. В дальнейших изданиях академических справочников орфографические нормы уточнялись; в 20-х годах XX в. Академией наук была санкционирована передача фонемы [c] через c (вм. сложного cz), что уже давно практиковалось в печати и школьном обучении.

§ 57. В эпохи просвещения и реформ продолжалась борьба за установление нормативного произношения между типами házbann и házban, magassan и magasan. Наряду с падежными суффиксными вариантами -ból/-ből, -ról/-ről, -tól/-től (предлагаемыми Академией наук) еще употреблялись и -búl/-bűl,- túl/-tűl, -rúl/-rűl; в начале же XX в. остались только варианты типа -ból/-ből.

В XIX в. было еще много слов, при произношении которых допускалось как [ö]-канье, так и [ɛ]-канье (mögött — megett 'позади', sötét — setét 'темный' и т. д.), в XX же в. их осталось

лишь несколько. В XIX в. притяжательные окончания в вариантах -ok/-ök, -jok/-jök считались более литературными, чем в вариантах -uk/ük, -juk/-jük, по норме же XX в. установились вторые разновидности. В нововенгерском литературном языке совершенно исчезла фонема [l′], ее следы сохранило лишь написание ly (вместо j). В последнее время [e]-канье под влиянием столичного произношения заметно уступает [ɛ]-канью.

§ 58. Наряду с притяжательными формами типа gyermekeim ‘мои дети’, barátaid ‘твои друзья’ в начале XIX в. употреблялись и краткие притяжательные формы типа gyermekim, barátid; впоследствии остались только формы первого типа с -e, -a. Ряд имен наполовину превращался в послелоги; таковы fejében ‘за’ (от fej ‘голова’), kedvéért ‘ради’ (от kedv ‘настроение’). Имена, оканчивающиеся на гласные -[a], -[e], перед некоторыми суффиксами сохраняли эти гласные, ср. példaul (ныне például) ‘например’, elmeje ‘ныне’, elméje ‘его ум’ и т. д. В эпоху реформ суфф. -i, образующий прилагательные, присоединялся не только к послелогам (например, типа melletti ‘находящийся рядом с чем-л.’), но и к падежным окончаниям, ср. vígságtai okok ‘причины для радости’ [31].

В XIX в. началось превращение образований -féle, -fajta, -szerű в суффиксы. В XX в. чрезвычайно распространилось присоединение уменьшительно-ласкательного суфф. -i к личным именам и даже к нарицательным, ср. Évi, Zoli (от личных имен Éva, Zoltán), mozi ‘кино’ (от mozgóképszínház ‘тж’).

Ради разнообразия стиля до середины XIX в. охотно применялись (в одинаковых функциях) разные формы прош. времени и обе формы будущего. К концу же XIX в. из них фактически сохранились: прош. на -t/-tt и будущее, образованное при помощи вспомогательного глагола fog-ni. Совершенно устарело употребление страдательных глаголов на -atik/-etik.

Продолжалось разрушение границ между глаголами с -ik и без -ik; в эпоху реформ, например, параллельно использовались формы foly и folyik ‘течет’, hazud и hazudik ‘лжет’ и др.; кроме того, в XX в. значительно возросло число глаголов, которые сохраняют -ik-овые формы только в 3-м лице; у глаголов с -ik и без -ik особенно часто смешивались формы условного и повелительного наклонений.

§ 59. В литературных произведениях эпохи просвещения распространилась мода на употребление причастий и деепричастий в качестве сказуемого, например, feletle szomorító ‘весьма печально’, az ajtó zárva ‘дверь заперта’ и даже az ajtók zárvák ‘двери заперты’. Во избежание слишком частого употребления союза hogy ‘что’, последний нередко заменялся союзами mikénl, miképp(en), miszerint. Появилось использование союза временных придаточных предложений míg в противительном значении; под немецким

[34] Bár. MNyÉl. 337.

влиянием парные союзы úgy. . . mint стали заменителями союзов mind. . . mind 'как . . . так и'.

§ 60. В результате деятельности «обновленцев» в словарный фонд литературного и общеразговорного вариантов венгерского языка вошли тысячи новых слов (среди них было и немало неправильно образованных); венгерский стал гибким языком, богатым синонимическими выражениями и научными терминами, приспособленным для использования в любой сфере литературы, науки, общественной жизни и быта.

Обогатилась лексика также за счет иностранных заимствований. Путем непосредственного контактирования продолжается приток немецких и славянских слов (притом некоторые из них уже в немецком были заимствованиями), ср. batiszt (< нем. Batist) 'батист', szaft (< нем. Saft) 'соус', front (< нем. Front) 'фронт' и т. д. Приток славянских слов значительно уменьшается вплоть до освобождения Венгрии от фашизма; о славянских же заимствованиях, зафиксированных впервые в XIX в., трудно установить, не имели ли они хождение и раньше, например, paszuly (< сербохорв. pasul') 'фасоль', varkocs (< слов. диал. varkoč) 'коса (женская)'. Такие же сомнения возникают в связи с многочисленными латинскими заимствованиями типа akceptál-ni (< acceptare) 'принимать', legális (< legalis 'правовой') 'легальный' и т. д.

Вошли в нововенгерский язык также и отдельные французские, итальянские и английские слова; ср. miliő (фр. milieu) 'среда', 'окружение', bóra (< ит. bora) 'северный ветер на Адриатическом море', futball (< англ. football) 'футбол'.

Начиная с конца XIX в. в венгерском языке появляются сложносокращенные слова, составленные из первых (или непервых, но характерных) звуков или слогов сложных наименований. Большинство из таких слов относится к собственным названиям учреждений (например MÁV от Magyar Államvasutak 'венгерские государственные железные дороги'), некоторые же к нарицательным именам (например, tsz. от termelőszövetkezet 'производственная кооперация').

§ 61. Из истории исследования венгерского языка. Первые дошедшие до нас значительные очерки венгерского языка написал Я. Сильвестер; в его основной работе («Grämatica Hungarolatina in usum puerorū recēs scripta Joanne Syluestro Pannonio autore». Neanesi, 1539) строй венгерского языка рассматривается в сопоставлении с латинским. В отличие от Я. Сильвестера выдающийся для своего времени хунгарист А. Сенци-Мольнар свою работу («Novae grammaticae ungaricae. Autore Alberto Molnar Szenciensi». Hanoviae, 1606) посвятил описанию грамматического строя венгерского языка, причем он был первым, кто рассматривал и вопросы синтаксиса.

Среди исследователей строя средневенгерского языка заслуживает внимания И. Гелеи-Катона, автор работы «Тайна Тайн» (I. Gelei Katona. Titkok Titka. Gyulafehérvár.

1645), к которой был приложен и грамматический очерк, особенно ценный тем, что он был написан на венгерском языке и содержал много метких указаний по орфографии и культуре речи.

Несколько позднее издал свою работу П. Пересленн (P. P e r e s z l é n y i. Grammatica linguae ungaricae. Nagyszombat, 1682); в данном труде автор пытался охватить все разделы грамматики, в том числе и вопросы синтаксиса. Католические издательства и школы вплоть до XVIII в. руководствовались орфографическими правилами, составленными П. Пересленн.

Для изучения лексики средневенгерского языка особое значение имели словари большого объема. Таковы: словарь А. Калепина («Ambrosii Calepini Dictionarium decem Linguarum. . .», изданный во Франции в городе Лионе в 1585 г.; венгерский был одним из десяти языков, отраженных в этом труде), словари А. Сенци Мольнара (A. S z e n c i M o l n á r. Dictionarium latino-ungaricum. Norimberga (Nürnberg), 1604; О н ж е. Dictionarium ungarico-latinum. Norimberga (Nürnberg), 1604 и словарь Ф. Папаи-Париза (F. P á p a i P á r i z. Dictionarium latino-hungaricun. Lőcse, 1708; О н ж е. Dictionarium hungarico-latinum. Lőcse, 1708).

§ 62. К *эпохе просвещения относятся первые научные попытки* сравнительно-исторического изучения венгерского языка, связанные с именами Я. Шайновича (J. S a j n o v i c s. Demonstratio idioma ungarorum et lapponum idem esse. Nagyszombat, 1770) и Ш. Дьярмати (S. G y a r m a t h i. Affinitas linguae hungaricae cum linguis fennicae originis grammatice demonstrata. Göttingen, 1799), которые обосновали генетическую связь венгерского языка с другими финно-угорскими языками. О растущем интересе к вопросам истории венгерского языка свидетельствует также деятельность выдающегося грамматиста своего времени М. Реваи, впервые применившего исторический подход для объяснения фактов современного языка (см.: J. N. R é v a i. Elaboratior grammatica hungarica, I, II, III. Pest, 1803, 1805, 1806). В отличие от М. Реваи его современник Ф. Вершеги (F. Verseghy) в своих грамматических воззрениях решающее значение придавал живому языку.

§ 63. После освободительной войны 1848—1849 гг. (см. § 9) в венгерском языкознании начался новый подъем. С. Ридль написал историческую фонетику венгерского языка (Sz. R i e d l. Magyar hangtan. Prága és Lipcse, 1859). Чрезвычайно плодотворно работал Ж. Шимони. В своей фундаментальной работе «Подробная венгерская грамматика» (Zs. S i m o n y i. Tüzetes Magyar Nyelvtan. Budapest, 1895; соавтор по разделу фонетики Й. Балашша) для объяснения особенностей современного языка он привлекал данные из истории и диалектов. По изучению фонетики большие заслуги имел. Й. Балашша (J. B a l a s s a. Magyar fonétika. Budapest, 1904).

Данный период ознаменовался также созданием таких трудоемких работ, как трехтомный исторический словарь венгерского

языка (G. Szarvas, Zs. Simonyi. Magyar Nyelvtörténeti szótár. Budapest, 1890, 1891, 1893), словарь венгерских грамот (I. Szamota, Gy. Zolnai. Magyar Oklevél Szótár. Budapest, 1902—1906), словарь обновления венгерского языка (K. Szily. Magyar Nyelvújítás Szótára, t. I, t. II. Budapest, 1902, 1908). Об интересе к истории родного языка свидетельствует также издание серии памятников венгерского языка, об интересе к народным говорам — появление диалектологических исследований, прежде всего сводного двухтомного словаря венгерских диалектов (J. Szinnyei. Magyar Tájszótár. Budapest, 1893—1901).

§ 64. Несмотря на то, что в первой половине XX в. изучению родного языка посвятил себя ряд трудолюбивых и талантливых лингвистов, не уступавших по уровню знаний ученым Запада, венгерское языкознание было ограничено в своих возможностях. Особенно тяжел был для него период после первой мировой войны до 1945 г. Не хватало материальной и духовной поддержки со стороны правящих кругов; ориентация венгерского правительства на германский фашизм, большие расходы на подготовку к войне тяжело отразились и на развитии лингвистической науки. Журналы выходили реже или вовсе прекратили свое существование, научные планы оставались не выполненными. Например, из большого этимологического словаря З. Гомбоца и Я. Мелиха свет увидело лишь несколько выпусков. Внешние условия не благоприятствовали и созданию фундаментальной описательной грамматики венгерского языка. Из обобщающих работ в этот промежуток времени появились лишь: трехтомный сравнительно-исторический синтаксис венгерского языка А. Клемма (A. Klemm. Magyar történeti mondattan, I, II, III. Budapest, 1928, 1940, 1942), сравнительно-историческая грамматика венгерского языка Й. Синнеи (J. Szinnyei. Magyar nyelvhasonlítás. Budapest, 1927) и скромный по своим задачам и объему, но ценный этимологический словарь Г. Барци (G. Bárczi. Magyar szófejtő szótár. Budapest, 1941).

§ 65. Благоприятные условия для развития венгерского языкознания появились только после преобразования буржуазной Венгрии в социалистическое государство. В целях усиления языковедческой работы в системе Венгерской Академии наук был создан Институт языкознания, в котором трудятся десятки высококвалифицированных ученых.

За последние два десятилетия одна за другой выходили в свет фундаментальные обобщающие работы: семитомный толковый словарь венгерского языка, двухтомная научная грамматика современного венгерского языка, выпуски историко-этимологического словаря венгерского языка, словаря финно-угорских элементов в венгерском языке, атласа венгерских диалектов. По вопросам фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики венгерского языка были изданы десятки монографий, учебников и учебных пособий высокой научной ценности.

В увеличенном объеме выходят старые лингвистические журналы: «Nyelvtudományi Közlemények» (с 1862 г.), «Magyar Nyelvőr» (с 1872 г.), «Magyar Nyelv» (с 1905 г.); появились новые периодические издания, полностью или частично посвященные вопросам венгерского языка, в том числе «Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae» (с 1951 г.), записки университетов и педагогических институтов.

§ 66. Венгерский язык исследуется и за пределами Венгрии, прежде всего в соседних с ней странах: в Советском Союзе, Румынии, Югославии, Чехословакии, на территории которых живут и венгры. Естественно, что в этих государствах внимание языковедов сосредоточено в основном на исследовании местных диалектов и их взаимосвязей с другими языками соответствующих территорий.

В некоторых странах, например в США и ФРГ, вопросы фонетики и морфологии венгерского языка изучаются главным образом в структурном плане.

ФОНЕТИКА

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 67. По сравнению с фонетическим строем финно-угорского языка-основы фонетическая система венгерского литературного языка характеризуется рядом особенностей. Из них отметим некоторые.

1. В венгерском по противопоставляются гласные по их позиции в первом или непервом слогах (имеются только некоторые ограничения, например, в конце слова не могут выступать краткие [o, ö]); *в финно-угорском языке-основе в непервом слоге из разнообразных гласных употреблялись только *a, *ä, *e.*

2. В венгерском расширился состав гласных фонем: появились гласные [ö, ő, å], которых не было в финно-угорском языке-основе.

3. Гласные уподобляются не только по ряду образования (сингармоническое уподобление по переднему или заднему ряду образования было известно и праязыку), но также по огубленности/неогубленности гласных переднего ряда.

4. В венгерском языке нет некоторых согласных фонем, которые наличествовали в финно-угорском языке-основе (например, ф.-у. * δ, * δ′, * *w*, * *s*′, * *η*, * *ć*), тем не менее состав венгерских согласных фонем богаче финно-угорского состава; он расширился по нескольким линиям, из которых мы отметим наиболее значительные: а) появление звонких взрывных (и некоторых других звонких) согласных: [b, d, g], встречающихся в начале, середине и конце слова и образующих фонематическое противопоставление с соответствующими глухими согласными; б) появление ко всем

согласным геминатов (в финно-угорском языке-основе они имелись только к взрывным *p, *t, *k и, возможно, к *c'); в) появление новых по типу согласных [f] и [h].

ГЛАСНЫЕ

§ 68. Система гласных современного венгерского языка может быть представлена в следующей таблице:

Таблица 1

По положению языка	Переднерядные		Заднерядные	
	неогубленные	огубленные	неогубленные	огубленные
Верхнего подъема	i, í	ü, ű		u, ú
Среднего подъема	(ö), é	ö, ő		o, ó
Низкого подъема	e			a
Нижнего подъема			á	

Примечание. Особые орфографические знаки, приведенные в таблице, соответствуют следующим транскрипционным: í [ī], ű [ǖ], ú [ū], ë [e], é [ē], ő [ō̄], ó [ō], e [ɛ], a [å], á [ā]; в круглые скобки заключен ė, весьма распространенный в диалектах и характерный также для одного из вариантов общеразговорного языка (в другом варианте вместо ë произносится [ɛ]).

§ 69. По современным орфографическим нормам точкой (или двумя точками) над буквами или отсутствием всяких диакритических знаков изображается краткость гласных, черточкой (или двумя черточками) над буквами — долгота гласных.

В отличие от вокализма русского языка, в венгерском имеются гласные: [ɛ] и [å] низкого подъема и огубленные [ö, ō̄, ü, ǖ], кроме того, противопоставление кратких и долгих гласных в венгерском языке имеет смыслоразличительное значение; ср. öt 'пять' и őt 'его', por 'пыль' и pór 'крестьянин'.

§ 70. По статистическим данным на 100 произнесенных звуков венгерского языка приходится 42 гласных, из которых наиболее часто встречается [ɛ], за ним следует по частоте встречаемости [å]. Почти все гласные употребляются в начале, середине и в конце слов, только для некоторых (например, для [ō, ō̄, ī]) существуют отдельные позиционные ограничения.

§ 71. По закону гармонии гласных, характерному для венгерского языка, в большинстве неодносложных слов содержатся либо только заднерядные, либо только переднерядные гласные: kettő 'два', három 'три'. С заднерядными гласными в пределах простого слова «уживаются» лишь гласные [i, ī, e, ē] (в [ɛ]-кающих диалектах [ɛ] вм. [e]): fiú 'мальчик', leány [leāń] 'девушка'.

Закону гармонии гласных подчиняются также и суффиксы: большинство из них реализуется в двух вариантах, один из ко-

торых содержит заднерядный гласный и присоединяется к словам с заднерядным вокализмом, другой содержит переднерядный гласный и присоединяется к словам с переднерядным вокализмом. Кроме того, некоторые суффиксы реализуются в трех вариантах, из которых один присоединяется к словам с заднерядным вокализмом, другой — к словам, имеющим в последнем слоге губные [ö, ő, ü, ű], третий — ко всем остальным словам с переднерядным негубным вокализмом: fal-hoz 'к стене', szék-hez 'к стулу', üst-höz 'к котлу'.

К односложным словам с [i, ī, e, ē] или к словам со смешанным по ряду образования вокализмом присоединяются суффиксы либо переднерядного, либо заднерядного вокализма: sír-ok 'могилы', sír-ról 'о могиле', но hír-ek 'вести' hír-ről 'о вести', marék-ban 'в горсти'.

§ 72. В дописьменный (правенгерский) период гласные претерпели ряд изменений: 1) конечные гласные основы переходили в верхнерядные [i, i̯, ü, u], потом редуцировались и, наконец, начали отпадать; ср. ф. kala, в. hal 'рыба', ф. veri, в. vér 'кровь' (см. § 30); рефлексы же исчезнувших гласных при словоизменении и словообразовании обнаруживаются и в наше время; ср. hal 'рыба', но hala-m 'моя рыба', hala-t 'рыбу', hala-s 'рыбный' и т. д.; 2) началась монофтонгизация дифтонгов: [ai̯, oi̯, ei̯] и т. п. переходили в [ī] или [ē]; позднее по гармонии гласных к [ē] появился и вариант [ā]. Таким образом (а также по другим причинам, например, вследствие слияния двух соседних кратких гласных) в венгерском языке появились долгие гласные; 3) нарушались законы гармонии гласных, например, в результате перехода дифтонгов [ai̯, oi̯, ui̯] в [ī], а также в связи с постепенным переходом заднерядного [i̯] в [i].

Краткие гласные начала старовенгерского периода могут быть представлены следующим образом: верхнего подъема: [i, ü, u, ʔi̯]; среднего подъема: [e, o]; нижнего подъема: [ɛ, a]; по-видимому, в это время существовали уже долгие гласные: верхнего подъема [ī, ʔű, ū, ʔū], среднего подъема [ē], нижнего подъема [ā]; кроме того, употреблялись и дифтонги (см. § 30)[35].

§ 73. Из процессов письменного периода, касавшихся качества гласных, следует отметить: расширение артикуляции, лабиализацию, палатализацию и уподобление по гармонии гласных.

Старовенгерское расширение артикуляции охватило большинство гласных (см. § 30): 1) [i] > [e]; ср. szim > szëm 'глаз', kendir > kendër 'конопля'; данный процесс происходил приблизительно до XV в. и во всех фонетических условиях; 2) [e] > >[ɛ]; ср. kérnë (< kérné) > kérne 'он бы просил'; данный процесс происходил также до XV в., однако позднее в восточных и северо-восточных диалектах начался новый этап перехода [e] > [ɛ], ставшего характерным и для будапештского произношения, по-

[35] MNyT 143.

этому [e] постепенно исчезает из литературного языка; 3) [u] > [o]; ср. dumb > domb 'холм', uruszág > ország 'страна'; процесс происходил во всех фонетических условиях до XV в.; 4) [o] > [å]; ср. golomb > galamb 'голубь', nogy > nagy 'большой'; процесс происходил приблизительно до XV в.; 5) [ü] > [ö]; ср. ükür > ökör 'вол', lük > lök 'толкает'; в результате этого процесса в венгерском языке появился новый гласный [ö] (см. § 30).

Наряду с расширением гласных происходил и обратный процесс: сужение гласных: 1) старовенгерское [e] > [ı]; ср. латинское личное имя Valentinus > в. Bálint; 2) [ó] > [u], [o] > [u]; данные переходы особое влияние оказали на средне- и нововенгерское развитие формантов словоизменения типа:-onk > -ünk, -onk > -unk, -ök > -ük, -ok > -uk; ср. kezonk > kezünk 'наша рука', házonk > házunk 'наш дом', kezók > kezuk 'их рука', házok > házuk 'их дом'; 3) для [i]-кающих диалектов большое значение имеет переход [ē](> [e]) > [ı]; ср. fél > fíl 'боится', vér > vír 'кровь'; 5) в связи с превращением [ē] > [ē], начавшимся в XVI в., венгерский литературный язык утратил [ē]; ср. [jēg] > jég 'лед', [kēz] > kéz 'рука' (см. § 45).

§ 74. По признаку лабиализации произошли следующие изменения: 1) ст.-в. [i] > [ü]; ср. bik > bükk 'бук', личное имя Filip > Fülop; 2) ст.-в. [e] > [ö] (особенно в [ö]-кающих диалектах); ср. [feld] > föld 'земля', [egy] > диал. ögy 'один'; 3) ст.-в. [a] > [å]; ср. [bakoų] > bakó 'палач', [barįm] > barum > barom 'скот' (в отдельных диалектах [a] сохранился); 4) [a] > [o] (встречается перед [lt], [ld]); ср. hal 'умирает' > holt 'умерший'; 5) [ā] > [ă] (в диалектах, сохранивших [a]); ср. палоцкий диалект [hăz]. лит. ház 'дом' [kapăl], лит. kapál 'мотыжит'.

В разных диалектах произошли также и изменения по делабиализации. Палатализации подвергались все [į], которые не лабиализовались; ср. [įnu] > ín 'жила'.

§ 75. Новые случаи уподобления по гармонии гласных наблюдаются с начала старовенгерского периода вплоть до XIX в., особенно большое значение имеет прогрессивный тип уподобления (предшествующий гласный влияет на гласный следующего слога), благодаря которому ряд послелогов превращался в падежное окончание; прогрессивный и регрессивный типы уподобления охватывают также слова с основами смешанного вокализма; ср. нем. Herzog > в. herceg 'герцог', слав. milostь > в. malaszt 'милость' (см. § 32).

В противоположность указанным явлениям ассимиляционного порядка встречались случаи диссимиляции гласных.

§ 76. Из процессов, касавшихся количественной характеристики гласных, следует отметить отпадение, выпадение и вставку гласных, изменения по долготе звучания, монофтонгизацию и дифтонгизацию.

§ 77. Конечные гласные основы (уже раньше ставшие редуцированными) полностью отпали до начала XIII в. (см. § 30, 72).

Выпадали гласные в словах, состоящих из трех и более открытых слогов; ср. слав. palica > в. pálca 'палка', ст.-в. uruzag > в. ország 'страна'. Для устранения зияния (возникавшего обычно при выпадении согласных) также исчезал один из соседних гласных (ср. латинское личное имя Michael > в. Mihály) или же два соседних гласных могли слиться в один (ср. прав. *ńuβuli > *ńuuli > в. nyúl 'заяц' и т. д.)

§ 78. Удлинение гласных происходило по разным причинам: 1) в связи с отпадением конечных гласных основы предыдущий гласный удлинился, но в ряде форм соответствующих слов сохранились и краткие гласные; ср. в. víz 'вода', vize-t 'воду' (ср. ф. vete-), в. így 'так', но itt 'здесь'; 2) в связи с выпадением [l] (в некоторых диалектах); ср. föld > főd 'земля', volt > vót 'он был'; 3) в старовенгерском под влиянием последующего [r, l, j, n]; удлинялись в основном гласные [å], [ɛ]; ср. тюрк. arïslan > в. oroszlán 'лев', rágcsal > rágcsál 'грызет'; 4) под влиянием ударения; ср. тюрк. sinäk > в. szúnyog 'комар'; 5) в составе некоторых суффиксов [o, ö], реже [å] удлинялись, и поэтому появились разные варианты суффиксов; ср. változik 'меняется', nyújtózik 'расправляет члены' (см. § 31).

Старовенгерское сокращение протяженности гласных охватило конечные гласные [ā, ē, ī]. Для первых двух гласных характерны были изменения [ā] > [a] > [å]; [ē] > [e] > [ɛ]; ср. [fā] > [fa] > fa 'дерево'.

§ 79. Старовенгерский язык был очень богат дифтонгами; они разделялись на два разряда: 1) дифтонги, у которых во втором неслоговом компоненте выступал [i̯]; 2) дифтонги, у которых во втором неслоговом компоненте выступал огубленный гласный.

Неслоговой [i̯] мог объединяться с любым из гласных; ср. [ai̯, ɛi̯, oi̯, ei̯, öi̯, ui̯, üi̯, ii̯]. Как было указано выше (см. § 72), эти дифтонги до XVII в. переходили в [ī] или [ē] (в зависимости от диалектов).

У дифтонгов второго разряда неслоговые огубленные компоненты возникли путем вокализации согласных [β] или [γ] (см. § 87); ср. [au̯, ɛü̯, ou̯, eü̯, iu̯, uu̯, iü̯, üü̯]. Все эти дифтонги также монофтонгизировались, превращаясь в различные долгие гласные; именно в результате этого процесса венгерский язык обогатился долгими гласными [ō, ő] (см. § 31).

В некоторых нововенгерских диалектах снова появились дифтонги разного типа, но в литературное произношение они не проникли.

СОГЛАСНЫЕ

§ 80. Система согласных венгерского языка может быть представлена в таблице (см. табл. 2).

§ 81. По орфографическим нормам современного венгерского языка простые согласные могут изображаться одним знаком или сочетанием знаков. Сочетанием двух знаков передаются: [s] — sz,

Таблица 2

По способу образования	По месту образования												
	губные				языковые								Гортанные
	губно-губные		верхнезубно-нижнегубные		зубные				небные				
					переднезубные		заднезубные		передненёбные		заднёбные		
Взрывные смычные	p	b			t	d			ty [t′]	gy [d′]	k	g	
Носовые смычные		m				n				ny [ń]			
Дрожащие						r							
Среднеязычные или межгубные щелевые			f	v	sz [s]	z	s [š]	zs [ž]		j ly			h
Боковые щелевые						l				(l′)			
Аффрикаты					c	dz [ʒ]	cs [č]	dzs [ǯ]					
Участие голоса	глухие	звонкие	глухие	звонкие	глухие	звонкие	глухие	звонкие	глухие	звонкие	глухие	звонкие	глухие

Примечание. В квадратных скобках приводится фонетическая транскрипция согласных, орфографическое изображение которых расходится с фонетической транскрипцией; в круглых скобках приводится фонема, употребляемая только в диалектах.

[ž] — zs, палатальные [t′]—ty, [d′]—gy, [n′]—ny, [j]—ly (в других случаях через j); аффрикаты [č]—cs, [ǯ]—dz, тремя знаками [ǯ]—dzs. По орфографическому письму для обозначения долготы большинства звуков, изображаемых двумя знаками, удваивается только первый компонент: hosszú [hossū], konny [kǒńń].

§ 82. В отличие от русских палатализованных согласных [t′, d′, ń], соответствующие венгерские [t′, d′, ń] являются палатальными. Венгерский [l] относится к типу так называемого среднеевропейского [l], значительно отличающегося от русских *л* и *л′*. Противопоставление согласных по протяженности звучания имеет смыслоразличительный характер; ср. tol ‘он продвигает’ и toll ‘перо’, ege ‘его жила’ и egge ‘в этом направлении’.

§ 83. По статистическим данным, полученным при анализе разных текстов, на 100 звуков венгерского языка приходится 58 согласных, из которых чаще всего употребляется t, потом (в убывающем порядке) идут [l, n, k].

В середине слова все (а в конце слова почти все) согласные могут быть краткими или долгими (геминированными), в начале слова только краткими.

В начальной позиции сочетания согласных встречаются только в звукоподражательных и иностранных словах (brekeg-ni ‘квакать’, klub ‘клуб’). В то же время в старых заимствованиях скопления согласных, как правило, устранены: путем добавления гласного к началу слова, например, нем. Sturm > в. ostrom ‘осада’, или путем введения гласного между согласными, например слав. *брать* > в. barát ‘друг’, слав. sr̆da > в. szerda ‘среда’ (см. § 34).

§ 84. Согласные, оказавшиеся рядом (на стыке слов или внутри слова) могут оказывать друг на друга влияние; особенно часто уподобляется по участию голоса предыдущий согласный последующему; ср. dob-tam (произносится [dop-tâm]) ‘я кинул’, vas-golyó (произносится [vâž-gojǒ]) ‘железный шарик’.

§ 85. Уже в правенгерский период произошли некоторые изменения, отдалившие систему венгерских согласных от прафинно-угорского и праугорского состояния[36]: 1) геминированные смычные между гласными становились краткими (упрощение): ф.-у.*pp > в. [p], ср. ф. sappe-, в. epe ‘желчь’; ф.-у.*kk > в. [k], ср. ф. lykkaa-, в. lök ‘толкает’; также ф.-у. *tt > в. [t]; 2) между гласными простые взрывные смычные и носовые смычные *m, *η переходили в соответствующие по месту образования щелевые (спирантизация): ф.-у.*p > прав. *w (*β), ср. ф. repo, прав. *roβosu > ravasz ‘лиса’; ф.-у.*t > в. [z], ср. ф. sata, в. száz ‘сто’; ф.-у. *k > прав. *γ, ср. ф. joki, прав. *joγu > jó ‘река’; ф.-у. *m > прав. *w (*β); ср. ф. nime-, прав. *neβü > név ‘имя’; ф.-у. *η > прав. *γ; ср. мд. koη, прав. *χoγu > hó ‘месяц’; спирантизировались в начале слова также *p и *k: ф.-у. *p > в. [f]; ср. ф. paa, в. fő ‘голова’, ф.-у. *k (перед задне-

[36] *История согласных излагается в основном по* MNyT 101—105, 111—127.

рядным согласным) > прав. *χ, ср. ф. kolme-, прав. *χarm- >három 'три' (в ряде случаев ф.-у.*p и *k сохранились и в венгерском или же *p перешел в [b]); 3) назальный, находящийся в середине слова перед смычным или аффрикатой, исчез (деназализация), а смычный и аффриката озвончились, например, ф.-у. *-mp > в. [b], ср. ф. kumpua- 'пениться', в. hab 'пена', ф.-у. *-ńč′ > прав. *ǯ ~ *d′, ср. к. *водзир*, в. agyar 'клык'; 4) в ряде условий происходила палатализация: прав. *γ > [j]: прав. *vārǔγǔn > várjon; ф.-у. *-l > в.[l′] > [d′]; ср. ф.-у. *vol-, > *прав. *vol′- > vagy 'ты есть'; 5) депалатализовались ф.-у. *ś > в. [s] и ф.-у. *č′ > в. [č], ср. мд. *сядо*, в. száz 'сто', у. *чиляны* 'блестеть', в. csill-og 'блестит'; 6) довольно часты были случаи аффрикатизации: ф.-у. *j, *l, *l′, *δ > прав. *ǯ′ ~ *d′; ср. ф. jalka 'нога', в. gyalog 'пешком', х. mel′ 'ягода', в. meggy 'вишня', мд. *кадо-мс* 'оставлять', в. hagy 'оставляет'; 7) дезаффрикатизация ф.-у. *č (> в. [s]) в правенгерский период только началась.

Когда в словоизменении [n, l, d, t] оказывались рядом с [j] < *γ, то между гласными обычно возникал геминированный палатальный согласный, а после согласного — краткий палатальный согласный (ассимиляция): в. mën + jen > menjen [meńńen] 'пусть идет', lát + ja > látja [lāt′t′ā] 'видит', tart-ja > tartja [tārt′ā] 'держит'; в порядке ассимиляции ф.-у. каузативный суфф. *-kt > прав. *-γt > -χt > *t, ср. мр. *туныкт-*, прав. *tanoχt- > tanít 'обучает'; в начале слова ф.-у. *s, *š в венгерском исчезли; ср. ф. sappe-, в. epe 'желчь', у. *шыр*, в. *égér* 'мышь'.

§ 86. В результате изменений, происшедших в правенгерское время, к началу старовенгерского периода установился следующий набор согласных: губно-губные [p, b, β, m], зубно-губной [f], передпозубные [t, d, s, z, n, l, r], задпозубные [š, č], переднепёбные [χ, j, (?)t′, ǯ′ ~ d′, ń, l′], задпепёбные [k, g], [χ, γ], гортанный [h][37].

§ 87. В исторический период венгерского языка также произошли некоторые изменения.

В ранне-старовенгерском языке еще не было согласных [c, ž, ǯ, ʒ, v], вначале первые три из них в заимствованиях субтитупровались; ср. слав. нѣмьсь > в. németi 'немец', славянское имя собственное Kněža > в. Kenese (см. § 33); впоследствии именно благодаря заимствованиям эти согласные все же укоренились в венгерском языке. В отличие от них согласные [v] и [ʒ] появились в результате внутреннего развития: [v] преобразовался из начального [β], а [ʒ] возник путем аффрикатизации (см. § 88).

До XIII в. согласные [β, γ, χ] (изредка [l]) в определенных фонетических условиях вокализовались: [β] и [γ] в конце слова или слога переходили в [u̯] или [ü̯], которые с предшествующим гласным образовали дифтонги; ср. прав. kiβi > ст.-в. kiü̯ > в. kő 'камень', тюрк. ǯïsnaγ > ст.-в. Gyznou- > в. disznó 'свинья';

[37] MNyT 111.

до XVI в. завершился переход [χ] в [i] перед [t], ср. нем. sleht 'плохой' > в. selejt [šeleit] 'брак' (см. § 33).

§ 88. Кроме появления и вокализации согласных для исторического периода венгерского языка характерны и другие изменения согласных: 1) перемена места образования; еще в старовенгерском языке переходили [β] > [v] или [b], [ð'] > [d'] и [χ] > [h]; ср. нем. wachter > в. bakter 'сторож', в. диал. dzsënge, лит. в. gyenge 'слабый', ст.-в. charmul > hármul 'три раза' (иногда [h] мог восходить и к [χ]); 2) палатализация: [γ] после согласного обычно переходил в [j]; ср. тюрк. *baltïrγan > в. bojtorján 'лопух'; вплоть до последнего столетия продолжается переход [l] > [j] и [n] > [ń]; ср. нем. Kristall > в. kristály [krištāj]: ст.-в. meni > mennyi [meńńi] 'сколько' (см. § 34); 3) депалатализация: [l'] > l; ср. lyány > lány 'девушка'; 4) аффрикатизация; ее наиболее значительное проявление — переход [z] или [zz] > [ʒ͡ʒ] продолжается вплоть до нашего времени; ср. lopózik > lopódzik 'крадется', mazzag > madzag 'веревка' (см. § 45); 5) спирантизация: палатальный [l'] почти во всех диалектах, кроме палоцкого, превратился в [j]; ср. gólya [gōl'å] > [gōjå] 'аист' (см. § 45); 6) озвончение; ср. kazdag > gazdag 'богатый', нем. reissen > в. rajzol-ni 'рисовать' и т. д.

§ 89. Из случаев ассимиляции наиболее важны: 1) переход [mt] > [nt], [mk] > [nk], [mg] > [ng]: romt >ront 'разрушает', semki > senki 'никто', remeg > reng 'колеблется', 'дрожит'; 2) переход [šj] > [šš], [sj] > [ss], [zj] > [zz]: lesjem > lessem 'пусть я подсматриваю', veszjen > vesszen [vɛssen] 'пусть гибнет', hozjon > hozzon 'пусть приносит'; 3) в падежном суффиксе -val/-vel [v] уподобляется предыдущему согласному: bot-val > bottal 'палкой' и т. д.; изредка происходила и диссимиляция, ср. tassol > tarsoly 'сумка'.

§ 90. В старовенгерском языке некоторые согласные имели тенденцию выпадать; так после [u, ü] нередко выпадал [β] (для устранения создавшегося таким образом зияния позднее иногда вводился [v]); ср. ст.-в. cues > в. köves 'каменистый'; до XIII в. между гласными выпадал [γ] (позднее для устранения зияния в данном случае вводился какой-либо согласный): ſeγé > ſeé > ſeje 'его голова'. Следы выпадения [β] и [γ] и их более поздняя замена в некоторых именах и глаголах сохранились в виде чередования основы. В диалектах до сих пор наблюдается выпадение [l] перед согласным, но после гласного; предшествующий гласный в связи с выпадением [l] удлиняется: volt > vót 'он был', zöld > ződ 'зеленый'.

§ 91. В ряде случаев происходило удвоение или удлинение согласных; начиналась геминация обычно в интервокальном положении, но позднее распространилась и на исходную позицию.

Удваивался суфф. сравнительной степени [b] > [bb], однако колебания встречались вплоть до XVII в.; ср. hamarab ~ hamarabb 'быстрее', [nåd'ob] 'больше' ~ [nåd'obbåt] (вин. падеж).

В интервокальной позиции (позднее и в других позициях) рано геминировался показатель прош. времени -t; ср. в Надгробной речи: odut, odutta > в. adott, adta ‘он дал’; рано начал удваиваться [t] также в локативных формах типа itt ‘здесь’, mellett ‘около’, Győrött ‘в (городе) Дьёре’. В XV в. начали удваиваться согласные для символизации мгновенного действия; ср. dörög-ni ‘греметь’, dörren-ni ‘загреметь’, ‘грянуть’. Удвоение [š] между гласными зафиксировано еще в старовенгерских текстах, ныне это явление весьма распространено в западных диалектах: erőssen (вм. лит. erősen) ‘сильно’; в ряде слов произошло удвоение [l] : kell ‘нужно’, holló ‘ворон’.

РАЗЛИЧИЯ ЗВУКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ В ДИАЛЕКТАХ

§ 92. Звуковые явления в венгерских диалектах различаются по многим признакам, из которых мы отмечаем только особенно важные, имеющие отношение к количественной характеристике фонемного состава.

В большинстве диалектов имеется восемь кратких гласных фонем [u, ü, i, o, ö, e, å, ɛ]. Данная система кратких гласных характерна для диалектов, распространенных на западе и севере от Дуная, между Тисой и Дунаем до реки Херпад, на востоке от Тисы южнее города Дебрецена, в части Трансильвании. В остальных частях венгерской языковой территории, в том числе и в Будапеште, употребляется лишь семь кратких гласных фонем, так как отсутствует [e], т. е. вместо нее произносится также [ɛ] ([ɛ]-кающие диалекты). Таким образом, в диалектах, в которых употребляется восемь фонем, различаются, напримерр, [mentɛm] ‘я шел’ и [mɛntëm] ‘я спасаю’, в других (в [ɛ]-кающих диалектах) подобные пары слов произносятся одинаково.

В большинстве диалектов (как и литературном языке) различается семь долгих гласных фонем: [ū, ű, ī, ō, ő, ē, ā], но в части палоцких говоров кроме них имеется еще долгая [ɛ̄], например, различаются [ɛ̄g] ‘небо’ и [ēg] ‘горит’, ср. лит. ég ‘небо’ и ‘горит’; в говорах же на территории комитатов Зала и Шомодь имеется лишь четыре долгих гласных фонемы [ō, ő, ē, ā], так как вместо долгих гласных верхнего подъема произносятся также краткие, например, [huz] ‘тянет’, [fü] ‘трава’, [viz] ‘вода’, ср. лит. húz, fű, víz.

В отличие от центральных говоров, в окраинных распространено употребление различных дифтонгов, соответствующих долгим гласным среднего подъема других диалектов и литературного языка, например, [jou̯] ‘хороший’, [mɛzöü̯] ‘степь’, [kō̯iz] ‘рука’, ср. лит. jó, mező, kéz.

Количество согласных фонем колеблется в зависимости от наличия в соответствующих диалектах:

а) согласных [j] и [l′] или же только [j], которой заменяется (как и в литературном языке) и [l′]; обе фонемы употребляются,

например, в центральных палоцких (см. § 19) и в некоторых восточных говорах, ср. диал. [gōl'å] и лит. [gōjå] 'аист';

б) согласных [ť, ď, č, ǯ] или только [č, ǯ] которыми заменяются и [ť, ď], например, у южных чанго (см. § 22) имеется только [č, ǯ], ср. диал. [måǯår] 'венгр', [bāčām] 'мой старший брат' и лит. magyar, bátyám;

в) согласных [š] и [s] или вместо них только промежуточный s̲ и соответственно [z] и [ž] или вместо них только промежуточный [z̲]; [s̲] и [z̲] характерны, например, для северных говоров чанго и для говоров в Славонии, ср. диал. [s̲ō] 'слово', 'соль' и лит. szó 'слово', só 'соль' и т. д.

Вследствие подобных звуковых закономерностей количество согласных фонем в венгерских диалектах колеблется между 26 и 21, наибольшее количество (26) выявляется в некоторых палоцких говорах, наименьшее (21) — в говорах на территории Славонии.

Весьма различаются диалекты и по частоте употребления фонем. Например, в [ö]-кающих диалектах нагрузка фонемы [ö] больше, чем в других, так как на месте фонемы [e] других диалектов в [ö]-кающих говорах большей частью произносится также [ö], ср. [ɛmbör] вм. [ɛmber] 'человек', в [i]-кающих диалектах усилена нагрузка фонемы [ī], так как на месте многих [ē] других диалектов в [i]-кающих произносится [ī], например, [kīk] 'синий', [sip] 'красивый', ср. лит. kék, szép; в диалектах, в которых нет [ť, ď], увеличена нагрузка [č, ǯ] и т. д.

УДАРЕНИЕ

§ 93. Как и в современном языке, главное ударение во все периоды венгерского языка падало на первый слог слова, независимо от того, относился ли этот слог к корневому или префиксальному элементу (к глагольной приставке). Второстепенное ударение может находиться на непарных (кроме первого) слогах слова. Безударны служебные слова: артикли, союзы, некоторые частицы, послелоги.

МОРФОЛОГИЯ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 94. По морфологическому типу венгерский относится к аглютинативным языкам, но обнаруживает также некоторые признаки флективности (например, простые типы чередования звуков в основах слов). Наряду с другими особенностями, характерными для венгерского языка в отличие от русского, являются: отсутствие грамматического рода у имен и местоимений, наличие свыше 20 падежей и категории лично-притяжательности у имен, наличие хорошо развитых категорий определенного и неопределенного артиклей, противопоставление у глаголов объектного и безъобъектного рядов спряжения, но отсутствие

в сфере глагола грамматикализованного противопоставления совершенного и несовершенного аспектов действия и залоговых выражений.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 95. Имя существительное характеризуется грамматическими категориями числа, падежа и лично-притяжательности.

Суффикс простого (непритяжательного) множественного числа -k к словам, оканчивающимся на гласный, присоединяется непосредственно, к словам же, оканчивающимся на согласный, — через «соединительный гласный», являющийся большей частью остатком утраченного конечного гласного основы (см. § 72). В связи с присоединением -k в основах слов могут происходить несложные изменения; ср. lépcső 'лестница' — lépcső-k, но alma 'яблоко' — almá-k, fal 'стена' — fala-k, но madár 'птица' — madara-k, álom 'сон' — álmo-k.

Показатель мн. числа -k восходит к ф.-у.*-kk, имевшему первоначально собирательное значение [38].

§ 96. Многочисленные падежи неравноценны: одни из них могут считаться основными, другие — второстепенными.

Таблица 3

Основные падежи

Название падежей	Оформители	Основные соответствия в русском языке
Именительный (номинатив)	без окончания	им., род.
Винительный (аккузатив)	-t (-ot/-at/-et/-öt)	вин.
Дательный (датив)	-nak/-nek	дат., род.
Совместно-орудийный (социатив)	-val/-vel	твор. с предлогом *с* и без него
Превратительный (транслатив)	-vá/-vé	*в* (во что-либо превратиться)
Причинно-целевой (каузалис-финалис)	-ért	*ради*, *для*, *из-за*
Верхнеместный (суперессив)	-n (-on/-en/-ön)	*на* (на вопрос где?)
Верхнеприблизительный (сублатив)	-ra/-re	*на* (на вопрос куда?)
Верхнеотдалительный (делатив)	-ról/-ről	*с* (на вопрос откуда?), *об* (с предл. падежом)
Внутриместный (инессив)	-ban/-ben	*в* (на вопрос где?)
Вносительный (иллатив)	-ba/-be	*в* (на вопрос куда?)
Исходный (элатив)	-ból/-ből	*из*
Околоместный (адессив)	-nál/-nél	*у*
Приблизительный (аллатив)	-hoz/-hez/-höz	*к (о)*
Отдалительный (аблатив)	-tól/-től	*от*
Предельный (терминатив)	-ig/-	*до*

[38] MNyT 400; см. также M. § 26.

Второстепенную значимость имеют падежи, употребляющиеся ограниченно; например, суффикс общеместного падежа (локатива) -t/-tt присоединяется всего к нескольким словам — названиям городов, суффикс временно́го падежа (темпоралиса) -kor — только к именам, выражающим понятие времени, суффикс сопроводительного падежа (комитатива) -stul/-stül и распределительного падежа (дистрибутива) -nként не объединяются с суффиксами числа и лично-притяжательности (так же локативный -t/-tt); к второстепенным падежам следует отнести далее падеж состояния (эссив) с суфф. -ul/-ül и образа действия (модалис) с суфф. -képpen, -ként.

§ 97. В суфф. -va/-ve и -val/-vel, присоединяемых к основам на согласный, -v не сохраняется, а вместо него удваивается конечный согласный основы; ср. kés 'нож' — késsel 'ножом', но ló 'лошадь' — lóval 'с лошадью'; конечные гласные -a/-e перед падежными суффиксами переходят в -á/-é: alma 'яблоко' — almáért 'за яблоко', almá-hoz 'к яблоку' (не удлиняются -a/-e только перед падежными суфф. -képpen, -ként, -kor); возможны и другие несложные изменения основы; ср. tükör 'зеркало' — tükrö-n 'на зеркале', madár 'птица' — madara-t 'птицу'; в некоторых падежах используются «соединительные» гласные, ср. ház 'дом', — házo-n 'на доме'.

Падежные суффиксы следуют за k-овым суффиксом мн. числа; ср. ház 'дом' — háza-ko-n 'на домах'.

§ 98. Некоторые падежные форманты восходят к прафинно-угорским падежным суффиксам или к их сочетаниям; таковы: транслативный -vá/-vé (<-é < ф.-у. лативный *-i̯; см. М. § 85), суперессивный -n(< ф.-у. локативный *-na/*-nä; см. М. § 59), локативный -t/-tt (< ф.-у. локативный *-t/*-tt, см. М. § 62), эссивный -ul/-ül (< уг. падежный или ф.-у. словообразовательный *-l; см. М. § 80). Комитативный -stul/-stül, по-видимому, состоит из наречного суффикса -st (в нем.-t восходит к уже упомянутому ф.-у. локативному *-t/*-tt)+упомянутый *-l. Возможно, что терминативный -ig состоит из двух древних лативных суффиксов (ф.-у. *-i̯+ф.-у. *-k) [39].

Аккузативный -t преобразовался из детерминативного (указывающего на определенность) -t местоименного происхождения. Как суффикс аккузатива (т. е. для указания на любой прямой объект) -t обобщался в результате длительного процесса [40].

Характерным для развития венгерского языка является пополнение падежной системы многочисленными формами, образованными путем агглютинации послелогов, которые возникли из имен, оформленных каким-либо древним падежным суффиксом. Так образовались: инессив на -ban/-ben, элатив на -ból/-ből, иллатив на -ba/-be (от имени bél 'кишка', 'внутренность'), аблатив на -tól/-től (от имени tő 'корень'), темпоралис на -kor (от имени

[39] MNyT 407.
[40] K. Rédei — ALH XVI 118.

kor 'время'), модалис на -képpen (от имени kép 'образ', наружность') и -ként (от имени kény 'наслаждение'), сублатив на -ra/-re и делатив на -ról/-ről (от имени со значением 'поверхность'); по всей вероятности, от послелогов образованы также дативный -nak/-nek аллативный -hoz/-hez/-höz, социативный -val/-vel, адессивный -nál/-nél, финальный -ért[41] (см. § 36).

Формирование вышеприведенной системы падежей в основном завершилось уже в течение старовенгерского периода.

§ 99. Для выражения обладания или принадлежности используются лично-притяжательные суффиксы, присоединяемые к имени, обозначающему предмет обладания (обладаемое) и выражающие лицо и число обладателей, а также число обладаемых. Показателем мн. числа обладателей является -k, обладаемых -i.

Таблица 4

Лично-притяжательные суффиксы

Один обладатель				
	Одно обладаемое		Много обладаемых	
	для гласных основ	для согласных основ	для гласных основ	для согласных основ
1 л.	-m	-om/-am/-em/-öm	-im	-aim/-eim (-jaim/-jeim)
2 л.	-d	-od/-ad/-ed/-öd	-id	-aid/-eid (-jaid/-jeid)
3 л.	-ja/-je	-a/-e(-ja/-je)	-i	-ai/-ei (-jai/-jei)
Много обладателей				
1 л.	-nk	-unk/-ünk	-ink	-aink/-eink (-jaink/-jeink)
2 л.	-tok/-tek/-tök	-otok/-atok/-etek/-ötök	-itok/-itek	-aitok/-eitek (-jaitok/-jeitek)
3 л.	-juk/-jük	-uk/-ük (-juk/-jük)	-ik	-aik/-eik (-jaik/-jeik)

При согласных основах варианты с -j, приведенные в скобках, используются у немногих слов; ср. ház-a 'его дом', но kar-ja 'его рука'. Конечные гласные -a, -e перед лично-притяжательными суффиксами переходят в -á, -é, ср. alma 'яблоко' — almá-im 'мои яблоки'. Возможны и другие несложные изменения основы, подобные происходящим при образовании формы простого мн. числа на -k; ср. madár 'птица' — madar-unk 'наша птица', álom 'сон' — álm-aitok 'ваши сны'. Когда лицо обладателя не подчеркнуто, личные местоимения, выступающие в роли притяжательных, én, te, ő, mi, ti, ő (последнее употребляется вместо ők) опускаются; ср. (az én) lány-om 'моя дочь', (az ő) ház-uk 'их дом'.

[41] G. Bárczi — Congr. I 35—37.

Лично-притяжательные суффиксы используются также в значении русского местоимения *свой* (ср. folytatom a munká-mat 'я продолжаю свою работу', folytatod a munká-dat 'ты продолжаешь свою работу'), далее (в сочетании с глаголом van) в выражениях типа nekem van könyv-em 'у меня есть книга', nektek vannak könyv-eitek 'у вас есть книги'. Падежные окончания следуют за лично-притяжательными суффиксами; ср. könyv-ed-et 'твою книгу', könyv-ünk-ből 'из нашей книги'.

§ 100. Лично-притяжательные суффиксы восходят к прафинно-угорским личным местоимениям *mə̑ 'я', *tə̑ 'ты', *sə̑ 'он' и определялись уже в прафинно-угорское время. (По предположению некоторых ученых лично-притяжательные суффиксы появились сравнительно поздно: в результате параллельного развития лишь в отдельных ветвях финно-угорских языков; поскольку звуковой облик венгерских лично-притяжательных суффиксов соответствует позиции согласных в начале, а не в середине слова, по мнению этих ученых, указанные суффиксы формировались только в правенгерском языке, см. М. § 95).

Признак мн. числа обладателя -k по происхождению тождествен *суфф. -k простого склонения* (см. М. § 95); *происхождение* признака мн. числа обладаемого -i считается спорным; одни предполагают, что в нем сохранился прафинно-угорский признак мн. числа -i (см. М. § 18), другие считают, что он появился в результате переосмысления лично-притяжательного суфф. 3-го лица -i/-e[42] (см. § 36).

§ 101. Признак обладателя -é (ср. a ház a tanító-é 'дом принадлежит учителю') образовался в старовенгерском языке (первые данные относятся к XV в.) путем переосмысления лативного падежного суффикса -é (< ф.-у. *i; см. М. § 84): fiú-é 'к мальчику' > 'мальчику' > 'принадлежит мальчику' [43].

§ 102. Наиболее часто встречаются следующие словообразовательные суффиксы имен существительных (ниже приводятся только основные функции и значения):

-at/-et, -mány/-mény, -vány/-vény; используются в отглагольном словообразовании и выражают результат или объект действия; ср. ír-ni 'писать' — irat 'документ', teremt-eni 'создать' — teremtmény 'создание', kér-ni 'просить' — kérvény 'прошение';

-ás/-és; используется в отглагольном словообразовании и выражает абстрактное действие или состояние; ср. jár-ni 'ходить' — járás 'хождение';

-alom/-elem, -dalom/-delem; используются в отглагольном словообразовании и выражают результат действия; ср. fél-ni 'бояться' — félelem 'страх', fáj-ni 'болеть' — fájdalom 'боль';

-ka/-ke, -cska/-cskė, -i; используются в отыменном словообразовании и выражают уменьшительно-ласкательное значение; ср.

---

[42] MNyT 402.
[43] MNyT 401.

leány 'девушка' — leányka 'девочка', fiú 'мальчик' — flúcska 'мальчишка', Klára (женское имя) — Klári ('тж' ласкательно);

-ék; образует от имен существительных собирательные имена со значением 'кто-либо вместе с членами семьи, с близкими'; ср. Ivanovék 'Ивановы', tanító 'учитель' — tanítóék 'учитель с семьей';

-ság/-ség; используется в отыменном и отглагольном словообразовании и выражает отвлеченное качество, свойство, собирательность; ср. bátor 'смелый' — bátorság 'смелость', tanul-ni 'учиться' — tanulság 'поучительность', 'мораль', paraszt 'крестьянин' — parasztság 'крестьянство';

-né образует имя жены от имени мужа; ср. tanító 'учитель' — tanítóné 'жена учителя'; Kertészné (фамилия жены человека по фамилии Кертес).

§ 103. Почти все перечисленные форманты восходят к прафинно-угорским суффиксам или составлены из последних.

Суфф. -(a)t/-(e)t восходит, по-видимому, к отглагольному ф.-у. *-tt (см. M. § 242); суфф. -ás/-és — к ф.-у.-j+ф.-у. *-ć или -č (см. M. § 199, 194); суфф.-mány/-mény к ф.-у. *-m+ф.-у. *-j + ф.-у. *-n (см. M. § 271, 199, 214). В суфф. -vány/-vény входит тот же *n-овый последний компонент, происхождение же первого -v -ового компонента не выяснено [44].

Суфф. -alom/-elem восходит к ф.-у. *-l+ф.-у.* -m (см. M. § 268, 209); суфф. -dalom/-delem — к тем же *-l и *-m + ф.-у. *-nt (в.>-d; см. M. § 279) в качестве первого компонента; суфф. -ka/-ke образовался из ф.-у. *-kk + ф.-у. *-j/-i, в суфф. -cska/-cske, кроме этих компонентов, вошел еще ф.-у. *-ć > в. [č] (см. M. § 205, 107, 194); в старых образованиях па -i данный суффикс восходит также к ф.-у. *-j/*-į [45]; в более поздних образованиях происхождение суфф. -i еще не до конца выяснено (см. § 46); в состав суффикса -ék входят лативный падежный формант -é (< ф.-у. *-į) и суфф. мн. числа -k [46] (см. также § 95).

От слова ság или ség 'холм' происходит суфф. -ság/-ség, от слова nő 'женщина' — суфф. -né (см. § 46).

Перечисленные суффиксы образовались в пра- и старовенгерский периоды.

§ 104. Сложные существительные продуктивно создаются способом, унаследованным из прафинно-угорского языка: присоединением основной (беспадежной) формы определяющего существительного к определяемому существительному; ср. vasút 'железная дорога' от vas 'железо' + út 'дорога'.

---

[44] Bar. MSzT 85—86.
[45] Bar. MSzT 112.
[46] Майт. Слов. 143.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 105. Употребляясь в функции непритяжательного определения, имя прилагательное обычно предшествует определяемому существительному, но с последним не согласуется (т. е. выступает в основной форме); в других же функциях прилагательное принимает суффиксы падежей и числа, совпадающие (не считая небольших расхождений в употреблении соединительных гласных) с соответствующими суффиксами существительных; ср. nagy ház 'большой дом', nagy házak 'большие дома', nagy házban 'в большом доме', но a házak nagyok 'дома большие' (см. § 146).

Имена прилагательные имеют три степени сравнения. Форма положительной степени не маркирована; форма сравнительной степени выражается суфф. -bb (после гласных) и -abb(-obb)/-ebb (после согласных); форма превосходной степени образуется присоединением приставки leg- к форме сравнительной степени; ср. fehér 'белый' — fehérebb 'белее' — legfehérebb 'самый белый'.

При изменении по падежам, числам и степеням сравнения в некоторых основах происходит несложное чередование, ср. bátor 'смелый' — bátrak 'смелые' — bátrabb 'смелее', tiszta 'чистый' — tisztának 'чистому' — tisztább 'чище'.

Формант -bb (< -b) восходит к прафинно-угорскому сложному уменьшительно-усилительному суфф. *-mp, возможно, употреблявшемуся и как признак сравнительной степени (см. § 107); приставка leg- происходит от венгерской усилительной частицы leg.

§ 106. По словообразованию прилагательных наиболее часто используются следующие суффиксы (указываются только основные виды использования):

-s (после гласных), -os/-as/-es/-ös (после согласных); выражают ограниченное качество или свойство, а также значение «обладающий чем-либо»; ср. fehér 'белый' — fehéres 'белесый', erő 'сила' — erős 'сильный';

-ú/-ű (после согласных), -jú/-jű (после гласных); образуя сложные слова или словосочетания, выражают значение «обладающий чем-либо»; ср. kék szem 'голубой глаз' — kékszemű 'голубоглазый';

-i, выражает значение, «относящийся к кому-л., чему-л.»; ср. tél 'зима' — téli 'зимний', Moszkva 'Москва' — moszkvai 'московский';

-tlan/-tlen (-talan/-telen); выражает значение, «не имеющий чего-л.», «не подвергавшийся какому-л. действию», «не производивший действия», ср. fog 'зуб' — fogatlan 'беззубый', vár-ni 'ждать' — váratlan 'нежданный';

-ánk/-énk, -ékony/-ékeny; выражают «имеющий склонность к чему-л.»; ср. fal-ni 'жадно есть' — falánk 'прожорливый', hajol-ni 'сгибаться' — hajlékony 'гибкий'.

§ 107. Перечисленные форманты восходят к прафинно-угорским простым суффиксам или же составлены из этих суффиксов.

Формант -s[-š] является продолжением ф.-у. *-ć/-č′ (см. М. § 194); суфф. -ú/-ű, тождественный форманту причастия -ó/-ő, может восходить к четырем прафинно-угорским суфф. *-k, *-ŋ, *-p, *-m (см. М. § 203, 217, 229, 211); в -i переосмысливался венгерский лативный формант -é/-vé (< ф.-у. лативный *-i̯, см. § 98); сложный формант -tlan/-tlen (-talan/-telen) составлен из ф.-у. лишительного *-tt + ф.-у. именной *-l + ф.-у. локативный *-na/*-nä (см. М. § 246, 210, 59); сложный компонент -tal/-tel оформился уже в угорской общности; ср. мс. vit 'вода' — vittal 'без воды'[47]; сложный суффикс -ánk/-énk образовался из ф.-у. *-i̯ (> в. -é/-á) + ф.-у. *-n + ф.-у. *-kk (см. М. § 199, 214, 205); последние элементы в суффиксе -ékony/-ékeny расположены в обратном порядке.

Некоторые суффиксы восходят к знаменательным словам венгерского языка, например, суфф. -beli (от слова bél 'внутренность' + суффикс прилагательного -i, см. выше), ср. falu 'деревня' — falubeli 'из деревни', 'земляк'; -féle (от слова fél 'половина' + лично-притяжательное окончание 3-го лица -e, см. § 99, ср. két 'два' — kétféle 'двоякий'; -szerű (*от слова* szer 'ряд', 'слой' + суфф. прилагательного -ú-/-ű, см. выше), ср. nagy 'большой' — nagyszerű 'великолепный'.

Все перечисленные суффиксы зафиксированы уже в старовенгерских памятниках.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 108. Количественные имена числительные, обозначающие числа до 10 и круглые числа, представлены следующими словами: egy 'один', kettő (két) 'два', három 'три', négy 'четыре', öt 'пять', hat 'шесть', hét 'семь', nyolc 'восемь', kilenc 'девять', tíz 'десять', húsz 'двадцать', harminc 'тридцать', negyven 'сорок', ötven 'пятьдесят', hatvan 'шестьдесят', hetven 'семьдесят', nyolcvan 'восемьдесят', kilencven 'девяносто', száz 'сто', ezer 'тысяча', millió 'миллион'. Числительные, обозначающие числа от 11 до 29, образуются с участием падежного суффикса -n по типу tizenegy 'одиннадцать', tizenkettő (tizenkét) 'двенадцать', huszonegy 'двадцать один' и т. д.; свыше 30 числительные образуются без участия суффикса -n по типу: harmincegy 'тридцать один', százegyvenöt 'сто сорок пять', kétezer ötszázhetvenöt 'две тысячи пятьсот семьдесят пять'.

Варианты kettő, tizenkettő, huszonkettő и т. д. употребляются при счете и в неопределительных синтаксических функциях, варианты két, tizenkét, huszonkét и т. д. — в определительных функциях.

Имена и глаголы, связанные с количественными числительными (а также со словами типа sok 'много', kevés 'мало' и т. д.), употребляются в форме ед. числа; ср. három ház 'три дома' (досл. 'три дом'), száz fát kivágtak, ötven megmaradt 'сто деревьев они вырубили,

[47] Bar. MSzT 92.

пятьдесят осталось' (слова fát 'дерево', megmaradt 'осталось' имеют форму ед. числа).

§ 109. Имена числительные, обозначающие числа 2, 3, 4, 5, 6, восходят к финно-угорскому языку-основе (см. Л. § 26), числительное egy 'один' происходит, по-видимому, от ф.-у. *ə̆-ового местоименного корня, к которому присоединился наречный суфф. -gy (< ф.-у. *-ńə́), т. е. egy первоначально выражало 'это здесь' [48]. Числительное hét — угорского происхождения (см. Л. § 50). Числительные nyolc 'восемь' и kilenc 'девять', по-видимому, представляют собою затемненные сложные слова, вторым компонентом которых (-c или -nc) выступает ф.-у. слово со значением 'десять' (ср. к. и у. -mi̯s 'десять'), происхождение первых компонентов еще не вполне выяснено; то же слово со значением 'десять' присоединилось к слову három 'три', образуя от него имя числительное harminc 'тридцать' [49]. Слово tíz 'десять' — индоиранское, száz 'сто', ср. ф. sata — общее прафинно-угорское и праиндоевропейское слово, húsz 'двадцать' — прафинно-угорское наследие (см. Л. § 26), ezer 'тысяча' — иранское заимствование [50], millió 'миллион' перенято из латинского языка. Имена числительные, обозначающие круглые десятки, типа negyven 'сорок', ötven 'пятьдесят', образованы от слов, выражающих соответствующие единицы, и к этим словам присоединено прафинно-угорское слово со значением 'десять' (ср. к. ko-mi̯n 'тридцать', мс. nåli-mån 'сорок') [51].

§ 110. Порядковые числительные образуются от количественных присоединением к ним основного суффикса -d (-od, -ad, -ed, -öd) и добавочного -ik (при этом в основе числительных могут происходить несложные изменения); ср. három — harmadik 'третий', hét — hetedik 'седьмой', százharminchatodik 'сто тридцать шестой'.

Суффикс -d восходит к уральскому именному словообразовательному *-mt (см. М. § 113—114); формант -ik возник в результате переосмысления лично-притяжательного суффикса 3-го лица -ik. Порядковое числительное első 'первый' образовано от слова elő 'передняя часть' + суфф. -só/-sə̆ (ср. hát 'спина' — hátsó 'задний'); слово második 'второй' образовано от в. más 'другой' (от ф.-у. местоименного корня *mə̆+в. суфф. -s [-š], образующий прилагательные, см. § 106. MTESz. II 852).

§ 111. Собирательные числительные типа ketten 'двое', 'вдвоем', hárman 'трое', 'втроем' могут быть образованы почти от всех количественных имен числительных (при этом в основах слов могут происходить несложные изменения) присоединением суффикса -n (-an/-en), идентичного суперессивному -n (< ф.-у. *na/*-nä, см. § 98), употребленному в эссивном значении.

---

[48] MSzFE I 141.
[49] О происхождении слов nyolc, kilenc, harminc см. MTESz. II 61. 488, 1051.
[50] MTESz. I 819.
[51] MTESz. II 74.

§ 112. Личные местоимения используются и в функции определительных притяжательных местоимений; ср. én írok 'я пишу', az én nevem 'мое имя' (см. § 99). Когда лицо подлежащего не подчеркнуто, личные местоимения, как правило, опускаются; ср. (én) írok 'я пишу'.

Местоимения te 'ты', ő 'он', mi 'мы', ti 'вы', ők 'они' восходят к прафинно-угорским местоимениям: mi — к ф.-у. *mə̈ 'я', te и ti — к ф.-у. *tə̈ 'ты', ő и ők — к ф.-у. *sə̈ 'он'; в форму ők входит также суфф. простого мн. числа -k. Местоимение én 'я' образовалось от ф.-у. указательного местоимения *ə̈ + местоименный суфф. *-n (см. М. § 300). Противопоставление элементов e и i в местоимениях te 'ты' — ti 'вы' (ср. также mi 'мы') отражает древние варианты гласных e ∽ i в основе личных местоимений (см. М. § 116); из указанных вариантов в венгерском языке e обобщился в формах ед., i — в формах мн. числа.

§ 113. По склонению личные местоимения весьма отличаются от имен. Только формы őt 'его' и őket 'их' образованы по типу аккузатива существительных; остальные же формы этого ряда: engem(et) 'меня', téged(et) 'тебя', minket 'нас', titeket 'вас' составлены из соответствующих личных местоимений + личпо-притяжательные суффиксы тех же лиц + аккузативный суфф. -t; в формы engem, téged входит также местоименный суфф. -g. Остальные косвенные падежные формы образованы от послелогов (от которых произошли и падежные суффиксы) присоединением соответствующих лично-притяжательных суффиксов, например, nál-am 'у меня', nál-ad 'у тебя', nál-a 'у него', nál-unk 'у нас', nál-atok 'у вас', nál-uk 'у них', ср. суфф. адессива -nál/-nél 'у'. По этому же типу (иногда с небольшими отклонениями) образованы: формы датива (nek-em и т. д.), каузалиса-финалиса (ért-em и т. д.), сублатива (rá-m и т. д.), делатива (ról-am и т. д.), аллатива (hozz-ám и т. д.), аблатива (től-em и т. д.), инессива (benn-em и т. д.), элатива (belől-em и т. д.), иллатива (belé-m и т. д.), ср. соответствующие падежные форманты: -nak/-nek, -ért, -ra/-re, -ról/-ről, -hoz/-hez/-höz, -tól/-től, -ban /-ben, -ból/-ből, -ba/-be. Исключение: формы суперессива (rajt-am и т. д.) образованы также от послелога, по этимологически не соответствуют форманту суперессива -n.

§ 114. Личные местоимения вежливого обращения Maga, Ön 'Вы' (одно лицо), Maguk, Önök 'Вы' (много лиц) склоняются как существительные: maga восходит к слову mag 'тело', ön было создано искусственно в период «обновления языка» (см. § 46, 50).

§ 115. Специальные притяжательные местоимения: enyém 'мой', tied 'твой', övé 'его', mienk 'наш', tietek 'ваш', övék 'их' употребляются в неопределительных синтаксических функциях; ср. ez a ház enyém 'этот дом мой'; они образованы от соответствующих личных местоимений, к которым присоединен признак обладателя -é (см. § 101) + соответствующий лично-при-

тяжательный суффикс (в образования övé, övék входит только признак обладателя, в случае övék еще присоединен суфф. мн. числа -k). Множественность обладаемых выражается (как у существительных, см. § 100) признаком -i: enyéim 'мои', tieid 'твои', övéi 'его' (многие), mieink 'наши', tieitek 'ваши', övéik 'их' (многие).

§ 116. Указательные местоимения: ez 'этот', az 'тот', ilyen 'такой' (как этот), olyan 'такой' (как тот), ennyi 'столько' (как этот), annyi 'столько' (как тот) склоняются как существительные; ср. аккузативные формы: ezt, ilyent и т. д.; суперессивные формы: ezen, ilyenen и т. д. У местоимений ez, az выпадает z перед падежными суффиксами, начинающимися с согласного; данный же согласный удваивается; ср. ebből (вм. ez-ből), annak (вм. az-nak) и т. д. Местоимения ez, az изменяются во всех синтаксических функциях, местоимения ilyen, olyan, ennyi, anynyi — только в неопределительных синтаксических функциях; ср. ebben a házban 'в этом доме', но ilyen házban 'в таком доме'.

Корни всех перечисленных указательных местоимений восходят к ф.-у. местоимениям *ə̆ и *ə. В составе местоимений ez, az выявляется ф.-у. местоименный суфф. *-t(> в. -z), восходящий к местоимению *t (см. M. § 301); в состав ilyen, olyan входит падежный -l > -ly [-j] (ср. -ul/-ül) + суперессивный -n (см. § 98); ennyi, annyi образовались при помощи суффикса прилагательных -nyi, выражающего меру чего-либо [52].

От соответствующих указательных местоимений при помощи древних падежных суффиксов образованы наречия: itt 'здесь', ott 'там', ide 'сюда', oda 'туда', innen 'отсюда', onnan 'оттуда', így 'так (как этот)', úgy 'так (как тот),' erre 'в этом направлении', arra 'в том направлении', ekkor, akkor 'тогда' и т. д.

§ 117. Вопросительные местоимения ki? 'кто?', mi? 'что?' (формы мн. числа: kik, mik) склоняются как существительные, ср. kinek? 'кому?', miből? 'из чего?', kikről? 'о ком?' (о многих лицах); местоимения milyen?, mely? 'какой?', mennyi, hány 'сколько' склоняются как существительные (только в неопределительных синтаксических функциях).

Местоимения ki, mi восходят к ф.-у. вопросительным местоимениям *kə̆, *mə̆, hány к ф.-у. вопросительному местоимению *kə̆ + словообразующий суфф. прилагательного -nyi (см. § 116). Местоимения milyen, mely, mennyi образовались от mi так же, как указательные местоимения ilyen, ennyi (см. § 116). По типу указательных наречий ekkor, akkor, erre, arra образованы от mi наречия mikor 'когда', merre 'в каком направлении?' и т. д., от основы ho-(<*kə̆) образовались при участии древних падежных суффиксов вопросительные наречия hol 'где?', hova 'куда?', hogy 'как?', honnan 'откуда?'.

Вопросительные местоимения издавна использовались и в функции относительных, однако начиная с XV—XVI в. последние

[52] MNyT 209.

все чаще появлялись с приставкой a-, образовавшейся от указательного местоимения az 'тот'; ср. относительные местоимения aki 'кто', ami 'что', amilyen, amely 'какой' и относительные наречия ahol 'где', ahova 'куда', amikor 'где' и т. д.

§ 118. Вопросительные местоимения и наречия издавна использовались и в неопределенном значении; однако позднее во втором значении стали употребляться образования, в состав которых кроме вопросительных местоимений и наречий входили частицы-префиксы: vala- (старая форма глагола бытия), akár- 'либо', bár- 'хотя' (см. § 142), né- (неизвестного происхождения); ср. valami 'что-то', 'что-л.', akármi, bármi 'что бы ни', némi 'какой-то', 'какой-л.', valaki 'кто-то', 'кто-л.', valahol 'где-то', 'где-л.', néhány 'несколько' и т. д.

От вопросительных местоимений и наречий образовались также отрицательные местоимения и наречия; в их состав в качестве первого компонента входит отрицательная частица sem ~ se (см. § 142); ср. sen-ki (< sem-ki) 'никто', semmi 'ничто', soha (< son-ha < sem-ha) 'никогда', sehol 'нигде'.

§ 119. Возвратно-усилительные местоимения в значении 'сам' образовались (как и местоимения вежливого обращения Maga, см. § 114) от слова mag 'тело' + соответствующие лично-притяжательные суффиксы; ср. mag-am 'я сам', mag-ad 'ты сам', mag-a 'он сам', mag-unk 'мы сами', mag-atok 'вы сами', mag-uk 'они сами'. В возвратном значении указанные местоименные формы получают какое-либо падежное окончание или сочетаются с послелогом; ср. mag-ad-ról ne beszélj 'о себе не говори', magunk mellé ültettük a fiút 'мальчика мы посадили около себя.'

ГЛАГОЛ

§ 120. В современном венгерском языке глагол характеризуется категориями числа, лица, времени, наклонения, объектности/безобъектности (определенности/неопределенности).

По типу спряжения глаголы разделяются на две группы: «глаголы с -ik» (меньшинство глаголов) и «глаголы без -ik» (большинство глаголов), различающиеся в форме ед. числа наст. времени всех наклонений безобъектного ряда следующими характерными окончаниями:

	Глаголы без -ik	Глаголы с -ik
1 л.	-k	-m
2 л.	-sz (-l)	-l
3 л.	—	-ik (-ék)

В современном литературном языке формы 1-го и 2-го лица глаголов с -ik часто заменяются соответствующими формами глаголов без -ik; колебания наблюдаются и в 3-м лице.

Различается два ряда спряжения: безобъектный и объектный. Непереходные глаголы, как правило,

спрягаются только по безобъектному ряду, переходные же, в зависимости от наличия и характера прямого дополнения (выражающего «определенный» или «неопределенный» объект), спрягаются также и по объектному («определенному») ряду.

В объектной форме употребляется глагол, когда к нему относится прямое дополнение, выраженное: 1) именем собственным; ср. ismerem Moszkvát 'я знаю Москву'; 2) именем, оформленным лично-притяжательным суффиксом; ср. olvasd levelünket 'читай наше письмо'; 3) именем с определенным артиклем; ср. az ebédet főzi 'он готовит (данный) обед', но ebédet főz 'он (вообще) готовит обед'; 4) личными местоимениями 3-го лица и вежливого обращения (а также личными местоимениями 2-го лица при 1-ом лице ед. числа подлежащего); ср. kéri őt 'он просит его', kérjük Önt 'мы просим Вас', Téged kérlek 'я прошу тебя'; 5) указательными местоимениями ezt, azt, ezeket, azokat; ср. már visszaadták ezeket 'они уже вернули эти'; 6) местоимениями некоторых других разрядов; ср. védjétek magatokat 'защищайте себя'; 7) придаточным предложением, заменяющим прямое дополнение; ср. tudjuk, hogy nincs igaza 'мы знаем, что он неправ'.

Объектное спряжение употребляется и в случаях, когда указанные типы дополнения опущены, но подразумеваются; ср. Látod ezt? — Látom 'Ты его видишь? — Вижу'.

Объектное спряжение в венгерском языке развилось самостоятельным путем, хотя некоторые его предпосылки могли наличествовать уже в прафинно-угорское время (см. М. § 166).

§ 121. Изъявительное наклонение специальным показателем не маркировано; оно реализуется в трех временны́х формах современного языка: в формах настоящего, прошедшего и будущего времени. Из них позднее всего формировалось будущее время, но и о нем первые данные зафиксированы уже в старовенгерских памятниках.

§ 122. Настоящее время изъявительного наклонения специального показателя не имеет.

Суффиксы, приведенные в скобках (см. табл. 5), присоединяются к глаголам, оканчивающимся на -s [-š], -sz [-s], -z; из данных суффиксов -ol, -el, -öl применяются по гармонии гласных, остальные так же и зависят еще от конечного согласного основы, который удваивается и заменяет выпавший -j- начала суффикса; ср. ír-sz 'ты пишешь', но olvas-ol 'ты читаешь', hoz-ol 'ты приносишь', ír-juk 'мы пишем', но olvas-suk 'мы читаем', hoz-zuk 'мы приносим'.

§ 123. Исторически разные лица выражаются тремя способами: 1) без использования личной суффиксации; 2) с использованием древних личных местоимений; 3) путем адаптации (переосмысления) словообразовательных суффиксов.

Наиболее древний способ выражения лица (отсутствие собственно личной суффиксации) выявляется в 3-м лице ед. числа безобъектного спряжения, а также в 1-м лице мн. числа объектного спряжения, поскольку основной компонент форманта -juk/-juk (-suk/

Таблица 5

Личные окончания в настоящем времени изъявительного наклонения

Лицо	Безобъектное спряжение		Объектное спряжение
	глаголы без -ik	глаголы с -ik	глаголы с -ik и без -ik
	Единственное число		
1 л.	-ok, -ek, -ök	-om, -em, -öm	-om, -em, -öm, -lak, -lek; -alak, -elek
2 л.	-sz, -asz, -esz (-ol, -el, -öl)	-ol, -el, -öl -sz	-od, -ed, -öd
3 л.	—	-ik	-ja (-sa, -sza, -za), -i
	Множественное число		
1 л.	-unk, -ünk		-juk (-suk, -szuk, -zuk), -jük (-sük, -szük, -zük)
2 л.	-tok, -tek, -tök; -otok, -etek, -ötök		-játok (-sátok, -szátok, -zátok), -itek
3 л.	-nak, -nek; -anak, -enek		-ják (-sák, -szák, -zák), -ik

-sük и т. д.) суфф. мн. числа -k, к которому присоединен неэтимологический (добавочный) -j.

Второй способ выражения лица представлен: а) суфф. 1-го лица ед. числа -om/-em/-öm (восходит к ф.-у. местоимению 1-го лица *mə̑ 'я') и суфф. 1-го лица мн. числа -unk/-ünk (<-muk/-mük); в его состав входит тоже -m + суфф. мн. числа -k; б) суфф. 2-го лица -od/-ed/-öd и -tok/-tek-tök (они произошли аналогично приведенным аффиксам 1-го лица, но с участием ф.-у. личного местоимения *tə̑ 'ты'); в) суфф. 3-го лица -i/-a, -ja(-sa, -sza, -za) восходит к ф.-у. местоимению 3-го лица *sə̑ 'он'; суфф. 3-го лица мн. числа -ik/-ják (в его состав входит тот же -i/-a > -ja + суфф. мн. числа -k). Впоследствии переосмысленный -ik стал окончанием 3-го лица ед. числа глаголов с -ik.

Третий способ выражения лица представлен: а) суфф. 2-го лица -sz[-s] и -l (они восходят к ф.-у. глаголообразующим формантам *-s и *-l, выражавшим повторное действие; см. М. § 162); -l входит также в суфф. 1-го лица -lak/-lek; б) суфф. 1-го лица ед. числа -k (по распространенному мнению) восходит к ф.-у. форманту *-k, образовавшему имена от глаголов и использовавшемуся еще в древности и как признак настоящего времени и повелительного наклонения (см. М. § 137, 155); поскольку данному объяснению противоречит закон развития конечного ф.-у. *-k (на венгерской почве он в конечном счете должен был бы вокализоваться), существует и такое предположение, что данный -k возник путем переосмысления венгерского суфф. мн. числа -k [53]; в) новый компонент суфф.

[53] HajdúBev. 144.

3-го лица -nak/-nek (восходит к ф.-у. форманту *-n, образовавшему имена от глаголов; см. М. § 215); второй компонент -nak/-nek — суфф. мн. числа -k.

§ 124. Признаком прошедшего времени служит -t/-tt (-t используется после согласных, -tt — после гласных), идентичный суффикс причастия оконченного действия -t/-tt и словообразовательному -at/-et (см. § 103).

В форме прошедшего времени глаголы с -ik и без -ik не различаются. Личные окончания, присоединенные к признаку прош. времени, в основном, состоят из тех же элементов, что и форманты наст. времени, однако в форме прош. времени суффиксы не йотизируются; кроме того, в образовании личных окончаний не участвуют -k (< ф.-у. *-k словообразовательный и наст. времени), -sz (< ф.-у. *-s словообразовательный) и -n (< ф.-у. *-n словообразовательный), ср. kér-t-em 'я просил', jár-t-ál 'ты ходил', készít-ettek 'они готовили'.

Таблица 6

Личные окончания в прошедшем времени изъявительного наклонения (вместе с признаком -t/-tt)

Лицо	Безобъектное спряжение	Объектное спряжение
	Единственное число	
1 л.	-tam, -tem; -ottam, -ettem, -öttem	-tam, -tem; -ottam, -ettem, -öttem; -talak, -telek; -ottalak, -ettelek, -öttelek
2 л.	-tál, -tél; -ottál, -ettél, -öttél	-tad, -ted; -ottad, -etted, -ötted
3 л.	-ott, -ett, -ött, -t	-ta, -te; -otta, -ette, -ötte
	Множественное число	
1 л.	-tunk, -tünk; -ottunk, -ettünk -öttünk	-tuk, -tük; -ottuk, -ettük, -öttük
2 л.	-tatok, -tetek; -ottatok, -ettetek, -öttetek	-tátok, -tétek; -ottátok, -ettétek, -öttétek
3 л.	-tak, -tek; -ottak, -ettek, -öttek	-tál, -ték; -ottják, -ették, -öttek

§ 125. К устаревшим формам прош. времени относятся: а) формы исторического прошедшего с признаком -á/-é (-a/-e), восходящим к ф.-у. суфф. отглагольного имени и признаку прош. времени *-j/*-j (см. М. § 141); ср. lát-é-k (безоб. спр.), lát-á-m (об. спр.) 'я видел'; б) *сложные формы времени, составленные из личных форм наст. или прош. времен смыслового глагола + неизменяемые формы глагола бытия*: volt или vala; ср. írok vala 'я писал' (незаконченное действие), írtam vala или írtam volt 'я писал (давно)' и т. д. (см. § 38).

§ 126. Для выражения будущего действия чаще всего используется форма наст. времени, однако довольно распространено и

употребление специальной формы буд. времени, составленной из инфинитива смыслового глагола + личные формы наст. времени вспомогательного глагола fog-ni, ср. írni fogok (безоб. спр.) или írni fogom (об. спр.) 'я буду писать', írni fogsz или írni fogod 'ты будешь писать' и т. д. (см. § 38).

§ 127. Признаком повелительного наклонения служит -j, восходящий к ф.-у. *-k отглагольных имен, использовавшемуся и как признак наст. времени и повелительного наклонения (ф.-у. *-k > в. -χ>-j). Личные окончания, присоединенные к признаку -j, в основном те же, что и в форме наст. времени изъявительного наклонения. Однако 2-е лицо ед. числа может не иметь личного окончания, а в 3-м лице ед. числа безобъектного спряжения используется тот же -n, что и во мн. числе наст. времени (см. § 123).

Таблица 7

Основные личные окончания повелительного наклонения (вместе с признаком -j)

Лицо	Безобъектное спряжение		Объектное спряжение
	глаголы без -ik	глаголы с -ik	глаголы с -ik и без -ik
	Единственное число		
1 л.	-jak, -jek	-jam, -jem	-jam, -jem; -jalak, -jelek
2 л.	-j	(-jál, -jél) -j	-d (-jad, -jed)
3 л.	-jon, -jen, -jön	(-jék), -jon, -jen, -jön	-ja, -je
	Множественное число		
1 л.	-junk, -jünk		-juk, -jük
2 л.	-jatok, -jetek		-játok, -jétek
3 л.	-janak, -jenek		-ják, -jék

Примечание. В скобках приведены редко употребляемые варианты. Как показывает таблица, глаголы с -ik почти не отличаются от глаголов без -ik.

§ 128. Признак повелительного наклонения -j у многих глаголов не сохраняется. Сюда относятся:

1) глаголы, оканчивающиеся на -s [-š], -sz [-s] и -z; у таких глаголов вместо -j удваивается соответствующий конечный согласный основы; ср. ír-j 'пиши', но mos-s 'мой', ír-junk 'давайте напишем', но hoz-zunk 'давайте принесем'; по такому же образцу спрягаются глаголы на -st, -szt, поскольку у них конечный -t в форме повелительного наклонения утрачивается;

2) глаголы, оканчивающиеся на долгий гласный + t или на согласный + t (кроме -szt, -st); у таких глаголов -j превращается

в -s [-š]; ср. mond-jatok 'скажите', но tanít-satok (t + s произносится čč) 'обучите'; ért-setek (t + s произносится č) 'поймите';

3) глаголы, оканчивающиеся на краткий гласный + t (а также lát-ni 'видеть', bocsát-ani 'пускать'); у этих глаголов t + j заменяется -ss [šš]; ср. vet-ni 'сеять', ves-sen 'пусть он сеет'.

§ 129. Признаком условного наклонения служит -né/-ná (> -ne/-na), восходящий к ф.-у. глагольному словообразовательному суффиксу мгновенного значения *-ne, который использовался и как признак наклонения; к -ne присоединялся ф.-у. суфф. -k или -į, образующий имена от глаголов[54]; сочетания -ne + -k или -ne + į способствовали образованию дифтонгов eü или eį, закономерно перешедших в ó/ő или é.

§ 130. Условное наклонение реализуется в двух формах времени: простого настоящего и сложного прошедшего.

Личные окончания наст. времени, присоединяющиеся к признаку наклонения -né/-ná, в общем состоят из элементов, знакомых нам по наст. времени изъявительного наклонения (см. § 122, 123). Однако не используется -sz [-s] -овый суффикс 2-го лица и нет йотизированных окончаний; ср. lát-nál 'ты бы видел', ad-nának 'они давали бы'.

В современном использовании условного наклонения глаголы с -ik почти утратили свое особое спряжение.

Таблица 8

Личные окончания в настоящем времени условного наклонения

Лицо	Безобъектное спряжение		Объектное спряжение
	глаголы без -ik	глаголы с -ik	глаголы с -ik и без -ik
	Единственное число		
1 л.	-nék	-nék (-nám, -ném)	-nám, -ném; -nálak, -nélek
2 л.	-nál, -nél	-nál, -nél	-nád, -néd
3 л.	-na, -ne	-na, -ne	-ná, -né
	Множественное число		
1 л.	-nánk, -nénk		-nánk, -nénk (-nók, -nők)
2 л.	-nátok, -nétek		-nátok, -nétek
3 л.	-nának, -nének		-nák, -nék

§ 131. Форма прош. времени условного наклонения составлена из личных форм прош. времени изъявительного наклонения смыслового глагола + неизменяемая volna (форма глагола бытия); ср. kértem volna 'я бы просил (раньше)', írtál volna 'ты бы писал (раньше)' и т. д.

[54] MNyT 414.

§ 132. К инфинитным формам глагола относятся: инфинитив, причастия, деепричастия.

Инфинитив образуется от основы глагола с помощью суфф. -ni (-ani/-eni), ср. olvas-ni 'читать', ért-eni 'понимать'; в связи с некоторыми модальными словами и безлично употребляемыми глаголами к форме инфинитива могут присоединяться лично-притяжательные окончания; ср. (nekem) kell írnom 'мне нужно писать' ('я должен писать'), (neki) nem szabad elfelejtenie 'ему нельзя забыть' ('он не должен забыть').

Инфинитивный формант -ni восходит к ф.-у. *-n, образующему имена от глаголов (см. М. § 215), + лативный суфф. -i (ф.-у. *-i; см. М. § 84) [55].

§ 133. Причастия на -ó/-ő выражают в основном незавершенное действие, причастия на -t/-tt — завершенное; ср. könyvet olvasó fiú 'мальчик, читающий книгу', а tegnap olvasott könyv 'книга, читанная вчера'.

Суфф. -ó/-ő может восходить к ф.-у. формантам, образующим имена от глаголов: к *-k, *-ŋ, *-p, (?*-m); эти суффиксы в правенгерском превращались в γ или β, которые впоследствии вокализовались и в качестве неслоговых гласных вместе с конечным гласным основы образовали дифтонг, который в свою очередь превратился в -ó/-ő [56]. Суфф. -t/-tt по происхождению идентичен признаку прош. времени -t/-tt и словообразовательному -at/-et (см. § 103).

§ 134. Деепричастие на -va/-ve используется: 1) как деепричастие, выражающее (с оттенком образа действия) второстепенное действие, одновременное с главным действием предложения; ср. unatkozva nézte a képeket 'скучая (со скукой) смотрел на картины'; 2) как часть сказуемого: az üzlet zárva volt 'магазин был закрыт'. Устаревшая деепричастная форма на -ván/-vén выражает второстепенное действие, предшествующее главному действию.

Суфф. -va/-ve (<-vá/-vé) состоит из причастного суфф. -ó/-ő (превратившегося между гласными в -v) + лативный -é (< ф.-у. *-i) (см. § 98); в состав суфф. -ván/-vén входит деепричастный суфф. -va/-ve + падежный суперессивный -n (см. § 98) [57].

§ 135. Имеется ряд глаголов, спрягающихся не по вышеприведенным нормам («неправильные глаголы»).

У глагола бытия употребляются только следующие формы: 1) наст. времени изъявительного наклонения: vagyok, vagy, van, vagyunk, vagytok, vannak; 2) прош. времени изъявительного наклонения: voltam 'я был', voltál и т. д.; 3) наст. времени условного наклонения: volnék 'я бы был', volnál и т. д.; 4) причастий: való, volt. В форме наст. времени изъявительного наклонения van и vannak применяются только в значениях «иметься», «находиться», в значении же «являться» (т. е. в функции связки) van и vannak

---

[55] Bar. MSzT 93.
[56] Bar. MSzT 96.
[57] Bar. MSzT 101.

опускаются; ср. én tanító vagyok ‘я учитель’, но ő tanító ‘он учитель’, ők tanítók ‘они учителя’, a könyv az asztalon van ‘книга на столе’, van könyvem ‘у меня имеется книга’.

Глаголы без -ik: venni ‘брать’, tenni ‘делать’, vinni ‘нести’ и глаголы с -ik: enni ‘есть’, inni ‘пить’ спрягаются по образцу (с учетом -ik-овых вариантов): vesz-ek ‘я беру’, vesz-el и т. д., ve-ttem ‘я брал’, ve-ttél и т. д., ve-gyek ‘пусть я беру’, végy или vegyél и т. д., venném ‘я бы брал’, ve-nnél и т. д., vevő ‘берущий’; по спряжению к ним весьма близки глаголы: lenni ‘становиться’, ‘делаться’, hinni ‘верить’; особо спрягается глагол jönni ‘приходить’, ср. jövök ‘я прихожу’, jössz, jön, jövünk, jöttök, jönnek, jöttem ‘я приходил’, jöttél и т. д.; jöjjek ‘пусть я иду’, jojj, jöjjön и т. д.; причастия: jövő, jött; только в наст. времени изъявительного наклонения «неправильны» формы глагола menni ‘идти’; ср. megyek ‘я иду’, mész, megy, megyünk, mentek, mennek.

В наст. времени изъявительного наклонения у ряда глаголов происходит чередование d ∽ sz; ср. alud-ni ‘спать’, alsz-om ‘я сплю’, alsz-ol, alsz-ik и т. д.; причастия alvó, aludt.

§ 136. Словообразование глаголов осуществляется двумя основными способами: 1) присоединением приставок (*префиксов*); 2) *присоединением суффиксов*.

Приставочные глаголы близки к сложным словам, так как их компоненты не объединены гармонией гласных, их префиксы в известных условиях (см. § 148) отделяются от глагола. Наиболее часто употребляются древнейшие приставки meg-, ki-, be-, fel-, le-, el-, восходящие к наречиям, которые образовались от существительных, оформленных суффиксом латива -é (см. § 98); ср. meg- < mögé (от mög ‘место позади’), el- < elé (от el ‘место впереди’, ‘перед’) и т. д. Переход наречий в приставки часто сопровождался грамматикализацией их значений; ср. írni ‘писать’ — megírni ‘написать’, menni ‘идти’ — elmenni ‘уйти’.

Древнейшие приставки зафиксированы уже в старовенгерских памятниках, но процесс образования новых глагольных префиксов не прекращается и в современном языке (см. § 38).

§ 137. Суффиксальным способом глаголы образуются от глаголов и от имен (изредка и от других частей речи).

Наиболее часто встречаются следующие суффиксы, образующие глаголы от глаголов:

-hat/-het (весьма продуктивный); выражает возможность совершения действия; ср. keres-ek ‘я ищу’ — keres-het-ek ‘я могу искать’, lát-tam ‘я видел’ — lát-hat-tam ‘я мог видеть’;

-at/-et, -tat/-tet (весьма продуктивные) и -t выражают каузативное (понудительное) и переходное действие; ср. ír-ni ‘писать’ — ír-at-ni ‘велеть писать’, búj-ni ‘скрываться’ — buj-tat-ni ‘прятать’, kel-ni ‘вставать’ — kel-t-eni ‘будить’;

-ít; выражает переходное действие; ср. ford-ul-ni ‘поворачиваться’ — ford-ít-ani ‘поворачивать’;

-ul/-ül, -ad/-ed/-öd; выражают возвратное или общевозвратное действие; ср. mozd-ít-ani 'двинуть' — mozd-ul-ni 'двинуться', mar-aszt-ani 'оставлять' — mar-ad-ni 'оставаться'.

-kod/-ked/-köd, -koz/-kez/-köz; выражают возвратное или взаимное действие; ср. fésül-ni 'причесывать' — fésül-köd-ni 'причесываться'; ver-ni 'бить' — vere-ked-ni 'драться';

-gat/-get; выражает повторное, продолжительное и малоинтенсивное действие; ср. olvas-ni 'читать' — olvas-gat-ni 'почитывать', kérdez-ni 'спрашивать' — kérdez-get-ni 'часто спрашивать'.

В отыменном словообразовании используются суффиксы, употребляемые и по отглагольному словообразованию; из них наиболее часто встречаются:

-od/-ed/-öd, -ul/-ül; выражают «делаться, стать каким-л.»; ср. sötét 'темный' — sötét-ed-ni, sötét-ül-ni 'темнеть', 'стать темным';

-ít; выражает «делать каким-л.»; ср. szép 'красивый' — szép-ít-eni 'делать красивым'.

§ 138. Из перечисленных суффиксов -hat/-het по происхождению занимает особое положение, поскольку он образовался от глагола hat-ni 'продвигаться вперед', 'достигать'.

Остальные приведенные форманты восходят к прафинно-угорским суффиксам или к их сочетаниям.

К простым суффиксам относятся -od/-ad/-ed/-od и -ał/-eł, -t; первый (-d-овый) из них происходит от ф.-у. *-nt (см. М. § 279), вторые (-t-овые) от ф.-у. *-tt (см. М. § 293); сюда же можно отнести -ít, восходящий к ф.-у. *-kt (> в. *ǰt > -it; долгий í образовался слиянием конечного гласного глагольной основы + j), поскольку простые *-k и *-t слились еще в доугорское время.

Сложный суфф. -tat/-tet образовался удвоением упомянутого выше -t; -ul/-ül составлен из ф.-у. *-w (*-β) + ф.-у. *-l (см. М. § 296, 268); -kod/-ked/-köd из ф.-у. *-kk (> в.-k) + ф.-у. -*nt (>в. -d) (см. М. § 265, 279); в суфф. -koz/kez/-köz — к упомянутому -k присоединен ф.-у. *-t (> в. -z); суфф. -gat/-get состоит из ф.-у. *-nk (> в.-g, см. М. § 277) + -t.

НАРЕЧИЯ

§ 139. Почти все наречия венгерского языка производны; многие из них содержат уже трудно различимые словообразовательные элементы.

Наречия образованы от имен существительных (ср. ház 'дом' — haza 'домой'), от имен прилагательных (ср. szép 'красивый' — szép-en 'красиво'), от имен числительных (ср. két 'два' — két-szer 'дважды'), от местоимений (ср. e-z 'этот' — itt 'здесь' — ide 'сюда', см. § 116).

Наиболее употребительны следующие суффиксы наречий: -n/-an/-on/-en; ср. tiszta 'чистый' — tisztá-n 'чисто', hideg 'холодный' — hideg-en 'холодно';

-ul/-ül/-l (присоединяется чаще всего к именам прилагательным, имеющим лишительный суфф. -tlan/-tlen, -talan/-telen); ср. véletlen 'случайный' — véletlen-ül 'случайно'; jó 'хороший' — jó-l 'хорошо';

-lag/-leg; ср. valószínű 'вероятный' — valószínű-leg 'вероятно';

-szor/-szer/-ször (присоединяется к именам числительным); ср. három 'три' — három-szor 'три раза', heted-ik 'седьмой' — heted-szer 'седьмой раз'.

Суфф. -n/-on/-an/-en и -ul/-ül/-l восходят к соответствующим падежным формантам; суфф. -lag/-leg, по-видимому, образовался от угорского падежного -l + ф.-у. лативный *-k (см. М. § 79, 71); суфф. -szor/-szer/-ször происходит от слова szer (см. § 107).

§ 140. Большинство наречий имеет степени сравнения: к производящим именам прилагательным в форме сравнительной или превосходной степени присоединяется соответствующий словообразовательный суффикс наречия; ср. erős-en 'сильно' — erős-ebb-en 'сильнее' — legerős-ebb-en 'наиболее сильно' (ср. erős 'сильный' — erősebb 'более сильный' — legerős-ebb 'самый сильный'); rossz-ul 'плохо' — rossz-abb-ul 'хуже' — legrossz-abb-ul 'хуже всего' (ср. rossz 'плохой' — rosszabb 'хуже' — legrosszabb 'самый плохой').

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

§ 141. По своим функциям п о с л е л о г и соответствуют предлогам русского языка, но в отличие от последних расположены непосредственно после имени, к которому они относятся и которое (при огромном большинстве послелогов) выступает в форме им. падежа; ср. a ház mögött 'позади дома', a gyermekek miatt 'из-за детей'.

Наиболее старые послелоги пространственного значения распределяются по трем (реже по двум) разрядам, объединенным общностью корневого элемента соответствующих послелогов; ср. a levelet a könyv alá tette 'он положил письмо под книгу', a levél a könyv alatt van 'письмо находится под книгой', elővette a levelet a könyv alól 'он достал письмо из-под книги'.

Разряды послелогов

На вопрос куда?	На вопрос где?	На вопрос откуда?
alá 'под' (что-л.)	alatt 'под' (чем-л.)	alól 'из-под'
mögé 'за'	mögött 'за', 'позади'	mögül 'из-за'
elé 'перед'	előtt 'перед', 'впереди'	elől 'от'
mellé 'около', 'к'	mellett 'около'	mellől 'от'
közé 'между'	között 'между'	közül 'из'
fölé 'над', 'на'	fölött 'над'	—
felé 'к', 'в сторону'	—	felől 'со стороны', 'с'

Большинство послелогов принимает лично-притяжательные суффиксы. Образования, возникшие таким путем, приближаются к падежным формам личных местоимений; ср. mellett-em 'около меня', mellett-ed 'около тебя' и т. д.; alól-am 'из-под меня', alól-ad 'из-под тебя' и т. д.

Большинство послелогов происходит от имен существительных, оформленных падежными суффиксами -á/-é, -t/-tt, -l/-ul/-ül (см. § 98), реже другими падежными формантами. Основами послелогов стали, например, слова: al 'нижняя часть', 'низ', mell 'грудь', köz 'промежуток', út 'дорога' (ср. послелог után 'после') и др.

§ 142. Ч а с т и ц ы разделяются на несколько семантических групп: они могут быть усилительными, отрицательными, указательными, вопросительными и т. д.

Происхождение наиболее распространенных усилительных частиц: is 'и', de 'как' еще не выяснено.

Отрицательное слово ne 'не' относится к общему финно-угорскому словарному фонду; частица nem 'не', 'нет' образовалась, по-видимому, от ne + вопросительное местоимение mi 'что?'; усилительно-отрицательная частица sem — от is + nem; частица nincs 'не находится', 'не имеется' — от nem + is, при дальнейшем усилении от is + nincs возникло sincs. Отрицательные слова nincs, sincs противопоставлены по значению форме глагола бытия van, когда последняя употребляется в значении 'имеется', 'находится' (см. § 135); приспособляясь к форме мн. числа vannak, частицы nincs и sincs получают глагольный формант мн. числа; ср. a könyv itt van 'книга здесь' — a könyv nincs itt 'книги здесь нет', a könyvek nincsenek itt 'книг здесь нет'.

Вопросительная частица-суфф. -e 'ли' восходит к угорской общности; модальные частицы talán 'может быть', lám 'вот', akár (например, akár el is vihetném 'я мог бы это даже отнести') образовались от глагольных форм találom, 'нахожу', 'предполагаю', látom 'вижу', akar 'хочет', bár (например, bár eljönne 'лишь бы он пришел') — от прилагательного bátor 'смелый'.

§ 143. По своим основным функциям различаются с о ю з ы сочинительные (és, s 'и', is, szintén 'также', meg, pedig 'а', 'же', de, hanem 'однако', vagy 'или', akár. . . akár. . 'то ли . . . то-ли' и т. д.) и подчинительные (hogy 'что', 'чтобы', ha 'если', míg 'пока', bár, habár, ámbár 'хотя', mint 'как', mert 'потому что' и т. д.).

По происхождению союзы неоднородны. Одни из них происходят от частиц, например és, is (от частицы is), de, bár, akár (см. § 142), другие — непосредственно от глаголов, например vagy (от формы 2-го лица глагола бытия, см. § 135), третьи — от местоименных основ, например ha, hogy (от вопросительного местоименного корня ho-, см. § 117), míg (<meddig), mint (<miként), mert (<miért) от вопросительного местоимения mi (см. § 117).

§ 144. Определенный а р т и к л ь az/a (az употребляется перед словами, начинающимися с гласного, a — перед словами, начинающимися с согласного) происходит от указательного место-

имения az ‘тот’; неопределенный артикль egy от числительного egy ‘один’. Первые данные об артикле az относятся к XIV в., первые данные об артикле egy — к XV в. (см. § 36).

МЕЖДОМЕТИЯ

§ 145. К междометиям относятся: jaj (выражает болевое ощущение), no, nosza, nono (выражают призыв к действию), ej, ejnye, ajaj (выражают неодобрение), ó, tyű, hm, né (выражают удивление), fuj, pfi, pfiha (выражают отвращение), csitt (призыв к молчанию) и т. д. Поскольку междометия появились как спонтанные средства выражения чувств, они, как правило, не возводимы к другим словам. Только некоторые составляют исключение (например, né, выражающее удивление, происходит от nézd ‘смотри’). Наоборот, от ряда междометий образовались знаменательные слова, ср. nógatni ‘понукать’, csitítani ‘успокаивать’, ‘просить замолчать’ и т. д.

Все современные венгерские междометия появились после отделения венгерского языка от родственных финно-угорских языков.

ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА

§ 146. Простые предложения могут быть односоставными и двусоставными, глагольными и именными. Русским односоставным предложениям в венгерском языке обычно соответствуют сочетания имени с формой глагола бытия van, ср. sötét van ‘темно’; hideg van ‘холодно’; tél van ‘зима’ и т. д.

Наиболее типичными представителями именных предложений являются те, в которых отсутствуют формы наст. времени глагола-связки; ср. a ház nagy ‘дом большой’, a házak nagyok ‘дома большие’ (см. § 135).

В отличие от русского языка для выражения неопределенно-личных действий в венгерском не принято употреблять предложения пассивного строя; ср. mint említettük. . . ‘как отмечалось . . .’ (досл. ‘как мы отмечали’), neki már átadták a parancsot ‘приказ ему уже передан’ (досл. ‘ему уже передали приказ’).

В современном венгерском языке широко употребляются различные типы сложносочиненных и сложноподчиненных предложений; их основные типы обнаруживаются уже в старовенгерских памятниках.

§ 147. Сказуемое согласуется с подлежащим в числе (а также в лице); ср. A fiúk halkan beszélgettek ‘Мальчики тихо разговаривали’. Однако, когда имеется несколько подлежащих в ед. числе, сказуемое обычно также имеет форму ед. числа; ср. A fiú és a kislány csendesen beszélgetett ‘Мальчик и девочка тихо разговаривали’.

Препозитивные (стоящие перед определяемым словом) определения с определяемым словом не согласуются ни в числе, ни

в падеже, ни по лично-притяжательности; ср. meleg szobában 'в теплой комнате', meleg szobákban 'в теплых комнатах', két szobánkban 'в наших двух комнатах', milyen szobákról 'о каких комнатах' и т. д.; только указательные местоимения ez, az (и их производные), отделенные от определяемого артиклем, согласуются всегда с определяемым в числе, падеже и по употреблению послелога; ср. ez a ház 'этот дом', ebből a kertből 'из этого сада', ezek előtt a kertek előtt 'перед этими садами' (см. также § 116).

Отсутствие согласования препозитивного определения с определяемым относится к прафинно-угорскому наследию.

§ 148. Для порядка слов определительных сочетаний характерно препозитивное расположение зависимого члена по отношению к главному. Поэтому часто встречаются громоздкие определительные конструкции, начинающиеся с артикля и кончающиеся на определяемом главном слове, обычно соответствующие русским конструкциям с обособленными причастными оборотами; ср. A tegnapi ülésen kapott utasításokat megjegyeztük 'Мы запомнили указания, полученные на вчерашнем заседании'.

Препозитивное положение зависимых слов было характерно и для финно-угорского языка-основы.

Место сказуемого во многом зависит от интонации: часть предложения, особенно выделяемая интонацией, стоит перед сказуемым. Выделяется, например, вопросительное слово (или словосочетание) или слово (словосочетание), наиболее важное для вопроса и для ответа на вопрос, ср., например: Mikor épült ez a színház? 'Когда был построен этот театр?'; Ez a színház a múlt században épült 'Этот театр был построен в прошлом веке' (выделены: mikor 'когда' и múlt században 'в прошлом веке'); Ön ebben az iskolában tanít? 'Вы преподаете в этой школе?'; Igen, én ebben az iskolában tanítok 'Да, я преподаю в этой школе' (выделено: ebben az iskolában 'в этой школе').

Между частью, выделяемой интонацией, и сказуемым могут стоять только некоторые безударные слова (частицы, союзы).

§ 149. Отделение приставок регулируется также интонацией. От личных форм глагола приставка отделяется (и получает место где-то позади глагола), если в предложении имеется логически выделяемое слово (или сочетание слов), которое поэтому должно стоять непосредственно перед глаголом; ср. Nem én vittem el neki a levelet, személyesen jött el érte 'Не я отнес ему письмо, лично он пришел за ним' (выделено: nem én 'не я' и személyesen 'лично'; приставка el стоит за глаголом). Если же выделяется сам приставочный глагол, приставка не отделяется; ср. Megértetted a kérdésemet? 'Ты понял мой вопрос?' (выделено: megértetted? 'понял?').

Имеется ряд слов, которые, выделяясь интонацией и располагаясь перед сказуемым, тем не менее не требуют отделения приставок; таковы наречия типа: gyorsan 'быстро', nagyon 'очень', gyakran 'часто' и т. д.; ср. gyakran meglátogattuk a beteget 'мы часто навещали больного'.

Правила отделения приставок от инфинитивной и деепричастной форм противоположны правилам отделения приставок от личных форм; ср. Nem én fogom elvinni neki a levelet, személyesen fog eljönni érte 'Не я отнесу ему письмо, лично он придет за ним'.

ЛЕКСИКА

§ 150. В лексику современного венгерского языка входит всего 600—700 финно-угорских и угорских корнеслов. По количеству они уступают славянским и немецким заимствованиям, тем не менее им принадлежит основная роль в коммуникативном использовании языка, а также в развитии всего словарного состава.

Данная исключительная значимость венгерской лексики объясняется следующими причинами: 1) прафинно-угорские и угорские корневые элементы обозначают наиболее важные в быту понятия: основные действия и качества, предметы домашнего обихода, родственные отношения и т. д.; к указанным элементам восходят местоимения и основные числительные; 2) прафинно-угорские и угорские корни использовались наиболее интенсивно в суффиксальном словообразовании и фразеологии.

§ 151. К прафинно-угорскому (уральскому) наследию относятся следующие слова (в том числе и заимствованные еще прафинно-угорской общностью из других языков):

1) имена существительные, обозначающие а) части тела: orr 'нос', száj 'рот', szem 'глаз', fej 'голова', kéz 'рука', váll 'плечо', epe 'желчь', máj 'печень', szőr 'волосы', 'шерсть', vér 'кровь' и т. д. (см. Л. § 3, 13); б) родственные отношения: fiú 'сын', meny 'сноха', nő 'женщина', 'жена', ös 'младший брат', ős 'предок', vő 'зять' и т. д. (см. Л. § 4, 14); в) понятия, связанные с природой: ár 'поток', éj 'ночь', év 'год', felhő 'туча', hab 'волна', hó 'месяц' (время), kő 'камень', menny 'небо', ősz 'осень', tél 'зима', víz 'вода' и т. д. (см. Л. § 5, 15); г) растения и их части: ág 'ветвь', fa 'дерево', meggy 'вишня', tő 'корень' и т. д. (см. Л. § 5, 15); д) дикие животные, рыбы и птицы, насекомые: egér 'мышь', kígyó 'змея', nyúl 'заяц', róka 'лиса', sün 'еж', hal 'рыба', fecske 'ласточка', lúd 'гусь', méh 'пчела' и т. д. (см. Л. § 5, 15); е) понятия, относящиеся к жилищу, питанию, одежде, орудиям труда: ágy 'постель', fal 'стена', fazék 'горшок', ház 'дом', küszöb 'порог', lé 'жидкость', 'похлебка' nyíl 'стрела', öv 'пояс' и т. д. (см. Л. § 9, 19); ж) металлы: arany 'золото', ón 'олово', vas 'железо' и т. д. (см. Л. § 5, 15);

2) имена прилагательные: agg 'старый', hosszú 'длинный', keserű 'горький', sovány 'худой', új 'новый' и т. д. (см. Л. § 8, 18);

3) имена числительные и местоимения (см. § 108, 112, а также Л. § 2, 12, 20);

4) глаголы, обозначающие простые физические и психические действия: ad-ni 'дать', él-ni 'жить', en-ni 'есть', fél-ni 'бояться',

hal-ni 'умереть', hall-ani 'слышать', in-ni 'пить', kér-ni 'просить', lő-ni 'стрелять', men-ni 'идти', mos-ni 'мыть', néz-ni 'смотреть', olvas-ni 'читать', 'считать', rak-ni 'класть', 'сооружать', tanul-ni 'учиться', ten-ni 'делать', tud-ni 'знать', varr-ni 'шить' и т. д. (см. Л. § 6, 16).

§ 152. К праугорскому наследию относятся (в том числе и заимствованные праугорской общностью из других языков):

1) имена существительные, обозначающие разные понятия: eper 'земляника', fű 'трава', hattyú 'лебедь', hód 'бобер' и т. д. (см. Л. § 33); в угорскую эпоху впервые появляются имена, связанные с одомашниванием животных: eb 'собака', ló 'лошадь', kengyel 'стремя', nyereg 'седло' и т. д. (см. Л. § 33, 37);

2) имена прилагательные: jó 'хороший', meleg 'теплый' и т. д. (см. Л. § 36);

3) глаголы: fog-ni 'держать', 'ловить', süt-ni 'жарить,' 'печь', ül-ni 'сидеть' и т. д. (см. Л. § 34).

§ 153. Как указывалось выше (§ 3), на культурное и экономическое развитие правенгров большое влияние оказали разные иранские племена; от последних переняты слова: tehén 'корова', tej 'молоко', далее слова: nemez 'фетр', tíz 'десять' и т. д. Эти заимствования относятся к периоду до V в. н. э., поэтому на них еще распространялся правенгерский звуковой переход $d > z$ [58]. Значительно позднее (но еще до прихода в нынешнюю Венгрию) перешли в венгерский язык немногочисленные аланские (древнеосетинские) заимствования: híd (ср. осет. χ̄ed, χid 'мост') 'мост', vért (ср. осет. wart 'щит') 'кольчуга', 'щит', asszony (ср. осет. äχsīn 'княгиня', 'знатная дама') 'женщина' и т. д. Осевшая в XIII в. в Венгрии небольшая группа православных алапов (ясов), повидимому, не оставила следов в лексике венгерского языка.

Последний пласт иранских заимствований состоит из слов, перенятых от персидских купцов, которые нередко посещали на юге Восточной Европы поселения странствующих правенгров (до их прихода в бассейн Дупая и Тисы); таковы: vám (ср. перс. vām 'долг') 'таможенный сбор', vár (ср. др.-перс. vāra 'степа', 'строение') 'крепость'.

§ 154. Первый приток тюркских слов относится к периоду от V в н. э. до занятия нынешней Венгрии, т. е. ко времени, когда странствующие венгры в районе Кавказа постоянно соприкасались с различными тюркскими племенами (см. § 4), говорящими на языках чувашского или общетюркского типа; судя по звуковому облику, большинство из соответствующих слов перенято из диалектов чувашского типа.

Многочисленные (около трехсот слов) тюркские заимствования данного периода указывают на образ жизни, к которому правенгры приобщились под влиянием своих тюркских соседей. Эти слова относятся к терминологии:

[58] MNyT 278.

1) скотоводства (в меньшей мере охоты и рыболовства): bika (ср. тюрк. buqa, *biqa)[59] 'бык', borjú (ср. чув. pȃru) 'теленок', disznó (ср. чув. sɨsna, *jɨsnaγ) 'свинья'; béklyó (ср. тюрк. bȇγau) 'путы', gyapjú (ср. тюрк. yapak) 'шерсть'; görény (ср. чув. *küran) 'хорек' и т. д.

2) земледелия и природы: alma (ср. тюрк. alma) 'яблоко', búza (ср. тюрк. buγday) 'пшеница', dió (ср. тюрк. yaγaq) 'орех'; bor (ср. тюрк. bor) 'вино', eke (ср. чув. aGa) 'соха'; dél (ср. тюрк. tüš) 'юг' и т. д.

3) ремесел, жилища, одежды: ács (ср. тюрк. agačči) 'плотник', gyárt-ani (ср. тюрк. yarat 'делать подходящим', 'приспособить') 'производить'; bársony (ср. тюрк. barčun 'шелк', 'парча') 'бархат', csat (ср. тюрк. čatu 'веревка') 'пряжка', 'скрепление' и т. д.

4) общественной жизни и духовной культуры: betű (ср. тюрк. bitig 'письмо', 'документ') 'буква', boszorkány (ср. тюрк. *basɨrqan) 'ведьма', bölcs (ср. тюрк. büyücï 'волшебник') 'мудрец' и т. д.

О тесных контактах правенгров с тюркскими племенами свидетельствуют слова, обозначающие части тела, качества и т. п.; например, gyomor (ср. тюрк. jumur) 'желудок'; apró ср. тюрк. *oргаγ 'мелкий', bátor (ср. тюрк. baγatur 'добрый', 'смелый') 'отважный' и т. д.

§ 155. Второй пласт тюркских заимствований состоит из слов, перенятых от печенегов и половцев (куманов), осевших в Венгрии в X—XIII вв.; таковы csődör (ср. половецко-печенежское *čevdür) 'жеребец', csősz (ср. половецко-печенежское *čävüš — название сановного лица) 'сторож', 'охранник' и т. д.

Третий пласт тюркских заимствований относится к XVI—XVII вв., когда значительная часть Венгрии находилась под властью турок. Слова, проникшие в венгерский из турецкого языка, относятся в основном к лексике, характеризующей одежду, питание и жилище; таковы zseb (ср. тур. džeb) 'карман'; kávé (ср. тур. kahve) 'кофе'; dívány (ср. тур. dīvān 'лежанка'), 'диван' и т. д.

Во второй и третий пласты входит всего несколько десятков слов.

§ 156. Венгры контактировали с восточными славянами еще в период перехода от приуральской прародины до Карпат. Поэтому несомненно, что некоторое количество славянских слов было перенято еще до конца IX в.

Однако более тесными и продолжительными эти связи стали только начиная с X в., когда осевшие в бассейнах Дуная и Тисы венгры смешались с местным славянским населением и продолжали соприкасаться с окружающими славянскими народами (см. § 6).

В литературном и общеразговорном вариантах языка употребляется свыше пятисот славянских заимствований, но вместе

[59] Здесь и далее данные приведены по MTESz. и Bár. MSzSz.

с диалектными и устаревшими словами их численность составляет несколько тысяч [60].

В венгерский язык перешли слова из разных славянских языков, однако ввиду близости последних друг к другу в большинстве случаев нелегко установить конкретный язык-передатчик (предполагается, что в обогащении венгерского языка наиболее значительная роль принадлежит южным славянам). У большинства заимствований также трудно определить время появления (по указанным причинам нижеприведенные слова не распределены ни по языкам-передатчикам, ни хронологически; приведенные в скобках данные не отражают языка-передатчика).

§ 157. Славянские заимствования пронизывают все семантические сферы словарного фонда: они относятся, например, к частям лексики, характеризующим:

1) земледелие, например: asztag (ср. русск. *стог*) 'стог', bab (ср. русск. *боб*) 'бобы', cékla (ср. болг. *цвекло*) 'свекла', cseresznye (ср. русск. *черешня*) 'черешня', mák (ср. русск. *мак*) 'мак' и т. д.;

2) животноводство и вообще животный мир, например: bárány (ср. русск. *баран*) 'ягненок', járom (ср. сербо-хорв. járam) 'ярмо', patkó (ср. русск. *подкова*) 'подкова'; bolha (ср. болг. *бълха*) 'блоха', csuka (ср. русск. *щука*) 'щука', medve (ср. русск. *медведь*) 'медведь' и т. д.;

3) ремесла, например: abroncs (ср. русск. *обруч*) 'обруч', borotva (ср. русск. *бритва*) 'бритва' и т. д.;

4) жилище, одежда, питание, например: asztal (ср. русск. *стол*) 'стол', kulcs (ср. русск. *ключ*) 'ключ'; csizma (ср. болг. *чизма*) 'сапоги', ruha (ср. ц.-сл. rucho 'ткань') 'одежда' и т. д.;

5) семью, например: család (ср. русск. *челядь*) 'семья', déd (ср. русск. *дед*) 'прадед', unoka (ср. русск. *внук*) 'внук', 'внучка' и т. д.;

6) общественную жизнь и верования, например: király (ср. сербохорв. krâlj) 'король', paraszt (ср. русск. *прост*) 'крестьянин', pecsét (ср. русск. *печать*) 'печать'; barát (ср. болг. *брат* 'брат', 'друг', 'монах') 'монах', 'друг', pap (ср. русск. *поп*) 'священник', szerda (ср. русск. *среда*) 'среда' (день) и т. д.;

7) разные понятия, например: drága (ср. ц.-сл. draga) 'дорогой', gonosz (ср. словен. gnûs 'отвратительный человек') 'лютый', 'злой', német (ср. русск. *немец*) 'немец', sétál-ni (ср. сербохорв. šetati) 'гулять' и т. д.

В последнее время усилился приток русских слов, таковы: bolsevik, kolhóz, szovjet и т. д.

§ 158. Как было указано (см. § 6—8), контакты венгров со своими западными соседями, говорящими на немецком языке, продолжались в течение многих веков (начиная с X в.).

---

[60] MNyT 289.

Немецкие слова проникали в венгерский язык из речи австрийских ремесленников, которые оседали в венгерских городах и составляли немалую часть бюргерства, особенно в XVII—XIX вв., должностных лиц, военных и священников. Кроме того, по мере усиления влияния габсбургской династии в Венгрии, венгерское высшее (отчасти и среднее) дворянство все больше тяготело к венскому двору, через Австрию воспринимало западную культуру и говорило лучше на немецком, чем на венгерском языке.

Природа вышеуказанных контактов определила и характер немецких заимствований. В своем большинстве они относятся к определенным слоям лексики, необходимым для общения с бюргерами, высшим дворянством, военными. В силу этого в общеразговорном и литературном вариантах венгерского языка немецких заимствований значительно меньше (около четырехсот), чем в социальных и территориальных диалектах, а также в профессиональной и жаргонной лексике. Если учесть все перечисленные разряды лексики, в венгерском языке численность немецких заимствований достигает нескольких тысяч [61].

Хронологию появления большинства немецких заимствований трудно установить, как и часто нелегко определить диалектный источник перенятых слов. Предполагается, что из более старых заимствований часть получена из средненемецких, часть из баварско-австрийских диалектов, главным же источником более поздних заимствований считается баварско-австрийская диалектная группа. Немало слов попало в венгерский язык из литературного немецкого языка.

§ 159. Нижеприведенные слова по хронологическому признаку не разделены, и только частично указан у них диалектный источник.

Как было отмечено выше (§ 158), немецкие заимствования характеризуют:

1) городскую жизнь бюргеров и ремесла; например: bognár (ср. бав. wǫ̈gnər) ‘каретник’, borbély (ср. бав. barbir) ‘цирюльник’, drót (ср. нем. Draht) ‘проволока’, font (ср. бав. pfunt) ‘фунт’, ráspoly (ср. бав. raschp'l) ‘рашпиль’, sváb (ср. нем. Schwabe ‘немец, носитель швабского диалекта’) ‘немец, живущий в Венгрии’, и т. д.;

2) жизнь дворян, например: biliárd (ср. нем. Billard) ‘бильярд’, dáma (ср. нем. Dame) ‘дама’, erkély (ср. бав. erker) ‘балкон’, ‘эркер’, gallér (ср. бав. goler) ‘воротник’, gróf (ср. бав. grǫ̈f) ‘граф’, gyémánt (ср. бав. demant) ‘алмаз’, paróka (ср. бав. parocke) ‘парик’ и т. д.

3) жизнь военных: cél (ср. ср.-в.-н. zel) ‘цель’, ostrom (ср. нем. Sturm) ‘осада’, pisztoly (ср. нов.-в.-н. pistol) ‘пистолет’, sánc (ср. ср.-в.-н. schanze) ‘оборонительный вал’ и т. д.

---

[61] MNyT 292.

Довольно много слов относится к терминологии, изысканной кулинарии, например: cukor (ср. раннее нов.-в.-н. zuckar) 'сахар' karfiol (ср. нем. диал. karfiol) 'цветная капуста', kóstol-ni (ср. нем. kosten) 'пробовать на вкус', ribizli (ср. нем. диал. riebisel) 'смородина', spenót (ср. нем. диал. spenot) 'шпинат' и т. д.

§ 160. Романские заимствования происходят из четырех языков: латинского, французского, итальянского и румынского.

Как указано выше (§ 40, 48), латинские, французские и итальянские слова в венгерский язык перешли не в результате общения широких народных масс, а по другим социальным каналам. В этом отношении только румынские заимствования являют собой исключение.

§ 161. Приток латинских слов начался со времен обращения венгров в христианскую веру (конец X в.). Латынь была языком церкви, а также и письменности, поскольку последняя была привилегией церкви. При реформации число латинских заимствований увеличилось: широкий размах получило школьное образование, привлекшее внимание к латыни, как к языку наук. Начиная со второй половины XVII в. (вплоть до XIX в.) латынь постепенно превратилась в официальный язык государственных, административных и юридических органов.

В общеразговорном и литературном вариантах современного венгерского языка насчитывается свыше двухсот латинских заимствований; но кроме того, их очень много употребляется в научной, церковной и профессиональной терминологии [62].

Латинские заимствования происходят от варианта средневековой латыни, употреблявшейся в Венгрии. Соответственно сферам использования они характеризуют:

1) деятельность церкви, например: kántor (ср. латин. cantor) 'церковный певчий', kápolna (ср. ц.-лат. capella) 'часовня', mártir (ср. ц.-лат. martyr) 'мученик', mise (ср. ц.-лат. missa) 'месса', orgona (ср. ц.-лат. organum) 'орган' (музыкальный инструмент), paradicsom (ср. ц.-лат. paradisus) 'рай', prédikál-ni (ср. ц.-лат. praedicare) 'проповедовать' и т. д.;

2) терминологию школы, например: ceruza (ср. латин. cerussa 'цинковые белила') 'карандаш', diktál-ni (ср. латин. dictare) 'диктовать', tábla (ср. латин. tabula) 'доска (школьная)', tinta (ср. латин. tincta aqua 'крашеная вода') 'чернила' и т. д.;

3) административную и юридическую терминологию, например: adoptál-ni (ср. латин. adoptare 'принимать') 'усыновить', 'удочерить', apellál-ni (ср. латин. appellare 'обращаться'), 'подать на пересмотр', uzsora (ср. ср.-лат. usura) 'ростовщичество'; сюда можно отнести и названия месяцев: április (ср. ц.-лат. aprilis) 'апрель', december (ср. латин. december) 'декабрь' и т. д.;

4) терминологию флоры и фауны, например: citrom (ср. латин. citrum 'лимонное дерево') 'лимон', petrezselyem (ср. ср.-лат.

[62] MNyT 296.

petrosilium) 'петрушка'; cet (ср. латин. cetus) 'кит', elefánt (ср. латин. elefantus) 'слон', fülemüle (ср. латин. philomela) 'соловей', tigris (ср. латин. tigris) 'тигр' и т. д.

§ 162. Французские заимствования относятся к XII—XIII вв. В то время в Венгрии поселилось немало французских монахов и ремесленников, а также многие венгерские духовные лица обучались в университетах Франции. В результате таких контактов венгерским языком перенято более десяти французских слов (главным образом из валлонского диалекта); таковы: kilincs (ср. ст.-фр. диал. clinche) 'ручка двери', lakat (ср. ст.-фр. диал. loquet) 'замóк' (висячий), szekrény (ср. ст.-фр. диал. scrin 'сундук') 'шкаф', tárgy (ср. ст.-фр. targe 'крыша') 'предмет', 'крыша для обороны' и т. д.

§ 163. Приток итальянских слов начался сразу после обращения венгров в христианство (XI в.), поскольку именно в связи с этим событием в Венгрию переселилось много итальянских священников и монахов, а вслед за ними в венгерских городах появились значительные группы итальянских бюргеров-колонистов. В XV в. влияние на венгерскую лексику оказали многочисленные итальянские ученые, писатели, художники и должностные лица, приглашаемые на длительное время венгерскими королями из династии Анжу и Хуньяди. Некоторые слова могли быть заимствованы даже в более поздние годы при посредничестве итальянских купцов, побывавших в Венгрии, а также венгерских солдат, воевавших в Италии в рядах австрийской армии.

В общеразговорной лексике употребляется около пятидесяти итальянских заимствований; кроме них, выявлено несколько десятков устаревших и диалектных слов итальянского происхождения [63].

В соответствии с разнообразием каналов, по которым итальянские слова проникали в венгерский язык, эти заимствования относятся ко многим семантическим сферам лексики.

Примеры итальянских заимствований: bárka (ср. ит. barca) 'баркас', datolya (ср. ит. диал. dátolo) 'финик', kandalló (ср. ит. caldano 'жаровня') 'камин', piac (ср. ит. piazza 'площадь') 'рынок', spanyol (ср. ит. spagnolo) 'испанский', 'испанец' и т. д.

§ 164. На территории Трансильвании венгерские и румынские народные массы начиная с XII в. контактировали весьма интенсивно и непрерывно. Тем не менее в общеразговорную лексику венгерского языка вошло лишь незначительное количество румынских слов: около десяти. Кроме них несколько сот слов румынского происхождения употребляется в трансильванских диалектах [64].

Примеры румынских заимствований в общеразговорной лексике венгерского языка: cimbora (ср. старорумынское símbră

[63] MNyT 298.
[64] MNyT 299—300.

'союз', 'сотоварищество') 'приятель', ficsur (ср. рум. диал. ficior 'парень') 'пижон', málé (ср. рум. mălái 'кукурузная мука') 'мамалыга' и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

Балашша Й. Венгерский язык. М., 1951.

Майтинская К. Е. Венгерский язык, I. М., 1955; II, 1959; III, 1960.

Майтинская К. Е. Словообразование имен в старо- и средневенгерском языке. М., 1965.

Рот А. М. Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Budapest, 1973.

Хайду П. К этногенезу венгерского народа. — ALH, t. II. Budapest, 1953.

A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára, I. Budapest, 1967, II. Budapest, 1970.

A magyarság őstörténete. Budapest, 1943.

A magyar szókészlet finnugor elemei. Etimológiai szótár, I. Budapest, 1967; II, 1971.

A mai magyar nyelv rendszere. Leíró nyelvtan, I. Budapest, 1961; II, 1962.

Bárczi G. A magyar nyelv életrajza. Budapest, 1963.

Bárczi G. A magyar szókincs eredete. Második bővített kiadás. Budapest, 1958.

Bárczi G., Benkő L., Berrár J. A magyar nyelv története. Budapest, 1967.

Bárczi G. Magyar hangtörténet. Második bővített kiadás. Budapest. 1958.

Bárczi G. Magyar szófejtő szótár. Budapest, 1941.

Berrár J. Magyar történeti mondattan, Budapest, 1957.

Bartha K. A magyar szóképzés története. Magyar történeti szóalaktan, II. Budapest, 1958.

Hajdú P. Bevezetés az uráli nyelvtudományba. A magyar nyelv finnugor alapjai. Budapest, 1966.

Hajdú P. Finnugor népek és nyelvek. Budapest, 1962.

Imre S. A mai nyelvjárások rendszere. Budapest, 1971.

Kálmán B. A nevek világa. Budapest, 1967.

Kálmán B. Nyelvjárásaink. Második kiadás. Budapest, 1971.

Klemm A. Magyar történeti mondattan, I. Budapest, 1928; II, 1940; III, 1942.

Lakó Gy. A magyar hangállomány finnugor előzményei. Budapest, 1965.

Lizanec P. M. Magyar-ukrán nyelvi kapcsolatok. Uzshorod, 1970.

Simonyi Zs. Tüzetes magyar nyelvtan történeti alapon, t. I. Budapest, 1895.

Szabó D. A magyar nyelvemlékek. Második bővített kiadás. Budapest, 1959.

Szamota I., Zolnai Gy. Magyar oklevél-szótár. Budapest, 1902—1906.

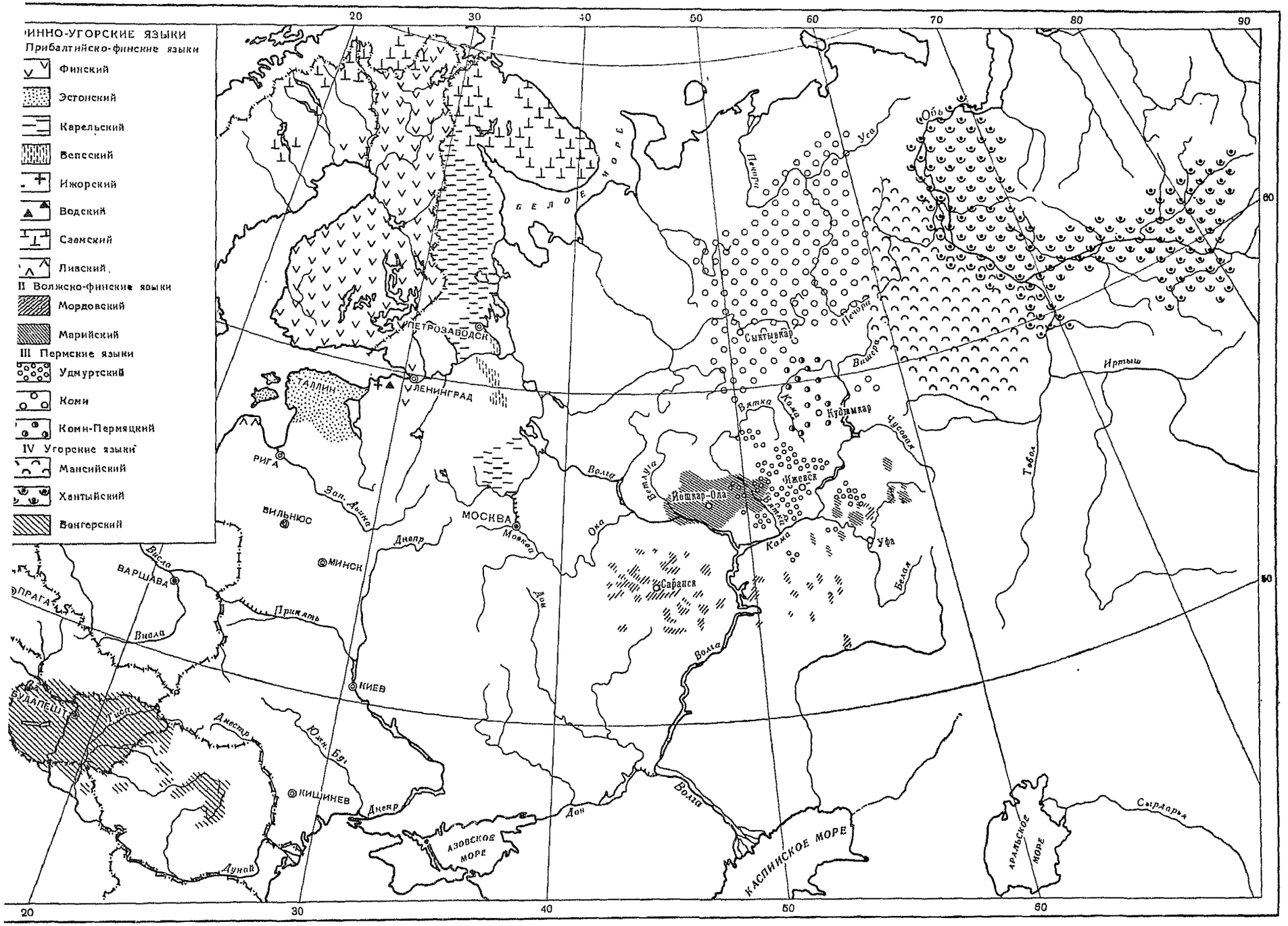
Szarvas G., Simonyi Zs. Magyar nyelvtörténeti szótár, I. Budapest, 1890; II, 1891, III, 1893.

Szinnyei J. Magyar nyelvhasonlítás. Hetedik javított és bővített kiadás. Budapest, 1927.

Szinnyei J. Magyar tájszótár, I. Budapest, 1893—1896; II, 1897—1901.

Tompa J. Ungarische Grammatik. Budapest, 1968.

Zsirai M. Finnugor rokonságunk. Budapest, 1937.


ИННО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ
Прибалтийско-финские языки
Финский
Эстонский
Карельский
Вепсский
Ижорский
Водский
Саамский
Ливский
II Волжско-финские языки
Мордовский
Марийский
III Пермские языки
Удмуртский
Коми
Коми-Пермяцкий
IV Угорские языки
Мансийский
Хантыйский
Венгерский
20
30
40
50
60
70
80
90
80
60
Белое море
Печора
Усa
Обь
Сыктывкар
Ухта
Вишера
Иртыш
Вятка
Кама
Кудымкар
Чусовая
Тобол
Ижевск
Ижма
Ветлуга
Йошкар-Ола
Волга
Унжа
Уфа
Белая
Сарапул
Сарапул
Сарапул

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ *

ФИННО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ЯЗЫКИ

Финский язык

ahingas II 116
ahjo II 118
ahkio I 153, 409
ahrain II 119
ahtaa II 112
aisa II 117
aitta II 117
akana II 118
akkuna II 120
ala I 148, 205, 407
alla I 407
ampu- I 139, 432
ankerias II 116
ansa II 116
anta- I 139, 419
apen I 413
appi I 140, 413
askel I 154
astia II 114
astua II 113
aura II 118
ava- II 113
avaa- I 418
avanto I 418
avo-, avoin II 113

edellä, eden, edessä I 421
ehkä I 428
ehti- I 430
ehtiä I 129
elä- I 163, 167, 193, 405
elää I 190, II 112
emä I 402
emäntä II 115
esi I 421, II 114
että I 399

halava I 414
halla II 117
hammas II 117
hanko II 114
hauki II 112
hauras II 113
heimo II 117
heinä II 116
heisi, heisipuu I 427,
hepo II 114
herne II 116
hevonen II 114
hieho, hiehvo I 428
hihna I 170
hiire-, hiiri, hiirin I, 123, 167, 416
hirvi II 116
horjua II 115
huhmar I 162
huhta II 114
hui I 433
humala II 118
huoli II 113
huone II 114
hupa I 162, 421
huu I 424
huuli II 112
huunhaukko, huunpurema I 424
hähnä I 175, 428
hän I 411
härkä II 116
härmä II 117
häähnä I 428

ien I 411
ies II 120
iho I 142
ikenen I 411
ikkuna II 120
ikä I 189, 413
ilma I 150, 414
ilo II 113
ime- I 407
iso I 402
isä I 402
isäntä II 115
itkeä II 113

jaka- I 137, 406
jaksa I 430
jalas II 114
jalka I 129, 412, II 112
jirä I 427
joen I 136
jogen I 136
joke- I 129, 136
joki I 208, 403, II 112

* В Указатель вошли слова из разделов лексики всех очерков, а также из раздела «Сравнительная фонетика финно-угорских языков». Указатель составлен Г. И. Ермушкиным при участии Е. И. Коведяевой.
Пометы I, II, III указывают три выпуска «Основ финно-угорского языкознания»: I — выпуск 1974 г.; II — выпуск 1975 г.; III — данный выпуск; арабские цифры показывают страницы соответствующих выпусков.

jou- I 130
joutsehen I 416
joutsehen, joutsen I 416
joutsi I 408
juo- I 137, 186, 419
juoda II 112
juosi I 408
juosta II 113
juotsen I 151
jyvä I 160
jänis II 112
jänkä I 138
jänne, jänteen I 409
jäsen I 169, 206
jää I 129, 175, 413
jäähtyä I 151

kaalaa- I 419
kadota I 167
kahden I 423
kahlaa- I 419
kainalo I 400
kaksi I 127, 168, 423
kala I 404, II 112
kalimen, kalin I 409
kalvo I 149
kana II 118
kankea II 113
kannus II 114
kanta- I 138
kante- I 139,
karpalo II 113
karva II 117
kaste II 113
kasukka II 120
katku I 154
katos II 114
katso- I 430
kattila II 118
katto II 114
kaukalo II 114
kaula II 117
kauppa II 119
kaura II 118
kausta II 114
kehä I 144, 188, 195
keittä- I 408
ken I 398
kenkä II 114
kenttä I 427, II 116
keri I 149, 163, 168, 190, 195, 415
kerjätä I 169
kerjää- I 419
kero I 426
keski I 170
keso I 188, 405
kesä I 193
kesämä I 415
ketto I 170
kiehu- I 408
kiele- I 181
kieli I 117, 188, 190, 193, 401
kihlata II 119
kiivetä II 115
kirves II 117
kive- I 143
kiven I 417
kivi I 169, 417, II 112
kivistää II 113
ko I 398
koi I 402
koira II 155, 195, 401
koiras I 401
koitta- I 402
kolja, koljo I 424
kolme I 120, 194, 209, 423
komka I 429
korja II 114
korva II 112
kosia II 115
koske- I 430
kosken, koski I 427
kosku, koskus, koskukse- I 403
kota I 194, 423, II 112
koti II 112
kotka I 187
koulu I 119
kova II 113
kova(i)sin II 114
ku- I 398
kuiru I 422
kuka I 398
kulke I 406
kulke- I 154, 187
kulle I 154
kulma I 150
kulmu I 414
kulta II 118
kult(h)ec I 154
kumossa I 162
kumpua I 139
kumpua- I 402
kuningas II 119
kunta I 413
kuokka I 432
kuole- I 180, 187, 189, 407
kuolla I 210
kuomina II 119
kuontalo II 120, 121
kuoppa I 127
kuore, kuoree- I 404
kuorma II 115
kuosali, kuoseli II 120
kurakse, kuras I 408
kurki I 155
kuse-, kusi I 400
kusiainen, kusilainen I 416
kussa I 398
kuto- I 433
kutoa I 161
kuu I 162, 403, 412
kuuden I 424
kuukkeli I 405
kuukso I 405
kuule- I 181, 186, 189, 407
kuulla II 112
kuusanka I 405
kuuse- I 142, 189
kuusi I 180, 187, 193, 403, 424, II 112
kuute- I 119, 181, 196
kylki II 112
kylmä I 111, 431
kylvää II 114
kylä I 422
kynsi I 195
kynte- I 127, 145, 164
kynttilä II 118
kyntää II 114
kypsä I 431
kysä II 114
kytke- I 153, 423
kytkyen, kytkyt I 423
kyy I 404
kyynel I 401
kyyny I 405
kyynär, kyynär-pää I 412
kyynärä I 147
käden I 412
käly I 401
kämeä I 408
kämä I 408
käpsä I 153
käräjä(t) усгар. II 115
käsi I 193, 412
käske- I 430
käskeä I 170
käte- I 115, 119, 137, 167

laina II 119
laine II 113
laki II 114
lakka I 422
lammas II 118
lanka II 114
lanko II 115
lattea I 152
lauta II 117
lehmä II 114
leski II 115
leuka II 117
levätä II 113
lie- I 417

lieme- I 188
liemen I 423
liemi I 147, 190, 423
lienee I 188
liesi II 114
liippo I 189
lintu I 132, 139, 416
lohi II 116
loukko I 140
lounaan, lounas I 430
luke- I 181, 407
lukea I 161, 162
lume- I 146, 187, 189
lumen I 414
lumi I 147, 162, 195, 208, 414; II 112
lunastaa II 119
luokka, luokki II 120
luona I 196
lusikka II 120
luu I 161, 162, 187, 400
luuta II 117
lyden I 409
lyhyt II 113
lykkää- I 140, 420
lysi I 409
lyö- I 421
lähde- I 111
lähteä I 175
läävä II 119
löyly I 424
löytä- I 418

maa I 402, II 112
maata II 113
mahtaa I 170
majava I 428
maksa I 115, 167, 168, 193, 205, 400
mansikka II 113
marras I 155
martaa I 155
matala II 113
me I 399
meden I 422
mehiläinen I 190, 416
mela I 431
men- I 147
meno- I 131, 188, 193, 406
mennä II 112
merta II 118
mesi I 167, 422
mete- I 115, 204,
mielen I 430
mieli I 188, 190, 193, 430
mikä I 399
miniä I 147, 402
minä I 146, 399
morsian II 117
muna I 162, 189, 195, 401
muura I 403
muurain I 403
myy- I 405
myyrä II 113
myö, myöhä I 420
myös I 420
myöten I 420
mä I 399
mälvi I 411
mänty II 113

nahka II 112
napa II 117
nato I 401
naula II 118
nauraa II 113
nauris II 114
neiden I 401
neiti I 155, 401
neljä I 154, 190, 196, 423
niele- I 180, 181, 188, 190, 405
niemi II 113
niime- I 189
niinen I 427
niini I 187, 427
niinipuu I 427
niitti II 120
niittää II 114
nime I 131
nimi I 146, 170, 187, 401
nisu II 114
nois, Noisniemi I 404, 416
noita I 155, 424
nokko I 404
nousta II 113
noutaa- I 408
nummi II 113
nuo I 433
nuole- I 131, 148, 187, 193, 406
nuoli I 187, 409, II 112
nuotta II 118
nyden I 409
nysi I 409
näke- I 417
nämä I 433
nääntyä II 115
näärvä I 155

ohja, ohjas II 115
ohra II 114
oikea I 155
oinas II 116
oksenta- I 187
ole- I 209, 417
olka I 130, 412
olki I 194
ommella II 114
ora I 194, 423
orava I 149, 428
orpo I 155, 413
otava I 144, 408
otsa I 187
ove- I 147

paistaa II 113
paja II 114
paju I 403
pakahtu- I 420
pakana II 120
pakkanen II 113
pakku- I 420
pala I 170, 406
pala- I 413
palele- I 413
palkka II 115
paksu II 113
panki II 114
pappi II 120
paras I 168, 431
paremman, parempi, parhaan I 431
paska I 411
pata, pato I 422
pehmeä II 113
pelko I 167
pelkää- I 405
pelto II 118
peltopyy I 404
pelätä I 190, 207
peni I 175, 188, 416
perhe II 115
perä I 127, 196, 420
pesä I 120, 142, 163, 175, 180, 190, 194, 196, 197, 404
petäjä I 190, 428; II 113
pieli I 407
pieltä- I 407
pieni II 113
piennar II 114
piha I 127, 189, 433
pihti I 433
pii I 147, 170, 187
piimä II 114
piirakka II 121
pilvi I 154, 189, 210
pimeä I 150, 408
pireä I 431
pirta II 120
pitkä II 113
pohje, pohkee- I 154
pohta- I 432
pohti I 187
pohti- I 432
poika I 154, 209, 413

pojan I 413
poltta- I 413
polvi I 400
ponnen I 432
ponsi I 432
ponteva I 432
porsaan, porsas I 429
puna I 162
punka I 138
puno- I 409
punoa I 162
puola I 187, 404
pura- I 409
pure- I 162, 181, 187, 207, 418
purku I 162
puserta- I 144, 417
putki I 154, 162
puu I 186, 189, 403
pyy I 404
pähkinä I 428
päistär II 119
päitset II 115
pätkiä I 170
pätkä II 115
pää I 147, 164, 400; II 112
pääsky I 416
pääsky(nen) I 154, 416

raamattu II 120
rae II 113
raha II 119
rahvas II 115
raitis II 115
ratas II 117
ratsastaa II 115
rauta II 118
reisi II 117
reki II 117
repo I 133, 416, II 112
riihen I 432
riihi I 432
riittää II 115
rikas II 119
rinnus II 115
risti II 120
rita I 170, 431
ruis II 118
ruoka II 114
ryhtyä II 115
rätti II 114
räystäs II 114

saa- I 430
saani II 120
saapas II 120, 121
saari II 113
saarna I 155, 430
saavutta- I 430
saima I 421
salava I 414
sana II 113
sappe- I 123, 140, 196
sappi I 196, 411
sarve- I 123, 143, 196
sarven I 412
sarvi I 155, 196, 412
sata I 113, 123, 127, 137, 196, 424
sauna II 114
se I 188, 189, 399
seimen, seimi I 421
seinä II 117
seitsemä-, seitsemän, seitsen- I 433
[sēne-] I 188
sepä I 137, 412
setä I 190, 195, 401
seula II 118
seuta II 115
si- I 399
siemen II 116
siene- I 188
siikanen I 428
siili I 415
siivatta II 119
sika II 114
silaa II 112
silmä I 110, 123, 400, II 112
silta I 113, II 117
sinu-, sinä I 399
sirppi II 119
sisar, sisaren I 426
sitoa I 169, 204
sitta I 140
soima I 421
solmu I 125, 150
sompa I 139
sonsar I 415
sonta I 189
sotka I 154, 415
souta- I 408
sudame I 141
suka I 160, 183, 429
suksi I 162, 408
suku II 115
sula I 414
sulaa I 162
suntia II 120
suo- I 429, II 113
suola I 187, 429
suolen, suoli I 412
suomu I 417
suone- I 122, 147
suoni I 187, 400
survo- I 422
suu I 400
suuri II 113
suvi I 402
sydäme-, sydämen I 401
sydän I 401
syksy I 142, 151, 414
syle- I 122
syli I 167, 401
syljen, sylke-, sylki I 419
synty- I 419
sysi, syte- I 405
sytty- I 427
syylä I 400
syö- I 418
syödä I 163
säie I 426
säynäs, säynävä, säynään I 417
sää I 413, 432
sääksi I 151

taarna I 428
tahko II 114
talkoo II 117
talve- I 120, 196
talven I 413
talvi I 110, 154, 170, 180, 196, 413
tarna I 428
tarvoin II 116
te I 188, 189, 398
tei- I 398
teke- I 181, 418
terä I 127, 169, 207
tie I 427
tina I 113, II 119
toe II 116
tottu- I 406
touko I 413
tule- I 189
tuli I 162, 187, 403
tunke- I 138, 419
tunkea I 116, 120
tunte- I 139, 405
tuntea I 127
tuo I 399, 433
tuo- I 406
tuohi II 117
tuome- I 189
tuomi I 123, 210, 404
tupa II 118
turku II 120
turpa I 161, 411
tutkaime-, tutkain I 154
tuulen, tuuli I 427
tymä I 123, 408
tyven, tyvi I 414
tähkä I 426
täi I 415
täky I 400
tämä I 167, 399, 433
täty I 400

tävy I 170, 400
täyden, täysi I 421

udar I 160, 183
ui- I 406
uida I 161
uksen, uksi I 422
ulku I 162
une- I 189
uni I 162
usta II 113
utare- I 183
uuden I 421
uuhi I 186, 416
uusi I 162, 186, 421
uute- I 133, 141
uutu I 416
uve(h) I 429

vaaja II 117
vako II 116
valkama I 419
vapaa II 120
vareksen I 404
vares, variksen, varis I 404
vaski I 405
vehnä I 428
veistä- I 422
veitsen, veitsi I 422
vere- I 131, 181
veren I 412
veri I 170, 412
veräjä II 120
vesi I 167, 193, 402
vete- I 115, 133, 137, 169, 204, 402
vetä I 405
vie- I 418
vihreä I 210
vii, viiden I 424
viime, viimein, viimeinen I 420
viisi I 187, 424
viite- I 131, 167, 189, 196
villa II 116
voi I 130, 131, 143, 422
vuoden I 413
vuoli I 409
vuona II 116
vuosi I 187, 413
vyö I 409
värttinä II 120
vävy I 401

ydin I 412
yhden I 423
yksi I 130, 423
yli, yllä I 407
ylä I 164
ytime-, ytimen I 412
yö I 130, 143, 414
äes II 116
äijä I 426
äimä I 155, 408

Карельский язык

adra II 118
agana II 118
ahjo II 118
ahtua II 112
aida II 114
aiza II 117
anza II 116
ast'ia, ast'ie II 114
aštuo II 113
avo II 113
azrain II 119

čirppi II 119

elä- II 112
emändä II 115

garbalo II 113

habraš II 113
halla II 117
hammaš II 117
haŋgo II 114
haugi II 112
hebone II 114
heinä II 116
herneh II 116
hirvi II 116
hühta II 114
hukka II 115
hül'i II 112
humala II 118
humar I 146
huoneh II 114
härgä II 116

ikkuna II 120
ilo II 113
itkie II 113
izändä II 115

jalga II 112
jallaš II 114
jogi II 112
juo- II 112
juošša II 113
jänis II 112

kagla II 117
kagra II 118
kala II 112
kana II 118
kannus II 114
kaŋgie II 113
kapt'še I 153
karva II 117
kašše II 113
kattila II 118
kauppa II 119
kaušta II 114
keŋgä II 114
keräjä II 115
kihla II 119
kirveš II 117
kivi II 112
kivistä- II 113
koda II 112
kod'i II 112
korja II 114
korva II 112
kova II 113
kovazin II 114
koziččo- II 115
kulda II 118
küle- II 112
kuńiŋgaš II 119
kuomino II 119
kuošali, kuoželi II 120
küži II 112
käps I 153
käptsü I 153
käpt'š' I 153
külgi II 112
külü II 115
külvä- II 114
kündä- II 114
kürzü II 114

lagi II 114
laihina II 119
laineh II 113
lammaš II 118
laŋga II 114
lauda II 117
lebäüdüo II 113
lehmä II 114
leški II 115
leävä II 119
lohi II 116
loukko I 140
lüda II 117
lumi II 112
lunašta- II 119
luźikka II 120
lühüt II 113
l'euga II 117

madala II 113
mańźikka II 113
merda II 118
moata II 113
moršien II 117

mua II 112
mušta II 113
mändü II 113
mäne- II 112
mugrä II 113

nagris II 114
nagrua II 113
nahka II 112
niegla II 118
niemi II 113
nouśśa II 113
nuol'i II 112
nuotta II 118
ńaba II 117
ńittɪ II 120
ńizu II 114

ohjaš II 115
oinaš II 116
ommella II 114
ozra II 114

pagana II 120
paistua II 113
paja II 114
pakkańe II 113
pakšu II 113
palkka II 115
pappi II 120
pehmie II 113
peldo II 118
pereh II 115
peä II 112
pɪeni II 113
piennar II 114
pirda II 120
pitkä II 113
piä II 112
päičet II 115
päiśśár II 119
póvü II 115

račastua II 115
raha II 119
rahvaš II 115
rataš II 117
rauda II 118
regi II 117
repo II 112
rikaš II 119
rinnuš II 115
rist'i II 120
ruah I 113
ruiš II 118
ruoga II 114
räüššäš II 114
ŕeizi II 117

šana II 113
šauna II 114
šeinä II 117
šiegla II 118
šiemen II 116
šiga II 114
šilda II 117
šilmä II 112
šuari II 113
šugu II 115
šulua II 112
šuo II 113
šuorita II 115
šūri II 113

tahko II 114
talkohuš II 117
tarboɪn II 116
tuohi II 117

vago II 116
veräjä II 120
vɪlla II 116
voagie II 117
vuonna II 116
värt't'inä II 120

žɪvatta II 119

äŋgeŕjaine II 116

Вепсский язык

adr II 118
agan II 118
ahj II 118
aid II 114
aižaz II 117
astta II 113
aššɪ II 114
avgin II 113
azrag II 119

b'ird II 120

čapta II 116

d'ögi II 112

ol'ädä II 112
eźi II 114

garbol II 113
gomin II 119

haĪ II 117
hambaz II 117
haŋg II 114
haug II 112
hebõńe II 114
hīn II 116
hol II 113
hul' II 112
humal II 118
härg II 116
h'ein II 116
h'ernch II 116

ik(k)un II 120
ilo II 113
ɪžand II 115

jaug II 112
jaugaz II 114
joda II 112
jogi II 112
josta II 113
jańiž II 113

kagl II 117
kagr II 118
kala II 112
kana II 118
kaŋged II 113
karv II 117
kastę II 113
kattil II 118
katuz II 114
kaustaz II 114
kego I 174
kend II 115
keŋg II 114
keradiž II 115
kɪbištada II 113
kivi II 112
kod'i II 112
kombištuda II 116
kombū II 116
kord' II 114
korj II 114
korm II 115
korv II 112
kova II 113
kožita II 115
kožal' II 120
kuld II 118
kūlda II 112
kuńingaz II 119
kuź II 112
kül'g II 112
küntlä II 114
kürz II 114
k'ihl II 119
k'irźez II 117

lagi II 114
laińch II 113
lambaz II 118
laŋg II 114
laud II 117
leśk II 115
leug II 117

lohi II 116
lud II 117
lumi II 112
luźik II 120
läu II 119
lävä II 119
lühüd II 113
l'ebaitazę II 113
l'ehm II 114
l'eź II 114

ma II 112
madal II 113
magata II 113
mańźikaińe II 113
merd II 118
muźźäin II 117
must II 113
mändä II 112

naba II 117
nagrda II 113
nagriž II 114
nahk II 112
nit't'a II 114
not II 118
nousta II 113
ńegl II 118
ńem II 113
ńit' II 120
ńižu II 114

ohjaz II 115
oinas II 116
ombelda II 114
ozr II 114

pagan II 120
paja II 114
pakaińe II 113
paks II 113
paŋg II 114
pap II 120
pašta II 113
peń II 113
peŕeh II 115
piť'k II 113
pouk II 115
pästär II 119
pöund II 118
pehned II 113

raba I 174
ragiž II 113
raha II 119
rahvaz II 115
ratshīl II 115
raud II 119
reboi^{c} II 112
regi II 117
rinduz II 115
rugiž II 118
räüstäz II 114
ŕeiže II 117
ŕist II 120

sana II 113
sapug II 120
saŕ II 113
seiń II 117
seme II 116
siga II 114
silm II 112
so II 113
sulada II 112
suŕ II 113
śegl II 118
śirp II 119
šüud II 117

tahk II 114
tarbō II 116
toňi II 117
tåuguh II 117
t'in II 119

vago II 116
varastada II 116
viĪ II 116
vodn(az) II 116
väŕt'in II 120
vérei II 120

živat II 119

äges II 117

übuz II 116

Ижорский язык

adra II 118
ahtāG II 112
aiDa II 114
akkāna II 118
astia II 114

elläG II 112
emänDä II 115
euks II 116

halla II 117
hammaZ II 117
haŋGo II 114
hauGi II 112
heinä II 116
heppoin II 114
herneh II 116
hervi II 116
hōneh II 114
hummāla II 118
härGä II 116

ikkuna II 120
itkeäG II 113
iZänDä II 115

jalaZ II 114
jalGa II 112
joaG II 112
joGi II 112
jōssaG II 113
jäniZ II 113

kagla II 117
kagra II 118
kala II 112
kana II 118
kanZ II 116
karpalo II 113
karva II 117
kasseG II 113
kattila II 118
kausta II 114
keŋGä II 114
kerveZ II 117
kivi II 112
kivistaG II 113
koDi II 112
kōmina II 119
kōnttala II 120
kōrma II 115
korva II 112
kova II 113
kovvaiZin II 114
koZi- II 115
kulDa II 118
kūllaG II 112
kuniGaZ II 119
kūZi II 112
külvä- II 114
küntteli II 118
künttäG II 114

laGi II 114
laŋGa II 114
lauDa II 117
lehmä II 114
leski II 115
leuGa II 117
levädäG II 113
lohi II 116
lovissaG II 116
lūDa II 117
lumi II 112
luzikka II 120
lādäG II 116
lāvä II 119
lühükkäin II 113

mā II 112
māDaG II 113
mattāla II 113
morZian II 117
männäG II 112
mügrä II 113

nagrāG II 113
nagriZ II 114
nahka II 112
nēgla II 118
nīkki II 116
nīttaG II 114
nōtta II 118
noussaG II 113

ommellaG II 114
ozra II 114

paistaG II 113
paja II 114
pakkain(e) II 113
paksu II 113
palkka II 115
pappi II 120
pehmeä II 113
pelDo II 118
pēn(ı) II 113
perDa II 120
pereh II 115
pitkä II 113
päissär II 119
pää II 112

raeh II 113
raha II 119
rahi II 116
rauDa II 119
reBoi II 112
reGi II 117
rıGaZ II 119
rinnuZ II 115
risti II 120
rōGa II 114
ruiZ II 118
rätti II 114

sāBaZ II 120
sana II 113
sāri II 113
sauna II 114
sēgla II 118
seinä II 117
sēmen II 116
serppi II 119
siGa II 114
silmä II 112
sivatta II 119
sō II 113
suGu II 115
sullāG II 112
sūr(i) II 113

tahko II 114
tiuGaDaG II 116
toeh II 116
tōhi II 117
tuBa II 118

uhlu II 116

vaGo II 116
vākkea II 117
verrāja II 120
villa II 116
vōna II 116

Водский язык

abraZ II 113
adra II 118
ahjo II 118
ahtā II 112
aisa II 117
akana II 118
akanuZ II 116
akkuna II 120
alla II 117
ammaZ II 117
aŋggria(s) II 116
aŋko II 114
āsa II 116
assia II 114
astraga II 119
auči II 112
avgin II 113

čenčä II 114
čirveZ II 117
čivi II 112
čiilči II 112
čülvä II 114
čüntelia II 118
čüntä II 114

einä II 116
elä II 112
erne II 116
ehja II 115
emmella II 114
epen II 114
eraZ II 114
ezra II 114

ilo II 113
irvi II 116
ıtkea II 113

jalgaZ II 114
jalka II 112
ječi II 112
johsa II 113
juvva II 112
jäneZ II 113

kagla II 117
kagra II 118
kala II 112
kana II 118
kannuZ II 114
karva II 117
kase II 113
kattila II 118
kaukalo II 114
kaussa II 114
kerva II 112
keta II 112
keva II 113
kōmina II 119
kōrma II 115
kōntala II 120
kūlla II 112
kulta II 118
kunikaZ II 119
kūsi II 112

lači II 114
laine II 113
lammaZ II 118
laŋko II 115
lauta II 117
lehči II 115
lehmä II 114
lēsi II 114
levätä II 113
lehi II 116
leŋka II 144
leuka II 117
lōkka II 120
lumi II 112
lunassä II 119
lūta II 117
luzikka II 120
lühüD II 113

mā II 112
magata II 113
matala II 113
māzikaZ II 113
mennä II 112
merta II 118
mussa II 113
mäntü II 113
mügrä II 113

nagrāG II 113
nagriZ II 114
nahka II 112
napa II 117
nōmi II 113

ŋgisa II 113
ŋgmmi II 113
nigla II 118
nisu II 114
nītti II 120
nīttä II 114
nōtta II 118

ōli II 113
ōŋg II 114
opgn II 114

paissä II 113
paja II 114
pakana II 120
pakkain(e) II 113
paksu II 113
palkka II 115
paŋki II 114
pappi II 120
pehmiä II 113
pōn(i) II 113
pēntarä II 114
pglto II 118
piĕĕä II 113
pīmä II 114
pirta II 120
päicceD II 115
päisär II 119
pää II 112

ragg II 113
raha II 119
rahvaZ II 115
rataZ II 117
rattsà II 115
rauta II 118
reči II 117
reisi II 117
repo II 112
rikaZ II 119
rinnuZ II 115
rissi II 120
rohipū II 116
rōka II 114
räsäZ II 114
rätti II 114
rüiZ II 118

sāni II 120
sāppaga II 120
sāri II 113
sauna II 114
seinä II 117
sēmē II 116
sgna II 113
sigla II 118
sika II 114
silmä II 112
sō II 113
suku II 115
sulā II 112
sūr(i) II 113

tahko II 114
talko II 117
tarpoa II 116
tggg II 116
tina II 119
toho II 117
tupa II 118
turku II 120

ūli II 112
umala II 118

vad'ja II 117
vako II 116
valo II 116
vgdna II 116
villa II 116
väittä II 116
värjä II 120
värttänä II 120

žīvatta II 119

äeZ II 117
ärčä II 116

Эстонский язык

aas II 116
ader II 118
aed II 114
agan II 118
ahi II 118
ahing II 116
ahke диал. I 409
ahta II 112
ais II 117
aken II 120
ala I 407
ale диал. II 118
allikas диал. II 116
amb, ammu I 432
anda- I 418
angerjas II 116
anum диал. II 116
astja II 114
astuda II 113
atta II 112
ava- I 418; II 113

ees I 421
ehti- I 430
ela- I 405
elada II 112
ema I 402
emand II 115
end, enda I 411
esi I 421; II 114
et I 399

habras II 113
hall II 117
hammas II 117
hang II 114
haug II 112
hein II 116
hernes II 116
hiir, hiire I 416
hirv II 116
hobune II 114
hoi I 433
hool II 113
hoone II 114
huba, hubane I 421
hui I 433
humal II 118
huul II 112
hähn I 428
härg II 116
härm(atis) II 117

iga I 413
ige, igeme I 411
ike II 120
ilm, ilma I 414
ilu II 113
imo- I 407
isa I 402
isand II 115
itkeda II 113

jaksa- I 430
jalas II 114
jalg I 412; II 112
joo- I 419
joosta II 113
juua II 112
jõgi I 403; II 112
jänes II 113
jää I 413

kael II 117
kaenal, kaenla I 400
kaer II 118
kahe I 423
kaks I 423
kala I 404; II 112
kale I 409
kana II 118
kange II 113
kannus II 114
karbalas II 113
karv II 117
kaste II 113
kasukas II 120
katel II 118

katsu- I 430
katus II 114
kaup II 119
kaust II 114
kee- I 408
keel, keele- I 181
kelle I 398
kere I 415
kerja- I 419
kes I 398
kesv диал. II 116
kihlata II 119
king II 114
kirves II 117
kive, kivi I 417; II 112
ko- I 398
koda I 423; II 112
kodakond I 413
koer I 401
koi, koit I 402
koivalge I 402
koll, kolli I 424
kolm, kolme I 423
kond I 413
koole- I 407
koonal{ II 120
koorem II 115
kori II 114
kose I 403; 427
kosida II 115
kosk I 403, 427
kotka, kotkas I 429
kõZel, kõʒel диал. II 120
ku- I 398
kudu- I 433
kuklane I 162, 429
kuld II 118
kulge- I 406
kuningas II 119
kus I 398
kuse-, kusi I 400
kusikas I 416
kusiline I 416
kustu- I 152, 408
kuu I 403
kuue I 424
kuulda II 112
kuule- I 407
kuurask I 408
kuus I 403, 424
kuusk I 403; II 112
kõba I 137, 403
kõri I 426
kõrv II 112
kõva II 113
kõvasi II 114
käe I 412
kähr диал. II 116
käli I 401
käps диал. I 153
kärad усгар. II 115
käsi I 412
käski- I 430
külg II 112
külm, külma I 431
külvata II 114
künda II 114
küps, küpse I 431
kürss II 114
kütke I 423
küü I 404
küünal II 118
küünar, küünar-pea I 412
küü-uss I 404

laen II 119
lagi II 114
laine II 113
laka, lakk I 422
lammas II 118
lang II 115
laud II 117
lebada II 113
lee II 114
lee- I 417
leem, leeme I 423
lehm II 114
leida- I 418
leil, leile, leili I 424
lesk II 115
lind I 416
linnu I 416
loṅt I 145
look II 120
luge- I 407
lumi II 112
lunastada II 119
lusikas II 120
luu I 400
luud II 117
lõhe II 116
lõng II 114
lõug II 117
lõuna I 430
löö- I 421
lühike II 113
lükka- I 420
lüsi I 409

ma I 399
maa I 402; II 112
maasikas II 113
madal II 113
magada II 113
maks I 400
man диал. II 116
me I 399
mee I 422
meel, meele I 430
mehiläne, mehine I 416
meie I 399
mesi I 422
mi I 399
mina I 399
mine- I 406
minia I 402
minna II 112
mis I 399
muna I 401
murak(as) I 403
must II 113
mõla I 431
mõrd II 118
mõrsja II 117
mõsk- I 406
mõske- I 153
mõskma диал. II 116
mälv I 411
mänd II 113
mööda I 420
müger, mügri диал. II 113
müü- I 405

naba II 117
nadu I 401
naerda II 113
naeris II 114
na'ggêr II 114
nahk II 112
neela- I 181, 405
neem II 113
neid I 401
neli, nelja I 423
niin, niine I 427
niit II 120
niita II 114
nimi I 401
nisu II 114
nool I 409; II 112
nooli- I 406
noot II 118
nouan, nouda- I 408
nugis I 404, 416
nulg I 404
nõel II 118
nõia, nõid I 424
nõmm II 113
nägc- I 417

ohi II 115
oinas II 116
ole- I 417
ora I 423
orav, orava I 428

pada I 422
pagan II 120
paista II 113
paja II 114
paju I 403

pakane II 113
pakata- I 420
paks II 113
pala I 406
pala- I 413
palk II 115
pang II 114
papp II 120
parem, paremа I 431
parim, parima I 431
pasa, pask I 411
pea I 400; II 112
pedaja, pedajas I 428
peen II 113
peenar II 114
pehme II 113
pelja- I 405
peni I 416
pesa I 404
piha, pihe I 433
pihi, pihid, piht I 433
pihte I 433
piim II 114
piird II 120
pikk II 113
pime I 408
pirakas I 431
poeg I 413
pohl I 404
poja I 413
poo- I 418
poolakas, poolas I 404
porsa, porsas I 429
puhita- I 432
pung, pung-silm I 127
punu- I 409
pura I 409
pure- I 418
pusarda- I 417
puu I 403
põld II 118
põle- I 413
põlv диал. I 400, II 116
pähkel, pähkli I 428
päitsed II 115
pära I 420
pää диал. II 112
pääsu, pääsuke(ne) I 416
püü I 404

raamat II 120
raha II 119
rahe II 113
rahvas II 115
ratas II 117
ratsa II 115
ratsutada II 115
raud II 119
rebane I 416
regi II 117
rehe, rehi I 432
reis II 117
riie диал. II 116
rikas II 119
rinnus II 115
rist II 120
roog II 114
roots III 217
rukis II 118
rätt II 114
räästas II 114

saa- I 430
saabas II 120
saan II 120
saar II 113
sada I 424
sahk II 119
sapp I 411
sarnane I 430
sarv, sarve I 412
saun II 114
see I 399
seeme II 116
sein II 117
seitse, seitsme I 433
siga II 114
siil, siili I 415
sild II 117
silm I 400, II 112
sina I 399
sirp II 119
siug диал. II 116
sitik, sitikas I 415
soa I 429
soo II 113
sool, soola I 429
soole I 412
soomus I 417
soon I 400
suga I 429
sugu II 115
sula- I 414
sulada II 112
sundida II 120
suru- I 422
suu I 400
suur II 113
sõel II 118
sõim, sõime I 421
sõna II 113
sõuda- I 408
sõva, sõvi- I 429
säina, säinam, säinama, säinas I 417
söö- I 418
süda I 401
sügis I 414
süld I 401
sülg I 419
sülga-, sülita- I 419
sülje I 419
sündi- I 419
sütti- I 427

tahk II 114
talb I 432
talgu(d) II 117
talv I 413
talva I 432
talve I 413
tarbu диал. II 116
tarn, tarna I 428
te I 398
tee I 427
tege- I 181, 418
tema, temä I 399
tina II 119
toht II 117
too I 399, 406
tuba II 118
tuli I 403
tund- I 405
tungi- I 419
turg II 120
tuul, tuule I 427
tõke II 116
tõkes, tõkk, tõtkes I 153, 404
tõug I 413
tõusta II 113
täha, tähk I 426
täi I 415
täie, täis I 421
tävü, täü I 400
tüma I 408
tüve, tüvi I 414

ubin диал. II 116
uht диал. II 114
ui I 433
uju- I 406
uks, ukse I 422
und II 119
uue, uus I 421

vaba II 120
vagel диал. II 116
vagu II 116
vai II 117
vais I 415
valgma I 419
valgu- I 419
vares I 404
vart I 169
vask I 405
veda- I 405
vedis I 169, 416, 425
veis I 416
veits, veitse I 422
vend диал. II 116

vere, vere-, veri I 181, 412
vesi I 402
vesta- I 422
vii- I 418
viie I 424
viimaks, viimane I 420
viime I 420
viis I 424
viisa-, viisu- I 144, 417
vill II 116
voi I 422
voon II 116
värräi диал. II 120
värten II 120
vöö I 409

wäi I 401

õde диал. II 116
õhv, õhva I 428
õis, õispuu I 427
õla, õlg I 412
õmmelda II 114

ähn I 428
äi I 426
äke II 117

öö I 414

üdi I 412
ühe, üks I 423
üla-, ülal I 407

Ливский язык

a'bbârZ II 113
agàn II 118
aìG II 112
aìm II 117
āina II 116
āmbaz II 117
aŋG II 114
aŋgârZ II 116
aštê II 113

ę'bbi II 114

gārban II 113

ìernaZ II 116
i'GZ II 120
ira II 116
irva II 116
izànD II 115

jālga II 112
je'Jlê II 112
jemànD II 115
jo'G II 112
jǭlêks II 114
jùodê II 112
jùokšê II 113
jānds II 113

ka'ggêrZ II 118
ka'ǧl II 117
kala II 112
kāla II 116
kāl'ê II 116
kana II 118
kāndêks II 114
kaŋktê II 113
kaštùG II 113
kať'l'à II 118
kaťùks II 114
kā̆'sk II 120
kęvà II 113
kęvìstêm II 114
ki'bžêB II 113
kı'l II 119
kiĮG II 112
kiĮlê II 114
kiñdê II 114
kıńdêl II 118
kīraZ II 117
ki'uv II 112
kōp̆ II 119
kǭra II 117
kōsta II 114
koùgêl II 114
kūlda II 118
kūlê II 112
kᵘo'ččê II 115
kᵘodà II 112
kùσra II 112
kūzê(Z) II 112
kānga II 114

la'ggêZ II 114
laìnê II 119
laìn(êZ) II 113
lāŋga II 114
lešt' II 115
lōda II 117
lūD II 117
lu'm II 112

madàl II 113
ma'ggê II 113
mę̄rda II 118
mi'grikki II 113
mǭ II 112
mǭškêZ II 113
muštà II 113
māūD II 113

nabà II 117
na'grê II 113
ni'ęmê II 114
nıťteê II 114
ni'zzêZ II 114
nǭ'gê II 112
nùol' II 112
nuūm̄ II 113
nūzê II 113

ǭ'i II 118
oin II 116
ǭla II 117
ǭz(êZ) II 116

pagànêZ II 120
paìstê II 113
pālǩka II 115
pi'emdê II 113
pìen II 113
pìendrêks II 114
piťkà II 113
pää II 112
pägiń II 116
päp̄ II 120

ra'gdê II 113
rā̆ntêZ II 120
raťtêD II 117
re'bbi II 112
re'ggêZ II 117
ri'ggêZ II 118
riǩkàZ II 119
rišt II 120
rǭ II 119
rōda II 119
ro'uŽ II 115
ruja II 116
rästêZ II 114

sàina II 117
salandê II 116
sā̆pkêZ II 120
sę'ggêl II 118
sēmd'a II 116
sęnà II 113
sìemgêZ II 116
sigà II 114
sīlda II 117
sīlma II 112
sōna II 114
su'G II 115
su'llê II 112
sùo II 113
sūr II 113

ta'lǩ II 117
tinà II 119
tǭ'gêZ II 114
to'ugêD II 116
tubà II 118
tu'oigêZ II 117

ūl' II 112
umàl II 118
umaŕ II 116

um̄blô II 114
ūnda II 119
u'odl'ə̂Z II 115
ùol' II 113
ùońi II 116
vabad II 120
va'G II 116
vaĭgà II 117
vḡntsa I 145
vīla II 116
vǫrèks II 114
vā̆'rə̂D II 120
ä'ggə̂Z II 117
ärga II 116
ärma II 117

СААМСКИЙ ЯЗЫК

ab'bo- I 432
accâgâs I 421
aemest I 402
ag'gja I 426
ai'bme I 155, 408
aime- I 155
aps I 408
âδδam I 141
âđâ I 412
âl'bme I 150, 414
âllen I 407
âsse I 142
âs'tâ- I 430
âvve I 409
æle- I 193
ælle- I 405
ǣm- I 402
baggoi I 404
bagŋe I 400
batte I 422
bâdne- I 409
bâllâ I 167
bâllâ- I 405
bâl'va I 154
bârrâd I 431
bâsse- I 142
bâs'tâ I 433
bâvsâ I 400
bælle I 407
bæl'lje I 412
bǣnâ I 416
bǣrâhg I 413
bæsse I 197
boares I 431
boar'te I 432
boas'ke I 154
boaso I 404
borrâ I 181
bos'kă I 154
bǫdne- I 409
bǫrrâ- I 418
bǫrre I 409
bœlle I 164
bœllje I 154
bœsse I 163, 404
bǣsse I 120
bug'ge I 138
buođđo I 422
buola I 406
buolâs I 413
buolle- I 413
buolva I 400
buorre I 431
buv'vu- I 418
caʒel I 124
cohṕeś II 245
coj̄v II 245
cuh̄'k' II 245
ćel̄'k'e II 245
čac̄kɛ II 245
čai'hne I 428
čâđâ I 401
čâđđâ I 405
čâk'čâ I 414
čâl'bme I 400
čæcce I 401
čæppe I 412
čiek'čâ I 151
čiež̆â I 433
čiw'hle I 400
čoađ'ge I 154, 415
čoalle I 412
čoar've I 155, 196, 412
čóčołĕ I 417
čol'gâ- I 419
čǫddâ I 400
čǣbĕt I 137
čǣve I 137
čuobmâ I 417
čuol'bmâ I 125, 150
čuomâs I 417
čuor'gâd I 127
čuotte I 424
č'akč'a I 142, 151,
č'alme I 123
č'oarve I 143
č'orvē I 123
č'uöhtē I 123
da- I 399
dabme I 408
dađve I 401
dal've I 110, 154, 196, 413
dat I 399
daw'de I 401
dâhkâ- I 181
dâkkâ- I 418
dâme- I 123
di I 398
dik'ke I 415
dol'ge I 154
dollâ I 403
dow'dâ- I 405
dǭl'ge I 400
dǭn I 399
dū I 399
duo- I 399
duobmâ I 210, 404
duog'ŋâ- I 432
duomâ I 123
duot I 399
duþkum I 154
gađfe I 416
galle- I 419
galojædne I 401
gas'ke- I 429
gâi'gner I 412
gâi'gŋer I 147
gâl'bma I 431
gâl'gâ- I 418
gânjâl I 401
gân'ʒâ I 145
gâr'dnjel I 412
gârrâ I 149, 415
dæ- I 398
gæččâ- I 430
gī I 398
gied'de I 427
giehtâ I 137
giellâ I 181, 401
Gièɔtå I 167
giessât I 144
giettâ I 412
gǫ- I 398
goa- I 398
goas'kem I 429
goatte I 423
gocco- I 431
godde- I 433
goddet I 161
goikes I 153
gol'bmâ I 209, 423
goldâ I 154
gol'gâ- I 154
gop'se- I 152, 408
goš'ke I 153
gossâ- I 429
gow'dâg I 421
-gǫd'de I 413
gǫl'gâ- I 406
gǫst I 398

gu- I 398
guǯ'ǯa, guǯ'ǯa- I 400
guhttâ I 181
gujiidi- I 403
gul'bme I 150
gullâ- I 181, 407
guoδδe- I 141
guod'de- I 138
guoi'kâ I 427
guok'tĕ I 423
guolle I 404
guora I 404
guor'gâ I 155
guos'kâ- I 430
Guòssâ I 142
guossâ I 403
guovsak I 405
gut'tâ I 424
gutti I 398

id'ja I 143
iggjâ I 414
ijâ I 143
i̯uolk I 129

jâkke I 413
jårrē I 427
jem̄ń II 245
jetti- I 409
jiečče I 402
jiegŋâ I 413
jieŋŋ I 129
jòγå I 136
jòɔkå I 129, 136
jôkkâ I 208
jǫkkâ I 403
juγā̄m I 137
jukkâ- I 419
juokke- I 406
juoksa I 408
juol'ge I 412
juɔkå, juɔkå- I 130, 137
juökso- I 430

kā¡ññel I 400
ka°pt^E I 416
karras I 426
kätjuk I 415
ket̄·k II 245
kiehta I 119, 137
kieta I 137
kihte- I 408
ki̯ęmte I 139
kĭjj I 402
koamtalas I 139
kolmo I 120
kop̄ša- I 431
korr I 408
kuh'k' II 245

k'ed·k II 245
k'im̄ń II 245

lačče- I 429
lappad I 414
lâp'se I 152
læ, lǣ- I 417
liebmâ I 423
liehppa I 418
liew'lâ I 424
lĭeńč I 421
loaǯ'ʒa I 421
lobma, lobme I 414
lod'de I 416
lohkâ I 181
lonte I 132, 139
low'ǯe I 153
lǫkkâ- I 407
łāmma- I 414
лav̄ń· II 245

maggjeg I 428
manna- I 131
mànnje I 147
mâ- I 399
mânâ- I 193
mânnâ- I 406
mânnât I 147
mânne I 401
mânnje I 402
mâŋŋe I 420
mælle I 431
mī I 399
mìel'gâ I 411
miellâ I 430
mīkka- I 405
mǫllâ I 419
mǭn I 399
mun I 399
mūn I 399
muokse I 151
muok'se I 193
muökse I 167
mŭ̆ökˣsiɛ I 400

namma I 131
nâđđâ I 409
nâmmâ I 401
niegâdi- I 417
nieida I 401
njal'bme I 412
njar'me I 155
njæl'lje I 423
njiellâ I 181
njiellâ- I 405
njiŋŋalâs I 401
njiwnjâ I 405
njoallo- I 406
njoammel I 404
njœl'ljĕ I 154

njuk'ča I 416
njuk'câ I 151
njuollâ I 193, 409
noai'de I 155, 424
nôtɛ I 401
ńal'ǵeś II 245
ńår̄g II 245
ńīpt̄'š'as I 152
ńoɐllù I 148
ńuoll I 131

oaδδet I 141
oacce I 408
oađđe- I 419
oaʒes I 408
oal'ge I 130, 412
oalol I 412
oarbes I 155, 413
oarre I 149, 423
oar're I 428
oδδâ I 141
ođâs I 421
odđâ I 133, 421
ok'tâ I 423
œlle- I 163

palw I 210
piecce I 428
piessē I 142
polva I 210
puajă I 403
puottsō I 418
ṕiŋk II 245

ratte I 431
riebân, rievân I 416

salla I 122
sā̆ɔpīn I 140
sȧɔppi I 123, 140
sap'pe I 196, 411
sâgŋâ I 402
sâllâ I 167, 401
sieggjâ I 408
sivn I 417
si̯j̄t· II 245
sjotsjo I 417
soabbe I 139
soaggja I 409
sos̄o I 144
sǫn, sǭn I 411
suɛvvɛl' II 245
suhka- I 408
suodnâ I 400
suòdnâ I, 122, 147
suodnjâ- I 405
suoj, suoja I 433
suoska- I 406
suos'kâ I 153
śej̄d II 245

šįl'l'e II 245
šõŋŋă I 123

talbē I 120
tivd I 421
tomte- I 139
totko I 409
tuokkɛ- I 406

uk'sâ I 422

vaðok I 416
vaʒ'ʒet I 169
vaʒ-lointe I 415
vāǯos I 415
vaiǯek I 404
vaĪ'tɛ II 245
varra I 131
vârrâ I 181, 412
væi'ke I 405
vɛʒ II 245
vihta I 131
viota I 167
vit'tâ I 424
vivvâ I 401
vĭkkĭ- I 418
vouppa I 140
vuntas II 245
vuob'de I 139
vuoggjâ I 422
vuògŋăsâ I 147
vuol'ge- I 419
vuolle I 148, 407
vuop'pâ I 413
vuow'de I 414
vuow'de- I 418
vuöd'd'a I 131
vuöd'ja I 143

МОРДОВСКИЕ ЯЗЫКИ

Эрзянский язык

авакш II 339
авардемс II 339
авпс II 340
авсима I 418
аель II 342
ажия II 340
азгун II 339
азё, азёдо II 339
азоро II 340
айгемс II 338
айгор II 342
аксун II 339
ал II 339
ал- I 407
алаша II 342
ало I 407, II 339
алтамс II 339
аля II 339
ангордамс II 339
андо- I 418
анксема I 418
аня I 205
арась II 339
арсемс II 340
ашко II 339
аштемс II 339

бальзя II 340
баяга II 339
бойар II 343
буё I 413

вадря II 339
ваз II 340
валго- I 419
валдо II 338
валомс II 338
варака, варсей I 404
ваямс II 338
ве I 143, 414
ведерекш I 416
ведь I 133, 137, 168, 402, II 338
ведя- I 405
вейке I 130, 423, II 339
веле II 338
велькс I 407
венемема II 338
верь I 131, 412, II 338
верьгиз II 340
весе II 339
вете I 131, 140, 424, II 339
ветя- I 405
вечкемс II 339
вие- I 418
виемс II 338
вирез II 340
виська I 405
вити- I 405
виш I 428
вя I 414
вядь I 402
вяйхкя I 423
вярь I 412
вятя I 424

габала II 339
гайгомс II 338
гуй I 404

дуга II 342

Ёв I 403
ёпгкс, ёпгс I 408

пе I 413
изамо II 339
илев, илей I 427
иньзей I 415

кавто I 168, 423, II 339
кадо- I 141
кал I 404, II 338
каладо II 339
кандо- I 138
кандомс II 338
канеть II 341
каподемс II 338
карго I 155, II 338
кардаз II 340
кардо II 340
кардиган II 342
каршо II 342
касомс II 338
кафто I 423
качамо I 154
кев I 143, 170, 417, II 338
кевкотемс II 338
кедь I 119, 412, II 338
кеж II 339
келе- I 419
кель I 401, II 338
кельге- I 418
кельме I 431, II 338
кеме I 408
кендял II 341
кепере I 147, 412
кеперь I 412
кенже I 145, II 338
кепеде- I 430
керь I 415
керя- I 432
ки I 398
кпе I 398, II 339
киял, кияло, I 401
ко- I 399
ков I 403, II 338
кода- I 433
козо- I 429
колмо I 120, 423
кольге- I 406
кольгемс I 154

кона I 399
конг I 403
конёв II 339
коня- I 147, 405
корч II 339
косо I 399
коське I 153
[коćак] II 343
коткодав I 429
кото I 424
кочкомс II 338
ку- I 399
куво I 137, 403
кудо I 423
кужо II 339
куз I 142, 403, II 338
кузе- I 145
куй I 404, II 338
куле- I 407
кулемс II 338
куло- I 407
кулов, кулонг I 414
куломс II 338
куманжа II 338
кумболдо- I 402
кундо I 139
кунст, [куntст] I 421
курго I 420
курка II 342
куцкан I 429, куцькан II 338
куцьтямс II 338
кучемс II 338
куя I 412
кшна II 340, 341
кшпи I 417, II 340
кшта I 431
кшумань II 341
кырда II 341
кяв I 417
кярь I 415

лайшемс II 339
ламо II 339
левкс I 417
лекш I 152
лем I 168, 401, 423
лембе II 338
леме I 426
лёза II 340
лём I 123, 404
лисьма II 339
лов I 146, 147, 208, 414, II 338
ловажа I 400, II 339
лово- I 407
локсей I 151, 416
локсьтим I 416
локшо II 339
лонг I 414
люкша I 427
лям I 401
ляфкс I 417

мадемс II 338
максо I 151, 168, 400, II 338
маней II 338
манчемс II 339
маныть II 339
марто II 339
маштомс I 170, II 341
ме- I 399
медь I 168, 422, II 340
мее I 399
мезе I 399, II 339
мекев, мекей, мекенг I 420
мекш I 168, 416, II 340
мель I 430
мелькть I 411
мене- I 146
менель I 414
менемс II 338
мие- I 405
миледе- I 431
минь I 399
мирде I 427, II 340
мия, мияв, миял I 428
моле- I 419
мон I 146, 399, II 339
мона I 401
мукоро II 341
мурдамс II 339
муське- I 153, 406
мякш I 416
мянить I 414

нал I 131, 409
нар II 338
нармонь II 339
начко II 338
не I 433
недь I 409
неемс II 338
немель, немиль, I 414
нерь I 400
петь I 433
пи I 401
ниле I 154, 423
ниле- I 405
нилемс II 338
нола- I 148, 406
ноламс II 338
нона I 433
норов I 428, II 339
нумоло I 404, II 338
нурдо I 432
нядь I 409

ов I 401
овто II 338
од I 133, 141, 421, II 339
одар II 340, 341
ожо II 340
озамс II 338
ой I 131, 422
олго II 340
омбо I 399
ош I 144, 408

паз II 340
пал I 406
палдуз II 342
пало- I 413
паломс II 338
папар II 339
панжо- I 418
паро I 168, 431
пачалксе II 339
пе I 147, 400
пеель II 340, 341
пезэмс II 338
пезьгата, пезьгудав, пезьгуп, пезьдяка I 416
пей I 147, II 338
пеле I 407
пеле- I 405
пелемс I 207, II 338
пель I 154, 407, II 338, 340
пеляз II 339
пенч II 339
петькель II 340
печкемс II 339
пешкс II 338
пеште I 428
пивсэма II 340
пие- I 408
пиё I 413
пизэ I 120, 142, 404
пиле I 154, 412
пипе I 416
пипеме II 339
пиче I 428
пов I 404
пова- I 418
ново I 404, II 338
поза II 342
пой II 338
покш II 339, 340
пона- I 409
попдо II 343
понжавто- I 432
пор- I 207
поре- I 418
поремс II 338
пра- I 429

пря I 420, II 338, 339
псака II 340
пси I 431
пськизе- I 412
пува- I 402
пушко I 154
пултамс II 338
пуляжа, пумажа I 400
пурьгине II 340, 341
пурсуз, пурцос, пурцус I 429, пурцоз II 341
пучко I 154
шти II 340
пя I 400

рамамс II 339
реве II 340
ривезь I 133, 137
ривесь I 416
рипаня II 340
письме II 340, 341
[родйа] II 343
розь I 428, II 343
руманя II 340

са- I 430
сае- I 430
сази- I 429
сазор I 426, II 340, 341
сал I 429
сап I 122, 147, 400, II 338
се I 399, II 339
седей I 141, 401, II 338
седь I 405
сеель I 415, II 338
селей, селепг I 414
сель I 401
сельге II 338
сельге- I 419
сельме I 110, 123, 400, II 338
серпе- I 412
сеське II 338
сеть I 399
сея II 340
сёвонь II 338
сёкс, сёксь I 414
сиве I 412
сильге II 338
сильгя I 400
сирть II 341
сисем I 433
скал I 429
сова- I 405
сокс I 408
соксь I 142, 151, 414
сола- I 414
соламс II 338
сон I 411
сува- I 405
судо II 339, 340
сур II 338
суро I 427, II 340, 341
суско- I 153, 406
сы I 408
сывель I 432
сый I 408
сымень диал. II 341
сырне II 340
саве- I 418
сэвемс II 338
сэдь II 340
сэль I 122
сэней I 417
сапе I 123, 140, II 338
сюва I 428, II 340
сюкоро II 341
сюлго I 154, 415
сюлмо I 125, 150
сюло I 412, II 338
сюма I 421
сюро I 143, 155, 412, II 340
сяве-, сяви- I 418
сядо I 137, 424, II 340
сядь I 405
сяль I 401
сярни- I 412
сятко II 338

тарваз II 430
тарка II 340
те I 399, 414, II 339
тевелявт, тевылявт I 400
тее- I 418
теемс II 338
тейтерь II 340
теле I 110, 120, 154, 413
тень I 414
теса I 399
тесэ I 399
теште II 338
тёжом диал. II 341
то- I 399
тол I 403, II 338
толга I 154, 400, II 338
толкон II 342
топ I 399, II 339
топа I 399
тонавто- I 406
тонго- I 138, 419
тонгомс I 120
тонадо- I 406
тонафто- I 406
торва I 411
тосо I 399
ту- I 399
турва I 411
туга II 342
туган II 342
туе- I 406
туемс II 338
туло I 432
тумо II 338
тундо I 413
тутка I 153, 404
тынь I 398

удем I 141, 412, II 338
удеме, удиме I 412
удо- I 419
удома I 419
уе- I 406
уемс II 338
ужо I 428
узере II 340
уксе- I 430
укснома II 338
укштор II 338
улав II 342
уле- I 417
улемс II 338
уло I 412
улов II 342
умарина II 338
умарь II 338
ур I 149, 428, II 388
уро I 423, 428
уроз I 155
урус I 413
уське I 405
уця II 342

цёра II 342
цётмар II 342
цильгя I 400

чавдил I 427
чавка II 342
чалгамс II 339
чапамо II 339
чапомс I 124, 170
чачомс I 124
чевгель I 427
чеверь I 416
чсерь I 123, 416, II 338
чи I 144
чичав I 415
чиче I 401
човине I 421
чопача I 424
чочко I 144
чукштороп I 415
чуро II 339

шеньже диал. I 417, II 341
шта I 431
шуж I 428
шукшторов I 415

эв I 413
эже- I 421
эзне II 338
эй I 129, 413, II 338
эйдь II 339
экше I 151, II 338
эмеж II 342
энс I 399
энг I 413
эрьва II 339
эрьке II 338
эрямс II 338
эсь II 339
эте I 399

юв II 340
юксе- I 430
юр II 338
ютамс II 339

ява- I 406
яво- I 137, 406
явома II 338
ялго I 129, 412
ярмак II 342

al- I 205

bujo I 209

čaporns I 124
čejeŕ I 123
či I 144
čoeko I 144
čuĺto II 114

ezne I 206

jov I 129, 136, 208

kačamo I 154
kadoms I 167
kando- I 138
ked' I 167, 193
kel' I 193
kenže I 145
keŕ I 163
kev I 169, 176
kize I 193
kodams I 161
kolmo I 194, 209
komaftoms I 162
koŕa- I 147
kotkodav I 162
kov I 162
kozoms I 162
kudo I 194
kuloms I 210
kuz I 193
kše, kši II 114

lišḿe II 114
l'om I 210
lov I 162, 163
lovaža I 161, 162
lovoms I 161, 162

ḿäd' I 204
makso I 167
ḿed' I 204
mel' I 193
meńe- I 146
miŕde- I 155
mona I 162, 163, 195
muśḱems II 116

noška I 433

od I 162
olgo I 194
on I 162
on- I 163
onkšt' I 148
ožo I 210

pal I 170
pe I 147
pejel' I 210
pel' I 204, 210
pele- I 167
pijo I 209
pize I 142, 194, 197
pona I 162, 163
ponams I 162
porems I 162
potško I 162
pučko I 154

riveś I 137

šado I 113
san I 187
šed'ej I 141, 176
ševems I 163
sod I 204
sodams I 204
soks I 162
soks- I 162
sokś I 142
šulmo I 154
šuro I 196

t'eje- I 116
t'el'e I 110, 120, 154, 196
t'ɛ I 167
tol I 162, 176
tolga I 116
toŋgo- I 138
tongoms I 116
turva I 161
tuvo II 114
tšova I 162
tšovar I 162

ujems I 161
ul'ems I 209
ur I 115
uro I 194

ved' I 193, 204
vedrekš I 169
vet'e I 140, 167
vijede I 155

Мокшанский язык

аел II 342
аера II 341
азомс II 339
азор II 340
айгомс II 338
айдямс II 342
айра II 341
ака II 341
аксял II 339
ал I 148
ал- I 407
ала I 407, II 339
алыямс II 339
андо- I 139, 418
анцема I 418
араламс II 342
арамс II 339
арая II 342
ару II 342
асколя- I 154
асу II 342
атякш II 339
атям(а) II 339, 340
аш II 339
ашка II 339
ашкодомс II 339
ацамс II 339
ащемс II 339
ай I 413

байар II 343
безярдемс II 342
бока II 340

вазь II 339
вай I 131, 143
валда II 338
валго- I 419

васта II 340
васькафпемс II 339
варси I 404
ве I 414
ведраж I 416
ведь I 133, 137, 402
вельф I 407
вер II 338
вероз II 340
вете II 339
ветя I 424
вис- I 418
вимс II 338
вите- I 405
вин I 428
врьгаз II 340
вядя- I 405
вяр I 170
вярь I 412

дёба II 342
долата II 343
дуга II 342

ётамс II 339

жалгамланга II 339

зарнпмарь II 340

идемс II 339
идь II 339
пли I 427
пмож II 342
пшезп I 415
пшзама II 339
иса II 342
пшколдамс II 338
пфкя I 423
пчкозе II 339
ййй I 413

каба II 342
кавапямс II 339
кагод II 339
кайгемс II 338
кал I 404
калада II 339
каньф II 341
карга II 338
карда(з) II 340
кармамс II 339
карша II 342
карьхцнгап II 342
карьхкя II 339
[каćак] II 343
ката II 340
кафта I 423, II 339
ковь I 417
кел I 401
келда II 341
кельге- I 418
кельгомс II 339
кельмя I 431
кемя I 408
кенерь I 412
кеподе- I 430
кереметь II 341
керо- I 432
керь I 415
ки I 398
кпе I 398, II 339
кпзефтемс II 338
ко- I 399
ков I 403
кода- I 433
козо- I 429
колма I 423
кольге- I 406
комболдо- I 139
копа I 399
копак II 342
коня- I 405
конша II 339
корш II 339
коса I 399
кота I 424
котьфтомс II 338
крда II 341
ку- I 399
кува I 403
куд I 423
кужа II 339
куз I 403
куй I 404
куле- I 407
куло- I 407
кулу I 414
курга I 420
кушма II 341
куце- I 145
куцю II 339
куя I 412
кшпп I 417
кядь I 137, 412, II 338
кяж II 339
кяле- I 419
кяль I 401, II 338
кяр I 149, 415

лаймя I 404
лама II 339
лем I 401
лов I 414
ловажа I 400
локсьти, локсти I 416
локша II 339
луво- I 407
люкшй I 427
лям I 423
лямбе I 338

мадомс II 338
макса I 400, II 338
мана II 339
манп II 338
марлпо II 338
мархта II 339
марь II 338
ме- I 399
мезе I 399, II 339
мекп I 420
мепель I 414
меш I 416, II 340
мпе I 405
миля I 431
минь I 399
моле- I 419
мон I 399, II 339
мона I 401
мрдамс II 339
мукор II 341
муське- I 406
мянемс II 338
мялхкя I 411
мяль I 430

нал I 409
начка II 338
недь I 409
ни I 401
нпле- I 405
ниля I 423
нола II 339
пола- I 406
понат I 433
нормаль, пормарь II 339
пору I 428
нумол I 404, II 338
пурда I 432
пя I 433
нят I 433
пяемс II 338

офта II 338
ома I 399
омба I 399
ов I 401
од I 133, 141, 421
оржа II 340
орта II 343
осал II 342
отькорь II 342
ош I 144, 408
оцю I 402, II 339, 340
оця I 402

павая II 340
пайге II 339

пакарь II 339
пал I 406
палдов II 342
пало- I 413
панже- I 418
пара I 431
пача II 339
пе I 400
пезомс II 338
пеле- I 405
песькпзе- I 412
петьколь II 340
пеш I 433
пешкс I 433
печкомс II 339
пше- I 408
пиза I 120
пизьгата, пизьгутай, пизьгуп I 416
пизя I 404
пиля I 412
пинем II 339
пиня I 416
пичя I 428
пламанжа I 400
плхтамс II 338
пов II 338
повпя I 404
покон II 339
полаксамс II 339
[поӆана] II 343
пона- I 409
понда I 432
понжафто- I 432
поре- I 418
поталак II 343
пою II 338
пра- I 429
пря I 420, II 339
пси I 119, 431
пува- I 418
пужф II 340
пулманжа II 338
пуня II 338
пурхц I 429
пурхцоз II 340
пурц I 429
пяль I 407
пяля I 407
пяляз II 339
пяштерькс II 338
пяштя I 428

[радйа] II 343
рисьма II 341
розь I 428, II 343

са- I 430
савор II 342
сазор I 426
сал I 429
сан I 122, 400
севе- I 418
седи I 401, II 338
седь I 405, II 340
сеель I 415
сель I 401
сельго- I 419
сельмя I 400
сембе II 339
серя II 341
секс, сёксь I 414
сиве I 137, 412
сиве- I 418
сирек II 341
скал I 429
сока II 343
сокс I 408
сола I 414
сола- I 414
сол I 411
сува- I 405
судокстомс II 339
сура I 427, II 340, 341
суско- I 406
сывель I 432
сюва I 428
сюла I 412, II 338
сюлга I 415
сюма I 421
сюра I 123, 412, II 340
ся I 399, II 339
сява II 340
сяда I 123, 137, 424, II 340
сялдаз II 339
сяли I 414
сяпгяря II 340, 342
сяпя I 411, II 338
сяське II 338

такор II 342
тей, тейс, тейса, тейста I 414
тёба II 342
тёжянь II 341
тпе- I 418
тпемс II 338
тпнь I 398
то I 399
тол I 403
толга I 400
топ I 399, 339
топа I 399
тонадо- I 406
тонго- I 138, 419
тонгомс I 120
тоса I 399
тракс II 339
трва I 411
ту- I 399
тула I 432
тума II 338
тумс II 338
тунда I 413
туця II 340
тя I 399, II 339
тяла I 170, 413
тяляма II 340
тяса I 399
тяште II 338

удо I 419
удома I 141, 419
уе- I 406
ужа I 428
узерь I 340
уксондома II 338
уле- I 417
улмапь II 340
ур I 428
ура I 423
урози II 340
урос I 413
уськя I 405
уцез II 342
уча I 416, II 340
уштор II 338

фкя I 423, II 339

цебярь II 342
цильге II 338
цюкор II 341, 342
цятка II 338

чевгя, чивгя I 427
чичав I 415
чуж I 428
чукштору I 415

шалхка II 339, 340
шапама II 339
шеер I 123, 416, II 338
ши I 144
шпа I 340, 341
шовар I 146
шопача I 424
шта I 431
шуваня I 421
шужярь II 340
шукштору I 415
шумбаз II 339
шякши II 338

эже- I 421
эзна II 342

эзня II 338
эй I 129
эрь II 339
эрьхкя II 338
эса I 399
эськя II 339
эше II 338

юксо- I 430

явамс II 339
яво- I 406
явсемс II 339
ялга I 412

ando- I 139

kando- I 138
käd′ I 115, 137
kär I 149, 168
kɛd′ I 119
kombôldô- I 139

kota I 196
kuće- I 145

lajmĕ I 210
l′em I 176
l′ɛm I 147
luvôms I 161

maksa I 167, 205
med′ I 115
mokšônda I 162
miŕdɛ- I 155

ńil′ɛ I 196
noška I 433

olga I 162

pejəl I 210
pɛl′ I 164
pɛl′e I 206
piza I 163
porf I 162

śada I 195
sel′ I 167
sel′goms I 176
śive I 137
sodəms I 204
soŧəms I 204
śura I 196
šejər I 123
ši I 144
šuva I 162

t′ala I 196
t′ɛ I 167
toŋgo- I 138

ula I 412
udoma I 141

ved′ I 115
vet′ɛ I 196
vidɛ I 155

МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК

алаша III 94
ала-шое I 415
алма III 94
анга III 94
анжаш III 93
анча I 429
ага III 94

-бо I 404

важ I 405, 428
вал I 430
валаш III 93
валгынаыш III 93
вале- I 419
ванжа̑ш I 169
вачо III 93
вӓл I 430
вӓр III 93
вел I 407
вем I 412
вер III 93
вешла III 94
виде- I 405
вим I 141, 412
вима III 94
вингы I 401
висте I 428
вич I 131, 424
вичкыж III 93
виште I 428
водар III 93
вож I 428
волаш III 93

волгенче III 93
воле- I 419
вольык III 94
вонч- I 145
вонча I 194
вончаш I 169
воштыр III 93
Вӧдыр III 94
вуй I 400
вулно, вулны I 417
вургем I 423, III 93
вӱд I 133, 137, 402, 417
вӱде- I 405
вӱлӧ I 416
вӱма III 94
вӱр I 131, 170, 412
вӱт I 168
выргем I 423, III 93
вӹд I 402, 403
вӹт I 400
вӹл I 407
вӹлвал I 430
вӹлшӹ I 407
вӹлӹ I 416
вӹр I 131, 412
вӹц I 424
вӹцкыж III 93

дьӱ- I 419

еэä I 402
ең I 414
енга I 414
енгыж I 415

ёгы I 403
ёнгеж I 408

и I 413
ия I 406
ива I 402
ий I 429, 413
ик I 423
икты I 423
ила- I 405
илаш III 93
им I 155, 400, 408
име I 408
им-шу I 400
ирык III 94
ия I 406
йода- I 430
йог- I 129, 136
йол I 129, 412
йонгеж III 93
йӱ- I 130, 137, 419
йуксьӧ, йӱкш I 416
йӱр I 413
йӱштӧ III 93
йылме I 146, 412
йыш I 152
йыранг III 94
йыраң III 94

йӹдаң, йӹдӓң I 409

кавашты I 403
качка- I 429

качкаш III 93
кашкы I 427
кӓнгыж III 93
кела-, келӓ- I 419
келеш I 194
келе- I 418
кенгеж III 93
кече I 144
кече- I 431
кид I 119, 137, 412, III 93
кидже- I 431
кинде, кинды III 93
кире- I 432
кишке III 93
ко- I 433
коваште I 137, 403
код- I 141
кож I 142, 403
кок I 168, 423
коктыт I 423
кол I 404, III 93
колеш I 194
кол-шӱм I 417
комдыш I 139
конде- I 138
костеч III 94
кочка- I 429
кочкаш III 93
кошке I 153, 427
коя I 412
кӧ I 398
кӧргӧ I 420
краж I 119
крак-крак I 119
кралам I 119
ку- I 433
куво I 137, 403
куги III 93
куд I 424
кудо, куды I 423
кудыт I 424
кужу, кужы I 408
кола- I 407
коле- I 407
кум I 120, 423
кумда I 421, III 93
куме- I 147, 405
кумыт I 423
кур I 168
кутко I 429
кутыж I 429
кучкыж I 429
кушке- I 430
куэ III 93
кӱ I 143, 170, 398, 417
кӱӓ- I 408
кӱзе- I 145
кӱзӧ I 422
кӱй I 417
кӱле- I 418
кӱпш I 152
кур I 414
кӱртньӧ I 417
кӱсен III 94
кутӱ III 94
кӱч I 145
кӱшташ I 170
кӱя- I 408
кыжа- I 400
кыж-вӹт I 400
кымда III 93
кыл I 401
кылма I 111
кылмы I 431
кылмы I 431
кылта, кылтс III 94
кым I 423
кымда I 421
кыме- I 405
кымыт I 423
кынервуй I 147
кыре- I 432
кыртни I 405
кыртни-важ I 405
кыткы I 429
кышал III 94
кӹзӹ I 422
кӹлмӹ I 431
кӹнер I 412
кынер-вуй I 412
кӹр I 414
кӹртни I 417
кӹты III 94
кӹшкы III 93
кӹшкӹ I 404

лапгыж III 93
лӓпгӹш I 432
леваш, левӓш I 418
леведа-, леведӓ- I 418
лектеш I 111, 194
лем I 147, 423
лепгеш I 432
ленгеж I 123, III 93
леп I 140, 401
лиа-, лиӓ- I 417
лиште- I 429
ломбо I 123, 404, III 93
ломбы III 93
лу I 400
луге- I 432
луда- I 407
лудо I 132, 416, III 93
лук I 140
лум I 147, 208, 414, III 93
лушп I 152
лудӧ, луды I 431
луе-, луйе I 421
лум I 170, 401
лумӧ I 123, 168, 408, 426, III 93
лусь, луш I 428
луште- I 431
лыда- I 407
лыды I 416, III 93
лым I 401, 414, III 93
лыпте- I 429
лым I 170

ма, мӓ I 399
мел I 411
мие- I 406
мий- I 131
мияш I 147
мо I 399
могыр I 412
модо I 415
моко III 94
мокш- I 151
мокш I 168, 400, III 93
мошташ I 170
мӧкмыр III 94
мӧнгеш I 420
муды I 415
мужо III 93
мукто I 415
муно I 401, III 93
мушка- I 153, 406
мышка- I 406
му I 422, III 93
муй I 168, 422, III 93
мукш I 168, 416, III 93
мый III 93
мӹӊь I 399, 146, III 93
мӹнгеш I 420

налаш, нӓлаш III 93
начар III 94
пела-, пелӓ- I 405
нер I 400, III 93
ни, ний I 427
ниӹ I 433
ниль I 423
нӧлӧ III 93
нӧлы I 409
нӧлы-пикш I 409
нӧргӧ I 403
нудо, нуды I 401
нулго I 404
нупо, нупы I 433
нур III 93
нушкӧ I 433
ныл I 154, 423
нӹл I 423
ныла- I 406
ныпе I 433
ныр III 93
ньылме I 412

овы I 140, 413
ожа, ожо I 429
окса III 94
олма III 94
ом I 419
омда- I 139
омо I 419
омта I 194
онча I 194
онча- I 429
ончаш III 93
орва III 94
ошкыл I 154

пагыт III 94
пад I 422
панды I 432
пасе, пасу III 94
патыр III 94
паша III 93
пашма III 94
пача- I 418
пел I 407
пелы, пелӹ I 407
пече I 433, III 93
почке III 94
пи I 416
пида-, пидӓ- I 419
пиж I 142, 423
пижгом I 423
пий I 416
пикш I 409
пиче I 433
пичы III 93
под I 422
покте- I 406
полто III 93
пондо I 432
поро I 168, 431
поча- I 418
пӧсыр III 94
преня III 94
пу I 403
пуз- I 402
полвуй I 400
пулдош I 170
пултыш I 406
пулыш I 426
пупдаш I 427
пупе- I 409
пур- I 207
пура- I 418
пуры I 431
пуче- I 420
пучо I 404
пуш I 432
пӱ- I 413
пӱергӹ I 413
пӱж I 431
пӱжаш I 404
пӱжалт- I 431
пӱжвӱд I 431
пӱй I 147, 170
пӱкш I 428
пӱнчӧ I 428
пӱчк- I 170
пӱчӧ I 401, III 93
пӱчы III 93
пӱшкеда- I 412
пыжаш I 120, 142, 401
пыл I 154
пындаш I 427
пыне- I 409
пыра- I 418
пӹн I 415
пӹнчӹ I 428
пырня III 94
пыча- I 420
пыш I 432
пышкедӓ- I 412
пӹлӹш I 412

регенче I 423, III 93
рехень III 93
ро-, ру- I 422
ружа I 428
руш III 94
рӱдӧ I 170, 431
рӱды I 431
рӱм I 133
рӱмбалге I 133
рӹвыж I 133
рывыж I 137, 416
рӹвӹж I 416

салам III 94
сар III 94
седе I 399
силь I 432
сӹнза I 400

тага III 94
тарзе, тарзы III 94
таты I 404
тӓ, те I 398
тел I 120, 154, 170, 413
теле I 110, 413
ти I 399
тпак III 94
тиде I 399
тий I 415
тич I 421
товар III 93
тото I 153
ту- I 399
тувыр III 93
тул I 403, III 93
тумо, тумы III 93
туна III 94
тунемӓ- I 406
тушман III 94
тӱнг I 414
тӱр I 207
тӱрвӧ I 411
тӱшкӓ I 426
тыгыр III 93
тый I 399, III 93
тыл I 403, III 93
тылзе III 93
тылыжы I 427
тӹ I 399
тӹлзы I 427, III 93
тӹнь I 399, III 93
тӹнг I 414
тӹрвӹ I 411
тӹшкӓ I 426

у I 133, 141, 421; III 93
ужга I 416
ула- I 417
умбал I 399
уш I 152
ур I 149, 428
урге- I 423
уржа I 428
ушкал I 429
ӱ- I 409, 422
ӱй I 131, 143, 422; III 93
ӱкшы III 93
ӱл- I 148, 407
ӱлнӧ I 407
ӱш I 170, 408
ӱшкӱж, ӱшкыж I 428
ӱшкыж III 93
ӱшты I 409

чаката I 421
чивык I 125
черке III 94
чеп III 94
чока I 421
чоката I 421
чӱчӧ I 401

шалге- I 420
шаптыр I 428
шар I 411
шара- I 412
шаршы I 427
шарык III 94
шӓдӓнгӹ I 415
шӓшкӹ I 153
шеме I 427, III 93
шенгел I 420
шенгелне I 420
шижӹ I 414
шиль I 432
шим, шимӹ I 427
шимы III 93
шинча I 123

шпре- I 422
шишим I 433
шиштӹ I 128, I 431
шкал I 429
шоа- I 430
шовын III 94
шога III 94
шоге- I 420
шое I 415
шож I 428
шокш I 409
шол I 412, 414
шоло I 412, 414
шонго, шонгы I 421
шоптыр I 428
шора- I 412
шоршо I 427
шорык III 94
шочаш I 124
шӧн I 122
шӧр III 93
шу I 400, 428, 429
шуа- I 430
шуар I 146
шуе I 415
шужар I 426
шур I 155
шур I 123, 143, 412, 414; III 93
шуре- I 422
шуршо I 415
шуэ- I 408
шуя- I 430
шӱ I 408, 412
шӱва- I 419
шӱвӹл I 419
шӱгӧ I 416
шӱдӧ I 123, 137, 424; III 93
шӱдӱр I 204
шӱды III 93
шӱдыр III 93
шудӹш I 204
шӱжар I 426
шӱй I 137, 408, 412
шӱлӧ I 401, 415
шӱлӹ I 415
шӱм I 141, 401, 417; III 141
шӱп I 122, 147, 400
шӱртӧ I 432
шӱч I 405
шӱшты I 170
шыдан I 415
шыже I 151
шыл I 401
шыле- I 414
шынча I 400
шыр I 412
шӹгӹ I 416
шӹгӹль I 400
шӹдӹр III 93
шӹже I 142
шӹжӹ I 414
шӹм I 433
шӹштӹ I 431

ыжга I 416
ыла- I 417
ынта- I 414
ырге- I 423
ыржа I 428
ышкал I 429
ӹ- I 409
ӹлаш III 93
ӹнгӹж I 415
ӹрвезы III 94
ӹште- I 430
ӹшты I 409

эрык III 94

яда- I 430
ял I 412
янгеж I 408

βič′ I 167
βi·t′š′ I 189
βəc I 131
βə̂ts, βəts I 189
βül I 164

čočaš I 124

d′ü I 130

ì I 189
i·äm I 161, 176
ij I 175
ile-, əle- I 163, 167
im I 129

ərge- I 155

jer I 175
jɨpʏš I 152
jəlme I 146
jəžəŋ I 206
jə̂žə̂ŋ I 169
joγ I 129, 136
jü I 137
jükˣšə I 151
jükt′šə̂ I 151

käd′ I 167
kärəndäš диал. III 94
keče I 144
kit I 115, 137, 175
kər I 163
kəńor I 147
kodaš I 167
koδ- I 141
kok I 204
kol- I 189
kola·m I 189
kolaš I 176, 210
kole·m I 189
komdə̂š I 139
konde- I 138
kož I 189
kue·m I 161
kum I 209
kupšule-kaik I 405
kuwo I 137
kü I 143, 169
küč I 145, 164
küj I 143

lapto I 152
lektaš I 175
lem I 147, 188, 189
lep I 140
lepšem I 153
li·am I 188
li·äm I 188
lə̂βe-, ləpə I 189
lə̂nᵈžərà I 145
lo mbe I 189
lu ‘кость’ I 161
lu- ‘читать’ I 161
luk I 140
lum I 189

mie·m I 188
mi·em I 188
mijaš I 147
məń I 146
mokš I 167, 205
mu·nə̂ I 189
mü I 204
müj I 204

nela·m I 188
ne·läm I 188
ner I 189
ni, ńi I 189
nəl I 157
ńəlme I 146

omda- I 139
o·mə I 189
o·ńd′ᵥə̂l I 145
owə I 140

pè·t′š′ə̂ I 189
pi I 188
pi j I 175
pil I 189

pi·tsə I 189
piźa·š I 175
pəl I 189, 210
pələš I 154
pəžäš I 163
pəl I 189, 204
pər- I 157
pêžaš I 142
pu I 189
puč I 154

rêwêž I 137

sè·ðə I 188, 189
sənzä I 123
śün I 122
šä ðängə I 170
šin I 188
šište I 175
šəl I 122, 167
šə·štə I 170
šəžə I 142
šêžə I 151
šoe I 154
šo·ndê I 189
šöm I 176
šue I 154
šuźo I 176
šüč I 204
šü ðər I 169
šü ðö I 137
šüj I 137
šüm I 141, 164
šün I 147

te I 188, 189
tel I 120, 154
tele I 110
ti I 167
tij I 175
təktə I 157
tola·m I 189
tul I 176, 189
tür I 169
türβə I 161

ukš I 175
ulaš I 209
upš I 176
ur I 115
urge- I 155
urweźə I 155
užar I 210
užga I 176
üj I 130, 143
ü·kᵡšem I 151
ül- I 205

waž I 169
wie- I 155
wim I 141
wit- I 140
wər I 131, 157
wonž- I 145
wož I 169
wuj I 147
wül'ö I 169
wür I 131
würgéne I 176
wüt I 115, 133, 137, 169, 204

ПЕРМСКИЕ ЯЗЫКИ

Удмуртский язык

адäы- I 429
адями III 220
азвесь I 405; III 217, 218
азь I 145
айы I 426
амезь III 216, 218
ана III 216
ана-бур III 216
анг I 411
андан III 217, 218
апьы I 205
аскы III 217

бадь I 403
бам III 217, 218
бадäым III 220
басьтыны III 217
бать III 224
бер I 420
бор III 224
бöрпë III 219
бугортыны III 216
бун I 169, III 218
бур I 168, 431; III 216
бус III 218
быд- III 218
быдтор III 220
бычы III 216

вазь I 428
вай- I 418
вайы- I 418
вал I 169, 416;
валес I 422
валь- I 422
ванды- I 422
вань III 220
варын III 217
векчи I 421
весчи I 421
-весь I 405
веськыт III 217
ви- I 420
виджас I 194
визыл III 217
вий- I 420
вийöм I 412
вийым I 412
вим I 141, 412
вир I 131, 170, 412
висьыны III 217
вит I 424
вить I 131, 140
вины- I 420
во III 224
возь- I 144, 417
возьы- I 417
вой I 131
вок III 220
воньдыны III 217
вöй I 143, 422
вöлды- I 430
вöлдэт I 430
вöт III 217
ву I 133, 137, 169, 402
вур- I 155, 169
вуры- I 423
вуыны III 217
выж- I 145
выжыны I 169, 402
выл I 407
выл- I 417
вылтыр III 217
выль I 133, 141, 421
вылы- I 417
вылын I 407
выр I 169
вырыны III 217

гач III 224
гид I 427
гизы I 126,
гозы I 172, III 217
гоп III 212
гондыр III 220
горд III 217
губи III 216, 218
гужем I 421
гумы III 216
гур I 426, III 217
гурт III 212, 217
гурул I 426
гыжы I 145
гын III 212
гыр I 412, 422

гырк I 420
гырпум I 147

дӥсь III 220
долак I 421
дол-дол I 421
дӧдьы III 217
дукес III 216
дуи III 217
дур I 169
дуры III 218
дурыны III 217
дьӧ I 413
дыж III 217
дыльды III 217
дыр III 217
дэра III 216
дэрем III 216

егит III 220

ӝажы I 144
ӝоктонпуд III 216
ӝӧк III 212
ӝомыт I 133
ӝуй I 428
ӝыжол I 124
ӝыпы III 217
ӝыт III 217

зарезь III 218
ӟеп III 224
зор I 172
зу I 169, 204, 429
зыр I 425, III 217
ӟеп III 216, 218
ӟизек, ӟиӟек I 428
ӟичы I 133, 137, 416
ӟор I 427
ӟуч III 217

и I 130
ин I 414
инм- I 150, 414
инмар I 414
ишшыр I 432
ичи I 402
ичимень I 147, 402
ишкыны III 212

йӧ I 129, 413
йыды III 216

-ка I 423
кали I 401
калт- I 154
кар I 404
карыны III 217
квасьмы- I 153
кезьыт I 431
кельыт III 217
кен III 218
кеч III 216, 219
кертым III 217, 218
ки I 119, 137, 412
кидӟили I 402
кизер III 217
кизили I 145, 402
киль I 149
кин I 398
кись III 218
кисьмал- I 431
кокчал- I 432
кол- I 419
колы- I 419
кор III 217
корал- I 432
корка I 423, III 217
корт I 417, III 218
кос- I 170, 430
косы- I 430
кӧ I 143, 169, 170, 399, 417
кӧй I 412
кӧл I 405
кӧл- I 418
кӧлы- I 418
кӧлыны III 214
кочыш III 220
крок-крок I 119
ку I 137, 403
ку- I 399
куа I 423
куала I 423
куанер III 217
куать I 119, 424
куд I 399
куды II 219
кудыз I 399
кужым III 220
кузё III 219
кузь I 408
кузьыли I 416
кушь I 120, 423
кушьм- I 423
кукчал- I 432
кукчо I 432
кул- I 407
культо III 216, 219
кулэ I 418
кум I 402
куп I 169, 400; III 217, 219
кунь- I 405
кур I 168, 415
кур- I 419
курег III 216, 218
куры- I 419
курышы I 169
кус I 170
кут I 126, 170
кушман III 216
куч I 429
кы- I 399
кыед III 216
кыз I 142, 403, III 218
кызь I 400, 424
кызы- I 429
кый I 404
кык I 168, 423
кыл I 401
кыл- I 407
кылӧ I 194
кыль I 424
кым I 403
кымес III 217
кын I 431
кынм- I 431
кынь- I 147
кыткы- I 153, 423
кытын I 399
кыч I 144
кышет I 431

лайы- I 432
лем I 123
лэч III 220
лечыт III 217
лом I 426
лу- I 417
лузь I 416
лул I 132, 424
лун I 430, 431
луп I 140, 401
льӧм I 123, 404
лы I 400
лыдӟы- I 407
лым I 147, 190, 423
лымы I 147, 208, 414
лыс I 152, 153, 428
лэзь- I 172
люкыт I 132
ляпэс I 123, 432

ма I 399
майыг III 216, 218
мар I 399, III 220
мень I 147, 402
мес III 216, 218
ми I 399
миськ- I 406
мон I 399, III 220
му I 402, 422
медыны III 217
мудэт III 217
мугор I 412
мужик III 224
мульы I 149, 415

мурт I 155, 401, 427
мус I 151, 168, 400
мый I 428
мыл I 190, 411, 430
мылкыд I 430, III 217
мын- I 131, 147, 406
мышё III 220
мыськы- I 153, 406

намер III 216
небыт III 217
низь I 404
ний I 418
ним I 131, 170, 401
нинь I 427
ныы- I 418
нӥвь I 416
нӧкы III 216
нуйт- I 420
нуп I 431
нупал I 431
нуны III 220
нурт I 432
нуял- I 420
ныж I 433
нын I 430, 431
нынал I 431
ныл I 401
ныл- I 155
ныр I 400
ньӧл I 131, 409
ньӧр I 403
ньыл- I 404, 405, 409, 423
ньыль I 154
нюл- I 148, 406
нюр- I 415

ог I 423
одӥг I 423
одӥк I 423
ок I 423
отӥ I 399
отын I 399
ош I 428
ӧвӧл III 220
ӧс I 422

пал I 407
паллян I 120
палэс I 170
парись I 429
парсь I 429
паськыт III 217
пеймыт I 150
пель I 154, 172, 412
пельнянь III 216
пенон I 423
пересь I 431
пертчыны III 216
пи I 154, 413
пилем I 154
пинь I 147, 170
под- I 138, 418
поды- I 418
пол- I 420
поськы I 154, 416
писей III 220
пот III 216
пӧды- I 418
пӧзь I 142, 423
пӧл- I 420
пӧлын I 420
пӧлысь I 420
пӧртэм I 429
пӧртмаськы- I 429
пӧсь I 431
пу I 403, 404
пуд I 432
пудо III 216, 418
пуж I 432
пужей I 404, III 220
пужны- I 432
пужым I 428
пуз I 120, 142, 404
пукон III 219
пу-ку I 403
пулы- I 405
пум I 147, 400
пумель I 415
пун- I 409
пуны I 416
пур- I 207
пурт III 217
пурты I 432
пуртэс III 217
пуры- I 418
путыны III 217
пуӵ I 433
пуш I 428
пыдес I 427
пыж I 432
пыж- I 142
пызь I 422
пызьырт I 144
пыӟырт- I 417
пызьыртыны III 220
пыкет III 217
пырыча I 409
пы-чей I 416
пычкы- I 417

саес I 409
сайкыт III 217
сазь III 217
сара-кум I 402
сеп III 217
серы III 216
си I 426
сп- I 418
сиес I 137, 412
спзь I 426, 428
спзьыл I 151, 414
спзьым I 433
син I 123, 400, 401
синву III 217
сик III 217
сингыс I 432
синм I 400
синь I 400
синьм- I 400
синьыс I 432
спсь I 408
сиы- I 418
сӥзьыл I 142
сӥзьыл III 220
скал III 220
со I 411
соп I 400, 417
сӧп I 122, 147
сугон III 216, 219
сузьы- I 429
сузэр I 426
суй I 409
сукман III 219
сул I 122, 401
сурым III 216
сусы-пу I 403
суты- I 427, 430
сутэр I 428
сьӧм I 417
сыкал I 429
сыл- I 420
сылал I 429
сылмы- I 414
сылы I 154, 420
сыномы- I 427
сыны- I 427
сыск- I 153, 406
сэп I 123, 140, 411
сэрег III 217
сю I 123, 137, 400, 424
сюл I 412
сюлэм I 141, 401, 415
сюмал- I 417
сюмык I 422
сюмыс III 217, 218
сюр I 123, 143, 155, 412; III 219
сюр- III 217
сюрес III 220
сюрло III 216, 219
сюры III 219
сюсь I 431
сялал- I 419
сяртчы III 216, 219

та I 399
тӥ I 398

тод- I 139, 405
тол I 110, 120, 154, 170, 413
толезь I 427
тон I 399
тӧл I 427
трос I 119
ту I 399
туг III 216
тул I 432
тулмет III 219
туннэ III 220
тульым I 154
тулыс I 413
турп I 415
турто III 216, 219
турым I 428
турын I 428
тусьты III 218
туш I 426
ты I 400, 403
тыл I 403
тылы I 154, 400
тысь III 216, 219
тэй I 415

уа- I 413
уазер I 412
уалес I 422
уаль- I 422
уа-пум I 413
уд- I 139
уды- I 418
удыс III 216, 218
уж I 429
узвесь I 405
узьы I 413; III 214, 216
узы I 403
узыр III 218
уй I 130, 143
уй- I 406, 414
ул I 407, 427
ул- I 148, 405
улмо III 219
ум I 419
ун I 419
урод III 220
урыс III 217
усь- I 406
усьтыны III 218

чебер III 219
челядь III 220
чепыльт I 125
ческыт III 216
чиг- I 418
чипы III 216
ӵӧж I 417
чумолё III 216
ӵуж I 401
ӵужмурт I 401
ӵыжы-выжы I 124
ӵужъем I 428
ӵукна III 220
ӵуп- I 124
ӵупыны I 170

шабала III 216
ши I 433
шонер III 220
шорт I 432
шорыны III 212
шу I 427
шур I 403
шы I 433
шыбитны III 224
шыныр I 432
шыр I 123, 416
шыр- I 406; III 212
шыран III 220

ыб- I 139
ыбы- I 432
ыж I 416, III 220
ызьы I 152
ым I 130, 148
ыскал I 429

эгыр III 218
эксей III 217, 218
эмезь I 415
энер III 217, 219
эсты- I 413

ю I 129, 403
ю- I 137
юал- I 430
юг III 216
юк- I 137, 406
юскы- I 430
юсись I 152
юсь I 151, 416
юы- I 419

aǯ' I 145

bįgįl'i I 138

diŋ I 414

gižį I 164

įž I 176, 186

ju I 208
ju- I 186
juśiś I 152
ju-šur I 136
joz- I 206

kal I 177
ki I 115, 167
kiǯil'i I 145
kįč I 188
kįk I 204
kįl I 117, 188
kįl- I 186
kįl'- I 167
kįmes I 150
kįsį- I 408
kos I 204
kul- I 187
kulįnį I 210
kur- I 167
kus I 204
kwiń I 120, 209
kwat' I 119

l'ęm I 210
lį I 187
lįmį I 187
lul- I 167

mįl I 188
mįn- I 188
mu I 115, 167, 204
mus I 167, 204, 205

ńęl I 187
ńįl- I 188
ńim I 187
ńin I 187
ńul- I 187

pal I 206
pal'l'ov I 120
parś I 177
pel'mįt I 150
peńmįt I 150
pi I 209
pil'em I 210
piń I 187
pod- I 138
pu I 186
pul- I 167
pum I 164
puŋ I 147, 164
pur- I 187

sad' III 217
śala I 177
sęn I 187
śi-jes I 137
śin I 138, 204
su I 204
sul I 167
śulem I 141, 164
šįr I 167
šur I 136

ta I 167
tį̈l I 187

ud- I 139
uj- I 161
ul I 205
ulį̈- I 167
uly- I 167
už'į̈ I 134

val I 177
vį̈l- I 164, 209
vil' I 186
vit' I 167, 187
viž- I 145
vož I 210
vu I 115, 167, 204
vur- I 204

ž'ič'i I 133, 137

Коми(-зырянский) язык

абу III 220
агас III 221
адас III 216, 218
аддзы- I 429
аддзыны III 215
азьгум III 216
ай I 426; III 215, 224
айбарч III 222
акань III 220
амысь III 216, 218
ан I 411, III 214
анбаръ III 223
ангелъ III 223
ань I 205
ар III 220
аршынъ III 223
аски III 217
асы I 399
асыв III 212, 217, 220
асъя III 212
ата I 399

бадь I 403; III 214
базаръ III 223
байдӧг I 415; III 214
баля III 220
бан III 217, 218
баня III 224
бара I 196
басок III 220
басӧк III 224
бать III 223
башмак III 224
башня III 224
баяръ III 224
бекар III 223
берегъ III 224
блин III 224
богатӧй III 224
бок III 224
бон I 169; III 218
бор III 216
бӧрӧзда III 224
босьтны III 217
бочка III 224
бӧр I 127, 420; III 215
бӧчка III 223
бугыль I 127, 138
бур I 168, 431; III 219
бурня III 219
бурысь III 218
бус III 218
быд III 218
быдӧс III 220
бэкоръ III 224

ва I 133, 137, 169, 402; III 213
вай- I 418
вайны III 214
вартлыны III 220
вартны *I 169*
вев I 430
вев- III 215
вевдор I 430; III 215
ведра III 224
век III 224
векни I 421; III 215
вем I 141, 412; III 214
вера III 224
верба III 224
вердны I 139
вердны-удны I 139, 418, III 214
веськыд III 217, 220
веськыт III 217
ветек III 223
веты-мын I 196
вешьян III 224
ви- I 420
видз- I 144, 417
видзны III 214
визув III 217
вий- I 420
вилки III 224
вила III 224
вина III 223
виньдыны III 217
вины III 214
вир I 131, 170, 412, III 214
вирець III 224
виски III 224
висьны III 217
висьт III 223
вит I 131, 140, 196, 424; III 215
во I 413, III 214
водж I 144, III 222
водз I 145
водзпр I 412, III 214
вож I 428; III 215
вой I 130, 143, 414; III 214
вой-колӧн I 418
войт III 222
воль I 422; III 215
воль-пась I 422
воля III 224
вом I 130, 148
вон III 220
воны III 217
воронка III 224
вороп III 217
ворота III 224
вось- III 218
воськов I 154
восьтыны III 218
воссьыны III 218
вӧв I 169; III 213
вӧвны III 213
вӧзь *I 415; III 214*
вӧзь- I 422
вӧзьйы- I 422
вӧл I 416
вӧл- I 417
вӧлӧсьт III 223
вӧнь I 409; III 214, 221
вӧр I 169
вӧрны III 217
вӧсни I 421; III 215
вторник III 224
вудж- I 145
вуж I 169
вужны I 169
вунды- I 422
вундыны III 215
вур- I 155, 423
вурны III 215, 218
вывтыр III 217
вый I 131, 143; III 215
вый- I 420, 422
выйӧн I 420
выл- I 417
вылӧ I 407
выль I 133, 141, 407, 421; III 215, 221
вын III 220
вэжжи III 224

гач III 223
гез III 217
гедъ III 224
гелесъ III 224
гербъ III 224
гесть III 224

гид I 427; III 215
гоб III 216, 218
год III 224
гож I 421
гожӧм I 421
головня III 224
гор III 217
горт III 212, 217
гӧгӧра III 224
гӧлӧс III 224
гӧп III 212
гӧп I 127
гӧр- I 119
гӧрб III 224
гӧрд III 217
гӧрнич III 223
гӧсть III 224
гӧтшкы- I 429
гӧтшкыны III 215
гӧч I 153
грек III 223
грекъ III 224
гундыр III 221
гурина I 404
гут I 126
гыбав- I 139, 402
гыж I 127
гыжй- I 145
гыр I 422; III 215
гырддза I 412; III 214
гырк I 420; III 215
гырпич III 223
гыч I 415; III 214

дар III 218
дас III 217
дась III 217
деде III 224
дӟдӧ III 224
деньга III 223
деревня III 224
дерт III 223
джек III 212
джодж I 124, 407
джыш III 217
дзор I 127
дін I 414; III 214
диво III 224
додь III 217
дон III 217
дор I 127, 169
дорны III 217
дӧва I 119
дӧм I 432
дӧмны III 215
дӧра III 212, 216
дӧрӧм III 212, 216
дубъ III 224
дукӧс III 216
дуль III 217
думайта III 224
дыр III 217
дыш III 217

егыр I 138
ем I 155, 408; III 213
емдон III 218
ен I 414, III 214
ендон III 217
енм- I 150, 414
ёг III 216
ёма III 221
ёсь I 152

жов I 427, III 215
жӧник III 224
жӧч III 223

за I 169, 204
зарни III 217, 218
звер III 223
зеп III 216, 219
зібй- I 139
зон III 218
зор III 217
зу I 429, III 215
зэр I 172
зӧр I 427, III 215

ид III 216
изкп I 143, 417, III 214
им III 220
ис I 170, 408
иск- I 408
ичӧт I 147
Йи I 129, 413; III 214
йир I 427, III 215
йӧв III 221

-ка I 423, III 215
каб III 219
кага III 220
казь III 220
казял- I 430
калля III 221
кальӧг III 221
кап III 217, 219
кань III 220
капуста III 221
капустапод I 432
карей III 222
карман III 224
карта III 219, 221
кась III 221
кач I 403, III 214
качка I 403
квайт I 119, 196, 424, III 215
кебӧд III 221
кев III 213
кевны III 214
кега I 174, III 221
кел- I 419
кельыд III 217
кенак III 218
кепысь I 142, 423, III 215
кер III 217
керав- I 432
керавны III 216
керал- I 432
керка I 423, III 212, 215, 217
керны III 217
кесйӧдпы I 170
ки I 119, 137, 143, 169, 412, 417; III 214
-ки III 214
кп- I 170
кизь I 126
кизьӧр III 217
киль I 149
кин I 398
кись III 216
кисьмӧм III 215
кисьмы- I 431
ключ III 223
ко- I 399, III 213
ков III 213
ковны III 214
кодзув I 145, 402, 416; III 214
кодзувкот I 416, 429; III 214, 215
коді I 399, III 213
коз I 142, 403, III 213, 218
козяин III 223
кок- I 432
кока III 221
кокны III 216
кол I 405
-кол I 418
кол- III 214
кола I 423
коль- I 141
кольта III 216, 219
коми I 402
копьӧр III 217
кор I 168, 419, III 214
кор- I 415
корй- I 149
корны I 127, 169; III 214
кос- I 430
коск I 170
кось I 427

коськ I 427, III 215
косьмы- I 153
косьт I 427
кот I 170, 429
-кот III 215
котшыс I 154
кӧ III 213
кӧ- I 399
кӧбыла III 223
кӧдзыд I 431, III 215
кӧйн III 215
кӧлт- I 154
кӧн III 213
кӧрт I 402, 417; III 213, 214, 218
кӧртавны III 217
кӧртым III 217, 218
кӧсйы- I 430
кӧсйыны III 215
кӧсь I 400
кӧч III 216, 219, 220
крав I 119
краж I 119
крека I 174
ку I 137, 403; III 213, 220
ку- I 399, III 213
кубо III 218
кувны III 213
куд I 139, III 219
куд- I 399
кудз I 400, III 213
кудзал- I 400
кузь I 408, III 214, 219
купм I 120, 423; III 215
куйӧд III 216
кукша I 405
кул- I 407
кулӧм I 409, III 214
куль I 424, III 215
кумыльга III 221
куп I 400
купь- I 147, 405
купьны III 214
куран III 220
курӧг III 216, 218
кус- I 152, 408
кусны III 214
кутш I 429, III 215
кутшӧм III 213
кушман III 219
кы- I 399, 433; III 213
кыа III 213
кыв III 213
кывны III 213
кыз- I 429
кызны III 215
кызь I 424; III 215
кый III 214
кый- I 423
кыйсьы I 423
кык- I 127, 168, 423; III 215
кыл I 401
кыл- I 190, 407
кылавны III 214
кылал- I 154, 406
кым I 150
кымӧс III 217
кын I 431, III 215
кынм- I 431
кынӧм I 411, III 214
кыны III 216
кынь III 222
кыпӧд- I 430
кыпӧдны III 215
кыпыд I 430
кыр I 155
кыр-пон I 401
кыс I 152
кысь I 399, III 213
кыш- I 431
кышавны III 215

лабич III 223
лата III 222
лем I 123, 147, 408, 423; III 215
лёк III 220
ло- I 417
лов III 215
лой- I 432
лойны III 216
лол- I 132, 424
лоны III 214
лоп I 140, 401
лӧдз I 416; III 214
лӧм I 426, III 215
лӧп I 414, 214
лӧсьӧд- I 429
лӧсьӧдны III 215
лӧсьыд I 429
лудік III 221
лук III 223
луп I 431, III 215
лупвыв I 431, III 215
луншӧр-лупа I 196
льӧм I 123, III 214
льӧм-пу I 404
лы I 400, III 213
лыддьы- I 407
лыддьыны III 213
лызь III 223
лый- I 421
лыйны III 215
лым I 208, 414; III 214
лымй- I 147
лыс I 428; III 215
лыс-ва I 152
лыск- I 428
лысьты- I 431
лысьтыны III 215
лэб I 418
лэдз- I 172
лэчыд III 217
лядьвей III 223
ляк I 132
лякӧсьтны I 132
лямпа III 222

ма I 422; III 215
майӧг III 216, 218
малича III 222
малямуш I 416; III 214
ме I 399, III 213, 220
мегарин III 218
мегӧ III 218
меж III 218
межа III 224
ми I 399
мой I 428; III 215
моль I 149, 415; III 214
монь I 402; III 213
морт I 155, 427; III 215, 220
мӧдны III 217
мӧс III 216, 218, 220
му I 402, III 214
мудӧд III 217
мун- I 131, 147, 406
мунны III 214
мус I 151, 168, 400; III 213
муск- I 151, 400
муш I 416; III 214
мывкыд I 430, III 217
мыг I 412
мыгӧр I 412, III 214
мый I 399, III 220
мык I 415, III 214
мын- I 146
мыр- I 403
мыськы- I 153, 406
мыськыны III 213
мысти I 420
мысьт I 420

на I 433
назем III 220
назём III 224
найӧ I 433
намыр III 216
небӧг III 218
небыд III 217
недель III 223
нёйкав- I 420

неля-мын I 196
нёйд- I 420
нёйкал- I 420
нёль I 154, 196, 423; III 215
низь I 404, III 214
ним I 131, 170, 401, III 213
нимол III 214
нин I 427, III 215
нин-пу I 427
нийö I 433
ножнич III 220
норт I 432, III 216
нöк III 216
нур I 428; III 215
ньöв I 131, 409; III 212, 213
ньöл I 409
ньöр I 403, III 214
ньыв III 214
ньыл I 404
ньыл- I 405
ньылал- I 190
ны I 433
ныв III 213
ныж I 433, III 216
ныйö I 433
ныл- I 155, 401
ныл I 401
ныр I 190, 400; III 213
ныовны III 213
нюл- I 406
нюр-моль I 415
нямöд III 218
нянь III 216, 221
няртала III 222

обел III 220
овны III 214
одзöс III 215
оз I 403, III 214
озыр III 218
он I 419
онял- I 414
ол- I 405
ош III 220
öгыр III 218.
öдзöс I 422
öзйы- I 413
öзты- I 413
öзтыны III 214
öксы III 217, 218
öмидз III 214
öпеть III 223
-öс I 422; III 215
öти I 423
öтик I 423, III 215
öш I 428, III 215
öшлядь III 223

палак I 170, 406
паль III 221
пameть III 223
парка III 222
пась III 216
паськöм III 220
паськыд III 217
пач III 221
пашкан I 428
пеж I 404, III 213, 220
пежку I 404, III 220
пель I 154, 172, 412, 426; III 214
пель- III 215
пельпянь III 212
пельпом I 426; III 215
пемыд I 151, 408; III 214
пемыт I 408
перыд I 431, III 215
перыта III 220
петук III 223
пеш I 433
пеша I 433, III 216
пи I 154, 413; III 214
пив I 154
пими III 222
пинь I 147, 170
письти I 416
пишаль III 223
повны III 213
под I 432
пода III 220
пож I 432, III 216
пожнав- I 432
пожнал- I 432
пожöм I 428; III 215
поз I 120, 142, 404, III 214
пол I 407
пол- I 405
пом I 146, 147, 400; III 213
пон I 146, 147, 400, 401, 416, III 214
пондöтны III 224
понöль I 415, III 214
порсь I 429, III 215
потны III 217
потш I 127, III 216
потшöс I 433
пошт I 433
пöв III 213
пöвс- I 420
пöвсö I 420
пöвстö I 420
пöвстын I 420
пöвстысь I 420
пöвсын I 420

пöд- I 138, 418
пöдлавны III 214
пöдлал- I 418
пöж- I 142
пöжал- I 142
пöл I 407
пöла I 120
пöр- I 429
пöра III 223
пöрпы III 215
пöрт I 432, III 216
пöрчыны III 216
пöрысь III 215
пöсь I 119, 431, III 215
пöт III 216
пöтка III 223
преник III 223
пу I 403, 404; III 214
пу- I 408
пуд III 223
пув III 214
пукавны III 219
пул- I 404
тум III 220
пулі I 426
пуны III 214
пур- I 207, 418
пурны III 214
пурт III 212, 218
пуртöс III 212
пуртöс III 217
пучей III 214
пу-чöй I 416
пыдзырт- I 144, 417
пыдзыртны III 214, 220
пыдö I 427
пыдöс I 427
пыдын III 215
пыж I 432, III 216
пызь III 215
пыкöд III 212, 217
пык- III 212
пын- I 409
пыр I 409
пыр- III 213
пырпьöв III 213
пыр-пьöв III 212
пыр-пьöл- I 409
пыридз III 212, 217
пысь I 423
-пысь I 142, III 215
пычкы- I 417

раб I 174, III 221
разъя III 221
ректан III 216
ри I 170
рога III 222

рой I 428, III 215
роч III 217
рӧмыд I 133
рудзӧг I 428, III 215
рунь III 221
руч I 133, 137, 416; III 214
рыныш I 432, III 216
рып III 222
рыт III 217

сабри III 221
садь III 217
сайкыд III 217
сапӧг III 223
сарпдз III 218
свпнеч III 223
сё I 123, 127, 137, 424; III 215
сёй- I 418
сёйны III 214
сёркпп III 216, 219
сёрпи I 155
си I 426, III 215
си- I 429
сизим I 433, III 216
сизь I 428, III 215
сийӧс I 137
сикӧтш I 137
сикт III 217
сип I 138, 400; III 213
синва III 212, 217
синм- I 123, 400
сины III 215
сирысь III 219
сись I 431, III 215
сійӧ I 411, III 214
сім I 427, III 215
сісь I 408, III 214
сіт I 140
сов III 215
сод- I 419
содны III 214
сой I 409
созор I 426; III 215
сол- I 429
сорӧм III 216
сос I 409, III 214
сот- I 427
сотны III 215
сӧв- I 406
сӧвны III 214
сӧл- I 406
сӧп I 122, 147, 400; III 213
сӧп I 123, 140, 411; III 214
сӧскы- I 151, 406
сӧт- I 140
спина III 224

су- I 430
судзны III 215
сукман III 216
сулавны III 214
сулал- I 420,
сунис III 216
суны III 215
сур III 216
сусо III 219
сус-пу I 403
суспу III 214
сьӧлал- I 419
сьӧлӧм I 141, 401, III 213
сьӧм I 417, III 214
сьӧп III 217
сьыв III 219
сьылі I 412, III 214
сы I 411
сыв III 213, 214
сыв- I 414
сыл I 401
сыл- I 122, 414
сып I 417, III 214
сын- I 408
сыппы III 214
сыпӧд I 123, 413
сэрӧг III 217
сэтӧр I 428, III 215
сю I 428, III 215
сюв I 412, III 214
сюв- I 415, III 214
сювчӧж III 214
сюв-чӧж I 415
сюй- I 430
сю-кӧсь I 400
сюл I 412, 415
сюлка I 154
сюмавны III 214
сюмал- I 417
сюмыс III 217, 218
сюр I 123, 143, 155, 412; III 214
сюри III 216, 219

та I 399
таг III 216
тайӧ I 399
талуп III 220
тасма III 218
тасьті III 218
ті I 398
той I 415, III 214
том III 220
тош I 426
тӧв I 120, 170, 413, 427; III 214
тӧд- I 139, 405
тӧдны I 127, III 214
тӧл I 413, 427; III 215

тӧл- I 154
тув I 432, III 215
туй I 427, III 215, 220
тул I 432
тулым III 219
тулыс I 413
тури I 415, III 214
туруп III 215
турып I 428
тусь III 216, 219
тшӧка III 223
тшӧкыд I 421
тшуп- I 124
тшупны I 170
ты I 403, III 213, 214
ты- I 399
тыв III 213
тыдавны III 214
тык I 409
тыл I 154, 400
тыл-кӧрт I 403
тыр I 119
тырп I 411, III 214
тэ I 399, III 213

ув I 427, III 213, 215
угол III 224
уд- I 139, 418
удж III 214
удны III 214
уж I 429, III 215
узь I 152
уй- I 406
уйны III 213
ул I 427
ул- I 148, 407
улмӧ III 219
ун I 419
ур I 149, 428; III 215
урыс III 218
усь- I 406
усьны III 214
утка III 223

чапкыны III 224
чарла III 216, 219
часъ III 223
чег- I 418
чегны III 214
челядь III 220, 223
чепӧльт- I 125
чеспӧк III 223
чикись III 224
чикчи I 151
чипыш I 125
чож I 401, 417; III 213
чочкӧм III 220
чӧж III 214
чӧй I 416

чӧскыд III 216
чуж I 428, 215
чужны- I 124
чумалп III 216
чумпель III 222

шайт III 218
шергӧд- I 419
шляпа III 223
шобді I 170, 415; III 214
шӧр III 216
шӧр- II 212
шӧравны III 212
шӧросьны III 212
шӧрӧм III 213
шӧрт I 432, III 216
шӧрышитны III 212
шы I 433, III 216
шыд III 216
шыла III 223
шыр I 123, 416; III 214
шыр- I 406, III 212
шырны III 214
шыш III 223

ыбӧс I 421, III 215
ыж I 416, III 214
ыждыд III 220
ынь I 414
ынь-бп I 414
-ысь: озысь III 214
ытшкыны III 212
ыы I 409

эж I 142
эзысь I 405, III 214, 217, 218
эм III 220
этайӧ I 399
эшты- I 430

ю I 129, 130, 403; III 214
ю- I 137, 419
юал- I 430
юк- I 137, 406; юкны III 214
юпы III 214
юськ- I 151
юсь I 416, III 214

яга III 221
яран III 222

bel' III 221
bįč III 216
bord I 400
burkej III 221

čęž I 417
č'oz I 195
č'ukč'i I 176
čuž I 428

dojd III 336
dod' III 336
dǒl I 421

ęnįr III 217, 219, 336
ęśín III 335
ęšįn III 335
eštįnį I 129

garıž' III 221
gor III 335
gorań I 426
gįbav- I 139
gįč' I 188
gįž I 164
gįžj- I 195

hol- I 154

im I 129
įž I 176, 186

jegįr I 138
jem I 129
jenm- I 150
jermǒg III 336
jęzvi I 206
ju I 137, 208
ju- I 186

kal'a III 221
karandis III 221
kel'kan III 221
kęla III 222
kęv I 177
ki I 115, 167
kįv 117
kįa I 402
kįč I 188, 195
kįį I 117
kįj III 214
kįk I 204
kįl I 117, 188
kįl- I 186
kįlal- I 187
kįr- I 195
kojmęd I 209
koka III 221
kol'- I 167
kel- I 407
kor- I 167
korj- I 195
kozal' III 221
kuč I 187
kul- I 187

kureg III 336
kuvnį I 210

l'anęs I 123, 432, III 216
l'ęm I 147
l'ęmj- I 210
lį I 187
lįm I 187
lįmj- I 195
l'uška III 221
l'orej III 222

ma I 115, 167, 204
maj I 399
mal' I 431, III 215
marja III 222
med III 336
męs III 335
mįl I 188
mįlkįd I 430
miškal- I 406
moj I 399
mun- I 188
mus I 115, 204
musk- I 205
murtalni III 336

ńęl I 187
ńįl- I 188
ńim I 187
ńin I 187
noj III 336
ńul I 187
nut III 222
nuta III 222

ol- I 167
ors III 217
pas III 336

pęd- I 138
pęl- I 164, 206
perk I 417
pi I 209
pil- I 210
piń I 187
pird III 222
piśt'i III 214
piv I 204
pįzan III 335
poda III 216, 218
pol- I 167
pom I 164
porś I 177, III 335
pozj- I 197
pu I 186
pul- I 187
pur- I 187

Rebo III 222
ri II 431, III 215

sa I 204
śęla I 177
śęlęm I 141, 164, 176
śęm I 176
sęn I 187
sępt- I 196
sęz I 418
sęz- I 418
śi-jęs I 137
śi-kęč I 137
sįl I 167, II 219
śin I 204
šo I 113
solandęk III 222
śur- I 196
sus I 409
syl I 167
šajt III 336
šęn I 424
šįr I 167

ta I 167
tęl I 110
tęl- I 196
tįl- I 187
toman III 335
tuś III 222

ud- I 139
uj- I 161
ul- I 205
ur I 115, 221
uśęm III 221

va I 115, 116, 167, 204
vanę III 221
varnęs III 218
vęl I 177
vel-dor I 430
vež I 210
vįl- I 164, 209
vįl' I 186
vir I 116
virb III 221
vit I 116, 167, 187
vi·ž I 210
vot III 336
voǯ I 144
vuń I 409
vur- I 204
vuǯ- I 145

zibj- I 139

Коми-пермяцкий язык

бӧра I 196

веськыт III 220
ви I 420, 422
виль I 421
вун III 220

дын I 414

йы I 413

казявны III 215
квать I 424
кельыт III 217
кенак III 219
керку I 423
кин III 213
коми I 402
-кӧв I 418
кӧдзыт I 431
кӧз I 403
-ку I 423
кышав- I 431

лэчыт III 217

мош I 416
мый III 213

нарман III 220
небыт III 217

ой I 414
оль-пась I 422
ӧтік I 423
ӧшка I 428

паськыт III 217
пельнянь III 216
понуль I 415
пул- I 405

сайкыт III 217
сёр III 217, 219
сёрнитны III 215
сугонь III 216, 219
суса III 219

та III 213
торта III 216, 219

шогді I 415

ыджыт III 220

э III 213

юскы I 430
юскыны III 215

jęrnę·s III 336
ještįnį II 129

koba III 219

ors III 218

č'ebęr III 219

ОБСКО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ

Хантыйский язык

abka III 336
ăγsəl III 336
ahət I 153
akar, åkår III 337
al I 413
ăl I 407
ala- I 419
āləm I 141
ålən, алпə III 333
an 'свая' III 334
ån, ånəγ III 333
ăŋari III 333
ănt- III 333
ăntəp III 333
ăńśar I 412
-åńt' I 415
āŋet- I 419
aŋkəl, aŋkəл, åŋkəl, III 333
årənt, arnən, årnən III 339
ăsweća, ăsweća III 338
aśt'ene III 338
åt'γes III 337
awkkå III 336
ån III 334
ănəγ III 333
ăńi III 337
ămp I 435
ăl- I 406
äŋkəl III 333
ärən III 339
ät- I 435

čač I 417
čăče I 124
čăp III 333
čărčə I 415
čowčək I 415
čuč I 124

čunč I 415
čåγi̯t III 336
čeγ- I 436
čew III 333
čimäs III 334
čop III 333
čow III 333

ejəm I 436
ekär III 337
el I 142
elɛ I 407
eləwtəγi I 407
em- I 407
ĕntew, ĕntəp III 334
epəL I 408
et I 142
ewəl I 408
əj 'один' I 399
əj 'ночь' I 143, 414
əsəl- I 406

hăt- I 180
hor I 155
hot I 180
hut'əm I 150

χa- I 399
χa̯l- I 210
χăi̯t̯i̯ I 167
χăj- I 141
χan III 337
χăntĭ I 413
χăń I 405
χapti III 336
χasaχ III 338
χasnå III 338
χaw I 403
χo- I 399
χočəm I 421
χoD-òŋ I 148
χòl, χòʌ I 142
χōləm I 120, 209
χompᵒ I 112, 139
χŏnša I 421
χōs III 334
χos- I 400
χo̯j III 336
χɔjəm I 414
χɔL- I 418
χɔn III 338
χɔpti III 336
χɔsaχ, χōsaχ III 338
χɔsna III 338
χɔšəm I 421
χɔt I 423
χo̯L I 403
χo̯Ləm I 423
χo̯mət I 421

χo̯s I 424
χo̯t I 424
χu- I 399
χùmp' I 139
χuri I 422
χùt I 142

il-, iL- I 421
iləm I 150, 414
ilən I 421
in I 399
inar, ĭnar III 336
isńi III 335
iś I 413
ĭšnĭ III 335
it I 399
it- I 435
i̯t-, ĭt- III 333
i̯l I 148, 407
i̯tnənwəs, i̯tn̥ən̥wəs III 335
i̯àn I 122, 147
i̯ăγDɛ I 151
i̯aγə̂p I 137
i̯ēβəs I 152
i̯oγàn I 129
i̯ól I 122
i̯oŋàn I 137
i̯ăkan III 337

jakar, jȧkăr III 339
jăkı III 337
jam I 436
jan I 400
jańś- I 419
jăŋa- I 405
jaŋeL- I 414
jărmak III 336
jărnas III 336
jäkər III 339
jäki III 337
jäńt'- I 419
jäwət I 437
jel I 405
jel I 406
jelən, jeL I 421
jèŋk I 129
jermak, jermäk III 336
jernas, jernȧs, jernäs III 336
jert I 413
jələw I 405
jəwäγlə- I 405
jəm I 436
jəŋk I 400
jəŋku I 413
jəŋkuri I 155
jĭntəp, jintew III 333
ji̯γəl I 403

ji̯ntəp, ji̯ntəw III 333
ji̯t I 409
jogəl- I 153
joγəl I 408
joγəl- I 406
jŏγəl- I 408
jŏhən I 208
jom I 123, 210, 404
jŏŋ I 402
jorńi I 435
jŏrt- I 406
jo̯γəl I 408
joγən̥ I 403
jo̯m I 404
jöj I 408
jöŋk I 413
jöŋkər I 123
jöntəχ I 409
juχtəjàńt' I 415
juj I 400
juki̯ńt' I 403
juntəm III 333

kač- I 421
kajɔχ, kajək III 339
kajəm I 414
kăjuk III 339
kal- I 418
kăl- I 180
kăla- I 407
kaləw I 409
kăl'i I 149
kan III 338
kentəγ I 413
kantəm- I 138
kar 'самец' I 155, 401
kar 'кора' I 415
kȧrt, kartĭ III 335
kat 'изба' I 423
kat 'два' I 423
kātəm I 436
katɹ III 333
kån III 338
kȧt I 149
kän I 436
kär I 415
kät I 423
keL I 401
kepån III 337
kepət I 152
ker 'печь' III 335
ker 'наст' I 415
kešĭ I 422
ket I 434
kèt I 119, 137, 167
ketsur I 434
kew I 143, 417
kəj I 416
kət I 204

kĭL- I 419
kir I 415
kit-, kĭt- III 333
ki̯ńt' I 403
ko- I 399
kogəl I 154
kọγ I 417
koji I 399
kol I 403
koləm I 423
kōləm I 120
komət I 421
komp I 402
kòṇ I 411
kŏnčaγ I 421
kŏń- I 147, 405
kŏ̯ŋnai̯ I 147
kŏ̯ŋnaj I 412
kor I 112
kọr III 335
kôs I 424
kos- I 400
kŏsə I 415
kŏsjeŋk I 400
kot I 399
kŏteŋ I 435
kɔl- I 407
kɔlək I 404
kɔs I 402
kọr III 335
kŏ̆čəγ I 422
koj- I 423
kŏ̆jəχ I 416
köl I 401
kŏ̆nč I 145
kŏṇŋı I 412
kör III 335
köt I 412, 434
kötsor I 434
köwət I 152
ku I 402
kujt'ŏt'korek, kujt'ut'-kŏrek III 336
kul I 404
kul'əm I 150
kult I 401
kunəŋ I 400
kuńəl' I 402
kuri̯ I 422
kut I 180, 424
kül- I 419
küli I 401

lagəl- I 153
lɐl- I 418
lan I 187, 400
lăŋa- I 405
lā̆nt I 415
lar I 435
lāśi- I 436
lăw I 400
lawtək I 152
länt I 415
läwət I 437
lel- I 406
lerəmt- I 419
li- I 418
lìI 424
lil I 132
lis I 153
li̯γəl I 403
li̯t I 409
loγəl- I 406
loχ I 435
lŏχ I 400
lŏkemə- I 420
lŏkım- I 140
lȯl I 122
lŏla- I 414
lŏlɛ I 414
lònt I 112, 132, 139
lŏŋ I 402
lorńɛ I 435
lŏrt- I 406
lŏw I 411
lɔnt I 416
lọńśĭ I 421
lȯχ I 411
lŏj I 408
lök I 140
lŏl I 401
loŋkər I 123, 416
luj I 400
lŭkemə- I 420
luli̯ III 333
luńt'ə I 421
luŋk I 424
l'ōγət I 132
l'ŏk I 132
LaL I 401
Le- I 418
Lenkər I 416
LĭL I 424
Li̯p I 418
Loχ I 408
LŏL- I 418
Lŏŋ- I 405
Lŏŋət- I 407
Lŏrt- I 406
Lɔn I 400
лɔwaś III 338
Lŭŋ I 402
лŭšĭttĭ III 338
ʌàn I 122
ʌā̆ŋkər I 123
ʌin I 147
ʌȯʌ I 122
ʌònt I 132
mă- I 405
măl I 436
mal'śáŋ III 336
mańt', mańt'- I 437
măra I 435
marət- I 435
mărtâlə- III 336
mǎs III 335
maśter, maśtər III 338
mä I 399
mel I 436
mel̥ək I 436
meń I 402
məŋ I 399
mes III 335
mewtĭ I 415
mə- I 405
məχ I 402
məL' I 415
mən- I 131, 406
mənta I 147
mət' I 415
min I 399
mĭr III 339
mĭs III 335
mit, mĭt III 336
mi̯r III 339
moṇ I 401
morəχ, morək I 403
mŏrtaлə- III 336
mɔlśi III 336
möγəl I 411
mŏ̆γi I 399
möγtəγ I 415
mugel I 151, 400
mūγχə̄t I 167
mur III 339
mus III 335
mŭw I 402

nȧχlat, nakLăt III 339
nej III 336
nem I 401
nèm I 131
näj III 333
ni I 401
ni- I 417
niŋ I 401
niŋk, nĭŋk I 405
niw- I 417
nŏj, nọ̯j III 339
nopət, nŏpət, nọpət, nọ̯pət III 334
num I 407
nöγər I 436
nöl I 409
ńal I 409
ńàl I 131
ńɐl- I 148

ńălа- I 406
ńălki I 404
ńăL I 423
ńaʌ- I 148
ńar I 403
ńarəm I 155
ńălem I 412
ńel- I 180, 405
ńet- I 180
ńələ I 154, 157
ńələ I 423
ńiləχ I 437
ńiwəL I 437
ńǫγəl- I 408
ńŏγəs I 151
ńoχəs I 404, 416
ńŏLγí I 404
ńuχəl- I 408

ogəl I 153
ojət III 333
olno I 417
oL- I 419
ōnle III 334
ŏŋar III 333
ǫŋχ, oŋk III 333
ŏŋti III 333
ot I 413
ǫt III 336
ôt'- I 406
oγət I 402
oL I 413
on III 334
qγəl I 409
qχəL I 421
qŋχ III 333
öj I 408
ŏl- I 413

păg I 154
paγən- I 420
păχ I 209
pəχ I 209, 413
paj III 337
păl I 436
pul I 422
paləŋ I 210
pam I 435
păŋt III 335
part'aŋχ III 337
pas 'знак' III 336
pas 'рукавицы' I 142, 423
păsan, păsán III 335
pat- I 403
păt'- I 412
pâŋkəɲ III 333
pâs III 336
päk I 436
päl- I 142
peče χ I 404
pelək I 407
pent- I 418
pĕnt III 335
pentä I 138
pĕsán, pĕsän III 335
peži I 404
peγtə I 436
pəl 'yxo' I 154, 412
pəl 'гнездо' I 120, 142, 163, 180, 404
pəl- I 405
pəlät I 436
pələm I 400
pələŋ I 154
pəŋk I 404
pərtäχ I 420
pəsəm III 333
pət I 154
pətɛ I 400
pirik III 338
pit I 142
pikim I 418
pir I 407
pǫγ- I 402
poj I 413
pŏl I 422
pŏn III 333
ponəl- I 409
poŋəm I 146
pŏr I 409
pŏr- I 157, 418
posər- I 144
pŏś I 412
pot I 403
pot- I 406
pəl't' I 436
pos III 336
pət- I 403
pǫ̊ŋk I 147
pǫrəś, pǫrəś III 335
pǫsəŋ I 435
poet I 142
puj III 333
puḷ I 406
puḷi̯ I 406
punč- I 418
puŋkət I 138
pusər- I 417
puš I 112
put I 422

răń III 336
ṛimkᶜi̯ I 133
rŏχkət- I 422
rok III 333
ropilta, ropiɲtətaγə III 338
rǫpata III 338
rǫpittă, rǫpĭttĭ III 338
ruχχət- I 422
săγər III 337
saγər, sâγər, saχər III 338
săχʃăt III 339
saj I 154, 415
sājət III 336
sakar III 338
sakɲat, sákɲăt III 339
sălkwáj III 339
sam I 417
samawar III 338
sat I 424
sàt I 123, 137
säγər III 338
säwəl I 412
sĕγari III 338
sem I 204, 400
sèm I 123
səm I 141, 401
seŋ- I 418
sĕs- III 337
sil I 436
siŋəs III 333
siŋk III 333
siwəs I 151
sŏγ I 416
sol I 412
sŏla III 337
sŏLkəwa III 339
soma I 422
sor I 434
sos-, sŏr I 436
sŏto III 337
sŏw III 333
sǫp III 333
sǫj I 415
soLtăt III 339
səm I 417
sət I 424
səw I 416
söγ- I 436
sōγəs I 142
sŏ̄γəs I 414
sŏ̄j I 405
sŏ̄jeγ- I 419
sȫŋ- I 418
sœ̄pət I 137
sujew, sŭjəw III 336
sur I 434
sügəs I 151
śan, śanəw 336
śărpĭ I 412
śär III 338
śĭ I 399
śiśkŏreχ, śiśkŏrək III 336
śĭw I 399
šarəp III 338
šarĭtlĭ III 338
šepoŋ III 333
šiŋeš III 333

šišəpsi III 334
šoχ I 421
šŏχəL III 334
šɔjət, šɔjt III 336
šǫmšĭ I 415
šǫp III 333
šɔš I 417
šup III 333
šŭš I 415
šŭw- I 436

tăl I 154, 180
tăL I 413
tăman III 335
tánt I 170
tarəχ I 415
te I 399
teγət I 403
tel I 421
teləχ I 413
teŋkər I 123
tep I 418
tew- I 436
tḗwəm I 163
tewtəm I 415
tə I 399
tələ I 180
teləχ I 120
tət 'сажень', I 122, 167
tet 'здесь' I 399
tim I 399
tis I 153
tŏgəl I 154, 400
togət- I 153
tŏgət I 154
toγət I 157
tŏγi̯ I 413
tŏχ I 403
tŏχət I 409
toltna I 437
tomi I 399
tŏman III 335
tòn I 122, 147
tŏŋət- I 407
tɔrəm, tŏrəm III 334
tŏrəp I 411
tɔr I 415
tɔwĭ I 413
tǫrəm, tǫrəm III 334
tŏγət I 435
töγtəm I 415
t'atχə III 337
t'ā̆u̯ət- I 132
t'it I 399
t'ərpə I 155
t'ŏk I 132
tu- I 406
tujət, tŭjət III 336
tunt I 416
tùnt I 132
tur I 435
tus I 112
tüγət I 436

ul I 403
uлəp III 334
ùn̥tṣ I 145
up I 413
urŋi I 404
urwi̯ I 413
us I 404
utən I 417
u̯atṣ I 144
u̯èt I 167
ū̂kəs III 337
ütəγtə- III 333

wač I 408
waγəl- I 419
wăχ I 405
waχ- I 422
waj III 333
wåjəγ, wajəγ III 333
waksar III 333
wəl- I 417
waŋχ- I 422
war III 335
wăr III 334
wăreγл- III 333
wăsə, wəsa I 415
wasĭ I 415
waś I 422
wat III 335
wån III 333
wår III 335
wåt III 335
wäńt'- I 422
wär III 335
wäsəγ I 415
wel- I 420
weləm I 412
wēləm I 141
weli I 416, 425
weL- I 420
weŋ I 401
wet I 424
wèt I 131, 140
wə- I 435
wər I 131, 157, 412
wəs III 335
wint III 338
vĭš I 404
woγəl I 421
wŏχəL- I 419
woj 'животное' III 333
woj 'масло', I 131, 143, 422
wojle III 334
woL- I 417
wont I 414
woŋ I 401
wɔj III 333
wɔŋ- I 422
wɔt III 335
wǫjət III 333
wǫl̥ I 409
wǫt III 336
wǫžəm I 408
wu- I 435
wuləp, wŭлəp III 334
wŭLĭ I 416
wŭr-məL' I 415
wut III 336

Мансийский язык

āχt I 402
aj- I 419
ākar III 337
al- I 420
ala I 407
ālm- I 406
āln III 333
am I 399
āmp I 435
āni III 333
ańśer I 411
āŋari III 333
āŋχ- I 419
āŋkal III 333
ārnta III 339
ārpi III 335
at 'запах' I 408
at 'пять' I 424
atwəs I 405
ā̆śtėr I 436
āk, ā̆kə I 423
ā̆ŋkl III 333
ā̆ś I 402
ā̆t 'запах' I 408
ā̆t 'пять' I 424

ēl- I 421
ēlem I 414
ēlən I 421
ēl'əm I 436
ēnt- III 333
ēntap, ēntəp- III 333
ēś I 413
ošəm I 421
ɛi̯- I 130, 137
ɛt I 131, 140, 167

hoń I 147
hool- I 180
hoot I 180
hult- I 154
huunt- I 138

χanəl I 400
χār I 401
χart- I 436
χaś- I 435
χat- I 435
χā̆j I 435
χā̆nəl I 400
χårt- I 436
χåt- I 435
χoj I 402
χōj I 435
χol-, χāl- I 407
χolχ I 404
χom I 402
χomlaχ, χomləχ III 337
χŏmtaχ III 337
χoni I 421
χōnt I 413
χoń- I 405
χop I 402
χosa, χośə I 408
χōseχ III 338
χōsna, χōsnə III 338
χot- I 435
χotaŋ I 435
χotəl, χōtəl III 333
χotχaśl- I 435
χōwt I 403
χō- I 399
χōn III 338
χōni I 421
χōŋχa I 399
χōpt III 336
χōt I 424
χōtal III 333
χu- I 399
χul' I 424
χūl I 404
χul- I 418
χūl- I 407
χulaχ I 404
χulep I 409
χūl' I 141
χūl'əm I 414
χul'-ətər I 424
χum I 402
χumB I 139
χump I 402
χūn I 399
χūntèl' I 435
χuń I 399
χuńṣ I 400
χura I 422
χùrəm I 120
χūrəm I 423
χus I 424
χuświt I 400
χūt- I 436
χūti I 401

i I 143, 414
il- I 421
ɪləm I 414
il'əm I 436
inar III 336
is- I 406
isəm I 421
isnas III 335
ɪś I 413
iśwēśśa III 338
itγal- itγəl III 333
ja I 129, 137
jaʌɛ'χ I 148
jē̆ I 208

jā I 403
jakan III 337
jākar, jākor III 339
jalt- I 405
jāntew I 180
jantəw I 409
jāmt'ew III 336
jāŋk I 129, 413
jārmak III 336
jālχ I 407
jält- I 405
jēkur, jekwêr I 435
jī I 143, 414
jolən I 407
jol-mārėχt I 435
jomas I 436
jošvoj I 416
jowt I 408
jūnt- III 333
jupka III 338
jūntəp III 333
jüpkə III 338

kaar I 155
kaγt I 142
kājk III 339
kāl- I 419
kal' I 416
kāpən III 337
karaśśin, karaśir III 338
kasaj I 422
kāsew I 415
k̆āʌ- I 210
kat, kāt I 400, 412
kattul' I 400
kaw I 417
käj- I 423
käl III 339
kälst'ēnə III 338
kă̄rχ III 335
kă̄si I 422
kät I 435
kă̄t I 119, 137, 167
kă̄t-sår I 434

käw I 143
keγnə I 436
kelä I 401
kēr 'корa' I 415
kēr 'желево' I 417, 435, III 335
kesiŋku I 436
keš- I 436
k̆ēr I 401
khuop I 409
khuta, khuti I 401
kχōńś I 145
kis, kiš I 144
kit I 204, 423
kiwər I 420
ko- I 399
koasəŋ I 415
koj- I 423
kol I 407, 422
kōl I 404
kolala I 407
kolas I 435
kolχos III 338
konl, konl-ōwəl I 412
kōnt I 413
kōńś I 402
košši I 416
kot I 152
koβt I 142
köt- I 153, 423
kōjəχ III 339
kōpən III 337
ku I 436
kulak III 339
kul'nājər I 424
kuL' I 424
kump I 112, 139
kuńs- I 416
kūr III 335
kūrəm I 120
kus I 180
kuš I 144
kūt- I 436
k̆ū I 211
kū I 143
künš I 145
k̆ūnš I 164
kür III 335
kwåśkėrtaχt- I 436
kwäät I 152
kwäl I 422
kβän I 147
kβänγəl' I 147
kwät I 152
kwośėrtaχt- I 436

lail, lail-sår I 435
lām I 423
lāpka III 339
lāś- I 436

lawkə III 339
låw I 437
lāk- I 420
l'aam I 123, 210
l'ām I 404
l'äkw I 132
l'äm I 210
lecs I 153
lēp- I 418
ləγ, liγ I 421
lil, lili, I 424
lili I 132
lo I 435
lońśəŋ I 421
lowint- I 407
lōwaś III 338
lökəm I 140
lōm I 423
löś- I 436
lu I 400
lūliγ III 333
lunD I 112
lunt I 132, 416
lūnt I 139
lūpi I 414
lusitaŋke III 338
luw I 435
l'ūkamD I 132
l'ukt- I 132

mā I 402
māγl I 411
mait I 167
majt I 151, 400
mal- I 419
māltip I 436
mān I 399
mana I 399
mań I 402
marėχt I 435
māśtər III 338
matər I 399
mẫn I 401
mårχ I 403
män I 402
mänt, mäntəl, mäntəs I 420
mäń I 147
mēt III 336
mgutk I 415
mə- I 405
məl I 436
mən- I 131, 406
mi- I 405
mil I 436
min- I 406
miń I 147
miń- I 147
mir, mirkäl III 339
mis III 335
mon I 401
moraχ I 403
mōrt- III 336
mostə III 339
məl'śaŋ III 336
mōrt- III 336
möltəp I 436
mōśter III 338
mul- I 419
murs- I 435
mūsta III 339

naχlət III 339
nāj III 333
nāklat III 339
nal I 409
nam I 401
nåγər I 436
nåt III 334
näjət I 424
näl I 409
näm I 401
näwrä I 436
nē I 401
neγl- I 417
-nēk I 404
nēl I 409
nɛjt I 155
nɛm I 131
not III 334
nōj III 333
nuj III 336
nuj- I 418
num, numi, numi tẫrəm I 407
ńaarəm I 155
ńājt I 424
ńāl I 131, 409
ńal- I 180
ńalt I 405
ńāwl-, ńåwl- I 408
ńåləŋt- I 148, 406
ńållåw I 437
ńäjt I 155
ńēləm I 412
ńēl I 131
ńiχwoj I 405
ńila I 180, 423
ńili, ńiloe, ńili I 154
ńiŋk I 405
ńir I 403
ńoγəs I 404
ńoγes I 151
ńoχəs I 416
ńoχs I 404
ńōj- I 418
ńolant- I 406
ńōlt- I 405
ńuχt'š I 151
ńuli I 404
oχsar III 333
ōjt III 333
okka III 336
ol- I 417
olə I 409
om I 399
ośχəs III 337
ośtər I 436
ōš I 416
oša I 415
ovka III 336
oβ I 148
ōkka III 336
ōl- I 417
ōlən I 417
ōŋχ III 333
ɔŋtel, ōŋtil III 333
ōš I 416
ōl- I 180
ōks III 337
ōkər III 337
ōlm- I 406
ōmp I 435
ōnə III 333
ōrənt III 339
ōt-, ōtəmkēr I 435

pajt- I 408
pāl I 407
palan III 339
palit I 436
pal' I 412
pal'ta III 338
pasan III 335
pasən I 422
pāsiº I 404
passa I 423
passœ I 142
-på I 403
pål'te III 338
pẫnl- I 423
pāl I 164
pālt I 436
päl' I 154
pänk I 400
päŋk I 147, 164, 435
päŋkχōj I 435
päsen III 335
päśt I 409
peχ I 436
pent I 418
pērk I 417
perχ III 338
pət'əm I 400
-pė I 403
pɛŋ 'зуб' I 147
pɛŋ 'голова' I 147
pɛnt- I 138
pi I 209

piγ I 413
pil I 404
pil- I 405
pil' I 154
pirak III 338
pisəl- III 333
pit'i I 142, 163, 180
pit'mi I 400
pyg I 154
plan III 339
poãnmel I 423
počta III 339
põj III 337
pol I 404
põl'ta I 415
pom I 435
pon III 333
põn- I 409
poŋkəl III 333
por- I 418
porä I 409
poršəχ III 337
põs III 336
posim I 435
poś I 412
poś- I 412
posəm I 435
pow- 'брать' I 435
pow- 'дуть' I 402
powrmat- I 436
pol'- I 414
põs III 336
põt III 336
põj- I 408
põl I 407
pöw I 154
poesge I 142
puj III 333
pūl I 180, 406
pum I 435
punč-, puns-, pūnš- I 418
puŋ I 147
pūŋχlàp I 138
puŋk I 400
pur- I 418
pūreś, pūrs III 335
purśaχ III 337
put I 403
pūt I 422
puw- I 435
pü I 154
qåt I 180

rak III 333
ropotə, rūpata III 338
rūpitaŋke III 338

saγ- I 436
saγir I 411
saj I 408
sājət, sājt III 336
sākkar, sākkər III 338
sāklat III 339
sakon III 339
sāl' I 415
sal'γ- I 419
sam I 204, 400
sām I 417
samovar, samwar III 338
saŋk I 418
sāŋki III 333
sāp III 333
sārəp III 338
sāritaŋke III 338
sasiγ I 401
sās I 417
sāt 'сто' I 123, 137, 424
sāt 'семь' I 437
sāw I 421
saw- I 436
såγr III 337
såltət III 339
sår I 434
såssa I 124
sâu I 416
sâw III 333
säγ- I 436
säj I 408
säl'γ- I 419
säm I 123
sēl I 436
sēl' I 415
sēm I 417
səp I 412
sigəs I 151
silkowoj III 339
sim I 141, 401
sīŋk III 333
siŋa-jiw siŋŋas, III 333
sis- III 337
siws I 151
syyl' I 154
soår I 411
sojwoj I 422
sol III 337
solkōwin III 339
sons I 415
soorp I 155
sosiγ I 415
sowəl III 334
sōltat III 339
sōγr III 337
sōχlət III 339
sōmś III 334
sōnk- I 418
sōp III 333
sōt I 437
sukari III 338
sul III 337
sunt I 400
suole I 415
sup III 333
sūsəm III 334
sükər III 338
sül'i I 405
śanəw III 336
śimśak, śimśək III 338
śiśkorak, śiśkurək, śiśkurək III 335
śōlwa, śolwə III 337
śōrpi I 412
šarp III 338
šāt I 424
šâu I 421
šäm I 123, 400
šēš I 417
šēt I 123
šəm I 401
šəp I 412
šoš I 415
šowəl III 334
šɔγm- I 436

ta I 399
tagt- I 153
tāγl I 421
taχtkōl I 404
tajət I 409
tākəm I 415
taks I 414
tal I 401
tāl I 413
tāl- I 406
tal'k I 154
tan I 147, 400
tān I 122
taŋkər I 416
taramt-, tārāt- I 419
tāriγ I 415
tāt I 403
tat'- I 418
taw I 411
tawt I 436
tawt- I 153
tåht I 153
tål- I 414
tãmp- I 435
tãreń I 435
täál I 154, 180
täl I 122, 167, 401
tāl I 120
tãp I 123, 140, 411
tãwət I 436
te I 399
tē- I 418

tēla III 339
tet I 399
tẽn I 187
tə, tət I 399
tɛŋər I 123
ti I 399
tipγəl- I 436
tit I 399
tit- I 418
tō I 403
toγət I 409
toχər- I 419
toχt I 409
tólo·- I 406
tolota, tolōte III 338
tol'ə I 400
tōmp I 435
ton I 399
tool I 154
tōrəm III 334
tōš- I 436
tow I 424
tow- I 408
towəl I 400
towt I 408
towt- I 406
tōrəm III 334
tōs- I 436
tōwt- I 406
tǫj I 402
töks I 142
tɔ̄l- I 406
tɔ̄wt I 435

tü I 402
tuj- I 405
tūja I 413
tujt III 336
tūlt I 437
tul'a I 400
tuman III 335
tump I 435
tur 'горло' I 435
tur 'озеро, половодье' I 435
tūw I 402

uj- I 161
ujˆ- I 406
ūj III 333
ūlem I 141
ūləm I 419
ūləś I 412
uliś, ul'iś III 339
ūn III 334
unš- I 145
uńś I 435
uošl I 154
up I 413
ūr- I 435
urinēk I 404
ūś I 435
ūš I 404
ūtéχ I 422
ūtpi III 334
uusil I 154

vouta- I 421
vūs I 408

wāγl- I 419
wāγlap I 412
wāləm I 412
wās I 415
wāŋən III 333
wāsiγ III 335
wāi I 143
wāj I 422
wēri III 335
wẽsi III 335
wə- I 435
-wəs I 405
wət' I 402
wər-məl I 149
wɛləm I 141
wi- I 435
wíγr I 412
wint-, winteŋ III 338
wit I 133, 137, 204, 402
wōi I 131
woj I 405, III 333
wojl- I 419
woŋk- I 422
wōt, wɔ̄l III 335
wula I 409
wūr I 131

βəša I 415

ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК

a I 399
abroncs III 410
ács III 409
ad- I 139, 418
ad-ni III 407
adoptál-ni III 412
ág III 407
agg I 421, III 407
ágy I 422, III 407
agyar I 412
ágyék I 435
al I 205, 407
al- I 148, 419
alj I 400
áll I 412
áll- I 420
alma III 409
álom I 141
alud-, alsz-, alv- I 419
anya I 205
apellál-ni III 412
április III 412
apró III 409

ár 'шило' I 423
ár 'течение' I 435, III 407
arany I 435, III 407
árva I 155, III 413
asszony III 408
aszal- I 436
asztag III 410
asztal III 410
av- I 405
az I 399
[äpä] I 196

bab III 410
bal I 120
bárány III 410
barát III 410
bárka III 413
bársony III 409
bátor III 409
béklyó III 409
bél, belet I 420
belső I 420
betű III 409
biliárd III 411
bog I 138
bognár III 411
bogyó I 404
bolha III 410
bolsevik III 410
bolyó диал. I 404
bor III 409
borbély III 411
borjú III 409
borotva III 410
boszorkány III 409
bölcs III 409
búza III 409

cékla III 410
cél III 411
ceruza III 412
cet III 413
cimbora III 413
citrom III 412
cukor III 412

család III 410
csat III 409
cseresznye III 410
csíp I 125
csizma III 410
csomó I 150, 125
csődör III 409
csősz III 409
csuka III 410
csupor I 125

dáma III 411
daru, darut, darvat I 415
datolya III 413
december III 412
déd III 410
dél III 409
diktálni III 412
dió III 409
disznó III 409
dívány III 409
dob- I 435
domb I 435
drága III 410
drót III 411
dug- I 120, 138, 419

e I 399
eb III 408
ëb I 435
ed устар. I 415
edz- I 435
ég I 123, 413
ég- I 414
éger I 138
egér I 123, 416, III 407
egeret I 416
eget I 413
ëgy I 399
éh I 411
éj I 130, 143, 204, 414, III 407
eke III 409
el- I 436
él I 405
él- I 163, 167
elefánt III 413
ell- устар. 'садиться' I 406
ell- 'родиться' I 419
él-ni III 407
elő, előI, előtt I 421
em- устар. I 407
eme I 402
ember I 402
emel- I 406
emlő I 407
én, engem I 399
enni, en-ni I 163, III 407
enyv; enyü, enyű, диал. I 436
epe I 123, 140, 196, 411, III 407
eper III 408
epër, epërj I 435
ér I 204
ered-, ereszt- I 419
erkély III 411
es диал. I 406
es, eső I 406
ësz- I 418
ev- I 163
ëv- I 418
év I 413, III 407
ez I 399

fa I 403, III 407
facsar- I 144, 417
faggyú I 436
fagy I 413
fagyal I 403
fajd I 415
fakad- I 420
fal I 422, III 407
fal- I 406
falat I 180, 406
far I 407
fárad I 436
farol- I 407
fáz- I 403
fazék I 422, III 407
fecske I 154, III 407
fëcske I 416
fed- I 138
föd- I 418
fej I 147, 164, 400, III 407
fejsze I 409
fék I 436
fekete I 436
fel I 436
fél I 164, 204, 206, 407
fél- I 405
feleség I 407
felet I 164, 407
felhő I 154, 210, III 407
felleg I 154, 210
félni, fél-ni I 207, III 407
fen- I 423
fene I 416
fenyő I 415
férëg, férget I 417
fésze диал. I 409
fészek I 163, 180, 196, 404
fészëk I 120
fészket I 404
fi I 209, 413
ficsur III 414
fiú I 154, 413, III 407
fog-ni III 408
font III 411
fő I 147, 400
fő- II 408
föd- I 418
fog I 147
fog- I 435
fogoly I 404
fogy- I 420
fon- I 409
föl, fölött I 436
főz- I 408
fúj- I 402
fúl- I 418
fullad- I 418
fúr, fúró I 409
fut- I 406
fű I 435, III 408
fül I 154, 412
fülemüle III 413
füst I 435
füvet I 435
fűz- I 419

gallér III 411
gonosz III 410
görény III 409
gróf III 411
gyalog I 129, 412
gyapjú III 409
gyárt-ani III 409
gyémánt III 411
gyomor III 409
gyökér, gyökeret I 435

hab I 112, 139, 402, III 407
had I 413
hagy диал. I 424
hagy- I 141, 167
hagymáz I 424
haj I 435
háj I 412
haj-nal I 402
hal I 180, 210, 404, III 407
hal- I 407
hál- I 418
halad- I 154, 406
hall- I 407
hall-ani III 408
hal-ni III 408

háló I 409
hályog I 149
hamu I 414
hangya, hangyál диал. I 416
hanyatt I 421
három I 120, 209, 423
hárs I 403
hasad- I 435
hat I 180, 196, 424
hát I 401
hattyú I 435, III 408
havat I 403
ház I 204, 243, III 407
here I 155, 401
hét, hetet I 437
híd III 408
hím I 402
híz- I 436
ho- I 399
hó I 403, III 407
hód I 435, III 408
hogy I 399
hol I 399
holló I 404
hón, hónalj I 400
hord- I 436
hosszú I 408, III 407
hová I 399
hölgy I 416
húgy устар. I 145, 402
húgy I 400
hugyoz I 400
húny I 147
húny- I 405
húsz I 180, 424
húz- I 435

i- I 419
ideg I 180, 409
íh диал. I 411
íj I 408
ín I 122, 147, 187, 400
ina- I 400
in-ni III 408
íny I 411
ip- I 140
ipa I 413
ír-ni III 408
irt-, irtok I 406
isz- I 419
itt I 399
ív I 408
iv- I 130, 137, 419
íz I 408

jalog устар. I 129
járom III 410
jég I 129, 413
jeget I 413
jó устар. 'река' I 129, 137, 208, 403
jó 'хороший' I 436, III 408
joh, john, juh, junh устар. I 411

kandalló III 413
kántor III 412
kápolna III 412
kar I 407
karfiol III 412
kávé III 409
kel- I 419
këll- I 418
kemény I 408
kender I 113
kengyel III 408
kér I 163, 168
kér- I 167, 419
kéreg I 149, 415
kérni, kér-ni I 127, III 408
kés I 422
keserű I 436, III 407
keszeg I 415
két I 204, 423
kettő I 168, 423
kéz I 115, 119, 137, 167, 175, 412, III 407
kezet I 412
ki I 398
kigyó I 404, III 407
kijó диал. I 404
kilincs III 413
[kinnê] диал. I 436
király III 410
kolhóz III 410
kóstol-ni III 412
kő I 143, 417, 430, III 407
köles I 435
könny I 401
könnyű I 436
könyök I 147, 412
köszörűkő I 436
köszörül- I 436
köt- I 153, 423
köved- диал. I 408
követ- I 417, 423
köveszt- I 408
kulcs III 410
kúsz- I 145
küszöb III 407

lábszár I 435
lágy I 145, 421
lak I 422
lakat III 413
lam устар. I 414
langyos I 421
láp I 414
lé I 147, 423, III 407
lë- I 417
légy, legyet I 416
lel- I 418
lélek I 132, 167, 424
lëp I 140
lép I 401
lep- I 418
les, les- I 436
lëv- I 417
leves I 147, 423
ló I 435, III 408
lom устар. I 147, 414
lő- I 421
lök- I 140, 420
lő-ni III 408
löv- I 421
lúd I 112, 132, 139, 416, III 407
ludat I 416
lyuk I 140

mag I 412
máj I 115, 151, 167, 168, 205, 400, III 407
mák III 410
málé III 414
márt- I 435
mártir III 412
medve III 410
mëg I 420
meggy I 415, III 407
mëggy I 149
méh I 416, III 407
meleg I 436, III 408
mell I 411
mély I 436
mén I 131
men- I 147, 406
men-ni III 408
meny I 147, III 407
mëny I 402
menny I 414, III 407
mer (ít) I 435
mese I 437
mesél- I 437
méz I 115, 204, 422
mi 'что?' I 399
mi 'мы' I 399
mise III 412
mony диал. I 401
mos- I 153, 406
mos-ni III 408
mög, mögött I 420

múl- I 419
-né I 401
négy I 154, 157, 180, 196, 204, 423
német III 410
nemez III 408
név I 131, 146, 401
néz- I 417
néz-ni III 408
nő I 401, 407
nyal- I 148, 406
nyaláb I 437
nyél I 409
nycl- I 180, 405
nyelet I 409
nyelv I 146, 412
nyereg I 436, III 408
nyerget I 436
nyíl I 131, 409, III 407
nyilat I 409
nyír I 403
nyolc I 437
nyújt- I 420
nyúl I 404, 407
nyúl- I 420
nyulat I 404
nyuszt I 151, 404, 416
nyúz- I 418
nyű, nyüves, nyüvet I 405

ó I 421
old- I 419
ólom I 417
olvad- I 414
olvas- I 407
olvas-ni III 408
ón I 417, III 407
orgona III 412
orot- диал. I 406
orr III 407
ostor I 436
ostrom III 411
-oud- устар. I 419

ő I 411
öcs III 407
öl I 122, 167, 401
öl- I 420
ön I 417
ős I 402, III 407
ősz I 142, 414, III 407
öt I 116, 131, 140, 167, 196, 211, 424
öv I 409, III 407
öv- I 411

pap III 410
paradicsom III 412
paraszt III 410
paróka III 411
patkó III 410
pecsét III 410
petrezselyem III 412
piac III 413
pisztoly III 411
prédikál-ni III 412

rak-ni III 408
ráspoly III 411
ravasz I 133, 137, 416
ribizli III 412
ró- I 422
róka I 133, 416, III 407
rov- I 422
ruha III 410

sánc III 411
savanyú I 436
sétál-ni III 410
sok I 421
sovány I 421, III 407
spanyol III 413
spenót III 412
sül устар. I 400, 415
süly устар. I 400
sün I 415, III 407
süt- I 436
süt-ni III 408
sváb III 411

szád III 400
száj I 400, III 407
szár I 435
szarv I 123, 143, 155, 412
száz I 113, 123, 137, 195, 424
szeg- I 418
szekrény III 413
szél, széle, széles I 436
szem I 123, 400, III 407
szerda III 410
szil I 414
szív I 141, 401
szivet I 401
szomj, szomjaz- I 417
szovjet III 410
sző- I 436
szőr I 411, III 407
szú I 416
szur- I 422
szut, szuvat I 416
szül I 415

tábla III 412
táltos I 437
tanít- I 406
tanul- I 406
tanul-ni III 408
tárgy III 413
tat I 409
tavaly I 413
tavasz I 413
tavat I 403
te I 399
të- I 418
téged I 399
tëgëz I 436
tehén III 408
tej I 436, III 408
tél I 110, 120, 154, 170, 175, 180, 413, III 407
telet I 413
tenger I 113
ten-ni III 408
tësz- I 418
tetü, tetvet I 415
tev- I 116
tëv- I 418
téved- I 436
ti I 398
tigris III 413
tinta III 412
tíz III 408
tó I 403
-tól I 414
toll I 116, 154, 400
tolla I 154
torok I 435
tova I 399
tő I 414, III 407
-től I 414
tölgy I 176
tövet I 414
tud- I 139, 405
tudni, tud-ni I 127, III 408
túl I 399
tüdő I 400
tűz I 435

új I 133, 421, III 407
ujj I 400, 409
unoka III 410
úsz- I 406
uszik I 161
út, utat I 402
uzsora III 412

ül-ni III 408
üt- I 140

vad, vadon I 414
vág- I 422

vaj I 130, 131, 143, 422
val- I 417
vál- I 419
váll I 130, 412, III 407
-valy I 413
vám III 408
vár III 408
vár- I 435
varjat, varjú I 404
varr, varr- I 155, 423
varr-ni III 408
vas I 405, III 407
vég I 420
veje I 401
vékony I 421
velő I 141, 412
vér I 116, 131, 157, 412, III 407
vért III 408
vés- I 422
vë-sz I 435
vessző I 415
vë-tt I 435
vezet- I 405
vi- I 418
vigyáz- I 144, 417
visz- I 418
viv- I 418
víz I 115, 116, 133, 137, 204, 402, III 407
vol- I 417
vő I 401, III 407
vőcsök I 415

zseb III 409

САМОДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Непецкий язык

āwka III 336

ćībe I 401
ćīd'e I 401

hā I 407
hā- I 407
hāpt III 336
har I 408
ĥoj III 336
hūlā- I 406

χādī 403
χājeĭ I 401
χajem- I 405
χājer' I 402
χājūpa- I 402
χāl'e I 404
χali I 405
χāmpa I 402
χapta- I 408
χaw' I 403
χį I 399
χoba I 403
χora I 401
χu- I 399
χū' I 399
χūna I 399
χūlī I 404

jāmt'u III 336
jaχā I 403
jen I 409
jeśe I 405
jīb'e I 408
jīj I 401
jī' I 402
jilā- I 406
jīl'e- I 405
jīḿe I 408
jīńe I 409
ku- I 408

Lapśe I 401
lāχnā- I 407
lī I 400

māl't'e III 336
mań I 399
mańe' I 399
mānī I 401
maraŋka I 403
māsā- I 406
ḿeje I 402
ḿi- I 405
ḿin- I 406
ḿis- I 405
mūd I 400

nādū I 401
ńāwa I 404
ńe I 401
ńeb'e I 402
nedako I 401
ńeḿe I 402
ńerī I 400
ńerū I 403
ńi I 407
ńīb'e I 408
ńimńe I 407
nīr' I 409
nīśe I 402
ńodā- I 408
noχo I 404
num' I 407
ńum' I 402
ńuw- I 402
ŋapt I 408
ŋawe I 399
ŋilna I 407
ŋin I 408
ŋod'e I 403
ŋū I 409
ŋu- I 406
ŋū' I 402
ŋutu' I 409

ṕā I 403
ṕa- I 400
ṕāl'e- I 406
panor- I 409
paŋkal- I 409
parā- I 403
paraðē- I 403
pare' I 409
pareŋo- I 409
pāewd'e I 408
pel'e I 407
ṕew I 403
pībt'ī I 400
piće I 404
pid'e I 404
pīl'ū I 405
piŕe- I 408
pu- I 402
pūlī I 400
purðā- I 407

rafśe I 401

śa I 398
śe I 401
śej I 401
śel I 401
sew I 400
śo I 400
śān III 336
śījet I 404
sūjū III 336

tā- I 406
tā' I 402
taðe' I 409
tāki I 399
t'am' I 399
t'ār- I 406

te' I 400
ten- I 400
ť'ɪ- I 406
tide' I 403
t'im- I 408
t'ɪwāk I 400
to I 400, 403
tu I 405, 409
tū I 403
t'ū I 409
t'ū- I 405
tumtā- I 405
tūńńi I 409
tuś I 405

wā' I 408
wādā- I 405
warŋe I 404
weśe I 405
wij I 401
wit I 402

Энецкий язык

eke I 399
eko I 399

inō I 399

johe- I 406
johi- I 406

kuoδesə̂ I 409
kuoresə' I 409

mi I 399
mona I 401

sesa I 403
sie I 398
sio I 398

tadda- I 406
tod'i I 399
ťod'i' I 398
to'a- I 406
tudo I 408
tu'a- I 406
turo I 408

Нганасанский язык

mou I 402

seto I 399
seteŋ I 399

tə̄ŋ I 398

Селькупский язык

ame I 399
aqsɨl III 336
äńam III 337
äs- I 406

čǫm I 404

gott I 401

kasera I 405
ķîs'ka I 402
ķōm I 408
ķor I 404
küž I 400
küž- I 400

ńeńe I 405
ńoma I 404
ńota- I 408

ńu- I 406
ńulgo I 404

pakta- I 406
palqoq I 404
peke I 404
piči I 409

qǫttį I 408
qottä I 401
qum I 402
qup I 402

reń III 336

söl'qup I 402
šɨla I 400
šü I 404

tan I 399
tat I 399
ti I 401
tu- I 408
tutį I 404

u- I 406

wentį I 404
wǫttį I 402

Камасинский язык

kamo I 403
ki I 403
kunzu I 408
kuru- I 404

pōdu I 404

СОДЕРЖАНИЕ

Марийский язык (Е. И. Коведяева, Москва) 3

Введение (§ 1—25) 3

Фонетика (§ 26—35) 32
- Общие сведения (§ 26) . . 32
- Гласные (§ 27—30) 32
- Согласные (§ 31—34) . . . 36
- Ударение (§ 35) 41

Морфология (§ 36—87) . . . 42
- Общие сведения (§ 36) . . 42
- Имя существительное (§ 37—44) 43
- Имя прилагательное (§ 45—48) 50
- Числительные (§ 49—55) . 53
- Местоимения (§ 56—62) . . 56
- Глагол (§ 63—81) 61
- Наречия (§ 82—83) 82
- Служебные слова (§ 84—86) 84
- Междометия (§ 87) 90

Вопросы синтаксиса (§ 88—89) 90

Лексика (§ 90—92) 93

Литература 95

Пермские языки (Т. И. Тепляшина, В. И. Лыткин, Москва) 97

Введение (§ 1—37) 97

Фонетика (§ 38—48) 131
- Общие сведения (§ 38) . . 131
- Гласные (§ 39—45) 131
- Согласные (§ 46—48) . . . 136

Морфология (§ 49—94) . . . 141
- Общие сведения (§ 49) . . 141
- Имя существительное (§ 50—58) 141
- Имя прилагательное (§ 59—60) 154
- Числительные (§ 61—65) . 158
- Местоимения (§ 66—75) . . 162
- Глагол (§ 76—88) 172
- Наречия (§ 89—90) 193
- Служебные слова (§ 91—94) 197

Вопросы синтаксиса (§ 95—104) 204

Лексика (§ 105—122) 211

Литература 226

Обско-угорские языки 229

Введение (§ 1—16) 229
- Мансийский язык (Е. И. Ромбандеева, Москва) (§ 1—8) . 229
- Хантыйский язык (Ю. Н. Караулов, Москва) (§ 9—16) 239

Фонетика обско-угорских языков (Э. Шал, Будапешт) (§ 17—40) 253
- Общие сведения (§ 17—19) 253
- Состав фонем в обско-угорских языках (§ 20—25) . . 255
- Основные звуковые особенности обско-угорских диалектов, имеющих письменность (§ 26—31) 262
- История обско-угорских гласных (§ 32—36) 268
- История обско-угорских согласных (§ 37—40) 274

Морфология обско-угорских языков (Я. Гуя, Будапешт) (§ 41—91) 277
- Общие сведения (§ 41) . . 277
- Морфология мансийского языка (§ 42—91) 279
  - Имя существительное (§ 42—52) 279
  - Имя прилагательное (§ 53—55) 285
  - Числительные (§ 56—62) 286
  - Местоимения (§ 63—71) . 290
  - Глагол (§ 72—87) 292
  - Наречия (§ 88—89) . . . 303
  - Служебные слова (§ 90) . 303
  - Междометия (§ 91) 303
- Морфология хантыйского языка (§ 92—138) 303
  - Имя существительное (§ 92—103) 303
  - Имя прилагательное (§ 104—106) 312
  - Числительные (§ 107—112) 313
  - Местоимения (§ 113—118) 316
  - Глагол (§ 119—133) . . . 320
  - Наречия (§ 134—136) . . 330
  - Служебные слова (§ 137) 331

Междометия (§ 138) . . . 332
Лексика (Э. Шал, Будапешт) (§ 139—145) 332
Литература 339

Венгерский язык (К. Е. Майтинская, Москва) 342
Введение (§ 1—66) 342
Фонетика (§ 67—93) 373
Общие сведения (§ 67) . . 373
Гласные (§ 68—79) 374
Согласные (§ 80—91) . . . 377
Различия звуковых явлений в диалектах (§ 92) 382
Ударение (§ 93) 383
Морфология (§ 94—145) . . . 383
Общие сведения (§ 94) . . 383
Имя существительное (§ 95—104) 384
Имя прилагательное (§ 105—107) 389
Числительные (§ 108—111) 390
Местоимения (§ 112—119) . 392
Глагол (§ 120—138) 394
Наречия (§ 139—140) . . . 402
Служебные слова (§ 141—144) 403
Междометия (§ 145) 405
Вопросы синтаксиса (§ 146—149) 407
Лексика (§ 150—164) 407
Литература 414

Указатель слов 415
Финно-угорские языки . . . 415
Прибалтийско-финские языки 415
Финский язык 415
Карельский язык 419
Вепсский язык 420
Ижорский язык 421
Водский язык 422
Эстонский язык 423
Ливский язык 426
Саамский язык 427
Мордовские языки . . . 429
Эрзянский язык 429
Мокшанский язык . . . 432
Марийский язык 435
Пермские языки 439
Удмуртский язык . . . 439
Коми(-зырянский) язык 443
Коми-пермяцкий язык . . 449
Обско-угорские языки . . 449
Хантыйский язык . . . 449
Мансийский язык 453
Венгерский язык 457
Самодийские языки 461
Ненецкий язык 461
Энецкий язык 462
Нганасанский язык . . . 462
Селькупский язык . . . 462
Камасинский язык . . . 462

Основы финно-угорского языкознания
(марийский, пермские и угорские языки)

Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *Л. М. Гаврилова*
Художник *О. В. Камаев*. Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *Е. Н. Евтянова*. Корректор *Л. И. Кириллова*

Сдано в набор 3/IX 1975 г. Подписано к печати 19/I 1976 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага № 2. Усл. печ. л. 29 Уч.-изд. л. 32,8. Тираж 2000. Тип. зак. 600.
Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука» 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука» 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
		К выпуску 1974 г.	
296	14 сверху	säikändin	säikähdin
383	6 снизу	ammattu	ammuttu
406	25 сверху	*kulkę-	*kulke-
436	23 снизу	jem	jəm
478	1 сверху	антыйский	хантыйский
		К выпуску 1975 г.	
15	23 снизу	merellä	merellę
19	18 сверху	*ĺ*	*č́*
39	24 »	слов	в словах
39	8 снизу	tultün	tultiin
40	23 »	северного	савоского
48	15, 17, 22 сверху	je, ddə̑; kʲe, uv; me, r	je'ddə̑; kʲe'uv; me'r
72	2 снизу	ühthetoštošt'k'üm-	ühthetošt'k'üm-
83	9 сверху	-iśi-	-isi-
97	11-12 снизу	toulksi	touksi
105	19 »	pi'ńč	pi'č́
107	5 сверху	han	hän
112	16 снизу	reboi'	reboi,
122	25 »	92%	93%
137	2 сверху	*oo*	*öö*
215	4—3 снизу	дрожащие m ḿ	носовые m ḿ
287	6 сверху	эрзянского	мокшанского
297	5 снизу	*умат-т*	*ума-т*
298	8 сверху	*сонзе*	*сонзэ*
311	12 снизу	финно-угорским. . . *tγ-, *t'γ-,	прамордовским. . . *ts-, *t'š-,
311	11 »	*sγ̈-, *jγ-, *γ̈-	*šš-, *js-, *š-,
331	16 »	послелогов	предлогов
339	6 сверху	*чура*	*шура*
		К выпуску 1976 г.	
38	3 сверху	олярно-	велярно-
68	19 »	*пырыда*	*пыреда*
146	18 »	-gn	-en
250	4 »	лумпольского	лумпокольского
257	12 »	l' l'	l l'
361	10 снизу	ö	*ő*
365	11 сверху	várna	várná

«Основы финно-угорского языкознания»;

Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974; Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975; Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.